МЕМУАРЫ
ACADEMIA

Рихард Вагнер

Моя жизнь

Том II

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Моя жизнь» Рихарда Вагнера является и ценным документом эпохи, и свидетельством очевидца. Внимание к мелким деталям, описание бытовых подробностей, характеристики многочисленных современников, от соседа-кузнеца или пекаря с параллельной улицы до королевских особ и величайших деятелей искусств своего времени, – это дает возможность увидеть жизнь Европы XIX века во всем ее многообразии. Но, конечно же, на передний план выступает сама фигура гениального композитора, творчество которого поистине раскололо мир надвое: на безоговорочных сторонников Вагнера и столь же безоговорочных его противников. Личность подобного гигантского масштаба неизбежно должна вызывать и у современников, и у потомков самый жгучий интерес.

Новое издание мемуаров Вагнера – настоящее событие в культурной жизни России. Перевод 1911–1912 годов подвергнут новой редактуре и сверен с немецким оригиналом с максимальным исправлением всех недочетов и ошибок, а также снабжен подробным справочным аппаратом. Все это делает настоящий двухтомник интересным не только для любителей музыки, но даже для историков.

- Рихард Вагнер
  -
  - Часть вторая (продолжение). 1847–1850
  - Часть третья. 1850–1861
  - Часть четвертая. 1861–1864
  - Ненаписанная Вагнером часть пятая. 1864–1883
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321

- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365

- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409

- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453

- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497

- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541

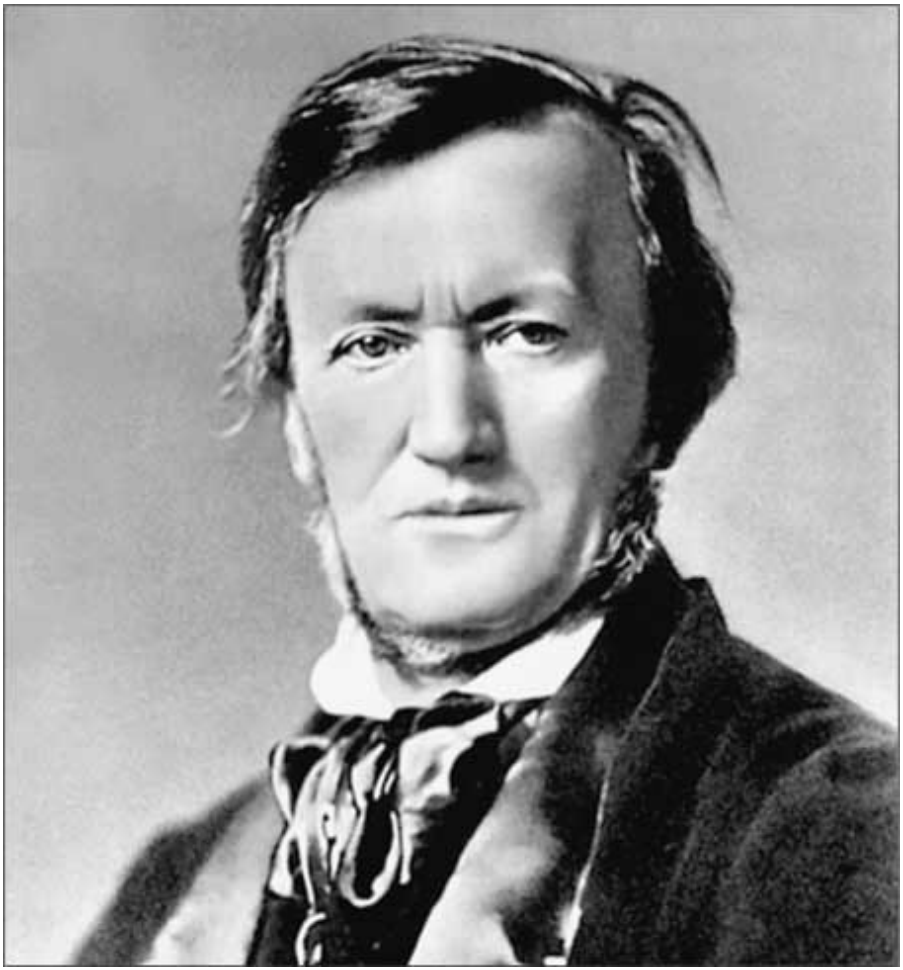
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585

- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629

- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673

- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717

- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737



Рихард Вагнер
Моя жизнь
Том 2

Richard Wagner
Mein Leben

© Залесская М. К., предисловие, послесловие, комментарии, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть вторая (продолжение). 1847–1850

200

С началом нового (1847) года я занялся самой постановкой «Ифигении», причем мне пришлось взять на себя и режиссерские функции. Даже декоратору и машинисту я принужден был давать указания. Приходилось изобретать способы органически связать между собой отдельные разрозненные сцены и сообщить всему ходу драматического действия некоторую жизненность. Во времена Глюка в Париже царило условное отношение к требованиям такого рода. Из всех исполнителей действительно порадовал меня лишь Миттервурцер в роли Агамемнона. Он вполне понял и усвоил мои указания и пояснения и умел выполнить свою задачу во всех отношениях прекрасно и увлекательно. Успех оперы превзошел все ожидания. Сама дирекция была так этим поражена, что по собственному почину на афише второго представления было напечатано: «в обработке» такого-то. Это обратило на меня внимание всей критики, и она воздала мне должное. Лишь обработка увертюры, единственной части Бетховен оперы, знакомой этим господам по прежним тривиальным исполнениям, вызвала их энергичные нападки. Я в свое время подробно ответил на эту критику в особой статье «Увертюра Глюка к “Ифигении в Авлиде”»[1] и здесь замечу только, что музыкант, высказавший при этом случае чрезвычайно странные взгляды, был не кто иной, как Фердинанд Хиллер.

В ту зиму продолжались периодические собрания различных представителей искусства в Дрездене, теперь принявшие характер салонных вечеров в доме Хиллера. Все это он делал, по-видимому, с определенной целью: обеспечить себе славу выдающейся в искусстве величины. Из людей богатых, любящих музыку, во главе с банкиром Каскелем[2], он основал общество по организации абонементных концертов. Так как рассчитывать на услуги Королевской капеллы ему нельзя было, то из городских и военных музыкантов он организовал оркестр, с помощью которого при большом труде достигал очень солидных результатов. Исполнением музыкальных творений из области новой музыки, до сих пор в Дрездене незнакомых, он даже меня заставил посещать его концерты.

Но большую публику он старался привлечь, приглашая к

участию известных певиц (к сожалению, Женни Линд[3] ему отказала) и виртуозов (между ними я слышал еще очень тогда молодого Иоахима[4]). Чего он стоил сам как музыкант, об этом свидетельствовало его толкование некоторых мне хорошо знакомых произведений. *Triple-Konzert*[5] Себастьяна Баха был им проведен, к моему величайшему изумлению, плоско и равнодушно. С *Tempo di Minuetto*[6] Восьмой симфонии Бетховена случилось нечто еще более удивительное, чем прежде с Райсигером и Мендельсоном. Я обещал ему прийти на концерт, где он должен был дирижировать симфонией, если в свою очередь он обещает не уродовать третьей части нелепым темпом. Он самым положительным образом уверил меня, что вполне со мной согласен. Каков же был мой испуг, когда при исполнении этой части он опять взял тот же знакомый темп вальса! Когда я стал его упрекать, он с улыбкой извинился и сослался на то, что как раз к началу третьей части что-то отвлекло его внимание и он забыл о своем обещании. В благодарность за организацию этих концертов (они, кстати, в следующем году не повторились) Хиллера чествовали обедом, в котором с удовольствием принял участие и я.

В этих кругах удивлялись, что я часто и очень охотно разговаривал не о музыке, а о греческой литературе и истории. Дело в том, что в то время я все больше и больше уединялся и углублялся в свои занятия историей и литературой. Я стремился заполнить пробел, образовавшийся в этой важнейшей области гуманитарного развития со времени моих ранних юношеских лет. Мои скитания и вся моя жизнь отвлекли меня от систематических занятий, столь отвечающим моим духовным потребностям, и удалили меня от этого несравненного источника образования. Чтобы подготовиться серьезно к занятиям древней и средневековой историей Германии, я начал снова с изучения Древней Греции. Занятия так увлекли меня, что я оживлялся в беседе лишь тогда, когда разговор задевал эту тему. Изредка попадался собеседник, охотно меня слушавший.

Но в общем чаще всего со мной беседовали о театре, так как после постановки глюковской «Ифигении» обо мне сложилось мнение как о настоящем специалисте по этой части. Особенно высоко ценил меня человек, в котором и я, со своей стороны, имел все основания предполагать знания столь же серьезные, как и мои собственные. То был Эдуард Девриент, бывший главный режиссер драматического театра, лишь недавно принужденный отказаться от своего места из-за интриг собственного брата Эмиля. Нас сблизили как одинаковые взгляды на жалкое и совершенно безнадежное положение театрального дела,

гибнущего под управлением невежественных придворных интендантов, так и его полное согласие со мной в толковании «Ифигении», которое он имел случай сопоставить с совершенно нелепым берлинским исполнением. Долгое время он был единственным человеком, с кем я мог серьезно и подробно обсуждать действительные нужды театра и средства к предотвращению его окончательного упадка.

Благодаря своему более продолжительному и специальному опыту он многое мне осветил и многому меня научил. Так, он помог мне избавиться от предрассудка, будто от привлечения к участию в театре чисто литературных сил можно ждать какой-нибудь пользы, и укрепил меня, напротив, в убеждении, что лишь собственными усилиями самих драматических артистов может быть найден путь к его возрождению. Эдуард Девриент, человек сухой и как артист очень мало даровитый, ранее почти вовсе не интересовал меня. Но теперь, вплоть до того момента как я покинул Дрезден, между нами установились прочные дружеские отношения. Очень ценный труд его «История немецкого театрального искусства»[7], над которым он тогда работал и который выпускал по частям, заключал в себе много новых и поучительных указаний на вещи, которые живо меня интересовали и которые стали понятными только благодаря ему.

201

Наконец мне удалось снова приняться за прерванную работу по композиции третьего действия «Лоэнгрина», и к концу зимы я ее закончил. В Вербное воскресенье я опять дирижировал, по общему желанию и к моему большому внутреннему удовлетворению, Девятой симфонией. Летнего отпуска я на этот раз не брал, а чтобы создать условия, благоприятные для дальнейшей работы над «Лоэнгрином», я переменил квартиру.

Бывший дворец Марколини[8] с очень большим садом, разбитым в старофранцузском стиле, дворец, расположенный в одном из отдаленных, малонаселенных углов Дрездена, был куплен городским управлением и частью сдавался внаем. Скульптор Хэнель, которого я знал давно (он подарил мне, между прочим, в знак уважения и сочувствия полный гипсовый слепок с барельефа к памятнику Бетховена, изображающий Симфонию[9] и служивший украшением моей квартиры), снял помещение в нижнем этаже бокового флигеля дворца под квартиру для себя и мастерскую. За очень недорогую цену снял и я на Пасхе обширное помещение над ним с правом пользоваться большим садом со

множеством роскошных деревьев. Таким образом я не только обеспечил себе спокойствие и тишину, столь необходимые для моей духовной и телесной «диеты», но еще значительно сократил расходы – обстоятельство, далеко не лишнее при моих нынешних делах. Скоро благодаря Минне, сумевшей дешево и рационально обставить квартиру, мы устроились очень уютно. Лишь одно неудобство давало себя знать: удаленность от театра. После напряженных занятий на репетициях и утомительных спектаклей это было чувствительно, в особенности когда не хватало денег на фиакр. Но необыкновенно удачное лето и связанное с ним прекрасное настроение помогли мне мириться с этим неудобством.

В это время я решительно отказался от всякого прямого участия в делах дирекции театра, и серьезных оснований у меня для этого было достаточно. Каждая попытка с моей стороны упорядочить царивший хаотический произвол и рационально направить художественно-артистические силы терпела крушение именно потому, что я подходил к этим вопросам и стремился их обосновать с принципиальной стороны. В течение истекшей зимы я, не жалея труда, занялся составлением плана реорганизации музыкальной Капеллы и доказал, что целесообразным распределением средств, отпускаемых на ее содержание, можно достичь не только большей справедливости в вознаграждении ее членов, но и поднять продуктивность составляющих Капеллу художественных сил. Этот рост продуктивности должен был отразиться в одинаковой мере и на подъеме артистического духа, и на общей экономике. Для этого я предлагал преобразовать Капеллу в свободное концертное общество. Целью такого общества должно быть ознакомление дрезденской публики с рядом музыкальных произведений, мало ей известных, в образцовом исполнении.

При этом я указал на необходимость и возможность при наличии благоприятных внешних условий озаботиться постройкой в Дрездене специального концертного здания, какого в нем до сих пор еще не было. Затем я начал подробнейшим образом обсуждать этот вопрос с архитекторами и строителям и подрядчиками. Был разработан план воздвигнуть прекрасное здание на месте той части знаменитого Цвингера, которая расположена vis-á-vis с Остра-Аллее и представляет собой сарай для театральных декораций и придворной прачечной. Кроме намеченного большого концертного зала, оно должно было заключать в себе и другие помещения, сдаваемые под разные общественные учреждения. С практической стороны такое предприятие было тем более исполнимо, что старшины Фонда

вдов членов Капеллы охотно соглашались верно и выгодно поместить находящиеся в их распоряжении капиталы.

Однако после продолжительного обсуждения вопроса предложения мои потерпели у главной дирекции полное фиаско. Меня благодарили за труд и сказали коротко, что дирекция считает более удобным оставить все по-старому. Такая же судьба неизбежно постигала всякую мою попытку разобраться в царившей здесь утомительной и вредной для дела бестолковщине. Так как, кроме того, я знаю по опыту, что всякое постановление, принятое и обсужденное на утомительнейших заседаниях дирекции, например относительно репертуара, может быть отменено с вредом для дела по капризу любого певца или по соображениям какого-нибудь эконома, то я и отказался после бесконечных споров и объяснений по этому поводу от бесплодной возни и решительно уклонился от дальнейшего участия в каких бы то ни было разработках администрации. Оставил я за собой лишь занятия на репетициях и руководство постановками предоставленных мне опер. На этой почве между мной и фон Люттихау создались напряженные отношения, но он принужден был мириться с моим решением, так как, ввиду постоянного успеха «Тангейзера» и «Риенци», дававших, особенно во время летнего наплыва публики в Дрезден, неизменно полные сборы, со мной приходилось считаться.

202

При этих условиях, наслаждаясь почти полным одиночеством в новой уютной квартире, я провел все лето в атмосфере, необыкновенно благоприятствовавшей работе по окончанию «Лоэнгрина». Я чувствовал себя веселым и бодрым, как никогда, и этому способствовали, кроме творческой работы над новым произведением, усиленные занятия, о которых я говорил выше. Впервые со зрелыми чувствами и зрелым умом я занялся Эсхилом. Благодаря «Дидаскалиям»[10] Дройзена[11] предо мной с необыкновенной отчетливостью встало все опьяняющее величие афинских трагических спектаклей. Я представлял себе, какое потрясающее впечатление произвела бы на меня «Орестея», облеченная в форму такого сценического представления. «Агамемнон» потряс меня благородством своей концепции. До конца «Эвменид» я чувствовал себя унесенным в иной мир, и с тех пор я не мог примириться с современной литературой. Все мои мысли о значении драмы, о значении театра решительным образом сложились под влиянием именно этих впечатлений. От

трагиков я перешел к Аристофану.

Проведя дообеденное время за работой над «Лоэнгрином», я забирался потом, в разгар жаркого летнего дня, в густую тень кустов и там предавался бурному, неописуемому восторгу при чтении Аристофана. «Птицы» дали мне возможность понять распущенную натуру этого «любимца харит», как он сам смело и уверенно называл себя, во всей ее глубине и полноте. Одновременно я вникал в чудесные диалоги Платона, и знакомство с «Пиром» открыло мне глаза на неизреченную прелесть эллинской жизни. Я чувствовал себя в Афинах более ориентированным, чем среди житейских условий современного мира.

Идя сознательно к поставленной цели, я не придерживался обычных путей при изучении истории литературы. От сочинений Дройзена (история Александра и эллинизма), затем Нибура[12] и Гиббона[13], я перешел к немецким древностям, при изучении которых руководился трудами все более и более мне близкого Якоба Гримма. Я стремился проникнуть в мир немецкого героического эпоса глубже, чем это возможно, при помощи одного чтения «Нибелунгов» и «Книги героев»[14]. Особенно увлекали меня необыкновенно богатые «Исследования»[15] Моне[16], хотя строгие специалисты с некоторой подозрительностью относятся к смелым выводам их автора. Здесь я встретил указание на северные источники и, насколько мог, не зная достаточно хорошо языка северян, старался познакомиться с «Эддой» и крупными отрывками северного героического эпоса, изложенными в прозаической форме. У меня стало складываться определенное отношение к этому материалу, причем большую роль тут играло, кроме «Исследований» Моне, чтение *Wälsungasaga*[17]. Уже и ранее возникавшее во мне убеждение относительно идеальной, глубинной связи всех народных сказаний постепенно росло и достигло выразительности пластического образа, управлявшего всеми моими дальнейшими работами.

Все это теснилось и зрело во мне, пока весь исполненный чистой радости я заканчивал оба первые – теперь последние – акта «Лоэнгрина». Этим трудом я как бы расставался со своим прошлым и намечал новый мир в будущем, мир, рисовавшийся мне все более и более в виде убежища от пошлости современного театра и оперы. Здоровье мое крепло в этой атмосфере, настроение создалось ровное и веселое, и я надолго забыл об угнетавших меня заботах и тревогах. Ежедневно совершал я уединенные прогулки, чаще всего в сопровождении одного лишь Пепса. Шел я обыкновенно к ближайшим возвышенностям, от берегов Эльбы к *Plauenschergrund*[18] и на этих прогулках

сосредоточенно и продуктивно думал и творил. Иногда мне случалось весело, как никогда прежде, проводить время с друзьями и знакомыми, охотно посещавшими сад Марколини и делившими со мной скромный ужин. Часто заставали они меня на вершине какого-нибудь высокого дерева или на спине всегда сухого Нептуна[19], центральной фигуре колоссальной скульптурной группы из времен угасшего величия этих мест, расположенной в самой середине бассейна. И мы с удовольствием бродили взад и вперед по широкому тротуару, проложенному для Наполеона в роковой 1813 год, когда он здесь устроил свою главную квартиру[20].

В последний летний месяц, в августе, я совершенно закончил «Лоэнгрина». Случилось это как раз вовремя. Я чувствовал, что мои житейские обстоятельства властно требуют от меня серьезных шагов. Пришлось вплотную заняться вопросом о распространении моих опер в Германии.

203

Неизменный и все усиливавшийся успех «Тангейзера» в Дрездене не отразился ничем в других городах, не привел в движение ничего. Единственное место, откуда, может быть, удалось бы повлиять на немецкие театры, был Берлин, и на него обратил я теперь все свое внимание.

То, что я слышал о вкусах прусского короля, Фридриха Вильгельма IV, внушало надежду на его поддержку, если б удалось заинтересовать его своими новыми трудами и тенденциями, выставив их в настоящем свете. Я решил посвятить ему «Тангейзера». Чтобы получить его согласие на такое посвящение, я обратился к королевскому придворному музыкальному интенданту, графу Редерну. От него пришло извещение, что король принимает посвящение только тех произведений, с которыми познакомился лично в постановке их на сцене, а так как берлинский театр отклонил «Тангейзера», найдя его «чересчур эпическим», то, по его мнению, если я продолжаю настаивать на своем намерении, мне остается лишь один обходной путь: аранжировать оперу для военного оркестра, чтобы король на каком-нибудь параде мог услышать ее. Этого было достаточно, чтобы заставить меня принять другой план атаки на Берлин.

Следовало начать в Берлине с той самой оперы, которая обеспечила мне сразу успех в Дрездене. С этой целью я выхлопотал аудиенцию у саксонской королевы, сестры прусской

королевы[21], чтобы через ее посредство добиться приказа прусского короля о постановке «Риенци», пользующегося сочувствием саксонского двора. Это удалось. Скоро я получил от старого друга Кюстнера извещение, что «Риенци» назначен к немедленной постановке на сцене Берлинского придворного театра, вместе с приглашением прибыть лично для дирижирования оперой. Так как Кюстнер в угоду старому другу Лахнеру и его опере «Катарина Корнаро» сильно поднял тантьему, то в случае успеха «Риенци» я мог рассчитывать значительно поправить свои дела.

Однако прежде всего я искал возможности лично представиться королю и прочесть ему стихи «Лоэнгрина». По многим признакам я мог льстить себя надеждой вызвать сочувствие к направлению моего творчества, и если бы это оправдалось, я намеревался просить его отдать распоряжение поставить «Лоэнгрина» на придворной сцене. Весь мой опыт с прежними операми, успех которых в Дрездене оставался тайной для всей остальной Германии, указывал на необходимость во что бы то ни стало сделать центром моих будущих композиторских выступлений Берлин, единственный город, до некоторой степени влиявший на все другие города. Успех рекомендации саксонской королевы подавал надежду на то, что я добьюсь столь важной для меня аудиенции у прусского короля, и, идя навстречу счастливому повороту в моей судьбе, я бодро отправился в Берлин в сентябре месяце для руководства репетициями «Риенци», который сам по себе, в сущности, мало интересовал меня теперь.

Берлин сначала произвел на меня такое же впечатление, как в тот раз, когда после долгого отсутствия я вновь приехал туда по пути из Парижа. Профессор Вердер, мой друг со времени постановки «Летучего Голландца», нанял для меня квартиру на знаменитом Жандарменмаркте[22], и с трудом я мог себе представить, что нахожусь в центре Германии. Скоро я погрузился в заботы, связанные с моими новыми планами. Официальных отношений, необходимых для достижения моей цели, я завязал достаточно. Обнаружилось, однако, что на «Риенци» смотрят как на рядовую капельмейстерскую оперу, т. е. что артисты, предоставленные в мое распоряжение, работают лишь по обязанности, что ни на что сверх этого рассчитывать не приходится. Все распоряжения, касающиеся репетиций, были отменены, как только Женни Линд согласилась приехать на гастроли и надолго завладела королевской оперой.

Во время наступившего, таким образом, промедления я направил всю энергию на достижение главной цели: добиться

личного свидания с королем. Для этого я решил использовать старые отношения с королевским музыкальным интендантом, графом Редерном. Граф принял меня чрезвычайно милостиво, пригласил к обеду и просил заехать вечером. Самым сердечным образом обсуждали мы с ним необходимые шаги, причем он обещал деятельную поддержку. Кроме того, я несколько раз ездил в Сан-Суси представиться королеве и выразить ей свою благодарность. Однако дальше разговоров с ее приближенными дамами дело не шло. Мне посоветовали обратиться к тайному кабинет-советнику прусского короля, господину Иллуару[23]. Этот господин отнесся, по-видимому, очень серьезно к моей просьбе и обещал сделать все от него зависящее, чтобы добиться для меня аудиенции у короля. Он спросил, в чем, собственно, заключается моя цель. Я объяснил, что хочу получить разрешение прочитать королю «Лоэнгрина». В одно из моих многочисленных посещений он выразил мысль, что было бы полезно заручиться одобрением Тика. Я имел возможность ответить Иллуару, что уже дружески беседовал по этому поводу со старым поэтом, жившим в качестве королевского пенсионера недалеко от Потсдама.

Дело в том, что, как я вспомнил, госпожа фон Люттихау несколько лет тому назад, когда мы обсуждали спорный момент в «Лоэнгрине», послала своему знаменитому другу эти стихи и стихи «Тангейзера». Когда я теперь заехал к Тику, он встретил меня как старого доброго знакомого. Продолжительная беседа с ним имела для меня большое значение. Тик, правда, несколько скомпрометировал себя той легкостью, с какой раздавал направо и налево свои рекомендации, но лично меня искренне обрадовал пыл, с каким он ратовал против нашей новейшей драматической литературы, построенной целиком на подражании современным французам. Его жалобы по поводу гибели истинно поэтических мотивов звучали необыкновенно элегично. Стихи мои к «Лоэнгрину» он одобрил вполне, со всех точек зрения. Не понимал он при этом только одного: как все это связать с музыкой, если не изменить в корне всей основы современной оперы. Особенно сомнительными казались ему такие моменты, как сцена между Ортрудой и Фридрихом в начале второго действия. Мне представлялось, что я действительно увлек его и заинтересовал, когда стал объяснять, как разрешить эти кажущиеся трудности, и излагать свои мысли относительно идеальной музыкальной драмы вообще. Однако чем дальше я шел вперед, тем грустнее он становился, особенно когда я высказал надежду на то, что мне удастся вызвать сочувствие к этим идеям и планам у короля. Он не сомневался, что король выслушает меня со вниманием и тепло отнесется к моим идеям, но предупреждал,

что, если я не хочу печальнейших разочарований, не следует рассчитывать ни малейшим образом на практический результат. «Чего вы можете ждать от человека, который сегодня увлекается глюковской “Ифигенией в Тавриде”, а завтра “Лукрецией Борджиа” Доницетти»?

Сначала разговор с Тиком представлял для меня интерес отвлеченной беседы, и лишь потом я постиг весь грустный смысл его слов. Он охотно, с радостью обещал дать о моих стихах самый лестный отзыв и отпустил очень ласково, с искренними, но неуверенными пожеланиями успеха.

204

Сколько я ни хлопотал, приглашения к королю получить не удавалось. А так как после гастролей Женни Линд репетиции «Риенци» пошли своим чередом, я решил прекратить хлопоты до постановки оперы, так как рассчитывал, что король непременно будет присутствовать на премьере по его повелению поставленного произведения, и что таким образом я все же сделаю шаг вперед к достижению главной цели. Однако чем больше мы приближались к этому представлению, тем меньше я надеялся на успех. Для роли Риенци в мое распоряжение был предоставлен тенор ниже всякой посредственности, певец, совершенно лишенный всякого таланта. Это был очень порядочный, благожелательный человек, которого с самой лучшей стороны рекомендовал мне хозяин ресторана, где я обедал, небезызвестный Майнхард [Meinhard]. Долго и много я с ним возился и в результате, как это часто бывало со мной, создал себе некоторую иллюзию на его счет. Но когда дело дошло до генеральной репетиции, я убедился, что жестоко ошибся. Обнаружилось, что инсценировка, хор, балет и второстепенные партии – все было обставлено прекрасно, но что главная фигура, вокруг которой группируется все, стушевывается, сходит на нет. Когда в конце октября опера была поставлена, публика вынесла точно такое же впечатление. Ввиду недурно выполненных нескольких блестящих ансамблей, в особенности благодаря роли Адриано в превосходной игре г-жи Кёстер[24], успех с внешней стороны можно было считать недурным.

Но сам я лучше других чувствовал, что, по существу, дело проиграно, что публика услышала в моей опере лишь несущественное, не увидела внутренней ее сути. Берлинские рецензенты немедленно начали поход против моего произведения, всеми знакомыми мне средствами добиваясь

полного его провала, и после второй постановки, которой я руководил лично, мне оставалось лишь спросить себя, к чему же, собственно, привели мои отчаянные усилия.

205

С этим вопросом я обратился к немногим близким друзьям и почерпнул здесь кое-что поучительное. К великому утешению, среди них оказался Герман Франк, недавно поселившийся в Берлине. Редкие часы провел я в течение двух печальных месяцев в его обществе. Обыкновенно мы беседовали о предметах, никакого отношения к театру не имеющих, и мне почти стыдно было надоедать ему своими жалобами, тем более что речь шла о хлопотах по поводу произведения, с которым я связывал один лишь практический театральный интерес. Он же со своей стороны винил меня за то, что я выбрал «Риенци», с которым обращался к заурядной театральной публике, а не «Тангейзера», чтобы создать в Берлине круг людей, сочувствующих моим высшим целям. Он утверждал, что характером своих новых работ я мог бы оживить интерес к театру среди таких слоев публики, которые совсем отвернулись от него и потеряли веру в его благородные стремления.

Речи Вердера звучали безнадежно, когда он говорил о положении искусства в Берлине. Относительно публики он предупреждал, что в театре, на постановке новой, незнакомой вещи, во всех рядах, от первого до последнего, сидят люди с одним определенным настроением: найти только скверное, только то, к чему можно придраться. Не уговаривая меня отказаться от моих планов, он тем не менее считал своим долгом предупредить меня, что ждать чего-нибудь от высших сфер в Берлине легкомысленно. Когда, зная его особое отношение к королю, я спросил, как, по его мнению, он посмотрит на мои стремления облагородить оперу, Вердер, выслушав мою длинную речь, ответил: «Король скажет: поговорите со Ставинским[25]!» Это был не кто иной, как оперный режиссер, толстый, ленивый, погрязший в самой пошлой рутине.

И все, что я узнавал, носило такой же обескураживающий характер. Я посетил Бернхарда Маркса[26], который живо интересовался мной с тех пор, как познакомился с «Летучим Голландцем». Принял он меня с чрезвычайной предупредительностью. Этот человек, который, по его прежним творениям и музыкальной критике, рисовался мне энергичным, пламенным борцом, теперь опустился, что особенно бросалось в

глаза рядом с его молодой женой, сиявшей лучезарной красотой. Из разговора с ним я узнал, что и он окончательно отказался от всяких попыток добиться чего бы то ни было у здешних могущественных сфер в интересовавшей нас обоих области. По личному многолетнему опыту он убедился в невероятной пустоте признанных там авторитетов.

Он рассказал мне действительно странную историю: однажды он обратился к королю с просьбой оказать поддержку в основании музыкальной школы. Король на особой аудиенции выслушал его с величайшим интересом и вошел даже во все малейшие подробности проекта, так что Маркс был вполне уверен в успехе своего ходатайства. С этого момента его стали, однако, отсылать от одного человека к другому, и все его усилия остались бесплодными, пока, наконец, он не попал на аудиенцию к одному генералу. Этот генерал так же, как тогда король, с необычайной теплотой вошел в обсуждение всех деталей проекта. «И вот, – закончил свой поучительный рассказ Маркс, – на этом все и кончилось, больше никаких известий о деле я не получал».

Однажды я узнал, что графиня Росси, знаменитая Генриетта Зонтаг, находится в Берлине, что она помнит меня еще с дрезденских времен и ждет моего визита. Запутанные обстоятельства вернули ее к артистической деятельности, и она живет довольно уединенно. У этой женщины нашлось на что пожаловаться. Она сетовала на полную невозможность добиться чего-нибудь в здешних власть имущих сферах, если речь идет об искусстве. По ее мнению, король находит особенное удовольствие в том, чтобы театр управлялся дурно. Никогда он не оспаривает никаких делаемых в этом смысле указаний, но никогда не утверждает предложений, направленных на улучшение театрального дела. Ей хотелось познакомиться с чем-нибудь из моих новых работ. Я передал ей стихи «Лоэнгрина» для прочтения. В следующий утренний визит она сообщила мне, что намерена пригласить меня на музыкальный вечер, устраиваемый для великого герцога Мекленбург-Стрелицкого[27]. Затем она вернула мне рукопись, заявив, что стихи ей очень понравились, что при чтении ей казалось, будто перед ней наяву танцуют маленькие эльфы и феи. Все поведение этой милой воспитанной женщины, ее теплый, дружеский тон внушили мне искреннее сердечное к ней отношение. Но тут она внезапно окатила меня холодной водой. Я сейчас же удалился и больше с графиней Росси не встречался. О приглашении на вечер никаких напоминаний от нее я не получил.

Пожелал со мной познакомиться и господин Коссак[28]. В сколько-нибудь тесное общение с ним я не вступал, но в общем

он произвел на меня настолько приятное впечатление, что я и ему дал прочесть стихи «Лоэнгрина». Однажды я застал его в комнате, только что вымытой горячей водой, полной тяжелых испарений, от которых у него заболела голова, да и мне было нелегко. Он измерил меня странным, томным взглядом, когда возвращал рукопись, и искренним тоном заявил, что нашел стихи «очень милыми».

Несколько интереснее оказались мои беседы с И. Труном[29]. За хорошим стаканом вина, которым я угостил его у «Люттера и Вегнера»[30], куда я иногда заходил ради воспоминаний о Гофмане, он слушал со все возрастающим интересом мои речи о возможном возрождении и развитии оперного жанра. Он поделился со мной многими остроумными и тонкими наблюдениями. В особенности его живой, подвижный характер производил на меня приятное впечатление. Как рецензент, он примкнул после постановки «Риенци» к тем, кто меня высмеивал и унижал. Лишь один старый бедный друг мой Гайяр ратовал за меня, честно, но бессильно. Его маленькая музыкальная торговля шла плохо, газета прекратила существование: быть мне полезным он мог только в мелочах. К сожалению, я узнал, что он является автором многих чрезвычайно подозрительных драматических сочинений, одобрения которым он у меня искал, и что, кроме того, он болен чахоткой и близок к смерти. Таким образом, наши редкие свидания при всей его верности и преданности оставляли во мне крайне грустное, угнетающее впечатление.

206

Так как я все усилия прилагал к тому, чтобы добиться успеха и тем поправить свои обстоятельства, для чего вел в Берлине всю кампанию, мне самому внутренне неприятную, я пересилил себя и зашел даже к Рельштабу. На «Летучего Голландца» он особенно нападал за его «туманность» и «бесформенность», и поэтому я указал ему на ясность и отчетливость «Риенци» как на достоинство. Ему льстило, что я считаюсь с его мнением, но это не помешало ему заявить наперед, что он твердо убежден в безнадежности всяких попыток после Глюка дать что-нибудь новое в опере. В лучшем случае это будут только одни «надутые претензии». Все в Берлине были охвачены пессимизмом, настроением, которое, как я узнал, сумел победить один только Мейербер.

Этого моего былого доброжелателя, который и теперь еще выдавал себя за такового, я тоже застал в Берлине. Немедленно

по приезде я посетил его, но уже в передней я нашел лакея за укладкой хозяйских чемоданов и узнал, что Мейербер собирается уезжать. Сам Мейербер подтвердил это и выразил сожаление, что ничем не может быть мне полезным. Тут же, следовательно, мне пришлось с ним и проститься. Но затем, когда я считал его давно уехавшим, я с удивлением узнал, что господин Мейербер, нигде не показываясь, все еще в Берлине: его даже видели на одной из репетиций «Риенци». Что это значит, мне стало ясно лишь впоследствии. На этот счет среди посвященных было распространено определенное объяснение, которое хорошо истолковал мне в свое время Эдуард фон Бюлов[31], отец моего молодого друга [Ганса фон Бюлова].

Капельмейстер Тауберт[32] в самый разгар моего пребывания в Берлине сообщил мне, что упорно циркулирует слух, исходящий из достоверных источников, будто я добиваюсь места дирижера в здешнем Придворном театре и будто у меня есть данные надеяться на успех, с исключительными притом полномочиями. О том, кто именно распространил этот слух, я не имел ни малейшего представления. Мне пришлось самым определенным образом заявить Тауберту, с которым надо было сохранить хорошие отношения, что я не только не хлопочу об этом месте, но что даже, если бы мне его предложили, решительно отказался бы от него, так как иначе все мои старания быть представленным королю окончательно потерпели бы крушение.

Главным посредником в этом деле оставался все тот же граф Редерн, и хотя мне указывали на его подозрительную солидарность с Мейербером, он был со мной так благосклонно предупредителен, что я все более и более убеждался в его честности. В конце концов я перенес свои упования на первое представление «Риенци». «Не может быть, – думал я, – чтобы король не посетил оперы, поставленной по его повелению». С этим я связывал дальнейшие надежды. И вот граф Редерн с выражением искреннего отчаяния объявил мне, что в день первого представления король будет на охоте. Снова я стал просить его приложить все усилия, чтобы обеспечить присутствие короля хотя бы на втором представлении. Тогда мой неутомимый покровитель объявил мне, что по какой-то причине, ему неведомой, Его Величество решительно не собирается пойти навстречу моему желанию. Из высочайших уст ему пришлось выслушать следующие слова: «Ах, вы опять с вашим Риенци!»

На втором представлении со мной случилась приятная неожиданность. После эффектного второго действия публика, видимо, намеревалась меня вызвать, и, чтобы в случае надобности быть готовым, я прошел из оркестра в вестибюль. Здесь я поскользнулся на гладком паркете и едва не упал и не расшибся. Но меня поддержала чья-то сильная рука. Это был принц Прусский[33], вышедший в эту минуту из своей ложи. Он тут же пригласил меня пройти к его супруге[34], желавшей со мной познакомиться. Она только теперь прибыла в Берлин. Оперу мою она слышала впервые и отозвалась о ней с большой похвалой, но обо мне и характере моего творчества слышала много лестного от нашего общего друга, Альвины Фромман. Беседа наша, в которой принц принимал живое участие, произвела на меня необыкновенно приятное и утешительное впечатление.

Оказалось, что моя старая подруга Альвина не только следила в Берлине с участием и заботливостью за ходом моей деятельности, но и прилагала все усилия, чтобы поддержать во мне надежду и бодрость. Я посещал Альвину почти каждый вечер, отдыхал в ее обществе от мелких повседневных интересов и уносил от нее новые силы для дальнейшей борьбы. Особенно радовали меня тот теплый интерес и серьезное понимание, которые проявила она и наш общий друг Вердер к главному предмету моих стремлений, к «Лоэнгрину». С тех пор как прибыла в Берлин ее покровительница, принцесса Прусская, она надеялась ближе узнать через нее, как обстоят мои дела у короля, хотя она меня и предупреждала, что эта высокая особа в немилости, что влиять на монарха она может только косвенно, при исключительных условиях.

И действительно, до самого моего отъезда, которого уже нельзя было оттягивать, я с этой стороны никаких новых сведений не получал.

Так как, однако, мне предложено было дирижировать третьим представлением «Риенци» и так как оставалась еще надежда на внезапное приглашение явиться в Сан-Суси, я назначил определенный день, крайний срок, до которого можно было идти навстречу судьбе. Но миновал и этот срок, и пришлось поставить крест над всех берлинских надеждах.

Скверно было у меня на душе, когда я принял окончательное решение. Кажется, никогда еще холодная и сырая погода и вечно серое небо не угнетали меня до такой степени, как в эти последние недели. Все, что совершалось за чертой моих личных дел, приводило меня в глубочайшее уныние. Беседы с Германом Франком о текущих общественных и политических делах, о

неудачном объединенном ландтаге[35], созванном прусским королем, носили мрачный, безнадежный характер. Я принадлежал к числу тех, которые сначала придавали этому предприятию большое значение, но когда такой осведомленный человек, как Франк, познакомил меня с фактической стороной дела, я ужаснулся. То, что он мне спокойно и объективно рассказал о прусском правительстве, якобы представляющем цвет немецкой интеллигенции, о хваленном порядке и твердости в управлении государственными делами, настолько не вязалось с общим благоприятным на этот счет мнением и так основательно разрушало всякие надежды на будущее, что я совершенно растерялся. Очевидно, отсюда нечего было ждать чего-нибудь в смысле устроения Германии. В Дрездене, влача жалкое существование, я мог еще надеяться, рассчитывать на известное внимание к моим планам со стороны прусского короля. Но теперь, когда передо мной вскрылась ужасающая пустота, царящая повсюду, я отчетливо увидел истинное положение вещей.

Ужасное настроение, в котором я находился, помешало мне реагировать на известие о смерти Мендельсона. Об этом сообщил мне с убитым видом граф Редерн, когда я пришел к нему с прощальным визитом. Я тогда совершенно не оценил значения этого события, и поразило меня лишь, насколько близко принял к сердцу печальное известие фон Редерн. Во всяком случае это событие избавило его от неприятной обязанности при нашем тягостном расставании войти сколько-нибудь обстоятельно в мое личное положение, к которому он ранее проявлял столько сочувствия.

208

Оставалось отдать себе отчет в том, насколько успех в Берлине соответствовал моим материальным жертвам. Я прожил там два месяца. Приехали жена и даже сестра Клара, обе привлеченные неизбежностью огромного успеха «Риенци». В результате же оказалось, что старый друг мой интендант Кюстнер даже не считал себя обязанным возместить понесенные мной расходы. Ссылками на нашу корреспонденцию он имел возможность доказать юридически неопровержимо, что им было высказано лишь «желание» моего содействия при постановке «Риенци» и что никакого «приглашения» с его стороны не было. Граф Редерн был так погружен в траур по Мендельсону, что это уничтожало возможность просить его заняться моими столь

низменными интересами. Мне не оставалось ничего другого, как принять благодеяния Кюстнера, предложившего авансом тантьему за три состоявшихся представления «Риенци».

В Дрездене были удивлены, когда я обратился туда с просьбой выслать часть моего жалованья: иначе развязаться с блестящим берлинским предприятием было невозможно. Когда мы с женой при отвратительной погоде ехали через пустынные поля Пруссии домой, я, казалось мне, дошел до крайнего предела отчаяния. Я испытывал такое угнетенное настроение, какого никогда не переживал. Вглядываясь молча из окна вагона в серый туман, я с удовольствием прислушивался к тому, как жена моя горячо диспутировала с каким-то коммивояжером о «новой опере “Риенци”». Он говорил о ней с развязным высокомерием. Горячо и страстно возражала она этому враждебно настроенному господину и, к великому своему торжеству, добилась признания, что он сам оперы не слышал, а судит по отзывам других и по газетным рецензиям. Жена моя серьезнейшим образом поставила ему на вид, что надо быть осторожнее, «так как нельзя знать, не пожалеешь ли об этом в будущем».

С этим единственным утешительным впечатлением прибыл я в Дрезден, где сейчас же сказались последствия всех моих берлинских злоключений. Это обнаружилось в том снисходительном сожалении, которое сквозило в поведении моих знакомых. Газеты успели уже сообщить о полном провале моей оперы. Особенно мучительно было сохранять при этом веселый вид и уверять всех, что дело обстоит не так скверно, и что, напротив, Берлин доставил мне много отрадных минут.

209

Все эти непривычные усилия создали для меня странное положение, аналогичное тому, в каком находился Фердинанд Хиллер. Приблизительно в те же два месяца он поставил свою новую оперу «Конрадин фон Гогенштауфен», выдержавшую три представления. Он скрывал от меня свое новое творение и был убежден, что ему удалось счастливо скомбинировать для дрезденской публики эффекты «Риенци» и «Тангейзера» как со стороны текста, так и со стороны музыки. При этом он надеялся обеспечить себе в мое отсутствие решительный успех тремя спектаклями. Когда я приехал в Дрезден, он был в Дюссельдорфе, куда был вызван в качестве концерт-директора. Оттуда он рекомендовал свою оперу моему вниманию, прося принять под свое покровительство и выражая сожаление, что не мог поручить

мне руководство ее постановкой. Он признавал, что всем обязан в значительной степени прекрасной игре актеров, особенно моей племяннице Иоганне, исполнявшей роль Конрадина. В свою очередь она тоже заявила мне, что опера Хиллера без ее участия не имела бы такого выдающегося успеха.

Я был чрезвычайно заинтересован, и мне очень хотелось познакомиться с этим произведением, с его постановкой, что мне и удалось, когда по отъезде Хиллера с семейством из Дрездена было объявлено четвертое представление. Войдя к началу увертюры в зал, чтобы занять свое место в партере, я был положительно поражен: он был пуст, лишь кое-где виднелись отдельные посетители. На противоположном конце занятой мной скамьи я заметил автора либретто, кроткого художника Рейнеке. Мы без помехи придвинулись друг к другу и стали беседовать о странной картине, которую здесь нашли. Я выслушал скорбные жалобы на музыкальную обработку стихов. Каким образом сам Хиллер поддался заблуждению относительно успеха своей оперы ввиду ее несомненного провала, этого он объяснить не мог.

Лишь из другого источника я узнал, как это случилось. Госпожа Хиллер была родом из Польши, а в Дрездене жило много поляков, больших любителей театра, и они часто бывали в ее доме. Эти люди были на первом представлении и заразили своей живостью публику. Самим им, однако, опера настолько не понравилась, что на второе представление ни они, ни публика уже не явились. Успех произведения казался неопределенным. Тогда приложили все усилия, чтобы поставить оперу в третий раз в одно из воскресений, когда обыкновенно и без того театр бывает полон. И это удалось. Польская театральная аристократия со свойственным ей рыцарством по отношению к нуждающейся в поддержке супружеской паре, в салонах которой проводилось столько приятных вечеров, исполнила свой долг. Опять вызывали композитора. Все шло превосходно, и Хиллер на том основании, что третье представление является обычно решающим, как это было при «Тангейзере», счел успех своей оперы обеспеченным. Вся искусственность этого успеха обнаружилась на четвертом представлении, на котором я присутствовал: композитор уехал, и никто более не считал себя обязанным явиться в театр.

Моя племянница была пристыжена. Она говорила, что самое лучшее исполнение не в состоянии спасти такого скучного произведения. В театре мне удалось указать автору либретто на некоторые бросающиеся в глаза промахи и слабые места в самом сюжете. Тот написал Хиллеру, и я получил от последнего дружеское, теплое письмо, где он признавался, что был неправ, не спросив у меня в свое время совета. При этом он довольно

прозрачно намекал на то, что есть еще полная возможность изменить оперу по моим указаниям и что было бы большой заслугой спасти для репертуара столь хорошо задуманное и в своем роде значительное произведение. Этого, однако, не случилось.

210

Некоторое удовлетворение доставило мне известие из Берлина о двух новых постановках «Риенци»: спектакли прошли с большим успехом. Заслугу эту приписал себе капельмейстер Тауберт, ибо, как он сообщал, ему удалось особенно эффектно их провести. Тем не менее рассчитывать на прочный и доходный успех в Берлине не приходилось, и я был вынужден написать фон Люттихау, что для сохранения бодрости духа и работоспособности мне необходимо надеяться на повышение моего содержания. Ожидать сколько-нибудь значительного притока доходов извне или с моих неудачных издательских предприятий не было никаких оснований, а при урезанном мизерном окладе немыслимо существовать. Я стремился только к одному: чтобы меня сравняли с коллегой Райсигером, что и было с самого начала обещано.

Тут наступил момент, когда господин фон Люттихау мог дать почувствовать всю силу моей зависимости от него. После того как на личной аудиенции у саксонского короля я просил как о милости об умеренном повышении моего оклада, господин фон Люттихау обещал со своей стороны в случае запроса дать благоприятный обо мне отзыв. Как же был я поражен и глубоко пристыжен, когда он пригласил меня однажды для объявления резолюции, приложенной к его отзыву. В этом отзыве было сказано, что, переоценивая свой талант и прислушиваясь к нелепым восхвалениям со стороны экзальтированных друзей (между ними была упомянута и госпожа фон Кённериц), я считаю себя вправе претендовать на такое же признание своих заслуг, какое приобрел Мейербер. Благодаря этому я до такой степени запутался в долгах, что являлось бы уместным совершенно уволить меня, если бы мое прилежание и кое-какие несомненные заслуги (как, например, по обработке глюковской «Ифигении») не побуждали дирекцию сохранить меня в виде опыта на моем посту. По этой причине дирекция считает все-таки возможным согласиться на улучшение моего материального положения. Далее я читать не мог и, совершенно онемев от изумления, вернул моему доброжелателю его бумагу. Фон Люттихау

моментально заметил впечатление, произведенное ею, и стал успокаивать меня, указывая на то, что просьба моя уважена, что причитающиеся мне 300 талеров я могу в любую минуту получить из кассы. Я удалился молча, соображая, чем ответить на это издевательство. Идти за получением 300 талеров для меня было немыслимо.

211

Пока я изнывал под гнетом всевозможных неприятностей, пришло известие, что прусский король в ноябре посетит Дрезден, и назначен был, по его особому желанию, к постановке «Тангейзер». И действительно, он присутствовал на спектакле вместе с саксонской королевской фамилией и с видимым интересом следил за оперой от начала до конца. Мне рассказали, как он объяснил свое отсутствие на «Риенци»: он отказался слушать оперу в Берлине, так как дорожил своим впечатлением и был совершенно уверен, что она может быть исполнена в его театре только плохо. Как бы то ни было, это событие вернуло мне душевное равновесие настолько, что я мог взять 300 талеров, в которых так нуждался.

По-видимому, господин фон Люттихау нашел для себя удобным вновь снискать мое доверие. Из всего его ничем не омраченного поведения я мог заключить, что этот нечуткий человек не сознавал даже, как глубоко он меня обидел. Он снова заговорил со мной об организации оркестровых концертов по ранее предложенному мной плану, но стал уговаривать согласиться, чтобы концерты эти исходили не от руководства оркестра, а от дирекции и исполнялись в театре. Я выговорил, чтобы доходы с этих концертов шли в пользу оркестра, и тогда охотно принялся за выполнение проекта. Сцена театра была снабжена особым разработанным мной приспособлением: весь оркестр помещался в глубине павильона, чем обеспечивался превосходный резонанс, и театр превращался в прекрасный концертный зал. В течение каждого зимнего сезона предполагалось давать шесть концертов. Так как мы начинали со второй половины зимы, то объявлен был абонемент на три концерта, и тотчас же все места были раскуплены. Все эти хлопоты доставляли мне удовольствие и в некоторой степени развлекли меня. Таким образом, 1848 год я встретил в бодром настроении.

В январе был дан первый из этих концертов, и уже одним необыкновенным составом программы я заслужил всеобщее

одобрение. Я нашел, что такие концерты, если они претендуют на серьезное значение, отнюдь не должны быть похожи на обычные предприятия подобного рода, не должны составляться из пестрой смеси разнородных жанров музыки. На них должны чередоваться два серьезных музыкальных произведения различного характера. Между одной и другой симфонией я вставил в программу два номера вокальной музыки, которых нельзя было бы услышать при других условиях.

И в этом заключался весь концерт. После моцартовской симфонии (в D-dur) я удалил со сцены музыкантов и вывел на их место внушительный хор, исполнивший *Stabat Mater* Палестрины[36] в моей тщательной обработке и восьмиголосый баховский мотет *Singet dem Herrn ein neues Lied*[37]. Затем оркестр снова занял свое место и исполнил в заключение бетховенскую *Synfonia Eroica* [«Героическую симфонию»].

Успех концерта окрылил меня. В последнее время становилась особенно противной возня с нашим оперным репертуаром, на ведение которого я постепенно терял всякое влияние. Немалую роль здесь играли притязания моей племянницы, поддерживаемые Тихачеком, на главенствующее положение примадонны. Концерты открывали хоть некоторые перспективы деятельности в качестве дирижера. Ввиду того что по возвращении из Берлина я снова принялся за инструментовку «Лоэнгрина» и погрузился в полнейшее смирение, я надеялся идти навстречу будущему с полным спокойствием, как вдруг меня потрясло горестное известие.

212

В начале февраля мне сообщили, что моя мать умерла. Я поспешил на похороны в Лейпциг и успел еще с глубоким волнением насладиться дивно-спокойным и кротким выражением ее лица. Последние долгие годы своей жизни, прежде столь деятельной и беспокойной, она провела в радостном отдыхе, сохраняя до конца дней почти детскую веселость. Умирая с улыбкой на просветленном лице, она воскликнула со смиренной кротостью: «Ах, как прекрасно! Как приятно! Как божественно! Заслужила ли я такой милости?» В резкое холодное утро мы опустили гроб в землю. Когда мы бросили на крышку комья промерзлой земли вместо горсти легкого песку, грохот был так резок, что испугал меня. На обратном пути к зятю моему Герману Брокгаузу, где должна была собраться вся семья, меня провожал только один Генрих Лаубе, очень любивший матушку. Он выразил

беспокойство по поводу моего необыкновенно измученного вида. Потом он проводил меня на вокзал, и здесь нашлись слова для выражения угнетавших нас обоих чувств: время, погрязшее в ничтожестве, убивало всякую благородную инициативу. На обратном пути в Дрезден меня охватило сознание полного одиночества. Со смертью матушки порвалась последняя кровная связь со всеми братьями и сестрами, живущими своими особыми интересами. Холодный и угрюмый, я вернулся к тому единственному, что могло меня одушевить и согреть: к обработке «Лоэнгрина», к изучению немецкой старины.

213

Так наступили последние дни февраля, которым суждено было потрясти Европу новой революцией. Среди знакомых я принадлежал к тем, которые меньше всего верили в близость и даже вообще в возможность мирового политического переворота. Первые мои впечатления от подобных событий связаны с Июльской революцией, происшедшей в дни моей юности, и с последовавшей за ней систематической продолжительной реакцией. С тех пор я познакомился с Парижем, со всеми чертами его общественного уклада, и мог ждать всего, кроме серьезного революционного движения. При мне Луи Филиппом были устроены *Forts détachés*[38], окружающие Париж кольцом. Я хорошо изучил стратегическое распределение многочисленных, расположенных по всему городу, укрепленных сторожевых постов и был согласен с теми, которые считали, что отныне никакая попытка к поднятию народного восстания в Париже невозможна. И когда в конце минувшего года в Швейцарии вспыхнула война, а в начале следующего года удачная сицилийская революция заставила всех с напряжением следить за тем, как события эти отразятся в центре Франции, я оставался спокойным и безучастным к связанным с этими явлениями надеждам и опасениям.

Из французской столицы до нас доходили известия о все усиливающихся уличных волнениях, но в дебатах с Рёкелем я оспаривал их серьезное значение. Я сидел за своим дирижерским пультом на репетиции «Марты»[39], когда во время паузы Рёкель с торжеством сообщил мне последние известия о бегстве Луи-Филиппа[40] и об объявлении республики в Париже. Это не только удивило, но прямо поразило меня, хотя сомнение в серьезности событий вызвало на лице моем скептическую улыбку.

Волнение, однако, стало возрастать как вокруг меня, так и во

мне самом. Наступили немецкие мартовские дни. Отовсюду приходили все более поразительные вести, и даже у нас, в Саксонии, стали организовываться депутации и всякого рода петиции, которым король долгое время противился, не оценивая по-настоящему начавшегося движения, действительного настроения в стране. В один из этих жутких и напряженных, как перед грозой, дней мы дали наш третий большой концерт, на котором, как и на двух предыдущих, присутствовали король и весь двор. Для начала концерта я выбрал симфонию Мендельсона (a-moll)[41], в память покойного композитора. Это музыкальное произведение, даже в живом исполнении сохраняющее расслабленно-тоскливый характер, удивительно совпало с общим настроением публики, чувствовавшей себя подавленной в присутствии короля. Я выразил сожаление в разговоре с концертмейстером Липинским по поводу неудачного состава программы, так как после этой симфонии ставилась Пятая симфония Бетховена, тоже в миноре. Этот нередко остроумный, эксцентричный поляк, насмешливо сверкнув глазами, утешил меня: «О, пусть только сыграют первые два такта c-moll-ной симфонии, и, уверяю вас, никто и не вспомнит, в каком тоне, *moll* или *dur*, написал свою симфонию Мендельсон». Перед вступление этих «первых двух тактов» какой-то патриот из публики крикнул громким голосом «ура» в честь Его Величества, и «ура» это было восторженно подхвачено всей публикой. Липинский оказался совершенно прав: уже с первой фразы, полной бурного, страстного оживления, симфония зазвучала, как хвалебный гимн, как ураган, и увлекла всю публику с редкой силой. То был последний из организованных мной концертов, которым я дирижировал в Дрездене.

Вскоре вслед за этим наступил и неизбежный политический переворот. Король распустил свое министерство и составил новое, частью из либералов, частью из действительно энергичных друзей народа, которые немедленно приступили к принятию известных, везде одинаковых мер для установления демократического строя. Я был искренне тронут как этим исходом, так, в особенности, той сердечной радостью, с какой отнеслось к этому событию все население. Много я дал бы за то, чтобы как-нибудь приблизиться к королю и лично убедиться, отвечает ли он искренним доверием на сердечную любовь своего народа. Вечером город был торжественно иллюминирован. Король разъезжал по улицам в открытой коляске. С величайшим возбуждением следил я за его встречами с народными массами и даже иногда спешил бегом туда, где, мне казалось, особенно необходимо было восторженной манифестацией обрадовать и

утешить сердце монарха. Жена моя была поистине испугана, когда поздно ночью я вернулся домой совершенно обессиленный и охрипший от крика.

Венские и берлинские события[42] со всеми их поразительными результатами коснулись меня только как интересные газетные новости. Созыв Франкфуртского парламента[43] вместо распущенного Бундестага[44] обвеял меня приятным холодком. Однако при всей их значительности эти тревоги не в состоянии были прервать моих строго распределенных ежедневных занятий. С чувством огромного, гордого самоудовлетворения я закончил в последние дни бурного марта партитуру «Лоэнгрина», разработав инструментовку для заключительной сцены исчезновения рыцаря Граля в таинственных далях мистического мира.

В это же время однажды посетила меня молодая, вышедшая замуж в Бордо англичанка Джесси Лоссо[45] в сопровождении восемнадцатилетнего Карла Риттера[46]. Этот молодой человек, рожденный от немецких родителей в России, со всей своей семьей примыкал к тому кругу поселенцев с севера, которые надолго задерживались в Дрездене из-за доставляемых этим городом эстетических удовольствий. Я вспомнил, что принимал его у себя вскоре после первых представлений «Тангейзера»: он просил меня тогда сделать надпись на экземпляре партитуры, купленной в музыкальном магазине. Теперь я узнал, что этот экземпляр принадлежал именно госпоже, присутствовавшей тогда на спектакле. С величайшей робостью, в форме, мне до того совершенно незнакомой, молодая дама выразила мне свои восторженные чувства. Она очень сожалела, что принуждена по условиям семейной жизни покинуть любимый Дрезден и расстаться с семьей Риттер, которая тоже питает ко мне горячую преданность.

Когда эти новые молодые друзья ушли, меня охватило особенное настроение. После Альвины Фромман и Вердера, со времени «Летучего Голландца», впервые донесся до меня точно издали отзвук горячей симпатии, именно то, чего я никак не мог найти тут, вокруг себя. Молодого Риттера я просил навещать меня время от времени и сопровождать на прогулках. Но робость его была так велика, что я видел его у себя, насколько помню, очень редко. Вместе с Гансом фон Бюловом, студентом-юристом Лейпцигского университета, с которым он был в близких отношениях, он посетил меня всего несколько раз. Фон Бюлов, гораздо более общительный и разговорчивый, проявлял свою сердечную преданность с некоторой активностью и потому давал повод к ответным чувствам. У него, между прочим, я впервые

заметил откровенное проявление охватившего всех политического энтузиазма: на его шляпе, как и на шляпе его отца, красовалась черно-красно-золотая кокарда[47].

214

По окончании «Лоэнгрина» у меня оказалось достаточно досуга, чтобы несколько ближе вникнуть в ход событий. В Дрездене усиленно бродила общенемецкая идея, и надежда на ее торжество одушевляла все сердца. Не мог и я стоять в стороне от этого движения и воздерживаться от живого в нем участия. Правда, я был в вопросах политики достаточно вышколен старым другом Франком, чтобы многого не ждать от собравшегося немецкого парламента, но тем не менее общее настроение и сквозившая везде вера, что возвращение к старому более немыслимо, не могли не оказать и на меня известного влияния. Только вместо речей я хотел дел, и таких дел, в которых сказалась бы серьезная готовность вождей немецкого народа безвозвратно порвать со старыми, чуждыми германскому духу тенденциями. Это вдохновило меня написать популярно-поэтическое воззвание к немецким князьям и народам, в котором я призывал к решительной войне с Россией. Оттуда шло давление на немецкую политику, на немецких монархов, вредное их народам. Одна строфа гласила:

Der alte Kampf ist‘s gegen Osten,
Der heute wiederkehrt:
Dem Volke soil das Schwert nicht rosten,
Das Freiheit sich begehrt.

Древняя война против Востока
Сегодня возобновляется.
Народ не должен опускать меч,
Чтобы добиться желаемой свободы.

Так как у меня лично не было никаких связей с политическими газетами и так как я узнал, что в Маннгейме, где довольно высоко вздымались политические волны, на вершине одной из них узрели как-то Бертольда Ауэрбаха, я послал ему стихотворение с просьбой сделать с ним, что он хочет. С тех пор я этого стихотворения больше не видел и ничего о нем не слыхал.

Во Франкфуртском парламенте происходили бесконечные

прения, и никак нельзя было угадать, к чему приведут длинные речи бессильных людей. Тем временем известия из Вены произвели на меня сильное впечатление. В разных местах были уже сделаны в мае этого года попытки контрреволюции: в Неаполе эта попытка удалась, в Париже положение дел осталось неопределенным, и только в Вене народ во главе с прекрасно организованным Академическим легионом[48] энергично и победоносно справился с реакцией. Я понимал, что в такого рода делах меньше значат ум и мудрость, чем действительная активность, согретая вдохновением, вызванная силой реальных потребностей, и потому венские выступления, в которых принимали участие образованная молодежь и рабочие классы, возбудили во мне особенно теплое чувство. Я не мог не выразить своего настроения опять-таки в популярно-поэтическом воззвании. Я послал его в редакцию *Österreichischen Zeitung* [«Австрийскую газету»], которая его и напечатала за полной моей подписью.

В Дрездене под влиянием событий образовались два политических общества. Первое называлось *Deutscher Verein* [«Немецкий союз»], и в программе его значилась «конституционная монархия на широчайшей демократической основе». О совершенной безопасности его стремлений можно было судить по именам его главнейших основателей, среди которых, при «ширине демократической основы», Эдуард Девриент и профессор Ритшель числились рядом. В противовес этому обществу, куда укрылось все, что на деле боялось революции, основалось другое – *Vaterlands Verein* [«Отечественный союз»]. В нем «демократическая основа» играла главную роль, а «конституционная» монархия служила как бы ширмой.

Рёкель агитировал страстно в пользу этого общества, так как он потерял всякое доверие к «монархии». Дела шли из рук вон плохо. Уже давно он бросил всякую надежду добиться чего-нибудь своей музыкальной деятельностью. Место музикдиректора превратилось для него в чистейшую повинность, дававшую такой ничтожный доход, что при ежегодно увеличивавшейся семье он не сводил концов с концами. Тем не менее ему приходилось дорожить этим местом, так как уроки в домах состоятельных иностранцев, которых было в Дрездене много, вызывали в нем непреоборимое отвращение. Так влачил он жалкое существование, погрязая все глубже в долги и мечтая об одном:

переселиться в Америку, где в качестве фермера он надеялся трудами рук и напряжением изобретательности медленно, но верно доставить себе и своим потомкам приличное общественное положение.

На наших прогулках он делился со мной сведениями, почерпнутыми из сочинений по политической экономии. С большим пылом применяя взгляды, в них изложенные, он надеялся этим путем улучшить свое стесненное положение. В таком состоянии застало его движение 1848 года, причем он немедленно примкнул к крайним социалистическим течениям, идущим из Парижа. Знавшие его ранее были в высшей степени удивлены той видимой переменой, которая в нем произошла. Он заявлял, что нашел наконец свое истинное призвание, призвание бунтовщика. У него не хватало самоуверенности для выступления в качестве оратора на трибуне, но тем сильнее развернулась его энергия в частных отношениях. Никаким возражениям он не поддавался, и кого он не в состоянии был увлечь, того отталкивал от себя окончательно. Он был захвачен своей задачей до того, что дни и ночи только ею и занимался, и ум его необыкновенно изощрился в способности опровергать каждое банальное возражение. Внезапно он стал как бы проповедником в пустыне. В любой области революционного вопроса он чувствовал себя как дома.

«Отечественный союз» избрал комиссию для выработки проекта народного вооружения. В этой комиссии, кроме Рёкеля и некоторых чистокровных демократов, принимали участие военные люди и между ними мой старый друг, бывший жених Шрёдер-Девриент, лейтенант гвардии Герман Мюллер. Он и еще один офицер, по имени Цихлинский [Zichlinsky], были единственными членами саксонской армии, примкнувшими к политическому движению. Я бывал на ее заседаниях в качестве лица, причастного к искусству. Насколько помню, проект, готовый к опубликованию, заключал в себе вполне рациональный, хотя и неисполнимый при нынешних политических условиях план организации народного ополчения.

Лично я тоже все более и более поддавался искушению высказаться по поводу политических и социальных вопросов, интересовавших все общество, тем более что меня положительно возмущали необыкновенно плоские суждения и пошлые фразы ораторов того времени. Покуда шла общая сумятица, компетентные люди воздерживались от всякого вмешательства. Так объяснил мне свое поведение Герман Франк в ответ на мой упрек. Меня, напротив, именно это побуждало по мере разумения вступать в споры по сущности поставленных вопросов и задач.

Ежедневные газеты особенно сильно способствовали общему возбуждению. «Отечественный союз» открыл свои заседания в одном из городских садов, и иногда я приходил туда в качестве зрителя, как на спектакль. Темой для дебатов был выдвинут вопрос: республика или монархия? Меня глубоко поражало, с какой невероятной тривиальностью он обсуждался с ораторской трибуны и в печати. Все сводилось к признанию, что лучше всего республика, но что можно мириться в случае необходимости и с монархией, если только она не злоупотребляет своей властью.

Это побудило меня после ряда горячих споров высказать и собственный взгляд в обстоятельной статье[49], напечатанной в *Dresdner Anzeiger* [«Дрезденском вестнике»] без моей подписи. Внимание людей, способных отнестись к этой теме с полной серьезностью, я старался привлечь не к внешним формам государственного управления, а к его внутреннему содержанию. Разобрав все нужды и требования общественной жизни и отметив необходимость усовершенствования на почве политических и социальных отношений согласно известным идеальным критериям, я ставил вопрос: возможно ли достижение нового строя с королем во главе государства? Я высказал мнение, что просвещенному монарху для осуществления собственных высших целей самому должно быть важно управлять государством, построенном на истинно республиканских началах. Такому королю я рекомендовал стать к своему народу в отношения более доверительные, выходящие за грань той придворно-аристократической атмосферы, которой он окружен. В заключение я высказал мысль, что король Саксонский является как бы избранником судьбы, способным дать другим немецким государям высокий пример.

Рёкель нашел, что это «истинное откровение ангела мира», и так как он опасался, что на страницах газеты статья не обратит на себя должного внимания, не вызовет сердечного отклика, то стал настойчиво уговаривать меня выступить с докладом на заседании «Отечественного союза»: устной речи он придавал особенное значение. Я пошел на собрание без определенного на этот счет решения, но когда услышал невыносимую болтовню двух ораторов, адвоката Блёде [Blöde] и скорняка Клетте [Klette], которые слыли тогда Демосфеном и Клеоном города Дрездена, я не выдержал, поддался страстному порыву, взошел на трибуну и с большим подъемом прочел газетную статью перед трехтысячной толпой.

Впечатление получилось ужасающее. У публики изо всей речи осталось в памяти только одно: яростный выпад королевского капельмейстера против придворных льстецов. Известие об этом неслыханном происшествии распространилось по городу с быстротой пожара. На следующий день была назначена репетиция «Риенци». Меня поздравляли, восхваляли мою самоотверженную смелость, но в самый день спектакля оркестровый слуга Айзольт [Eisolt] объявил мне, что представление отложено по неведомым причинам. В самом деле, вызванное мною возбуждение разрослось настолько, что дирекция боялась особенной демонстрации.

Затем со страниц газет на меня посыпалось столько проклятий и насмешек, что нечего было и думать обороняться. Саксонская муниципальная гвардия сочла себя оскорбленной, и комендант ее потребовал от меня извинения. Но самых непримиримых врагов, преследующих меня и до нынешнего дня, я приобрел в лице придворных чинов, особенно низшего ранга. Насколько это было в их власти, они старались побудить короля, а потом и интенданта тотчас же прогнать меня со службы. Ввиду этого я счел себя вынужденным написать королю письмо, в котором признавал свое поведение легкомысленным, но лишенным преступного намерения. Я послал его фон Люттихау с просьбой передать королю. При этом я хлопотал о краткосрочном отпуске, чтобы выиграть время и дать улечься разгоревшимся страстям. Поразительная, поистине дружеская благожелательность, которую проявил по отношению ко мне фон Люттихау, произвела на меня довольно сильное впечатление, тем более что я от него ничего не утаил. Лишь впоследствии обнаружилось, сколько скрытой ярости вызвала в нем моя статья, кстати сказать, совершенно им не понятая. Я узнал, что гуманным чувствам этого человека я не был обязан ничем, что здесь играла роль прямая воля короля: на все советы (между прочим, и со стороны фон Люттихау) примерно наказать меня он ответил решительным отказом, запретив разговаривать с ним на эту тему. Факт этот меня очень ободрил и доказал, что не только мое письмо, но и мою статью король понял правильнее, чем многие другие.

217

На этот раз (это было в начале июля) я решил воспользоваться коротким отпуском и поехать в Вену развеяться. Поехал я через Бреслау, где посетил музикдиректора

Мозевиуса[50], старого друга нашей семьи. В его доме мы провели вечер в живой беседе, причем не обошлось, к сожалению, без разговоров о политике. Больше всего меня интересовало его необыкновенно богатое, полное, если не ошибаюсь, собрание кантат Себастьяна Баха в превосходных списках. Осталось в памяти, кроме того, множество смешных и остроумных музыкальных анекдотов, которые он рассказывал с совершенно особым, своеобразным юмором. Когда Мозевиус в течение лета вернул мне визит в Дрездене, я сыграл ему часть первого действия «Лоэнгрина» на рояле, и его искренний восторг произвел на меня благотворное впечатление. Потом я слышал, будто он тоже высказывал неодобрительные и насмешливые обо мне суждения. Ни над верностью этих рассказов, ни над истинным характером этого человека я не задумывался, так как постепенно привыкал мириться со всякого рода непонятными вещами.

В Вене я посетил профессора Фишгофа[51], у которого, я знал, были очень интересные рукописи, особенно бетховенские. Среди них меня интересовал оригинал сонаты в c-moll, op. 111. Через Фишгофа, которого я нашел несколько сухим, я познакомился с господином Веске фон Пютлингеном[52], опера которого («Жанна д'Арк»), чрезвычайно тривиальная, была поставлена и у нас в Дрездене. Как композитор этот господин воспользовался именем Бетховена, из предосторожности присвоив себе только его окончание: «Ховен». Однажды мы были приглашены к нему на обед, и я несколько ближе присмотрелся к бывшему доверенному чиновнику Меттерниха[53], а ныне с черно-красно-золотой лентой через плечо выступающему в качестве убежденного сторонника современного движения.

Интересное знакомство завязал я также с русским сановником, атташе при русском посольстве в Вене, господином Фонтоном[54]. Мы встречались с ним довольно часто у Фишгофа и нередко совершали совместные прогулки. В его лице я нашел последовательного представителя того пессимистического мировоззрения, согласно которому ждать сносного порядка вещей можно только при условиях выдержанного деспотизма. С интересом и с известной чуткостью (он похвалялся, что получил образование в самых передовых швейцарских школах) прислушивался он к моим словам, когда я с энтузиазмом развивал перед ним идеальные очертания того искусства, которое должно иметь высокое, решающее влияние на жизнь общества. Фонтон соглашался, что осуществление моих стремлений не во власти деспотизма, и хотя он вообще не верил в его возможность, но за бокалом шампанского гуманное настроение брало верх, и

он выражал мне свои наилучшие пожелания. Впоследствии я узнал, что при всех своих способностях и энергии человек этот не сделал сколько-нибудь выдающейся карьеры.

218

Так как я никогда ничего не предпринимал без определенной серьезной цели, я попытался использовать свое пребывание в Вене, чтобы дать ход идеям о реформе театра. Вена, которая обладала пятью различными по характеру театрами, влачившими жалкое существование, казалась мне удобным для этого поприщем. Я быстро составил проект объединения этих театров в своего рода федерацию под управлением как активных ее сочленов, так и привлеченных к делу деятельных литературных сил.

Я навел справки о тех лицах, близко стоящих к театру, перед которыми рациональнее всего было бы развить мой план. Кроме Фридриха Уля[55], с которым я познакомился через Фишгофа и который оказывал мне энергичное содействие, мне назвали некоего господина Франка (думаю, что это тот самый Франк, который впоследствии опубликовал большое эпическое стихотворение под названием «Тангейзер») и доктора Пахера[56]. Об этом последнем выяснилось впоследствии, что он был, собственно, приспешником и агентом Мейербера, зарекомендовавшим себя далеко не с лучшей стороны. Самым привлекательным, самым значительным изо всех приглашенных мной на конференцию в квартире Фишгофа был доктор Бехер[57], живой, многосторонне образованный человек, единственный отнесшийся к моему проекту действительно серьезно, хотя и не вполне одобрявший его. Мне тогда же бросилась в глаза некоторая как бы неуравновешенность, резкость Бехера. Это впечатление приобрело в моих глазах еще большее значение, когда через несколько месяцев я узнал, что он убит на улицах Вены, как участник октябрьского восстания[58].

Конференция доставила мне некоторое удовлетворение: было приятно уже то, что я мог прочесть свой план театральной реформы нескольким внимательным слушателям. Но всем казалось, что заниматься мирными театральными реформами теперь не время. Желая дать мне представление о том, что в этот момент занимает умы венцев, Уль повел меня однажды вечером в один из самых передовых политических клубов. Здесь я услышал некоего Сигизмунда Энглэндера[59], который некоторое время спустя с заметным успехом выступил и в политической прессе. Та

безвременность, с какой он, как и многие другие, судил о представителях австрийской власти, перед которыми трепетали все, прямо изумила меня, и в то же время меня поразила тривиальность высказанных им политических суждений.

Зато очень мягкое впечатление произвел на меня Грильпарцер. Имя его как автора «Праматери» было мне дорого со времен детства. Я посвятил его в мои планы театральной реформы, и, кажется, он с интересом отнесся к ним. Однако он не скрыл от меня, что с практической стороны мой проект и мои расчеты на его содействие были ему неприятны. Это был первый драматический писатель, которого я видел в мундире чиновника.

Я обратился с моими проектами к господину Бауэрнфельду[60]. Этим дело и ограничилось. Затем я отдался наблюдениям над кипевшей в Вене пестрой общественной жизнью. На улицах можно было видеть деятельных членов Академического легиона, выделявшихся своими перевязями национальных цветов. Но в то время эти цвета были так распространены, что даже лакеи, подававшие в театре мороженое, носили такие же черно-красно-золотые ленты.

В Карл-театре[61], в Леопольдштадте, я смотрел новый фарс Нестроя[62], в котором высмеивался князь Меттерних: по ходу пьесы на предложенный ему вопрос, отравил ли он герцога Рейхштадтского[63], Меттерних, как уличенный преступник, трусливо скрывается за кулисы. В общем, на всем облике столичного города, жадного к удовольствиям, лежала печать молодости, силы и твердой веры в себя. Это впечатление вполне оправдалось, когда в роковые октябрьские дни население Вены оказало энергичное сопротивление войскам князя Виндишгрэца[64].

На обратном пути я заехал в Прагу и посетил старого друга Китля. Я нашел его страшно располневшим и бесконечно напуганным пережитыми шумными событиями. По-видимому, он находил, что возмущение чешской партии против австрийского владычества направлено лично против него. С другой стороны, он верил, что своей оперой «Французы у ворот Ниццы» на либретто, сочиненное мной (одна из арий, имевшая революционный характер, стала весьма популярной), сам же и вызвал революционное движение.

Попутчиком моим на пароходе оказался скульптор Хэнель, чему я очень обрадовался. Он только что решил с графом Альбертом Ностицем[65] финансовые проблемы по постановке статуи императора Карла IV и был в превосходнейшем настроении. Особенно способствовало этому то обстоятельство, что гонорар, согласно условию, был ему выплачен серебром.

Австрийские бумажные деньги стоили тогда очень дешево, и он получил большую выгоду. Его радостное настроение было так велико, что, пренебрегая предосторожностями и не поддаваясь предрассудкам, он весь довольно длинный путь от пристани до нашего дома сидел со мной в открытой пролетке, несмотря на то что хорошо знал, какое возмущение и подозрительное к себе отношение я вызвал несколько недель тому назад среди дрезденского общества. Этот поступок чрезвычайно обрадовал меня.

219

Здесь возмущение властей против меня улеглось, и я приступил к исполнению капельмейстерских обязанностей. Без всяких помех я вернулся к обычному укладу жизни. Но в это время воскресли мои старые заботы и затруднения: надо было добыть денег, и я не знал, как это сделать. Я решил подробнее ознакомиться с ответом на ходатайство об увеличении моего содержания. Ранее, огорченный его содержанием, я не дочитал его до конца. Тут я убедился, к величайшему стыду, что ошибся: я полагал, что фон Люттихау выхлопотал, хотя и в унизительной форме, ежегодную прибавку к жалованью. Оказалось, что речь идет лишь о единовременном вспомоществовании. Очутился я, таким образом, в совершенно безвыходном положении, так как искать разъяснений по этому поводу было поздно, и мне ничего не оставалось, как молча примириться с беспримерно нищенской компенсацией моего позора.

Обстоятельства эти заставили меня изменить мнение о господине фон Люттихау, который еще недавно так, казалось, благородно вел себя среди всеобщего похода против меня. В моих руках оказались доказательства, обрисовавшие его и с этой стороны в определенном свете раз навсегда. Люттихау сообщил мне, что члены Королевской капеллы прислали депутацию с просьбой отказать мне от места, так как они считают ниже своего достоинства служить под начальством политически скомпрометированного капельмейстера, за что он их якобы жестоко отчитал и заставил успокоиться. Это представило мне Люттихау с симпатичной стороны и поддержало прежнее мое отношение к нему. Но когда я поговорил с членами капеллы, оказалось, что дело носило иной характер. Правда, придворные сферы делали попытки побудить Королевскую капеллу выступить с таким заявлением. Ей даже грозили немилостью короля и политической неблагонадежностью. Но в ответ на эти махинации,

чтобы обезопасить себя от возможных дурных последствий, музыканты отправили к своему шефу депутацию, которой поручено было заявить, что капелла, как художественно-артистическая корпорация, не считает себя призванной вмешиваться в дела, к искусству не относящиеся. Таким образом, рассеялись последние следы ореола, которым я до того окружал фон Люттихау. Осталось только чувство стыда за то, что на его коварство я отвечал сердечным доверием. Отныне мое отношение к этому человеку могло быть только враждебным.

Но больше, чем перенесенные оскорбления, на меня подействовало сознание полной невозможности через Люттихау служить делу возрождения театра. Ничто более не побуждало меня держаться на должной высоте в качестве капельмейстера. При этих условиях, да еще при необыкновенно жалком и урезанном окладе я считал такого рода деятельность не заслуживающей каких бы то ни было усилий и продолжал исполнять свои обязанности лишь из нужды, как человек, случайно попавший в несчастную комбинацию обстоятельств. Я не делал ничего, что могло бы ухудшить положение вещей, но и не предпринимал ничего к его улучшению.

220

Как бы то ни было, следовало чем-нибудь компенсировать утраченные надежды на увеличение моего содержания. Мне пришла в голову мысль связаться по этому поводу с Листом и спросить у него совета, как выйти из затруднительного положения. Вскоре после роковых мартовских дней и незадолго до окончания партитуры «Лоэнгрина» он в одно прекрасное утро обрадовал меня неожиданным посещением. Лист приехал из Вены, где пережил дни баррикад, и направлялся в Веймар, чтобы поселиться там надолго. Мы провели вместе вечер у Шумана. Сначала музицировали, потом диспутировали, и диспуты наши благодаря разладу между Листом и Шуманом во взглядах на Мендельсона и Мейербера закончились тем, что наш хозяин, обозлившись, ушел к себе в спальню и долго к нам не выходил. Этим он поставил нас в очень странное, не лишенное комизма положение, о котором мы весело говорили на обратном пути домой. Редко удавалось мне видеть Листа в таком легкомысленно-живом настроении, как в эту ночь, когда, выйдя вместе со мной и концертмейстером Шубертом, он во фраке, несмотря на довольно резкий холод, каждого из нас проводил до квартиры.

В августе я использовал несколько свободных дней, чтобы съездить к Листу в Веймар. Лист, как известно, находился в особой милости у Великого герцога[66] и поселился в Веймаре надолго. И хотя ничем, кроме неудачного поручительства, он не помог мне, наше сердечное кратковременное свидание произвело на меня ободряющее, в высшей степени благодетельное впечатление. Вернувшись в Дрезден, я постарался упорядочить свой бюджет. Не ожидая ниоткуда никакой помощи, я решил обратиться к тем из моих кредиторов, которые относились ко мне благожелательно. Откровенно разъяснил я им положение моих дел и просил отсрочить на неопределенное время уплату долгов, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. Я разъяснил им, что, заявив о своем согласии, они отнимут у моего врага, генерал-интенданта, возможность вредить мне, так как он только и ждет открытых выступлений кредиторов, чтобы начать против меня решительную кампанию. Кредиторы немедленно отозвались на мое письмо: Пузинелли и старая знакомая госпожа Клеппербайн [Klepperbein] заявили свою готовность совершенно отказаться от своих притязаний. Таким образом, несколько успокоенный и застрахованный против возможных подвохов со стороны фон Люттихау, я вернулся к исполнению капельмейстерских обязанностей. С большим рвением я углубился в любимые занятия по истории средневековой Германии. Мою должность я мог покинуть тогда, когда это мне заблагорассудится.

221

Среди таких обстоятельств я с интересом следил за судьбой моего друга Рёкеля. Ежедневно возникали тревожные слухи о подготовляющихся реакционных шагах и новых репрессиях со стороны правительства. Рёкель считал необходимым бороться с реакцией и выработал мотивированное воззвание к солдатам саксонской армии, отпечатал его и распространил в большом количестве экземпляров. Этот поступок показался правительству чересчур дерзким. Рёкель был задержан и три дня провел в тюрьме, пока его адвокат Минквиц [Minkwitz] не внес за него залог в 1000 талеров. Против него был возбужден процесс по обвинению в государственной измене. Возвращение Рёкеля домой, к напуганным жене и детям, сопровождалось небольшой уличной демонстрацией, организованной президиумом «Отечественного союза». Его приветствовали речью как борца за народное дело.

Со стороны генеральной дирекции придворных театров он

получил вместе с небольшой суммой отказ от места. Рёкель сейчас же отпустил длинную бороду и принялся издавать Volksblätter [«Народные листки»] под единоличной своей редакцией. Доходы с этого издания должны были вознаградить его за потерянное место музикдиректора. На Брюдергассе [Brüdergasse] он снял квартиру под помещение конторы. «Листки» обратили общее внимание на его редактора, осветив его дарование с совершенно новой стороны. Он никогда не запутывался в туманно-живописных фразах, а ограничивался злободневными вопросами, общими насущными интересами. Обсуждал он их спокойно и трезво, лишь попутно от конкретных примеров переходя к высшим принципам. Отдельные статьи были коротки и не заключали в себе ничего лишнего. Они отличались такою ясностью, что казались поучительными и убедительными даже для самых простых, необразованных людей. Всегда он говорил о существе дела, не вдавался в формальные описания, вызывающие на почве политики такую путаницу среди необразованных людей. Поэтому вскоре он составил себе довольно значительный круг читателей как среди интеллигентного, так и неинтеллигентного населения. Цена этой еженедельной газеты была так низка, что доходы с издания оказались чересчур ничтожными. С другой стороны, можно было смело предсказать, что, если реакция возьмет верх, Рёкелю его газеты не простят.

Младший брат его Эдуард, приехавший на время в Дрезден, заявил о своей готовности принять доходное место учителя музыки в Англии, хотя занятие это было ему противно, чтобы в случае необходимости (можно было заранее предвидеть, что Рёкелю грозит тюрьма или виселица) иметь возможность поддержать его семью. Так как деловые связи со всевозможными обществами отнимали у Рёкеля все время, то я встречал его очень редко, и наши отношения ограничивались короткими совместными прогулками. Я пускался с этим энтузиастом, голова которого всегда оставалась ясной, в самые отвлеченные споры. Он выработал себе подробное, связное представление о полном перевороте социальных отношений, как они сложились исторически, о создании нового строя на новом общественном фундаменте. Новый моральный мировой порядок он воздвигал на учении Прудона[67] и других социалистов, на идее уничтожения власти капитала путем организации продуктивных сил рабочего класса. При этом он сумел настолько подкупить меня рисующимися тут перспективами, что и я стал связывать с этим новым строем реализацию того идеального искусства, которое грезилось мне.

Особенно сильно меня заинтересовали два положения. Он отрицал брак в той форме, в какой мы его знаем. Я спросил его, как сложатся при постоянно меняющихся связях наши отношения к женщинам? С благородным возмущением он ответил, что в атмосфере современного хозяйственного и классового гнета мы не в состоянии отдать себе отчета о чистоте нравов, свойственных человеку, о действительной возвышенности отношений полов друг к другу. Что могло бы заставить женщину принадлежать мужчине в обществе, где нет власти денег, нет преимуществ социального и семейного положения, нет никаких предрассудков – всего того, что связано с теперешним укладом. В другой раз я спросил его, откуда общество возьмет людей, свободных духом, способных всецело отдать себя художественному творчеству, раз все должны нести одинаковую рабочую повинность? Он ответил, что если все будет сообразовано с силами и способностями человека, исчезнет самое понятие о тяжести труда, что работа тогда получит художественный оттенок. Он ссылался на то, что поле, возделываемое одним крестьянином, дает гораздо менее, чем если этим займется целая кооперация, как это бывает, когда интенсивно обрабатываются отдельные участки.

Эти и другие соображения Рёкеля, излагаемые с благородным одушевлением, заставили меня задуматься о многом. Они помогли мне выработать себе представление о таком строе общества, в котором полностью воплотились бы высшие художественно-артистические стремления моего духа.

222

Размышляя об этих вопросах, я возвращался к тому, что ближе всего меня касалось, – к вопросу о театре. Поводов к этому было достаточно, и внутренних, и внешних. Согласно новому демократическому избирательному закону, ожидалось полное обновление народного представительства в Саксонии. Выбор радикальных депутатов по всем округам давал возможность рассчитывать, если такое положение дел упрочится, на серьезнейшие изменения в государственном хозяйстве. Было решено предпринять строжайшую ревизию королевского цивильного листа: все лишнее должно было быть вычеркнуто из придворного хозяйства. Театру как бесполезному учреждению, предназначенному для развлечения самой испорченной части публики, грозило вместе с сокращением цивильного листа полное уничтожение. Так как я лично придавал театру большое значение, то я счел необходимым дать господам министрам разъяснение

всей важности этого вопроса.

Необходимо было поставить на вид, что если в нынешнем своем состоянии театр не заслуживает никаких жертв со стороны общества, то, предоставленный самому себе, без идеального контроля государства, он падет еще ниже и заразится тенденциями, опасными для общественной нравственности. Власть должна взять его под свою защиту, как она это делает по отношению к религии и школе. Мне казалось необходимым разработать основы организации театра, которые обеспечили бы ему осуществление благороднейших его задач. Соответственно этому я набросал план, по которому суммы, расходуемые в цивильном листе на содержание придворной труппы, предназначались для основания и поддержания национального театра саксонского королевства. Практические подробности были представлены до такой степени точно, что план мой мог служить руководством для господ министров при обсуждении законопроекта в парламенте. Оставалось войти в личные отношения с каким-нибудь министром.

Для этой цели более подходящим казался мне министр народного просвещения. На этом посту фигурировал тогда господин фон дер Пфордтен[68]. И хотя о нем говорили как о человеке с чересчур гибкой политической совестью, как о человеке, стремящемся затушевать историю своего возвышения, связанного с революционным движением, тем не менее бывший профессор представлялся мне компетентным собеседником на тему, глубоко интересовавшую меня. Но я узнал, что художественные учреждения королевства, как и Академия изобразительных искусств, куда с особой горячностью я причислял и театр, находятся в ведении министра внутренних дел. Этому честному, не очень образованному и мало чуткому в вопросах искусства человеку, Оберлэндеру[69], я подал свою докладную записку, предварительно побывав у господина фон дер Пфордтена. Я хотел обеспечить себе его поддержку. При всей сложности своих занятий он принял меня вежливо и предупредительно, но всем существом своим, даже выражением лица отнял у меня всякую надежду на понимание с его стороны. Министр Оберлэндер сразу успокоил меня той серьезностью, с какой обещал вникнуть в дело. Но он тут же с полной откровенностью указал на то, что не следует полагаться на короля, который едва ли уполномочит его выступить с необыкновенным проектом по вопросу, до сих пор предоставленному сложившейся рутине. Не должно забывать, что к нынешним министрам и прежде всего к нему самому король относится без должного доверия. Ему трудно говорить с

монархом о чем-либо, выходящем из круга его текущих дел. Вот почему поднятие этого вопроса лучше предоставить парламенту.

Так как мне хотелось предупредить возможность закрытия Придворного театра при дискуссиях о сокращении цивильного листа, если к этому вопросу отнесутся с радикальной решимостью, лишенной соответствующего знания и понимания, я не пожалел труда и вступил в переговоры с некоторыми влиятельными членами парламента. Я проник в новую, странную сферу и столкнулся с людьми и настроениями, совершенно чуждыми моему духу. Вести разговоры с этими господами за пивом, среди густого табачного дыма, поддерживать в них интерес к столь далеким от них темам было трудно. После того как фон Трючлер [von Trütschler], красивый, энергичный, мрачно-серьезный человек, долго и молча меня слушавший, заявил, что на государство он более ни в чем не полагается, а знает только общество, что это последнее без него и без меня поймет, как ему отнестись к искусству и к театру, я, пристыженный, ушел и отказался от дальнейших усилий, от всяких надежд. Из всего этого получился, как я впоследствии убедился, только один результат: господин фон Люттихау узнал о моем проекте – это обнаружилось в одном из наших разговоров – и проникся новой враждой ко мне.

На моих совершенно уединенных прогулках, чтобы дать исход кипевшим чувствам, я много думал о будущих формах человеческих отношений, когда исполнятся смелые желания и надежды социалистов и коммунистов. Их учения, которые тогда еще только складывались, давали мне лишь общие основания, так как меня интересовал не самый момент политического и социального переворота, а тот строй жизни, в котором мои проекты, относящиеся к искусству, могли бы найти осуществление.

223

В это время меня занимала мысль о драме, героем которой являлся бы Фридрих Барбаросса. Эта фигура стояла передо мной в полноте силы и величия. Не имея возможности провести в жизнь свои идеальные стремления, он отказывается от них сознательно, и это самоограничение, возбуждая участие к герою, должно подчеркнуть всю сложность существования на земле. Эту драму я хотел написать в форме народных стихов, в стиле средненемецкого эпоса. Образцом мне рисовалась поэма «Александр» священника Ламберта[70]. Содержание я набросал в

самых общих чертах и в немногих строках. Драма была разбита на пять действий. Первое действие: рейхстаг в Ронкалийском поле, демонстрация королевской власти, повелевающей даже стихиями. Действие второе: осада и взятие Милана. Действие третье: измена Генриха Льва и поражение при Леньяно[71]. Действие четвертое: рейхстаг в Аугсбурге, покорность и наказание Генриха Льва. Действие пятое: рейхстаг и дворец в Майнце, мир с ломбардцами, примирение с папой, принятие креста и отбытие на восток. Интерес к разработке этой драмы, однако, сейчас же во мне угас: его вытеснил миф о Нибелунгах и сказание о Зигфриде, совершенно меня захватившие. Сходство концепции и побудило меня вникнуть в эту область, в которой история соприкасается с сагой, и я набросал на бумаге кое-какие мысли на эту тему, причем пользовался найденными в королевской библиотеке монографиями авторов, имен которых я теперь не помню. В них я нашел много ценных указаний относительно идеальной сущности королевской власти в Германии.

Возникало, таким образом, довольно значительное исследование, убившее всякое стремление к разработке названной выше драмы. Впоследствии я издал его под названием «Вибелунги»[72].

Тут же я приступил к письменной обработке материала. При всей своей сложности связь средневекового мифа о Нибелунгах во всех его главных чертах с мифом о германских божествах вообще выступила с полною отчетливостью. При этом выяснилась возможность одну из главных частей его выделить в самостоятельную музыкальную драму. Но медленно и робко назревало во мне решение остановиться на этой идее, так как с практической стороны постановка такого рода произведения на подмостках дрезденского театра являлась положительно немыслимой. Нужно было окончательно разочароваться в возможности сделать что-нибудь для нашего театра, чтобы найти в себе мужество заняться этой работой.

С холодным равнодушием я относился ко всякой перспективе сделать что-нибудь в этом отношении вне Дрездена. С «Лоэнгрином» я довел дело до того, что мог рассчитывать на приличную его постановку, и я решил этим удовлетвориться. Фон Люттихау я в свое время объявил, что закончил партитуру, но ввиду сложившихся между нами отношений предоставляю ему

свободно решить вопрос о постановке.

Между тем наступил момент, когда архивариус Королевской музыкальной капеллы вспомнил, что приближается трехсотлетие со дня ее основания, что предстоит, таким образом, отпраздновать юбилей. Был назначен большой торжественный концерт в театре, на котором были исполнены композиции саксонских капельмейстеров всех времен с основания капеллы. Во главе с обоими капельмейстерами музыканты устроили в Пильнице благодарственное чествование короля. При этом один из них за гражданские заслуги был возведен в звание рыцаря ордена Гражданских Заслуг[73]. Этим музыкантом был мой коллега Райсигер. И двор, и интендант ценили его очень низко, но, в противоположность мне, он сумел в это смутное время своей подчеркнутой лояльностью выслужиться перед властями. Не менее лояльная публика, наполнившая театр в день концерта, устроила ему шумную овацию, когда он появился, украшенный необыкновенным орденом. Увертюру его к опере «Иельва»[74] публика встретила с непривычным для ее автора энтузиазмом, в то время как первый финал «Лоэнгрина», приведенный как образчик творчества самого молодого из капельмейстеров, был встречен с непривычной для меня сухостью.

После концерта состоялся ужин, на котором говорилось многое. Я совершенно свободно высказал капелле свои взгляды на то, что было бы необходимо предпринять для ее усовершенствования. Маршнер, присутствовавший на ужине и приглашенный участвовать в юбилее как бывший дрезденский музикдиректор, заметил мне, что своим чересчур высоким мнением о музыкантах я легко могу повредить самому себе. Следует принять во внимание, говорил он, с какими необразованными людьми, знающими только свой инструмент, я имею дело. Своими разговорами о задачах искусства я могу их только спутать и сбить с толку.

Несравненно более приятное воспоминание оставило во мне тихое чествование памяти Вебера, которое было устроено в утро юбилейного дня на кладбище и заключалось в возложении венка на его могилу. Так как здесь никто речей не произносил, и только Маршнер сказал несколько сухих, формальных слов в память покойного мастера, я увидел себя вынужденным в немногих сердечных выражениях дать исход волновавшим меня чувствам.

То был лишь краткий перерыв: интересы искусства опять отступили на задний план под действием новых впечатлений политического характера, захвативших решительно все. Наступили венские октябрьские дни, и страстное волнение овладело Дрезденом. На стенах появлялись красные и черные плакаты с воззваниями, приглашавшими двинуться на помощь венцам, с проклятиями по адресу «кроваво-красной монархии» и прославлениями запретной «красной республики» и другими подобными же возбуждающими обращениями. В городе создалось тревожное и напряженное настроение. Только люди, хорошо осведомленные относительно истинного хода событий, сохраняли спокойствие, но таких было мало.

Когда Виндишгрэц вступил в Вену и Фрёбель[75] был помилован, а Блюм[76] расстрелян, взрыв, казалось, был неизбежен. В честь Блюма была организована колоссальная траурная уличная демонстрация. Во главе процессии шли министры, причем народ с особенным удовольствием отметил присутствие шествовавшего с печальным лицом фон дер Пфордтена, не пользовавшегося особым доверием. Всеми овладело мрачное настроение, ждали самого худшего. Доходили до того, что казнь Блюма, ненавистного и страшного высоким сферам своей агитационной деятельностью в Лейпциге, без всяких стеснений объясняли даже дружеской услугой со стороны эрцгерцогини Софии[77] своей сестре, королеве Саксонской! Целые толпы беглецов из Вены в форме Академического легиона прибыли в Дрезден. Их грозные, воинственные фигуры виднелись повсюду, и они устроились здесь совсем по-домашнему. Однажды, когда я пришел в театр для дирижирования «Риенци», капельдинер сообщил мне, что обо мне справлялось несколько человек. Действительно, скоро появилось около полдюжины каких-то господ, которые поздоровались со мною по-братски, как с единомышленником-демократом, и стали просить о свободном пропуске в зал.

В одном низкорослом, горбатом человеке в калабрийской шляпе, надетой набекрень, я признал бывшего беллетриста Хэфнера [Häfner][78], с которым меня познакомил Уль в одно из наших посещений политического клуба в Вене. Члены капеллы следили за этой встречей с величайшим удивлением. При всем моем смущении я не хотел делать компрометирующего признания и потому спокойно пошел в кассу, взял шесть билетов

и передал их странным людям. Сердечно пожав мне руку перед лицом всей публики, они удалились. Сомневаюсь, чтобы положение мое в качестве королевского капельмейстера упрочилось после этого случая в глазах театрального персонала, в глазах сотрудников театра вообще. Но верно одно: никогда еще меня так бурно не вызывали на представлении «Риенци» после каждого акта, как в этот раз.

Вообще, в театральной публике образовалась партия моих горячих приверженцев, как бы в противовес той холодности, с какой я был встречен на юбилейном концерте капеллы. Что бы ни шло, «Тангейзер» или «Риенци», меня принимали одинаково восторженно, и с каким бы чувством страха ни глядел на это господин фон Люттихау, такое поведение публики все же внушало ему известный пиетет по отношению ко мне. Однажды он обратился ко мне с предложением поставить в ближайшем будущем «Лоэнгрина». Я объяснил ему, почему сам не заводил разговора об этом предмете. Так как театральный персонал я нахожу достаточным, то я готов приступить к делу. Из Парижа вернулся в это время сын моего старого приятеля Ф. Гейне[79], изучивший у Деплешена и Дитерле[80] по поручению дрезденской дирекции искусство писать декорации. Чтобы получить место придворного театрального декоратора, он должен был подвергнуться испытанию, и потому он ходатайствовал, чтобы ему было поручено сделать декорации «Лоэнгрина». Это и заставило господина фон Люттихау обратить внимание на мое новое произведение. Я дал согласие, и молодому Гейне была обещана эта работа.

Такому обороту моих дел я был чрезвычайно рад, так как надеялся, что разучивание «Лоэнгрина» отвлечет меня от волнений, связанных с событиями последнего времени. Тем сильнее испугало меня, когда однажды Вильгельм Гейне пришел с известием, что работа его внезапно приостановлена, что ему поручено написать декорацию другой оперы. Я не сказал ни слова и ничего не спросил о причинах столь странного поведения дирекции. Впоследствии фон Люттихау объяснялся по этому поводу с моей женой, и если он говорил правду, я напрасно всю вину взвалил на него, напрасно разорвал с ним навсегда. Спустя много лет спрошенный по этому поводу, он объяснил, что отношение ко мне при дворе оказалось очень враждебным. Он очень серьезно выступил с предложением поставить «Лоэнгрина»,

но наткнулся на непреодолимые препятствия. Как бы то ни было, горечь нанесенной обиды решительным образом повлияла на мое настроение. До этой минуты я думал, что смогу помириться с театром, если постановка выйдет удачной. Теперь я отвернулся от него решительно, отказавшись от всякой попытки что-нибудь переделать к лучшему. Это сказалось, во-первых, в том, что я отказался от мысли сохранить за собой место дрезденского капельмейстера, и, во-вторых, в том, что я занялся такими художественно-артистическими проектами, выполнение которых стояло в прямом противоречии со всем нашим современным театральным укладом.

Я приступил к обработке «Смерти Зигфрида». Мечту об этом произведении я лелеял давно, не думая ни о дрезденском, ни о другом каком-нибудь придворном театре. Я стремился только к одному: заняться делом, которое окончательно вывело бы меня из бессмысленного положения. Эдуард Девриент, единственный человек, с которым я делился мыслями о театре и драматическом искусстве, так как с Рёкелем разговаривать о подобных вещах было абсолютно невозможно, был поражен, когда я прочел ему законченный стихотворный текст. Он понял, что отныне я отказываюсь от всяких надежд на поддержание каких бы то ни было связей с современным театром, и, конечно, не мог этого одобрить. Девриент утешал себя мыслью, что в конце концов и эта вещь окажется не слишком непонятной и неисполнимой на сцене. Насколько серьезно он отнесся к ней, видно из следующего.

Девриент указал на одну ошибку: по его мнению, я чересчур мало считаюсь с публикой и напрасно полагаю, что из кратких эпических намеков она извлечет все необходимое для уразумения сущности драмы. Он указал, что для понимания враждебного конфликта между Зигфридом и Брюнгильдой надо было бы обрисовать их истинные, прежние, ничем не омраченные отношения. Дело в том, что я начинал «Смерть Зигфрида» с тех самых сцен, которыми ныне открывается первое действие «Гибели богов»[81]. Все, что до этого произошло между Зигфридом и Брюнгильдой, я разъяснял с помощью лирико-эпического диалога между покинутой супругой и проносящимися мимо ее скалы валькириями. Указание Девриента натолкнуло меня тут же, к моему собственному удовлетворению, на создание тех сцен, которые ныне составляют пролог ко всей драме.

В этой атмосфере между мной и Э. Девриентом складывались все более и более приятельские отношения. Часто приглашал он к себе избранное общество, и на этих собраниях читались вслух драматические произведения. Я бывал на них и, к удивлению своему, убедился, что он очень даровитый чтец, хотя на сцене я не замечал за ним этой особенности. С другой стороны, для меня было утешением сознание, что я могу свободно говорить об испортившихся отношениях к генеральному интенданту, что здесь меня всегда поймут. Девриент считал необходимым предупредить окончательный разрыв, но надежд на успех у него было мало.

С наступлением зимы королевский двор опять вернулся в город, и как только участились его соприкосновения с театром, до меня неоднократно стали доходить от высочайших особ выражения недовольства моей капельмейстерской деятельностью. Один раз королеве показалось, что я «скверно дирижировал» «Нормой», другой раз – что в «Роберте-Дьяволе» я «неверно отбивал такт». Фон Люттихау считал своей обязанностью сообщать мне обо всех этих выражениях неудовольствия, и само собой разумеется, что обмен мнениями при этом не мог поддерживать между нами хороших отношений.

Однако мы еще кое-как ладили. Крайних мер по отношению ко мне принимать не решались, так как все кругом было охвачено страстным беспокойством. Во всяком случае реакция, бравшая верх во всех областях жизни, не была еще настолько уверена в своей полной победе, чтобы окончательно выступить открыто вперед. Так, например, генеральная дирекция не чинила музыкантам никаких препятствий, когда они задумали организовать общество для защиты своих художественно-артистических и гражданских интересов. Особенно активную деятельность проявил по этому случаю молодой музыкант Теодор Улиг[82]. Это был скрипач лет двадцати с необыкновенно нежными, интеллигентными и благородными чертами лица, выделявшийся из среды своих товарищей серьезным, спокойным, твердым характером. Мое внимание он обратил на себя тем, что выказал тонкое чутье и широкие музыкальные познания. Убедившись в его пытливости и необыкновенном стремлении раздвинуть свой умственный горизонт, я избрал его в спутники на моих прогулках. Рёкель не принимал в них больше никакого участия.

Улиг уговорил меня посетить общество капеллы, принять участие в его делах, внести оживление в его работу и оплодотворить его дух. На одном из таких заседаний я познакомил напряженно слушавшую меня аудиторию с

отклоненным год тому назад генеральной дирекцией проектом реформы капеллы, с моими воззрениями и планами на эту тему. Однако я счел необходимым тут же заявить, что на содействие администрации я потерял всякую надежду, что следует решительно взять инициативу в свои руки.

Мое предложение было встречено с энтузиазмом. Люттихау, не препятствовавший, как я говорил уже, демократически настроенным музыкантам в организации общества, озаботился, однако, чтобы на его собраниях присутствовали шпионы. Среди них особенно выделялся протежируемый дирекцией и ненавистный всей капелле горнист Леви [Levy]. Естественно поэтому, что фон Люттихау немедленно было сообщено о моем выступлении, причем смысл его был искажен.

Люттихау решил, что пришел момент проявить свою власть по отношению ко мне. Я был вызван к нему официальным письмом, и здесь он дал волю своему долго сдерживаемому гневу. Между прочим, я узнал, что он осведомлен о проекте театральной реформы, поданном министру. Я догадался об этом по дрезденскому простонародному выражению, которое он употребил и которого до того мне не приходилось слышать. Он сказал, что «в гробу видал»[83] меня в деле управления театром. Я не сдержался и в свою очередь высказал свои взгляды на сложившиеся между нами отношения. Люттихау стал грозить, что пожалуется на меня королю и будет требовать моего удаления, а я с величайшим спокойствием заявил, что предоставляю ему поступать, как ему заблагорассудится. Полагаясь на справедливость короля, я уверен, что будет выслушан не только обвинитель, но и обвиняемый. Я объяснил ему, что такой исход был бы для меня наиболее желателен, так как я не вижу другого способа высказаться перед королем не только по личному поводу, но по поводу театра и искусства вообще. Это опять-таки не понравилось фон Люттихау, и он спросил, как же в таком случае уладить наши отношения, раз я откровенно заявляю, что «дело дрянь»[84]. Мы закончили нашу конференцию, оба пожимая плечами.

Результат не мог, конечно, удовлетворить бывшего моего доброжелателя. Он обратился к рассудительности и умеренности Эдуарда Девриента, прося, чтобы тот помог нам прийти к какому-нибудь соглашению. Девриент, несмотря на всю свою серьезность, после переговоров со мною, смеясь, должен был признать, что добиться здесь какого-нибудь результата невозможно. А так как я твердо заявил, что не намерен отныне принимать участие в обсуждении театральных дел, то господину интенданту ничего не оставалось, как, полагаясь на собственную мудрость, вести дело

самому.

228

Немилость двора и дирекции отражалась, конечно, на моих делах, пока судьбе было угодно, чтобы я оставался дрезденским капельмейстером. Управление организованными мной в прошедшую зиму оркестровыми концертами было передано Райсигеру, и они немедленно приняли шаблонный характер обычных музыкальных вечеров. Интерес публики заметно упал, и лишь с трудом удалось обеспечить их дальнейшее существование. Принятия вновь на сцену «Летучего Голландца» я так и не добился, несмотря на то что созревший талант Миттервурцера представлял для этой оперы превосходную силу. Племянница моя Иоганна, которой я предназначал роль Сенты, находила эту партию для себя неподходящей: она не требовала блестящих нарядов. Иоганна предпочитала «Цампу» и «Фаворитку», которые теперь, благодаря ее новому покровителю, бывшему энтузиасту «Риенци» Тихачеку, ставились очень часто. Для участия в них дирекция доставляла ей каждый раз по три блестящих костюма.

Вообще эти два «матадора» дрезденской оперы заключили оборонительный союз против моего ригоризма[85] в составлении репертуара, что и выразилось, к полному моему посрамлению – постановкой доницеттиевской «Фаворитки», которую я некогда аранжировал в Париже для Шлезингера. Моя племянница находила, что главная партия подходит к ее голосовым средствам, и опиралась при этом на мнение своего отца. Я всеми силами противился этой постановке. Но когда выяснились мои нелады с дирекцией, мое желание оказывать влияние на ход театрального дела, наконец, немилость ко мне двора, решено было использовать момент и заставить меня же дирижировать этой отвратительной оперой, так как наступила как раз моя очередь.

Моим главным занятием в королевском театре сделалось теперь дирижирование «Мартой» Флотова. Публику эта опера привлекала мало, но она была удобна для постановки и потому крепко держалась в репертуаре. И вот, оглянувшись на результаты протекших шести лет деятельности в Дрездене, я не мог не прийти к унизительной мысли, что, несмотря на все мои усилия, я не достиг ничего. Я отчетливо сознавал, что если я сейчас покину Дрезден, здесь не останется от всей моей работы ни следа. По многим признакам не трудно было понять, что если бы дело дошло до короля, если бы мы оба, я и генерал-интендант,

предстали перед ним с нашими жалобами и объяснениями, то предпочтение все же было бы оказано придворному человеку, хотя бы во имя последовательности официозного духа.

Еще раз, в Вербное воскресенье нового 1849 года очередной концерт доставил мне глубокое удовлетворение. Чтобы обеспечить себе хороший сбор, капелла прибегла к Девятой симфонии Бетховена. Были приложены все усилия сделать концерт возможно более удачным. Публика отнеслась к нему с большой живостью. На генеральной репетиции тайно от полиции присутствовал Михаил Бакунин[86]. По окончании концерта он безбоязненно прошел ко мне в оркестр и громко заявил, что если бы при ожидаемом великом мировом пожаре предстояло погибнуть всей музыке, мы должны были бы с опасностью для жизни соединиться, чтобы отстоять эту симфонию. Через несколько недель после концерта на улицах Дрездена в самом деле появились признаки надвигающегося «мирового пожара», и Бакунин, с которым я еще до того странным и необыкновенным образом завязал близкие сношения, должен был сыграть тут роль оберфейерверкера.

229

Заинтересовался я этим необыкновенным человеком уже давно. Много лет назад имя его всплыло предо мной с газетных страниц в сочетании с какими-то необыкновенными обстоятельствами. Он выступил в Париже на одном из польских собраний с заявлением, что не придает никакого значения различию между поляком и русским, что важно лишь одно: хочет ли человек быть свободным или нет. Впоследствии я узнал от Георга Гервега[87], что, происходя из родовитой семьи, он отказался от всяких личных средств и, оставшись на бульваре с двумя франками в кармане, тут же отдал их нищему: ему казалось мучительным чувствовать себя связанным с прежней жизнью и сознавать себя сколько-нибудь обеспеченным.

О пребывании его в Дрездене сообщил мне однажды Рёкель, в то время совершенно «одичавший». Он приглашал меня отправиться на квартиру, где укрывался Бакунин, и познакомиться с ним лично. После пражских летних событий 1848 года, после заседаний славянского конгресса Бакунина преследовало австрийское правительство. Он бежал в Дрезден, не желая чересчур удаляться от Богемии. Особенное подозрение вызвал он в Праге тем, что чехов, искавших в России опору против ненавистной им германизации, призывал защищаться

огнем и мечом против тех же русских, против всякого народа, выступающего под знаменем деспотизма, под жезлом неограниченной державности. Одних этих поверхностных сведений было достаточно, чтобы во всяком немце рассеять по отношению к нему национальное предубеждение и даже привлечь к нему общие симпатии.

Когда я впервые увидел Бакунина у Рёкеля, в ненадежной для него обстановке, меня поразила необыкновенная импозантная внешность этого человека, находившегося тогда в расцвете тридцатилетнего возраста. Все в нем было колоссально, все веяло первобытной свежестью. Он ничем не показывал, что ценит знакомство со мной, так как, по-видимому, людей, живущих интересами духа, он ставил невысоко, ища натур, способных отдаться делу с безоглядной активностью. Как я впоследствии убедился, это было скорее теоретическое построение его ума, чем живое личное чувство: чересчур много он говорил об этом. В спорах Бакунин любил держаться метода Сократа. Видимо, он чувствовал себя прекрасно, когда, растянувшись на жестком диване у гостеприимного хозяина, мог дискутировать с людьми самых разных убеждений о задачах революции. В этих спорах он всегда оставался победителем. С радикализмом его аргументов, не останавливавшихся ни перед какими затруднениями, выражаемых притом с необычайной уверенностью, справиться было невозможно.

Он отличался необыкновенной общительностью. Уже в первый вечер нашего знакомства рассказал он мне всю историю своей жизни. Будучи русским офицером знатного происхождения, он страдал от бессмысленного гнета военной службы. Сочинения Руссо произвели на него глубокое впечатление, и он под предлогом отпуска бежал в Германию. В Берлине, как дикарь, возжаждавший культуры, он набросился на изучение философии. Здесь в то время главенствовала система Гегеля. Он так быстро освоился с нею, что, ни на шаг не отступая от гегелевской диалектики, приводил в замешательство самых выдающихся ее последователей. Справившись, по его выражению, с «философией в себе», он отправился в Швейцарию, где занялся пропагандой коммунизма. Затем через Францию и Германию он опять вернулся к границам славянского мира. Считая этот мир наименее испорченным цивилизацией, он отсюда ждал возрождения человечества. Свои надежды он основывал на русском национальном характере, в котором ярче всего сказался славянский тип. Основной чертой его он считал свойственное русскому народу наивное чувство братства. Рассчитывал он и на инстинкт животного, преследуемого человеком, – на ненависть

русского мужика к его мучителям, к дворянам. В русском народе, по его словам, живет не то детская, не то демонская любовь к огню, и уже Ростопчин[88] построил на этом свой план защиты Москвы при нашествии Наполеона. В мужике цельнее всего сохранилась незлобивость натуры, удрученной обстоятельствами. Его легко убедить, что предать огню замки господ со всеми их богатствами – дело справедливое и богоугодное. Охватив Россию, пожар перекинется на весь мир. Тут подлежит уничтожению все то, что, освещенное в глубину, с высоты философской мысли, с высоты современной европейской цивилизации, является источником одних лишь несчастий человечества. Привести в движение разрушительную силу – вот цель, единственно достойная разумного человека.

Развивая свои ужасные идеи и заметив, что мои глаза страдают от резкого света, Бакунин целый час держал, несмотря на мое сопротивление, свою широкую ладонь, закрывая меня от лампы. Разрушение современной цивилизации – идеал, который наполнял его энтузиазмом. Он говорил лишь об одном: как для этой цели использовать все рычаги политического движения, и его планы нередко вызывали у окружающих веселые иронические замечания. К нему приходили революционеры всевозможных оттенков. Ближе всего ему, конечно, были славяне, так как их он считал наиболее пригодными для борьбы с русским деспотизмом. Французов, несмотря на их республику и прудоновский социализм, он не ставил ни во что. О немцах он со мной никогда не разговаривал. К демократии, к республике, ко всему подобному он относился безразлично, как к вещам несерьезным.

Когда говорили о перестройке существующих социальных основ, он обрушивался на возражающих с уничтожающей критикой. Помню, как один поляк, испуганный его теорией, сказал, что должна же быть хоть какая–нибудь государственная организация, которая могла бы обеспечить человеку возможность пользоваться плодами трудов своих. Бакунин ответил: «Тебе придется, стало быть, огородить свое поле и создать полицию для его охраны». Поляк сконфуженно замолчал. Устроители нового мирового порядка найдутся сами собой, говорил он нам в утешение. Теперь необходимо думать только о том, как отыскать силу, готовую все разрушить. Неужели, спрашивал он, кто-нибудь из нас безумен настолько, что надеется уцелеть в пожаре всеобщего развала. Представим себе, что весь европейский мир, с Петербургом, Парижем и Лондоном, сложен в один костер. Можно ли думать, что люди, которые зажгут его, начнут потом строить на его обломках? Тем, кто заявлял о своей готовности пожертвовать собой, он отвечал возражением, производившим

сенсацию, что не в тиранах дело, что все зло – в благодушных филистерах. Типом такого филистера он представлял себе протестантского пастора. Он не мог допустить, чтобы немецкий пастор был в состоянии стать истинным человеком. Он поверил бы этому только в том случае, если бы тот самолично предал огню все свое поповское достояние, свою жену и детей.

230

Все эти ужасные речи смущали особенно потому, что с другой стороны Бакунин представлялся человеком, относившемся ко всему с тонкой и нежной чуткостью. Мои отчаянные беспокойства об искусстве, мои идеальные стремления в этой области были ему понятны. Но он отклонял всякую попытку с моей стороны ближе познакомить его с моими задачами. О работе над «Нибелунгами» он не хотел слышать ничего. Под влиянием Евангелия я набросал для идеальной сцены будущего трагедию под названием «Иисус из Назарета» [Jesus von Nazareth]. Бакунин просил меня пощадить его и не знакомить с этой вещью. Но так как мне все же удалось устно передать ему сущность моего замысла, он пожелал мне успеха, но усиленно просил, чтобы Иисуса я обрисовал человеком слабым. Что касается музыки, он советовал при композиции варьировать лишь один текст: пусть тенор поет – «Обезглавьте его!», сопрано – «Повесьте его!», а неумолкаемо гудящий бас – «Сожгите, сожгите его!» Однажды мне удалось уговорить его прослушать первые сцены «Летучего Голландца». Я играл и пел, и этот страшный человек обнаружил себя тут с совершенно неожиданной стороны. Он слушал музыку внимательнее всех других. А когда я сделал перерыв, он воскликнул: «Как прекрасно!» И просил играть еще и еще.

Так как ему приходилось вести печальную жизнь скрывающегося от преследований беглеца, я иногда зазывал его вечером к себе. Жена подавала к ужину нарезанную мелкими кусками колбасу и мясо, и вместо того чтобы, по саксонскому обычаю, экономно накладывать их на хлеб, он сразу поглощал все. Заметив ужас Минны, я осторожно стал поучать его, как у нас едят это блюдо. На это он ответил с улыбкой, что поданного на стол достаточно, что, хотя он чувствует свою вину, ему надо позволить справиться с блюдом по-своему. Не нравилось мне также, как он пил вино из небольшого стакана. Вообще он не одобрял этого напитка. Ему была противна та филистерская медленность, с какой благодушный обыватель напивается допьяна, поглощая вино маленькими дозами. Хороший стакан

водки приводит к той же цели быстро и решительно. Ненавистнее всего были для него рассчитанная умеренность, умышленно медленный темп наслаждения. Истинный человек стремится только к самому необходимому удовлетворению своих потребностей. Существует только одно наслаждение, достойное человека: любовь.

Эти и другие экстравагантные черты показывают, что в Бакунине антикультурная дикость сочеталась с чистейшим идеализмом человечности. Мои впечатления от него постоянно колебались между невольным ужасом и непреодолимой симпатией. Я часто брал его с собой на свои одинокие прогулки, и так как здесь он мог не бояться своих преследователей, он охотно принимал такие приглашения, нуждаясь в каком-нибудь моционе. Все попытки ближе обрисовать перед ним цель моих эстетических стремлений оставались бесплодными, так как мы не могли выйти за пределы чисто словесных дискуссий. Мои идеи казались ему чересчур запутанными. Он утверждал, что исходя из потребностей гнусной действительности нельзя творить законов для будущего: будущее должно вырасти из совершенно других условий общественности.

Так как каждый разговор он неуклонно сводил к разрушению, то я обратился к этому удивительному человеку с вопросом, как он думает приступить к делу. Тут обнаружилось, как я уже догадывался раньше и как это выяснилось теперь с полною отчетливостью, что все у него построено на произвольных предположениях. С моими планами организации искусства будущего я рисовался ему человеком непрактичным, витающим в облаках. Но оказалось, что и его проекты относительно неизбежного разрушения существующих культурных учреждений по меньшей мере так же мало основательны, как мои. Можно было подумать, что Бакунин является центром универсальной конспирации.

Но вот выяснилось, что его практическая задача сводится лишь к замыслу вызвать новое революционное брожение в Праге, причем вся надежда в этом отношении возлагалась на организацию нескольких студентов. Когда ему показалось, что час восстания настал, он однажды вечером начал готовиться к небезопасному для него переезду в Прагу, раздобыв паспорт английского купца. Ему пришлось остричь и обрить свои великолепные кудри и бороду и придать себе филистерски

культурный вид. Так как пригласить парикмахера нельзя было, Рёкель принял дело на себя. Операция эта была произведена в присутствии небольшого кружка знакомых, тупой бритвой, причинявшей величайшие муки. Пациент сохранял невозмутимое спокойствие. Отпустили мы Бакунина в полной уверенности, что живым больше его не увидим. Но через неделю он вернулся обратно, убедившись на месте, как легкомысленны были доставленные ему сведения о положении дел в Праге: там к его услугам оказалась кучка полувзрослых студентов. Рёкель добродушно посмеивался над ним, и отныне он стяжал у нас славу революционера, погруженного в конспирацию только с теоретической стороны.

Приблизительно то же, что с пражскими студентами, вышло у него впоследствии и с русским народом. Все его предположения оказались ни на чем не основанными, произвольными, идущими из теоретических обобщений относительно существа предмета. Я пришел к убеждению, что слава чрезвычайно опасного человека, которой он был окружен в широких европейских кругах, вытекала из теоретической пропаганды его воззрений, а не из его практической работы на почве действительной жизни. Но я имел возможность убедиться, что в его личном поведении не было никаких эгоистических расчетов, как это часто бывает среди людей, которые несерьезно относятся к своим собственным теориям. Это скоро обнаружилось в дни рокового восстания в мае 1849 года.

232

Всю зиму, до самой весны 1849 года, я провел благодаря описанным выше обстоятельствам и настроениям в состоянии смутного брожения. Эскиз пятиактной драмы «Иисус из Назарета», набросанный приблизительно к Новому году, был последней моей работой в области искусства. С тех пор я жил среди неясных мыслей, желаний и надежд. Я сознавал, что моей дрезденской художественно-артистической деятельности пришел конец. Положение мое было настолько тягостно, что я ждал случая, чтобы обстоятельства заставили меня окончательно развязаться с ним. С другой стороны, политическая ситуация в Германии и Саксонии предвещала неизбежную катастрофу. Она приближалась с каждым днем, и мне нравилось связывать свою личную судьбу с общим положением вещей. Реакция сознательно и открыто провоцировала общество, так что в ближайшем будущем можно было ждать решительных схваток. Я не

испытывал страстного желания принять в них деятельное участие, но без оглядки готов был броситься в поток движения, куда бы он ни привел меня.

Как раз в это время в судьбу мою вплелось событие, к которому я отнесся сначала скептически: в марте Лист известил меня о предстоящей под его управлением постановке в Веймаре «Тангейзера» – первой постановке после Дрездена. С большой скромностью он сообщал, что все это предприятие является результатом его личного желания. Чтобы обеспечить себе успех, он пригласил в Веймар на оба первых представления Тихачека. Вернувшись оттуда, Тихачек рассказал о хорошем приеме, оказанном моей опере, чем положительно поразил меня. Кроме гонорара, я получил от Великого герцога золотую табакерку, которая служила мне до 1864 года. Все это было ново и казалось настолько странным, что я был склонен отнестись к радостному событию как к случайному эпизоду, как к дружескому капризу крупного художника. К чему мне все это теперь, спрашивал я сам себя? Не слишком ли поздно, не слишком ли рано? Вскоре я получил любезное письмо от Листа. Он сообщал, что в мае предстоит третья постановка «Тангейзера» и что, желая сохранить оперу в репертуаре, он намерен поставить ее исключительно при содействии местных сил. Это побудило меня поехать ненадолго в Веймар, для чего я испросил отпуск на вторую неделю мая. До представления оставалось несколько дней, но дни эти были роковые.

Первого мая новое министерство Бейста[89], созванное королем под давлением реакции, распустило палаты. Пришлось подумать о Рёкеле и его семье. В качестве депутата он был в безопасности от уголовных преследований, с момента же роспуска палат он был беззащитен. Необходимо было бегством спастись от нового тюремного заключения. Так как лично помочь ему я не имел возможности, то я обещал позаботиться в его отсутствие о выходе издаваемой им газеты. Это был единственный источник поддержки для его семьи. Едва только Рёкель успел бежать через богемскую границу, в то самое время, когда я в величайшем замешательстве хлопотал над очередным номером «Народных листков», в Дрездене разразились давно ожидаемые события. Начался настоящий вихрь депутаций, демонстрации толпы, яростные вечерние заседания всевозможных обществ. Появились все признаки, предшествующие восстанию. Третьего мая внешний вид улиц со снующими по ним толпами взволнованного народа свидетельствовал о том, что дело близится к тому концу, которого, несомненно, добивались власти. Правительство с неожиданной твердостью отклоняло всякие

депутации, требовавшие признания немецкой союзной конституции.

После обеда я присутствовал на заседании президиума «Отечественного союза», но лишь в качестве гостя, в интересах «Народных листков», заботиться о которых я считал своей обязанностью по соображениям экономическо-гуманного характера. Здесь меня неожиданно поразило поведение тех людей, которые, пользуясь расположением народа, стали во главе подобного рода обществ. Разыгрывавшиеся события были им неприятны, в особенности когда стало известно о случаях террора со стороны низших активных слоев населения по отношению к представителям демократических теорий.

Я слушал всевозможные дикие предложения и нерешительные возражения на них. Основной темой была необходимость подумать о защите. Говорили о милиции и доставке оружия. Во всем чувствовалась крайняя неуверенность. Когда внезапно решено было разойтись по домам, у меня осталось впечатление полного замешательства. Ушел я вместе с молодым художником Кауфманом[90], ряд картонов которого, озаглавленных «История Духа», я недавно видел на Дрезденской художественной выставке. От одного из них, изображающего пытки еретика в испанском инквизиционном суде, король Саксонский отвернулся, неодобрительно качая головой, как от рисунка с несвойственным искусству сюжетом. Кауфман был бледен и расстроен. С большой тревогой смотрел он на приближающиеся события. Когда, разговаривая, мы очутились на почтовой площади, невдалеке от фонтана, устроенного по указаниям Земпера, с ближайшей колокольни церкви Святой Анны внезапно раздался набат. То был призыв к восстанию. «Господи, начинается!» – в ужасе воскликнул мой спутник и куда-то скрылся. Впоследствии я узнал, что он живет в Берне как политический эмигрант. Но более я его не видел.

233

Звон набатного колокола произвел и на меня глубокое впечатление. Была ясная, солнечная погода, и со мной повторилось то же самое, что случилось с Гёте, когда он услышал канонаду при Вальми[91]. Вся площадь показалась мне озаренной темно-желтым, коричневым светом, как в то солнечное затмение, которое я наблюдал когда-то в Магдебурге. Я почувствовал особенное оживление. Хотелось вдруг поиграть чем-нибудь таким, чему обыкновенно придаешь серьезное значение. Внезапно

пришло мне в голову, вероятно по близости расстояния, пойти к Тихачеку и попросить у этого страстного охотника его огнестрельное оружие. Я нашел его жену, сам он был в отпуске. Ее страх перед надвигающимися событиями вызвал во мне прилив бурного веселья. Я посоветовал ей весь охотничий арсенал ее мужа передать в комитет «Отечественного союза» под расписку, иначе им непременно овладеет восставшая толпа. Впоследствии я узнал, что моя эксцентричная веселость была зачтена мне самым серьезным образом в преступление.

Отсюда я пошел на улицу, чтобы убедиться, происходит ли там, кроме набата и желтоватого солнечного затмения, еще что-нибудь. Я попал на старый рынок, где увидел группу людей, оживленно о чем-то беседовавших. К величайшему изумлению, я нашел здесь Шрёдер-Девриент, только что приехавшую из Берлина. Она была потрясена известием, что в народ стреляли. Недавно только ей пришлось быть свидетельницей того, как силой оружия была подавлена попытка к восстанию. Теперь она была возмущена, что в ее мирном Дрездене происходит то же самое. Обступившая ее грубая толпа относилась к ее возмущению с бессмысленным юмором. Отвернувшись, она заметила меня и, по-видимому, обрадовалась, найдя человека, к которому можно обратиться с просьбой употребить все усилия и не дать разразиться надвигающемуся кровопролитию.

На другой день я встретился с ней в доме моего старого друга Гейне, где она нашла пристанище. Здесь, видя мое хладнокровие, она снова стала заклинать меня пустить в ход все средства, какие только могли находиться в моем распоряжении, чтобы не позволить разыграться бессмысленной, братоубийственной борьбе. Как я узнал впоследствии, ее поведение подало повод властям возбудить против нее обвинение в государственной измене и в возбуждении народа к восстанию. В течение процесса ей пришлось употребить много усилий, чтобы доказать свою непричастность к делу и спасти пенсию, оговоренную в контракте и выслуженную ею за долголетнюю работу в Дрезденской опере.

234

В тот же день, 3 мая, я отправился в ту часть города, откуда доходили слухи о кровопролитном столкновении. Как я узнал, схватка вышла у цейхгауза. Возбужденная толпа хотела силой взять этот стратегический пункт, но солдаты разогнали ее картечью. Когда я подходил по Рамише-гассе [Ramische Gasse] к этому месту, я наткнулся на несколько человек из дрезденской

муниципальной гвардии, совершенно безвинно попавших под огонь. Одного из них, раненного в ногу, вел товарищ, заботливо поддерживая его под руку. Он старался бодро двигаться вперед, но правая нога не подчинялась его воле. За ним на мостовой оставался кровавый след, и из толпы раздавались крики: «Он истекает кровью!» Зрелище это сильно потрясло меня, и я как-то сразу понял смысл со всех сторон раздававшегося крика: «На баррикады! На баррикады!»

Увлекаемый толпой, я вместе с ней двинулся к ратуше на Старом рынке. Улицы были полны возбужденного народа, но особенно бросилась мне в глаза весьма внушительная колонна, двигавшаяся во всю ширину Розмариненгассе [Rosmaringasse]. То были люди, своим внешним обликом, несколько утрированным, напоминавшие мне тех беглецов из Вены, которые явились когда-то в театр и просили свободного входа на «Риенци». Был здесь и горбун, напоминавший гётевского Фанзена в «Эгмонте». Я видел, как при раздававшихся вокруг яростных восклицаниях он потирал от удовольствия свои длинные руки: наставшее после долгого ожидания революционное возбуждение, видимо, радовало его. С этого момента, помню совершенно ясно, ход необыкновенных событий глубоко заинтересовал меня. Я не испытывал прямого желания вмешаться в ряды борцов, но возбуждение и участие к происходящему росло во мне с каждым шагом. Не сливаясь с бушующей толпой, я проник в здание ратуши. Сначала мне показалось, что городские власти действуют с народом заодно. Но, попав незамеченный в самый зал заседания, я убедился, что здесь царят полнейшие замешательство и растерянность. С наступлением ночи я медленно направился домой, в отдаленный Фридрихштадт, пробираясь через сооружаемые везде баррикады.

На следующий день я решил рано утром опять отправиться в центр города для наблюдения за ходом неслыханных событий. В четверг 4 мая стало выясняться, что ратуша становится главным центром революционного движения. Скоро распространился слух, что король со всей свитой по совету министра Бейста покинул дворец и по Эльбе отправился в крепость Кёнигштайн [Königstein]. Тех, кто еще надеялся на мирное соглашение с монархом, известие это страшно встревожило. При таких обстоятельствах городское управление, не решаясь брать на себя ответственность за происходящее, обратилось с воззванием к находящимся в Дрездене депутатам, членам саксонского парламента. Эти последние собрались в ратуше, чтобы обсудить создавшееся положение и принять необходимые меры для восстановления нарушенного порядка. Отправлена была депутация в Совет министров, но она вернулась с известием, что

нигде нельзя найти министров. Затем стали подтверждаться доносившиеся со всех сторон слухи, что по состоявшемуся соглашению войска прусского короля двинулись на оккупацию Дрездена. Одна мысль овладела всеми: помешать вторжению чужих войск. В это время было получено известие об успехах народного движения в Вюртемберге, где войска остались верны парламенту и тем расстроили планы реакционеров. Они заставили правительство признать незыблемость немецкой союзной конституции.

Эти слухи ободрили собравшихся в ратуше. Появилась надежда, что дело будет мирно улажено, если удастся побудить саксонские войска вести себя так же, как вели себя вюртембергские. Это должно было внушить королю спасительное решение: воспротивиться, по чувству патриотизма, оккупации страны пруссаками. Все как будто сводилось к одному: разъяснить находящимся в Дрездене саксонским войсковым частям решающую важность их поведения. Я лично видел в этом надежду добиться почетного мира, выход из бессмысленной хаотической путаницы. В этот единственный раз я увлекся до того, что сам задумал и выполнил демонстрацию, оставшуюся, впрочем, без всякого результата. Совершенно в духе «Народных листков» я заставил отпечатать крупными заглавными литерами, имевшимися в распоряжении типографии, в одну строку на длинных полосах бумаги следующий вопрос: «С нами ли вы против чужих войск?» Действительно, эти плакаты были укреплены на тех баррикадах, которым предстояло выдержать штурм саксонских солдат. Они должны были войскам, выведенным в бой, предначертать их поведение. На деле никто не обратил на них никакого внимания, за исключением доносчиков.

День прошел в величайшем возбуждении, везде царило полнейшее замешательство. Никто не знал истинного положения вещей. Но для наблюдателя старый город, покрытый баррикадами, представлял большой интерес. В высшей степени любопытно было следить, как все готовились к серьезному сопротивлению. Неожиданно я встретил на улице Бакунина. В черном фраке, с неизбежной сигарой во рту, он бродил открыто по городу, среди запруженных улиц. Я был уверен, что дрезденские события должны его наполнять восторгом. Оказалось, что я ошибался. В принимаемых населением мерах защиты он видел только признаки детской беспомощности. При этом для себя лично он усматривал только одно удобство: возможность не прятаться от полиции и спокойно выбраться из Дрездена. Дело не казалось ему настолько серьезным, чтобы побудить его принять в нем личное участие.

Пока он с сигарой во рту весело обсуждал состояние дрезденской революции, взоры мои вдруг приковало новое зрелище: у ратуши в полном вооружении по призыву коменданта собралась муниципальная гвардия. Из рядов особенно почетной стрелковой части вышли ко мне Ритшель и Земпер. Ритшель был очень озабочен всем происходившим. А Земпер, полагая, что я стою близко к центру дела, стал мне жаловаться, что очутился в чрезвычайно трудном положении. Отборная часть гвардии, к которой он принадлежал, отличается крайне демократическим направлением, он же, профессор Академии художеств, не знает, как примирить это обстоятельство с обязанностями чиновника. Слово «чиновник» в его устах произвело на меня необыкновенно комическое впечатление. Я пристально посмотрел в глаза Земперу и повторил: «Чиновник!» Со странной улыбкой он молча отошел от меня без дальнейших объяснений.

235

На следующий день, в пятницу, 5 мая, гонимый страстным интересом наблюдателя, я опять пробрался в ратушу и убедился, что дела принимают решительный оборот. Собравшиеся депутаты саксонского парламента в главной своей массе пришли к заключению, что так как фактически саксонского правительства больше не существует, то необходимо приступить к организации временной власти. Профессору Кёхли, обладавшему прекрасным ораторским талантом, было поручено объявить об этом с балкона народу, что он торжественно и выполнил перед собравшимися на площади верными долгу частями муниципальной гвардии и не особенно многочисленными толпами граждан. Тут же было заявлено о сохранении в полной силе германской союзной конституции, и вооруженный народ был приведен к присяге. Припоминаю, что все это не вызвало во мне особенного подъема. Напротив, я начинал понимать истинный смысл замечаний Бакунина, все время мелькавшего перед глазами, его отношение к актам такого рода.

С технической стороны его пессимизм вполне подтвердился. Земпер в полной форме стрелка, в шляпе знаменосца вызвал меня из ратуши и, к моему величайшему удивлению и не меньшей забаве, стал указывать на то, как неумело строятся баррикады, особенно одна, на углу Вильсдруффер-гассе [Wilsdruffer Gasse] и Брюдергассе [Brüdergasse]. Чтобы успокоить его артистическое чувство инженера, я направил его в кабинет специально избранной военной комиссии обороны. Он последовал моим

указаниям, как бы исполняя свой долг. По-видимому, там ему дали необходимые полномочия для ведения важных работ по перестройке плохо защищенного пункта. С тех пор я его в Дрездене больше не видел. Надо думать, что он исполнил возложенную на него стратегическую работу как истинный архитектор, с художественно-артистической добросовестностью какого-нибудь Микеланджело или Леонардо да Винчи.

236

Переговоры о перемирии тянулись до следующего дня. Энергией и ораторским даром выделился при этом мой бывший университетский приятель, адвокат Маршалль фон Бибершайн[92]. В качестве одного из обер-офицеров дрезденской коммунальной гвардии он сделал больше, чем все остальные ораторы. В тот же день был избран комендант дрезденских народных боевых сил, бывший греческий полковник Хайнце[93]. Бакунина, то и дело показывавшегося в разных пунктах города, все это не успокаивало. Временное правительство стремилось мирно разрешить вопрос при помощи морального воздействия. Он ясно видел, что пруссаки готовятся к хорошо обдуманному наступлению, и полагал, что необходимо выработать соответствующие стратегические меры, чтобы встретить их готовыми к бою. А так как восставшим саксонцам недоставало солидных воинских сведений, то он настойчиво предлагал призвать опытных польских офицеров, находившихся в Дрездене. Все с ужасом отшатнулись от этого плана. Чего-то ждали от находившегося при последнем издыхании союзного правительства во Франкфурте. Стремились идти по строго легальному пути, держаться принципов парламентаризма.

Жизнь тем временем текла довольно приятно. В прекрасный весенний вечер знатные дамы разгуливали со своими кавалерами по забаррикадированным улицам. Похоже было на интересный спектакль. Меня охватило благодушное настроение, не лишенное юмора. Казалось, что все это несерьезно, что миролюбивая прокламация от лица правительства все приведет в порядок. С такими мыслями я поздно вечером медленно пробирался сквозь многочисленные преграды на свою отдаленную квартиру. Я размышлял о занимавшем меня с некоторого времени плане написать драму под заглавием «Ахиллес». Дома я застал моих двух племянниц, Клару и Оттилию Брокгауз, дочерей сестры моей Луизы, живших в последний год в Дрездене у одной воспитательницы. Они бывали у меня раз в неделю и вносили

струю веселья в мою обстановку. Все оказались в благодушно-революционном настроении, все симпатизировали баррикадам и без стеснений желали их защитникам победы.

Так прошел весь день пятницы 5 мая, пока длилось перемирие. Отовсюду доходили известия, которые заставляли верить в возможность общего восстания по всей Германии. Баден, Пфальц поднялись на защиту союзной конституции, из отдельных городов, как из Бреслау, доносились слухи в таком же духе, в Лейпциге образовался корпус студентов, спешивших в Дрезден на помощь. Они прибыли сюда и были приняты населением с энтузиазмом. В ратуше организовался особый департамент защиты, в котором, между прочим, принимал участие молодой Гейне, так жестоко обманутый в своих надеждах на постановку «Лоэнгрина». Из саксонских рудников доходили известия о живом сочувствии дрезденскому движению и о готовой вооруженной помощи. Казалось, что, если только Альштадт[94] будет покрыт хорошими баррикадами, непременно удастся отстоять Дрезден от оккупации.

В субботу 6 мая, рано утром, обнаружилось, что дело становится серьезнее: прусские войска вступили в Нойштадт. Прежде не решались пускать в атаку саксонских солдат, теперь они должны были исполнить свой солдатский долг. В полдень истек срок перемирия, и сейчас же войска, поддерживаемые артиллерией, начали наступление на одну из главных позиций восставших, расположенную на Ноймаркте [Neumarkt; Новом рынке]. Я все еще был уверен, что, как только начнется серьезная борьба, дело будет закончено в короткий срок, так как ни сам я, ни окружающие не проявляли серьезной решимости защищаться, а без страстного подъема такие дела не делаются. Было мучительно издали прислушиваться к стрельбе, хотелось самому наблюдать за ходом событий, и мне пришла в голову мысль взобраться на *Kreuzturm*[95]. Оттуда было видно не все, но многое. Войска, поддерживавшие в течение часа сильный огонь, сначала медленно подвигались вперед, но потом отступили и, наконец, совершенно замолкли. Вдруг до меня донеслись ликующие крики восставших. Первый натиск был отбит. С этого мгновения мое участие в событиях стало принимать более страстную окраску.

Чтобы получить точные сведения, я поспешил к ратуше. Но там среди невероятного смятения я ничего не мог добиться, пока в одном из центральных пунктов не наткнулся на Бакунина, который дал мне следующие необыкновенно точные сведения: с осаждаемой баррикады на Ноймаркте в главную квартиру прибыло известие, что защитники ее совершенно разбиты и рассеялись под натиском войск. Тогда друг мой Маршалль фон

Биберштайн вместе с Лео фон Цихлинским[96], членом комиссии обороны, вызвали добровольцев и с ними отправились к месту, находящемуся в опасности. Совершенно безоружный, с обнаженной головой, фрайбергский окружной начальник Хойбнер[97], член временного правительства, оставшийся на своем посту (двое других, Тодт[98] и Чирнер[99], скрылись при первой же тревоге), взошел на покинутую защитниками баррикаду и, обернувшись спиной к войскам, в горячих словах убеждал добровольцев последовать его примеру. Успех был полный. Баррикада была отбита, и оттуда на войска был направлен такой неожиданно энергичный огонь, что они принуждены были отступить.

Этот эпизод, который я наблюдал с высоты, разыгрался на глазах у Бакунина, примкнувшего к добровольцам. Бакунин заявил мне, что, как бы ни были ограничены политические воззрения Хойбнера (он принадлежал к умеренно левым в саксонском парламенте), это благородный человек, которому он немедленно отдает себя в полное распоряжение. Он, Бакунин, пережил то, к чему стремился. Теперь он знает, что ему следует делать. Надо рискнуть головой и больше ни о чем не спрашивать. Хойбнер тоже, по-видимому, понял необходимость энергических мер, и предложения Бакунина нисколько не пугали его. При коменданте, неспособность которого быстро выяснилась, был образован военный совет из опытных польских офицеров. Бакунин, сам ничего не понимавший в вопросах стратегии, не покидал ратуши и Хойбнера, помогая советами и проявляя удивительное хладнокровие.

Конец дня прошел в перестрелке на различных пунктах между восставшими и войсками. Мне снова захотелось взобраться на Kreuzturm и оттуда следить за всей картиной. Чтобы проникнуть туда, надо было пройти площадь, непрерывно обстреливаемую солдатами, которые расположились в королевском дворце. Площадь была совершенно пуста, но мне хотелось пройти ее медленными шагами, причем я тут же, кстати, вспомнил, что молодым солдатам советуют в таких случаях не слишком торопиться, чтобы не навлечь на себя выстрелов. Добравшись до башни, я нашел там много народу: одних привлекло то же, что и меня, другие были командированы для наблюдения за неприятелем. Здесь я познакомился с учителем Бертольдом [Berthold], спокойным, кротким, но убежденным и решительным человеком. У нас завязался серьезнейший философский спор, в котором оказались затронутыми отвлеченнейшие вопросы религии. У башенного сторожа он добыл соломенный тюфяк, чтобы защитить нас от солдатских

пуль, то и дело долетавших сюда: прусским стрелкам, расположившимся на башне Фрауенкирхе[100], было приказано обстреливать занятую нами позицию.

Мне ни за что не хотелось покидать с наступлением ночи свой интересный наблюдательный пост и отправляться домой, поэтому я уговорил сторожа послать своего помощника к моей жене во Фридрихштадт и принести оттуда чего-нибудь поесть. Так провел я под жуткое гуденье колокола и под непрестанное щелканье прусских пуль о стены одну из самых удивительных ночей в моей жизни. Мы с Бертольдом поочередно спали и бодрствовали на страже. Воскресенье 7 мая было одним из прелестнейших дней в этом году. Меня разбудила песня соловья, долетавшая из расположенного невдалеке сада. Тишина и мир царили над городом, над широкими его окрестностями, видимыми с высоты. Только перед самым восходом солнца их окутал легкий туман, сквозь который я вдруг услышал ясно и отчетливо долетавшую ко мне со стороны Тарандтер-штрассе [Tharandter Straße] музыку Марсельезы.

По мере того как звуки приближались, туман рассеивался, и ярко-красное солнце сверкнуло на блестящем вооружении длинной колонны, приближавшейся к городу. Нельзя было не поддаться восторгу при виде этого чудесного зрелища. Та стихия, присутствие которой я так долго отрицал в немецком народе, отрицал безнадежно, немало содействуя этим росту собственного пессимистического настроения, вдруг восстала перед моими глазами с необыкновенной живостью. Колонна не менее чем в тысячу хорошо вооруженных и организованных рудокопов, большей частью из Рудных гор[101], спешила на защиту Дрездена. Скоро увидели мы ее на Альтмаркте против ратуши, где, встреченная радостными криками народа, она расположилась лагерем на отдых. Подобные партии прибывали в течение всего дня. Это была награда за мужество вчерашнего дня, благотворно повлиявшая на дух народа. Солдаты, по-видимому, изменили тактику: они отказались от решительной атаки на определенный пункт и стали одновременно обстреливать разные места. Прибывшие к нам на помощь привезли четыре небольших пушки, принадлежавших господину Дате фон Бургку[102], с которым я познакомился на торжестве открытия Дрезденского певческого общества. Он произнес тогда чрезвычайно благожелательную, но до смешного скучную речь. Когда палили с баррикад по солдатам, эта канонада – о, ирония, судьбы! – почему-то напомнила мне его речь.

Несравненно внушительней было мое впечатление, когда около одиннадцати часов я увидел старое оперное здание, то

самое, в котором несколько недель тому назад я дирижировал Девятой симфонией, объятое пламенем пожара. Как я уже упоминал, это временно построенное здание, переполненное деревом и полотном, представляло опасность в пожарном отношении: обстоятельство, бывшее источником вечных опасений для посетителей. Мне объяснили, что его подожгли из стратегических соображений, чтобы иметь возможность отбить опасную атаку солдат и защитить знаменитую земперовскую баррикаду от неожиданного нападения. Отсюда можно было сделать нравоучительный вывод, что такие соображения играют в жизни гораздо большую роль, чем мотивы эстетического характера. Этих последних оказывалось всегда недостаточно, чтобы снести отвратительное здание, обезображивающее элегантный Цвингер. Наполненный горючим материалом дом, импонировавший своими размерами, стал жертвой огня в несколько минут. Когда пламя достигло железных кровель близлежащих галерей Цвингера и они словно задвигались в его голубоватых волнах, зрители стали высказывать опасения, как бы не пострадали естественно-научные коллекции. Другие думали, что пламя угрожает оружейной палате с ее старинными рыцарскими доспехами, причем один из граждан нашел, что жалеть нечего: пусть сгорят эти дворянские чучела. Однако пожар локализировали, по-видимому, из уважения к искусству, так как на деле он особых убытков причинить не мог.

Наш сравнительно тихий смотровой пункт оказался вскоре переполненным вооруженными людьми, командированными сюда для охраны Альтмаркта. Опасались нападения со стороны плохо защищенного Кройц-гассе [Kreuzgasse]. Невооруженным здесь делать было нечего. Кроме того, ко мне явился посол от жены, смертельно встревоженной, с просьбой идти домой. Лишь с большим трудом и с большой потерей времени удалось мне пробраться обходными путями в мое отдаленное предместье. Борьба была в полном разгаре, а со стороны Цвингера гремела усиленная канонада. Дом мой оказался переполненным взволнованными женщинами, и между ними была до смерти встревоженная жена Рёкеля, совершенно уверенная в том, что ее муж, узнав о восстании в Дрездене, бросился сюда и, конечно, находится в самом центре битвы. Действительно, я слышал, что Рёкель вернулся, но лично его не видел. Чрезвычайно забавляли меня мои молодые племянницы: они были в восторге от непрестанной стрельбы и заразили своим настроением даже жену, после того как она успокоилась на мой счет. Все были возмущены поведением скульптора Хэнеля, державшего свой дом наглухо запертым, чтобы туда не проникли революционеры.

Особенный ужас внушали ему люди, вооруженные косами, и все женщины без исключения потешались над ним за это. Так прошло при праздничном подъеме воскресенье.

237

На следующий день, в понедельник утром 8 мая, я из своей отрезанной от поля битвы квартиры опять попытался проникнуть к ратуше, чтобы справиться о положении дел. Когда возле церкви Святой Анны [Annenkirche] я перелезал через одну из баррикад, какой-то муниципальный гвардеец крикнул мне: «Господин капельмейстер, *Freude schöner Götterfunken*[103] – возгорело и сожгло гнилое здание!» Очевидно, это был один из восхищенных слушателей, присутствовавших на последнем концерте при исполнении Девятой симфонии. Его неожиданный пафос при таких обстоятельствах подействовал на меня освежающим образом. Он освободил во мне какие-то силы.

Несколько далее, на уединенных улицах предместья Плауен, я наткнулся на камерного музыканта Хибендаля [Hiebendahl], доныне очень уважаемого гобоиста Королевской капеллы. В форме муниципального гвардейца, без вооружения, он болтал с каким-то господином, облаченным так же, как он. Как только он меня увидел, он стал просить моего заступничества против Рёкеля, обыскивавшего в сопровождении отряда революционеров этот квартал с целью найти оружие. Но когда я стал с участием расспрашивать его о Рёкеле, он сначала испугался, а потом озабоченно спросил меня: «Однако, господин капельмейстер, разве вы не боитесь потерять свою должность, высказываясь с такою откровенностью?» Это напоминание раззадорило меня. Я громко расхохотался и объяснил, что невысоко ценю свое положение капельмейстера. Скрытое настроение радостно вырвалось наружу. В эту минуту я увидел Рёкеля в сопровождении двух милиционеров, которые несли оружие. Он дружески со мной поздоровался, но тут же обратился к Хибендалю и его товарищу с упреком: почему, будучи в мундире муниципальной гвардии, они не находятся на своем посту? Хибендаль оправдывался тем, что у него отняли оружие, на что Рёкель воскликнул: «Нечего сказать, славные ребята!» – и со смехом двинулся вперед.

Пока мы шли вместе, он рассказал мне коротко, что произошло с ним за время его отсутствия в Дрездене, и выслушал отчет о «Народных листках». В эту минуту нас разделил значительный отряд хорошо вооруженных молодых людей,

членов гимнастических обществ[104], только что прибывших в Дрезден и просивших указать дорогу на предназначенный им сборный пункт. Зрелище многих сотен решительно настроенных юношей сильно повысило мое настроение. Рёкель взял на себя задачу провести их через лабиринт баррикад на площадь, прилегающую к ратуше. В разговоре он жаловался на недостаток настоящей энергии со стороны командующих. Он предложил на баррикадах, находящихся в особенной опасности, применить «смоляные венки»[105]. Но представители временного правительства пришли в добродетельный ужас от одних этих слов.

Не мешая ему идти своей дорогой, я кратчайшим путем стал пробираться к ратуше и с тех пор увидел его лишь через тринадцать лет. В ратуше я узнал от Бакунина, что временное правительство решилось принять его план. Надо было покинуть дрезденскую позицию, малопригодную для продолжительного сопротивления, и отступить отсюда в полном вооружении в Рудные горы, куда со всех сторон стекались – между прочим, и из Тюрингии – многочисленные вооруженные отряды. Начиналась немецкая народная война, и занять превосходные позиции в горах представлялось наиболее разумным. Дальнейшая борьба на баррикадах при всем ее мужестве носила бы характер уличного мятежа.

Признаюсь, эта мысль показалась мне великолепной и значительной. То, что прежде возбуждало во мне сочувствие, не лишенное иронии и скептицизма, а потом вызвало большое удивление, расширилось в событие важное и полное глубокого значения. Я не чувствовал никакого желания, никакого призвания взять на себя какую-либо определенную функцию, но зато я совершенно махнул рукой на всякие соображения о личном положении и решил отдаться потоку событий: отдаться настроению с радостным чувством, похожим на отчаяние. Не желая, однако, оставить жену в Дрездене беспомощной, я быстро создал план, как увезти ее отсюда, ничего ей при этом не объясняя. Поспешно вернувшись во Фридрихштадт, я узнал, что эта часть города занята прусскими солдатами и совершенно отрезана от его внутренней части. Было ясно, что оккупация и военная осада влекли за собой для жителей нашего предместья массу неприятностей, и мне легко было уговорить Минну отправиться немедленно через свободную Тарандтер-штрассе [Tharandter Straße] в Кемниц, к моей замужней сестре Кларе. Она очень быстро справилась со всем, что было необходимо устроить по дому, и обещала через час прийти с попугаем в ближайшую деревню, куда я отправился вперед с Пепсом, чтобы нанять

лошадь до Кемница.

Было прекрасное весеннее утро, когда я в последний раз шел обычным путем моих одиноких прогулок, сознавая, что больше я сюда не вернусь. Пели жаворонки и взмывали вверх над полями, а из города доносилась неумолчная канонада. Но мозг мой до такой степени привык за последние дни к ружейным выстрелам, что, казалось, они преследовали меня еще долго потом: совершенно так, как после морского путешествия я чувствовал в Лондоне колебание почвы под ногами. Под звуки ужасной музыки я послал привет городу. Глядя на башни, виднеющиеся в отдалении, я с улыбкой констатировал, что если семь лет назад мое прибытие сюда было обставлено очень скромно, то теперь я покидаю Дрезден при обстоятельствах чрезвычайно торжественных.

238

Когда мы вместе с Минной продвигались по направлению к горам в экипаже, мимо нас часто проходили свежие вооруженные отряды. Зрелище это невольно радовало нас, и даже жена заговаривала с ними в ободряющем тоне: ни одна баррикада еще не взята. Напротив, отряд пехоты, молча направлявшийся в Дрезден, произвел на нас тяжелое впечатление. На вопрос, обращенный к некоторым из солдат, куда они идут, они отвечали сухой, заранее внушенной им фразой, что идут исполнить свой долг.

Когда мы прибыли в Кемниц, я испугал родных заявлением, что завтра же еду назад в Дрезден, чтобы узнать, как идут дела. Несмотря на все уговоры, я исполнил свое решение, надеясь по пути встретить отряды вооруженного народа, покидающие город. Однако чем ближе к Дрездену, тем более подтверждались слухи, что там и не думают ни о сдаче, ни об отступлении, так как борьба складывается очень благоприятно для народной партии. Все это казалось мне каким-то неслыханным чудом.

В самом напряженном настроении я снова, во вторник 9 мая, пробирался к ратуше в Альтштадт. Передвижение становилось все более и более затруднительным. Улицы были загромождены, и приходилось пролагать себе дорогу через рухнувшие дома. Наступил вечер. То, что я видел, было поистине ужасно, так как я проходил по тем частям города, где жители собирались отстаивать дом за домом. Непрерывный гром пушек и залпы ружей совершенно заглушали звуки перекликавшейся с баррикады на баррикаду, из прохода в проход шумевшей толпы

вооруженного народа. Крики эти казались неясным жужжанием. Смоляные костры горели тут и там, переутомленные бледные люди лежали вокруг них на сторожевых постах. Строгие оклики и опросы встречали каждого проходящего. Но исключительное впечатление овладело мной, когда я вступил в ратушу. Здесь шла тяжелая борьба, организованная, серьезная. Следы величайшего утомления лежали на всех лицах, ни один голос не звучал натурально. Все хрипели тяжко. Только старые лакеи, в их странной форме и треуголках, сохраняли благодушный вид. Эти рослые люди, обыкновенно внушавшие такой страх, частью намазывали бутерброды, нарезали ветчину и колбасу, частью же выдавали огромные корзины, наполненные провиантом, посланцам от баррикад. Они превратились в заботливых «хозяек революции».

В ратуше я встретил скрывшихся со страху членов временного правительства Тодта и Чирнера. Они вернулись к исполнению своих обязанностей и, подобно теням, молча сновали взад и вперед, исполняя тяжелое дело. Один только Хойбнер сохранил всю свою энергию, но вид его возбуждал жалость: лихорадочный огонь светился в его глазах, он не заснул ни на минуту в течение семи дней. Мое появление он приветствовал с радостным чувством, считая его хорошим предзнаменованием для защищаемого дела. Он пришел в соприкосновение с элементами, о которых в вихре событий не мог составить себе определенного представления.

Один только Бакунин сохранил ясную уверенность и полное спокойствие. Даже внешность его не изменилась ни на йоту, хотя и он за все это время ни разу не сомкнул глаз. Он принял меня на одном из матрацев, разложенных в зале ратуши, с сигарой во рту. Рядом с ним сидел очень молодой поляк (галициец), по имени Хаймбергер [Haimberger]. Это был скрипач, для которого Бакунин недавно просил рекомендации к Липинскому. Бакунин не хотел, чтобы этот совершенно юный и неопытный человек, страстно привязавшийся к нему, втянулся в водоворот событий. Теперь он встретил его на одной из баррикад. Он взял его с собой в ратушу и каждый раз, когда тот вздрагивал от пушечного выстрела, давал ему здорового пинка. «Это тебе не скрипка, – говорил он ему, – оставался бы дома, музыкант».

От Бакунина я узнал кратко и точно обо всем, что произошло за время моего отсутствия. От решенного в те дни отступления отказались, так как боялись, что оно подействует деморализующим образом на прибывшие многочисленные отряды. Напротив, жажда битвы была так велика и силы защитников так значительны, что еще можно было успешно

бороться с солдатами. Однако и войск прибыло за это время немало, и недавно комбинированная атака на сильную Вильдруффскую баррикаду имела успех. Прусские солдаты отказались от битвы на улицах и приняли другую тактику: они занимали дом за домом, проникая туда через пробитые стены. Можно было предвидеть, что защита на баррикадах станет бесполезной и что враг медленно, но верно приблизится к ратуше, где заседает временное правительство. Бакунин предложил поэтому снести в погреба ратуши наличные пороховые запасы и взорвать ее, когда приблизятся войска. Городская управа, продолжавшая заседать где-то в задней комнатке, самым решительным образом протестовала против этого. Он, Бакунин, настаивал на необходимости этой меры. Но его перехитрили, удалив из ратуши весь порох и, кроме того, заручившись сочувствием Хойбнера, которому Бакунин ни в чем не противился. Таким образом, решено было, ввиду того, что дух восставших бодр, завтра с рассветом начать отступление в Рудные горы, причем молодому Цихлинскому поручено взять на себя стратегическое прикрытие дороги на Плауен.

Я спросил о Рёкеле. Бакунин ответил коротко: со вчерашнего вечера его более не видели. Возможно, что он попался в плен – он стал чересчур вспыльчив. Я со своей стороны сообщил обо всем, что видел по дороге в Кемниц и обратно, о хорошо вооруженных отрядах, о кемницкой муниципальной гвардии в несколько тысяч человек. Во Фрайберге я наткнулся на отряд в четыреста солдат-резервистов, шедших в превосходном порядке на помощь народным борцам, но задержавшихся там, чтоб отдохнуть от усиленного марша. Не решались, очевидно, прибегнуть к энергичному захвату обывательских телег. Было ясно, что, перешагнув лояльные границы, можно было бы значительно содействовать притоку свежих боевых сил.

Меня попросили немедленно отправиться обратно, чтобы передать этим людям согласие временного правительства на эту меру. Тут же вызвался проводить меня мой старый друг Маршалль фон Биберштайн, который в качестве члена временного правительства являлся для передачи такого рода приказаний гораздо более подходящим человеком, чем я. Этот крайне деятельный революционер, совершенно измученный бессонницей и охрипший до полной потери голоса, пошел со мной из ратуши описанным выше трудным путем на свою квартиру в Плауенском предместье. Там он надеялся в ту же ночь достать для нас у одного знакомого кучера экипаж и заодно проститься с семьей, так как думал, что расстается с ней надолго.

В ожидании кучера среди спокойной беседы с дамами мы

поужинали и напились чаю. Рано утром после ряда приключений мы добрались до Фрайберга, где я сейчас же принялся за розыски знакомых начальников отряда резервистов. Маршалль приказал им запастись по деревням телегами и лошадьми. Когда отряд отправился наконец в Дрезден, меня снова охватило страстное желание вернуться туда. Маршалль решил отправиться далее в глубь страны, чтобы выполнить и там свою задачу, и мы с ним расстались. С экстренной почтой я тронулся обратно от высот Рудных гор по направлению к Тарандту и в коляске заснул.

Вдруг меня разбудили громкие крики: почтальон с кем-то яростно спорил. Открыв глаза, я с величайшим изумлением увидел, что вся дорога занята вооруженными людьми, идущими не к Дрездену, а оттуда, и некоторые из них пытались воспользоваться экипажем, ссылаясь на усталость. «Что это значит? – воскликнул я, – куда вы идете?» – «Домой, – ответили мне, – в Дрездене все кончено! Там, за нами, в коляске едет временное правительство».

Я стремительно выскочил из экипажа, оставив его в распоряжение усталых милиционеров, и побежал вперед по крутой дороге навстречу коляске, навстречу пришедшему в отчаяние временному правительству. Действительно, в элегантном наемном экипаже, медленно поднимавшемся в гору, сидели Хойбнер, Бакунин и энергичный секретарь почтового управления Мартин [Martin], оба последние с ружьями в руках. На козлах уместился почти весь секретариат. Из толпы милиционеров, следовавшей позади, наиболее уставшие цеплялись за экипаж, пытаясь взобраться на него. Я быстро вскочил туда. Прежде всего я оказался свидетелем странного разговора между владельцем экипажа и наемным кучером временного правительства. Этот человек умолял пощадить экипаж. Его слабые рессоры не могут вынести такой тяжести, и потому он просил не цепляться на него ни сзади, ни спереди.

Бакунин спокойно стал разъяснять мне, как без малейших потерь совершилось отступление из Дрездена. Рано утром он приказал свалить молодые деревья на Максимилианс-Аллее [Maximilians-Allee], чтобы оградить отступающих от кавалерийской атаки с этой стороны. Его чрезвычайно забавляли жалобы жителей бульвара, оплакивавших «пре-екрасные де-е-еревья»[106]. Тем временем мольбы владельца экипажа становились все назойливее и перешли в громкий плач. Бакунин молча, с чувством удовлетворения, следил за этой сценой и только однажды произнес: «Филистерские слезы – нектар для богов». Но для Хойбнера и для меня эта сцена была тягостна, он стал думать о том, не лучше ли нам выйти: заставить же сойти

усталых людей Хойбнер не решался.

Оказалось, что нам и без того необходимо оставить экипаж, так как прибывшие отряды выстроились вокруг нас на шоссе, чтоб приветствовать временное правительство, и ждали дальнейших приказаний. Хойбнер с большим достоинством прошел по рядам вооруженных граждан, разъясняя начальствующим, в каком положении находится дело, приглашая их по-прежнему верить в успех предприятия, ради которого уже пролито столько крови. Он отдал приказание идти во Фрайберг и ждать там дальнейших распоряжений.

Из рядов народного войска вышел тогда некто Мецдорф [Metzdorff], немецко-католический проповедник, серьезный молодой человек, которого я еще в Дрездене успел узнать с лучшей стороны (в одном серьезном разговоре он первый, между прочим, посоветовал мне познакомиться с сочинениями Фейербаха[107]). Он просил у временного правительства защиты от насилия со стороны командиров кемницкой муниципальной гвардии. Муниципальная гвардия выступила вооруженная из Кемница в Дрезден в значительной мере под его влиянием, под влиянием устроенной им народной демонстрации. А теперь командиры кемницкой муниципальной гвардии ведут его, как пленного, вместе с марширующими гражданами, позволяя себе при этом дурное с ним обращение. Освободили они его лишь благодаря встрече с другими отрядами, проявившими большее благородство.

Отряд кемницкой муниципальной гвардии расположился вдали на горе. Оттуда пришли посланные за сведениями о положении дел. Узнав о решении временного правительства продолжать борьбу во что бы то ни стало, они пригласили его расположиться главной квартирой в Кемнице. Когда послы вернулись к своему отряду, мы видели, как он стал удаляться обратно к горам. После целого ряда остановок наш поезд кое-как добрался до Фрайберга. На улицах города Хойбнера встретили друзья его и настойчиво просили не устраивать здесь главной квартиры и пощадить Фрайберг от ужасов уличной борьбы. Хойбнер ничего не ответил на это и пригласил Бакунина и меня на совещание.

Здесь мы были свидетелями горестного свидания Хойбнера с женой. В кратких словах он разъяснил ей серьезное значение происходящего, указав, что дело идет о судьбе Германии, о борьбе за ее достоинство, которой он решил отдать свою жизнь. Был подан затем завтрак, во время которого между нами царило довольно бодрое настроение. После завтрака Хойбнер обратился с короткой, спокойной, но твердой речью к Бакунину, с которым он

до того был настолько малознаком, что даже неправильно произносил его фамилию. «Дорогой Буканин, – сказал он ему, – прежде чем предпринимать какие-нибудь дальнейшие шаги, хочу от тебя самого услышать, верно ли, что твоей политической целью, как мне говорили, является учреждение “ красной республики”? Говори открыто, ибо я должен знать, могу ли впредь довериться твоей дружбе». Бакунин объяснил ему с полной откровенностью, что характер политической формы правления его не интересует, что жизнью своей он за это не пожертвует. Его личные стремления и надежды не имеют ничего общего ни с дрезденским уличным восстанием, ни вообще со всем тем, что связано с этим движением для Германии. Он считал это движение глупым и достойным осмеяния, пока не испытал на себе действия мужественного и благородного примера Хойбнера. С тех пор его политические соображения и отрицательное отношение к разыгравшимся событиям отступили на задний план, и он принял твердое решение стать преданным помощником этого превосходного человека, несмотря на то, что знал о принадлежности Хойбнера к умеренной политической партии. В обсуждение ее исторической задачи он не вдавался, потому что еще не имел случая ознакомиться с политическими партиями Германии вообще.

Хойбнер счел себя удовлетворенным этим объяснением и перешел к другому вопросу: что думает Бакунин о положении дел в настоящую минуту, и не будет ли разумнее и честнее распустить отряды восставших, отказавшись от дальнейшей безнадежной борьбы? На это Бакунин с обычными твердостью и спокойствием ответил, что от борьбы может отказаться всякий, кто хочет, только не он, Хойбнер: как первый член временного правительства он призвал народ к оружию. За ним пошли, и сотни жизней принесено в жертву. Теперь распустить людей – значит показать, что жертвы принесены в угоду пустой иллюзии, и если бы остались только он и Хойбнер, они должны были бы стоять на своем посту. В случае поражения они обязаны отдать свою жизнь: честь их должна остаться незапятнанной, чтобы в будущем, при новом революционном призыве, народ не потерял надежду на возможность освобождения.

Эти слова заставили Хойбнера решиться. Он тут же набросал воззвание о выборе представителей от всей Саксонии, об организации учредительного собрания в Кемнице, откуда доходили известия о бодром настроении населения, о постоянном притоке свежих народных сил. Хойбнер полагал, что там удастся прочно обосновать центр временного правительства и выждать, пока выяснится общее положение дел в Германии. Во время

нашего совещания пришел Штефан Борн [Born], типограф, который в течение последних трех дней командовал народными силами. Его деятельностью Хойбнер был очень доволен. Борн явился, чтобы отрапортовать, что отступившие отряды прибыли во Фрайберг в полном порядке, без малейших потерь. Этот простой и скромный молодой человек самым характером своего доклада произвел на нас превосходное, ободряющее впечатление. Однако на вопрос Хойбнера, возьмется ли он отстоять Фрайберг в случае нападения на него войск, Борн ответил, что он не военный, в стратегии ничего не понимает, что такое дело можно поручить лишь опытному офицеру. При таких условиях являлось рациональным хотя бы для того, чтобы выиграть время, продолжать отступление далее, до Кемница как более крупного населенного пункта.

Прежде всего необходимо было позаботиться о провианте для стекающихся во Фрайберг многочисленных отрядов. Борн удалился, чтоб немедленно принять необходимые для этого меры. Хойбнер решил поспать с часок, чтобы хоть немного отдохнуть. Мы с Бакуниным остались одни на диване. Но и Бакуниным сейчас же овладел сон, он склонился набок и всей тяжестью своей огромной головы навалился мне на плечо. Я рассудил, что едва ли разбужу его, если освобожусь от этого груза, и потому, с трудом отодвинув его от себя, ушел, чтобы по-прежнему внимательно присмотреться ко всему происходящему.

Так добрался я до ратуши, где граждане Фрайберга заняты были раздачей пищи голодным и возбужденным милиционерам. К моему величайшему удивлению, я уже нашел здесь Хойбнера восставшим от сна, в полном разгаре деятельности. Этот человек не в состоянии был отдыхать спокойно хотя бы час, зная, что в его совете нуждаются. Тотчас же под его руководством было организовано подобие комендантского бюро, и среди общего шума и крика он снова делал распоряжения и отдавал приказания. Скоро появился и Бакунин, который хлопотал лишь об одном: найти хорошего офицера. Но такого не отыскалось. Один уже немолодой, но очень живой человек, явившийся во главе значительного отряда из Фогтланда[108], произвел на Бакунина хорошее впечатление своей энергичной речью. Бакунин предлагал назначить его немедленно главным военачальником. Но среди суматохи нельзя было прийти к определенному решению. Только в Кемнице можно было рассчитывать овладеть положением, и Хойбнер отдал приказание немедленно, как только толпа подкрепится, выступить туда.

Когда это было решено, я, желая выбраться из хаоса, объявил друзьям, что поспешу в Кемниц, чтобы встретить наши отряды на

следующее утро. Я застал еще почтовый экипаж, отправлявшийся обычно в этот час, и занял в нем место. Но так как по той же улице началось движение милиционеров, то из опасения, чтобы дилижанс не попал в водоворот толпы, решено было переждать, пока отряды пройдут. Это затянулось надолго. Я следил за маршировавшими мимо меня милиционерами, за их удивительным строем. Особенно бросился мне в глаза фогтландский отряд, маршировавший даже несколько педантично: впереди шел барабанщик, который искусно вносил элемент разнообразия в монотонные звуки своего инструмента тем, что от времени до времени выбивал трель не по коже барабана, а по деревянному его ободу. Эта неприятная стукотня напомнила мне последнюю часть «Фантастической симфонии» Берлиоза, где слышится щелканье костей во время ночного танца скелетов вокруг лобного места, и во мне с реальной живостью воскресло пережитое в Париже ужасное впечатление. Внезапно захотелось мне вернуться к оставленным друзьям, чтобы, если возможно, с ними вместе отправиться в Кемниц.

У ратуши я их не нашел. Придя на квартиру к Хойбнеру, я узнал, что он спит. Я вернулся обратно на почту. Дилижанс все еще ждал, улицы все еще были полны народу. Долгое время ходил я, огорченный, взад и вперед. Потеряв всякую надежду выбраться отсюда в почтовой карете, я опять отправился к Хойбнеру, чтобы присоединиться к нему в качестве попутчика. Оказалось, что Хойбнер и Бакунин ушли неизвестно куда. В отчаянии я вернулся на почту и нашел дилижанс готовым к отъезду.

Поздно ночью, после целого ряда приключений, прибыл я в Кемниц. Заняв комнату в ближайшей гостинице, я проспал там довольно долго. На другой день, в пять часов утра, я отправился на квартиру к моему зятю Вольфраму, расположенную в стороне от города, в четверти часа ходьбы. По дороге я осведомился у стоявшего на часах муниципального гвардейца, не слышал ли он чего-нибудь о прибытии временного правительства. «Временное правительство? – переспросил он. – Ну, с этим все покончено»! Я его не понял и у родных ничего не мог разузнать о положении дел в Кемнице. Зятя не было дома, он стоял в городе на посту. Только когда к полудню он вернулся домой, я узнал, что произошло, пока я спал в гостинице. Тут же невдалеке Хойбнер, Бакунин и вышеупомянутый Мартин прибыли к воротам Кемница в частном экипаже. Их спросили, кто они. Хойбнер с полным авторитетом назвал себя и затем велел пригласить городские власти в указанную им гостиницу. Прибыв туда, все трое свалились от усталости и заснули. Внезапно в их комнату

ворвались жандармы и именем королевского правительства арестовали их. Они попросили, чтобы им дали возможность несколько часов спокойно поспать, указав на то, что в том состоянии, в каком они находятся, о бегстве не может быть и речи. Утром под сильным военным эскортом они были отвезены в Альтенбург. Как признался мне мой зять, во всем этом печальную роль сыграли командиры кемницкой муниципальной гвардии: они против воли выступили в Дрезден и таили намерение по прибытии туда перейти на сторону королевских войск. Своим приглашением в Кемниц они обманули Хойбнера и завлекли его в западню. Явившись в Кемниц задолго до него, они заняли посты у городских ворот именно затем, чтобы выследить его прибытие и довести об этом до сведения властей. Зять очень тревожился о моей судьбе, так как командиры муниципальной гвардии с яростью отзывались обо мне как о человеке, которого видели в обществе опасных революционеров.

Во всяком случае казалось чистым чудом, что я не с ними вместе прибыл в Кемниц и не остановился с ними в одной гостинице, иначе меня, конечно, постигла бы та же участь, что и их. Молнией пронеслось в душе моей воспоминание о том, как однажды, будучи студентом, я избег грозившей мне опасности, когда один за другим погибли опытные рубаки, вызвавшие меня на дуэль. Все это произвело на меня такое впечатление, что я не произнес ни слова о том, в какой действительной связи я нахожусь с арестованными. По настойчивому требованию жены, очень за меня боявшейся, зять взял на себя заботу доставить меня ночью в своем экипаже в Альтенбург. Оттуда я мог бы сейчас же отправиться почтой в Веймар, где, собственно говоря, я и должен был бы находиться теперь в отпуску. Я прибыл туда особыми, непредвиденными путями.

Я был до такой степени охвачен впечатлениями пережитого, похожими на бред, что при новой встрече с Листом едва мог проявить хоть некоторый интерес к предстоящей в Веймаре постановке «Тангейзера». Он же считал это делом, меня ближе всего касающимся. Объяснить моему другу, что я на этот раз попал в Веймар не совсем обычным путем, не в качестве королевского капельмейстера, представлялось задачей довольно трудной. Я и сам в точности не знал, как относится ко мне официальное правосудие. Не знал, совершил ли я что-нибудь противозаконное или нет? Прийти к какому-нибудь определенному по этому поводу мнению я не мог. Тем временем в Веймар стали проникать ужасающие вести о положении дел в Дрездене. Режиссер Генаст[109] всех взволновал рассказами о деятельности Рёкеля как «поджигателя». Рёкеля в Веймаре хорошо знали.

По некоторым моим замечаниям личного характера Лист скоро должен был догадаться, что между мной и дрезденскими событиями существует какая-то подозрительная связь. Но его сбивало с толку мое поведение. Дело в том, что не из опасений суда, а по совершенно другим мотивам мне было важно не выдавать своей активной роли в происшедших событиях. Таким образом, некоторое время я сознательно оставлял моего друга в неведении.

У княгини Каролины фон Витгенштейн[110], с которой я познакомился в прошлом году, когда она на короткое время приехала в Дрезден, мы собирались и оживленно беседовали о вопросах искусства. Так, однажды после обеда завязался у нас горячий спор о моем плане трагедии «Иисус из Назарета», который я тут же устно изложил. Когда я закончил пересказ сюжета, Лист хранил подозрительное молчание, княгиня же фон Витгенштейн высказалась очень решительно против его разработки для подмостков театра. Я и сам не стал серьезно поддерживать высказанных мной по этому поводу парадоксов. Вот в каком я находился тогда настроении. Незаметно для других я все еще был потрясен пережитыми впечатлениями.

Скоро объявлена была оркестровая репетиция «Тангейзера», и это отчасти воскресило во мне застывшие интересы художника. Впервые я испытал совершенно новое, согревающее душу ощущение. Лист управлял оркестром, и по тому, как он вел музыкальную часть моей драмы, я почувствовал, что понят и

воспринят по-настоящему. Несмотря на свое какое-то полубессознательное состояние, я сделал наблюдения над певцами в смысле их способностей, над управляющей ими режиссурой. После репетиции мы вместе с музикдиректором Штёром[111] и певцом Гёце[112] отправились по приглашению Листа пообедать в одну гостиницу, не ту, в которой он жил, и здесь впервые я имел случай встретиться лицом к лицу с некоторыми особенностями его темперамента, до той минуты мне неизвестными. Чем-то взволнованный, этот обыкновенно гармонически ровный человек внезапно проявил необычайную ярость. Со скрежетом зубовным он стал нападать на то самое, что возмущало до ужаса и меня самого. Пораженный удивительным созвучием наших душ и не зная истинных мотивов овладевшего им гневного пароксизма, я стоял перед этим явлением с чувством глубокого интереса. Эмоциональная вспышка Листа закончилось ночью сильнейшим нервным припадком. Тем более удивило меня, когда на следующее утро я застал его вполне бодрым и собирающимся немедленно отправиться, по неясным опять-таки для меня причинам, в Карлсруэ. Меня и музикдиректора Штёра он пригласил сопровождать его до Айзенаха. По пути туда нас задержал камергер Больe[113], пожелавший узнать, готов ли я явиться на аудиенцию к Великой герцогине Веймарской[114], сестре императора Николая. То, что я сослался на неподходящий для этого дорожный костюм, не было принято во внимание, и Лист дал согласие за меня.

Действительно, вечером я был необыкновенно милостиво, с дружеской симпатией принят герцогиней, рекомендовавшей своим камергерам иметь почтительное обо мне попечение. Впоследствии Лист утверждал, что его высокая покровительница знала уже тогда, что в ближайшие дни меня ждут неприятности со стороны дрезденского правительства, и она поэтому торопилась познакомиться со мной прежде, чем такое знакомство могло бы оказаться для нее сильно компрометирующим. Лист отправился из Айзенаха дальше и оставил меня на попечении Штёра и айзенахского музикдиректора Кюмштедта[115], знающего и опытного контрапунктиста. В сопровождении последнего я впервые посетил еще не реставрированный замок в Вартбурге. Странные мысли о капризах судьбы охватили меня при этом посещении: это духовно мне близкое здание я посетил тогда, когда дни моего пребывания в Германии были уже сочтены.

Когда мы вернулись в Веймар, мы застали здесь дурные вести из Дрездена. На третий день явился и Лист и нашел у себя письмо моей жены, не решавшейся писать прямо по моему адресу. Она сообщала, что у нас дома был произведен обыск, и ее

предупреждали, чтобы я не возвращался обратно в Дрезден, так как издано распоряжение о моем задержании и тайная полиция разыскивает меня. С этого момента Лист преисполнился заботы обо мне. Сейчас же он созвал несколько опытных друзей, чтобы обсудить, как избавить меня от грозящей опасности. Министр Вацдорф[116], которого я успел посетить, был того мнения, что в случае ареста лучше всего спокойно дать себя отвести в Дрезден: он был уверен, что со мной обойдутся вполне корректно, что меня доставят туда в отдельном экипаже. С другой стороны, сюда доходили слухи о жестокостях осадного положения, введенного в Дрездене пруссаками, и слухи эти были настолько тревожны, что Лист и привлеченные им к совещанию друзья советовали мне как можно скорее покинуть Веймар, где меня защитить будет невозможно. Я, однако, настаивал на том, что, прежде чем покинуть Германию, мне следует повидаться и проститься с перепуганной женой, и просил дать мне возможность укрыться на некоторое время где-нибудь поблизости Веймара.

Мою просьбу уважили, и профессор Зиберт [Siebert] предложил спрятать меня в Магдале[117], у одного управляющего имением в трех часах пути от Веймара. Туда я и отправился утром следующего дня с письмом Зиберта, в котором он рекомендовал меня управляющему как профессора финансов Вердера из Берлина, желающего проверить на практике кое-какие положения хозяйственной экономии. Здесь, в деревенской тиши, я провел три дня и, между прочим, присутствовал на одном народном собрании, организованном по случаю возвращения остатков разбитого отряда, отправившегося отсюда для участия в дрезденском революционном движении. Прислушиваясь к речам ораторов, я все время не мог отделаться от странного чувства, носящего даже несколько комичный характер. На вторые сутки моего пребывания в имении из Веймара вернулась жена управляющего и привезла удивительные новости: какой-то композитор, автор оперы, только-то поставленной, должен был бежать из Веймара, спасаясь от преследований секретной дрезденской полиции. Посвященный в тайну профессором Зибертом, управляющий со смехом задал вопрос, как зовут этого композитора. И так как жена его не знала, что сказать, он опять спросил, не Рёкель ли это, имя которого было хорошо знакомо веймарцам. «Да, Рёкель, так его зовут, совершенно верно», – подтвердила она. Мой хозяин громко расхохотался и высказал надежду, что Рёкель не настолько глуп, чтобы попасться и не суметь, несмотря на популярность его имени, скрыться.

Наконец 22 мая, в день моего рождения, приехала Минна. Получив мое письмо, она немедленно отправилась в Веймар и,

узнав все, что было нужно, прибыла сюда, чтобы заставить меня как можно скорее совершенно покинуть Германию. Все попытки возвысить ее до понимания моего настроения были безуспешны. Она видела во мне человека, легкомысленно, неразумно давшего себя увлечь, повергшего себя и ее в ужаснейшее положение. Было решено, что в ближайший вечер я отправлюсь пешком в Йену. Она проследует туда же через Веймар, и мы в доме профессора Вольфа[118] снова увидимся и окончательно простимся. Я совершил это шестичасовое путешествие и, пройдя дорогу, лежащую между холмами, с закатом солнца впервые увидел университетский городок.

В доме Вольфа, с которым меня познакомил Лист, я действительно встретил жену. При особом сочувствии профессора Видмана[119] мы стали совещаться о том, куда мне двинуться дальше. Дрезденская полиция преследовала меня упорно: меня обвиняли в активном участии в восстании, и я не мог рассчитывать найти убежище ни в одном из немецких союзных государств. Лист настаивал на том, чтобы я отправился в Париж, где я мог найти подходящее поле для деятельности. Видман предостерегал ехать туда прямым путем через Франкфурт и Баден, так как восстание там еще в полном разгаре, и полиция особенно зорко следит за путешественниками, чьи паспорта хоть сколько-нибудь внушают подозрение. Вернее всего было ехать через Баварию, теперь совершенно спокойную, а оттуда пробраться в Швейцарию. Из Швейцарии переезд в Париж был совершенно безопасен. Так как для этого нужен был какой-нибудь паспорт, то профессор Видман предложил мне свой, выправленный в Тюбингене, но уже просроченный.

Выехал я в почтовом экипаже, прощанье с женой, находившейся в полнейшем отчаянии, было поистине мучительно. Без особых приключений достиг я, миновав Рудольштадт (место, не лишенное для меня известного интереса), границы Баварии, откуда без перерыва с той же почтой отправился далее, в Линдау. Здесь у ворот города у меня, как и у других пассажиров, отобрали паспорт. Рано утром предстояло отправиться с пароходом по Боденскому озеру, и ночь я провел в лихорадочном возбуждении. Профессор Видман, по чьему паспорту я ехал, говорил на швабском наречии, и я задавал себе вопрос, как я буду объясняться с баварской полицией, если она вздумает осведомиться относительно просроченности паспорта. Всю ночь, мучимый ужасным беспокойством, я упражнялся в швабском диалекте, но справиться с этой задачей, к величайшей собственной потехе, не мог. С волнением я ждал момента, когда утром ко мне в комнату войдет жандарм. Жандарм явился с

тремя паспортами в руке и, не зная, кому какой паспорт принадлежит, дал мне самому выбрать свой. С ликующим сердцем исполнил я его просьбу и дружелюбно простился с этим человеком, незадолго перед тем внушавшим мне такой ужас. Взойдя на пароход, я, к великой радости, узнал, что на его борту считаюсь уже находящимся на швейцарской территории. Было великолепное весеннее утро. Перед глазами расстилалось широкое озеро, в отдалении рисовались Альпийские горы. Когда в Роршахе [Rorschach] я вступил на швейцарскую территорию, я немедленно отправил несколько успокоительных строк домой с извещением о том, что благополучно прибыл в Швейцарию и что опасность миновала. Поездка в почтовом экипаже в Цюрих, через приветливую, маленькую область Сен-Галлен[120], необыкновенно ободрила меня. Когда в последний день мая, в шесть часов вечера, я впервые увидел облитые солнечным светом сияющие вершины Гларнских Альп, окружающих озеро, то тут же, в глубине души не отдавая себе ясного отчета, решил основать для себя прибежище непременно в этих местах.

240

Предложение моих друзей проехать в Париж через Швейцарию я принял главным образом потому, что рассчитывал через одного знакомого добыть в Цюрихе паспорт уже на свое имя, так как не хотел явиться во Францию в качестве политического беглеца. В Цюрихе жил учитель музыки Александр Мюллер, с которым у меня в свое время завязались в Вюрцбурге приятельские отношения. Один из учеников его, Вильгельм Баумгартнер[121], несколько лет тому назад посетил Дрезден и привез мне от него привет. Через Баумгартнера я послал Мюллеру экземпляр партитуры «Тангейзера» на память. Эти знаки внимания с моей стороны пали на плодородную почву: Мюллер и Баумгартнер, которых я немедленно разыскал, познакомили меня с двумя видными местными чиновниками, своими друзьями: Якобом Зульцером[122] и Францем Хагенбухом[123]. Именно они могли оказать непосредственное содействие в деле получения паспорта.

Действительно, они и еще несколько человек, посвященных в дело, проявили по отношению ко мне столько внимания и участия, что я почувствовал себя превосходно в их обществе. Привычные республиканцы, они с наивным недоумением слушали рассказ о преследованиях, которым я подвергся, и это сразу ввело меня в совершенно новую сферу гражданственных

воззрений на жизнь. Тут ничто не угрожало никакой опасностью, все было твердо, в то время как там, на родине, все соединилось, чтобы окончательно оттолкнуть меня: общее состояние официального искусства, возбуждавшее отвращение, политические дела, поставившие меня почти против воли в положение преступника.

Чтобы особенно расположить в мою пользу обоих чиновников, в особенности Зульцера, получившего прекрасное классическое образование, друзья мои устроили собрание, на котором заставили меня прочитать стихотворный текст «Смерти Зигфрида». Могу поклясться, что никогда еще не встречал среди людей практического дела таких внимательных слушателей, как в тот вечер. В результате я, беглец из Германии, безжалостно преследуемый полицией, получил легальный швейцарский паспорт. С ним, задержавшись несколько дней в Цюрихе, я спокойно двинулся дальше.

Из Страсбурга, воздав должное всемирно знаменитому собору, я с мальпостом, считавшимся самым удобным средством сообщения, отправился в Париж. Припоминаю, что со мной тогда произошел интересный феномен: до сих пор, особенно в полусонном состоянии, меня неизменно преследовали звуки канонады и ружейных залпов. Теперь в шуме быстро вертящихся по шоссейной дороге колес мне стало слышаться другое: исполняемая на басовых инструментах мелодия из Девятой симфонии: *Freude schöner Götterfunken*.

241

С минуты вступления на швейцарскую почву до самого приезда в Париж настроение мое резко изменилось: прежнее мое тупое, полубредовое состояние уступило место новому чувству приятного освобождения. Я сам себе казался птицей, парящей в воздухе, птицей, которой не суждено погибнуть в болоте. Но с момента вступления в Париж в начале июня во мне снова наступила заметная реакция. Лист отрекомендовал меня своему бывшему секретарю Беллони[124], и он, верный полученным предписаниям, счел необходимым войти в переговоры обо мне с неким Гюставом Вэссом [Vaisse], с которым лично мне так и не удалось познакомиться. Дело шло о написании для Парижа оперного текста. Идея мне эта не нравилась, и когда Беллони заговорил на эту тему, я перевел разговор на свирепствовавшую в Париже холеру. Чтобы быть поближе к Беллони, я остановился на улице Нотр-Дам-де-Лоретт [Notre Dame de Lorette]. Здесь я имел

возможность чуть не каждый час видеть, как провозили по улице под глухие удары барабана национальной гвардии холерных покойников. При палящем зное было запрещено пить воду, и вообще рекомендовалась строжайшая диета. Уже одно это действовало на меня угнетающим образом, а внешний облик Парижа к тому же производил самое тяжелое впечатление. На всех общественных зданиях, на всем, что носило характер публичности, красовались еще надписи «Свобода, равенство, братство». Но устрашающе подействовал на меня вид первых *garçons caissiers*[125] Национального банка с их длинными денежными мешками через плечо и огромными портфелями в руках. Никогда не встречал я их в Париже в таком количестве, как теперь, когда, справившись со страшным призраком социализма, капитал, опираясь на вновь приобретенное доверие общества, нагло проходил победным парадом по улицам города.

Совершенно механически зашел я в музыкальный магазин Шлезингера, принадлежавший теперь противному и грязному еврею господину Брандусу[126]. Только старый приказчик месье Анри [Henri] поздоровался со мной радушно. После того как мы довольно громко поговорили с ним в совершенно пустом, по-видимому, помещении, он с некоторой неловкостью в голосе спросил, поздоровался ли я с моим учителем Мейербером. «Разве господин Мейербер здесь?» – «Конечно, – ответил он с еще большим смущением, – здесь в магазине, позади бюро». И действительно, когда я подошел ближе, из-за бюро вышел в полнейшем смущении Мейербер. Услышав мой голос, он скрылся туда и оставался там больше десяти минут. С улыбкой на лице он извинился, ссылаясь на то, что был занят срочной корректурой. Всей этой сцены, этого нового свидания с ним было достаточно: я понял все. Припомнилось многое в его поведении, казавшееся столь подозрительным, в особенности его поведение в Берлине. Так как теперь мне, собственно, не было до него никакого дела, я весело и свободно с ним поздоровался. Меня ободряло то смущение, какое он обнаружил, увидев меня здесь. Он предполагал, что я снова хочу попытать счастья в Париже, и был чрезвычайно удивлен моим заявлением, что самая мысль что-нибудь предпринять в этом городе внушает мне отвращение. «Однако Лист напечатал в Journal des Débats блестящий фельетон о вас»! – «Ах, так! – сказал я. – Я не предполагал, что энтузиазм преданного друга должен быть истолкован как спекуляция». – «Однако статья обратила на себя общее внимание. Было бы странно, если бы вы не постарались извлечь отсюда выгоду». Я был раздражен всеми этими отвратительными соображениями и тут же заявил Мейерберу, что при нынешнем положении вещей,

когда весь мир стонет под гнетом реакции, я в состоянии думать о чем угодно, только не о композициях для сцены. «Чего же вы, однако, ждете от революции, – ответил он, – или вы собираетесь писать партитуры для баррикад»? Я уверил его, что вообще не думаю ни о каких партитурах. Мы расстались, не поняв друг друга.

На улице я встретил Мориса Шлезингера, и оказалось, что он тоже под впечатлением блестящей статьи Листа, считает мое появление в Париже вполне естественным. Он думал, что я рассчитываю на что-то, и находил, что у меня хорошие шансы. «Вы хотите сделать со мной гешефт? – спросил я его. – Денег у меня нет. Но неужели вы считаете, что постановка оперы неизвестного композитора может быть денежным делом»? – «Вы совершенно правы», – ответил Морис и моментально исчез. От всех этих соприкосновений с зачумленной столицей мира я ушел к моим дрезденским товарищам, из которых некоторые особенно близкие мне находились в Париже.

У Деплешена, художника, исполнившего декорации для «Тангейзера», я нашел Земпера, тоже здесь укрывшегося. Встретились мы радостно и немало смеялись над комизмом нашего положения. Земпер, после того как пруссаки обошли его знаменитую баррикаду, над которой он, как архитектор, имел постоянное наблюдение (чтобы ее взяли – этого он не допускал), от дальнейшего участия в борьбе воздержался. Однако он считал себя настолько скомпрометированным, что, когда было объявлено в Дрездене осадное положение, счел благоразумным оттуда скрыться. Он был счастлив, что, как гольштейнский уроженец, он в паспортном отношении зависел не от германского, а от датского правительства и потому мог спокойно уехать в Париж. Благодаря такому обороту дел он принужден был бросить начатую большую работу по постройке дрезденского музея, и я высказал ему по этому поводу свое сердечное соболезнование. Земпер объяснил мне, что дело это доставило ему много огорчений, что, в сущности, он рад избавиться от него. Несмотря на то что оба мы находились в прескверном положении, мы провели с ним в Париже несколько веселых часов, единственных за этот мой приезд.

Скоро сюда прибыл, тоже в качестве эмигранта, молодой Гейне, намеревавшийся когда-то написать декорации для «Лоэнгрина». Жизнь в Париже его не пугала, так как учитель его Деплешен сам предложил ему работу. Один я чувствовал полную бесцельность моего пребывания здесь и всей душой рвался вон из холерного гнезда. Этому помог Беллони, предложивший поехать с ним и его семьей в деревню возле Ла Ферте су Жуар [La Ferté sous

Jouarre]. Пользуясь прекрасным воздухом и абсолютной тишиной, я мог отдохнуть и выждать какой-нибудь перемены в положении моих дел. Оттуда я отправился в Рюэй[127], пробыв, таким образом, в Париже всего восемь дней. Там я поселился у одного виноторговца, месье Рафаэля [Raphaël], по соседству с деревенским мэром, у которого жила семья Беллони. Я стал ждать, что принесет мне судьба.

Из Германии долгое время не было никаких вестей, и я старался развлечься, насколько это было возможно, чтением. Заинтересовали меня сочинения Прудона, в особенности его книга «О собственности». В ней я нашел необычайно широкие перспективы, вообще говоря, утешительные для моего нынешнего положения. Много удовольствия доставила мне также «История жирондистов» Ламартина[128]. Однажды Беллони принес известие о неудачном восстании республиканцев под предводительством Ледрю-Роллена[129]. Это случилось 13 июня, когда временное правительство развило вовсю свою реакционную деятельность. Известие вызвало возмущение со стороны моего хозяина и его родственника-мэра, за столом которого мы ежедневно вкушали наш скромный обед. На меня оно произвело слабое впечатление: все мое напряженное внимание было обращено на Германию, главным образом на события в прирейнских странах, особенно в Великом герцогстве Баденском, находившемся под управлением выборных народа. Когда оттуда пришли известия, что пруссаки подавили движение, казавшееся наиболее близким к победе, меня охватило истинное горе.

Мое личное положение обрисовалось мне в самых печальных чертах. То, что было во всех этих событиях необыкновенного, то, что поддерживало и оправдывало мое возбуждение, исчезло бесследно. На первый план выступили самые обыденные, пошлые заботы. Окончательно отрезвили меня письма моих веймарских друзей, особенно же письмо жены. Друзья довольно сухо осудили мое поведение и нашли, что пока не могут для меня ничего сделать ни в Дрездене, ни при дворе Великого герцога, так как бессмысленно стучаться в наглухо заколоченные двери, *«on ne frappe pas à des portes enfoncées»*[130] (княгиня фон Витгенштейн к Беллони). Я не знал, что на это ответить, так как мне и в голову не приходило ждать чего бы то ни было с этой стороны, и я был доволен тем, что мне прислали кое-какие деньги. Чтобы выйти из затруднительного положения, я решил на эти деньги отправиться в Цюрих и устроиться там у Александра Мюллера, жившего в довольно просторной квартире.

Больше всего опечалило меня письмо жены, от которой я долгое время не получал никаких вестей. Она писала, что считает

невозможным дальнейшую нашу совместную жизнь, ибо после того, как я так бессовестно разрушил до основания все устроенное нами здание и пренебрег положением, какого мне не придется уже вновь создать, я не могу рассчитывать, чтобы какая бы то ни было женщина захотела связать свою участь с моей. Письмо это возбудило во мне искреннее сочувствие к ней, к ее чрезвычайно тяжелому положению. Я оставил ее беспомощной. Конечно, я предоставил ей распродать дрезденскую обстановку и, кроме того, просил лейпцигских родных позаботиться о ней. Единственным для меня утешением являлась уверенность, что она сама хотя бы отчасти сочувствовала моему поведению, понимала охватившее меня настроение. Мне казалось, что я даже видел в дни исключительных событий признаки такого к себе отношения. Оказалось, что об этом и речи быть не может: она судила обо мне так, как судила толпа, и находила для меня оправдание только в одном – в моем неслыханном легкомыслии. Я тут же написал Листу, прося хоть немного о ней позаботиться, но, в сущности, столь неожиданное ее решение отчасти успокоило меня. Узнав из ее письма, что писать она мне больше не намерена, я решил со своей стороны впредь не беспокоить ее сообщениями о моем трудном положении.

Вся наша многолетняя совместная жизнь, начиная с первого, бурного и мучительного года нашего брака, прошла в моей памяти. Несомненно, молодые годы нужды и забот, проведенные совместно в Париже, дали много хорошего. Испытания сковали наши души: она проявила удивительное терпение, я боролся с ними трудом. Награду за перенесенное Минна нашла потом в Дрездене, в моем тамошнем успехе и завидном положении. В качестве *Frau Kapellmeisterin*[131] она достигла вершины своих мечтаний и во всем, что отравляло мою капельмейстерскую деятельность, видела угрозу своему благополучию. Новый путь, на который я вступил с момента создания «Тангейзера», лишал меня в ее глазах надежды на дальнейшие театральные успехи, и она потеряла всякую бодрость, всякое доверие к нашей будущности. Мои новые концепции, о которых я говорил с нею все реже и реже, мое отношения к театру и его шефу – все это она оценивала лишь как признак того, что я сбиваюсь с прямого пути. Связь между нами, игравшая такую благодетельную роль в моей прошедшей карьере, совершенно ослабела. Мое участие в дрезденской катастрофе она рассматривала как заблуждение. Она объясняла его дурным влиянием бессовестных людей, в особенности несчастного Рёкеля: они льстили моему тщеславию и увлекли меня к погибели. Все это скорее внешним образом разделяло нас. Но гораздо глубже влияли, как я теперь ясно

сознал, внутренние раздоры, не прекращавшиеся с момента, как мы сошлись вторично. Между нами постоянно происходили резкие, страстные стычки, и никогда они не сглаживались с ее стороны мирным признанием собственной вины. Стремление после каждого такого взрыва сохранить домашнее спокойствие, сознание несходства наших характеров и, в особенности, разницы в нашем развитии постоянно побуждали меня брать на себя инициативу примирительного поведения, брать на себя вину за резкость наших ссор. Я стремился смягчить Минну тем, что высказывал ей свое раскаяние. К сожалению, я пришел в конце концов к убеждению, что именно благодаря такой политике потерял всякую власть над ее душой, всякое влияние на ее характер. Когда дело коснулось вещей, исключавших возможность такого рода примирения, так как дело касалось сущности моих убеждений, моих поступков, я благодаря моей прежней уступчивости встретил такое закаленное женское упрямство, что о сознании с ее стороны своей неправоты по отношению ко мне не могло быть и речи. Словом, дрезденскому краху, равнодушному взгляду на всю мою дрезденскую карьеру немало содействовал развал моей семейной жизни. У себя дома я не только не встречал поддержки и утешения, но, напротив, постоянно ощущал бессознательное со стороны Минны сочувствие моим врагам. Все это я понял именно теперь, когда улеглось первое потрясение, вызванное ее жестким письмом.

Вспоминаю, что письмо это не причинило мне страданий. Я чувствовал себя покинутым, но зато отчетливо уразумел, что строил свою жизнь на песке. Это дало мне высокое успокоение. Я почерпнул его в сознании полной своей заброшенности, и самое нищенство мое доставило мне укрепляющую отраду. Поэтому присланные мне в последний раз из Веймара деньги я с пылом решил употребить не на бессмысленное торчание в Париже, где предстояло бы стремиться к целям, которые я сам считал ложными, а на подыскание другого убежища. Таким убежищем могло быть место, ничем не наталкивающее на деятельность в прежнем духе. Я решил отправиться в Цюрих, где не было атмосферы официального искусства, в Цюрих, где я впервые встретил несколько простых людей, ничего не знавших о моих художественно-артистических работах, но с дружеской симпатией отнесшихся к моей человеческой личности.

242

В Цюрихе я обратился прямо к Александру Мюллеру, прося

его уступить мне комнату в его квартире, и показал ему весь остаток моего состояния: 20 франков. Конечно, я скоро заметил, что проявленное мной доверие стесняло моего старого знакомого. Его стала, естественно, заботить мысль, что ему предпринять по отношению ко мне. Увлеченный порывом, он предложил мне пользоваться большой комнатой, в которой стоял рояль. Но я сам отказался от этого, удовольствовавшись спальней. Очень неприятно было обедать у него – не потому что его обеды были мне не по вкусу, а потому что они расстраивали желудок. Зато вне его дома меня встречали по здешним условиям с распростертыми объятиями. Те самые молодые люди, которые при первом проезде через Цюрих проявили ко мне такое участие, продолжали и теперь искать моего общества. Из их среды особенно выделился Якоб Зульцер. По молодости лет Зульцер не мог официально стать членом цюрихского правительства: для этого необходим был тридцатилетний возраст. Но все же он производил на окружающих впечатление вполне зрелого человека. Когда меня в последующие годы спрашивали, встречал ли я в жизни вполне безукоризненного в моральном отношении человека, с установившимся характером, абсолютно честного, то по добросовестном размышлении я мысленно останавливался только на нем. Призвание его в столь молодые годы на выдающийся пост городского секретаря кантона Цюрих объяснялось тем, что оказавшаяся тогда у власти Либеральная партия с Альфредом Эшером[132] во главе, не желая оставлять крупных официальных должностей в опытных руках приверженцев старой консервативной группы, принуждена была искать способных людей среди молодежи. Взоры всех обратились тогда на Зульцера. Он только что вернулся на родину по окончании Боннского и Берлинского университетов, чтобы устроиться здесь в качестве доцента филологии. Когда новое правительство предложило ему занять видный пост, он, чтобы чувствовать себя на месте в новой должности, отправился на полгода в Женеву для практического изучения французского языка. При своих усердных занятиях филологией Зульцер оставлял до сих пор эту сторону своего образования без внимания. Проницательный ум, необыкновенная работоспособность, самостоятельный и твердый характер, не гнущийся под давлением каких бы то ни было партийных маневров, выдвинули его в короткий срок на одно из первых мест в правительстве. В качестве директора финансов и в особенности члена союзного швейцарского школьного совета он развил необыкновенно значительную и плодотворную деятельность.

Неожиданное знакомство со мной, по-видимому, несколько

взбудоражило его. Общественная деятельность оторвала его от любимых занятий филологией и гуманитарными науками, и теперь, при возникших отношениях с новым человеком, он как бы стал раскаиваться в сделанном шаге. «Смерть Зигфрида» показала ему, человеку сведущему, мой интерес к немецкой средневековой истории. Как филолог он тоже изучал ее с гораздо большей, впрочем, полнотой, чем я. Когда некоторое время спустя он ближе познакомился с характером моих музыкальных интерпретаций, эта столь отдаленная от его практической деятельности область настолько увлекла его и вызвала в нем, серьезном и сдержанном человеке, такой глубокий интерес, что он стал с сознательной резкостью бороться против новых искушающих влияний. Однако к моему появлению на местном горизонте он относился с истинно дружескими чувствами. В официальной квартире первого городского секретаря чаще, чем это казалось приличным для чиновника маленького филистерского городка, собиралось общество, в котором я являлся центральной фигурой. Многих, особенно музыканта Баумгартнера, привлекали сюда продукты зульцеровских виноградников в Винтертуре, которые хозяин предлагал гостям в изобилии. Мною лично в то время владело веселое, разнузданное настроение. Под влиянием складывавшихся во мне тогда художественно-артистических и житейских воззрений я предавался на наших собраниях необузданным вакхическим излияниям. Слушатели отвечали мне нередко с таким необыкновенным подъёмом, что его приходилось объяснять не столько действием моих вдохновенных речей, сколько винными парами. Когда однажды мы проводили охмелевшего профессора Эттмюллера[133], германиста и знатока «Эдды», пришедшего по приглашению Зульцера на чтение «Зигфрида», воцарилось необыкновенно бурное настроение. Мне пришла в голову идея снять все тяжелые двери в доме господина городского секретаря с петель. Хагенбух, другой городской секретарь, убедившись, что одному справиться с этой задачей трудно, пришел на помощь со своей необыкновенной физической силой. С легкостью мы сняли все двери, причем Зульцер не проявил никакого неудовольствия, а глядел на нашу возню с благожелательной улыбкой. Только на следующий день на наши вопросы, как при своей физической слабости он справился с задачей развесить двери по местам, он признался нам, что всю ночь до утра хлопотал над этим делом, так как ему хотелось, чтобы женщина, приходящая утром для уборки комнат, не застала никаких следов бурно проведенной ночи.

Я чувствовал себя свободным, как птица, и это ощущение действовало на меня возбуждающим образом. Часто мне самому бывало неловко от чрезвычайной экзальтации, охватившей мое существо. Нередко я перед первым встречным готов был изливаться в самых странных парадоксах. Уже вскоре по прибытии в Цюрих мне захотелось письменно изложить свои взгляды на общее состояние дел, как они сформировались под влиянием моего художественно-артистического опыта и политических событий того времени. Так как не оставалось ничего другого, как искать заработка пером, я решил написать для большого французского журнала, вроде тогдашнего *National* («Насьональ»), ряд статей и высказываний с революционной точки зрения, некоторые идеи о современном искусстве и его роли в жизни общества. Шесть таких очерков я отправил старому моему знакомому Альберту Франку, брату Германа Франка, тогдашнего владельца немецко-французского книжного дела, основанного моим зятем Авенариусом в Париже. Я просил заказать перевод и поместить статьи в журнал. Скоро я получил их обратно со справедливым замечанием, что парижская публика их не поймет, да и не обратит на них внимания особенно в настоящее время. Тогда я объединил все шесть статей под общим заглавием «Искусство и революция»[134] и отправил книгопродавцу Отто Виганду[135] в Лейпциг, который и взялся издать их отдельной брошюрой, послав мне при этом 5 луидоров в качестве гонорара. Эта необыкновенная удача заставила меня подумать о дальнейшем использовании своих писательских способностей. Я разыскал между своими бумагами очерк, набросанный при изучении саги о Нибелунгах, дал ему заглавие *Die Wibelungen. Weltgeschichte aus der Sage*[136] и опять попытал счастья у Виганда. Радикально настроенный Виганд рассчитывал, что возбуждающий заголовок «Искусство и революция», а также тот необыкновенный интерес, который вызывал я лично как бывший королевский капельмейстер, ставший политическим эмигрантом, создадут известный шум в обществе и обратят внимание на мои статьи. И действительно, скоро я узнал, что брошюра «Искусство и революция» вышла вторым изданием, причем мне Виганд не сообщил об этом ничего. Мою новую рукопись он тоже принял и вновь прислал мне 5 луидоров. Впервые, таким образом, я стал извлекать выгоду из публикации моих работ. Очевидно, я напал на верный путь, которым активно мог идти навстречу судьбе. Я стал думать о том, чтобы ближайшей зимой прочесть в Цюрихе несколько публичных лекций по вопросам искусства и вообще надеяться на скромно доходную деятельность, не прибегая ни к каким должностям,

особенно к музыке.

Мне казалось необходимым обеспечить себе таким путем какой-нибудь доход, ибо дела мои стали складываться так, что без постороннего заработка я совершенно не знал бы, как просуществовать. В Цюрихе я увидел остатки разбитой баденской армии и сопровождавшую их толпу беглецов, и зрелище это произвело на меня в высшей степени горестное впечатление. Известие о пленении Гёргея[137] в битве при Вилагоше отняло всякую надежду на благоприятный исход общеевропейской борьбы за свободу. И лишь с этого момента, пережив огромное, тяжелое потрясение, я от внешних событий обратил свой взор на самого себя, на свою внутреннюю жизнь. Ежедневно после обеда, в тягостном настроении, я заходил в «Литературное кафе» [Café littéraire]. Там, среди тупой человеческой толпы, играющей в домино и азартные игры, я пил свой кофе и мечтательно рассматривал на стенах незамысловатые рисунки с античными сюжетами. В памяти моей выплывали виденные в ранней юности у зятя Брокгауза акварели Дженелли[138], изображавшие воспитание Диониса музами. Здесь в голове моей сложились идеи, вылившиеся впоследствии в статье «Произведение искусства будущего». Мне показалось особенно знаменательным событием, когда из моих мечтаний я был однажды вырван известием о том, что в Цюрихе находится Шрёдер-Девриент. Я побежал в расположенную напротив гостиницу *Zum Schwerte*, чтобы повидаться с ней, и почти испугался, услышав, что она только что с пароходом уехала. Больше я ее не видел. Впоследствии я получил от жены, изредка встречавшейся с ней в Лейпциге, горестное известие о ее смерти.

244

Так, без почвы под ногами, беспорядочно провел я два летних месяца, пока не получил утешительного известия от Минны из Дрездена. Несмотря на то что она обошлась со мной грубо и оскорбительно, я все-таки не мог в глубине души считать себя совершенно свободным от забот о ней. Я с участием справлялся о ней у одного из ее родственников, причем рассчитывал, что она об этом узнает. Кроме того, я неоднократно просил Листа по мере возможности не оставлять ее без своего внимания. Теперь я получил письмо от нее самой. По письму я убедился, как умело эта деятельная женщина справлялась со своим трудным положением, и, кроме того, она тут же дала мне доказательство того, что искренно желает снова со мной соединиться. Минна

выражала презрительное недоверие к моим планам, связанным с Цюрихом, но при этом заявляла, что считает себя обязанной как жена еще раз попытаться связать наши две жизни. Она высказала предположение, что Цюрих я предложу ей лишь в виде временного местопребывания и постараюсь устроиться в качестве оперного композитора в Париже.

Наконец, она объявила мне, что в сентябре, такого-то числа, она в сопровождении Пепса, попугая Папо и Натали, мнимой сестры своей, приедет в Швейцарию. Я снял две комнаты и пешком отправился из Рапперсвиля [Rapperswyl] через знаменитый своей красотой Тоггенбург [Toggenburg] и Аппенцелль [Appenzell] на Сен-Галлен и Роршах. Когда в Роршахе я встретил свою странную семью, наполовину состоявшую из животных, то почувствовал себя растроганным. Признаюсь, особенно обрадовали меня собачка и птица. Жена же не замедлила расхолодить меня, пригрозив тут же, при первом свидании, что немедленно вернется в Дрезден, если встретит с моей стороны неподходящее обращение. Друзья приготовили ей на этот случай приют и поддержку. Но уже первый взгляд на Минну, постаревшую за короткий срок, наполнил меня состраданием к ней, и это помогло мне справиться с горечью обиды. Я постарался ободрить ее и представить ей наши нынешние злоключения как нечто преходящее. Сначала это удавалось мне с трудом. Уже внешний вид Цюриха произвел на нее дурное впечатление: Дрезден был и красивее, и больше. Друзей моих, с которыми я ее познакомил, она ни во что не ставила. Городского секретаря Зульцера она считала простым писцом: в Германии «такие люди не играют никакой роли». Особенно возмутила ее жена моего хозяина Александра Мюллера. Когда Минна стала горько жаловаться на то, что я довел себя до такого жалкого положения, госпожа Мюллер ответила, что, не пощадив жену, я этим проявил величие характера.

Мне было очень приятно услышать из уст жены, что она сохранила кое-что из нашей дрезденской обстановки: она рассчитывала, что эти вещи нам понадобятся. Это были довольно плохой рояль фирмы «Брейткопф и Гертель» и заглавный лист Корнелиуса к «Нибелунгам» в готической раме, висевший над моим письменным столом. С этой основой нашего будущего хозяйства мы решили устроиться, сняв маленькую квартирку в так называемых «Последних домах Эшера» [Hinteren Escherhäusern], расположенных на Цельтвеге [Zeltweg]. С большим успехом ей удалось совершить трудную во многих отношениях продажу нашей мебели и сберечь при этом около 100 талеров для теперешних надобностей. Мою небольшую, но

тщательно составленную библиотеку ей тоже посчастливилось, как она думала, прекрасно сохранить. Она передала ее брату моего зятя, книготорговцу и саксонскому депутату Генриху Брокгаузу, который настойчиво ее об этом просил. Как же была она поражена, когда, обратившись к нему с просьбой прислать книги, получила от смышленого родственника ответ, что он оставляет их у себя в обеспечение взятых у него в тяжелую минуту 500 талеров, и вернет тогда, когда я уплачу весь долг. Так как в течение многих лет я не был в состоянии вернуть 500 талеров, то моя библиотека, заботливо составленная применительно к моим личным потребностям, пропала для меня навсегда. Зульцер, звание которого ввело в заблуждение мою жену, несмотря на свое весьма незначительное состояние, нашел возможным выручить меня, и мы устроились в нашей маленькой квартирке так уютно, что могли вполне соответствовать вкусам моих здешних друзей с их скромными привычками. Талант моей жены проявился в полном блеске. Вспоминаю в особенности гениальное употребление, которое она сделала из ящика с рукописями и нотами: из него вышла прекрасная этажерка.

245

Возникал, однако, вопрос, где найти средства для нашего пропитания. Моя идея читать публичные лекции в Цюрихе встретила решительный протест со стороны Минны. Она признавала только один план, а именно предложенный Листом: выступить в Париже в качестве оперного композитора. Чтобы ее успокоить и не видя перед собой никаких перспектив, я вступил в переписку с моим большим другом Листом и с его секретарем Беллони. Необходимо было немедленно что-нибудь предпринять, и я согласился на предложение Цюрихского музыкального общества взять на себя управление его оркестром. Оркестр был маленький, бедный, и я положил много труда, чтобы разучить с ним [Седьмую] симфонию A-dur Бетховена. Исполнили мы ее, однако, с большим успехом. Гонорара я получил 5 наполеондоров. Жену мою этот концерт очень расстроил, так как напомнил ей о богатых средствах и блестящей обстановке недавних дрезденских концертов, которые требовали небольших усилий с моей стороны и давали известный доход. При всяком удобном случае, не обращая внимания на вопрос артистической щепетильности, она возвращалась все к одному и тому же: к возможной блестящей карьере в Париже. Оставалось неясным, откуда я добуду средств для путешествия в Париж, для жизни в

нем, и я снова погрузился в размышления на занимавшие меня в то время художественно-эстетические темы. Приходилось бороться с жесточайшей нуждой, мерзнуть в маленькой квартире, лишенной солнца. И вот при этих условиях в течение зимних месяцев ноября и декабря я закончил довольно крупное сочинение «Произведение искусства будущего»[139]. Минна не протестовала против моих занятий, так как я мог сослаться на успех первой брошюры и надеяться, что труд, более крупный по объему, будет соответственным образом оплачен.

Таким образом, я пользовался некоторое время относительным спокойствием, причем сильнее всего занимало меня в это время чтение главнейших произведений Людвига Фейербаха. Уже издавна жило во мне стремление проникнуть в глубины философии наподобие того, как мне удалось под мистическим влиянием Девятой симфонии Бетховена проникнуть в глубокие основы музыки. Первые попытки в этом отношении были решительно неудачны. Ни один из лейпцигских профессоров не сумел удовлетворить меня своими лекциями по философии и логике. По рекомендации Густава Шлезингера[140], друга Лаубе, я добыл книгу Шеллинга «О трансцендентальном идеализме», но напрасно ломая голову над первыми ее страницами, я неизменно возвращался к Девятой симфонии. В последний период моего пребывания в Дрездене снова воскресло во мне старое стремление к философии на почве занятий историей, все сильнее и глубже меня увлекавших. Я обратился к «Философии истории» Гегеля. Здесь мне импонировало многое, и этим путем я надеялся проникнуть в святилище отвлеченной мысли. Чем непонятнее для меня были отдельные философские обобщения этого знаменитого, могучего мыслителя, слывшего создателем теоретического познания, тем сильнее мне хотелось понять суть «абсолюта» и всего, что с ним связано. Тем временем произошла революция. Практические планы о переустройстве общества отвлекли меня в сторону от философских занятий, и, как я уже упомянул, некто Мецдорф, бывший теолог, а теперь немецко-католический проповедник и политический агитатор, с калабрийской шляпой на голове, первый указал мне на Людвига Фейербаха как на «истинного и единственного философа современности».

Мой новый цюрихский друг, учитель музыки Вильгельм Баумгартнер, принес мне его книгу «О смерти и бессмертии». Особый, всеми оцененный лирический стиль автора произвел на меня, человека философски совершенно необразованного, чрезвычайно приятное впечатление. Еще со времен знакомства в Париже с Лерсом меня, как и всякого серьезного человека с

богатой фантазией, занимали те замысловатые вопросы, которые изложены в этом сочинении с такой свежестью, с такой подкупающей обстоятельностью. Но в общем я до сих пор удовлетворялся мыслями, которые высказывались на эту значительную тему нашими великими поэтами. Откровенность, с какой Фейербах подходил в наиболее зрелых частях своей книги к интересным проблемам, вся его трагическая и социально-радикальная концепция, глубоко привлекали меня. Мне казалось прекрасной и утешительной идея, что истинно бессмертным является лишь возвышенное деяние и одухотворенное произведение искусства.

Несколько труднее удавалось мне сохранить интерес при чтении «Сущности христианства». Беспомощная расплывчатость в развитии основной мысли, взгляды на религию с субъективно-психологической точки зрения – все это ощущалось при чтении как известный недостаток. Тем не менее Фейербах являлся в моих глазах представителем решительного, радикального освобождения личности от тисков религиозного авторитета, от всех представлений, создавшихся на этой почве. Отсюда, я полагаю, ясны побуждения, под влиянием которых я снабдил свое «Произведение искусства будущего» посвящением Фейербаху и предисловием, обращенным к нему.

Друга моего Зульцера, ярого гегельянца, вовсе не признававшего Фейербаха как философа, очень, конечно, огорчило мое увлечение им. Во всем этом, говорил он, хорошо лишь одно, а именно то, что Фейербах возбудил во мне кое-какие мысли, хотя у него самого никаких идей нет. Меня же в пользу Фейербаха настроили главным образом следующие его выводы, благодаря которым он и отпал от Гегеля. Во-первых, лучшая философия – это не иметь никакой философии (этим он значительно мне облегчил задачу, ранее меня пугавшую), и, во-вторых, действительно лишь то, что дано в ощущении. В эстетическом восприятии чувственного мира Фейербах видел лишь рефлекс духа. Вот мысли, которые вместе с признанием ничтожества философии оказали огромную поддержку моей собственной концепции искусства, всеобъемлющего и доступного самому простому ощущению человека, концепции совершенной драмы, «произведения искусства будущего», дающего оплот нашим художественно-артистическим стремлениям. Вот на какие идеи, по-видимому, намекал Зульцер, пренебрежительно отзываясь о Фейербахе. Через короткое время я уже не мог больше интересоваться его сочинениями. Вспоминаю даже, что заголовок его новой книги «О сущности религии» произвел на меня впечатление настолько монотонное, что когда Гервег

раскрыл ее при мне, я тут же захлопнул ее.

Тем временем я с большим интересом продолжал работать над своим трудом. Прибывший случайно в Цюрих Эдуард фон Бюлов, отец моего молодого друга, новеллист и последователь Тика, посетил меня в моей квартирке, и мне доставило истинное удовольствие прочитать ему главу о поэзии. Высказанные мною с радикальной решительностью идеи о литературной драме, о том, что каждое время должно непременно родить своего Шекспира, сильнейшим образом поразили его. Тем лучше, думал я: это заставит Виганда купить мое новое революционное творение и оплатить его соответственно объему. Я потребовал 20 луидоров, и он их мне обещал.

246

Ожидаемый гонорар должен был помочь мне выполнить принятое под влиянием нужды решение еще раз съездить в Париж и попытать счастья в качестве оперного композитора. Дело складывалось самым подозрительным образом: мне лично не только была ненавистна самая мысль об этом, но я отчетливо сознавал, что, давая обещания, поступаю нечестно, так как никогда не буду в состоянии серьезно отнестись к их выполнению. Но все соединилось против меня и заставило предпринять новый шаг в этом направлении. В особенности Лист настаивал, чтобы я возобновил переговоры, начатые прошлым летом через Беллони. Делал он это из наилучших побуждений, твердо веря, что этим я выйду на достойную меня дорогу, ведущую к славе. Как серьезно я отнесся к своей задаче, видно из того, что я подробно разработал сюжет предполагаемой оперы и хотел поручить французскому автору переложить его в стихи. Мне и в голову не приходило в выборе и обработке темы положиться на него, а себе оставить лишь задачу музыкальной композиции. Я остановился на саге о Виланде-кузнеце, которой я в восторженных словах коснулся на последних страницах «Произведения искусства будущего». Она была мне известна по обработке сюжета, взятого Зимроком из *Wilkyna-Saga*[141]. Я сделал подробный сценический набросок, основательно разработал диалог трех актов и со вздохом решился все это переслать французскому автору.

Чтобы предварительно познакомить парижскую публику с моей музыкой, Лист стал общаться с Сегером[142], дирижером концертов Общества Сен-Сесиль [Concerts de St. Cécile]. В январе должна была быть исполнена увертюра к «Тангейзеру», причем

мое присутствие считалось необходимым. Для этой поездки требовались средства, которых у меня не было, что причинило мне неожиданную тревогу. Тщетно обращался я за помощью к друзьям на родине – не выходило ничего. О том, как отнеслись к моей просьбе в семье моего брата Альберта, я узнал от его дочери, сделавшей в то время блестящую театральную карьеру: меня боялись и сторонились, как заразы. Зато совершенно неожиданно я встретил восторженно трогательное к себе отношение со стороны семьи Риттер, оставшейся в Дрездене. Я был знаком с нею через Карла Риттера, который однажды меня посетил. Узнав от друга моего Гейне о моем положении, госпожа Юлия Риттер, почтенная мать семейства, сочла себя обязанной предоставить в мое распоряжение через поверенного 500 талеров. В то же время я получил из Бордо письмо от г-жи Лоссо, которая в прошлом году посетила меня в Дрездене: она трогательно заверяла меня в своем неизменном сочувствии. Это были первые симптомы новой фазы, в которую отныне вступала моя жизнь. Зависимость моей судьбы от родственных связей постепенно падает, и вся моя жизнь складывается под влиянием внутренних, интимных отношений к людям посторонним.

В настоящую минуту эта неожиданная помощь заключала в себе некоторый элемент горечи: деньги как бы толкали к исполнению ненавистного парижского предприятия. И когда я попытался объяснить жене, что при новой поддержке мы можем пробиться и в Цюрихе, она пришла в величайшее негодование и жестоко напала на меня за слабость и нерешительность. Она заявила, что если я не приложу всех усилий, чтобы добиться чего-нибудь путного в Париже, она махнет на меня рукой, не желая быть свидетельницей того, как я стану влачить существование жалкого писаки и дирижера захудалых концертов. Так начался для нас 1850 год.

Ради собственного спокойствия я обещал уехать в Париж, и если пока еще медлил, то только из-за очень расстроенного здоровья. Пережитые волнения отразились на моих нервах, и возбуждение прежних дней, тяжелое и продолжительное, сменилось полной разбитостью. Я постоянно простужался в нашей нездоровой квартире, проводя все время за работой. Появились угрожающее симптомы. Я чувствовал боль в груди, и один врач, политический эмигрант, лечил меня смоляными пластырями. От действия этих пластырей я надолго потерял способность громко говорить. Но жена находила, что я должен ехать. Когда пришлось наконец идти на почту покупать билет, я чувствовал себя настолько обессилевшим, что, обливаясь потом, не устоял на ногах. Я вернулся домой и еще раз заговорил с

женой о том, не разумнее ли отказаться от путешествия. Она нашла, что в моем состоянии нет ничего угрожающего, что здесь большую роль играет мое воображение и что, когда я прибуду на место, сразу почувствую себя лучше. Невыразимо горькое чувство охватило меня, нервы мои болезненно напряглись, и с отчаянием, решительными шагами я отправился на почту, чтобы взять роковой билет. В начале февраля я уехал в Париж. Странные ощущения овладели мной, и если в глубине души таились кое-какие надежды, я должен сказать, что они шли из другого источника и во всяком случае не имели ничего общего с извне навязанной мне верой в возможный парижский успех.

247

Первой заботой моей было найти тихую квартиру. Вообще с того времени я стал искать тишины везде, где бы ни устраивался. Извозчик вез меня с улицы на улицу, по самым глухим кварталам, которые все же казались мне чересчур шумными, и, раздосадованный, он наконец заметил мне: чтобы жить, как в монастыре, надо ехать не в Париж. Наконец мне пришло в голову поискать квартиру в одном из *Cités*[143], где вовсе нет движения экипажей. И действительно, я нанял на *Cité de Provence* две небольших комнаты. Согласно настойчивым указаниям друзей я прежде всего отправился к Сегеру, чтобы переговорить с ним по поводу предполагаемого исполнения увертюры к «Тангейзеру». Оказалось, что своим запоздалым приездом я ничему не помешал, так как здесь даже не знали, где найти расписанные по инструментам партии для оркестра. Мне предстояло написать Листу, просить его заказать копии и ждать ответа. Беллони в Париже не было. Нечего было пока делать, и у меня оказалось достаточно времени, чтобы под тягостный вой шарманок поразмыслить о цели моего пребывания в Париже. Скоро ко мне пришел агент министерства внутренних дел, чтобы расспросить о причинах моего приезда (я казался очень подозрительным, как политический эмигрант), и мне стоило труда убедить его, что привели меня сюда интересы музыкального характера. К счастью, ему понравились партитура, которую я ему показал, и прошлогодняя статья Листа об увертюре к «Тангейзеру» в *Journal des Débats*. Уходя, он успокоил меня и уверил, что полиция не будет препятствовать моим мирным стремлениям.

Снова разыскал я моих старых парижских знакомых. Земпера я нашел в гостеприимном дом Деплешена. Он добывал себе сносный заработок исполнением различных заказов

несамостоятельного характера. Семья его оставалась в Дрездене, откуда к нам приходили ужасающие вести. Каторжные тюрьмы были переполнены несчастными жертвами последнего саксонского восстания. О Рёкеле, Бакунине и Хойбнере сообщали, что, обвиняемые в государственной измене, они будут приговорены к смертной казни. Известия о жестокостях, проявляемых войсками по отношению к арестованным, заставляли нас считать наше собственное положение сравнительно счастливым.

С Земпером я встречался часто, и мы проводили с ним время довольно весело. Он надеялся устроиться вместе со своей семьей в Лондоне, где у него были виды на некоторые заказы. Мои последние писательские опыты и идеи, которые я в них проводил, интересовали его чрезвычайно. Мы много спорили, и в наших беседах нередко принимал участие Китц, что сначала забавляло Земпера, а потом стало его тяготить. Китца я нашел буквально в тех же условиях, в каких некогда покинул его. Он все еще не мог справиться со своими кистями и мечтал лишь об одном: чтобы революция и связанный с нею общий разгром помогли ему разделаться как-нибудь с квартирным хозяином. Тем не менее он нарисовал с меня очень недурной портрет в своей юношеской манере, цветными карандашами. Во время сеансов я, к сожалению, должен был разъяснить ему, что я разумею под искусством будущего. Это создало большую путаницу в его понятиях. Даже в буржуазных семьях, где он столовался даром, он вздумал вести живейшую пропаганду в мою пользу. Китц был тем же старым, верным, сердечно преданным другом, как и прежде. Даже Земпер научился мириться с ним.

Разыскал я тоже и моего значительно постаревшего друга Андерса. Встречаться с ним было очень трудно. С раннего утра он работал в библиотеке, где ему было запрещено кого бы то ни было принимать, затем отдыхал в кабинете для чтения, а обедал в тех домах, где давал уроки музыки. Здоровье его за это время сильно поправилось. Мне казалось раньше, что он идет навстречу верной смерти. Как это ни странно, ему помогло несчастье: он сломал себе ногу и попал в водолечебницу. Это оказалось для него спасением: здоровье его значительно окрепло. Он мечтал лишь об одном – быть свидетелем моего триумфа в Париже – и взял с меня слово, что на первом представлении моего нового творения я доставлю ему удобное место в театре, так как давки он не переносил. От моих литературных писаний он не ждал никакой пользы.

Тем не менее я снова занялся исключительно ими, так как выяснилось, что надеяться на исполнение увертюры к

«Тангейзеру» не приходится. Лист своевременно изготовил оркестровые партии и переслал их сюда. Но Сегер заявил, что его оркестр представляет собой «демократическую республику», все члены которой пользуются одинаковым правом голоса. На совещаниях музыкантов было почти единогласно решено завершить зимний сезон без моей увертюры. Этого было достаточно, чтобы понять весь ужас моего положения. Писательство тоже давало малоутешительные результаты. Наконец в мои руки попал экземпляр «Произведения искусства будущего», отвратительно изданный у Виганда, с бездной грубых ошибок. Издатель сообщал мне, что может заплатить пока только половину моего гонорара. Он был введен в заблуждение бойким успехом «Искусства и революции» и чересчур высоко оценил рыночную стоимость моего литературного труда. Полнейший же неуспех моей второй брошюры «Вибелунги» раскрыл ему глаза. В это время некто Адольф Колачек[144], тоже эмигрант, задумал издавать в Париже ежемесячный немецкий журнал как орган прогрессивной партии и предложил мне участвовать в нем, причем назначил приличный гонорар. Чтобы пойти навстречу его приглашению, я написал большую статью под заглавием «Искусство и климат»[145]. В ней некоторые из идей, только задетых в «Произведении искусства будущего», получили дальнейшее развитие. Кроме того, я окончательно обработал «Виланда-кузнеца». С материальной стороны труд этот оказался совершенно бесполезным. Последние полученные мной деньги были истрачены, и я с ужасом думал о том, что напишу теперь жене.

О возвращении в Цюрих и о дальнейшем пребывании в Париже я думал с одинаковой тоской. Это настроение усилилось после того, как я впервые услышал новое произведение Мейербера, его «Пророка». Все надежды на благородный под подъем в искусстве, которые еще год тому назад одушевляли лучших людей, лежали во прахе. А на их обломках, как результат промышленной сделки временного республиканского правительства, произведение Мейербера: заря того позорного дня отрезвления, который настал для мира. Мне было так противно присутствовать на этом спектакле, что я ушел в середине спектакля, несмотря на то что сидел в самом центре партера. Обычно я не позволил бы себе произвести шум во время представления. Но когда знаменитая «Мать» пророка[146] принялась изливать свое горе в пошлых руладах, мною овладело настоящее бешенство. Никогда я не мог заставить себя прослушать несколько тактов из этого произведения.

Но что предпринять дальше? Во время первого моего пребывания в Париже в тисках нужды я мечтал бежать в какую-нибудь из южноамериканских республик. Теперь я думал о Дальнем Востоке, где мог бы сохранить человеческое достоинство и, порвав с современным миром, в неизвестности закончить свои дни. В таком настроении находился я, когда получил письмо от г-жи Лоссо, в котором она справлялась о моем настроении. Содержание моего ответа побудило ее энергично просить меня отправиться в Бордо и отдохнуть в ее доме, забыв на время о всех своих злоключениях. Поездка на юг, в новые места, к людям, хотя и незнакомым, но серьезно ко мне относящимся, меня привлекала. Я рассчитался с хозяином и отправился с дилижансом через Орлеан, Тур и Ангулем вниз по Жиронде. Там меня с почетом, с величайшей приветливостью, встретили молодой виноторговец Эжен Лоссо и его жена.

Ближайшее знакомство с этой семьей, с госпожой Тейлор, матерью г-жи Лоссо, помогло мне понять причину того участия, какое оказывали мне эти люди, стоявшие от меня столь далеко. Жесси – так звали молодую женщину в семье – прожила довольно долго в Дрездене, где подружилась с семьей Риттер. Под влиянием этой семьи, интересовавшейся моими произведениями, моей судьбой, сложилось и ее отношение ко мне. Я не имел никаких оснований не доверять этому. Когда я принужден был бежать из Дрездена и известия о моем положении дошли до семьи Риттер, между Дрезденом и Бордо завязалась переписка о том, как мне прийти на помощь. Жесси приписывала инициативу в этом деле госпоже Юлии Риттер. Однако у Юлии Риттер не было средств, чтобы одной выполнить свой план, и она вступила в переговоры с матерью Жесси, довольно богатой женщиной, вдовой английского адвоката. Молодая пара в Бордо была, собственно, ей обязана своим материальным благоустройством. Дамы пришли к соглашению, и теперь, когда я прибыл в Бордо, оказалось, что обе семьи решили предложить мне ежегодную субсидию в 3000 франков, пока обстоятельства мои не изменятся к лучшему. Мне оставалось только рассказать моим благодетелям, в каком положении находятся мои дела и каковы мои планы.

На мои успехи в качестве оперного композитора в Париже и вообще где бы то ни было надеяться более не приходится, я и сам не знаю, что мне остается предпринять. Во всяком случае я твердо решил охранить себя от позора, не добиваться успехов путями, могущими запятнать мою честь. Едва ли не одна только Жесси

поняла меня, и хотя остальные члены семьи были со мной очень приветливы, я скоро заметил, какая пропасть отделяет меня и молодую женщину от ее мужа и матери. Муж, красивый молодой человек, был всегда занят делами, мать, плохо слышавшая, не могла принимать живого участия в наших беседах. Таким образом, между нами скоро установилась большая близость взглядов, установились доверчивые отношения. Жесси было тогда двадцать два года, она совершенно не походила на мать и была, по-видимому, вся в покойного отца. О нем я узнал много хорошего. Он оставил своей дочери большую, очень разнообразную библиотеку, что свидетельствовало о необычайных склонностях этого человека. Занятый адвокатской деятельностью, он уделял много внимания литературе и наукам. Благодаря ему Жесси еще в детстве хорошо овладела немецким языком и бегло на нем говорила. На сказках братьев Гримм она воспиталась и затем последовательно знакомилась с немецкими поэтами. Нечего говорить о том, что она в совершенстве знала английский язык. Кроме того, она владела французским языком соответственно требованиям образования и жизненных обстоятельств, но языка этого она не любила. Ее способности были изумительны: чего бы я ни коснулся, она сейчас же быстро и отчетливо схватывала суть вещей. То же было и с музыкой. Она легко читала ноты и настолько хорошо и бегло играла, что в состоянии была целиком исполнить, к моему великому изумлению, необыкновенно трудную сонату B-dur Бетховена[147], в то время как в Дрездене я не мог найти пианиста, способного справиться с этой вещью.

Все это было чрезвычайно приятно, но тем резче было разочарование, когда она однажды запела. У нее оказался острый, резкий фальцет. Она пела с большим азартом, но без всякого чувства. Она напугала меня этим до такой степени, что я не удержался и стал просить ее на будущее время больше не петь. При исполнении сонат она охотно принимала к сведению мои указания относительно верности выражения, но я чувствовал, что духа моих слов она все-таки не улавливала. Я познакомил ее с моими последними литературными работами, и она легко овладела даже самыми смелыми из моих идей. «Смерть Зигфрида» понравилась ей чрезвычайно, но предпочтение она отдавала «Виланду-кузнецу». Позднее она признавалась мне, что жребий самоотверженной невесты Виланда был ей ближе, чем отношение Гутруны к Зигфриду.

Скоро выяснилось, что окружающие являлись помехой в наших занятиях, в наших беседах. Оба мы прекрасно понимали, что госпожа Тейлор никогда не уразумеет настоящего смысла

оказываемой мне поддержки, и это нас очень тяготило. Особенно же меня беспокоило то обстоятельство, что молодые супруги Лоссо совершенно друг друга не понимают. Очевидно, Лоссо чувствовал, что жена уже давно перестала его любить. Однажды он совершенно забылся и при всех с горечью заявил, что она не любила бы и ребенка, от него рожденного, и потому считает счастьем, что она не стала матерью. Как это часто бывает в таких случаях, это была внешне счастливая пара, но в действительности супругов разделяла пропасть, в которую я заглянул с ужасом и огорчением.

Протекли полных три недели, мое пребывание в Бордо уже близилось к концу, когда я получил письмо от жены, еще сильнее испортившее мое тягостное настроение. Она ничего не имела против моих новых друзей, но объявила, что если я немедленно не вернусь в Париж и не добьюсь исполнения увертюры и связанных с этим делом успехов, она откажется понимать меня. Если же, ничего не добившись, я вздумаю вернуться в Цюрих, она и вовсе махнет на меня рукой.

В то же время меня потрясло и патетически настроило газетное известие о том, что Рёкель, Бакунин и Хойбнер приговорены к смертной казни, которая и будет скоро приведена в исполнение. Рёкелю и Бакунину я написал лаконическое, но энергичное прощальное письмо, и так как был уверен, что прямым путем оно не проникнет к заключенным в крепость Кёнигштайн, я решил послать его госпоже фон Люттихау для передачи заключенным. Сделал я это, исходя из следующих соображений. Госпожа фон Люттихау была единственным лицом, которое имело возможность исполнить мое поручение. Кроме того, я предполагал, что при возможном разногласии во взглядах она благородно и независимо отнесется к моему желанию. Впоследствии мне рассказывали, что письмо попало в руки господина фон Люттихау, и он бросил его в печку[148].

Болезненное потрясение еще сильнее поддержало назревшее решение порвать со всем прошлым, уйти от искусства, от жизни, уединиться от всего мира ценой каких угодно лишений. Из небольшой ренты, предложенной моими новыми друзьями, я половину решил отдавать жене, а сам думал укрыться куда-нибудь в Грецию, Малую Азию, заняться там чем попадется, лишь бы не помнить ничего и быть забытым навсегда. О моих планах я сообщил Жесси как единственному моему другу, прося ее объяснить моим покровителям, как намерен я употребить предложенную ренту. Она была всем этим очень обрадована. Недовольство собственным личным существованием заставляло ее мечтать в том же направлении. Понял я это из ее намеков и

беглых замечаний. Не отдавая себе отчета, к чему все это должно повести, скорее взволнованный, чем успокоенный, не имея никаких определенных планов, я покинул в последних числах апреля Бордо. Выбитый из колеи, не зная совершенно, что предпринять, я отправился в Париж.

249

Больной, возбужденный, разбитый постоянной бессонницей, я пробыл восемь дней в гостинице *Valois* [«Валуа»], стараясь как-нибудь разобраться в необычайно странных обстоятельствах, в каких я очутился. Если бы я и хотел приняться за выполнение планов, насильственно мне навязанных друзьями, то здесь добиться чего-нибудь пока нельзя было. Недовольство, вызванное неразумными посягательствами на меня со стороны других людей, стремлением использовать мои силы в ненавистном мне направлении, разрослось в душе моей в яростный протест. Надо было ответить жене. Обсуждая нашу прошедшую жизнь в пространном, благожелательно откровенном письме, я сообщил ей, что пришел к твердому решению освободить ее от непосредственного участия в моей дальнейшей судьбе, так как считаю себя неспособным подчиниться ее желаниям и взглядам. Все, что я теперь и в будущем заработаю, я готов делить с ней пополам. Пришел тот случай, о котором она говорила при нашем первом свидании в Швейцарии, угрожая новой разлукой: она может его использовать немедленно. Я расставался с ней окончательно.

Об этом я тут же сообщил Жесси в Бордо. Предпринять какие-нибудь определенные шаги в смысле полного удаления из мира, как я называл это, я еще не мог – не хватало средств. Жесси ответила, что решила сделать то же самое и намерена отдаться под мою защиту, как только получит полную свободу. Я употребил все усилия, чтобы разъяснить ей, что далеко не одно и то же, если доведенный обстоятельствами до отчаяния человек, как я, бросается очертя голову в неизвестность, или если это делает молодая женщина, находящаяся в сравнительно недурных внешних условиях жизни. Притом же никто, кроме меня, не поймет ее настоящих побуждений. Она успокоила меня относительно эксцентричности своего поведения и объяснила, что выполнит свой план с соблюдением приличий, что прежде всего она собирается отправиться в Дрезден в дружественную ей семью Риттер. Все это взволновало меня до такой степени, что мне захотелось уйти в одиночество немедленно, хотя бы недалеко от

Парижа.

В середине апреля я отправился в Монморанси, о котором слышал много хорошего. Там я решил найти для себя скромное убежище. С трудом пробирался я среди еще совершенно зимнего пейзажа по окрестностям маленького городка и зашел наконец в садик одного виноторговца *[marchand de vin],* посещаемый обыкновенно только по воскресеньям. Чтоб подкрепиться, я велел подать хлеба, сыру и бутылку вина. Вокруг меня собрался целый курятник, и я стал кормить кур хлебом. Особенно тронул меня своей самоотверженной воздержанностью петух, отдававший курам даже те куски, которые я бросал специально ему. Постепенно куры становились смелее, забрались на стол и набросились бесцеремонно на мой завтрак. Забрался сюда и петух и, заметив, что порядок нарушен окончательно, набросился на мой сыр с жадностью, которую долго подавлял в себе. Скоро я был совершенно оттиснут от стола клокочущим хаосом. Это рассмешило меня, и впервые после долгого промежутка времени я сердечно рассмеялся.

Тут я заметил на вывеске дома, что имя хозяина Хомо [Homo] [149]. В этом я увидел указание судьбы: здесь я должен найти себе комнату. Комната нашлась, маленькая и узкая, и я немедленно поселился в ней. Кроме кровати, в ней стояли некрашеный стол и два плетеных стула. Один из них я превратил в умывальник, а на столе я разложил книги, письменные принадлежности и партитуру «Лоэнгрина». В этой крайне жалкой обстановке я мог наконец вздохнуть полной грудью. Погода была скверная, по голым еще рощам совершать прогулки было трудно. Но я был совершенно одинок, чувствовал себя окончательно забытым и мог предать забвению все, что в последнее время так тревожило меня и мучило. Проснулось старое стремление к искусству. Я стал перелистывать партитуру «Лоэнгрина» и быстро решил отослать ее Листу и предложить ему как-нибудь поставить эту оперу в Веймаре. Когда я избавился от партитуры, я почувствовал себя свободным, как птица, и беззаботным, как Диоген. В таком настроении я пригласил к себе Китца разделить со мной радости деревенской жизни. Он действительно приехал, как некогда приехал в Мёдон, но обстановку мою нашел еще беднее, чем в тот раз. С удовольствием он разделил со мной обед, устроил себе на ночь импровизированное ложе из досок и, отправляясь назад в Париж, решил восстановить между мной и миром разорванную связь.

Но внезапно я был испуган известием, что жена разыскивает меня в Париже. Я пережил мучительный час, прежде чем предпринять что-нибудь. И я решил не давать ей повода думать,

что мое последнее письмо объясняется поспешностью или простительным порывом. Я немедленно отправился из Монморанси в Париж, вызвал Китца к себе в гостиницу и просил его ничего не говорить жене, которая обращалась к нему: он знает обо мне только одно, что я покинул Париж. Бедный малый, относившийся к Минне, как и я, очень сердечно, был страшно огорчен. Чувствуя крайнюю неловкость своего положения, он заявил мне, что сознает себя как бы «осью, вокруг которой вертится все горе мира». Но он понял все значение и тяжесть моего решения и сумел исполнить свою нелегкую задачу умно и мягко.

В ту же ночь я покинул Париж и уехал по железной дороге в Клермон–Тоннер [Clermont-Tonnerre][150]. Там я хотел пробыть некоторое время и затем пробраться в Женеву и дождаться известий от госпожи Риттер. Я был до того истощен, что не мог и мечтать о сколько-нибудь значительном путешествии, даже если бы для этого у меня были необходимые средства. Чтобы выиграть время, я перебрался на ту сторону Женевского озера в Вильнёв [Villeneuve], где легко нашел комнату в гостинице *Byron* [«Байрон»], пустующей в это время года. Здесь я узнал, что в Цюрих прибыл Карл Риттер, чтобы, как он еще раньше извещал, погостить у меня. Под условием строжайшей тайны я вызвал его к себе на Женевское озеро, где мы и встретились в середине мая в той же гостинице «Байрон». Мне понравилась его безусловная преданность. Я оценил, как быстро он понял мое положение, всю необходимость принятых мной решений, как легко, без лишних разговоров, одобрил он тот шаг, который я совершил по отношению к нему самому. Он был в полном восторге от моих последних литературных произведений, говорил о сильном впечатлении, какое они произвели на его знакомых, и тем побудил меня использовать немногие дни покоя и приготовить к печати «Смерть Зигфрида». Я написал небольшое предисловие, в котором объяснял друзьям, что это произведение является реликвией из той эпохи, когда я еще считал себя призванным заниматься чисто художественными работами, в частности музыкальными композициями. Рукопись я отослал в Лейпциг Виганду, который скоро вернул мне ее обратно. При этом он сообщал, что если вещь будет напечатана латинским шрифтом, как я на этом настаиваю, он не продаст ни одного экземпляра. Впоследствии я узнал, что те 10 луидоров, которые он остался мне должен за «Произведение искусства будущего» и которые я просил его передать жене, он упрямо отказывался уплатить.

В материальном отношении мое положение было крайне печально – следовало немедленно приняться за какую-нибудь работу. Однако это оказалось невозможным: через несколько дней по прибытии Карла реальная жизнь начала опять трепать меня самым неожиданным и мучительным образом. Госпожа Лоссо написала мне крайне тревожное письмо, где сообщала, что открыла свои намерения матери. Та немедленно заключила, что это интрига с моей стороны, и рассказала обо всем господину Лоссо, который поклялся, что разыщет меня, где бы я ни был, и убьет. Я решил поехать в Бордо, чтобы объясниться со своим противником. Я написал ему пространное письмо, где представил все дело в истинном свете, причем не умолчал о моем недоумении относительно того, как это возможно удерживать при себе женщину, которая вас знать не хочет. В конце я сообщал, что одновременно с письмом лично прибуду в Бордо и немедленно извещу, в какой гостинице он меня может найти. Я прибавил, что жена его о моем поступке не знает ничего, и поэтому он свободен в своих действиях. Не скрыл я также, что совершаю это путешествие с большими затруднениями, так как у меня нет времени, необходимого для визирования паспорта во французском посольстве. Госпоже Лоссо я в то же время написал несколько строк, прося ее успокоиться и взять себя в руки. О том, что я еду во Францию, я умолчал совершенно, согласно принятому решению (Лист, когда я впоследствии рассказал ему всю эту историю, нашел, что я поступил весьма глупо, не уведомив о своем шаге госпожу Лоссо).

В тот же день я простился с Карлом, чтобы на следующее утро отправиться в Женеву, а оттуда во Францию. Путешествие это по тому времени было нелегкое. В Женеве я почувствовал себя так скверно, что не мог отделаться от мысли о близкой смерти. В таком настроении я ночью написал письмо госпоже Риттер в Дрезден, где, между прочим, рассказал, в какую попал нелепую историю. На французской границе начались неприятности с моим паспортом. Меня настойчиво расспрашивали о цели поездки, и власти в виде исключения разрешили мне въезд во Францию, так как я энергично настаивал на том, что меня туда призывают неотложные семейные дела. Через Лион вниз по Оверни ехал я дилижансом. Путешествие длилось полных три дня и две ночи. В Бордо был пожар, когда рано утром я с вершины холма увидел его перед собой. Я остановился в гостинице *Quatre sœurs* [«Четыре сестры»] и отправил записку господину Лоссо, в которой сообщал свой адрес и обещал не выходить, пока он не явится. Было девять часов утра, когда я отправил эту записку. Весь день я напрасно ждал ответа, пока не получил довольно поздно, после обеда,

приглашение немедленно явиться в полицию. Там меня спросили, в порядке ли мой паспорт. Я откровенно объяснил затруднение, в котором нахожусь, прибавив, что только серьезные семейные дела могли заставить меня предпринять путешествие сюда. Мне ответили, что как раз из-за этих-то семейных дел мне запрещается дальнейшее пребывание в Бордо. Я стал добиваться объяснений, и оказалось, что этого требует самым решительным образом заинтересованная семья. Сделанное мной открытие положительно развеселило меня. Я заявил полицейскому комиссару, что после утомительного путешествия нуждаюсь в отдыхе и потому прошу разрешения остаться здесь два дня. Он охотно дал мне его, так как заинтересованная в моем отъезде семья покинула нынче утром Бордо, и нам не грозит опасность встречи.

Эти два дня я действительно посвятил отдыху, написав лишь обстоятельное письмо Жесси, в котором изложил подробно все, что произошло, и заявил в заключение, что поведение ее мужа, прибегнувшего к доносу и отдавшего честь своей жены в руки полиции, считаю недостойным. Кроме того, я прибавил, что отказываюсь от каких бы то ни было отношений с ней до тех пор, пока она не вырвется из этой позорящей ее обстановки. Оставалось только доставить письмо по назначению. По сведениям, полученным от полицейского комиссара, я не мог судить, надолго ли семья Лоссо оставила Бордо. Я решил поэтому пробраться в их дом. Придя туда, я нажал ручку дверей, и они открылись. Дом был совершенно пуст, и я беспрепятственно прошел по всем комнатам первого этажа в комнату Жесси. Там я нашел ее рабочую корзинку, положил туда письмо и спокойно удалился, никем не замеченный.

По прошествии двух дней, не потревоженный никем, я отправился обратно в Женеву. Был май, стояла прекрасная погода. Я любовался прозрачной водой Дордони [Dordogne], чудесной реки со столь милым именем, вдоль которой вез меня дилижанс. По дороге меня забавляла беседа с моими попутчиками – священником и офицером: оба решительно высказывались за необходимость покончить с французской республикой, причем священник проявлял гораздо более мягкости и либерализма, чем военный, у которого был один припев: *Il faut en finir*[151]. По пути я воспользовался случаем ближе познакомиться с Лионом и, прогуливаясь по улицам города, старался воскресить в воображении сцены, так живо описанные Ламартином в «Истории жирондистов». Наконец я вернулся в Женеву, а затем и в гостиницу «Байрон», где Карл Риттер ждал меня с приятными вестями от его семьи. Мать

успокоила его насчет состояния моего здоровья, объяснив, что людям с расстроенными нервами свойственны мрачные размышления о близости смерти, что серьезно за меня опасаться нечего. Кроме того, она сообщила, что в скором времени намеревается посетить нас в Вильнёве вместе с дочерью Эмилией. Эти известия подействовали на меня ободряющим образом. Казалось, эта семья послана небом, чтобы поддержать меня и повести к новой жизни, к которой я так стремился.

В самом деле, через несколько дней приехали обе женщины отпраздновать со мной 22 мая – тридцать седьмую годовщину моего рождения. Наиболее сильное впечатление произвела на меня фрау Юлия. В Дрездене я видел ее всего один раз, когда Карл от ее имени просил меня присутствовать при исполнении его квартета. Меня приятно поразила та почтительность, с какой относились ко мне члены этой семьи. Мать мало со мной разговаривала, но когда я уходил, она со слезами благодарила меня за посещение. В ту минуту меня это просто удивило, теперь же, спрошенная о причине ее тогдашних слез, она объяснила, что была тронута вниманием, оказанным ее сыну. Дамы пробыли у нас около недели. Мы старались развлечься, совершали прогулки в прекрасную Валлийскую долину. Но госпожа Риттер оставалась глубоко озабоченной происшедшими со мной в последнее время событиями, с которыми она подробно ознакомилась только сейчас, как равно и тем, что ждет меня впереди. Впоследствии я узнал, что этой женщине, больной, страдающей нервами, пришлось напрячь все силы, чтобы совершить настоящее путешествие, и только когда я стал настойчиво предлагать ей переселиться в Швейцарию, где мы могли бы все вместе прекрасно устроиться, она объяснила мне, что на основании ее теперешней, с исключительными целями предпринятой поездки я не должен судить о ее физических силах: в действительности она разбитый человек. Уезжая, она передала на мое попечение своего сына и вручила необходимые нам обоим средства. О своих материальных возможностях она сообщила мне, что они ограниченны, а так как о прежнем плане совместной с семьей Лоссо заботы обо мне теперь не может быть и речи, она серьезно занята мыслью, как ей одной справиться с этой задачей и обеспечить мне свободу. По истечении недели мы с глубоким волнением простились с этой почтенной женщиной. Она отправилась обратно с дочерью в Дрезден, и я более с ней никогда не встречался.

Я продолжал думать о том, куда укрыться от мира. Наконец я остановился на одной довольно пустынной горной местности, куда мы и удалились с Карлом. Это была уединенная Висперская долина [Visper-Tal] в Валлийском кантоне. С довольно большим трудом добрались мы по малопроходимым дорогам до Церматта [Zermatt]. Там, у подножия колоссального и дивно прекрасного Маттерхорна [Matterhorns], мы могли себя чувствовать удаленными от всего света. В этой пустыне я постарался кое-как устроиться, но скоро заметил, что Карл чувствует себя довольно плохо при новых условиях нашей жизни. Уже на второй день он признался мне, что ему здесь не по себе, что на берегу одного из крупных швейцарских озер ему было бы легче. Мы стали изучать карту Швейцарии и остановились для первого опыта на Тунском озере. К сожалению, я опять почувствовал полный упадок сил. Нервы мои настолько ослабели, что при малейшем телесном напряжении я весь обливался потом. С напряжением всех сил выбрался я из этой долины. Мы доехали до Туна и, несколько ободрившись, наняли две небольших, скромных, но веселых комнаты у самой дороги – здесь мы решили сделать попытку обосноваться. Беседы с моим молодым приятелем, несмотря на его молчаливость и робость, были мне очень приятны и действовали на меня освежающе, особенно с тех пор как он перед сном заимел привычку усаживаться поуютнее на моей постели и оживленно делиться со мной на приятном, чистом диалекте остзейских провинций своими впечатлениями. Я развлекался в эти дни чтением «Одиссеи», случайно попавшей в мои руки впервые после долгих юношеских лет. Этот тоскующий по родине, вечно странствующий, бодро преодолевающий всевозможные препятствия герой Гомера был необыкновенно близок душе моей.

Но внезапно мир мой был нарушен письмом, полученным Карлом от г-жи Лоссо. Он не решался мне его показать, так как думал, что Жесси просто сошла с ума. Я силой вырвал у него письмо и прочел его. Молодая женщина считала себя обязанной сообщить моему другу, что теперь она совершенно разгадала меня и намерена окончательно порвать всякие отношения со мной. Впоследствии я с помощью г-жи Риттер узнал следующее. Получив письмо с извещением о выезде в Бордо, Лоссо, посоветовавшись с госпожей Тэйлор, немедленно уехал оттуда со всей семьей в деревню, чтобы переждать, пока я не покину Бордо. В полицию он обратился с просьбой ускорить мой отъезд. В деревне от молодой женщины утаили суть событий. Ей ничего не сказали ни про мое письмо, ни про мою поездку в Бордо, уговорив спокойно выждать один год и отложить путешествие в Дрезден. С нее взяли слово не поддерживать со мной никакой

корреспонденции. Так как ей обещали по истечении года дать полную свободу, то она и согласилась. Тем временем оба заговорщика приложили все усилия оклеветать меня в ее глазах. Сами они были уверены, что я намеревался ее похитить. Госпожа Тейлор обратилась с письмом к моей жене, где, сообщая о затеянной мной попытке создать в чужой семье «супружескую измену», выразила ей свое глубочайшее сочувствие и предложила материальную поддержку. Бедная Минна немедленно решила, что вот где кроется причина моего отказа от совместной с ней жизни, и ответила госпоже Тейлор слезным письмом. Во всей этой истории удивительное какое-то недоразумение сочеталось с намеренной ложью. Как-то раз в одном несерьезном разговоре Жесси сказала мне, что она не принадлежит ни к одной из существующих религий, так как отец ее был членом особой секты, не признающей крещения ни по протестантскому, ни по католическому обряду. Я утешил ее тем, что мне случалось сталкиваться с представителями еще более странных сект. Так, например, вскоре после моего венчания я узнал, что обряд был над нами выполнен в Кёнигсберге одним священником, принадлежавшим к секте мукеров[152]. Бог знает, в каком виде Жесси передала этот разговор своей матери, но в результате госпожа Тейлор сообщила Минне, что я считаю наш брак недействительным. Дальнейшие письма моей жены к Жесси подлили масла в огонь. Жена постаралась выставить меня в настоящем свете, что и побудило Жесси написать моему молодому другу это странное письмо. Признаюсь, больше всего меня возмутило поведение Минны. Что обо мне думают супруги Лоссо и госпожа Тэйлор, было для меня совершенно безразлично. Поэтому я охотно принял предложение Карла отправиться в Цюрих, разыскать там мою жену и дать ей необходимые разъяснения.

Пока я ждал его возвращения, я получил письмо от Листа. Он писал мне о том огромном впечатлении, какое произвела на него партитура «Лоэнгрина», и сообщал, что это впечатление решительным образом изменило его взгляды на меня и на мое будущее. Пользуясь данным мной разрешением, он готов напрячь все силы и поставить оперу в Веймаре к предстоящему торжеству в честь Гердера[153]. Почти одновременно пришло письмо от госпожи Риттер. Она прекрасно понимала сущность всех разыгравшихся событий и просила не принимать их близко к сердцу. Вернулся наконец из Цюриха и Карл. Он с большой теплотой отозвался о поведении моей жены. Не найдя меня в Париже, она не растерялась, а напротив, с редкой энергией принялась устраивать свою жизнь по-новому. Соответственно

моим желаниям, она сняла подходящую квартиру в уединенном тихом месте на берегу Цюрихского озера в надежде услышать что-нибудь обо мне. Кроме того, он сообщил мне много похвального о Зульцере, о его сердечном отношении к Минне. Неожиданно у Карла вырвалось восклицание: «Ах, столковаться с этими людьми, во всяком случае, можно! Но с сумасшедшей англичанкой ничего не поделаешь!» Я не сказал ничего, но с улыбкой спросил его, не тянет ли его в Цюрих? Он вскочил: «О, да! И чем скорее, тем лучше!» – «Будь по-твоему, – ответил я, – давай укладываться. И тут, и там для меня одинаково бессмысленно». Не говоря ни слова, мы на следующий день отправились в Цюрих.

Часть третья. 1850–1861

252

Минне посчастливилось найти вблизи Цюриха домик, действительно соответствовавший тем желаниям, которые я настойчиво просил перед отъездом иметь в виду при найме квартиры. В поселке Энге[154], четверть часа ходьбы от Цюриха, у самого озера стоял старинный бюргерский дом, носивший название *Abendstern* [«Вечерняя звезда»] и принадлежавший симпатичной старой даме, фрау Хирцель [Hirzel]. Здесь жена моя совершенно недорого сняла верхний этаж, обособленный от остальной части дома и представлявший все минимальные удобства, необходимые для жизни. Я прибыл рано утром и застал Минну еще в постели. Понимая, что ее мучит мысль, не возвратился ли я к ней из одного только чувства сострадания, я постарался разубедить ее в этом, причем сумел настолько успокоить, что она обещала никогда больше не упоминать о случившемся. Впрочем, она чувствовала себя в своей стихии, показывая мне результаты своей умелой распорядительности. Так как наши материальные дела за последние годы стали постепенно улучшаться, то, несмотря на тяжелые затруднения, с которыми приходилось иногда бороться, в доме нашем все же создалась атмосфера, не лишенная уютности. Однако я не мог победить в себе желания, иногда очень сильного, раз навсегда порвать с привычной для меня обстановкой.

Прежде всего мои собака и попугай, Пепс и Паппо, вносили приятное оживление в наш домашний обиход. Оба до такой степени любили меня, что чувство их было мне иногда в тягость. Пепса я всегда брал к себе на рабочее кресло, где он располагался позади меня, а Паппо, когда я слишком долго не приходил в гостиную на его настойчивые призывы «Рихард!», обыкновенно прилетал в мой кабинет на письменный стол и весьма непринужденно распоряжался перьями и бумагой. Он был так хорошо дрессирован, что никогда не издавал неприятных криков, а всегда или говорил, или пел. Заслышав на лестнице мои шаги, он встречал меня, насвистывая главную маршеобразную тему заключительной части c-moll-ной симфонии[155], начало Восьмой симфонии F-dur или торжественный мотив увертюры «Риенци». Собачка Пепс отличалась необычайной нервностью, за что мои друзья прозвали ее «сумасшедший Пепс». По временам нельзя было сказать ей ласкового слова без того, чтобы она не

принималась тотчас же выть и всхлипывать. Оба они заменяли нам детей, и моя жена чувствовала к ним привязанность, почти граничившую с материнской любовью, что, к радости моей, служило для нас источником взаимной симпатии.

Но зато отношение Минны к несчастной Натали вызывало постоянные пререкания между нами. До самой смерти в силу какой-то непонятной стыдливости она не открывала девочке, что она ее мать. Та всегда считала себя сестрой Минны и не понимала, почему с ней обращаются не как с равной. Присваивая себе авторитет матери, Минна постоянно сердилась на Натали за ее непонятливость. Правда, в том возрасте, когда формируется характер, девочка была предоставлена сама себе и совершенно заброшена. Вследствие этого она очень сильно отстала в своем умственном и физическом развитии. При маленьком росте, с наклонностью к полноте она была неповоротлива и бестолкова. Вспыльчивость Минны, резкость ее обращения и постоянные насмешки с течением времени сделали эту девочку, в сущности очень добродушную, строптивой и озлобленной, так что ссоры мнимых сестер часто самым неприятным образом нарушали тишину и спокойствие в доме, и только совершенное безразличие, с каким я относился к окружающим, давало мне возможность терпеливо переносить все эти неприятности.

253

На первых порах наш небольшой домашний кружок приятно оживился переселением к нам моего молодого друга Карла [Риттера]: он занял маленькую комнатку под крышей, над нашей квартирой, разделял наши трапезы, мои прогулки и одно время казался вполне этим довольным. Но вскоре я стал замечать какую-то тревогу в его поведении. На его настроении сказывались те резкие сцены, которые составляли неотъемлемый атрибут моей совместной жизни с Минной, и ему нетрудно было уловить болезненность наших отношений, которые по его же инициативе я с таким добродушием, с такою уступчивостью решился восстановить. Он не нашелся, что сказать, когда однажды, воспользовавшись подходящим случаем, я напомнил ему, что мое решение вернуться в Цюрих было вызвано не надеждой на восстановление семейного счастья, а иными побуждениями. Но я заметил, что его странное поведение вызывается и другими причинами. Он стал часто опаздывать к столу, ел без аппетита. Сначала это приводило меня в смущение, так как я думал, что наш стол ему не по вкусу. Наконец, я узнал, что мой юный друг

питал чрезмерное пристрастие к пирожным, и я прямо стал беспокоиться, как бы любовь к сластям не отразилась печально на его здоровье. Мои замечания на этот счет, по-видимому, ему очень не понравились. А так как его отлучки из дому делались все продолжительнее, то я решил, что он недоволен своей скромной комнаткой, и потому не стал удерживать его от приискания другой квартиры в городе.

Заметив, что его стесняет наша домашняя обстановка, я с радостью воспользовался случаем, чтобы предложить ему уехать на время из Цюриха, так как пребывать у нас не доставляло ему, очевидно, особой радости. Я уговорил его поехать в Веймар на первое представление «Лоэнгрина», которое должно было состояться в августе нынешнего года. После его отъезда я предложил Минне совершить прогулку на Риги[156], куда мы оба поднимались обыкновенно пешком. При этом я в первый раз с огорчением подметил появившиеся у моей жены вследствие утомления от продолжительной ходьбы в гору симптомы сердечной болезни, развивавшейся довольно быстро. Вечер 28 августа, вечер первой постановки «Лоэнгрина» в Веймаре, мы провели в Люцерне, в гостинице *Zum Schwan* [«У лебедя»], следя по часам за временем начала и предполагаемого конца спектакля. Как я ни старался провести эти часы с женой в приятной оживленной беседе, какое-то ощущение натянутости, раздражения и внутренней несвободы мешало моим лучшим намерениям. Известия об этом спектакле, в самом скором времени до меня дошедшие, не заключали в себе ничего ясного, ничего успокоительного. Карл Риттер, вскоре вернувшийся в Цюрих, сообщил мне о разных сценических недочетах постановки, о неудачном исполнителе главной партии. Но он говорил, что в общем опера произвела на публику хорошее впечатление. Более всего заслуживали доверия отзывы, которые мне прислал сам Лист. Он считал излишним распространяться о скудных художественных средствах веймарского театра, недостаточных для выполнения его необычайно смелой попытки, и сообщал мне только о том впечатлении, какое произвела моя опера на многих выдающихся людей, приглашенных на спектакль, о том общем настроении, каким была одухотворена постановка.

Такое крупное событие в моей жизни должно было, конечно, оказать огромное влияние на мою дальнейшую судьбу. Но в данный момент оно ничего не меняло в положении моих дел, и потому я живее всего интересовался вопросом, что думает предпринять мой молодой друг, предоставленный моему попечению. Проездом в Веймар он повидался в Дрездене со своей семьей. Возвратившись, он заявил мне о своем пламенном

желании выбрать в качестве практической карьеры музыкальную деятельность и, если возможно, занять при театре место музикдиректора. До тех пор я не имел еще случая ознакомиться в этом отношении с его способностями. При мне он не решался играть на фортепьяно, но он показал мне композицию на собственный текст, написанный аллитерационным стихом[157] под заглавием «Валькирия», и хотя она произвела на меня впечатление чего-то крайне беспомощного, я все же имел возможность убедиться в том, что он прекрасно знает композиторскую технику. В этом знании теории, несомненно, сказывались преимущества школы Роберта Шумана. Последний говорил мне, что он считает Риттера чрезвычайно одаренным юношей, что ему никогда еще не приходилось встречать у кого-либо из своих учеников такого тонкого слуха, такой прекрасной музыкальной памяти. У меня не было поэтому никаких оснований отнестись недоверчиво к дирижерским способностям моего молодого друга, в наличие которых он сам твердо верил.

Ввиду приближения зимнего сезона я постарался разузнать, кто станет во главе труппы, которая будет играть в Цюрихе. Мне было сообщено, что в данный момент она находится в Винтертуре. Тогда я обратился за помощью и советом к Зульцеру, который всегда был готов оказать мне дружескую поддержку, и он устроил мне свидание с Крамером[158], директором театра, на одном торжественном обеде в местной гостинице *Wilder Mann* [«Дикарь»]. Было решено, что Карл Риттер, которому Крамер на основании моей рекомендации предложил довольно приличное жалованье, вступит с октября в должность музикдиректора при Цюрихской опере. Так как рекомендуемый мной юноша был новичком в оперном деле, то я должен был дать за него поручительство, которое состояло в том, что я брал на себя обязательство заменить за дирижерским пультом Риттера, если вследствие недостаточной его подготовки к капельмейстерской деятельности произойдут какие-либо задержки в ходе театральных дел. Карл, по-видимому, был очень доволен.

Когда наконец стал приближаться октябрь и вместе с ним день открытия театрального предприятия Крамера, который объявил, что в его опере будет обращено особое внимание на художественность постановок, я счел необходимым серьезно переговорить с моим другом относительно предстоящего в ближайшем будущем его выступления перед публикой в качестве дирижера. Чтобы дать ему возможность дебютировать в хорошо знакомой вещи, я выбрал для него «Фрейшютца». Карл нисколько не сомневался, что он одолеет такую легкую партитуру. Но когда, победив застенчивость и нежелание играть в моем присутствии

на фортепьяно, он стал разбирать вместе со мной клавираусцуг оперы, я, к ужасу моему, убедился, что Риттер не имеет ни малейшего представления о том, что значит аккомпанировать, и с характерной для всех дилетантов беззаботностью насчет точности исполнения совершенно спокойно удлинял, например, на лишнюю четверть такт, если ему нелегко было справиться с техническими трудностями при передаче партитуры. О ритмической точности, о темпе, которые так важны для дирижера, он не имел ни малейшего понятия. Я был поражен и даже не нашелся, что сказать моему молодому другу. Ошеломленный таким неожиданным открытием, я не стал его уговаривать отказаться от дирижирования, и когда дело дошло до оркестровой репетиции, все еще надеялся на внезапное обнаружение таланта. Единственное, о чем я позаботился, это купить для него пару очков, так как вследствие своей близорукости, о которой он совершенно не подозревал у себя, он так близко наклонялся к нотам, что уже не мог видеть ни певцов, ни оркестра.

Но стоило мне только раз увидеть, как Риттер держится за дирижерским пультом, к которому, несмотря на свои большие очки, он почти прикасался лицом, боясь отвести глаза от партитуры, стоило мне увидеть, как, точно во сне, он вырисовывал в воздухе палочкой какой-то фантастический такт, чтобы понять, что мне немедленно придется самому заменить его согласно обещанию, данному директору театра. Только с трудом удалось мне объяснить молодому Риттеру, что ему необходимо уступить свое место за дирижерским пультом мне. Делать было нечего, мне пришлось продирижировать первым спектаклем Крамеровского театра, «Фрейшютцем», и вследствие успеха, выпавшего на мою долю, я был поставлен в такое положение, что не мог отказаться от дальнейшего участия в его делах, так как этого требовала публика.

Очевидно, нечего было и думать о том, чтобы место дирижера при опере осталось за Карлом. По странному стечению обстоятельств одновременно с этим неприятным для меня открытием я узнал, что другой мой друг, Ганс фон Бюлов, с которым я познакомился еще в бытность свою в Дрездене, тоже решил избрать музыкальную карьеру. За год до этого я встретился с отцом его, Эдуардом фон Бюловом, в Цюрихе, куда он приехал сейчас же после вторичной своей женитьбы. Бюлов

поселился у Боденского озера, и оттуда я получил письмо от Ганса, в котором он извещал меня, что, к величайшему огорчению, не может исполнить своего пламенного желания посетить меня в Цюрихе, о чем он писал мне раньше. Зная положение дел в семье Бюловов, я объяснял себе это письмо влиянием разведенной жены Бюлова, которая старалась удержать Ганса от артистической карьеры и уговаривала его, так как он был юрист по образованию, поступить на государственную службу или в дипломатический корпус. Но склонности и способности влекли его к музыке. Разрешив сыну повидаться с отцом, она взяла с него слово, что он не заедет ко мне. С другой стороны, мне было известно, что и отец Ганса, вообще говоря, относившийся ко мне хорошо, тоже не разрешает своему сыну посетить меня. Мне оставалось поэтому предположить лишь одно, что Бюлов делает все это в угоду своей разведенной жене, не желая после всех столкновений, вызвавших их разрыв, дать ей новый повод к конфликту, несмотря на то что в данном случае решалась судьба их сына. Такое предположение настраивало меня в высшей степени враждебно по отношению к Эдуарду фон Бюлову. Быть может, я и ошибался, но тон письма Ганса, в котором он жаловался на то, что жестокая необходимость заставляет его выбрать карьеру, совершенно не соответствующую его склонностям, и обречь себя, таким образом, на вечную борьбу с самим собой, сразу внушил мне решимость помочь моему другу и сделать для него все, что я считал в данном случае необходимым.

При крайней экспансивности, какой я отличался в те годы, и ненависти ко всякой духовной тирании я принял такое решение, не колеблясь ни минуты. Я ответил Гансу подробным письмом, в котором указывал на то, какой серьезный шаг он собирается сделать. Что дело шло не только о выборе карьеры, но о решительном перевороте во всей его внутренней жизни, было ясно из полного отчаяния, растерянного тона его письма. Протягивая ему руку помощи, я написал, что на его месте никогда бы не отказался от дружеской поддержки, если бы почувствовал стихийное, непреодолимое желание избрать карьеру артиста, что я предпочел бы самые тяжелые лишения, лишь бы не идти путем, который не отвечает моим склонностям. Поэтому я советую ему принять окончательное решение. Если, вопреки запрещению отца, он хочет приехать ко мне, то пусть по получении настоящего письма исполнит свое намерение, не считаясь ни с чем.

Карл Риттер был прямо счастлив, когда я передал ему письмо с поручением отвезти его в усадьбу Бюловов, где жил Ганс.

Прибыв туда, он вызвал своего друга и, отправившись с ним на прогулку, передал ему письмо. Прочтя его, Ганс с места в карьер, в отвратительную, суровую, холодную погоду, решил пешком отправиться в Цюрих, так как ни у него, ни у его друга не было совершенно денег. И вот в один прекрасный день, промокшие и забрызганные грязью, они явились ко мне, совершив путешествие, полное разных приключений. Риттер сиял радостью по поводу удавшегося побега Ганса из дома отца, а молодой Бюлов казался потрясенным до глубины души. Я понял, что на мне лежит глубокая и серьезная ответственность. Болезненная возбужденность Ганса вызвала во мне искреннее сочувствие, и отныне наша дружба была скреплена на долгие годы.

255

Прежде всего я постарался вселить в Бюлова бодрость и светлые надежды на будущее. Материальные затруднения были скоро устранены. На тех же условиях, как и Карл, Ганс заключил контракт с дирекцией театра. Оба получали отныне небольшое жалованье, мое же поручительство за молодых музыкантов оставалось в прежней силе. Бюлову сразу пришлось взяться за дирижирование каким-то фарсом с музыкой. Не просмотрев ни разу нот, он с таким одушевлением и уверенностью повел за собой оркестр, что, к великому своему удовольствию, я сразу убедился в несомненной талантливости нашего новоиспеченного дирижера. Зато мне было очень трудно рассеять угнетенное состояние духа Карла, вызванное сознанием своей полной непригодности к практической музыкальной деятельности, на которую, по-видимому, он возлагал большие надежды. С тех пор я стал замечать какую-то робкую сдержанность и скрытую антипатию по отношению ко мне у этого юноши, замечательно одаренного во всем, что не касалось музыки. Но было совершенно невозможно сохранить за Карлом его пост капельмейстера и поручить ему дирижировать каким-либо спектаклем.

С другой стороны, возникли неожиданные затруднения и для Бюлова. Дело в том, что директор оперы, которому очень хотелось, чтобы я и впредь выступал в его театре дирижером, всячески старался заставить меня появиться за капельмейстерским пультом. Действительно, я дирижировал у него еще несколько раз, отчасти из желания возбудить интерес публики к сравнительно недурной труппе, отчасти для того, чтобы на собственном примере показать юным друзьям, особенно богато одаренному Бюлову, в чем заключается искусство

оперного капельмейстера. Вскоре Ганс так хорошо стал справляться со своей задачей, что с чистой совестью я мог сложить с себя обязательство заменять его в случае каких-либо музыкальных неудач, о чем я и заявил директору театра. Одна молодая певица, избалованная моими похвалами, различными придирками старалась довести Бюлова до того, чтобы он сам передал свою капельмейстерскую палочку мне. Когда мы разобрались, в чем дело, и мне немало пришлось по этому поводу сердиться и нервничать, мы после двухмесячной деятельности Ганса в качестве дирижера по соглашению с дирекцией расторгли контракт, сделавшийся для нас источником величайших неприятностей. Так как в это время Бюлову было предложено место музикдиректора в Сен-Галлене, то в надежде на будущее я отпустил обоих молодых людей искать счастья в соседнем городе.

Эдуард фон Бюлов благоразумно покорился решению сына, сохраняя в душе тяжелое чувство по отношению ко мне. На мое письмо, в котором я оправдывался перед ним в своем поведении, он не ответил, но приехал, как я узнал, на свидание с сыном в Цюрих с целью помириться с ним. В течение немногих зимних месяцев, которые молодые люди провели в Сен-Галлене, я несколько раз приезжал туда, чтобы повидаться с ними. Карл снова потерпел неудачу с глюковской увертюрой к «Ифигении». Я нашел его погруженным в мрачные мысли, совершенно ушедшим от всякой практической работы, охваченным тяжелыми чувствами, тогда как Ганс был весь поглощен своей деятельностью, несмотря на отвратительный состав труппы, ужасный оркестр, плохое театральное помещение и вообще, несмотря на отталкивающие условия, среди которых ему приходилось работать. Когда я увидел печальную обстановку Сен-Галленского театра, мы решили, что Ганс вполне доказал свою способность капельмейстера, что он обладает всеми качествами, необходимыми для практической деятельности дирижера. Теперь необходимо было найти для него такой пост, который давал бы возможность плодотворно применить его музыкальные дарования. Бюлов сообщил мне, что отец имел в виду снабдить его рекомендациями к барону фон Пойслю[159], тогдашнему интенданту Мюнхенского придворного театра. Но в дело опять вмешалась его мать, настаивая на том, чтобы для дальнейшего усовершенствования сын был послан в Веймар к Листу, чему я только мог от души сочувствовать. С искренней радостью я написал моему другу письмо, в котором горячо рекомендовал молодого Бюлова, дальнейшая судьба которого чрезвычайно меня волновала. На Пасхе 1851 года он покинул Сен-Галлен и на долгое время переехал в Веймар, выйдя, таким образом, из-под

моей опеки. Риттер остался в своем меланхолическом уединении, не решаясь возвратиться в Цюрих, с которым у него были связаны неприятные воспоминания о первых его неудачах. Он продолжал жить в Сен-Галлене.

256

Более интересные художественные впечатления доставил мне приезд обоих друзей на зиму в Цюрих, где Бюлов выступил в качестве виртуоза на рояле на одном из концертов Музыкального общества. На этом концерте, к своему личному удовольствию и радости друзей, я дирижировал бетховенской симфонией. Дело в том, что дирекция общества вновь обратилась ко мне с просьбой принять участие в устраиваемых ею концертах. Так как постоянный оркестр был очень слаб, то я дал согласие лишь при условии, что будут дополнительно приглашены хорошие музыканты, главным образом для усиления группы струнных; причем мое участие в концертах обыкновенно ограничивалось дирижированием какой-либо бетховенской симфонией. На разучивание с оркестром выбранной мной для концерта симфонии я требовал каждый раз предоставления мне не менее трех репетиций. На эти репетиции съезжались музыканты из соседних городов, и потому все концерты общества при моем участии приобретали особенную торжественность. Кроме того, для прохождения одной только симфонии в мое распоряжение была предоставлена вся репетиция, и я имел достаточно времени, чтобы добиться тонкой нюансировки при исполнении Бетховена, произведения которого не представляли для музыкантов каких-либо особых затруднений в техническом отношении. Благодаря этому я достиг полной свободы в передаче оркестру своих намерений, чего мне до тех пор за все время моей дирижерской карьеры ни разу не удалось добиться.

То неожиданно сильное впечатление, какое произвели в моем исполнении симфонии, наполнило меня особенным энтузиазмом. В самом оркестре я открыл несколько действительно талантливых музыкантов, которые охотно подчинялись моим указаниям и скоро научились исполнять их совершенно так, как я этого от них требовал. Среди них упомяну о Фрисе [Fries], которого я посадил на место первого гобоя. С ним я разучил его чрезвычайно важную в бетховенских симфониях партию так тщательно, как если бы дело шло о вокальном соло. Действительно, на концерте, когда исполнялась c-moll'ная симфония, он провел адажио первой части с таким проникновенным выражением, какого я никогда не

слыхал при передаче этого места. Впоследствии, когда я отказался от дальнейшего участия в концертах общества, этот странный человек бросил свою деятельность оркестрового музыканта и открыл нотную торговлю.

Затем в лице Отт-Имхофа[160] мы имели одного из видных и богатых граждан Цюриха, любителя искусства и дилетанта, прекрасного кларнетиста, обладавшего, правда, небольшим, но очень нежным и мягким звуком. Кроме того, я должен указать еще на превосходного валторниста Бэра [Bär], поставленного мной во главе медных духовых. Благодаря ему эта группа музыкантов стала играть с особенной артистичностью. Не припомню, чтобы мне когда-либо пришлось услышать такой интенсивный и равномерный звук аккордов духовых в последней части c-moll'ной симфонии, как на концертах в Цюрихе. Такое впечатление произвела на меня в свое время передача Девятой симфонии оркестром Парижской консерватории.

Исполнение c-moll'ной симфонии возбудило энтузиазм публики, в особенности одного из моих друзей, государственного секретаря Зульцера, до тех пор совершенно равнодушного к музыке. Последний вдохновился настолько, что в ответ на какую-то враждебную мне заметку в местной газете написал целую поэтическую сатиру в духе Платена[161] на моего непризванного критика.

Для участия во втором концерте общества, в котором я согласился выступить этой зимой и продирижировать «Героической симфонией», был приглашен, как уже сказано выше, в качестве пианиста Бюлов. Со свойственной ему смелостью, даже неосмотрительностью, он выбрал чрезвычайно остроумную, но трудную фортепьянную обработку увертюры к «Тангейзеру», приготовленную Листом. Своим исполнением Бюлов вызвал бурю восторгов. Меня поразила его блестящая виртуозная игра, на которую я раньше не обратил должного внимания, и она внушила мне самые прекрасные надежды на его будущее. В замечательных дирижерских и аккомпаниаторских способностях Бюлова я уже имел возможность убедиться во время его скитаний минувшей зимой, о которых я говорил коротко выше.

В Цюрихе у меня часто собирались знакомые. В конце концов мои друзья основали целый музыкальный клуб для развлечений, которые стали возможными благодаря присутствию Ганса [фон Бюлова]. На его вечерах я сам исполнял подходящие отрывки из моих опер, причем Ганс брал на себя обязанности аккомпаниатора и справлялся с ними блестяще. Пользуясь случаем, я приступил к чтению своих рукописей. В продолжение целого ряда вечеров я читал все увеличивающемуся, чрезвычайно

внимательному кругу слушателей написанную мной за зиму большую книгу «Опера и драма»[162].

257

Несколько успокоившись и собравшись с мыслями, я стал думать о возобновлении серьезных работ. Но мне очень не хотелось приступать к композиции «Смерти Зигфрида». Не было настроения работать над партитурой, заведомо обреченной лежать в портфеле. Меня привлекала мысль как-нибудь, хотя бы окольными путями, добиться постановки моего произведения на сцене. Для этого я считал необходимым прежде всего объяснить немногочисленным друзьям моим, которые со всех сторон выказывали серьезный интерес к моей работе, задачи, так просто разрешавшиеся в моем уме, так отчетливо мне рисовавшиеся, но казавшиеся им едва намеченными. К этому представился вскоре особенно удобный случай. Зульцер показал мне статью «Опера» в «Универсальном лексиконе» Брокгауза, думая, что высказанные в ней мысли могут послужить подготовительным материалом для моего труда. При первом же беглом взгляде на эту работу я убедился в ошибочности высказанных в ней положений. Я старался обратить внимание Зульцера на основное различие между общепринятыми мнениями, которых держались даже весьма образованные люди, и моими взглядами на сущность искусства. Так как, естественно, каким бы даром слова я ни обладал, устно я не мог бы дать широкого распространения своим идеям, то немедленно по возвращении домой я принялся набрасывать план систематического и подробного их изложения. Так приступил я к составлению этой книги, которую выпустил в свет под заглавием «Опера и драма». Книга эта стоила мне нескольких месяцев напряженной работы и была закончена к февралю 1851 года.

Мне пришлось дорого поплатиться за увлечение, с каким я заканчивал этот труд. По моему расчету оставалось еще несколько дней усиленной работы над рукописью, как вдруг опасно заболел мой милый попугай, обыкновенно усаживавшийся на моем письменном столе и следивший за моим писанием. Так как это с ним случалось уже не раз и он всегда оправлялся от подобных заболеваний, то я не стал особенно беспокоиться. Жена просила меня сходить за рекомендованным нам ветеринаром, жившим в отдаленном квартале. Но я откладывал это дело со дня на день, не желая отрываться от письменного стола. Наконец однажды вечером в поздний час я окончил роковой манускрипт, а

на другое утро славный Папо лежал мертвым на полу. Я был безутешен. Печаль мою искренно разделяла Минна, и наша общая привязанность к домашним животным должна была служить связующим симпатическим звеном между нами в дальнейшей совместной жизни.

Кроме домашних животных, нам оставались верными и преданными также и более старые цюрихские друзья, не обращавшие внимания на катастрофу наших семейных отношений. Из них наиболее ценным и выдающимся был Зульцер. Резкое различие наших природных интеллектуальных дарований, склонностей и темпераментов, казалось, лишь способствовало нашей дружбе. Мы постоянно открывали друг в друге неожиданные грани наших характеров, которые в силу глубоких оснований, на которых они зиждились, являлись для нашего общения плодотворным и поучительным опытом. Зульцер был необыкновенно раздражителен и крайне хрупкого здоровья. Он поступил на государственную службу вопреки своим врожденным склонностям, которые принес в жертву строгому и добросовестному исполнению долга в широком смысле этого слова. Знакомство со мной погрузило его глубже, чем он считал это для себя дозволенным, в сферу эстетических наслаждений. Быть может, он разрешил бы себе этого рода увлечение с большей легкостью, если бы я относился к искусству менее серьезно. Тот факт, что художественно-артистической деятельности я придавал необычайное значение, несравненно большее, чем задачам государственности, выбивал его из нормальной колеи. Но именно глубоко серьезное отношение к вопросам искусства влекло его ко мне, к моим воззрениям на этот предмет. Так как наши беседы носили далеко не всегда мирный характер, то при обоюдной повышенной раздражительности споры наши часто разрешались бурными взрывами. Случалось иногда, что губы его начинали судорожно подергиваться, он хватал шляпу и палку и, не простившись, стремительно убегал. На следующий день он снова, как ни в чем не бывало, являлся в обычный час, и оба мы чувствовали себя так, как если бы между нами ничего не произошло. Тяжело было навещать его только в те дни, когда обычное мучительное физическое недомогание вынуждало его сидеть взаперти. Вопрос о здоровье приводил его в бешенство. И было только одно средство вернуть ему хорошее настроение: стоило лишь заявить, что вы пришли просить о дружеской услуге. Приятно изумленный, он сейчас же высказывал полную готовность сделать все, что угодно. Лицо его мгновенно прояснялось и становилось приветливым.

258

Резко отличался от него музыкант Вильгельм Баумгартнер. Это был жизнерадостный весельчак без малейшей склонности к самоугублению, изучивший фортепьянную игру как раз настолько, чтобы быть хорошим учителем и зарабатывать уроками ту сумму денег, которая ему нужна была на расходы. Он чувствовал прекрасное горячо, пока оно не принимало слишком возвышенных форм. Это было верное, доброе сердце, глубоко преданное Зульцеру. Но и влияние Зульцера не спасло этого человека от пристрастия к вину. К нам с самого начала присоединились еще два человека, связанных с Зульцером и Баумгартнером дружескими отношениями: дельный и почтенный второй государственный секретарь Хагенбух и удивительно добродушный, умственно не особенно одаренный и потому беспощадно третируемый Зульцером адвокат и редактор *Eidgenössischen Zeitung* [«Швейцарской газеты»] Бернгард Спири[163]. Александр Мюллер, которого все более и более засасывали домашние неприятности, физические страдания и ремесленное занятие уроками, вскоре окончательно исчез из нашего кружка. К музыканту Абту[164], несмотря на его «Ласточек», я не чувствовал ни малейшего влечения. К тому же он вскоре покинул нас для блестящей карьеры в Брауншвейге.

259

Цюрихское общество особенно обогащалось приливом различных лиц, потерпевших политическое кораблекрушение. По моем возвращении в январе 1850 года я уже застал там довольно элегантного с буржуазной точки зрения, но в достаточной мере скучного Адольфа Колачека. Он чувствовал призвание к издательству и основал *Deutsche Monatsschrift* [«Немецкий ежемесячный журнал»]. Для всех побежденных в последнем восстании орган этот должен был служить ареной духовной борьбы. Мне несколько льстило, что он считал меня писателем. Он уверял, что союзу умственных сил, выступающему под флагом предприятия, недоставало как раз «такого человека», как я. Уже из Парижа я выслал ему статью «Искусство и климат». Теперь он охотно взял несколько крупных отрывков из неизданной еще «Оперы и драмы» и уплатил за них весьма приличный гонорар. Этот человек навсегда остался в моей памяти как образец тактичного редактора. Он дал мне однажды для прочтения рукопись рецензии на мое «Произведение искусства будущего»

некоего господина Паллеске[165] и объявил, что без моего специального согласия, на котором он отнюдь не настаивает, он ее не опубликует. Я нашел, что если бы этот поверхностный, бессмысленный, составленный в самом высокомерном тоне отзыв появился на страницах журнала, я был бы вынужден дать на него обстоятельное возражение. Мне пришлось бы снова тратить время на утомительное изложение моих воззрений, их основных теорем. К этому я совершенно не был расположен. Потому и согласился с решением Колачека вернуть рукопись автору, рекомендуя поместить ее в каком-либо другом журнале.

Колачеку я обязан своим знакомством с Рейнгольдом Зольгером[166], действительно превосходным и интересным человеком. Этому последнему, с его беспокойным и несколько авантюристическим характером, стало нестерпимо заточение в маленьком, тесном цюрихско-швейцарском мирке. Он вскоре покинул нас и отправился в Северную Америку. Оттуда до меня доходили потом известия о его громких выступлениях и лекциях по поводу европейских событий. Жаль, что этот талантливый человек не прославил своего имени какими-нибудь значительными работами: все написанное им для нашего ежемесячника за короткое время его пребывания в Цюрихе принадлежит к числу превосходнейших вещей, когда-либо созданных в этой области немцем.

В новом 1851 году к этой компании присоединился еще Георг Гервег, которого я в один прекрасный день, к величайшему изумлению, встретил в квартире Колачека. Обстоятельства несколько неприятного для меня характера, приведшие его в Цюрих, сделались мне известны гораздо позже. Гервег приобрел изысканные манеры и держался в обществе с надменностью избалованного аристократа своего века. Речь его, уснащенная французскими восклицаниями, еще резче подчеркивала изысканность его внешнего облика. Но тем не менее вся его наружность, его живые глаза и приветливое обращение производили в высшей степени приятное впечатление и сразу привлекали к нему людей. Я почувствовал себя почти польщенным, когда он охотно принял приглашение на мои простые деревенские вечеринки. Правда, на них бывало иногда очень мило, в особенности когда Бюлов оживлял их своей игрой. Должен заметить, что от Гервега я не дождался никакого ответного приглашения. Когда я приступил к чтению своих рукописей, то, по уверениям жены, Колачек заснул, а Гервег сосредоточил все свое внимание исключительно на пунше. Когда впоследствии – о чем уже было упомянуто – в течение двенадцати вечеров кряду я читал моим цюрихским друзьям и знакомым

«Оперу и драму», Гервег отсутствовал. Он считал ниже своего достоинства смешиваться с теми, которые книги моей понять не могли. Мало-помалу мы с Гервегом сблизились. Этому способствовали не только мое уважение к новопрославленному поэтическому таланту, но и сочувствие к его действительно нежной, богато одаренной натуре. Наконец, я в самом Гервеге заметил потребность общения со мной. Привычка постоянно затрагивать глубокие и серьезные вопросы, страстно меня тогда интересовавшие, по-видимому, оказывала облагораживающее влияние на этого человека. Упоенный своей быстро растущей поэтической славой, он погрузился, во вред себе, в столь чуждые его душе пошлые и мелочные заботы о внешности. Успеху моего влияния на него много способствовали стесненные обстоятельства, в которые он себя поставил, стараясь всегда одеваться с притязаниями на блеск. Как бы то ни было, в нем я впервые нашел тонкое сочувственное понимание самых смелых моих планов и замыслов, и вскоре я оказал ему свое полное доверие. Он говорил, что занят только моими мыслями, которыми никто еще не увлекался так искренне, как он.

260

Сердечная, почти нежная дружба упрочилась между нами, когда я сообщил Гервегу о новой драматической поэме, которой предполагал заняться наступающей весной. Осуществленная Листом в конце прошлого лета постановка «Лоэнгрина» на сцене веймарского театра дала результаты, которых никак нельзя было ожидать при ограниченных средствах, какими он располагал. Задача эта могла быть успешно разрешена только таким разносторонне и богато одаренным, дружески ко мне расположенным человеком, как Лист. Если не в его силах было сейчас же привлечь в веймарский театр выдающихся певцов, подходящих для «Лоэнгрина», если относительно многого ему пришлось ограничиться лишь намеками, то зато он приложил все усилия к тому, чтобы вдохновенно осветить все недоговоренное в этой постановке. Прежде всего он написал обстоятельную статью о значении «Лоэнгрина». Редко когда литературное толкование художественного произведения доставляло последнему столько внимательных и до энтузиазма убежденных друзей, сколько доставила «Лоэнгрину» детально разработанная статья Листа. Карл Риттер обнаружил прекрасные литературные дарования, сделав великолепный немецкий перевод французского оригинала, помещенный в *Illustrirten Zeitung* [«Иллюстрированной газете»].

Вскоре после этого Лист издал французский оригинал, снабженный такой же пояснительной статьей о «Тангейзере». Эта брошюра долгое время вызывала, особенно за границей, часто неожиданное сочувствие по моему адресу. По ней публика гораздо обстоятельнее знакомилась с моими работами, чем изучая их по клавираусцугам. Далеко не удовлетворенный этим, Лист старался привлекать новых просвещенных артистов к веймарским постановкам моих опер. Этим способом он хотел обратить на них внимание тех, которые способны были слышать и видеть. Если по отношению к Францу Дингельштедту[167] благие намерения его не привели ни к чему – последний с явной неохотой согласился дать лишь туманный отзыв о «Лоэнгрине» в *Allgemeine Zeitung*, – то его вдохновенному красноречию удалось окончательно привлечь на мою сторону Адольфа Штара. Подробный отчет о «Лоэнгрине», помещенный в берлинской *National Zeitung*, признававший за оперой огромное значение, явно оказал серьезное воздействие на немецкую публику. В тесных кругах музыкантов-специалистов, по-видимому, не прошло бесследно и то обстоятельство, что Роберт Франц[168], которого Лист чуть не насильно заинтересовал постановкой «Лоэнгрина», отзывался потом о ней с истинным восторгом. Эти примеры оказались заразительными, и некоторое время можно было думать, что тупоумная музыкальная пресса решила заняться мной энергично и серьезно. В свое время я расскажу, почему это движение очень скоро и уже навсегда приняло совершенно противоположное направление.

В настоящий же момент дружелюбное отношение ко мне печати окрылило дух Листа, и он стал поощрять меня к дальнейшим работам на поприще прерванной мной за последние годы творческой деятельности. Справившись с «Лоэнгрином», он отважился на еще более смелое предприятие и предложил мне написать для Веймара музыку к тексту «Смерти Зигфрида». По его внушению интендант веймарского театра, господин фон Цигезар[169], от имени Великого герцога должен был предложить мне настоящий ангажемент: я обязывался окончить работу в годичный срок, и за это мне уплачивалось 500 талеров. Странное совпадение: приблизительно в это же время и при содействии Листа герцог Кобургский[170] предложил мне 900 талеров за инструментовку сочиненной им оперы, причем мой великодушный заказчик, невзирая на мое положение опального, приглашал меня приехать в свой замок, где, отделенный от внешнего мира, я вместе с ним, композитором и поэтессой госпожой Бирх-Пфайфер[171] должен был заняться его произведением. Лист молил меня под каким-нибудь предлогом

отклонить это предложение, причем советовал сослаться на «физическое и умственное нерасположение» к такого рода работам. Позднее мой друг сообщил мне, что желание герцога заручиться моим сотрудничеством для своей партитуры возникло у него благодаря сделанному мной удачному применению тромбонов. Когда он просил Листа сообщить ему мою теорию на этот счет, тот ответил, что весь секрет заключается в следующем: я сажусь писать для тромбона не раньше чем в моей голове созреет какая-нибудь идея.

261

Но мне сильно улыбалась мысль принять веймарское приглашение. Измученный долгой работой над «Оперой и драмой», удрученный многими событиями последнего времени, я после длинного перерыва снова сел за свой вышедший целым и невредимым из дрезденской катастрофы гертелевский рояль, чтобы испытать, как пойдет у меня музыкальная композиция тяжеловесной героической драмы. Я набросал вчерне музыку едва намеченной песни Норн в ее первой редакции. Когда я облек в звуки обращенное к Зигфриду приветствие Брюнгильды, дух мой охватило уныние. Невольно я задал себе вопрос, какая певица будущего сезона создаст этот героически-женственный образ. Тут я вспомнил про свою племянницу Иоганну, которую еще раньше, в Дрездене, зная ее прекрасные внешние данные, я мысленно предназначал для этой роли. Она начала в Гамбурге свою карьеру примадонны, но все отзывы о ней других, бесцеремонное отношение ее самой и всей ее семьи ко мне убеждали меня в том, что всякая надежда использовать ее талант потеряна для меня навсегда. В то же время меня преследовала мысль, что заменой Иоганне может явиться вторая дрезденская примадонна, госпожа Шпацер-Джентилуомо, та самая, которая некогда вдохновила Маршнера на дифирамбы Доницетти.

Однажды я вскочил, взбешенный, от рояля и объявил, что писать для таких деревяшек я не намерен. Как только я мысленно представлял себя в соприкосновении с каким-нибудь театром, мной тотчас овладевало совершенно не поддающееся описанию раздражение, с которым я никак не мог совладать. Меня несколько успокоило открытие, что тяжелое нравственное состояние, в котором я находился, было до некоторой степени вызвано физическим нездоровьем. Этой весной у меня неожиданно появилась какая-то кожная сыпь, распространившаяся по всему телу. Врач прописал мне серные

ванны, которые я должен был принимать регулярно каждое утро. Хотя это лечение действовало очень возбуждающим образом на мои нервы и заставило меня впоследствии прибегнуть к радикальнейшим мерам для восстановления здоровья, регулярные утренние прогулки в город и обратно в цветущие майские дни сильно подняли мое настроение.

Я задумал «Юного Зигфрида», которого хотел предпослать трагедии «Смерть Зигфрида» в качестве героической комедии. Увлеченный этой идеей, я старался убедить себя, что эту вещь будет легче поставить, чем серьезную и мощную «Смерть Зигфрида». Свой план я сообщил Листу. Затем я предложил веймарскому театральному начальству задуманную мной стихотворную и музыкальную композицию «Юного Зигфрида» за то же вознаграждение в 500 талеров, которое я раньше принял с такой серьезностью. В Веймаре без колебания согласились на мое предложение, и я удалился в комнатку на чердаке, покинутую в прошлом году Карлом Риттером, чтобы в промежутках между серными ваннами и прогулками на свежем воздухе, пользуясь хорошим настроением, скорее написать задуманный текст «Юного Зигфрида».

262

Теперь я должен упомянуть о теплых сердечных отношениях, которые после отъезда из Дрездена я поддерживал с Теодором Улигом, молодым музыкантом дрезденского оркестра (о нем я уже и раньше упоминал), и которые с течением времени превратились в настоящую плодотворную дружбу. Его самостоятельный, несколько резкий склад ума и характера не мешал ему питать ко мне горячую, почти безграничную преданность. Я встретил в нем большое сочувствие к моей судьбе и глубокое понимание моих произведений. Он был в числе зрителей на веймарском представлении «Лоэнгрина» и прислал мне весьма дельный отчет о нем. Так как музыкальный издатель Гертель в Лейпциге охотно согласился на мое предложение издать «Лоэнгрина», не выплачивая мне за это гонорара, то я поручил Улигу составление клавираусцуга. Но особенно сошлись мы на почве теоретических вопросов, которые я возбудил своими сочинениями и которые мы обсуждали с ним в оживленной переписке. Меня трогало, что, будучи по образованию узким специалистом-музыкантом, он, как человек непредубежденный, сумел с отчетливостью понять идеи, которые приводили в ужас и отчаянье других музыкантов, казавшихся разносторонне

образованными: последние усматривали в них опасность для избитых путей искусства.

Улиг вскоре обнаружил и незаурядный литературный талант. В ряде превосходных крупных статей об инструментальной музыке, помещенных в «Немецком ежемесячнике» Колачека, засвидетельствовал он полное свое единомыслие со мной в вопросах искусства. Кроме того, он познакомил меня с одной своей до сих пор не опубликованной, строго теоретической работой о построении музыкальных тем и форм. Работа эта показывала как оригинальность его взглядов, так и основательное знакомство с приемами Моцарта и Бетховена, особенно в точке их взаимного расхождения, чрезвычайно для них характерного. По своей исчерпывающей полноте и точности она могла служить основанием новой теории высших музыкальных форм. Теория эта проливала свет на самые загадочные приемы Бетховена и при дальнейшем развитии могла вырасти в целую систему. Статьи этого даровитого молодого человека обратили на него вполне заслуженное внимание издателя *Neue Zeitschrift fur Musik* Франца Бренделя[172]. Приглашенный в качестве сотрудника этого издания, Улиг без всякого труда сбил Бренделя с нерешительной позиции, которую он занимал до тех пор. Этого человека честных и серьезных взглядов ему удалось навсегда привлечь на сторону так называемого нового направления, которое стало уже обращать на себя внимание музыкального мира.

И я также счел необходимым отдать в это издание статью, оказавшуюся роковой. Я подметил частое употребление некрасиво звучащих словечек, вроде «иудейские мелизмы», «синагогиальная музыка» и т. д., служивших орудием пустого подстрекательства. Мне хотелось разобрать поглубже вопрос о роли современных евреев в области музыки, об их влиянии на нее и вообще отметить характерные особенности явления в целом. Я сделал это в довольно обширной статье «Еврейство в музыке»[173]. Хотя я и не намерен был отрекаться от своего авторства, я все-таки счел за лучшее подписать статью псевдонимом. Я не хотел, чтобы вопрос, к которому я относился очень серьезно, обратился в предлог для сведения личных счетов, чтобы истинное значение его чем-либо было заслонено. Шум, который произвело появление этой статьи, ужас, который она вызвала, не поддаются описанию. Вся тревога печати, все неслыханные враждебные выходки, которые до сих пор позволяет себе по моему адресу пресса Европы, понятны лишь тому, кто, внимательно ознакомившись с моей статьей, вспомнит момент ее появления, вспомнит, что все газеты Европы находятся почти исключительно в руках евреев. Но тот, кто захочет искать причины этой беспощадной ненависти и

травли в теоретическом или практическом несочувствии моим взглядам, моим работам по искусству, будет далек от истины. Появление этой статьи вызвало бурю негодования, которая обрушилась на ни в чем неповинного и едва понимавшего, в чем дело, Бренделя. Его стали преследовать и даже угрожали уничтожить его окончательно. Другим непосредственным результатом статьи оказалось то, что отныне даже те немногие лица, которые благодаря Листу сочувственно ко мне относились, приняли новую тактику, стали меня замалчивать, а затем перешли даже на враждебную по отношению ко мне позицию. Интересы собственной шкуры заставляли их выказывать отвращение по моему адресу.

Тем вернее и решительнее держал мою сторону Улиг: он не давал падать духом Бренделю и постоянно помогал его газете своими писаниями, то серьезными, то остроумными и меткими. Он тотчас же избрал себе главного противника, завербованного Фердинандом Хиллером в Кёльне, господина Бишофа[174], который изобрел для меня и моих приверженцев прозвище «музыканты будущего», и пустился с этим господином в длинную, довольно забавную полемику. Так было положено основание проблемы «музыки будущего», проблемы, которая разрослась до степени европейского скандала. Лист первый с присущим ему добродушием принял прозвище «музыканта будущего» и с гордостью стал его носить. Конечно, заглавием своей книги «Произведение искусства будущего» я сам подал повод к насмешкам. Но оно стало форменным боевым кличем лишь с той минуты, как «Еврейство в музыке» открыло все шлюзы ярости, излившейся на меня и моих друзей. Книга моя «Опера и драма» вышла в свет только во второй половине этого года. Поскольку она вообще могла обратить на себя внимание влиятельных музыкантов, то немало, разумеется, способствовала обрушившейся на меня всеобщей ненависти. Но с тех пор эти преследования стали носить скорее характер тайных козней и клеветы. Все движение было возведено в планомерную систему Мейербером, который был истинным мастером в такого рода делах. Он руководил интригами против меня вплоть до самой своей благополучной кончины.

263

Уже в первые дни открытого негодования, которым разразилась пресса, Улиг познакомился с моей работой «Опера и драма». Я подарил ему оригинал рукописи, и так как он был в

изящном красном переплете, то мне пришло в голову в виде посвящения перефразировать гётевское «*Grau, mein Freund, ist alle Theorie*»[175] на «*Rot*, mein Freund, ist *meine* Theorie»[176]. По этому поводу между мной и моим молодым другом, умевшим быстро и тонко откликаться на все, завязалась плодотворная для меня и в высшей степени приятная переписка.

В результате мне искренне захотелось повидаться с ним после двухлетней разлуки. Бедному скрипачу, только что назначенному камер-музыкантом, было крайне затруднительно принять мое приглашение. Однако он старался преодолеть все трудности и уведомил меня о своем приезде, назначив его на первые дни июля. Я решил выехать ему навстречу и дожидаться его в Роршахе на Боденском озере, а оттуда вместе с ним совершить прогулку по Швейцарии до Цюриха. Отправился я в путь по старому, привычному способу, пешком, сделав намеренно крюк через Тоггенбург. Оживленный и радостный добрался я до Сен-Галлена, где посетил Карла Риттера, жившего со времени отъезда Бюлова в полном уединении. Я догадывался о причине его отшельничества, хотя он мне и рассказывал о приятном знакомстве с неким сен-галленским музыкантом Грайтелем [Greitel], который потом вскоре исчез с нашего горизонта. Несмотря на утомительное путешествие пешком, я все же не мог удержаться, чтобы не прочесть в высшей степени просвещенному и отзывчивому молодому другу еще никому не читанную, только что законченную поэму «Юный Зигфрид». Впечатление, какое я произвел на него, очень порадовало меня, и, будучи сам в прекрасном настроении духа, я убедил его нарушить свое странное затворничество и вместе со мной пойти навстречу Улигу, чтобы затем, общей компанией, перевалив через высокие Сэнтис[177], отправиться в Цюрих и основаться там надолго.

При первом же взгляде на моего гостя, как только он высадился в хорошо знакомой мне Роршахской гавани, я был охвачен серьезными опасениями за его здоровье. Заметно было его предрасположение к чахотке. Чтобы пощадить его, я хотел отказаться от предполагавшегося восхождения на горы. Но он с жаром стал настаивать на выполнении этого плана, уверяя, что моцион на свежем воздухе будет только отдыхом для него после изнурительного труда, связанного с ужасной должностью скрипача. Пройдя Аппенцелль, мы втроем пустились дальше, намереваясь совершить довольно тяжелый перевал через высокий Сэнтис. Первый раз в жизни случилось мне идти летом по далеко раскинувшемуся снежному полю. На дикой вершине в хижине пастуха-проводника устроили мы привал и, подкрепившись крайне скудной едой, решили сделать остававшиеся нам

несколько сот шагов по скалистому, крутому склону у самой вершины горы. Здесь Карл внезапно отказался следовать за нами. Чтобы заставить его стряхнуть с себя малодушие, я послал назад проводника, который чуть ли не насильно довел его до нас. Взбираясь вверх по отвесному каменному склону, я скоро заметил, что напрасно принуждал Карла участвовать в этом опасном восхождении на гору. Очевидно, головокружение совершенно лишало его сознания. Взгляд его был неподвижно устремлен в пространство: казалось, он ничего не видел. Нам пришлось окружить его и поддерживать при помощи наших палок. Каждую минуту можно было опасаться, что он упадет и скатится вниз. Когда мы добрались до вершины, он упал наземь, окончательно потеряв сознание, и я понял, какую ужасную ответственность взял на себя: ведь нам предстояло еще более рискованное путешествие назад. В ужасе забыл я о собственной опасности. В воображении я уже видел моего молодого друга, лежащего в пропасти с размозженной головой. Наконец мы благополучно спустились к хижине.

Так как мы с Улигом остались при своем решении совершить небезопасный, по мнению проводника, спуск с обрывистой, противоположной стороны горы, то под впечатлением только что испытанного неописуемого страха я стал убеждать молодого Риттера остаться на время в хижине, пока мы не пришлем ему нашего проводника. А потом он мог бы вместе с ним пуститься в совершенно безопасный обратный путь по той стороне, которой мы пришли. Мы расстались, так как он должен был вернуться в Сен-Галлен. Спустившись в красивую Тоггенбурскую долину, мы на другой день повернули к Рапперсвилю и к Цюрихскому озеру. Лишь по истечении нескольких дней могли мы успокоиться насчет Карла. Он благополучно прибыл в Цюрих, где и оставался с нами некоторое время. Затем он уехал, быть может, для того чтобы не поддаться соблазну новой прогулки в горы, которую мы опять затевали. Потом я узнал, что он надолго поселился в Штутгарте. По-видимому, ему там хорошо жилось в обществе одного молодого актера, с которым он быстро подружился.

264

Я со своей стороны наслаждался теми сердечными отношениями, которые установились у меня с кротким и в то же время мужественным, чрезвычайно даровитым молодым дрезденским камер-музыкантом. Своей белокурой кудрявой головой и красивыми голубыми глазами он производил

необыкновенное впечатление на мою жену. В доме нашем как будто поселился ангел. Мне его наружность и его судьба казались вдвойне интересными и трогательными, так как его поразительное сходство с находившимся тогда еще в живых моим старым покровителем, королем Фридрихом Августом Саксонским, по-видимому, подтверждало дошедшие до меня слухи, что Улиг его незаконный сын. Мне было интересно получить от него сведения о Дрездене, о театре, о тамошних музыкальных делах. Мои оперы, бывшие до тех пор славой этого театра, окончательно сошли с репертуара. Улиг дал мне недурной образчик отзывов обо мне моих бывших товарищей. Когда «Искусство и революция» и «Произведение искусства будущего» вышли в свет и подверглись критике, один из моих коллег сказал: «Ну, ему придется еще порядком подождать, пока он снова допишется до капельмейстерства». Для характеристики музыкальных успехов он рассказал мне интересный факт: оказывается, Райсигер, дирижировавший [Седьмой] A-dur'ной симфонией, которой недавно дирижировал и я, нашел следующий выход из затруднительного положения. Как известно, Бетховен мощное заключительное развитие последней части ведет все время forte[178], доходя до *sempre piu forte*[179]. Райсигеру, дирижировавшему этой симфонией до меня, заблагорассудилось вести ее *piano*[180] и только к концу *crescendo*[181]. Я, конечно, немедленно изменил его указания и рекомендовал оркестру все время играть как можно сильнее. Теперь, когда дирижированье симфонией снова попало в руки моего предшественника, ему показалось неудобным восстановить это несчастное *piano*. Но нужно было спасти свой скомпрометированный авторитет, и вместо forte он велел играть *mezzo forte*[182].

Сильно опечалило меня известие о полном пренебрежении, в каком находились мои злосчастные оперы, издание которых было в руках придворного музыкального поставщика Мезера. Последний корчил из себя жертвенного агнца, попавшего впросак. Он жаловался, что вынужден расходовать деньги без малейшей прибыли. Тем не менее он тщательно оберегал от посторонних взоров свои счетные книги, утверждая, что спасает этим мою собственность, на которую иначе немедленно был бы наложен арест, как и на все мое остальное имущество. Более отрадны были сведения о «Лоэнгрине»: мой друг [Улиг] закончил клавираусцуг и уже занят был корректурой его.

Вскоре Улиг глубоко заинтересовал меня сообщением о новом методе лечения водой, которым сам он страстно увлекался. Он дал мне книгу о водолечении некоего Рауссе [Raußе], доставившую мне своеобразное удовольствие радикализмом своих идей, имевших в себе что-то фейербаховское. Смелое отрицание медицинской науки со всеми ее шарлатанскими снадобьями, восхваление простейшего и естественного лечебного средства – правильного применения укрепляющей и освежающей воды, скоро приобрели во мне страстного приверженца. Книга утверждала, что лекарство может иметь влияние на организм лишь постольку, поскольку оно является ядом и, следовательно, не ассимилируется им. Указывались случаи, когда люди, организм которых был отравлен постоянным употреблением лекарств, вылечивались знаменитым Присницем[183]. Он окончательно удалял содержавшийся в их организме яд, выгоняя его через поры наружу. Мне тотчас же пришли на память серные ванны, которые я против воли принимал прошлой весной. Этому лечению я приписывал, вероятно не без основания, мою непрекращающуюся сильную раздражительность. Теперь я только о том и думал, как бы освободить свой организм от последнего из принятых мною ядовитых веществ и от всех введенных в него раньше, надеясь при помощи лечения исключительно водой преобразовать себя в абсолютно здорового первобытного человека. Я с жаром отдался этой новой идее. Сам Улиг уверял, что, строго придерживаясь метода водолечения, он надеется вполне укрепить свое здоровье. И вера моя в этот метод возрастала с каждым днем.

В конце июня мы решили побродить по средней части Швейцарии. От Бруннена на Фирвальдштетском озере мы пошли через Бекенрид в Энгельберг и перевалили там через дикий Суренен-Эк[184], причем нам приходилось передвигаться с трудом, скользя по снегу. При переходе через одну горную речку Улиг нечаянно упал в воду. Я боялся, как бы он не поплатился простудой. Но он уверил меня, что это была только холодная ванна, одна из тех, которые рекомендуются при водолечении. Необходимость высушить платье и белье нимало его не смутила: он преспокойно развесил их на солнце, а сам, раздетый, стал совершать весьма полезную, по его словам, прогулку на свежем воздухе. Тем временем мы беседовали с ним о важной проблеме построения тем у Бетховена. Чтобы хоть на мгновенье смутить его, я в шутку заявил, что вижу приближающегося к нам советника Каруса[185] с компанией из Дрездена. Так, в самом веселом настроении, достигли мы долины Ройсс [Reuß-Thal] близ Аттингхаузена [Attinghausen] и до вечера успели еще прийти в

Амштег [Amsteg], откуда на другое утро, несмотря на сильное утомление, отправились в Мадеранскую долину [Maderaner-Thal]. Потом мы добрались до Хюфи-глетчера [Hüfi – Gletscher], откуда могли окинуть взором все окрестные горы вплоть до Тёди [Tödy]. Возвратившись в тот же день в Амштег, мы почувствовали себя совсем обессиленными. Мне удалось отговорить моего друга от его намерения на следующий день совершить прогулку в ущелье Клаузен в долине Шэхен [Schächen-Thal], и мы спокойно отправились домой через Флюелен [Flüelen].

Молодой спутник мой, всегда спокойный и в высшей степени сдержанный, казалось, нисколько не был утомлен путешествием. В начале августа он решил вернуться в Дрезден, где рассчитывал получить от дирекции приглашение дирижировать в антрактах оркестром драматического театра. Дело это он намеревался организовать со свойственным ему художественно-артистическим вкусом и избавиться, таким образом, от утомительной и развращающей службы оперного скрипача. Однако когда я провожал его к дилижансу, меня охватила страшная тоска. По-видимому, у него тоже внезапно сжалось сердце, когда мы посмотрели друг другу в глаза в последний раз.

Мы вели с ним оживленную переписку. Так как его письма были мне всегда приятны и интересны и долгое время являлись почти единственной связью между мной и внешним миром, то я постоянно просил его писать мне как можно больше. Письма тогда еще оплачивались дорого, и наши объемистые послания были чувствительны для нашего кармана. Улигу пришла гениальная мысль воспользоваться для корреспонденции почтой, перевозившей посылки. Но так как с ней можно было отправлять только посылки значительные по весу, то Улиг своеобразно утилизировал имевшийся у него старый заслуженный экземпляр немецкого перевода «Фигаро» Бомарше. Он должен был служить балластом для наших писем и путешествовал с ними взад и вперед. Всякий раз, когда наши послания вырастали до необходимого размера, мы оповещали друг друга, что «Фигаро снова принесет сегодня вести».

Улигу очень понравилось «Обращение к моим друзьям» [Eine Mitteilung an meine Freunde], которое я написал сейчас же после нашей разлуки в виде предисловия к изданию моих трех оперных текстов «Летучий Голландец», «Тангейзер» и «Лоэнгрин». Гертель, взявшийся напечатать эту книгу за гонорар в размере 10 луидоров, неожиданно восстал против некоторых мест предисловия, которые оскорбляли его правоверный образ мыслей и уважение к государству. Я готов уже был передать книгу другому издателю. Но вскоре мы с Гертелем помирились, так как

я согласился сделать некоторые незначительные изменения. Улиг много смеялся, когда я сообщил ему этот забавный эпизод.

266

Этим обширным предисловием, занявшим у меня весь август, должны были, как я надеялся, раз навсегда закончиться мои выступления на литературном поприще. Но когда я стал серьезно подумывать об обещанном для Веймара «Юном Зигфриде», меня сразу охватили тягостные сомнения, перешедшие в настоящее отвращение к этой работе. Я не мог отдать себе отчета в причинах своего душевного состояния и склонен был объяснить его исключительно болезнью. Вот почему я решил в один прекрасный день приступить к практическому осуществлению некогда с энтузиазмом воспринятой идеи водолечения и стал наводить справки о ближайших гидропатических заведениях. Была середина сентября, когда я заявил своей жене, что сегодня же отправляюсь в Альбисбрунн [Albisbrunn], находящийся в трех часах езды, где намерен пробыть до тех пор, пока не почувствую себя совершенно здоровым. Минну это сообщение чрезвычайно испугало. Она готова была усмотреть в этом новый с моей стороны предлог бежать из дому. Чтобы рассеять опасения жены, я попросил ее как можно уютнее обставить к моему возвращению нашу новую, очень маленькую, но хорошо расположенную квартиру. Последняя была нами снята в нижнем этаже так называемых «Передних домов Эшера» [Vorderen Escherhäusern] на Цельтвеге, после того как мы решили оставить прежнее помещение, неудобное для зимнего жилья, и переехать обратно в город. Нужно прибавить, что мой проект смутил не одну только жену: мысль о водолечении в такое позднее время года вызвала большое недоумение у всех окружающих вообще.

Тем не менее вскоре мне удалось найти товарища по несчастью в лице очень близкого когда-то к Шрёдер-Девриент Германа Мюллера, славного малого и общительного собеседника. В нем я обрел то, чего не мог найти в Гервеге. Мюллер служил раньше лейтенантом в саксонской гвардии, но затем вынужден был подать в отставку и, не имея никаких шансов устроиться в Германии, уехал в Швейцарию, чтобы там, на свободе и досуге, обдумать план своей будущей жизни и занятий. Не будучи, собственно говоря, политическим эмигрантом, он все же в качестве опального патриота пользовался в Цюрихе известным уважением. Во время моего пребывания в Дрездене Мюллер поддерживал со мной оживленные отношения, а затем,

очутившись в Швейцарии, стал часто бывать у нас в доме, пользуясь особенным расположением со стороны моей жены, как друг всей нашей семьи. Я без особого труда убедил его последовать за мной через несколько дней в Альбисбрунн, чтобы там основательно полечиться от донимавшей его болезни.

Решив непременно добиться положительных результатов от пребывания в Альбисбрунне, я постарался как можно уютнее устроиться в своей лечебнице, находившейся в заведовании некоего доктора Бруннера [Brunner]. Бруннер, или «водяной еврей», как его прозвала Минна, успевшая во время своих посещений искренне его возненавидеть, придерживался весьма шаблонных и поверхностных методов лечения. Рано утром, часов в 5, производились обертывания, имевшие целью вызвать испарину. Несколько часов спустя меня сажали в прохладную ванну. Под конец температура была доведена до четырех градусов тепла, после чего для согревания полагалась быстрая прогулка на свежем осеннем воздухе. В лечебнице соблюдалась «водяная диета», причем вино, кофе и чай были абсолютно запрещены. За столом приходилось сидеть в ужасном обществе неизлечимо больных субъектов, а по вечерам, чтобы как-нибудь убить томительные часы, оставалось лишь спасаться игрой в вист. Эта обстановка, которая ухудшалась полным устранением всякого умственного труда, постепенно увеличила напряжение и чрезмерное раздражение нервов. Вот какова была жизнь, которую я выдержал в течение девяти недель и которую я готов был продолжать до тех пор, пока не добьюсь ожидаемого радикального излечения. Кроме того, находя теперь вино чрезвычайно вредным, я хотел ослабить действие зульцеровских попоек: я надеялся, что вызываемая обертываниями испарина сможет выделить из моего организма оставшиеся там неудобоваримые вещества. Фантазия моя в это время работала главным образом над одним вопросом: как должна быть устроена квартира, чтобы я мог свободно и охотно отдаваться художественному творчеству. Дело в том, что жизнь в убогих комнатах швейцарских пансионов с их твердой деревянной мебелью и общим мещанским убранством вызывала во мне по контрасту тоску по исключительно комфортабельной, уютной обстановке, тоску, которая отныне приобрела у меня характер настоящей страсти, с годами только все более и более усиливавшейся.

В это время обозначилась возможность улучшения в ближайшем будущем моего материального благосостояния. На свое горе, Карл Риттер написал мне из Штутгарта о предпринятой им на собственный страх попытке водолечения, состоявшей в том, что он не прибегал к ваннам, а лишь принимал внутрь как можно больше воды. Но мне теперь стало известно, что чрезмерное употребление воды само по себе, без остального лечения, может оказаться весьма гибельным, и потому я потребовал от Карла, чтобы он подчинился правильному медицинскому режиму и немедленно приехал ко мне в Альбисбрунн, не малодушничая при мысли о неудобствах. Карл тотчас же послушался меня и, к моему радостному изумлению, прикатил через несколько дней в Альбисбрунн. К гидропатии он относился с прежним энтузиазмом, но в своем практическом применении она ему очень быстро опротивела. Карл резко восставал против холодного молока, находя его неудобоваримым и утверждая, что с естественной точки зрения всякое молоко, подобно материнскому, следует пить непременно теплым. Обертывания и холодные ванны он находил чересчур возбуждающими. Вообще он решил создать себе – за спиной доктора – более приятный режим. В ближайшей деревне Карл нашел довольно скверную кондитерскую, в которой и начал покупать разные не допускавшиеся в лечебнице сладости. Если его случайно заставали за этим занятием, он искренне злился. Скоро он стал себя чувствовать очень стесненным, но из самолюбия не хотел положить конец тягостному для него положению. Здесь, в Альбисбрунне, до Карла дошла вдруг весть о смерти его богатого дяди, который отказал по крупной сумме каждому члену семьи Риттер. Извещая меня и сына об улучшении своих денежных дел, мать Карла прибавляла в письме, что со своей стороны она в состоянии регулярно высылать мне то пособие, которое мне ранее было обещано семьями Лоссо и Риттер. Таким образом я мог располагать, пока захочу, годовой рентой в 800 талеров.

Этот поворот судьбы внушил мне бодрость, радостное чувство. В душе моей созрело решение заняться обработкой первоначального проекта «Нибелунгов», совершенно не считаясь с вопросом, сумеют ли наши театры справиться с некоторыми отдельными частями моего произведения. Но прежде чем приступить к работе, мне необходимо было освободиться от обязательств перед дирекцией веймарского театра, от которой я уже получил в счет гонорара 200 талеров. Карл ликовал, что мог немедленно вручить мне эту сумму для расплаты с Веймаром. Отсылая деньги, я сердечно благодарил дирекцию за доброе ко мне отношение. Кроме того, я написал еще отдельно Листу,

подробно изложив ему свой замысел и те внутренние побуждения, которыми я руководствовался. Лист ответил мне выражением живейшей радости по поводу того, что мое теперешнее положение позволяет мне взяться за такую грандиозную работу, и находил, что сообщенный ему план хотя бы уже по своей необычайности вполне меня достоин. Теперь я действительно мог вздохнуть свободно: исчезла наконец мучившая меня мысль, что я обязан тотчас же написать «Юного Зигфрида» и отдать его для немедленной постановки на сцене театра – пусть даже лучшего немецкого театра, но не располагавшего для этого достаточно подготовленными силами. Эта мысль не давала мне раньше покоя, ибо все предприятие с «Юным Зигфридом» казалось мне теперь ложью по отношению к самому себе.

268

Дальнейшее пребывание в водолечебнице становилось все более и более мучительным. Я рвался к работе, но отдаться ей в Альбисбрунне было невозможно, и это обстоятельство приводило меня в сильнейшее нервное возбуждение. Одно лишь упрямство мешало мне сознаться, что лечение не достигло своей цели и, наоборот, оказало на меня резко отрицательное действие: радикальной секретации я так и не дождался, но зато исхудание наступило ужасающее. Я решил, что можно ограничиться этим результатом; и в конце ноября покинул Альбисбрунн. Через несколько дней моему примеру последовал Мюллер, а Карл, желая довести дело до конца, хотел пожить здесь до тех пор, пока лечение не окажет на него такого же прекрасного действия, какое, по моим уверениям, я испытал на себе. В Цюрихе меня обрадовала обстановка нашей новой, правда очень тесной, городской квартиры: большой, широкий диван, кое-где ковры на полу и несколько других вещей, придававших комнатам уютный вид. Свой простой рабочий стол мягкого дерева я покрыл зеленым сукном, а на окнах развесил гардины из легкого шелка, что очень понравилось не только мне самому, но и всем окружающим. Этот стол, за которым я с тех пор постоянно работал, впоследствии перекочевал со мной в Париж, а оттуда перешел к старшей дочери Листа, Бландине Оливье[186], которая перевезла его в имение своего мужа Сан-Тропе, где, как я слышал, он продолжает находиться по сей день.

Я рад был видеть у себя цюрихских друзей, которым теперь, на новой квартире, гораздо удобнее было посещать меня. Долгое

время, однако, я сильно изводил их своей страстной пропагандой «водяной диеты» и нападками на вино и другие возбуждающие напитки. Я создал себе из этого новую религию. Правда, Зульцер и Гервег, гордившийся своими сведениями по химии и физиологии, часто ставили меня в тупик указаниями на несостоятельность учения Раусса о ядовитых свойствах вина, но тогда я переходил на морально-эстетическую почву и доказывал, что опьянение вином представляет скверный и варварский суррогат того экстатического настроения, которое может быть достигнуто лишь при помощи любви. Я подчеркивал, что в вине, даже при отсутствии излишеств, мы ищем именно опьянения или, иными словами, экстатического подъема духовных сил. Но – продолжал я свою аргументацию – подобный подъем в его истинно облагораживающей форме способен испытать лишь тот, чьи душевные силы возбуждены настроением любви. Такая постановка вопроса приводила меня к критике современных сексуальных отношений между людьми, причем поводом для этой критики послужили мои наблюдения над разобщенностью между мужчинами и женщинами, которая с особой, грубой резкостью наблюдалась в Швейцарии. В ответ на это Зульцер заявил, что он ничего не имеет против опьянения женщинами, но «где их взять, если не прибегать к воровству?». Гервег, наоборот, готов был во многом согласиться с моими парадоксами, но считал нужным отметить, что ко всему этому вино не имеет никакого отношения и само по себе является укрепляющим питательным средством, которое, как это доказывает Анакреон, отлично уживается с любовными экстазами.

Вскоре, однако, мои исключительные и упрямые экстравагантности начали внушать друзьям серьезные опасения: присмотревшись ко мне, они все больше убеждались в моем болезненном состоянии. И действительно, я был поразительно бледен, сильно исхудал, невероятно мало спал и обнаруживал во всем крайнюю возбужденность. Вскоре я и совсем лишился сна, но тем не менее уверял, что никогда еще не чувствовал себя так бодро и хорошо, как именно теперь. Несмотря на зимнюю стужу, я продолжал рано утром принимать холодные ванны и затем, чтобы согреться, отправлялся на прогулку, доставлявшую мучения моей жене, которая должна была с фонарем в руках освещать мне путь.

Находясь в таком состоянии, я получил однажды печатный экземпляр «Оперы и драмы». Книга вызвала во мне какую-то почти болезненную радость, и я проглотил ее единым духом. Мое повышенное настроение было в значительной мере обусловлено сознанием, что я окончательно разделался с мучительной для меня карьерой капельмейстера и оперного композитора. Теперь даже Минна вынуждена была стать на мою точку зрения. Отныне никто не мог требовать от меня того, что еще два года назад делало меня совершенно несчастным. Гарантированная мне семьей Риттеров поддержка, которая должна была обеспечить мое существование и дать мне возможность вполне располагать собой именно для свободного творчества, еще более усиливала во мне презрение ко всему, что мыслимо было достигнуть при настоящем положении вещей. Для меня было ясно, что работы, с планом которых я теперь носился, исключают всякую возможность войти в соприкосновение с современным художественно-артистическим миром. Но вместе с тем я отнюдь не думал, что мои писания не могут иметь практического значения. Я был убежден, что как в сфере искусства, так и во всей нашей социальной жизни вообще наступит скоро переворот огромной важности, который неминуемо создаст новые условия существования, вызовет новые потребности. Для удовлетворения этих потребностей мои работы, задуманные с таким безоглядным размахом, должны были, как я полагал, доставить надлежащий материал, и в самом скором времени установится новое отношение искусства к задачам общественной жизни.

Эти смелые ожидания, о которых я не мог, конечно, подробно распространяться перед своими друзьями, возникли у меня под влиянием анализа тогдашних европейских событий. Общая неудача, постигшая предыдущие политические движения, нисколько не сбила меня с толку. Наоборот, их бессилие объясняется только тем, что их идейная сущность не была понята с полной ясностью, не была выражена в определенном слове. Эту сущность я усматривал в социальном движении, которое, несмотря на политический разгром, нисколько не утратило своей энергии, а напротив, становилось все интенсивнее. Так, по крайней мере, я оценивал факты, которые наблюдал во время своего последнего пребывания в Париже. Мне пришлось присутствовать там на собрании избирателей так называемой социал-демократической партии, которое произвело на меня

сильное впечатление. Собрание происходило в большом, временно приспособленном для этой цели «Зале Братства» [Salle de la Fraternité], в предместье Сен-Дени, и присутствовало на нем до шести тысяч человек. Полное достоинства поведение публики, далекой от всяких внешних резкостей и выкриков, вызвало у меня очень лестное представление об этой новой партии: в ней чувствовалась сила, сосредоточенная и уверенная в себе. Речи главных ораторов, принадлежавших к крайнему левому крылу тогдашнего Национального собрания, поразили меня своим необычайным подъемом и сквозившей в каждом слове твердой убежденностью. К этой действительно *крайней* партии стали понемногу примыкать все, кого господствующая реакция толкала в сторону оппозиции. Элементы, которые прежде считались только либеральными, начали открыто высказываться за программу, выставленную социал-демократами. На основании этих фактов можно было думать, что новая партия получит, по крайней мере в Париже, сильный перевес на общих выборах и сыграет решающую роль при избрании нового президента республики. Как известно, мои предположения совпадали с надеждами всей Франции, и, таким образом, 1852 год должен был принести с собой коренной переворот. Так смотрела на дело и реакционная партия, испытывавшая величайший страх перед грядущими событиями. А бессмысленная жестокость, с какой в других европейских государствах подавлялся малейший общественный порыв, в свою очередь заставляла предполагать, что создавшееся положение не может рассчитывать на особую долговечность.

Всюду чувствовалось напряженное ожидание предстоящей в ближайшем году развязки. Со своим другом Улигом я, наряду с обсуждением достоинств гидропатии, заводил разговор также и об этом важном моменте, который переживала тогда Европа. Улиг, приезжавший ко мне из Дрездена, от местных оркестровых репетиций, находил весьма мало обоснованными эти смелые надежды на радикальное изменение человеческих судеб. «Вы представить себе не можете, – уверял он меня, – как жалки люди!» Но все же в конце концов я настолько заразил его своей верой, что вместе со мной он стал смотреть на 1852 год как на момент, чреватый великими возможностями. В своей переписке, которую снова усердно сопровождал «Фигаро», мы несколько раз возвращались к этой теме, и если нам приходилось отмечать с горечью какую-нибудь гнусность, я неизменно напоминал Улигу о сакраментальной дате, с которой у меня связывалось столько упований. При этом я держался того мнения, что мы некоторое время должны спокойно наблюдать ход долгожданного

переворота, а затем, когда другие не будут больше знать, что делать, принять самим участие в движении.

Насколько серьезны были мои надежды, не берусь сказать. Во всяком случае мне скоро пришлось убедиться, что во всем этом очень крупную роль играла моя нервозность, которая усиливалась с каждым днем. Известие о государственном перевороте 2 декабря в Париже[187] в первую минуту показалось мне совершенно невероятным. Но когда это известие подтвердилось, когда, по-видимому, надолго упрочилось то, что раньше казалось совершенно невозможным, я, словно от тайны, разгадка которой потеряла в моих глазах всякую ценность, равнодушно отказался от желания понять весь этот загадочный мир. В виде шутливой реминисценции наших прежних надежд я предложил Улигу считать 1852 год не наступившим и отныне датировать наши письма декабрем 1851 года. Декабрь затянулся у нас на очень долгий срок.

270

Вскоре мной овладело состояние крайней подавленности, вызванной, с одной стороны, разочарованием в исходе европейских событий, а с другой – вредным действием чрезмерного увлечения гидропатией. Для меня стало ясно, что в культурной жизни Европы снова воцаряются те отрезвляющие явления, исключающие всякие пылкие мечтания, от которых, казалось, раз навсегда избавили нас потрясения последних лет. Я предсказывал, что дела у нас примут такой жалкий оборот, что скоро готовы будут приветствовать, как возбуждающий элемент, какую-нибудь новую книгу Генриха Гейне. И как же я смеялся, когда через некоторое время «Романсеро» по-старому, как прежние сочинения Гейне, взбудоражило все наши журналы. Я принадлежу к числу немногих образованных немцев, ни разу не раскрывших этой книги, которая, впрочем, должна обладать многими достоинствами. Тем временем здоровье мое начинало внушать большие опасения, благодаря чему я вынужден был уделить ему серьезное внимание и радикально изменить свой прежний образ жизни. Впрочем, эта перемена совершалась постепенно, в известной мере вследствие особых настояний моих друзей.

Круг последних к наступлению зимы несколько расширился. Некоторое время здесь жил Карл Риттер, который удрал из Альбисбрунна через неделю после меня. Затем он переехал в Дрезден, не находя, очевидно, в Цюрихе простора для своих

юношеских сил. Кроме того, встречи со мной искали недавно поселившиеся в Цюрихе супруги Везендонк. Она состоялась у Маршалля фон Биберштайна, которого я хорошо знал по дрезденской революции и который жил в той самой квартире в «Последних домах Эшера», которую я занимал в первый свой приезд в Цюрих. Помню, в этот вечер я обнаружил свою крайнюю тогдашнюю возбужденность в особенно резкой форме. У меня завязался спор с одним из гостей, профессором Озенбрюком [Osenbrück], и весь ужин я злил его страстными и упорно отстаиваемыми парадоксами. В конце концов я внушил этому человеку настолько сильное к себе отвращение, что после этого вечера он избегал всякой встречи со мной.

Знакомство с Везендонками открыло передо мной двери дома, выгодно отличавшегося от остальных цюрихских домов. Отто Везендонк[188], моложе меня на два-три года, нажил довольно крупное состояние благодаря участию в одном большом нью-йоркском предприятии. Во всех своих практических планах он всецело считался с желаниями своей молодой жены[189], с которой повенчался всего несколько лет назад. Оба супруга были уроженцами Нижне-Рейнской области, которая наложила на них свой милый отпечаток. Вынужденный по своим делам основаться в каком-нибудь европейском городе, Везендонк предпочел Цюрих Лиону главным образом из-за немецкого характера этой местности. В прошлую зиму супруги Везендонк присутствовали на вечере, на котором была исполнена под моим управлением симфония Бетховена. Успех этого концерта, заставивший о себе много говорить, вызвал у молодой четы желание заполучить меня в число своих знакомых.

271

В эту зиму я тоже дал согласие дирижировать после Нового года тремя концертами, если мне предоставлено будет разучить с усиленным оркестром некоторые интересные вещи. Мне доставляла большую радость возможность показать в хорошем исполнении бетховенскую музыку к «Эгмонту». Так как Гервегу очень хотелось послушать что-нибудь из моих произведений, то из любви к нему, как это было мной подчеркнуто, я решил сыграть увертюру к «Тангейзеру» и для этого случая составил особую программу, которая должна была облегчить понимание моей музыки. Очень удачно прошла увертюра «Кориолан», которую я тоже снабдил объяснительной программой. Все это было встречено моими знакомыми с большим сочувствием, и,

увлеченный этим, я ради друзей уступил просьбам тогдашнего директора театра Лёве [Löwe], желавшего поставить «Летучего Голландца». Согласившись на эту постановку, я тем самым обрек себя на крайне неприятные, хотя и временные сношения с театральной труппой. Известную роль в моем решении сыграли соображения гуманности: опера должна была пойти в бенефис молодого капельмейстера Шёнека[190], завоевавшего мою симпатию своим несомненным дирижерским талантом.

Эти театральные репетиции, от которых я уже совершенно отвык, стоили мне большого напряжения и значительно ухудшили состояние моего здоровья, и без того подорванного. Совершенно измучившись, я изменил своему резкоотрицательному отношению к врачам: по настойчивой рекомендации Везендонка я доверился доктору Ран-Эшеру[191], который своим участием и способностью успокоительно действовать на нервы помог мне войти в нормальную колею.

Мне хотелось поправиться хотя бы настолько, чтобы иметь возможность приняться за окончание текста «Нибелунгов». Но я решил выждать весны, прежде чем собраться с духом для такой работы, а пока заняться некоторыми более мелкими вещами. Из них отмечу предназначавшееся для печати письмо к Листу об Обществе Гёте[192] с изложением моих взглядов относительно необходимости создать немецкий самобытный театр, а также послание к Францу Бренделю, где я останавливался на вопросе о направлении, которого должен бы держаться музыкальный журнал[193].

Припоминаю еще посещение Анри Вьётана, прибывшего в Цюрих в сопровождении Беллони с целью дать концерт. Как некогда в Париже, он доставил мне и моим друзьям искреннее удовольствие своей прекрасной игрой на скрипке. Ранней весной меня неожиданно посетил Герман Франк, которого я совершенно потерял из виду после бурных европейских событий. По поводу этих последних у нас возник очень интересный разговор, причем Франк с присущей ему спокойной манерой выразил свое удивление по поводу того, что я мог с такой страстностью впутаться в Дрезденское восстание. Видя мое полное недоумение, он объяснил, что допускал с моей стороны возможность увлечения чем угодно, но не безрассудного участия в происшествиях самого нелепого характера. Тут только я узнал, каков господствующий в Германии взгляд на эти события, искаженные молвой, и приложил все усилия, чтобы восстановить правду. Мне особенно удалось опровергнуть клевету на моего бедного друга Рёкеля, которого изображали каким-то трусливым негодяем, так что под конец нашей беседы и сам Франк, к моему

искреннему удовлетворению, посмотрел на дело иначе и выразил мне полную признательность за мои сообщения. С самим Рёкелем, осужденным в виде «помилования» на бессрочную каторгу, я время от времени поддерживал переписку, проходившую в силу необходимости через руки тюремной администрации. Рёкель настолько твердо и бодро выносил свое заключение, что я готов был считать его счастливее себя с моей свободой, с моим безнадежным взглядом на все перипетии моей жизни.

272

Наконец наступил май. Я решил пожить в деревне, чтобы немного укрепить расшатанные нервы и приступить наконец к выполнению моих художественно-артистических планов. В имении Риндеркнехт [Rinderknecht], расположенном не очень высоко в горах, мы нашли сносное помещение и 22 мая отпраздновали 39-ю годовщину моего рождения деревенским обедом на свежем воздухе, с открытым видом на озеро и далекие Альпы. К сожалению, вскоре установилась на все почти лето дождливая погода, и мне стоило большого труда бороться с ее дурным действием на мое настроение. Тем не менее я принялся за работу.

Так как я начал осуществлять свой план с конца, то, двигаясь к началу, после «Смерти Зигфрида» и «Юного Зигфрида», я взялся за «Валькирию», чтобы затем дать в виде пролога «Золото Рейна». При таком методе работы я к последним числам июня закончил текст «Валькирии». Попутно я написал посвящение моей партитуры Листу, а также рифмованную отповедь невежественному критику «Летучего Голландца», печатавшему свои статьи в одной из швейцарских газет. Кроме того, здесь, в сельском уединении, мне пришлось столкнуться с чрезвычайно неприятным делом, касавшимся Георга Гервега. В один прекрасный день ко мне заявился некий господин Хауг [Haug], отрекомендовавшийся «римским генералом» времени Мадзини, и, сообщив о глубоком оскорблении, нанесенном одной семье «несчастным лириком», пытался склонить меня к своего рода заговору против Гервега, но получил решительный отказ. Гораздо приятнее было посещение старшей дочери моей почтенной приятельницы, Юлии Риттер. Она недавно вышла замуж за молодого дрезденского музыканта Куммера [Kummer], который ввиду расстроенного здоровья собирался лечиться у знаменитого гидропата, жившего в нескольких часах от Цюриха. Молодые

люди обратились по этому поводу ко мне, и я воспользовался случаем, чтобы резко обрушиться на весь метод водолечения. Моих юных друзей, считавших меня ярым поклонником гидропатии, этот отзыв поверг в большое смущение. Музыканта мы предоставили своей судьбе и очень рады были затянувшемуся у нас пребыванию милой и симпатичной молодой приятельницы.

Вследствие непрекращавшихся холодов и дождей мы переехали в конце июня в город, где я решил выжидать настоящей летней погоды, чтобы затем предпринять прогулку пешком в Альпы. Своей работой я был вполне удовлетворен, а прогулка должна была оказать хорошее влияние на мое здоровье. Гервег обещал сопровождать меня, но его задержали какие-то неприятности. Поэтому в середине июля я пустился в дорогу один, условившись встретиться со своим спутником в Валлисе[194].

Я отправился из Альпнаха [Alpnach], находящегося на Фирвальдштетском озере, причем придерживался плана, отмечавшего особенные, мало посещаемые тропы бернского Оберланда. Свою задачу я выполнял очень основательно, так что в бернском Оберланде, например, я посетил тогда еще мало доступный Фаульхорн[195]. Через долину Хасли я добрался до Гримзельского приюта[196]. Там я у хозяина местной гостиницы, видного мужчины, спросил, как мне попасть на Зидельхорн[197]. Он дал мне в качестве проводника одного из своих работников, грубого, с неприятным лицом человека, который повел меня по снежным полям не обычными зигзагами, а по прямой линии, вызвав этим подозрение, что он умышленно стремится поскорее утомить меня. На вершине Зидельхорна я имел возможность насладиться, с одной стороны, внутренним видом великанов Оберланда, обращенных к нам своими внешними очертаниями, а с другой – внезапно открывающейся панорамой итальянских Альп с Монбланом и Монте-Розой. В подражание князю Пюклеру [другу Генриха Лаубе], взбиравшемуся на Сноудон[198], я не преминул захватить с собой небольшую бутылку шампанского. Но я не знал, за чье здоровье выпить его. Затем пришлось снова спускаться по снежным полям, по которым мой проводник, опираясь на альпийскую палку, скользил с ужасающей быстротой. Я же продвигался вперед с большей осторожностью и меньшей скоростью. К вечеру, совершенно утомленный, я достиг Обергештелена [Obergestelen], где решил остановиться на два дня для отдыха и, согласно уговору, ждать Гервега.

На самом же деле я получил от него лишь письмо, которое грубо оторвало меня от мира альпийских впечатлений и заставило мысленно перенестись в ту неприятную обстановку, в

которой находился теперь несчастный Гервег. Он особенно боялся, как бы меня не убедили доводы его противника и не вызвали у меня нелестного о нем мнения. Я вполне успокоил его на этот счет и советовал ему постараться догнать меня в Итальянской Швейцарии. Таким образом, мне снова пришлось отправиться одному в сопровождении неприятного проводника на Гризский глетчер [Gries-Gletscher], чтобы оттуда через ущелье пройти к южному склону Альп. При подъеме я имел случай наблюдать в высшей степени грустную картину: среди коров альпийских гор появилась копытная болезнь, и мимо меня тянулись длинной вереницей огромные стада, направлявшиеся для лечения в долину. Животные походили на скелеты и еле-еле волочили ноги. Порой казалось, что дивная природа, тучные пастбища с каким-то непостижимым злорадством смотрят на это печальное шествие. У подножия круто вздымающегося глетчера я пришел в такое подавленное состояние, почувствовал такую нервную усталость, что захотел вернуться обратно. Это решение вызвало насмешки проводника, презиравшего меня за изнеженность. Проснувшаяся во мне злоба снова вселила в меня решимость, и я немедленно начал взбираться на отвесную ледяную стену с такой быстротой, что спутник едва поспевал за мной. Двухчасовая прогулка по хребту глетчера была сопряжена с такими трудностями, что даже у гримзельского работника появились некоторые опасения за себя. Незадолго до этого выпал снег, который прикрыл ледяные трещины и поэтому не давал возможности разглядеть опасные места. Проводнику приходилось осторожно идти вперед, чтобы тщательно исследовать дорогу. Наконец мы достигли котловины. Внизу лежала долина Формацца [Formazza-Thal], к которой вел крутой спуск, покрытый снегом и льдом. Проводник снова начал свою рискованную игру и вместо того, чтобы спускаться серпантином, повел меня по прямой линии. Наконец, мы кое-как добрались до крутого обрыва, усеянного галькой. Двигаться дальше было, безусловно, опасно, и, указав на это проводнику, я заставил его вернуться со мной обратно к замеченной мной раньше более удобной тропинке. Проводник угрюмо подчинился, и вскоре мы выбрались из каменной пустыни.

Я очень обрадовался, когда нам стали снова попадаться признаки цивилизации. Первое пригодное для скота пастбище, которое мы встретили, называлось Беттель-Матт [Bettel-Matt], а первый человек, с которым мы столкнулись, оказался охотником за сурками. Вскоре местность и совсем оживилась: низвергающаяся с высоты горная река Точе образует здесь в одном месте величественно красивый водопад, льющийся тремя

широкими уступами[199]. Постепенно, по мере нашего спуска, мох и лишайник сменялись луговыми травами, низкорослые деревья уступали место стройным соснам и елям, а вся долина принимала все более приветливый вид. Наконец мы очутились у цели нашего путешествия, а именно в деревне Поммат [Pommath], которую итальянское население называло Формацца. Здесь мне довелось съесть первый раз в жизни жаркое из сурка. Недолгий сон не мог, конечно, прогнать моей страшной усталости, но я все же рано утром следующего дня отправился в дальнейший путь, на этот раз уже один, так как проводника своего я, расплатившись, отправил домой. Что я действительно рисковал жизнью, связавшись с этим человеком, об этом я узнал лишь в ноябре того же года, когда вся Швейцария была взволнована известием о пожаре в гримзельской гостинице, подожженной не кем иным, как самим хозяином последней, желавшим добиться от общины возобновления арендного контракта на усадьбу. Когда преступление обнаружилось, виновник его утопился в ближайшем озере. Но работник, которого он подкупил для совершения поджога, был задержан и посажен в тюрьму. Оказалось, что это был тот самый парень, которого предупредительный хозяин дал мне в проводники на глетчер, где, как я теперь узнал, незадолго перед тем погибли два франкфуртских путешественника. Таким образом, я получил основание считать себя чудом спасенным от грозившей мне смертельной опасности.

Незабвенное впечатление произвело на меня странствование по долине, постепенно спускающейся все ниже и ниже. Особенно поразил меня вид южной растительности, открывшийся перед глазами, когда я спустился из тесного скалистого ущелья, в котором теснилась Точе. В горячий солнечный полдень я достиг Домодоссолы[200]. Здесь я вспомнил милую, написанную с платеновским изяществом комедию неизвестного автора, на которую обратил внимание Эдуард Девриент. Действие этой комедии разыгрывается среди тех самых впечатлений перехода из Северных Альп во внезапно открывающуюся Италию, которые теперь с необычайной силой захватили и меня самого. Памятен мне остался довольно простой, но славный, хорошо поданный обед в итальянском вкусе. Я слишком устал, чтобы в тот же день двинуться дальше. Но, сгорая от нетерпения добраться поскорей до берегов Лаго-Маджоре, я нанял лошадь, которая еще к вечеру должна была доставить меня в Бавено [Baveno]. Мною овладело

истинное счастье. Покатив в своей повозке, я позволил себе довольно грубо отказать одному офицеру, просившему через кучера разрешения усесться рядом со мной. Я проезжал по прелестным местам, с удовольствием созерцая изящные фасады домов и симпатичные лица жителей. Помню, мне врезалась в память молодая мать с ребенком на руках, которая сидела за прялкой, напевая вполголоса. После захода солнца я успел еще взглянуть на грациозно подымающиеся из Лаго-Маджоре Борромейские острова. Мысль о предстоящем радовала меня настолько, что я не мог всю ночь заснуть.

Посещение островов на следующий день, действительно привело меня в невероятное восхищение. Я не мог постигнуть развернувшейся перед глазами красоты, я не знал, что мне с нею делать. Казалось, что я должен бежать отсюда, что мне здесь не место. С этим чувством я оставил острова, чтобы вверх по Лаго-Маджоре вернуться через Локарно и Беллинцону [Bellinzona] обратно на швейцарскую территорию. Затем я хотел отправиться в Лугано, где, согласно первому маршруту, думал пробыть несколько дольше. Там стояла нестерпимая, мучительная жара, и даже купание в озере не приносило ни малейшего облегчения. Комнату я снял в здании, похожем на палаццо, которое зимой служило местом заседаний правительства кантона Тессин, а летом превращалось в гостиницу. Устроился я здесь довольно удобно, хотя и пришлось мириться с грязной мебелью, среди которой фигурировал «гамак» из «Облаков» Аристофана[201].

Но вскоре мной снова овладело прежнее состояние, от которого я так долго страдал. Как это бывало со мной всякий раз, когда я собирался устроить себе приятный отдых, меня начали сильно беспокоить перемежающиеся приступы нервной возбужденности и подавленности. В дорогу я захватил с собой книги, в частности Байрона, которым рассчитывал заполнить часы отдыха. К сожалению, чтобы находить удовольствие в чтении, я должен был делать над собой усилие, и чем дальше я просматривал «Дон Жуана», тем труднее становилась для меня эта задача. Через несколько дней я уже стал недоумевать, зачем, собственно, я приехал в Лугано. Но вдруг я получил уведомление от Гервега, что он собирается сюда с несколькими друзьями. Какой-то удивительный инстинкт побудил меня телеграфировать жене, чтобы немедленно приехала и она. Минна последовала моему приглашению и поздно ночью того же дня прибыла с готтардскими почтовыми. Ее усталость была так велика, что она сразу заснула в «гамаке» Аристофана и даже не слышала грозы, свирепствовавшей с небывалой силой. К утру явились и цюрихские друзья.

Наиболее близким приятелем Гервега был доктор Франсуа Вилле[202], с которым я давно у него познакомился. В студенческие годы, как можно было судить по многочисленным рубцам на его лице, он много дрался на дуэлях. Вообще же его характерной чертой была склонность к остроумным, метким замечаниям. Сравнительно недавно он поселился в Майлене [Meilen] на Цюрихском озере и очень просил меня и Гервега бывать у него почаще. Приезжая к Вилле, мы попадали в типичную гамбургскую семейную обстановку, созданную заботами его жены[203], дочери богатого пароходовладельца Слоумена. Еще будучи студентом, он имел случай обратить на себя внимание редактированием в Гамбурге политической газеты, доставившей ему обширные знакомства. У Вилле всегда было много тем для рассказов, и он считался душой общества. Теперь он, по-видимому, поставил себе задачей взяться за Гервега, чтобы вывести его из дурного настроения и нерешительности по отношению к предстоящей экскурсии в Альпийские горы. Сам же он собирался отправиться в обществе профессора Эйхельбергера [Eichelberger] пешком через Готтард. Эта затея сильно возмущала Гервега, который полагал, что пешком следует ходить лишь по таким местам, по которым нельзя ездить, а отнюдь не по образцовым дорогам.

После прогулки в окрестностях Лугано, доставившей мне возможность самому услышать характерный для итальянских церквей неприятный перезвон колоколов, я убедил общество последовать за мной на Борромейские острова, на которые мне хотелось еще раз посмотреть. Во время поездки на пароходе по Лаго-Маджоре мы встретили худощавого господина с длинными гусарскими усами. В шутку мы прозвали его генералом Гайнау[204] и выражали ему ради забавы свое недоверие. Он оказался крайне добродушным ганноверским дворянином, который для своего удовольствия долгое время путешествовал по Италии и мог сообщить нам полезные сведения об итальянцах. Его рекомендации много помогли нам при посещении Борромейских островов. Здесь мои знакомые расстались со мной и с женой, чтобы ближайшим путем отправиться обратно, тогда как мы собирались через Симплон и Валлис в Шамони.

Утомление, которым я до сих пор расплачивался за свою экскурсию, говорило за то, что я не скоро снова пущусь в такое же путешествие. Для меня было важно как следует осмотреть все достопримечательности Швейцарии. Вообще настроение мое с давних пор было таково, что я ждал значительных перемен только

от новых внешних впечатлений. Поэтому я не хотел упустить Монблана. Для того чтобы узреть его, пришлось преодолеть большие трудности, к числу которых следует отнести и ночное прибытие в Мартиньи, где по случаю переполнения гостиниц нам всюду отказывали в ночлеге. Только воспользовавшись романом почтальона и горничной, мы неожиданно нашли приют на одну ночь в частной квартире, оставленной господами. В долине Шамони мы, как полагается, посетили так называемое «Ледяное море»[205] и Флежер[206], откуда вид Монблана произвел на меня значительное впечатление. Однако подъем на эту вершину менее занимал мою фантазию, чем путешествие по перевалу Col des géants, так как восхождение на значительную высоту волновало меня не в такой степени, как продолжительное блуждание по гористой и пустынной местности. Я давно лелеял мечту еще раз испытать такое своеобразное ощущение. Спускаясь с Флежера, Минна упала и вывихнула себе ногу. Болезненные последствия этого падения заставили нас удержаться от всяких дальнейших предприятий такого рода, и мы вынуждены были ускорить наше возвращение через Женеву.

Из этого значительного и грандиозного путешествия, предпринятого почти исключительно для поправления здоровья, я вернулся со странным чувством неудовлетворенности. Во мне продолжала жить тоска по чему-то далекому, сыгравшая решающую роль в моей жизни и придавшая ей новое направление. Дома я мог убедиться в том, что в судьбе моей готовится поворот к лучшему. Это были запросы и заказы различных немецких театров, желавших поставить «Тангейзера». Прежде всего об этом хлопотал придворный театр в Шверине. Младшая сестра Рёкеля, вышедшая замуж за известного мне с ранних лет артиста Морица, вернулась в Германию в качестве молодой певицы, получившей образование в Англии. Она так горячо рассказывала одному дельному человеку, служившему при театре, Штоксу [Stocks], о впечатлении, какое произвел на нее в Веймаре «Тангейзер», что тот решил внимательно ознакомиться с оперой и побудить дирекцию подумать о ее постановке. За ним в короткий срок последовали театры Бреслае, Праги и Висбадена. В последнем подвизался в качестве капельмейстера друг моей юности Луис Шиндельмайссер[207]. К ним вскоре присоединились и другие театры. Но особенно удивился я, получив через нового интенданта, господина фон Хюльзена[208], запрос Берлинского королевского театра. Я подумал, что тогдашняя принцесса Прусская, благодаря стараниям моего верного друга, госпожи Фромман, всегда расположенная ко мне, а теперь особенно заинтересованная недавней веймарской постановкой

«Тангейзера», очевидно, посодействовала неожиданной предупредительности по моему адресу.

В то время как заказы маленьких театров очень обрадовали меня, заказ крупнейшей немецкой сцены сильно меня встревожил. В первых находились преданные мне и ревностные капельмейстеры, сами поднявшие вопрос о постановке оперы; в Берлине, напротив, дело обстояло иначе. Кроме давно известного, совершенно бесталанного и страшно тщеславного капельмейстера Тауберта, там состоял дирижером Генрих Дорн, с которым у меня с ранних лет и со времени Риги были связаны тяжелые воспоминания. Ни с одним из них я не чувствовал желания и не видел возможности рассуждать о моем произведении. Зная их способности, а также недоброжелательное ко мне отношение, я имел полное основание сомневаться в успешном исполнении моей оперы под их руководством. Так как я сам, будучи эмигрантом, не мог поехать в Берлин, чтобы следить за постановкой, я тотчас же обратился к Листу за разрешением предложить его своим заместителем, своим *alter ego*, на что он охотно согласился. Когда я затем поставил условием приглашение Листа, то встретил со стороны берлинского главного интенданта возражение, что приглашение «веймарского» капельмейстера будет казаться грубым оскорблением прусских придворных капельмейстеров, и потому мне следует от этого требования отказаться. Возникли разнообразные попытки примирить обе стороны, окончившиеся тем, что вопрос о постановке «Тангейзера» в Берлине был надолго снят с очереди.

Несмотря на то что «Тангейзер» с возрастающей быстротой захватывал средние немецкие театры, мной овладело сильное беспокойство относительно духа представлений моей оперы, которого я никак не мог уловить с полной отчетливостью. Так как присутствие мое нигде не допускалось, я решил позаботиться о правильном понимании выдвинутой мной задачи, написав подробную статью[209], которая должна была служить руководством в постановке. За собственный счет я напечатал изящные оттиски этой довольно обширной работы, и каждому театру, заказавшему партитуру, я послал некоторое количество их с просьбой рекомендовать для руководства и сведения капельмейстеру, режиссеру и главным исполнителям. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы кто-либо читал статью или следовал ей. Когда в 1864 году у меня благодаря усердной раздаче брошюры вышли все ее экземпляры, я, к большой своей радости, в архиве мюнхенского театра нашел в целости и сохранности некогда посланные мной туда оттиски, что дало мне приятную возможность ознакомить с утерянной статьей

баварского короля [Людвига II], пожелавшего ее иметь, некоторых друзей, да и самому обновить ее в памяти.

По странной превратности судьбы готовящаяся теперь на немецких театрах постановка оперы совпала с назревшим у меня решением приняться за работу, идея которой была внушена мне необходимостью вполне отрешиться от современных условий театральной жизни. Однако этот столь неожиданный переворот никоим образом не мог повлиять на характер моего труда. Сохраняя свой прежний план, я спокойно предоставил вещам идти своим чередом, нисколько не содействуя постановкам. Я отдал все на волю судьбы, и меня удивляло, когда до меня доходили слухи о большом успехе моих произведений. Однако это не заставило меня изменить мое суждение о нашем театре вообще и об опере в частности. Я оставался непоколебим в своем намерении написать «Нибелунгов» так, как если бы современный оперный театр совершенно не существовал, а необходимо должен был возникнуть тот идеальный театр, о котором я мечтал.

Так, еще в октябре и ноябре этого года я написал текст «Золота Рейна», чем закончил весь цикл задуманной мной саги о Нибелунгах. Но в то же время я переработал «Юного Зигфрида» и «Смерть Зигфрида», и они вошли в логичную связь с целым. Последняя вещь так значительно разрослась, что стала явным образом гармонировать с общим планом замысла. Сообразно с этим я дал ей новое название, соответствующее ее истинному отношению ко всей поэме. Я назвал ее «Сумерками богов». А «Юного Зигфрида», который больше не имел своей темой отдельного эпизода из жизни героя, но в рамках целого получил свое настоящее место рядом с другими главными фигурами, я назвал «Зигфридом».

275

Меня огорчала необходимость на долгое время оставить в неизвестности это обширное поэтическое произведение для тех, кто, несомненно, мог бы обнаружить интерес к нему. Так как театры неожиданным образом стали присылать мне причитающийся гонорар за «Тангейзера», то я ассигновал часть этих получений на то, чтобы известное количество красиво изданных экземпляров поэмы заказать для себя лично. Таких экземпляров я велел приготовить только 50. Но прежде, чем я покончил с этим в высшей степени приятным для меня занятием, мне пришлось перенести большое горе.

Конечно, среди окружающих я находил людей,

сочувствующих окончанию крупной поэтической работы, хотя большинство знакомых считали все это химерой или даже заносчивым капризом. Действительно понимал ее и тепло относился к ней только Гервег, с которым я ее часто обсуждал и которому обыкновенно прочитывал готовые части. Зульцер был очень недоволен переделкой «Смерти Зигфрида», так как считал эту вещь удачной и оригинальной. Он полагал, что она лишилась этих качеств, если я счел правильным и целесообразным произвести в ней такие значительные изменения. Поэтому он выпросил себе на память рукопись первой редакции, которая иначе, наверное, потерялась бы.

Чтобы составить себе понятие о впечатлении, производимом поэмой при ознакомлении с ней в наивозможно быстрой последовательности, я решил через несколько дней, в середине декабря, по окончании работы посетить семейство Вилле в их поместье и прочесть там свое произведение перед небольшим обществом. Кроме Гервега, который поехал вместе со мной, присутствовали еще фрау Вилле и ее сестра фрау фон Биссинг[210]. Уже раньше при моих частных визитах в Мариафельд, лежавший в двух часах ходьбы, я развлекал обеих дам своеобразной игрой на рояле и приобрел в их лице почти фанатически преданную мне публику, к некоторому неудовольствию господина Вилле, который открыто признавался, что музыка вселяет в него ужас. Впрочем, в конце концов и он научился смотреть на эти вещи с комической точки зрения, со стороны их забавности. Так как я приехал под вечер, то мы сейчас же принялись за «Золото Рейна». Затем я нашел, что еще не поздно, и так как слушатели не боялись никакого напряжения, то до полуночи я успел прочесть «Валькирию». На следующее утро после завтрака наступила очередь «Зигфрида», а вечер я закончил «Сумерками богов». Я имел основание быть довольным произведенным мною впечатлением: дамы были так взволнованы, что отказывались от всякого разговора на эту тему. К сожалению, я почувствовал какой-то необъяснимый страх и волнение. Я не спал ночь и на другой день боязливо отклонял всякий разговор и удивил всех своим внезапным уходом. Только Гервег, сопровождавший меня домой, по-видимому, понял мое настроение и не нарушал молчания.

Особенное удовольствие я хотел доставить себе, познакомив с законченным произведением моего верного друга Улига в Дрездене, с которым я вел непрерывную переписку и который фаза за фазой следил за разработкой всего плана. Я не хотел посылать ему «Валькирии» до окончания «Золота Рейна». А затем он должен был получить все не иначе как в виде хорошо

изданного экземпляра. С наступлением осени я, однако, имел основание, по письмам Улига, все более и более беспокоиться о его здоровье. Он жаловался на усиление подозрительных приступов кашля и на наступившую в конце концов полную потерю голоса. Сам он считал все это только слабостью, с которой надеялся справиться, укрепив тело холодной водой и продолжительными прогулками пешком. Театральная служба скрипача была всему виной: после хорошей семичасовой прогулки по окрестностям он чувствует себя гораздо лучше. Правда, приступы кашля и охриплость не проходят, и ему очень трудно разговаривать даже с окружающими. Я не хотел пугать несчастного и постоянно надеялся, что его состояние побудит врача рекомендовать ему разумное лечение. Теперь, непрестанно выслушивая уверения относительно его преданности принципам водолечения, я не мог не воззвать к прекращению этой бессмыслицы и не посоветовать обратиться к разумному врачу, так как дело, очевидно, идет не об укреплении, а о сбережении сил. Тогда бедняга в высшей степени перепугался, так как из моих слов он увидал, что я питаю опасения, не болен ли он чахоткой в последней стадии. «Что будет с моей несчастной женой и детьми, если я действительно так плох?» – писал он мне. К сожалению, было уже поздно. Он писал мне из последних сил. Однажды старый друг мой, хормейстер Фишер, передал мне разные поручения от имени Улига: их с трудом можно было расслышать, приблизивши ухо к самому его рту. За этим со страшной быстротой последовало известие об его смерти. Он умер 3 января нового 1853 года. После Лерса это был второй из искренне преданных мне друзей, которых похищала чахотка. Красивый экземпляр «Кольца Нибелунга», предназначенный для него, оказался свободным. Я завещал его младшему его сыну, моему крестнику, которого он назвал Зигфридом. У его вдовы я выпросил теоретические сочинения, оставшиеся после него, и получил много значительных вещей, среди них ранее упомянутую статью о конструкции тем. Хотя издание этих работ требовало больших трудов, так как необходимы были тщательные поправки и переделки, я все-таки запросил Гертеля в Лейпциге, предложит ли он вдове хороший гонорар за сборник статей Улига. Издатель ответил, что не возьмется за напечатание их даже даром, так как такие вещи не дают никакой прибыли. Уже тогда я имел случай убедиться, как ненавистен в известных кругах каждый музыкант, пылко ведущий за меня борьбу.

Известие о смерти Улига дало в руки друзьям моего дома большой козырь в вопросе о водолечении. Гервег внушил жене мысль подкреплять меня стаканом доброго вина после утомительных репетиций и концертов этой зимы. Постепенно я привык к употреблению слабо возбуждающего кофе и чая, и мои друзья с радостью увидали, что я снова стал человеком. Доктор Ран-Эшер сделался другом нашего дома. Он был нам всем приятен тем, что приносил с собой успокоение. В течение многих лет он отлично справлялся со всеми затруднениями, которые причиняло мое здоровье или, вернее, перенапряжение моих нервов. Он доказал разумность своего метода, когда в середине февраля я задумал в четыре вечера прочесть довольно обширному кружку слушателей мою тетралогию. После первого вечера я сильно простудился. На следующее утро я проснулся с катаральной охриплостью. Врачу я тотчас же заявил, что отмена чтения будет мне крайне неприятна. «Что делать, чтобы поскорей избавиться от хрипоты?» Он потребовал, чтобы я вел себя весь день как можно спокойнее. Вечером я могу отправиться на чтение, тепло закутавшись. Там я должен предварительно выпить две чашки слабого чая. Все остальное уладится само по себе. Но я легко могу заболеть более серьезно, если начну горевать о неудаче моей затеи. Действительно, чтение этой вещи, исполненной больших страстей, сошло великолепно. На третий и четвертый вечер я продолжал его и чувствовал себя совершенно здоровым. Для этих собраний я нанял большой и элегантный зал в отеле *Baur au Lac*[211] и с удивлением стал наблюдать, как с каждым вечером он наполнялся все более и более, хотя я пригласил только узкий круг знакомых, предоставив последним право привести тех, у кого они будут иметь основание предположить действительный интерес, а не простое любопытство. Впечатление получилось вполне благоприятное. Я добился признания серьезнейших членов университета и администрации, услышал много одобрительных отзывов об идее поэмы, так же как о связанных с нею художественно-артистических замыслах. Своеобразная сдержанная серьезность, с какою высказывались отдельные сочувственные суждения, возбудила во мне мысль использовать благоприятное настроение в целях тех высших тенденций, которые мной руководили.

При общераспространенном поверхностном воззрении на дело все находили нужным уговаривать меня вступить в отношения с театральным миром. Я задумался над тем, как можно было бы, следуя здравым принципам, наставить на добрый путь скромно оборудованный цюрихский театр, и довел до общего сведения свои соображения на этот счет в статье,

озаглавленной «Театр в Цюрихе»[212]. Изданная приблизительно в количестве ста экземпляров, статья была распродана целиком. Но я никогда не слыхал, чтобы она произвела какое-либо действие. Только позднее, на одном из торжественных обедов Музыкального общества, когда раздались голоса относительно того, что мои мысли очень хороши, но, к сожалению, неосуществимы, досточтимый Отт-Имхоф заявил, что он отнюдь не может с этим согласиться. По его мнению, для выполнения моих замыслов недостает лишь одного – моей готовности взять на себя руководство театром, так как он никому больше не может доверить выполнение моих идей. Но я был вынужден заявить, что не хочу иметь ничего общего с этим делом, и вопрос оказался исчерпанным. В глубине души я должен был сознаться, что не вправе претендовать на людей.

277

Тем временем интерес ко мне возрастал. Категорично отклоняя желание моих друзей увидеть мои главнейшие произведения на сцене, я согласился наконец составить подбор характернейших отрывков, которые можно было бы исполнять в концертах, как только мне будет оказана необходимая для этого поддержка. С этой целью была устроена подписка, давшая успешный результат: некоторые известные и состоятельные любители искусства вызвались покрыть все расходы. Я со своей стороны взялся за ангажемент необходимого мне оркестра. Пригласив отовсюду хороших музыкантов, я после бесконечных стараний мог надеяться, что собрал в достаточной степени удовлетворительный состав. Приглашенные музыканты должны были пробыть в Цюрихе целую неделю, от воскресенья до воскресенья. Половину этого времени они были заняты исключительно репетициями.

В среду вечером должен был состояться концерт, в пятницу и воскресенье повторение его. Эти дни приходились на 18, 20 и 22 мая, причем день 22 мая был днем моего сорокалетия. К моей радости, все предварительные распоряжения были в точности выполнены. Музыканты из Майнца, Висбадена, Франкфурта и Штутгарта, а также из Женевы, Лозанны, Базеля, Берна и других главных городов Швейцарии аккуратно явились в воскресенье днем. Их тотчас же направляли в театр, где они должны были точно ознакомиться со своими местами по плану размещения оркестровых музыкантов, изобретенному мной еще в Дрездене и здесь великолепно подтвердившему свою пригодность, чтобы на

другое утро без задержки и замешательства приступить к репетиции. Так как эти музыканты находились в моем распоряжении с утра до вечера, то в два с половиной дня, без особого напряжения, я разучил с ними целый ряд наиболее значительных отрывков из «Летучего Голландца», «Тангейзера» и «Лоэнгрина». С большим трудом пришлось мне набирать хор, который вышел очень недурным. Сольного пения не требовалось, за исключением баллады Сенты из «Голландца», которую с безупречной тщательностью исполнила жена капельмейстера Гейма[213], обладавшая хорошим, хотя и необработанным голосом. Собственно говоря, все предприятие носило не столько публичный, сколько патриархальный характер: мне хотелось удовлетворить искреннее желание широкого круга, показав по мере возможности основные особенности моей музыки. А так как и для этого требовалось знакомство с главными чертами моего поэтического творчества, то желавших присутствовать на моих концертах я пригласил на три вечера в зал Музыкального общества. Я хотел прочесть им тексты трех опер, отрывки которых им предстояло прослушать впоследствии. Это приглашение было встречено с большим сочувствием, и я должен признать, что моя публика явилась на исполнение характерных частей оперы более подготовленной, чем какая-либо иная. Концерты этих трех вечеров были для меня знаменательны в том отношении, что на них я сам в первый раз слушал исполнение отрывков «Лоэнгрина» и мог составить себе понятие о впечатлении, какое должна произвести комбинация инструментов в интродукции оперы. Между концертами состоялся парадный обед, первый и единственный, устроенный в мою честь, если не считать позднейшего в Пеште. Меня в высшей степени тронула речь председателя Музыкального общества, господина Отт-Устери[214], человека чрезвычайно преклонного возраста. В ней он обратил внимание собранных из различных мест музыкантов на значение их встречи, на цель и результаты ее и высказал уверенность, что каждый из них, несомненно, унесет с собой убеждение, что он вступил в тесное и плодотворное соприкосновение с новым значительным явлением в области искусства.

Волнение, вызванное этими концертами, расходясь все более широкими кругами, сообщилось всей Швейцарии. Издалека стали поступать требования и заявления о дальнейших повторениях. Меня уверяли, что я смело могу возобновить эти три концерта на

следующей неделе, не опасаясь уменьшения наплыва слушателей. Во время прений по этому вопросу, когда я заявил о своем утомлении, равно как и о желании не отнимать у концертов их необычайного характера, не дать погаснуть всеобщему к ним интересу, я с радостью отметил осмысленную, вескую и энергичную поддержку, оказанную мне Хагенбухом. Праздник кончился, и гости разошлись в заранее установленное время.

Среди гостей я надеялся приветствовать и Листа. Перед этим, в марте, он организовал в Веймаре «Вагнеровскую неделю» из тех трех опер, отрывки которых я исполнял здесь. У него не оказалось свободного времени, чтобы приехать, взамен чего он обещал навестить меня в начале июля. Из моих немецких знакомых свое временно явились только верные дамы Жюли Куммер и Эмилия Риттер. Так как обе они в начале июля отправились в Интерлакен, а я почувствовал большую необходимость в отдыхе, то в конце месяца мы с женой поехали туда отдохнуть и развлечься. Но постоянные дожди самым неприятным образом испортили наше пребывание там. Напротив, с первого июля, когда мы, полные отчаяния, собрались с нашими приятельницами вернуться в Цюрих, установилась великолепная летняя погода. Мы радостно приветствовали ее как предвестницу появления в Швейцарии Листа, причем последний по нашем возвращении в Цюрих тотчас приехал туда в самом лучшем настроении духа. Наступила одна из тех чудесных недель, когда каждый час является источником богатейших воспоминаний. Я снимал тогда просторную квартиру на втором этаже так называемых «Передних домов Эшера», где до того занимал тесное помещение в «партере». Госпожа Штокар-Эшер, совладелица дома, искренно преданная мне женщина, сама обладавшая некоторым художественным талантом (она была дилетанткой в акварельной живописи), приложила все усилия, чтобы как можно великолепнее отделать новое помещение.

Я дал полную волю своей склонности к приятному домашнему уюту. Оно пробудилось во мне после пребывания в водолечебнице и возросло до размеров страсти. Так как мое положение внезапно улучшилось благодаря заказам на мои оперы, которые росли, я так красиво отделал квартиру коврами и разной мебелью, что даже Лист поразился царящей в ней, как он выразился, «миниатюрной элегантностью». Теперь я впервые испытал удовольствие ближе познакомиться с композиторским талантом моего друга. Рядом со многими прогремевшими его вещами для фортепьяно мы с большим рвением проштудировали и некоторые из его только что оконченных симфонических творений и прежде всего его симфонию «Фауст»[215]. Впечатление, произведенное ею на меня, я впоследствии имел

случай подробно описать в одном опубликованном письме к Марии фон Витгенштейн[216]. Я сильно и искренне радовался всему, что узнал о Листе, и радость эта действовала благотворным образом на меня самого. После долгого перерыва я носился с мыслью снова приняться за музыкальное творчество. Что могло быть для меня важнее и знаменательнее этого давно ожидаемого общения с другом, всецело охваченным творческой деятельностью и в то же время посвятившим себя изучению моих собственных работ, пропаганде их в обществе! Эти радостные дни с неизбежным наплывом друзей и знакомых были прерваны прогулкой по Фирвальдштетскому озеру в сопровождении одного лишь Гервега, во время которой Листу пришла в голову красивая мысль выпить со мной и Гервегом на брудершафт из трех источников Грютли[217]. Но вскоре Лист уехал, условившись снова встретиться со мной осенью.

Если после его отъезда я чувствовал себя покинутым, то цюрихская общественная жизнь вскоре доставила мне до тех пор неиспытанное развлечение. Певческое общество присудило мне почетный диплом, и это чудо каллиграфии было готово и должно было быть вручено мне во время торжественного факельного шествия, к которому были привлечены все расположенные ко мне должностные и частные лица местного общества. И действительно, в один прекрасный летний вечер под шумные звуки музыки длинная лента факелоносцев развернулась по Цельтвегу, явив невиданную мной до сих пор картину. После пения была произнесена в мою честь торжественная речь президента городского Певческого общества. Все это до такой степени подействовало на меня, что свойственный мне несокрушимый сангвинизм немедленно овладел моей фантазией: в ответной речи я открыто заявил, что не вижу препятствий, в силу которых именно Цюрих на частных бюргерских началах не мог бы оказать содействия, необходимого для осуществления моих задушевнейших планов, моих идеальных художественно-артистических стремлений. Кажется, это было понято как пожелание особого расцвета мужских певческих обществ, и все остались довольны моими смелыми обещаниями. Но и при этом qui pro quo настроение вечера и впечатление, произведенное им на меня, остались вполне благодушными и радостными.

Но во мне все еще прочно жила своеобразная боязнь и тревога, неоднократно овладевавшая мной перед возобновлением

композиторской деятельности после долгого перерыва в музыкальном творчестве. Я чувствовал себя сильно потрясенным всем пережитым и содеянным. Постоянно возвращавшееся стремление к полному разрыву со всем, что лежало позади меня, стремление начать жизнь с чистого листа и найти идеальные условия для жизни, вновь беспокойно ожило во мне. Я воображал, что прежде чем приняться за такую колоссальную работу, как музыка «Нибелунгов», мне необходимо в последний раз попытаться устроить себе в совершенно новой обстановке существование более гармоничное, свободное от бесчисленных компромиссов текущего момента. Я стал мечтать о путешествии в Италию, насколько оно могло быть доступно для политического эмигранта. Необходимые для этого средства легко оказались в моем распоряжении благодаря участию постоянно и ревностно преданного мне друга Везендонка. Но так как я считал неподходящим предпринять это путешествие до наступления осенней погоды и так как, кроме того, я должен был для укрепления нервов, которые помешали бы мне наслаждаться Италией, выдержать особое, предписанное врачом лечение, я и решил сначала посетить курорт Сен-Мориц в Энгадине[218]. Туда я отправился во второй половине июля в сопровождении Гервега.

280

Со мной часто случались странные вещи. Событие, которое в дневниках других лиц отмечается просто как посещение, как маленькое путешествие, получало у меня характер приключения. Так произошло и с этой поездкой, когда благодаря переполнению почтовой кареты продолжительный проливной дождь задержал нас в Куре [Chur]. Мы были вынуждены проводить время в чрезвычайно неудобной гостинице за чтением: я принялся за «Западно-восточный диван» Гёте, к которому был подготовлен поэзией Даумера[219], главным образом его обработкой Гафиза[220]. До сих пор не могу вспомнить многих изречений Гёте в комментариях к этой поэме без того, чтобы не связать их с неприятно затянувшимся перерывом нашего путешествия в Энгадин. В самом Сен-Морице нам повезло не лучше. Теперешнее комфортабельное лечебное здание курорта еще не существовало, и нам приходилось довольствоваться самым неблагоустроенным помещением.

Это было особенно неприятно по отношению к Гервегу, который попал сюда не ради лечебных целей, а исключительно ради желания развлечься. Но нас вскоре утешили живописные

маршруты наших прогулок, которые от голых, покрытых одними пастбищами вершин крутыми склонами вели нас в итальянские долины. В более серьезное путешествие пустились мы тогда, когда завербовали в качестве проводника на Розегг-глетчер [Rosegg-Gletscher] школьного учителя из Самадена. При восхождении на единственную в своем роде грандиозную Бернину, по красоте своей превосходящую Монблан, мы с уверенностью могли рассчитывать на своеобразное удовольствие. Однако последнее было отравлено для моего друга чрезвычайным утомлением, сопряженным с подъемом и дальнейшим передвижением по удивительному глетчеру. Снова, на этот раз в усиленной степени, ощутил я то возвышенное чувство святости пустыни, тот невольно умиротворяющий покой, который вызывает во всяком пульсирующем человеческом организме замирание растительной жизни. После двухчасового углубления в ущелье глетчера мы перед трудным обратным путем подкрепились захваченной едой и шампанским, замороженным в ледяных скважинах. Обратный путь мне пришлось совершить два раза, потому что Герверга внезапно охватил страх, и я проделывал перед ним пробные спуски и подъемы, прежде чем он сам на них решался. На себе я убедился в крайне изнуряющем свойстве воздуха горных областей, когда мы в первой пастушьей хижине освежились найденным там великолепным молоком. Я выпил его столько без тяжелых для меня последствий, что мы не могли не удивиться этому. При употреблении укрепляющей железистой воды для питья и для ванн я чувствовал себя, как всегда при подобных попытках: мой темперамент, склонный к быстрым возбуждениям, обращал их скорее во вред, чем на пользу. Моим чтением в часы отдыха служило «Избирательное сродство»[221] Гёте, которое я помнил лишь по первым юношеским впечатлениям. Я буквально проглотил всю книгу, от слова до слова. Она служила поводом к горячим прениям между мной и Гервегом, который, будучи знатоком нашей великой литературы, защищал от моих нападок тип Шарлотты. Моя страстность заставила меня призадуматься над тем, как странно складываются мои собственные отношения к вещам. Несмотря на стукнувшие 40 лет, я должен был в глубине души согласиться, что с объективной точки зрения Гервег судит о произведении Гёте правильнее, чем я с постоянно угнетенным настроением моей души. Если Гервег когда-либо и переживал нечто подобное, то он находил поддержку в своей решительной супруге, в своих отношениях с ней, отвечающей ему величайшей преданностью. Так как время приближалось к концу и я отлично видел, что нечего особенно надеяться на лечение, то в середине августа мы

пустились в обратный путь и вернулись в Цюрих. Здесь я с нетерпением стал готовиться к путешествию по Италии.

281

Наконец наступил сентябрь, особенно рекомендованный мне для посещения Италии. С экзальтированными представлениями относительно того, что меня ожидало и что должно было удовлетворить мои искания, отправился я в путь через Женеву. С экстренной почтой я через Мон-Сени добрался до Турина, пережив на пути удивительные приключения. Совершенно неудовлетворенный этим городом, я через два дня поспешил в Геную. Здесь предо мной открылся мир долгожданных чудес. Великолепное впечатление, вынесенное отсюда, до сих пор покрывает во мне тоску по остальной Италии. Несколько дней прошли в настоящем чаду. Но полное одиночество заставило меня снова почувствовать всю мою отчужденность от мира, всю невозможность для меня когда-нибудь сродниться с ним. Лишенный подготовки, я не был в состоянии регулярно наслаждаться осмотром художественных сокровищ: я отдавался только, так сказать, музыкальному ощущению новой стихии.

Прежде всего я хотел выискать место, благоприятное для долгого пребывания и спокойного наслаждения окружающим. Мои мысли все еще были направлены на отыскание прибежища, могущего обеспечить гармонию и покой для художественно-артистического творчества. Так как вскоре вследствие неосмотрительного употребления мороженого у меня началась дизентерия, то на смену первых порывов экзальтации пришла полная обессиливающая апатия. Желая спастись от чрезмерного шума гавани, около которой я жил, и отыскать для себя место более спокойное, я задумал совершить поездку в Специю, куда через неделю и отправился на пароходе. И эта поездка, продолжавшаяся всего только одну ночь, тотчас же неприятно осложнилась для меня благодаря сильному противному ветру. Моя дизентерия усилилась из-за морской болезни, и, совершенно истощенный, едва держась на ногах, я остановился в Специи в лучшей гостинице, которая, к ужасу моему, находилась на узкой и шумной улице. После ночи, проведенной без сна, в лихорадке, я на другой день принудил себя совершить пешком путешествие по холмистым окрестностям, поросшим кедровыми деревьями. Все показалось мне пустынным и обнаженным, и я не мог понять, зачем сюда забрел. Вернувшись после полудня, смертельно усталый, я растянулся на жесткой кровати в ожидании желанного

сна.

Но он не приходил. Я впал в какое-то сомнамбулическое состояние: внезапно мне показалось, что я погружаюсь в быстро текущую воду. Ее журчанье представилось мне в виде музыкального аккорда Es-dur. Он неудержимо струился дальше и преломлялся в мелодические арпеджио, которые «бежали» со все возрастающей скоростью, но чистое трезвучие Es-dur не изменялось – его длительность, казалось, олицетворяла бесконечность того образа, в который я погружался. Пробудился я из своего полусна с жутким ощущением, что волны замкнулись высоко надо мной. Мне пригрезилась увертюра «Золота Рейна»[222], с которой я носился, не будучи в силах постигнуть ее вполне. Я сразу понял, какое все это имеет для меня значение: течение жизни может увлечь меня только изнутри, а не извне.

Немедленно решил я вернуться в Цюрих и приняться за композицию большого произведения. Я известил об этом жену телеграммой, прося приготовить рабочую комнату. В тот же вечер я сел в дилижанс, шедший вниз по Ривьере ди Леванте до Генуи. В течение всего следующего дня я имел возможность насладиться целым рядом приятных впечатлений. Особенно восхищали меня краски предметов, мелькавших перед глазами: красные скалы гор, синева неба и моря, светлая зелень пиний, ослепительная белизна проходящего мимо стада волов произвели на меня сильнейшее действие. Со вздохом сказал я себе: как печально, что я не могу пользоваться тем, что могло бы облагородить мои чувства! В Генуе я снова ощутил приятное возбуждение. Я подумал, не поддался ли я раньше глупой слабости, и потому решил выполнить свое первоначальное намерение. Я начал переговоры относительно случайно открывшейся возможности проехать до Ниццы вдоль прославленной Ривьеры ди Понente. Но как только я снова обратился к первоначальному плану, мне стало ясно, что меня оживил и целительно ободрил не прилив радостного наслаждения Италией, а решение приняться за работу. Но когда я пытался его изменить, тотчас же наступало прежнее состояние со всеми симптомами дизентерии. Наконец я разобрался в самом себе, отказался от поездки в Ниццу и возвратился, не останавливаясь, ближайшим путем на Алессандрию и Навару, мимо равнодушно оставленных мной в стороне Борромейских островов, через Сен-Готард в Цюрих.

282

По приезде я мечтал лишь об одном: взяться немедленно за

свою большую работу. Однако в ближайшем будущем мне предстояло свидание с Листом в Базеле, и это на некоторое время должно было отвлечь меня от занятий. Чтобы рассеять плохое настроение и успокоить нервы, я несколько раз посетил жену в Бадене[223], куда она переехала с лечебной целью, так как было предположено, что мое пребывание в Италии затянется на продолжительное время. Так как я всегда поддавался настойчивым советам испытать тот или другой способ лечения, то я принял на курорте несколько горячих ванн, что очень неблагоприятно отразилось на моей расшатанной нервной системе.

Наконец наступил день, в который мы условились встретиться в Базеле. Лист только что кончил дирижировать оркестром на музыкальном празднестве в Карлсруэ, устроенном по приглашению герцога Баденского[224], чтобы представить на суд публики наши композиции в соответствующем их достоинству исполнении. Я сам еще не имел возможности вступить на территорию Германского Союза. Поэтому Лист избрал для нашего свидания ближайший к баденской границе город Базель, чтобы нескольким молодым друзьям моим, собравшимся в Карлсруэ, доставить возможность лично приветствовать меня. Я прибыл в условленное место. Вечером я сидел совершенно один в ресторане гостиницы Zu den drei Königen [«У трех королей»], как вдруг услышал донесшийся до меня из вестибюля мотив королевских фанфар из «Лоэнгрина», исполняемый небольшим, но сильным мужским хором. Двери раскрылись, и предо мной во главе с Листом предстала шумная толпа моих молодых друзей. По окончании моего пребывания в Цюрихе и Сен-Галлене, омраченного разными неприятностями, я снова увиделся с Бюловом, а также с Иоахимом, Петером Корнелиусом[225], Рихардом Полем[226] и Дионисом Прукнером[227]. Лист сообщил мне, что на следующий день в Базель приедет его подруга, княгиня Каролина фон Витгенштейн, с молодой дочерью Марией. Само собой разумеется, что радостное настроение нашей встречи, которая, как и все, что исходило от Листа, носила печать особой задушевности и благородства, в этот вечер приняло характер сумасбродного веселья. Среди общей суматохи я, однако, заметил отсутствие Поля, уже давно приобретшего известность своими статьями, подписанными псевдонимом Гоплит[228], как энергичный борец за наше общее дело. Я незаметно покинул всю компанию и нашел его в какой-то отдаленной комнате гостиницы в постели: он хотел лечь, чувствуя сильную головную боль. Выражение моего искреннего сожаления по этому поводу сразу вылечило его. Он

вскочил с постели, уверяя меня, что головная боль совершенно прошла. Я поспешил помочь ему одеться, и мы присоединились к обществу в столовой. Остаток времени до полуночи прошел чрезвычайно весело.

283

Торжество наше достигло своей высшей точки, когда на другой день приехали дамы, сделавшиеся центром нашего внимания. Княгиня Каролина разделяла наши интересы и при живости темперамента и искреннем увлечении производила на нас, как и на всех, с кем ей приходилось встречаться в эти годы, обаятельное впечатление. С одинаковой чуткостью относясь к глубочайшим духовным проблемам, волновавшим нас, как и к самым мелким случайностям личной жизни, она умела в каждом из нас вызвать проявления лучших порывов. Обращала на себя внимание мечтательным выражением своего лица и дочь княгини. Это была девушка, которой только что минуло пятнадцать лет, в первом расцвете сил. Она одевалась и держалась совершенно как ребенок, и я называл ее «дитя». Когда наши споры или радостные излияния клокотали шумным потоком, ее мечтательно темные глаза сохраняли прекрасное, глубокое, проникновенное выражение, и мы невольно чувствовали, что чистым умом своим она постигает сущность волнующих нас задач.

Будучи подвержен в то время слабости непосредственно знакомить людей с моими произведениями (что, кстати сказать, очень раздражало Гервега), я легко дал уговорить себя прочесть «Кольцо нибелунга». А так как время отъезда уже приближалось, я выбрал для этой цели из всего цикла «Зигфрида». Однако Лист должен был отправиться в Париж, чтобы повидать своих детей, и вся компания решила проводить его до Страсбурга. Я же последовал за ним в Париж, а княгиня с дочерью должны были вернуться из Страсбурга в Веймар. В оставшиеся немногие часы нашего совместного путешествия дамы просили прочесть им другие части «Кольца». Но этого нельзя было сделать из-за шума, который стоял кругом. В утро, когда был назначен отъезд, Лист пришел в мою комнату, когда я еще лежал в постели, и сообщил мне, что дамы решили поехать вместе с нами в Париж. С улыбкой на лице он сказал мне, что решение княгини вызвано настойчивыми просьбами Марии, которой хочется услышать «Нибелунгов» до конца. Мне очень понравилась благородная эксцентричность этого обстоятельства, столь неожиданно продлившего и изменившего план нашего путешествия.

К сожалению, мы должны были расстаться с младшими членами нашей компании. Особенно тепло и сердечно я обнял Иоахима, который постоянно держался в стороне, с какой-то особенной скромностью, почти граничащей с покорной застенчивостью. Бюлов объяснил мне, что его грустно-сдержанное настроение по отношению ко мне объясняется тем смущением, которое вызвала в нем моя сенсационная статья о «Еврействе». Показывая ему одну из своих композиций, Иоахим с дружеским беспокойством спросил его, не произведет ли она на меня впечатление еврейской музыки. Эта трогательная черта чрезвычайно расположила меня к нему. С тех пор я его никогда больше не видел[229]. С великим изумлением я услышал впоследствии, что Иоахим перешел в лагерь врагов моих и Листа, где занял прочное положение.

Всех возвращающихся в Германию молодых товарищей ждало по дороге в Баден веселое приключение: столкновение с полицией из-за нарушения общественной тишины и порядка. Они продефилировали по главным улицам этого городка, оглушительно трубя в фанфары из «Лоэнгрина», при всеобщем недоумении мирных обывателей.

284

Наше совместное путешествие в Париж, равно как и пребывание там были богаты глубокими впечатлениями восторженной дружбы. Устроив с большим трудом наших дам в *Hôtel de Princes* [«Принц»], Лист предложил мне совершить с ним прогулку по совершенно безлюдным в столь поздний час бульварам. Думаю, что ощущения наши были так же различны, как и наши воспоминания. Когда на следующее утро я вошел в комнату моих друзей, Лист с мягкой, ему одному свойственной улыбкой сообщил мне, что княжна Мария чрезвычайно беспокоится относительно предстоящего нового чтения. Меня лично Париж интересовал очень мало. Княгиня считала нужным держаться в стороне. Лист был занят устройством личных дел. Поэтому, как это ни странно, прежде, чем показаться на улицах Парижа, мы провели все первое утро за чтением драм, которое начали в Базеле. В следующие дни мы продолжали чтение, пока не закончили все «Кольцо нибелунга».

Затем вступил в свои права Париж, и пока дамы были заняты музеями, я принужден был, терзаемый беспрерывными приступами головной боли, совершенно одинокий сидеть в своей комнате. Но Листу все-таки удалось уговорить меня принять

участие в разных совместных развлечениях. Уже в первые дни нашего пребывания в Париже он купил ложу на «Роберта-Дьявола», желая показать нашим дамам знаменитую Парижскую оперу во всем ее блеске. Мне кажется, что отвратительное настроение, какое овладело мной, когда мы слушали музыку Мейербера, не могло не отразиться на расположении духа моих друзей. Но Лист имел в виду что-то особенное. Он просил меня приехать во фраке. Ему доставило удовольствие, что я исполнил его просьбу, а в антракте он пригласил меня прогуляться с ним по фойе. Было ясно, что юношеские воспоминания о приятных часах, здесь проведенных, невольно создавали в нем какую-то иллюзию: ему почему-то хотелось видеть публику фойе, гуляющую в антрактах печального спектакля. Утомленные вернулись мы к нашему обществу, не понимая, кому нужна была эта скучная прогулка.

Очень сильное впечатление, почти равное тому, какое я некогда испытал от передачи Девятой симфонии оркестром консерватории, произвел на меня квартет Морен – Шевийяр[230], члены которого пригласили меня и моего друга прослушать квартеты Es-dur[231] и cis-moll[232] Бетховена. К моему радостному изумлению, я имел новый случай убедиться, как много можно сделать в искусстве осмысленной, прилежной работой. Благодаря ей французы извлекли на свет Божий бесконечные музыкальные богатства, мимо которых с таким тупым равнодушием проходили немецкие артисты. Должен признаться, что лишь в этот вечер я проник в сущность cis-moll'ного квартета: его мелодическая структура раскрылась предо мной теперь впервые. Если бы от тогдашнего моего пребывания в Париже я сохранил в памяти только одно воспоминание об этом вечере, то и в таком случае оно никогда не изгладилось бы из моей души.

Однако отмечу еще и другие впечатления, которые представили для меня глубокий интерес. Однажды Лист пригласил меня на семейный вечер к своим детям, уединенно жившим в Париже под надзором воспитательницы. Впервые я видел своего друга, окруженного детьми, подростками-девушками и мальчиком-сыном[233], переходившим в возраст юноши. Казалось, он сам с недоумением относился к своим отцовским обязанностям, которые в течение долгих лет доставляли ему одни лишь заботы, не вознаграждая никакими радостными ощущениями. И здесь мне опять пришлось читать

свои драмы, на этот раз последний акт – «Сумерки богов». Таким образом я довел до конца весь цикл.

Приехавший в гости Берлиоз очень мило и любезно подчинился тяжелой необходимости слушать чтение. У него мы провели следующее утро. Вместо музыки он угостил нас на прощание завтраком. Все партитуры его уже были упакованы, так как он собирался в концертное турне по Германии. Однако Лист сел за рояль и сыграл отрывки из «Бенвенуто Челлини» нашего хозяина, а сам Берлиоз пел вокальную партию со свойственной ему сухой манерой. У него же я познакомился, не зная, впрочем, кто это, со знаменитым парижским фельетонистом Жюлем Жаненом[234], который обратил на себя мое внимание своим небрежным парижским жаргоном, совершенно не похожим на тот французский язык, на каком говорил я. Из его разговора я не мог понять ни единого слова. В нашу честь был дан обед и вечер у знаменитого фортепьянного фабриканта Эрара. На другом обеде, устроенном самим Листом в Пале-Рояле, я снова видел его детей, из которых младший сын Даниэль своей живостью и сходством с отцом внушил мне глубокую симпатию. Дочери его произвели на меня впечатление чрезвычайно застенчивых девушек. Упомяну еще и о вечере у madame Калержи, выдающейся женщины, с которой я не виделся со времени первой постановки «Тангейзера» в Дрездене. Когда за столом мне был задан генералом Кавеньяком[235] вопрос о Луи-Наполеоне, я совершенно забыл об окружающей меня обстановке. В резких выражениях, с оттенком свойственной мне горечи, я сказал, что нельзя ждать великих подвигов от человека, которого не могла искренно полюбить ни одна женщина, чем вызвал замешательство в общем разговоре.

Когда Лист после обеда сыграл несколько вещей, молодая Мария Витгенштейн обратила внимание на овладевшую мной грустную сдержанность. У меня сильно болела голова, и, кроме того, я чувствовал себя внутренне чуждым обществу, среди которого мне приходилось вращаться. Меня тронуло ее внимание, ее симпатичная готовность развеселить меня. По истечении восьми дней, очень меня утомивших, мои друзья покинули Париж. Так как я окончательно был выбит из колеи, то решил не уезжать, пока не обрету душевного спокойствия, необходимого для большой работы. Я пригласил жену в Париж, чтобы потом вместе с ней возвратиться в Цюрих. Мне хотелось показать ей город, в котором нам когда-то пришлось пережить столько тяжелых страданий. По ее прибытии Китц и Андерс стали аккуратно появляться у нас к обеду. Нас разыскал один молодой поляк, сын моего старого друга, графа Винцента Тышкевича, к которому я в дни моей юности питал восторженную

привязанность и уважение. Этот молодой человек родился после моего знакомства с его отцом. Как многие современные молодые люди, он с увлечением изучал музыку. Одной своей оригинальной выходкой он возбудил всеобщее внимание парижан. Он затеял процесс с дирекцией Парижской оперы, требуя возвращения денег за билет на представление «Фрейшютца», на котором эта опера подверглась сокращениям и искажениям. Он услышал не то, чего ждал, зная партитуру вещи, и потому образ действий администрации считал простым грабежом. Он задумал основать журнал, чтобы обличать деятельность официальных музыкальных учреждений Парижа, являющуюся оскорблением вкуса публики.

Из круга знакомых Листа меня продолжал посещать молодой князь фон Сайн-Витгенштейн[236], искусный дилетант-скульптор, часто заставлявший меня позировать для медальона, который он с помощью Китца вылепил довольно удачно. Очень важна была для меня консультация с молодым врачом Линдеманом [Lindemann], другом Китца, который старался отговорить меня от гидротерапии в пользу теории ядов. Благодаря покровительству парижской аристократии ему удалось произвести в присутствии приглашенных врачей в одном из госпиталей целый ряд опытов над самим собой: он впрыскивал различные яды и точно проверял их действие на организм. Он уверял, что меня нетрудно излечить окончательно, если экспериментальным путем удастся в точности установить, какая металлическая субстанция может повлиять на мои нервные токи. При острых страданиях он рекомендовал совершенно спокойно принимать лауданум[237]. Во всех остальных случаях он считал наиболее подходящим лекарством валерьяновый корень.

286

Страшно утомленный, с чрезвычайно возбужденными нервами, я в конце октября покинул вместе с Минной Париж. С досадой и недоумением я спрашивал себя, ради чего я истратил столько денег. Однако, рассчитывая на то, что успех моих опер в Германии улучшит мое материальное положение, я возвратился в свою цюрихскую квартиру несколько успокоенный, с полной решимостью не покидать ее раньше, чем не будет закончена музыка хотя бы к некоторым частям моих драм на тему Нибелунгов. Тотчас же, в начале ноября, я взялся за работу, которую столько раз приходилось откладывать. С конца марта 1848 года протекли пять с половиной лет, в течение которых я не

написал ни одного такта, и вот, когда мне вновь удалось обрести хорошее настроение для работы, я почувствовал, что блуждания души моей кончились и что наступило возрождение. Что касается техники композиции, то с первой же страницы я убедился, что не смогу оркестровую прелюдию, задуманную в Специи, задуманную в каком-то полузабытьи, записать на двух нотных станах, как я это делал раньше. Поэтому я решил взяться за большие партитурные листы. С тех пор я стал набрасывать карандашом только беглые заметки, а затем я приступал к завершению партитуры. Такой способ работы сделался для меня впоследствии источником разных затруднений, так как довольно часто случалось, что я забывал содержание беглых набросков, и мне стоило больших трудов восстановить первоначальную музыкальную идею. Однако при написании «Золота Рейна» эта трудность не давала себя еще знать: 16 января 1854 года был готов композиционный эскиз всей вещи. В прологе, таким образом, был намечен главнейший тематический материал для всех четырех частей моего цикла.

Мои надежды на то, что работа принесет мне лучшее настроение и физическую бодрость, оправдались вполне. О внешних событиях в моей жизни за это время у меня сохранились самые смутные воспоминания. В первые месяцы нового года я дирижировал несколькими концертами. По желанию Зульцера я поставил в программу одного из них[238] увертюру к «Ифигении в Авлиде», снабдив ее новым окончанием. Дело в том, что меня не удовлетворял конец увертюры, написанный раньше Моцартом, и в статье[239], помещенной в музыкальной газете Бренделя, я постарался объяснить мой взгляд на возникающую здесь музыкальную проблему. Все это не мешало мне, однако, работать над партитурой «Золота Рейна», которую я писал очень быстро, карандашом, на отдельных листках. 28 мая была закончена его инструментовка.

В домашних делах моих за это время почти ничего не изменилось. То, что было добыто усилиями последних лет, осталось неприкосновенным. Только в денежных делах я стал опять испытывать некоторые затруднения, так как при устройстве квартиры и разных других материальных рассчетах я слишком понадеялся на рост доходов с постановки моих опер в различных городах. Но – увы! – большие театры, самые для меня выгодные, по-прежнему не проявляли никакого интереса к моим произведениям. Особенно меня огорчало то обстоятельство, что мне до сих пор не удавалось завязать прочных связей с Берлином и Веной. Все это действовало на мое настроение угнетающим образом, и весь год был преисполнен для меня тяжелых забот. Я искал забвения в усиленной работе и вместо того, чтобы заняться перепиской партитуры «Золота Рейна», принялся за композицию «Валькирии». К концу июля была закончена первая сиена. Но тут моя работа была прервана поездкой в Южную Швейцарию.

Швейцарское музыкальное общество пригласило меня взять на себя руководство Музыкальным фестивалем, который должен был состояться в этом году в Сионе. Я отклонил приглашение, но обещал, если художественно-артистическая сторона концертов будет стоять на должной высоте, приехать и продирижировать [Седьмой] A-dur–ной симфонией Бетховена. Вместе с тем я имел в виду посетить в Монтрё, у Женевского озера, Карла Риттера, незадолго перед тем поселившегося там со своей молодой женой. Здесь я провел около недели. С болью в сердце пришлось убедиться, что жизнь молодой четы не предвещает для нее прочного счастья в будущем. Оттуда я вместе с Карлом отправился в Валлийский кантон на Музыкальный фестиваль, о котором говорил выше. По дороге туда, в Мартиньи, к нам присоединился странный молодой человек, некто Роберт фон Горнштейн[240], который уже в прошлом году, во время моих больших симфонических концертов, был представлен мне в качестве юного энтузиаста и музыканта. Узнав о том, что я буду дирижировать Музыкальным фестивалем, он предпринял путешествие из Швабена в Валлийский кантон. Его присутствие было нам приятно, особенно Риттеру, который имел теперь компаньона для всякого рода авантюр.

Приехав в Сион, я убедился, к великому огорчению и вопреки всем моим ожиданиям, что организация фестиваля плоха и что средства, затраченные на устройство концерта, ничтожны. От

звучности небольшого оркестра, игравшего в маленькой церкви, которая служила вместе с тем и концертным залом, у меня сложилось отталкивающее впечатление. Возмущенный легкомыслием комитета, позволившего себе пригласить меня при таких условиях, я написал несколько слов руководителю фестиваля, музикдиректору Метфесселю[241] из Берна. Я распрощался с ним без особых церемоний и, быстро собравшись в путь, взял место в отъезжавшем почтовом дилижансе, не известив даже об этом своих молодых друзей. Их неожиданное для меня поведение, которое дало мне материал для интересных психологических наблюдений, заставило меня поступить таким образом. Когда, расстроенный антихудожественными впечатлениями, какие я вынес из церкви, я пришел к обеду в гостиницу, мое дурное расположение духа вызвало у них мальчишеский хохот, носивший оттенок нахальства. Это веселое настроение явилось продолжением разговора, который они вели до меня. Мои замечания, даже вспышка гнева не могли заставить их перейти на более приличный тон. Пораженный этой выходкой, я покинул зал, быстро упаковал вещи и так секретно приготовился к отъезду, что они узнали о нем только спустя некоторое время.

Я отправился на несколько дней в Женеву и Лозанну, затем – по пути домой – заехал в Монтрё, где осталась молодая госпожа Риттер, чтобы еще раз с нею повидаться. Здесь я застал обоих молодых людей. Сконфуженные моим внезапным отъездом, они покинули злосчастное празднество и явились сюда, чтобы узнать что-либо обо мне. Ни единым словом я не упомянул об их невоспитанности. А так как Карл сердечно просил меня погостить у него короткое время, и меня действительно интересовало художественное произведение, недавно им законченное, я остался в Монтрё на несколько дней. Риттер написал комедию «Алкивиад». Форма и замысел ее отличались необычайными тонкостью и живостью. Уже в Альбисбрунне Карл говорил мне о плане этой работы и показал изящный кинжал, на котором было выгравировано «Алки». Такой же кинжал, но с подписью «Виад», находился у молодого друга, актера, оставшегося в Штутгарте. Но Карл без символической помощи таких кинжалов нашел в молодом Горнштейне человека, который как бы дополнял его «алкивиадовскую» натуру. Весьма вероятно, что они хотели разыграть тогда в Сионе «алкивиадовскую» сцену «Перед Сократом»[242]. К счастью, комедия показала мне, что как драматург Карл выше самого себя, и я очень сожалею, что трудности постановки помешали появиться этой вещи на театральных подмостках. Горнштейн тоже вел себя с

подкупающей скромностью. Я пешком проводил его из Веве [Vevey] в Лозанну, куда он направлялся. В своем дорожном костюме с ранцем через плечо он имел довольно смешной и трогательный вид.

288

Минуя Берн и Люцерн, я проехал ближайшей дорогой в Зелисберг [Seelisberg] на Фирвальдштетском озере. Там находилась моя жена, лечившаяся альпийским молоком. Ее сердечные приступы, которые уже раньше давали себя знать, как я это в свое время заметил, стали учащаться, и ей было рекомендовано пребывание в Зелисберге для подкрепления сил. Терпеливо я сносил в продолжение нескольких недель все неудобства жизни в швейцарском пансионе. К сожалению, жена часто раздражалась моим присутствием в пансионе, с порядком которого она вполне свыклась, так что я только вносил элемент беспокойства в ее уютный образ жизни. Но мне были полезны свежий воздух и ежедневные продолжительные прогулки по горным тропинкам. Мысленно я даже облюбовал уединенное местечко в горах, где мне хотелось бы построить для себя небольшой деревянный домик, чтобы иметь возможность спокойно работать.

В конце июля мы вернулись в Цюрих, где я снова занялся композицией «Валькирии». Наброски к первому акту были сделаны мною в августе. Так как в это время меня сильно угнетали материальные заботы, а с другой стороны, я очень нуждался в абсолютном покое, то я охотно согласился с желанием моей жены посетить своих родных в Дрездене и Цвиккау. Она уехала в начале сентября, и вскоре я получил письмо, в котором она сообщала о своем посещении Веймара, где была чрезвычайно любезно принята в Альтенбурге княгиней Витгенштейн. Там же она виделась с женой Рёкеля, которую с удивительным самоотвержением поддерживал его брат. Со свойственной ей энергией – это был прекрасный шаг с ее стороны – Минна решилась поехать оттуда в тюрьму Вальдхайм на свидание с Рёкелем, к которому вообще относилась в высшей степени отрицательно, чтобы лично ему передать известия о жене. Об этом она сообщила мне со странной иронией: Рёкеля она застала довольным и веселым, и, по-видимому, ему уже не так плохо живется.

Тем временем я всецело ушел в мою работу. 26 ноября я окончил переписку «Золота Рейна». В мирной тишине моего дома

я познакомился с книгой, изучение которой имело для меня громадное значение. Я говорю о сочинении Артура Шопенгауэра[243] «Мир как воля и представление».

289

На эту книгу мое внимание обратил Гервег. При этом он рассказал мне следующие интересные подробности относительно нее. Сочинение это появилось в печати более тридцати лет назад и только недавно было странным образом вновь открыто. О книге он узнал из статьи Фрауенштэдта[244], в которой излагалась ее история. Я тотчас же почувствовал к ней глубокий интерес и принялся читать ее. Не раз я ощущал в себе потребность разобраться в важнейших вопросах философии. Уже в прежние годы, во время пребывания в Париже, меня толкнули на изучение философии разговоры с Лерсом, и я стал искать утоления жажды знаний в изучении работ Фейербаха, так как мне казалось, что они дадут мне то, чего я не мог найти в книгах Шеллинга и Гегеля, в лекциях лейпцигских профессоров, которые я слушал в дни моей юности. С первых страниц меня притягивала не столько своеобразная судьба книги, сколько ясность и мужская точность в изложении и анализе сложнейших метафизических проблем. Правда, меня заранее подкупила в пользу этого мыслителя статья одного английского критика, в которой тот чистосердечно признавался, что его смутное и недостаточно осмысленное преклонение перед немецкой философией обусловлено полной ее недоступностью, особенно у Гегеля. При изучении книги Шопенгауэра автор убедился, что причина заключалась не в его неспособности к философскому мышлению, а в преднамеренной запутанности изложения у германских философов вообще.

Как всякий человек, много размышлявший о сущности жизни, я прежде всего искал конечных выводов шопенгауэровской системы. Меня совершенно удовлетворяла его эстетика, в которой я особенно поражался его глубокомысленным взглядам на музыку, но, как это поймет всякий, кому пришлось пережить то, что я тогда переживал, мне стало жутко, когда я выяснил себе, что нравственная философия Шопенгауэра сводится к умерщвлению воли жизни, в отрицании которой он видел единственный путь к истинному и полному преодолению ограниченности нашего индивидуального ощущения и восприятия мира. Тема эта выступила с полной ясностью для меня впервые. Тем, кто искал в философии теоретического обоснования для политической и социальной агитации на пользу

«свободного индивидуума», она решительно ничего не давала, ибо Шопенгауэр искал особенных путей, ведущих к уничтожению самого инстинкта личности. Вот с чем я вначале не мог примириться: считая, что радостное эллинское миросозерцание, мечту о котором я вложил в свое произведение «Произведение искусства будущего», коренится во мне глубоко, я не решался сразу от него отделаться. Но Гервег одним верным замечанием рассеял мои сомнения на этот счет. Сознание призрачности мира явлений, так сказал он мне, составляет основную тему каждой трагедии и интуитивно присуще всякому великому поэту, великому человеку вообще. Я еще раз прочел поэму о Нибелунгах и, к своему изумлению, понял, что с этим мировоззрением, вызвавшим во мне такое смущение при чтении книги Шопенгауэра, я давно уже сжился в своем собственном творчестве. Только теперь я понял своего Вотана.

Потрясенный до глубины души, я снова принялся за основательное изучение книги Шопенгауэра. Прежде всего я решил уяснить себе содержание ее первой части, глубокую разработку учения об идеальности мира явлений, казавшегося до сих пор реально обоснованным в пространстве и времени, и мой первый шаг в этом направлении заключался в уяснении необычайной трудности проблемы. Отныне я в течение многих лет не выпускал этой книги из рук, и уже летом следующего года я проштудировал ее в четвертый раз. Ее влияние на меня, все более и более усиливавшееся, было настолько велико, что в дальнейшем оно оказало самое решительное воздействие на все мое мировоззрение. Благодаря ей я стал сознательно относиться к тому, к чему прежде относился только сквозь призму чувства. Со мною случилось здесь то же самое, что случилось по отношению к музыке, когда благодаря импульсу, полученному от старого учителя Вайнлиха, я серьезно занялся контрапунктом. Все мои статьи, написанные впоследствии по тому или иному поводу, касавшиеся наиболее близких мне вопросов искусства, всегда носили печать влияния философии Шопенгауэра.

Теперь я возымел желание послать глубоко чтимому мыслителю экземпляр «Кольца нибелунга». На заглавном листе я сделал надпись «в знак преклонения» и не приложил никакого письма, отчасти из робости, которую я чувствовал при мысли, что предстану перед таким великим человеком, отчасти из смутного чувства, что если Шопенгауэр, прочитав мое произведение, сам не поймет, с кем имеет дело, то подробнейшее письмо не поможет ничем. Тем самым я отказывался от тщеславного желания получить в ответ ценное письмо от Шопенгауэра. Но впоследствии я узнал от Карла Риттера, а также и доктора Вилле,

которые посетили Шопенгауэра во Франкфурте, что он очень благоприятно отзывался о моем произведении, признавая его значительность.

290

Несмотря на изучение Шопенгауэра, я продолжал работать над партитурой «Валькирии». Я жил очень уединенно, употребляя свободные часы на продолжительные прогулки по окрестностям города. Как это обыкновенно бывало со мною после продолжительных занятий музыкой, мной опять овладела жажда литературного творчества. Несомненно, что серьезное настроение, вызванное чтением Шопенгауэра и властно требовавшее экстатического выражения на бумаге, подсказало мне идею «Тристана и Изольды». Это была тема, с которой я хорошо ознакомился, изучая в Дрездене средневековую поэзию. Мысль о драматической обработке сюжета явилась у меня благодаря Карлу Риттеру, показавшему мне свои наброски на эту тему. Я указал молодому другу все недочеты его концепции. Риттер подчеркивал главным образом эффектные положения романа, меня же привлекала его глубоко трагическая основа, и мысленно я отбрасывал все случайные детали. Возвратившись однажды с прогулки, я набросал в сжатой форме содержание трех актов, намереваясь разработать его впоследствии в форме драмы. В последний акт я включил эпизод, который, однако, не был мной использован: в поисках Грааля Тристана посещает Парцифаль[245]. Страдающий от раны, готовый умереть Тристан отождествляется в моем наброске с Амфортасом из романического повествования о Граале. На данном этапе я решил более не развертывать этой концепции, чтобы не нарушить хода моей большой музыкальной работы.

Тем временем с помощью друзей мне удалось несколько изменить к лучшему свои пошатнувшиеся материальные дела. Мои отношения с немецкими театрами стали опять приносить мне большие доходы. Минна побывала в Берлине и благодаря содействию нашей старой приятельницы, госпожи Фромман, добилась приема у фон Хюльзена, интенданта королевской оперы. После совершенно ненужных проволочек, продолжавшихся два года, я решил «Тангейзера» предоставить берлинскому театру без всяких оговорок, так как успех его был раз навсегда упрочен благодаря многочисленным постановкам во всех остальных театрах Германии. Неудача в Берлине могла бы повредить не моему произведению, а только самой берлинской дирекции. В

начале ноября Минна возвратилась из Берлина, и, выслушав все ее сообщения, я отдал берлинскую инсценировку «Тангейзера» на волю судеб, что доставило мне немало досадных минут, но зато открыло предо мной источник довольно значительных тантьем.

291

Вскоре цюрихское Музыкальное общество опять обратилось ко мне с просьбой принять участие в концертах этой зимы, и я дал свое согласие, прибавив, что жду серьезных шагов для проведения в жизнь тех планов, которые были предложены мной для улучшения состава оркестра. Дело в том, что я представил дирекции Общества два различных проекта для обоснования создания в Цюрихе хорошего оркестра. Теперь я разработал еще третью записку, в которой приводил точные данные относительно того, как на сравнительно небольшие средства можно содержать при театре хороший оркестр. Я заявил, что в последний раз выступаю на этих концертах, если Общество не согласится осуществить мои проекты, требующие, впрочем, не очень много денег.

Кроме того, я заинтересовался квартетным ансамблем, составленным из солистов оркестра. Они просили меня пройти с ними несколько рекомендованных мной квартетов. Прежде всего меня радовала возможность доставить этим людям при успехе, какой они имели у публики, хороший побочный заработок. Что касается художественно-артистической стороны дела, то ансамбль налаживался с трудом. Было ясно, что для индивидуальной передачи отдельных партий мои указания относительно динамических оттенков не могут заменить того, что дает тонко развитый художественный вкус, диктующий технические детали игры. Однако я увлекся до того, что решился разучить с ними даже cis-moll–ный квартет Бетховена, на что мне пришлось затратить бесконечное количество репетиций и труда. К программе концерта я написал небольшое введение, разъясняющее содержание замечательного произведения Бетховена. Произвели ли мои слова и самое исполнение квартета какое-либо впечатление на слушателей, не знаю.

Если прибавлю, что 30 декабря того же года я закончил композиционный эскиз «Валькирии», то моя серьезная творческая деятельность за этот год будет обрисована с достаточной ясностью. Внешняя сторона жизни нисколько не отвлекала меня от серьезного труда.

В январе 1855 года я принялся за инструментовку

«Валькирии». Однако мне пришлось на некоторое время прервать работу, чтобы заняться увертюрой к «Фаусту», написанной пятнадцать лет назад в Париже, так как мои цюрихские друзья, которым я рассказал о ней, возымели желание ее услышать. Это заставило меня внимательно пересмотреть свою композицию, которая когда-то ознаменовала собой глубокий поворот в моем музыкальном творчестве. Лист, недавно исполнивший ее в Веймаре, написал мне по ее поводу много приятного и выразил желание, чтобы я определеннее развил некоторые отдельные мысли, только намеченные в партитуре. Поэтому я принялся за новую обработку моего произведения и последовал в ней совету, продиктованному тонким музыкальным чутьем моего друга, как это показывает издание, вышедшее у Гертеля. Я разучил увертюру с нашим оркестром, и, как мне казалось, она имела успех у публики. Только жена моя не верила, чтобы из этой вещи мог выйти какой-нибудь толк, и она просила меня не исполнять ее на моих концертах в Лондоне.

В это время я получил из-за границы неожиданное приглашение, больше никогда в такой форме не повторявшееся. Еще в январе лондонское Филармоническое общество запросило у меня, не соглашусь ли я дирижировать концертами, которые оно устраивает в текущем году. Пока я откладывал окончательный ответ, чтобы несколько подробнее ознакомиться с организацией Общества, ко мне в один прекрасный день явился член комитета Андерсон [Anderson], специально приехавший из Лондона в Цюрих, чтобы добиться моего согласия. Мне предлагали в течение четырех месяцев дирижировать восемью концертами Филармонического общества, за что я должен был получить 200 фунтов стерлингов. Я не знал, на что решиться, так как с деловой точки зрения предложение Общества не было особенно для меня выгодным, а с другой стороны, дирижирование концертами, за исключением нескольких прекрасных вещей, поставленных в программу, мало меня привлекало. Но мысль о том, что после долгого перерыва я опять буду дирижировать большим, хорошим оркестром, и затем странный, почти загадочный факт, что на меня обратили внимание те музыкальные круги, которые, казалось, были бесконечно далеки от меня, настроили меня в пользу поездки. Я услышал в этом обстоятельстве таинственный призыв судьбы и в конце концов дал глуповато любезному английскому господину Андерсону свое согласие, после чего он, явно обрадованный, укутавшись в большую шубу, с собственником которой я познакомился впоследствии[246], уехал обратно в Лондон.

Но прежде чем последовать за ним, я принужден был ликвидировать одно неприятное дело, которое я сам себе навязал по излишней доброте своей. Крайне назойливый директор, снявший в этом году цюрихский театр, добился от меня разрешения поставить «Тангейзера». Он сумел убедить меня, что было бы несправедливо отказать в разрешении, какое я даю всем театрам, только потому, что я сам живу в Цюрихе. К тому же в дело вмешалась моя жена. К ее заступничеству немедленно прибегли певцы, исполнявшие партии Тангейзера и Вольфрама. И действительно, она сумела вызвать во мне живое сочувствие к одному из артистов, пользовавшихся ее покровительством, бедному, загнанному тенору, до сих пор подвергавшемуся всевозможным притеснениям со стороны директора. Я несколько раз прошел с этими господами их роли, вследствие чего я должен был присутствовать на всех репетициях. Это повело к дальнейшим вмешательствам с моей стороны в театральные дела, вмешательствам, которые зашли так далеко, что вскоре я очутился у капельмейстерского пульта. Кончилось тем, что я сам дирижировал первым представлением оперы. От этого спектакля у меня особенно осталась в памяти исполнительница Елизаветы (служившая в театре на амплуа субреток), которая вела свою роль в лайковых перчатках с веером в руке. На сей раз с меня довольно было этого «удовольствия», и когда публика в заключение громко стала меня вызывать, я вышел и без обиняков объявил моим друзьям, что меня в первый и последний раз заманили в такое предприятие, что отныне я предоставляю им самим работать для своего театра, о прекрасных качествах которого они сегодня могли составить себе точное представление. Все были крайне поражены моими словами. Подобную же речь я сказал и Музыкальному обществу, в котором незадолго перед отъездом я в последний раз дирижировал оркестром. К сожалению, на мои заявления смотрели как на причуды, и никто не старался поставить дело на должную высоту. Ближайшей зимой мне пришлось иметь серьезное, почти грубое объяснение, чтобы раз навсегда оградить себя от всякого посягательства на мою персону. Я оставил прежних цюрихских друзей – любителей искусства – в сильном недоумении, а сам 26 февраля отправился в Лондон.

Путь мой лежал через Париж. Я пробыл там несколько дней, в

течение которых видел только Китца и его друга Линдемана. Последнего Китц считал лекарем-«чудодеем». Прибыв 2 марта в Лондон, я обратился к Фердинанду Прэгеру[247], другу юности Рёкеля, и от него получил необходимые для меня сведения. В лице Прэгера, который уже много лет назад водворился здесь на жительство в качестве преподавателя музыки, я встретил чрезвычайно добросердечного человека, несколько, впрочем, раздражительного для своей профессии. Переночевав у него, я на следующий день стал отыскивать себе при его содействии квартиру в Портленд-Террас [Portland-Terrace] в окрестностях Риджентс-парка[248], о котором у меня сохранилось приятное воспоминание еще со времени первого посещения Лондона. Я радовался возможности хорошо провести предстоящую весну вблизи парка, великолепные красные буки которого простирали свои широкие ветви далеко за его ограду. В Лондоне я пробыл четыре месяца, и мне казалось, что желанная весна никогда не наступит – так убийственно действовал на меня скверный климат и постоянные туманы. Все мои впечатления принимали здесь мрачный отпечаток.

Прэгер изъявил полную готовность сопровождать меня в моих «скитаниях по визитам». Мы посетили, между прочим, и Косту[249], дирижера Итальянской оперы, занимавшего в то время лидирующее место среди лондонских музыкантов, ибо он был одновременно и руководителем Общества духовной музыки, где почти еженедельно исполнялись Гендель и Мендельсон.

Прэгер повел меня к своему другу Сэнтону[250], первому скрипачу лондонского оркестра. С его стороны я встретил необыкновенно сердечный прием и от него же узнал странную историю, связанную с приглашением меня в Лондон. У Сэнтона, уроженца Южной Франции, человека с наивным, пылким темпераментом, был друг, с которым он жил вместе, – чистокровный немец из Гамбурга, по имени Людерс [Lüders], сын одного тамошнего музыканта, несколько скучноватый на вид, но чрезвычайно симпатичный по характеру. Я был очень растроган, когда впоследствии узнал о случае, связавшем их навсегда неразрывной дружбой. Сэнтон, отправившийся в артистическое турне через Петербург в Гельсингфорс, остался случайно в чужом городе без гроша в кармане. Словно преследуемый злым гением, он не знал, как ему выбраться из этого положения. Вдруг на лестнице гостиницы преграждает ему путь необыкновенно простой и скромный сын гамбургского музыканта, который, узнав о его бедственном положении, предложил ему в виде простой услуги половину имеющихся у него наличных денег. С этого мгновения они стали неразлучными друзьями. Они вместе

совершали артистические турне по Швеции и Дании. При необыкновенных обстоятельствах они вернулись через Гамбург в Гавр, Париж и Тулузу. Затем они отправились в Лондон. Здесь Сэнтон занял почетное место в оркестре, а Людерс кое-как перебивался скучными уроками музыки. Когда я с ними познакомился, они жили очень дружно в прелестной квартире, нежно заботясь друг о друге, как любящие супруги. Этот Людерс прочел как-то мои книги об искусстве. Моя «Опера и драма» вызвала у него восклицание: «*Donnerwetter!* [251] В этом что-то есть!» Это поразило Сэнтона, и когда в начале нового сезона прежний капельмейстер филармонических концертов, всесильный Коста, по неизвестным причинам поссорился с Обществом и заявил, что отказывается дирижировать оркестром, то Сэнтон, к которому обратился в этих затруднительных обстоятельствах за советом «*Treasurer*»[252] Общества Андерсон, по внушению Людерса рекомендовал пригласить меня. Как я после узнал, рекомендация эта не сразу вызвала сочувствие Общества. Только когда Сэнтон заявил, что сам видел меня дирижирующим в Дрездене, Андерсон решил съездить за мной в Цюрих, захватив при этом его шубу. Вот каким образом я очутился в Лондоне.

При своем пылком темпераменте Сэнтон слишком погорячился и поступил опрометчиво, так как Коста не считал серьезной свою размолвку с Филармоническим обществом, и приглашение меня в качестве дирижера очень неприятно поразило его. Будучи враждебно против меня настроен, он постоянно становился на пути моих начинаний как человек, стоявший во главе оркестра, в котором мы так нуждались для филармонических концертов. Его неприязнь отозвалась и на моем друге Сэнтоне, хотя этот последний и не отдавал себе ясного отчета в причинах такого к нему отношения.

Враждебность Косты ко мне становилась все сильнее и заметнее, и я мог ожидать от него тысячи всевозможных неприятностей. Прежде всего музыкальный критик газеты «Таймс» Дэвисон[253] отнесся ко мне отрицательно. На этом человеке я впервые с полной определенностью и ясностью мог убедиться в том, какое влияние оказала статья моя «Еврейство в музыке». К тому же Прэгер сообщил мне, что Дэвисон в качестве всесильного критика газеты привык ждать от каждого артиста, приезжающего в Англию по музыкальным делам, всевозможных знаков внимания. Этим требованиям должна была подчиниться и

Женни Линд, что и отразилось весьма благоприятно на ее внешнем успехе. Только Зонтаг, графиня Росси, сочла себя вправе ими пренебречь.

Так как единственное, к чему я стремился, это быть в ладу с оркестром и, поставив его на должную высоту, достигнуть возможного совершенства исполнения, то меня неприятно поразило сообщение, что мне не дадут того количества репетиций, какое я считал необходимым проделать. Для каждого концерта, с двумя симфониями и другими пьесами, по экономному расчету Общества полагалось только по одной репетиции. Но я все еще надеялся, что впечатление от игры оркестра побудит заправил Общества к уступкам в мою пользу. Оказалось, однако, что сдвинуть этих людей с места невозможно. Вскоре принятые мной на себя обязательства стали для меня непосильным бременем. В первом концерте была исполнена «Героическая симфония» Бетховена, и успех мой был так велик, что комитет Общества, видимо, склонен был идти навстречу всем моим требованиям при устройстве нового музыкального вечера. Настаивали, чтобы я включил в программу отрывки из моих произведений и Девятую симфонию Бетховена, согласившись в виде исключения предоставить мне две репетиции. В этом концерте все прошло довольно сносно.

Моему прологу к «Лоэнгрину» я предпослал в программе пояснение, из которого, подозрительно на меня покосившись, устроители концерта вычеркнули слова «Святой Грааль» и «Бог» под предлогом, что их нельзя употреблять в произведениях светского характера. Для хора [Девятой симфонии] я должен был ограничиться труппой Итальянской оперы, а для длинного речитатива – баритоном, который на репетиции приводил меня в отчаяние своей английской флегматичностью, отшлифованной итальянской вокальной школой. Из английского перевода текста я понял только *hail thee joy*[254] вместо *Freude schöner Götterfunken*.

Для успеха этого концерта, который сам по себе не оставлял желать ничего лучшего, Филармоническое общество сделало, кажется, все, что только было в его силах. Тем более мы были поражены, когда рецензент «Таймс» и к нему отнесся презрительно, стараясь умалить достоинство исполнения. Обратились к Прэгеру, чтобы с его помощью подвинуть меня хоть на какие-нибудь знаки внимания по отношению к могущественному критику. Добивались моего согласия встретиться с этим субъектом и любезно с ним поговорить на торжественном званом обеде у Андерсона. Прэгер достаточно знал меня, чтобы отнять у этих господ всякую надежду на какие-либо уступки с моей стороны. Званый обед не состоялся. С тех

пор Общество, видя, что ничего не поделаешь с таким упрямым человеком, как я, стало искренне раскаиваться, что пригласило меня в Лондон.

295

После второго концерта должен был наступить продолжительный перерыв по случаю празднования Пасхи. Я решил посоветоваться с моими друзьями, не разумнее ли будет совсем отказаться от дирижирования филармоническими концертами, которые признаны критикой глупыми и бесполезными, и спокойно возвратиться в Цюрих. Прэгер уверял меня, что такой шаг никоим образом не явится почетным выходом из моего положения, что на него посмотрят как на жалкое малодушие с моей стороны, что больше всего пострадают мои друзья. Это последнее обстоятельство имело решающее значение: я остался и продолжал, конечно без всякой надежды на успех, двигать вперед музыкальную жизнь лондонского общества.

Только на седьмом концерте произошло одно событие, которое несколько ободрило меня. Королева, раз в году посещавшая концерты Общества, захотела присутствовать именно на этом вечере и выразила через своего супруга, принца Альберта, желание послушать увертюру к «Тангейзеру». В самом деле, вследствие прибытия королевской четы концерт носил особенно праздничный характер. Я имел удовольствие по личному желанию королевы Виктории представиться ей и вести с ней и ее супругом оживленную беседу. Зашла речь о постановке моих опер в лондонском театре. Принц Альберт заметил, что итальянские певцы не могли бы справиться с моей музыкой. Мне доставило большое удовольствие, когда королева в ответ на эти слова указала на то, что многие из итальянских певцов собственно немцы. От этой беседы у меня осталось крайне приятное впечатление. Она явилась как бы демонстрацией в мою пользу, хотя и не могла изменить установившегося положения вещей. После нее, как и раньше, пресса продолжала утверждать, что все концерты, шедшие под моим управлением, терпели фиаско. И Фердинанд Хиллер получил полное право на одном из устраивавшихся в то время Рейнских музыкальных фестивалей во всеуслышание заявить, к сердечной радости своих друзей, что дело мое в Лондоне провалилось, что я могу считаться словно бы выгнанным оттуда.

Однако в конце последнего из поставленных под моим управлением восьми концертов я получил некоторое

удовлетворение. На вечере произошла одна из тех редких сцен, которые остаются в памяти навсегда. Тщательно скрываемые до сих пор чувства музыкантов проявились чрезвычайно ярко. После первых же моих успехов эти люди ясно поняли следующее: чтобы быть на хорошем счету у всесильного, безответственно всем распоряжавшегося маэстро Косты и не подвергнуться увольнению, они ни в каком случае не должны высказывать открыто своих симпатий ко мне. Вот почему изъявления сочувствия, которые вначале выражались довольно ясно, потом совсем прекратились. Теперь долго сдерживаемые настроения вырвались наружу. Музыканты шумно окружили меня со всех сторон. В то же время публика, обыкновенно покидающая зал до окончания концерта, восторженно настроенная, стала собираться группами у эстрады. Мне пожимали руки, я слышал самые сердечные приветствия. Мои прощальные слова были заглушены добрыми пожеланиями музыкантов и слушателей.

296

Пребывание в Лондоне имело для меня еще то важное значение, что благодаря ему я приобрел новые знакомства и связи. Сейчас же по моем прибытии меня посетил аттестованный Листом как его выдающийся ученик молодой Карл Клиндворт[255], который остался верным и преданным мне другом на всю жизнь. Как ни был он молод, для него достаточно было короткого пребывания в Лондоне, чтобы оценить постановку музыкального дела в Англии вообще. Мнение это при всей его безнадежности я должен был признать вполне справедливым. Неспособный подделываться под тон всевозможных разночинцев английской музыкальной критики, слишком гордый, чтобы оказывать малейшие знаки внимания по отношению к влиятельным рецензентам, которые накинулись на него как на ученика Листа, он вскоре потерял всякую надежду занять подобающее ему место среди исполнителей. Он примирился с этим и стал пробиваться через пустыню английской музыкальной жизни исключительно уроками. Это был отличный музыкант и превосходный пианист. Ко мне он обратился по поводу партитуры «Золота Рейна». Он просил разрешения переложить ее для фортпьяно, имея в виду исполнение ее виртуозами-пианистами в концертах. К несчастью, он вскоре опасно заболел, и я надолго лишился его общества.

В то время как Прэгер и его жена при всем их ко мне расположении оставались вне узкого круга моих знакомств, дом

Сэнтона и Людерса с его оригинальным укладом стал для меня вскоре совсем родным. Я был там своим человеком, ежедневно обедал у них, уступая их дружеской настойчивости. Здесь, в уютной обстановке, я обыкновенно отдыхал от лондонских неприятностей. Сюда заходил иногда и Прэгер. Часто бродили мы вечерами по серым, одетым густым туманом улицам города. Людерс пользовался случаем и угощал нас по дороге великолепным пуншем собственного изготовления, спасая наше здоровье и настроение от влияния лондонского климата. Однажды во время обычной прогулки мы едва не были сбиты с ног огромной нахлынувшей на нас толпой народа, которая на время нас разъединила. Оказалось, что толпа бежала за императором Наполеоном, следовавшим от Сент-Джеймса к Ковент-Гардену. Это было в разгаре Крымской войны[256]. Видя критическое положение союзников, Наполеон отправился в Лондон со своей супругой, чтобы посетить королеву Викторию. Лондонское население жадно глазело на него, проявляя такое же праздное любопытство, какое проявляет в подобных случаях толпа во всех странах мира. Я старался пробраться от Хеймаркета [Haymarket] к Риджент-стрит [Regentstreet]. При переходе через улицу я был снова настигнут толпой. На меня налетел один из ярых любителей зрелищ и сильно ударил в бок, что, при очевидной невменяемости субъекта, ничуть меня не рассердило, а напротив, привело в самое веселое расположение духа.

297

Плохие отношения, установившиеся из-за Косты между Сэнтоном и Андерсоном, вызвали серьезные осложнения, благодаря которым я вскоре совершенно утратил влияние на дела Общества. Они же явились причиной многих забавных происшествий. Этот самый Андерсон по протекции лейб-кучера королевы получил место директора королевского придворного оркестра [Queensband] и, несмотря на то что был полным профаном в музыке, должен был дирижировать ежегодно устраивавшимся придворным концертом. Это был не концерт, а позор. Не умевший сдерживаться Сэнтон умирал со смеху. Об этом вечере рассказывали потом прямо анекдоты. Распространился, между прочим, слух, что миссис Андерсон, которую за ее колоссальный рост и богатырское сложение я прозвал *Charlemagne*[257], присвоила себе место и оклад придворного трубача. Слушая эти и подобные им рассказы, я пришел к заключению, что мой жизнерадостный друг не устоит в

открытой борьбе с кознями клики, с таким искусством умеющей втираться повсюду. Действительно, вскоре я был свидетелем финального поединка между Андерсоном и Сэнтоном, результатом которого явилось полное поражение последнего. Это подтвердило уже раньше сложившееся у меня убеждение, что в свободной Англии порядки ничуть не лучше, чем во всякой другой стране.

Наше маленькое общество несколько увеличилось с прибытием Берлиоза, который приглашен был в Лондон вновь основанным Новым филармоническим обществом [New Philharmonic society] дирижировать двумя концертами. Постоянным капельмейстером этого Общества был назначен, неизвестно за какие заслуги, не обыкновенно добросердечный, но до смешного неспособный человек, доктор Уайльд [Wylde], толстощекий англичанин, получивший капельмейстерское образование у штутгартского дирижера Линдпайнтнера[258] и постигший эту премудрость ровно настолько, чтобы невпопад отбивать такт и кое-как плестись за оркестром, игравшим, как ему заблагорассудится. Я слышал в его исполнении одну из бетховенских симфоний и был страшно удивлен, когда по окончании публика разразилась такими же оглушительными аплодисментами, какими она награждала меня, исполнявшего эту симфонию с величайшим тщанием и с неподдельным огнем. Чтобы хоть сколько-нибудь поднять эти концерты в художественно-артистическом отношении, как я уже сказал, пригласили дирижировать несколькими из них Берлиоза. Мне удалось слышать в его исполнении некоторые классические произведения, между прочим, одну моцартовскую симфонию. Я был поражен: он, который с таким подъемом дирижировал собственными произведениями, здесь оказался далеко не на высоте своей задачи и ничем не отличался от самых заурядных капельмейстеров, отбивающих палочкой такт. Собственные же его творения, как, например, эффектные отрывки из симфонии «Ромео и Юлия», произвели на меня по-прежнему сильное впечатление. Но теперь мне стали виднее недостатки, которыми грешат даже величайшие произведения этого необыкновенного музыканта, недостатки, которых я не замечал прежде, в дни своего первого пребывания в Париже, когда к общему впечатлению грандиозности этого таланта во мне все же примешивался некий дискомфорт.

Я был очень взволнован встречей с Берлиозом на званых обедах у Сэнтона. Я увидел измученного, как бы чем-то подавленного, в то же время редко одаренного человека. Мое путешествие в Лондон было вызвано погоней за развлечением, жаждой внешнего возбуждения, и я невольно испытывал некоторое нравственное удовлетворение, видя Берлиоза, во много раз более заслуженного, чем я, прикатившего сюда исключительно ради ничтожного заработка, ради каких-то нескольких гиней. Он казался утомленным, на лице его лежал отпечаток безнадежности, и я чувствовал глубокое сострадание к этому человеку, на мой взгляд, далеко превосходившему по таланту всех своих соперников. Берлиоз был очень доволен той веселой непринужденностью, с какой я держался при встречах с ним. Этот замкнутый в себе, мало разговорчивый человек заметно оттаивал и оживлялся в хорошие часы наших бесед. Он рассказывал мне много забавного про Мейербера, о том, что трудно было противостоять его вкрадчивому, заискивающему обращению, той лести, с какой он подъезжал к критикам в чаянье хвалебных рецензий. Первому представлению своего «Пророка» он предпослал обычный *Diner de la veille*[259]. Берлиоз под каким-то предлогом отказался от этого приглашения. Тогда Мейербер обратился к нему с нежными упреками, прося загладить глубокую обиду, какую он ему нанес своим отказом, «хорошенькой статьей» о его опере. Берлиоз ответил, что в парижской газете отзываться неодобрительно о Мейербере неловко.

Труднее было мне сговориться с Берлиозом по вопросам чисто художественным. Тут он являлся самоуверенным французом с устоявшимися собственными взглядами. Стоя на определенной точке зрения, он и не задавался вопросом, правильно ли понял идеи своего партнера. Так как я чувствовал себя достаточно уютно с моим собеседником, то, внезапно почувствовав легкость в общении на французском языке, к собственному огромному изумлению, пробовал высказать ему свои мысли о тайне «художественной концепции». При этом я старался объяснить свой взгляд на влияние внешних впечатлений на душу. Впечатления эти держат нас в плену, пока мы не освободимся от них движением внутренних сил, которые не порождаются никакими воздействиями извне. Внешние впечатления только пробуждают их из того глубокого дремотного состояния, в котором они находились. Не впечатления, а освобождение от них создает художественный образ. Берлиоз, выслушав меня, улыбнулся, как бы снисходительно соглашаясь со мной, и сказал: *Nous appelons cela: digérer*[260]. Я удивился той легкости, с какой он в одном слове выразил мысль, изложенную

мной с таким трудом. Впрочем, меня немало удивило и внешнее поведение моего нового друга. Я пригласил его на свой последний концерт, а потом и на маленький прощальный обед, который я дал своим немногочисленным друзьям у себя на квартире. Берлиоз просидел у меня очень недолго и скоро удалился под предлогом нездоровья. Друзья мои не скрыли от меня, что он расстроен теми овациями, которые мне устроила публика при прощании.

299

Остальные мои знакомства в Лондоне не представляли особенного интереса. Меня порадовал только некий Эллертон[261], красивый, симпатичный господин, зять лорда Брума[262], поэт, большой любитель музыки и, к сожалению, композитор. Он представился мне на одном из филармонических концертов и не постеснялся, приветствуя приезд мой в Лондон, выразить надежду, что я положу предел преувеличенному обожанию Мендельсона. Это был единственный англичанин, который оказал нам особенный почет, угостив меня и моих ближайших друзей в Университетском клубе [University Club] обедом, давшим полное представление о великолепии такого рода учреждений в Лондоне. После приятной беседы я узнал, однако, и слабые стороны английских пирушек. Моего хозяина, как будто это так и полагалось, увели домой под руки. Он еле держался на ногах и не мог идти один.

Оригинального человека встретил я в лице старомодного, но в высшей степени милого композитора Поттера[263]. Мне пришлось дирижировать его симфонией[264], которая при крайне скромных размерах отличалась изящной контрапунктической работой и очень заинтересовала меня. Сам композитор, старенький, приветливый чудак, он относился ко мне с боязливой почтительностью. Я настоял на том, чтобы Andante его симфонии, действительно красивое и интересно написанное, было исполнено в надлежащем темпе. Он относился к своему произведению с полным недоверием. Боясь навеять на публику скуку, он хотел, чтобы ее «отмахали» как-нибудь поскорее. Зато какой благодарной радостью сияло его лицо, когда я этим Andante, исполненным в моем темпе, доставил ему огромный успех и вызвал рукоплескания по его адресу.

Менее симпатичен был мне некий Макфаррен[265], надутый, меланхоличный шотландец, произведения которого, как уверял меня комитет Филармонического общества, очень ценились.

Последний был, по-видимому, слишком горд, чтобы совещаться со мной по поводу предполагаемого исполнения одной из его симфоний. Мне было приятно, что симфония эта, которая совершенно мне не нравилась, была отставлена, а вместо нее была выбрана увертюра *Steeple-Chase*[266], чрезвычайно оригинальная вещь дико-страстного характера. Я провел ее с громадным наслаждением.

Знакомство с купцом Бенеке [Beneke] и его семейством – Везендонк дал мне рекомендацию, желая найти для меня «дом», куда можно пойти во всякое время, – связано было с большими неудобствами. Приходилось совершать далекое путешествие в Камбервель [Camberwell], чтобы изредка являться на приглашения и разделить общество людей, у которых останавливался Мендельсон во время своих приездов в Лондон. При мне они сейчас же заводили о нем речь, восторгались моим исполнением его вещей и сообщали мне черты «богато одаренной натуры» покойного. Говард [Howard], секретарь Филармонического общества, приятный, честных правил старик, один, как он полагал, из круга моих английских знакомых, старался доставить мне развлечение. С его дочерью я посетил несколько раз итальянскую оперу в театре Ковент-Гарден. Я слушал там «Фиделио» в скверном исполнении на речитативный манер, с грубыми немцами и безголосыми итальянцами. Больше я не ходил в этот театр.

Когда, покидая Лондон, я пришел прощаться с Говардом, я был поражен, встретив там Мейербера. Он приехал хлопотать о постановке своей «Северной звезды»[267]. Увидев его, я мгновенно вспомнил, что Говард, которого я знал лишь как секретаря Филармонического общества, был также и музыкальным критиком *Illustrated News* [«Иллюстрированных новостей»]. Вот почему и заискивал перед ним великий оперный композитор! У Мейербера буквально подкосились ноги, когда он увидел меня. Это, в свою очередь, произвело на меня такое впечатление, что мы не сказали друг другу ни слова. Говард очень удивился. Он сообразил, что мы знакомы. Наконец, он спросил меня, знаю ли я Мейербера, в ответ на что я ему рекомендовал поговорить с Мейербером обо мне. Когда я однажды вечером снова встретился с Говардом, он стал меня уверять, что Мейербер отзывался обо мне с величайшим уважением. Тогда я посоветовал ему прочесть несколько номеров парижской *Gazette musicale*, в которой Фетис[268] недавно предал гласности мнения обо мне господина Мейербера, выраженные в менее привлекательной форме. Говард покачал головой и сказал, что не понимает, «как это двое великих композиторов могли встретиться так странно».

Приятной неожиданностью было для меня посещение старого друга Германа Франка, который жил тогда в Брайтоне и только на несколько дней приехал в Лондон. Мы много беседовали с ним, и я старался сделать все, чтобы он получил правильное представление о моей особе, так как за последние годы, пока мы с ним не видались, он наслушался невероятных чудес обо мне от немецких музыкантов. Прежде всего он выразил удивление по поводу моего пребывания в Лондоне, где, как он думал, почва для проведения в жизнь моих идей была совсем неподходящей. Что он под этими идеями разумел, я так и не понял. Я просто рассказал ему о причинах, побудивших меня принять приглашение Филармонического общества, дирижирование концертами которого в текущем году я намеревался отклонить, чтобы немедленно вернуться в Цюрих к моим работам. Мой друг предполагал услышать от меня совсем другое: он думал, что я намереваюсь завоевать солидное положение в Лондоне и отсюда объявить истребительную войну всем немецким музыкантам вообще. Такие желания приписывались мне во всех музыкальных кругах Германии. Не могло быть ничего более удивительного, по его словам, чем это полное несовпадение того мнимого представления, какое имело обо мне большинство людей, с моей истинной сущностью, которую он только сейчас узнал.

В шутливой беседе мы вполне освоились друг с другом. Я радовался, видя, что, подобно мне, он оценил по достоинству приобретшие за последнее время известность произведения Шопенгауэра. Он отзывался о них с удивительной определенностью. Он предвидел или полное падение немецкого гения вместе со всеми его политическими теориями, или полное его возрождение, которое повлечет за собой правильную оценку Шопенгауэра. Франк покинул меня, чтобы пойти навстречу неотвратимой и непостижимо страшной судьбе. Несколько месяцев спустя по возвращении моем в Цюрих я узнал о его загадочной смерти. Он жил в Брайтоне, чтобы отдать на службу в английский флот своего сына, шестнадцатилетнего мальчика, питавшего, как я заметил, к большому неудовольствию отца, особенно упорное пристрастие к морю. Утром того дня, на который назначено было отплытие корабля, на улице нашли отца выбросившимся из окна дома и разбившимся насмерть. Сын лежал мертвый, задушенный, как говорили, на своей постели. Матери давно уже не было в живых. Не осталось никого, кто мог бы пролить свет на это страшное происшествие, и, насколько мне известно, оно до сегодняшнего дня так и осталось невыясненным.

По забывчивости Франк оставил у меня план Лондона. Я не мог вернуть его за незнанием его адреса. Этот план я храню и по сей день.

301

Более веселые, хотя тоже не лишенные горечи воспоминания сохранились у меня о встречах с Земпером. Я нашел его в Лондоне, где он давно уже прочно основался со своей семьей. Тот самый человек, который в Дрездене казался мне вспыльчивым и раздражительным, теперь приятно удивил и тронул меня. Со спокойной, терпеливой покорностью он переносил тяжелую для него приостановку своей художественно-артистической деятельности. Столь необыкновенно одаренный человек умел приспосабливаться ко всевозможным житейским обстоятельствам и за неимением крупной работы довольствоваться сравнительно мелкой. В Англии ему нечего было и думать о получении заказа на большие архитектурные проекты. Но он возлагал некоторые надежды на принца Альберта, который ему покровительствовал. А пока, в ожидании будущих благ, он занимался составлением рисунков для комнатных орнаментов и драгоценной мебели. Эту работу он считал не менее важной, чем создание крупных архитектурных сооружений. Притом же она хорошо оплачивалась.

Мы стали часто встречаться с Земпером, иногда я проводил вечера у него в Кенсингтоне. Беседы наши, настроения, полные до странности серьезного юмора, переносили нас в старые хорошие времена и заставляли забывать о превратностях судьбы. Мои сообщения о Земпере по возвращении домой сделали свое дело. Они немало содействовали тому, что Зульцер принял на себя и довел до благополучного конца хлопоты по приглашению его в Цюрих для руководства работами воздвигаемого там Политехникума.

Несколько раз я посетил небезынтересные лондонские театры, из которых раз навсегда я исключил, конечно, оперные театры. Больше всего привлекал меня Театр Адельфи[269] на Стрэнде, куда меня часто сопровождали Прэгер и Людерс. Там, под названием *Christmas* [«Рождество»], давались инсценировки народных сказок. Особенно одно представление очень меня заинтересовало: оно состояло из остроумно соединенных между собой известнейших сказаний. Не было никаких перерывов в действиях, они разыгрывались как одно неразрывное целое. Началось с «Золотого гуся»[270]. Потом пошли «Три пожелания»[271]. Затем – «Красная Шапочка», где вместо волка

фигурировал людоед, певший весьма забавные куплеты. В заключение была представлена «Золушка» с примесью разных других сюжетов. Со сценической и драматической точки зрения вещи эти были поставлены и разыграны превосходно. Они давали ясное представление о том, какого рода фантастическими зрелищами можно занять народ.

Гораздо менее наивной прелести нашел я в представлениях театра «Олимпик»[272], где рядом с очень хорошими пикантными диалогическими сценками в стиле французского театра давалась волшебная сказка «Желтый карлик» [Jellow Dwarf], в которой главную роль обезьяны играл любимец публики, актер Робсон [Robson]. Этого самого актера я видел потом в небольшой комедии «Гаррик одержимый» [Garrick-Fieber][273], где он представлял пьяного, которого принимают за Гаррика и насильно в этом виде заставляют исполнять роль Гамлета. Своей остроумной игрой он привел меня в величайшее изумление.

Маленький театр, расположенный в отдаленной части города, в *Marylebone*[274], старался привлечь публику пьесами Шекспира. Я присутствовал на представлении «Виндзорских проказниц» и был прямо поражен добросовестностью и аккуратностью исполнения. Даже представление «Ромео и Джульетты» на сцене Хеймаркет-театра[275], хотя труппа была там далеко не первоклассная, произвело на меня благоприятное впечатление: постановка была верна гарриковской традиции. Только одно курьезное недоразумение осталось у меня в памяти. После первого акта я высказал Людерсу удивление по поводу того, что роль Ромео поручили старому, шестидесятилетнему почтенному актеру. Давно ушедшую юность этот актер пробовал заменить слащавыми женственными манерами. Людерс пробежал глазами афишу и воскликнул: «Черт возьми, ведь это женщина!» Это была знаменитая в свое время американка мисс Кашмен[276].

На представление «Генриха VIII» [Шекспира] в Принцесс-театре[277], несмотря на все старания, я не достал места. Как раз эта вещь, необыкновенно тщательно и великолепно обставленная, давалась в духе нового реалистического направления и имела неслыханный успех.

302

В ближе меня касающейся музыкальной области я должен отметить несколько концертов Общества духовной музыки, на которых я присутствовал в просторном Эксетер-холле[278]. Оратории, которые давались там почти еженедельно,

исполнялись с уверенностью, достигаемой лишь с помощью постоянных упражнений. Кроме того, я не мог отказать в своем одобрении хору в семьсот человек, который, особенно в генделевском «Мессии»[279], поднимался иногда на значительную художественную высоту. Здесь я понял своеобразный дух местного культа музыки. Он находится в тесной связи с духом английского протестантизма. Вот почему оратория привлекает публику гораздо больше, чем опера. Публика идет на вечер оратории, как в церковь, с богослужебными целями. Как в церкви сидят с молитвенниками, так и здесь у слушателей в руках по клавираусцугу Генделя, который продается в кассе за один шиллинг в популярном издании. По клавиру усердно следят за исполнением. Последнее, мне кажется, делается из боязни пропустить какие-нибудь особенно важные моменты, например вступление «Аллилуйя», когда все присутствующие должны подниматься со скамей. Этот акт вставания непроизвольно вызывался прежде энтузиазмом слушателей. Впоследствии он перешел в традицию. А теперь он совершается с неукоснительной пунктуальностью при каждом исполнении «Мессии».

Все эти воспоминания стушевываются перед главным воспоминанием о моем почти непрерывном нездоровье по милости лондонского климата, особенно ужасного, как известно всему миру, в это время года. Меня мучила постоянная простуда. По совету друзей я старался соблюдением строгой английской диеты настолько поддержать свой организм, чтобы он мог противостоять вредному влиянию воздуха. Впрочем, надо сознаться, что диета не принесла мне ни малейшего облегчения. К тому же я никак не мог достаточно натопить квартиру. От всего этого страдала работа, которую я взял с собой. Инструментовка «Валькирии», намеченная в целом, подвинулась вперед лишь на какую-нибудь сотню страниц. Меня стесняло еще одно обстоятельство: набрасывая приходившие мне в голову музыкальные идеи, я не рассчитывал на долговременный перерыв, происшедший по милости моего настроения, перерыв, во время которого совершенно утратилась связь прежнего эскиза с общим планом произведения. Часто сидел я перед исписанными карандашом листами и глядел на собственные ноты, как на дикие, чуждые знаки, смысла которых я не мог разгадать. В полном отчаянии накинулся я тогда на Данте. В первый раз я понял его по-настоящему. В обстановке лондонского климата «Ад» получил для меня осязательную реальность.

Наконец пробил час освобождения от страданий, которые причинила мне поездка в Лондон. Она была предпринята с особым умыслом: не встретятся ли среди скитаний по белому

свету какие-нибудь новые, освежающие душу впечатления. Но приятно было сознание, что, уезжая, я оставляю хорошую по себе память в сердцах искренно преданных мне новых друзей. С радостным чувством спешил я домой через Париж. Париж встретил меня во всем своем летнем великолепии. Снова я видел на улицах толпы людей, просто гуляющих, отнюдь не спешащих куда-то по своим делам. В Цюрих я прибыл 30 июня, имея в кармане тысячу франков прибыли.

303

Жена собралась ехать в Зелисберг близ Фирвальдштетского озера для лечения сывороткой. Я считал, что горный воздух будет полезен и для моего расстроенного здоровья, и мы решили отправиться туда вместе. Но нас задержала смертельная болезнь нашей собачки Пепса. Старость ее наступила на тринадцатом году. Она так ослабела, что мы не рисковали взять ее с собой в Зелисберг, так как перенести трудности восхождения на горы она уже не могла. Через несколько дней у нее началась агония. Она теряла сознание, ее постоянно схватывали судороги. Придя в себя, она поднималась и забиралась в комнату жены, постоянно за ней ухаживавшей. Иногда она с трудом приплеталась к моему рабочему столу и падала без сил. Ветеринар заявил, что помочь ничем уже нельзя, и так как судороги становились все более и более мучительными, мне посоветовали прекратить страшную агонию и освободить животное от неимоверных страданий, дав ему немного синильной кислоты. Мы отсрочили наш отъезд. Вскоре я сам положил конец мучениям бедного существа, на спасение которого не было никаких надежд. Я нашел лодку и отправился к знакомому молодому врачу Обристу [Obrist], который, как мне было известно, вместе с деревенской аптекой приобрел различные яды. Обрист дал мне смертельную дозу, и в чудесный летний вечер я вернулся домой. Применить это крайнее средство я решил лишь в том случае, если страдания несчастного животного станут слишком нестерпимыми. Ночь Пепс спал, как обычно, у меня на кровати, в корзине, откуда по утрам он вылезал и, царапаясь лапками, будил меня. Вдруг я проснулся от услышанных мною стонов: у Пепса начались мучительные судороги. Затем он бессильно опрокинулся и замолк. Это мгновенье показалось мне настолько важным, что я невольно взглянул на часы. Час и десять минут ночи 10 июля запечатлелись у меня в памяти как миг смерти маленького друга, безмерно меня любившего. На следующий день мы с горькими

слезами похоронили его. Владелица нашей дачи, госпожа Штокар-Эшер, уступила в саду прелестное местечко, где мы и погребли Пепса с его корзиной и подушкой. Много лет спустя мне показали, где должна находиться его могила. Но когда я явился сюда, не заходя ни к кому из местных обитателей, я нашел сад совершенно изменившимся: нельзя было найти никаких следов, по которым можно было бы отыскать Пепса.

304

Затем мы уехали в Зелисберг, на этот раз в сопровождении нового попугая, которого я купил в кройцбергерском зверинце для жены, взамен доброго Папо. Новый попугай также представлял славное, очень ученое существо, но я предоставил его всецело Минне. Я относился к нему ласково, но не приучал к дружбе со мной. К счастью, неизменно прекрасная погода очень благоприятствовала пребыванию в этом чудном, излюбленном нами месте. Все свои досуги, кроме времени, уделяемого на одинокие прогулки, я посвящал переписыванию начисто инструментованной части «Валькирии», после чего принимался за любимое чтение Шопенгауэра. Обрадовало меня также милое письмо Берлиоза, которым он снабдил присланный экземпляр своих *Les soirées de l'orchestre*[280]. Грубость вкуса, которая отталкивала в его композициях, давала себя чувствовать и в этой книге. Но я прочел ее с большим удовольствием.

В Зелисберге я снова встретился с молодым Робертом фон Горнштейном. Он держал себя с большим тактом и вообще производил изысканно интеллигентное впечатление. Меня особенно интересовало его быстрое и, по-видимому, успешное изучение Шопенгауэра. Горнштейн сообщил мне, что намерен некоторое время прожить в Цюрихе, куда, сверх того, решил переехать на зиму и Карл Риттер со своей молодой женой.

В середине августа мы вернулись в Цюрих, где, поддерживая отношения с прежними знакомыми, я спокойно принялся за окончание инструментовки «Валькирии». Извне доходили вести о непрерывном успехе «Тангейзера», получавшего все более и более широкое распространение. В последнее время к этой опере присоединился «Лоэнгрин», постановка которого дала вначале неопределенные результаты. Франц Дингельштедт, тогдашний интендант Мюнхенского Придворного театра, взялся за пропаганду «Тангейзера» в пределах своей власти, что при влиянии Лахнера было не особенно легко. Попытка сошла довольно удачно, хотя, по словам Дингельштедта, не настолько,

чтобы в точности выполнить обещания относительно гонорара. Но денежные дела мои, находившиеся в введении аккуратнейшего Зульцера, обстояли настолько благополучно, что я мог беззаботно отдаться своей работе.

Наступление более суровой погоды принесло мне, однако, новые страдания. Вследствие дурного действия лондонского климата у меня стали зимой появляться частые приступы рожи. И стоило допустить малейшую ошибку в диете либо подвергнуться ничтожной простуде, как болезнь неизменно давала о себе знать. Особенно мучительной являлась необходимость всякий раз прерывать работу, ибо самое большее, что я мог делать в дни болезни, было чтение. Из прочитанных тогда книг больше всего заинтересовала меня «Введение в историю буддизма»[281]. Отсюда я взял сюжет для драматической поэмы, который долго жил в моей душе, в самых общих очертаниях. Я надеялся, что когда-нибудь он отольется в законченную форму. Своему будущему произведению я дал название «Победители» [Die Sieger], и основывалось оно на простой легенде о принятии чандалки в возвышенный нищенский орден Сакхья-Муни после того, как она показала свою одухотворенную и просветленную страданием любовь к главному ученику Будды Ананде. Кроме глубокомысленной красоты простого сюжета, на мой выбор оказало влияние своеобразное его отношение к занимавшим меня с тех пор музыкальным идеям. Перед духовным взором Будды жизнь встречающихся ему существ во всех их прежних рождениях раскрыта с такой же ясностью, как их настоящее. Простая легенда получает свое значение благодаря тому, что прошлая жизнь страдающих действующих лиц привходит, как нечто непосредственно современное, в новую фазу их бытия. Я сразу понял, каким образом можно передать музыкальный мотив двойной жизни, и вот это именно и побудило меня с особой любовью остановиться на мысли о создании «Победителей»[282].

Таким образом, кроме «Нибелунгов», все еще рисовавшихся мне в колоссальных размерах, я запечатлел в фантазии два новых сюжета: «Победителей» и «Тристана», которые живейшим образом меня занимали. Чем больше я проникался этими планами, тем сильнее становилось мое нетерпение, когда приходилось прерывать работу из-за отвратительных приступов болезни. К этому времени Лист, которого я ждал к себе летом, сообщил, что скоро приедет. Я вынужден был просить его не делать этого, ибо не имел уверенности, что не буду прикован к постели в те немногие дни, которые он мог бы мне уделить. Так я провел всю зиму, переходя от спокойного и продуктивного самоотречения к капризной раздражительности, причинявшей страдание моим друзьям.

Тем не менее я был рад, что Карл Риттер, поселившись в Цюрихе, мог стать ко мне несколько ближе. Своим вторичным выбором Цюриха, хотя бы для зимнего пребывания, он выказал по отношению ко мне благотворную привязанность, устранившую кое-какие дурные впечатления с нашего пути. Горнштейн в свою очередь выполнил свое намерение [приехать в Цюрих]. Но общение с ним вскоре прервалось. Он был так «нервозен», что не мог больше прикасаться к клавишам. Он боялся сойти с ума по примеру своей матери, которая умерла, будучи душевно больной. Это до некоторой степени привлекало к нему внимание. Но, с другой стороны, при всех своих умственных качествах он отличался такой дряблостью характера, что вскоре пришлось совершенно махнуть на него рукой. Вот почему мы не особенно сокрушались по поводу его внезапного отъезда из Цюриха.

С некоторого времени круг моих знакомых обогатился новым человеком в лице Готфрида Келлера. Уроженец Цюриха, он создал себе своей литературной деятельностью хорошее имя в Германии и теперь вернулся на родину. Соотечественники встретили его с большими надеждами. Зульцер уже раньше указал мне с большим одобрением, но без преувеличенных похвал на несколько работ Келлера, в особенности на его крупный роман «Зеленый Генрих»[283]. Я был изумлен, встретив беспомощного и хрупкого человека, при первом знакомстве с которым у всех невольно возникало чувство опасения за его будущее. Оказалось, что это было больное место Келлера. Все его работы, которые, несомненно, говорили об оригинальном даровании, при ближайшем рассмотрении представлялись лишь

обещающими намеками на будущее художественно-артистическое развитие. Ждали нового произведения, в котором определилось бы его истинное призвание. Вот почему и случилось, что мои встречи с Келлером сводились к постоянным расспросам о том, что он собирается написать в ближайшем будущем. На это он обыкновенно отвечал изложением своих, бесспорно, весьма зрелых планов, которые, однако, при дальнейшем знакомстве с ними оказывались лишенными какой бы то ни было устойчивости. Со временем догадались пристроить Келлера из патриотических соображений на государственную службу, где он выказал себя прямодушным и дельным человеком. Писательская его деятельность с тех пор прекратилась, по-видимому, навсегда.

306

К сожалению, не так хорошо сложились дела моего старого друга Гервега. Долгое время я думал, что и на его предыдущие работы можно смотреть как на введение к действительно значительному художественному творчеству. Гервег и сам не отрицал, что настоящих его произведений приходится ждать в будущем. Он располагал всеми материалами для крупного поэтического произведения, «идей» у него было много. Ему недоставало только «рамы», в которую он мог бы все это вместить. Этой «рамы», притом самой подходящей, Гервег ждал поминутно. Мне эти ожидания показались чересчур долгими, и я решил со своей стороны предложить ему соответствующий план. Очевидно, Гервег хотел написать большую эпическую поэму, изложить все свои взгляды на жизнь. Сам он указывал на «счастье» Данте, по-видимому, тоже желая найти нечто вроде пути, через ад и чистилище ведущего в рай.

Это навело меня на мысль предложить ему в качестве «рамы» для поэмы миф о метемпсихозе[284] в том виде, как он дошел до нас через Платона и браманизм и занял определенное место в нашем классическом образовании. Гервег нашел, что эта идея недурна, и я сделал попытку несколько обстоятельнее наметить своему другу форму его будущего произведения. Поэма должна была, по моему плану, состоять из трех частей, каждая из которых подразделялась на три песни. В первом акте главные герои фигурируют на своей азиатской родине, во втором они должны были явиться перед нами возродившимися в греко-римском мире, в третьем – действующими лицами в обстановке средневековой и современной жизни. Все это очень понравилось Гервегу, и он полагал, что из предложенной концепции может выйти толк.

Другого мнения держался несколько грубоватый доктор Вилле, в семье которого мы часто бывали. Вилле говорил, что мы слишком многого ждем от Гервега. Это просто хороший шваб, который благодаря еврейскому нимбу, в который он попал из-за жены, прославлен и оценен выше своих способностей. Под конец я молча пожимал плечами, выслушивая эти безнадежные и безрадостные отзывы, ибо я и сам видел, что с каждым годом бедный Гервег становится все более и более бездеятельным, все больше и больше опускается.

Большое оживление внес в нашу жизнь переезд в Цюрих Земпера. Власти обратились ко мне с просьбой уговорить его принять место преподавателя в здешнем Политехникуме. Земпер немедленно приехал в Цюрих, желая осмотреться на месте и сообразить, насколько выгодно для него это предложение. Город произвел на него хорошее впечатление. На прогулках его радовал вид естественно растущих деревьев, на которых можно еще иногда найти гусениц, и в конце концов он решил устроиться здесь окончательно. Благодаря этому обстоятельству Земпер вместе с семьей надолго примкнул к кругу моих знакомых. Конечно, он не мог особенно рассчитывать на крупные строительные заказы и считал себя отныне обреченным на преподавательскую деятельность. Но вскоре его привлекла большая художественно-литературная работа, которую, преодолев некоторые помехи и перемену первоначального издателя, он выпустил в свет под названием «Стиль»[285]. Я часто заставал его за рисунками для книги, которые с большим старанием он сам же потом гравировал на камне. Земпер необычайно привязался к ней. Под конец он стал утверждать, что его совершенно не тянет строить большие, неуклюжие дома. Его интересуют только детали.

307

Согласно своему заявлению, я окончательно вышел из Музыкального общества и с тех пор более не выступал в Цюрихе перед публикой. Вначале не хотели верить, что мое решение серьезно, и мне пришлось категорическим образом его подтвердить. При этом я поставил на вид те вялость и равнодушие, с какими Общество отнеслось к моим предложениям составить сносный оркестр. В виде извинения мне указывали, что у публики, интересующейся музыкой, нашлось бы достаточно средств, но что каждый обыватель в отдельности не решается первым подписать определенную сумму, ибо это могло бы

вызвать со стороны прочих сограждан тягостное внимание к его денежным делам. Мой старый друг Отт-Имхоф заявил мне, что его нисколько не затруднило бы вносить ежегодно на это дело по десять тысяч франков, если бы его не останавливали опасения вроде только что упомянутых. Сейчас же, говорил он, неминуемо поднимутся расспросы, отчего это господин Отт-Имхоф распоряжается так своими капиталами. Вообще, его поступок вызвал бы такую сенсацию, что от него легко могли бы потребовать отчета относительно общего состояния его имущества. Мне невольно пришло на память восклицание Гёте в начале его «первого швейцарского письма»![286] Но как бы то ни было, отныне музыкальная деятельность моя в Цюрихе кончилась раз навсегда.

Но у меня на дому время от времени происходили музыкальные вечера. Клавираусцуги «Золота Рейна», а также нескольких актов «Валькирии», подготовленные Клиндвортом, лежали в чистеньких и великолепных списках. Сперва Баумгартнер пытался преодолеть невероятно трудную аранжировку. Впоследствии большую способность к исполнению некоторых частей клавираусцуга выказал музыкант Теодор Кирхнер[287], который, поселившись в Винтертуре, часто приезжал в Цюрих. При моей попытке исполнить некоторые вокальные сцены я обратился за содействием к супруге директора Певческого общества Гейма, с которой, как и с ее мужем, я поддерживал дружеские отношения. Она обладала прекрасным голосом, отличавшимся задушевностью тона, и на больших концертах 1853 года выступала в качестве единственной солистки. Но госпожа Гейм была совершенно немузыкальна, и мне стоило большого труда добиться, чтобы она верно брала ноты, а главное – держала такт. Тем не менее мы добились кое-каких результатов и изредка доставляли знакомым возможность предвкушать музыку «Нибелунгов».

Однако и здесь я должен был соблюдать большую осторожность: малейшее волнение вызывало у меня приступы рожи. Однажды вечером мы собрались небольшим обществом у Карла Риттера. Я предложил прочесть вслух «Золотой горшок» Гофмана. Во время чтения я не заметил, что в комнате становилось все прохладнее. Не успел я кончить, как присутствующие, к ужасу своему, увидели, что у меня покраснел и распух нос. Сразу у меня наступили сильные боли, и я вынужден был отправиться сейчас же домой. Среди таких мучительных настроений текст «Тристана» намечался у меня все яснее и яснее. В дни выздоровления, наоборот, я усердно, но с трудом занимался партитурой «Валькирии», которая к марту

этого года (1856) была совершенно закончена. Но эта усиленная работа, равно как и постоянные приступы болезни, привели меня в состояние крайней раздражительности.

Помню, как скверно я принял наших друзей, Везендонков, когда они вечером явились поздравить меня с окончанием партитуры. Я с такой едкостью стал говорить о людях, выказывающих такого рода интерес к моим творениям, что бедные визитеры вдруг поднялись в совершенном смущении и ушли домой. Чтобы загладить нанесенную обиду, мне пришлось потратить много усилий на долгие, неприятные объяснения, успешности которых помогла своим примиряющим вмешательством Минна. В данном случае она проявила себя с очень выгодной стороны. Между Везендонками и Минной установилась взаимная симпатия. Этому содействовала купленная Везендонками и принесенная нам взамен Пепса собачка, чрезвычайно милое, ласковое и послушное животное, к которому жена особенно сильно привязалась. Я тоже очень хорошо к ней относился, но выбор имени предоставил жене. В пандан Пепсу Минна придумала ей кличку Фипс, которую я вполне одобрил. Фипс оставался главным образом другом жены. При всей моей готовности отвечать на чужие чувства, особенно на чувства животных, такие отношения, какие существовали между Пепсом, Папо и мной, уже никогда больше не повторялись в моей жизни.

308

В конце мая, ко дню моего рождения, приехал из Дрездена мой старый друг Тихачек, который сохранил ко мне былую привязанность и восторженную преданность, насколько это вообще было доступно такому некультурному человеку, как он. Проснувшись утром в день своего рождения, я был очень тронут звуками любимого мной Адажио бетховенского квартета e-moll[288]. Оказалось, что жена пригласила музыкантов, пользовавшихся моим покровительством, а они с большой чуткостью выбрали эту вещь – когда-то я отозвался о ней с чрезвычайной теплотой. Вечером Тихачек много пел из «Лоэнгрина», вызвав всеобщее искреннее изумление: блеск его голоса все еще сохранился. Настойчивости Тихачека удалось преодолеть нерешительность дрезденского интендантства и добиться возобновления моих опер, шедших с большим успехом, при полных сборах.

Во время поездки с нашим гостем в Бруннен [Brunnen],

находящийся на Фирвальдштетском озере, я слегка простудился, благодаря чему подвергся тринадцатому приступу рожи. Мои страдания были на этот раз тем сильнее, что, не желая своим быстрым возвращением омрачить радости гостя, я продолжал принимать участие в прогулке. Положение мое ухудшалось сильным холодом в комнатах, которых нельзя было протопить из-за отчаянных южных ветров, свирепствовавших в Бруннене. В Цюрихе Тихачек оставил меня на одре болезни.

Я решил сейчас же по выздоровлении переменить климат, ибо мне казалось, что при цюрихском воздухе мои ужасные страдания становятся особенно нестерпимыми. Свой выбор я остановил на Женевском озере. Мне хотелось найти удобное помещение в деревне поблизости от Женевы и там провести курс лечения, предписанный цюрихским врачом. И вот в начале июня я в сопровождении Фипса, которому предстояло разделить со мной деревенское одиночество, направился в Женеву. Собака причинила мне много хлопот, ибо посреди дороги мне вдруг не позволили держать ее при себе в вагоне, и я даже готов был изменить весь свой маршрут. Огромной энергии, потраченной на осуществление того, чего мне хотелось, я обязан моим лечением в Женеве. Иначе моя жизнь, вероятно, приняла бы совсем другое направление.

309

В Женеве я остановился в издавна знакомом мне *Hôtel de l'écu de Genève*, с которым у меня были связаны кое-какие старые воспоминания. За медицинским советом я обратился к доктору Кунде [Coindet], который направил меня, по климатическим соображениям, в местечко Морне [Mornex] на Мон-Салеве[289], указав один из тамошних пансионов. Приехав туда, я прежде всего решил устроить себе уединенное жилище и стал убеждать хозяйку пансиона предоставить мне изолированно стоявший в саду павильон, где имелась одна только большая гостиная. Хозяйка долго не соглашалась, ибо остальные пансионеры, с которыми я не хотел вступать в общение, были возмущены, узнав, что их собираются лишить помещения, предназначенного для общего времяпрепровождения. В конце концов мне удалось добиться своего. Но я должен был обещать, что по воскресным дням буду освобождать свою комнату. В эти дни туда вносили ряд скамеек и устраивали по утрам богослужение, которое у кальвинистов-пансионеров длилось довольно долго. Вообще жизнь здесь мне очень нравилась, и в первое же воскресенье я

честно сдержал обещание и отправился в Женеву читать газеты. Но на следующий день хозяйка сообщила, что вынуждена отказать мне от квартиры, ибо ее жильцы продолжают возмущаться, что в комнате моей можно молиться по воскресеньям, но нельзя развлекаться в течение всей недели. Пришлось искать помещение, и с этой целью я обратился к ближайшему соседу.

Это был некий доктор Вайян [Vaillant], устроивший в Морне водолечебницу. Вначале я имел в виду принимать здесь теплые серные ванны, прописанные цюрихским врачом. Но в лечебнице таких ванн не оказалось. А так как доктор Вайян произвел на меня очень приятное впечатление, я решил рассказать ему о своей болезни. Когда я сообщил ему о горячих серных ваннах и вонючей минеральной воде, которую мне советовали пить, он засмеялся и проговорил: «*Monsieur, vous n'êtes que nerveux*[290]. Все это вызовет у вас еще большее возбуждение, вам нужен покой. Если вы доверитесь мне, через два месяца обещаю вам полное выздоровление. Рожа больше не вернется». Свое слово Вайян сдержал.

Благодаря этому превосходному врачу я усвоил иной взгляд на гидропатию, отрешившись от всего, что внушили мне «водяной еврей» из Альбисбрунна и подобные ему грубые дилетанты. Когда-то Вайян считался в Париже знаменитым врачом, у него лечились Лабланш и Россини. Потом в жизни его наступил перелом, вызванный параличом ног, который упорно не поддавался лечению. Промучившись четыре года, потеряв всю практику и совершенно обеднев, он случайно напал на заурядного шлезвигского гидропата, доктора Присница, которому удалось вылечить его вполне. После этого Вайян усвоил благодетельный метод Присница. Будучи образованным врачом с широким кругозором, он сумел избавить этот метод от нелепостей его изобретателя. Затем, желая применить его на практике, он устроил в Мёдоне водолечебницу, куда надеялся привлечь прежних парижских пациентов. Но найти сочувствие у последних ему не удалось, и обыкновенно на приглашения своего бывшего врача они отвечали запросами, можно ли у него в санатории по вечерам танцевать. Одним словом, в Мёдоне он не мог устроиться. Этому обстоятельству я обязан тем, что застал его в Женеве. Я решил серьезно испробовать на себе метод его лечения. Вайян, между прочим, отличался от других уже тем, что в свою лечебницу принимал очень ограниченное число пациентов: по его мнению, врач может поручиться за правильное применение и успешность своего метода только в том случае, если изо дня в день в состоянии тщательнейшим образом

наблюдать своих пациентов. Достоинство его метода, оказавшего на меня замечательно благотворное влияние, заключалось в успокаивающем действии, которое достигалось применением умеренно-холодной воды.

310

Кроме того, Вайян старательно заботился об удовлетворении всех моих потребностей, особенно поскольку дело касалось покоя и одиночества. Так, например, я был освобожден от тягостных общих завтраков и получил разрешение готовить себе чай с тем условием, чтобы никто из пансионеров об этом не знал. И вот под покровом тайны я, сидя у себя в комнате, отдавался непривычному наслаждению прямо-таки до излишества: после утомительной процедуры утреннего лечения я долго пил свой чай, часа два подряд, читая при этом романы Вальтера Скотта. В Женеве я нашел очень хорошие французские переводы этих романов в дешевом издании, и я кучами тащил их к себе в Морне. Подобное чтение как нельзя лучше подходило к моему тогдашнему образу жизни, из которого устранен был всякий серьезный умственный труд. Кроме того, я имел случай убедиться, что Шопенгауэр был вполне прав в своей высокой оценке Вальтера Скотта, до тех пор рисовавшегося мне в очень неопределенном свете. На прогулки я брал с собой из-за удобства формата маленький томик Байрона, надеясь почитать его где-нибудь на горе с видом на Монблан. Вскоре я оставил Байрона в покое, заметив, что обыкновенно я не вынимал его из кармана.

Единственная работа, которую я себе разрешал, заключалась в начертании планов собственного дома, архитектурный рисунок которого я разработал с величайшей детальностью. К этим смелым мыслям я пришел благодаря переговорам с Гертелями относительно продажи «Нибелунгов». Я запросил за четыре оперы сорок тысяч франков – половину они должны были внести к тому времени, когда я приступлю к постройке дома. Вначале издатели были настроены настолько благожелательно, что соглашались принять мои условия и облегчить мне осуществление задуманного предприятия. Вскоре, однако, Гертели изменили свое первоначальное намерение и начали иначе смотреть на выгодность предложенной им сделки. Я так и не смог выяснить, чем был вызван этот поворот в их взглядах. Возможно, конечно, что, ознакомившись ближе с моим произведением, Гертели нашли его неисполнимым на сцене. Но, с другой стороны, легко допустить, что на них оказали влияние резкие нападки со

стороны тех, кто вообще пытался мешать моим начинаниям. Как бы то ни было, я убедился, что мои надежды раздобыть капитал для постройки собственного дома снова рухнули. Тем не менее мои архитектурные работы продолжали двигаться вперед, и отныне я поставил себе целью достать средства для их осуществления.

311

В середине августа истекли те два месяца, которые я должен был пробыть у Вайяна, и 15 числа я покинул его лечебницу, принесшую мне такую пользу. Прежде чем вернуться в Цюрих, я решил заехать к Карлу Риттеру, который на лето поселился с женой в очень скромном одиноком домике под Лозанной. Однажды они посетили меня в Морне, и я стал убеждать Карла провести здесь курс водолечения. Но после первого опыта он заявил, что даже самые успокаивающие методы гидропатии действуют на него раздражающим образом. Если не считать этого разногласия, по многим другим вопросам мы пришли с Карлом к полному единомыслию, и к осени он обещал вернуться в Цюрих.

Затем я отправился домой в почтовой карете, а не по железной дороге, во избежание новых неприятностей с Фипсом. К моему приезду вернулась и Минна, лечившаяся в Зелисберге сывороткой. Дома я еще застал сестру Клару, которая одна из всех родственников навещала меня в моем швейцарском убежище. Мы вместе отправились в издавна любимый мною Бруннен на Фирвальдштетском озере, где мы имели возможность полюбоваться чудесным вечером, великолепным закатом солнца и другими красотами альпийского ландшафта. С наступлением ночи, когда над озером взошла полная луна, я, благодаря восторженному вниманию хозяина ныне очень посещаемой гостиницы полковника Ауф-дер-Мауера [Auf-der-Mauer], стал предметом очень милой овации. К берегу реки, где стояла наша гостиница, на двух больших, освещенных пестрыми лампочками лодках подъехал брунненский духовой оркестр, состоявший из местных любителей. Не беспокоя себя излишним стремлением к сыгранности, музыканты с чисто швейцарской безыскусственностью громко и внятно сыграли несколько моих вещей. Затем последовали чья-то короткая приветственная речь, мой добродушный ответ и обмен сердечными рукопожатиями. В последующие годы я часто бывал в этих местах, и всякий раз кто-нибудь неизменно по-приятельски здоровался со мной, сопровождая рукопожатие приветственным возгласом. Я

обыкновенно недоумевал, не понимая, что, собственно, нужно от меня этим людям. Но оказывалось, что я имею дело с одним из тех музыкантов, которые в тот славный вечер столь мило выразили мне свое расположение.

Сестра Клара довольно долго пробыла в Цюрихе и этим внесла оживление в нашу семейную жизнь. Из всех моих братьев и сестер Клара была единственной истинно музыкальной натурой, и я очень охотно проводил с ней время. Меня радовало, что благодаря ее присутствию быстро утихали те вспышки личного раздражения, к которым Минна постоянно давала повод своими резкостью, недоверчивостью и упрямством, обостренными сердечной болезнью. В октябре предполагался приезд Листа. На этот раз он должен был пробыть в Цюрихе более продолжительное время. Однако ожидать его показалось мне слишком утомительным, и я решил приступить к композиции «Зигфрида». 22 сентября я сделал общий набросок.

Но тут меня стало преследовать одно из главных несчастий моей жизни. Против нашего дома поселился жестяных дел мастер, по целым дням изводивший меня своим оглушительным стуком. Глубоко огорченный невозможностью создать себе изолированное, защищенное от всякого шума помещение, я решил отложить работу до тех пор, пока мне не удастся осуществить это свое давнишнее, непременное желание. Гнев на соседа дал мне в минуту вдохновения мотив для яростной выходки Зигфрида против «несносного кузнеца» Миме[291]. Я немедленно сыграл Кларе в g-moll детски-сварливую, шумную тему и тут же с бешенством спел соответствующие слова. Все это вызвало у меня и у домашних взрыв веселого смеха, и я решил продолжать работу. Действительно, мне удалось написать значительную часть первой сцены, когда 13 октября получил сообщение о приезде Листа.

312

Он явился сперва один и тотчас же внес в мой дом большое оживление по части музыки. Он успел уже закончить свои симфонии «Фауст» и «Данте»[292] и сыграл мне их на рояле по партитуре. Его исполнение было поистине чудесно. Будучи уверен, что Лист достаточно убедился в огромном впечатлении, произведенном на меня обеими вещами, я счел себя вправе откровенно указать ему на промахи в конце дантовской композиции. Для меня самым убедительным свидетельством замечательной силы Листа в области поэтических концепций

являлся первоначальный финал симфонии «Фауст», нежный и благоуханный, с последним всепобеждающим воспоминанием о Гретхен, чуждый всякого стремления насильственно привлечь внимание слушателя. Совершенно также, казалось мне, был первоначально задуман эпилог дантовской симфонии, в котором «Рай» благодаря нежному вступлению *Magnifi cat* был опять-таки намечен лишь мягким, кротким, уносящим аккордом. Тем сильнее был мой испуг, когда я увидел, что этот прекрасный замысел нарушен заключением, которое, как сказал мне Лист, должно было изображать *Domenico*. «Нет, нет! – воскликнул я. – Не нужно этого! Долой! Оставь державного Господа! Останемся при мягком, благородном аккорде вознесения!» «Ты прав, – ответил Лист, – я говорил то же самое, но княгиня настроила меня иначе. Теперь будет по-твоему!» Это было прекрасно. Но тем сильнее было мое огорчение впоследствии. Оказалось, что уцелел не только этот финал «Данте»[293], но что изменению подвергся и столь понравившийся мне эпилог «Фауста»: в него были введены хоры, имевшие задачей придать ему более эффектный характер. Вот как складывались мои отношения к Листу и его приятельнице Каролине Витгенштейн.

В скором времени ожидался приезд самой княгини Витгенштейн и ее дочери Марии. Для их приема были сделаны все необходимые приготовления. Незадолго до этого в моем доме произошло неприятное столкновение между Листом и Карлом Риттером. Листа, по-видимому, раздражала самая наружность Риттера, особенно же злила его манера Карла безапелляционно выражать свое несогласие с собеседником. Однажды вечером Лист импонирующим тоном заговорил о заслугах иезуитов и был неприятно задет бестактной улыбкой Карла по поводу его слов. За столом разговор коснулся французского императора Луи-Наполеона. Лист хотел заставить нас признать заслуги Наполеона, тогда как мы не склонны были лестно отзываться о французских делах[294]. Желая представить в выгодном свете значение Франции для европейской культуры, Лист, между прочим, упомянул о Французской академии, что снова вызвало фатальную усмешку Карла. Это вывело Листа из себя, и у него вырвалась приблизительно следующая фраза: «Не признавать этого могут только павианы, а не люди». Я рассмеялся, улыбнулся и Карл, но на этот раз крайне смущенно: как я узнал потом от Бюлова, Риттера во время горячих юношеских споров иногда называли Павианом. Вскоре стало ясно, что Карл почувствовал себя жестоко оскорбленным словами, которые позволил себе произнести *Herr Doktor*, как величал он Листа. Он с негодованием покинул мой дом, чтобы долго не переступать его порога. Через

несколько дней Карл прислал мне письмо, в котором ставил следующую альтернативу: либо Лист должен извиниться перед ним, либо, если это невозможно, я должен отказать Листу от дома. Вскоре, к великому своему огорчению, я получил письмо и от почтенной матери Риттера. Она упрекала меня за некорректное поведение по адресу ее сына. По ее словам, я должен был помочь Карлу добиться удовлетворения за неприятность, случившуюся в моем доме. Это на долгое время создало чрезвычайно мучительную натянутость в моих отношениях с близкой мне семьей Риттеров, ибо я лишен был возможности представить ей весь этот инцидент в истинном его свете. Лист, когда узнал о происшедшей размолвке, был этим очень огорчен и с достойным уважения великодушием сделал первый шаг к примирению, отправившись с визитом к Карлу. Об инциденте не было сказано ни слова. Однако Риттер отдал визит не Листу, а приехавшей в это время княгине Витгенштейн. Делать было нечего. Риттер откололся от нашего общества и перенес свое зимнее пребывание из Цюриха в окрестности Лозанны. Здесь он оставался долгое время.

313

Приезд княгини Каролины с дочерью Марией, основавших свою резиденцию в *Hotel Baur*, внес много жизни не только в мой скромный дом, но и в город Цюрих вообще. Своеобразное возбуждение, которое вызывала княгиня повсюду, где она ни появлялась, отразилось даже и на моей сестре Кларе, которая оставалась все время у меня. Цюрих внезапно превратился в мировой центр. Усилилось движение экипажей, везде происходили приемы, устраивались обеды, ужины. Откуда-то по явилось много интересных людей, о существовании которых мы и не подозревали. Одного музыканта, Винтербергера[295], считавшего необходимым корчить из себя оригинала, привез еще Лист. А теперь новые интересы привлекли сюда из Винтертура известного шуманианца Кирхнера, который, в свою очередь, не упускал случая выказать себя с какой-нибудь эксцентричной стороны.

Особенно замечательно то, что княгиня сумела вытащить на свет сидевших по своим углам профессоров здешнего университета. То она вела беседы с каждым отдельно, то угощала ими *en masse*[296] нас всех. Когда во время своих регулярных полуденных прогулок я заходил на минутку в *Hotel Baur*, я заставал ее обедающей *en particulier*[297] то с Земпером, то с

профессором Кёхли, то с Молешоттом[298]. Даже друг мой Зульцер при всей его странности и самобытности не избег общей участи и, как сам признавался, был до некоторой степени ошеломлен. В обществе княгини царили облегчающие сближение свобода и непринужденность. Особенно отличались уютной задушевностью те менее парадные вечера, когда знакомые собирались у меня, и княгиня с польским патриархальным радушием помогала моей жене хозяйничать за столом. Однажды после музыки около меня образовалась довольно живописная группа из наполовину сидевших на стульях и креслах, наполовину расположившихся на полу гостей, которым я должен был прочесть текст «Тристана и Изольды» и «Победителей».

Но венцом наших маленьких торжеств явился день 22 октября, день рождения Листа, который княгиня отпраздновала с великой помпой. На ее квартире было собрано все, что только мог дать Цюрих. Телеграф принес из Веймара стихотворение Гофмана фон Фаллерслебена[299], и по приглашению княгини Гервег торжественно прочел его удивительно изменившимся голосом. Затем под аккомпанемент Листа я исполнил вместе с госпожой Гейм первый акт и одну сцену из второго акта «Валькирии». Наше пение произвело хорошее впечатление. Об этом можно было судить по тому, что доктор Вилле шутя выразил желание послушать эти вещи в исполнении плохом: у него возникло опасение, не подкупила ли его в данном случае виртуозность певцов. Кроме того, на двух роялях было сыграно кое-что из симфонических произведений Листа. Во время парадного обеда возник спор о Генрихе Гейне, по адресу которого Лист высказал много нелестных вещей. Возражая ему, госпожа Везендонк спросила, не думает ли он, что имя Гейне тем не менее будет записано в храме бессмертия? Лист быстро ответил: «Да, но грязью», – что, конечно, произвело некоторую сенсацию.

К сожалению, наше общество вскоре расстроилось из-за выступившей у Листа сыпи. В течение некоторого времени он был прикован к постели. Когда он оправился, мы снова засели за рояль с партитурами «Золота Рейна» и «Валькирии». Княжна Мария слушала внимательно и порой приходила на помощь другим, когда встречались трудные для понимания места.

314

Княгине Витгенштейн, по-видимому, очень хотелось выяснить истинный смысл «интриги» «Кольца нибелунга», а именно вопрос о судьбе богов. В один прекрасный день я был приглашен к ней *en*

particulier, как цюрихский профессор: я должен был дать ей разъяснения по этому пункту. Я не мог не убедиться, что ей хотелось постичь именно нежнейшие и глубинные черты моего творчества. Но самое понимание носило у нее характер какой-то арифметики, какой-то математики. В конце концов оказалось, что я как будто давал истолкование вещи, основанной на интриге, во французском смысле этого слова. Живость характера сочеталась у нее с мягкостью и благожелательностью. Когда я однажды заметил ей, что если бы мне пришлось постоянно быть в ее обществе, ее экспансивность уже после первых четырех недель довела бы меня до самоубийства, она чистосердечно рассмеялась мне в ответ.

Глубокое огорчение причинила мне перемена, которая произошла с ее дочерью Марией. За три года, что я не видел ее, она совершенно завяла. Мария была в том возрасте, в котором я по-прежнему мог бы называть ее «дитя». Однако какие-то тяжелые внутренние переживания прежде времени состарили ее. Только в иные минуты, когда что-нибудь захватывало ее, особенно во время вечерних приемов, она вновь показывала весь блеск, все обаяние своего характера. Помню один удачный вечер у Гервега. Лист играл на отвратительном, расстроенном рояле, приведшем его в такой же восторг, в какой приводили его ужасные сигары, которые он курил тогда с наслаждением, предпочитая более тонким сортам. Он дивно играл на рояле какую-то свою импровизацию: это было не чудо, а колдовство музыкального творчества. Но в эти дни, к большому моему ужасу, чрезмерная раздражительность, придирчивая резкость, как она сказалась в столкновении с Карлом Риттером, прорывалась у Листа несколько раз. Он резко говорил о Гёте, особенно в присутствии княгини. Обмен мнениями об Эгмонте, характер которого он ставил невысоко, потому что тот дал «обмануть» себя герцогу Альбе, чуть не вызвал между нами ссору. Зная, что не следует его раздражать, я сохранял полное спокойствие. Я считался больше с физиологическими особенностями его характера, с его настроением, чем с предметом спора. Никаких столкновений на этой почве между нами не произошло. Но я сохранил неясное предчувствие, что когда-нибудь дело дойдет до серьезного конфликта, и это будет ужасно. Это и заставляло меня сдерживаться, хотя моя вспыльчивость и нервность были достаточно хорошо известны моим друзьям.

После шестинедельного пребывания моих друзей в Цюрихе мы заехали на восемь дней в Сен-Галлен, куда нас пригласил молодой музикдиректор Шадровский[300] для участия в концерте тамошнего общества.

Мы остановились в гостинице *Zum Hecht* [«У Щуки»], и княгиня распоряжалась в ней как хозяйка. Мне с женой она велела отвести комнату рядом с той, которую занимала сама, что, однако ж, имело в ту ночь весьма неприятные для нас последствия. Княгиня страдала тяжелыми нервными припадками, и чтобы рассеять ее мучительные галлюцинации, Марии приходилось читать ей вслух громким голосом всю ночь напролет. Такое чтение привело меня в страшное волнение, и я был глубоко возмущен непонятной для меня неделикатностью, какую княгиня проявляла в данном случае по отношению к соседям, нуждавшимся в покое. Ночью в два часа я встал с кровати, продолжительным звонком разбудил кельнера и потребовал, чтобы мне предоставили другой номер в противоположном конце гостиницы. Мы покинули нашу комнату: соседки заметили это, но ничем не отреагировали на наш переезд. Меня очень удивило, когда на следующее утро Мария, сохраняя невинное выражение, ни словом не упомянула о ночной кутерьме. Я узнал, что лица, окружающие княгиню, уже привыкли к подобного рода эксцессам с ее стороны.

Вскоре гостиница стала наполняться приглашенными. Приехали Гервег с женой, доктор Вилле с женой, Кирхнер и многие другие. В конце концов *Zum Hecht* не уступал *Hotel Baur* в смысле оживления и шума. Весь этот наплыв публики был вызван, как я уже говорил, приятными концертами сен-галленского Музыкального общества. Лист разучивал с оркестром две свои композиции: «Орфей»[301] и «Прелюды»[302], и его мастерство доставило мне истинное наслаждение. Несмотря на очень скромный состав исполнителей, он провел эти вещи прекрасно, с большим подъемом. Больше всего меня радовала его оркестровая пьеса «Орфей», написанная с большой художественной законченностью. Еще прежде, прослушав ее впервые, я сразу решил отвести ей особенно почетное место среди композиций Листа. Публике же чрезвычайно понравились «Прелюды», большая часть которых была повторена.

Я дирижировал «Героической симфонией» Бетховена, и мне пришлось за это жестоко поплатиться, так как, по обыкновению, я простудился и потом сильно страдал от лихорадки. На Листа, мнение которого меня только и интересовало, моя передача Бетховена произвела очень глубокое впечатление. Он верно понял мой замысел. Чутко и проникновенно мы слушали то, что каждый

из нас исполнял на этом концерте. Затем мы были приглашены на банкет, на котором ораторами из среды достопочтенных бюргеров Сен-Галлена было произнесено несколько очень красивых и серьезных речей. В них указывалось на то, какое значение для местной жизни имеет наш приезд. Один поэт прочел мне панегирик, и я с искренним волнением, серьезно ответил ему целой речью. Восторженное настроение Листа дошло до того, что он поднял бокал за образцовую постановку «Лоэнгрина» в Сен-Галленском театре, что не вызвало никаких возражений со стороны присутствующих. На следующий день, 24 ноября, мы все собрались на торжественном приеме у местного богатого купца Бурита [Bourit], главного любителя музыки в Сен-Галлене. Конечно, Лист сыграл нам, между прочим, большую сонату B-dur Бетховена, после чего Кирхнер искренне, но в свойственном ему сухом тоне заявил, что все мы пережили нечто совершенно непостижимое: нельзя поверить, что услышанное действительно возможно. Это был день двадцатой годовщины моей свадьбы, и друзья мои устроили шествие, нечто вроде торжественного полонеза, по разным комнатам под звуки свадебной музыки из «Лоэнгрина».

Несмотря на все приятные стороны нашего пребывания в Сен-Галлене, меня все же стало тянуть домой, в мою уютную, спокойную квартиру. Но нездоровье княгини заставило Листа на несколько дней отложить свой отъезд в Германию, и я принужден был бесполезно терять время. Наконец 27 ноября я проводил моих гостей в Роршах, на пароход, где и распрощался с ними. С тех пор я больше не видел ни княгини, ни ее дочери, и думаю, что мне никогда уже не придется встретиться с ними.

316

Я покинул своих друзей не без опасений за их судьбу. Княгиня была серьезно больна, а Лист имел очень утомленный вид. Я советовал им поехать прямо в Веймар, отдохнуть и поправиться. К величайшему удивлению, я узнал, что из Сен-Галлена они на довольно продолжительное время отправились в Мюнхен, где их ждали новые художественно-артистические наслаждения и светские удовольствия. Я решил, что мои советы не могут оказать влияния на людей такого склада души. В свою цюрихскую квартиру я возвратился страшно усталый, страдая от бессонницы и холода, опасаясь, как бы мой образ жизни не вызвал нового припадка рожи. Но, к восторгу моему, я проснулся на следующий день совершенно здоровым, хваля превосходного

врача Вайяна, искусство которого всегда вызывало горячую признательность с моей стороны. Вскоре я поправился настолько, что в начале декабря мог взяться за композицию «Валькирии».

Я вернулся к прежнему образу жизни, с внешней стороны ничем не ознаменованному: работа, продолжительные прогулки, чтение, по вечерам беседы с кем-либо из старых друзей. Отголоски ссоры с Риттером из-за столкновения с Листом продолжали меня огорчать. Я совершенно потерял из виду моего молодого друга, к которому одно время чувствовал такую близость. Он покинул Цюрих зимой, даже не повидавшись со мной.

В течение января и февраля 1857 года я закончил партитуру первого акта «Зигфрида», во всех деталях, имея перед глазами простой набросок карандашом. Вслед за тем я приступил к инструментовке его, не прерывая лечения по рекомендованному Вайяном методу; в увлечении им я, по-видимому, зашел слишком далеко. Опасаясь нового припадка рожи, я старался оградить себя от болезни регулярно, каждые восемь дней, повторяемыми потогонными ваннами и холодными обтираниями по гидропатической системе. И это мне удалось. Но такое лечение настолько утомило меня физически, что я с тоской ждал возвращения более теплых дней, которые позволили бы мне ослабить режим, предписанный врачом.

Источником невероятных страданий сделались шум и музыка, доносившиеся из квартир моих соседей. Кроме кузнеца, которого я смертельно ненавидел – раз в неделю дело доходило у нас до самых решительных объяснений, – мне казалось, что вокруг моего дома практически все обзавелись роялями. К ним примешалась еще в конце концов и флейта, на которой по воскресным дням играл мой сосед, господин Штокар [Stockar]. Но я дал себе клятву продолжать писать свою музыку. И вот в один прекрасный день из Парижа, где они пробыли довольно долго, возвратились мои друзья Везендонки и раскрыли предо мной радостные перспективы.

Мои заветные мечты о подходящей для меня квартире оказались осуществимыми. Уже и раньше Везендонк имел намерение построить для меня небольшой домик на участке земли, выбранном мною же. Планы, разработанные с артистической законченностью, были переданы на рассмотрение архитектору. Однако приобретение необходимого участка земли представляло значительные затруднения. На склоне холма, отделяющего общину Энге у Цюрихского озера от Зильталя [Sihltale], я давно уже, во время моих прогулок, заметил небольшой домик, который назывался «Дом Лафатера[303]»

[Lavater-Häuschen], так как он когда-то принадлежал знаменитому френологу и часто посещался им. Я просил моего друга Хагенбуха пустить в ход все дипломатические таланты и разузнать, каким образом можно было бы приобрести здесь за дешевую цену несколько акров земли. Но тут-то и возникли большие затруднения. Участок был связан с владениями разных собственников, и потому, чтобы приобрести его, пришлось бы войти в соглашение со многими лицами. Я рассказал об этом печальном обстоятельстве Везендонку и возбудил в нем желание купить этот большой участок и построить на нем виллу для своей семьи. Небольшой уголок предполагалось уделить мне. Оборудование виллы и постройка дома, который должен был отличаться удобством и изяществом, заняли у него все свободное время. Кроме того, он находил, что жизнь двух семейств в близком соседстве, на одном и том же дворе, может привести с течением времени к взаимным неудобствам.

Ему удалось отыскать очень скромный деревенский домик, отделенный от его виллы узкой проезжей дорогой. Я уже раньше обратил на него внимание. Везендонк решил его приобрести, и сообщение об этом обрадовало меня выше всякой меры. Тем больше испугался Везендонк, ведший переговоры относительно покупки земельного участка с необыкновенной осмотрительностью, когда узнал, что владелец его продал землю третьему лицу. К счастью, покупателем оказался какой-то психиатр, намеревавшийся рядом с виллой Везендонка построить дом для умалишенных. Это известие внушило Везендонку такой ужас, что он решил во что бы то ни стало добиться покупки выбранного участка. В конце концов, после долгих досадных переговоров, участок перешел во владение моего друга. Я мог поселиться в домике, предназначенном для меня, с платой 800 франков в год – суммы, которую стоила мне квартира на Цельтвеге.

317

Устройство домика, с начала весенних месяцев поглотившее все мое внимание, принесло мне немало неприятностей. Необходимо было поставить печи и вообще приспособить его для жизни зимой. Хотя владелец сделал со своей стороны все необходимое, все же оставалось достаточно поводов для хлопот, которые вследствие постоянных моих столкновений с женой и нашей материальной необеспеченности сделались источником непрекращающихся неприятностей. Но время от времени судьба

баловала меня благоприятными известиями, которые у людей с сангвиническим темпераментом могли бы вызвать надежду на будущее. Несмотря на то что постановки «Тангейзера» в Берлине были плохи, они приносили хороший доход. В Вене тоже стали почему-то интересоваться моим произведением. Придворный театр по-прежнему ничего не хотел знать о «Тангейзере», и меня уверяли, что пока императорский двор будет находиться в Вене, не приходится и думать о постановках моих «крамольных» опер. Такое положение дел внушило Гофману, директору Театра в Йозефштадте, бывшего когда-то директором в Риге, смелость решиться со специально для этой цели приглашенной труппой поставить «Тангейзера» в большом загородном летнем театре в Лерхенфельде[304], им построенном. За каждый спектакль, разрешенный мной, он предлагал тантьему в 100 франков. Когда Лист, которому я сообщил о планах Гофмана, выразил сомнение относительно солидности этого предприятия, я написал ему, что готов подражать Мирабо[305], который, не будучи выбран в собрание нотаблей[306] своими согражданами, представился жителям города Марселя в качестве *Marchand de drap*[307]. Мое сравнение понравилось Листу, и «Тангейзер» благодаря стараниям директора летнего театра действительно был поставлен в резиденции австрийского императора. Об исполнении оперы мне рассказывали самые странные вещи. Зульцер, который проездом посетил Вену и побывал на представлении «Тангейзера», жаловался на темноту, царившую в зрительном зале и мешавшую читать либретто, а также и на то, что дождь просачивался сквозь крышу. Совершенно другое мнение я услышал несколько лет спустя от зятя вдовы композитора Герольда, [автора «Цампы»], который, совершая свадебное путешествие, посетил Вену и Лерхенфельдтский театр. Он уверял, что, несмотря на все недочеты, венская постановка стояла на большой художественной высоте и произвела на него гораздо более отрадное впечатление, чем несравненно менее удачное берлинское исполнение «Тангейзера», виденное им затем. Энергичная пропаганда «Тангейзера», которую предпринял бывший рижский директор, принесла мне за двадцать спектаклей 2000 франков. При таком неожиданном успехе, доказавшем с несомненной очевидностью, что я пользуюсь известной популярностью среди публики, был вполне извинителен оптимизм, с каким я возложил надежды на возможность извлечь из моего произведения хорошие доходы и в будущем.

Несмотря на хлопоты, связанные с устройством домика и инструментовкой «Зигфрида», я вновь погрузился в изучение философии Шопенгауэра и с особенным увлечением читал романы Вальтера Скотта. Кроме того, я был серьезно занят изложением моих взглядов на композиции Листа. Для этой цели я избрал форму письма к Марии Витгенштейн. Статью я опубликовал в Музыкальной газете Бренделя[308].

Когда наконец приблизился день переезда в новое, как я тогда полагал – последнее, обиталище, я стал раздумывать о том, как упрочить свое материальное положение. Еще раз вступил я в переговоры с Гертелями по поводу издания «Кольца нибелунга». Но владельцы фирмы очень сухо и неохотно отвечали на мои предложения. Я излил свои жалобы в письме к Листу и высказал ему откровенно свое намерение довести до сведения Великого герцога Веймарского, который, по словам моего друга, продолжал считать себя покровителем всего моего предприятия с «Нибелунгами», о моих затруднениях с издателями. Я обращал его внимание на то, что музыкальная фирма, не обладающая значительными денежными средствами, вряд ли возьмет на себя печатание подобного рода произведения, и потому вполне естественно с моей стороны просить помощи у герцога, который считает для себя делом чести содействовать осуществлению моего замысла. Я мог ожидать, что он примет на себя заботу об устранении всех препятствий, связанных с такого рода работой. Мне хотелось, чтобы герцог откупил у меня вместо Гертеля мои партитуры и выплачивал гонорар по мере того, как я буду двигаться вперед. Таким образом, он сделался бы собственником «Нибелунгов» и впоследствии смог бы возвратить затраченную сумму, переуступив свои права какому-либо издателю. Лист вполне понял меня, но не счел нужным рассеять мои надежды на Его Королевское Высочество.

Но зато мое внимание обратила на себя Великая герцогиня Баденская[309]. Уже несколько лет назад герцог Баденский пригласил на пост директора придворного театра в Карлсруэ Эдуарда Девриента. Со времени моего отъезда из Дрездена я оставался с ним в постоянном, хотя и прерывавшемся иногда на долгое время общении. В одном из своих писем он с большой похвалой отозвался о моих работах «Произведение искусства будущего» и «Опера и драма». О театре в Карлсруэ он говорил как о театре, не обладающем необходимыми художественно-артистическими средствами для тщательной инсценировки моих опер. Но вдруг обстоятельства изменились в мою пользу после женитьбы герцога на дочери принцессы Прусской[310]. Молодая герцогиня была знакома с моими произведениями благодаря

моей старой приятельнице, Альвине Фромман и, заняв самостоятельное положение, стала настойчиво требовать исполнения моих опер на сцене местного театра. Они действительно были поставлены, и из рассказов Девриента я узнал, какой большой интерес герцогиня проявляла к моей музыке, присутствуя даже на репетициях. Все это произвело на меня очень отрадное впечатление. Без особого внешнего повода я написал благодарственное письмо герцогине и приложил к нему в качестве подношения для ее альбома «Прощание Вотана» из заключительной сцены «Валькирии».

319

Наступило 20 апреля, и волей-неволей я должен был покинуть свою квартиру на Цельтвеге, которая была уже сдана другому лицу. Но помещение мое далеко еще не было готово. Посещая в суровую погоду небрежно отделанный рабочими домик, мы простудились. В отвратительнейшем настроении мы переселились на неделю в гостиницу, и я стал раздумывать о том, стоит ли вообще переезжать отсюда: мной внезапно овладело предчувствие, что и этот домик мне придется покинуть для дальнейших скитаний. Однако в конце апреля, невзирая ни на что, мы переехали из гостиницы. Было холодно и сыро, новые печи не прогревали комнат. Я и Минна расхворались и принуждены были лечь в постель. Но зато я получил очень сердечное письмо от госпожи Юлии Риттер, в котором она просила забыть о нашем взаимном отчуждении из-за резкой выходки ее сына. Это было добрым предзнаменованием.

Вскоре наступили прекрасные весенние дни. Утром в Страстную пятницу я в первый раз проснулся в новом домике, разбуженный ярким светом солнечных лучей. Садик весь расцвел, пели птицы. В первый раз я вышел на балкон, чтобы насладиться долгожданной тишиной, полной таинственного смысла. В таком настроении я вспомнил вдруг, что сегодня Страстная пятница, вспомнил, как сильно меня растрогали стихи Вольфрама в «Парсифале», посвященные этому дню. Со времени Мариенбада, где я впервые задумал «Мейстерзингеров» и «Лоэнгрина», я никогда больше не возвращался к этой теме. Теперь я почувствовал идеальное значение слов Вольфрама и, исходя от его мыслей о Страстной пятнице, быстро набросал план целой драмы[311], разбитой на три акта.

Несмотря на то что обустройство дома еще не было закончено, что оно по-прежнему поглощало все мое внимание,

меня все же тянуло к работе. Опять я взялся за «Зигфрида» и приступил к композиции второго акта. Не зная, как назвать приют, мною теперь обретенный, я, сделав удачное вступление ко второму акту «Зигфрида», в минуту хорошего настроения решил наименовать его соответственно работе: «Приют Фафнера» [Fafners Ruh]. Я невольно рассмеялся. Однако я назвал свой домик просто «Приютом» [Asyl][312]. Название это я поместил рядом с точной датой на последней странице моей работы.

320

Крушение надежд на помощь Великого герцога Веймарского сильно расстроило меня: я видел перед собой тяжелые затруднения и совершенно не знал, как мне с ними справиться. С другой стороны, мне было сделано фантастическое предложение. В один прекрасный день ко мне явился какой-то господин, носивший фамилию Феррейра[313], и представился в качестве бразильского консула в Лейпциге. Целью его посещения было сообщение о том, что бразильский император[314] питает особый интерес к моей музыке. Когда я стал выражать свои сомнения на этот счет, он сумел в очень приятной для меня форме разбить мое недоверие. Император, по его словам, любит все немецкое и очень желал бы видеть меня в Рио-де-Жанейро. Ему приятно было бы услышать мои оперы под личным моим управлением. Для этой цели необходимо перевести на итальянский язык мои тексты, так как там имеется лишь Итальянская опера, и это, по его мнению, не составит особых затруднений и послужит мне на пользу. Как это ни странно, но высказанные им соображения произвели на меня очень благоприятное впечатление и возбудили во мне желание написать музыкальную поэму на тему, проникнутую страстью, что вполне подходило бы к характеру итальянского языка. Опять в голове мелькнула мысль о «Тристане и Изольде»: она притягивала меня все сильнее и сильнее. Чтобы выяснить, насколько правдивы рассказы господина Феррейры о великодушном расположении ко мне императора Бразилии, я переслал ему клавираусцуги моих трех первых опер в ценных переплетах и долго ждал особо приятных сюрпризов и щедрых подарков из Рио-де-Жанейро. Однако ни о господине Феррейре, ни об императоре Бразилии я больше ничего не слыхал.

Я узнал только, что и у Земпера были какие-то осложнения с этой тропической страной на почве архитектурных планов. Был объявлен конкурс для постройки оперного театра в Рио-де-Жанейро. Земпер заявил желание участвовать в нем и вычертил

прекрасные планы здания, послужившие темой для очень оживленных разговоров. Этим проектом особенно заинтересовался доктор Вилле – проект театра для негритянской аудитории! – это представляло совершенно новую задачу для архитектора. Мне неизвестно, привели ли Земпера отношения с Бразилией к более удовлетворительным результатам, чем мои переговоры с Феррейрой. Во всяком случае, я знаю, что театра в Рио-де-Жанейро он не построил.

321

Вследствие сильной простуды я заболел тяжелой лихорадкой. В день рождения я вновь поднялся с постели. Когда я вечером вышел на балкон дома, я услышал где-то невдалеке, к моему изумлению, песню трех дочерей Рейна из последней сцены «Золота Рейна», доносившуюся из-за ограды сада. Это пела госпожа Поллерт – та самая, чья семейная драма помешала когда-то в Магдебурге возобновлению «Запрета любви», всячески и без того затрудненному. Со своими двумя дочерьми она появилась на цюрихском театральном горизонте и провела здесь всю зиму. Госпожа Поллерт продолжала выступать в качестве певицы и сохранила свой прекрасный голос. Зная ее готовность подчиниться моим указаниям, я предложил ей разучить последний акт «Валькирии», а вместе с дочерьми – сцену дев Рейна из «Золота Рейна». В течение минувшей зимы мы дали нашим друзьям возможность прослушать отдельные отрывки. Сегодня, в день моего рождения, пение друзей глубоко растрогало меня, и я вдруг ощутил какое-то странное нежелание продолжать работу над «Нибелунгами». Меня страстно влекло к «Тристану», мне хотелось сейчас же начать его композицию. Я решил осуществить давнишнюю мечту – взяться за разработку новой темы, которая, как я полагал, только на короткое время отвлечет меня от сложной композиции «Нибелунгов». Но чтобы убедить самого себя, что я прервал работу не потому, что она надоела мне, я решил довести до конца только что начатый второй акт «Зигфрида». Я дописал его в самом лучшем настроении. Но в душе все яснее и яснее выступали образы «Тристана».

До известной степени определяющими мотивами при создании «Тристана» послужили чисто внешние условия, делавшие выполнение новой идеи и привлекательным, и выгодным для меня. Эти мотивы назрели вполне, когда Эдуард Девриент в начале июля посетил меня и остался у меня три дня.

Он сообщил, что мое письмо произвело хорошее впечатление на герцогиню Баденскую. Мне казалось, что Девриент имел поручение войти со мной в переговоры относительно постановки какого-либо нового моего произведения. Я сказал ему, что готов прервать работу над «Нибелунгами» и взяться за произведение, по объему и сценическим требованиям предназначенное для постановки на подмостках современного театра, каков он есть.

Но я был бы несправедлив к самому себе, если бы утверждал, что только внешние поводы заставили меня приняться за «Тристана». Во всяком случае, в настроении, с каким я несколько лет назад приступил к циклу «Нибелунгов», произошел значительный переворот. Тогда я только что закончил мои теоретические работы, в которых старался выяснить причины падения нашего официального искусства, особенно театра, и установить связь между этим явлением и общими культурными условиями современности. Тогда мне казалось невозможным взяться за композицию, которая была бы пригодна для постановки на сцене существующего театра. Только полное разочарование, охватившее меня впоследствии, как я на это уже указывал прежде, заставило меня приступить к разработке прежних художественно-артистических замыслов. Я неизменно считал, что постановка «Кольца нибелунга» может быть осуществлена лишь при соблюдении тех сложных требований, которые я наметил в предисловии к отдельному его изданию. Но все же успех моих старых опер настолько подействовал на мое настроение, что, доведя до середины большую композицию, я все серьезнее и серьезнее стал думать о возможности появления ее на сцене. До этого времени Лист своей верой в помощь герцога Веймарского поддерживал в моем сердце тайную надежду на осуществление моих планов. Но события последних дней показали мне, что эта надежда ни на чем не основана. В то же время во мне укреплялась уверенность, что новая опера в духе «Тангейзера» или «Лоэнгрина» встретила бы повсюду очень теплый прием. Вся концепция «Тристана» и разработка этой темы показывала, что я меньше всего думал о наших оперных театрах и их артистическом уровне. Но, ни на минуту не забывая о необходимости бороться за хлеб насущный, я поддался самообману, поверив, что перерыв в композиции «Нибелунгов» и разработка темы «Тристана» есть с моей стороны вполне разумный шаг, достойный практически мыслящего человека.

Девриент очень охотно выслушал мои практические соображения и спросил, на какой сцене я хотел бы поставить оперу. На это я ответил, что имею в виду только такой театр, в котором смогу принять участие в репетициях. Такой театр

нашелся бы для меня в Бразилии или – так как территория Германского Союза для меня закрыта – в каком-нибудь городе недалеко от границы, везде, где имеется более или менее хорошо поставленная оперная сцена. Я наметил Страсбург. Но Девриент решительно высказался против такого решения. По его мнению, гораздо легче и с гораздо большим успехом можно будет осуществить постановку моей оперы в Карлсруэ. Я возразил только одно, что там я буду лишен возможности присутствовать во время разучивания произведения. Но именно относительно этого пункта Девриент уверил меня, что ввиду расположения ко мне герцога Баденского, готового принять энергичное участие в моих делах, я могу питать самые оптимистические надежды. Все это было очень приятно слышать. С большим интересом я узнал от Девриента о теноре Шнорре[315], который обладает прекрасным голосом и питает большие симпатии к моим произведениям.

В наилучшем настроении я старался выказать себя перед Девриентом особенно любезным хозяином. Однажды утром я пропел и прочитал ему все «Золото Рейна», по-видимому, очень ему понравившееся. Наполовину серьезно, наполовину шутя я сказал ему, что, набрасывая партии Миме, я надеялся, если мы только доживем до этого, увидеть его в данной роли. Заодно я решил воспользоваться пребыванием у меня Девриента и устроить ему вечер декламации. Я пригласил друзей, в том числе Земпера и Гервега. Девриент прочел Антония из «Юлия Цезаря» очень хорошо, и даже Гервег, который относился к такому чтению с априорной насмешкой, признал, что законченность актерской техники должна была произвести впечатление на слушателей. За моим столом Девриент написал герцогу Баденскому о моих планах и о нашей встрече. Вскоре после его отъезда я получил очень для меня отрадное собственноручное письмо герцога, в котором он высказывал искреннюю признательность за присланный его супруге отрывок для ее альбома и вместе с тем вполне определенно выражал желание принять участие в моей судьбе и особенно оказать содействие в вопросе о разрешении мне вернуться в Германию.

С этих пор вопрос о разработке «Тристана» был решен для меня окончательно. Приезд Девриента и связанные с ним события надолго поддержали во мне хорошее настроение, благодаря чему я мог довести до конца партитуру второго акта «Зигфрида». Ежедневно в солнечные послеобеденные часы я гулял по уединенному Зильталю. Долго и внимательно я прислушивался к пению птиц, причем, к удивлению своему, узнал новые их породы, совершенно мне неизвестные. То, что я запомнил из их

мотивов, я перенес в художественной обработке в лесную сцену «Зигфрида»[316]. В начале августа я закончил тщательно разработанный эскиз второго акта. Я радовался, что впоследствии, когда возьмусь за продолжение работы, мне придется начать с третьего акта, с пробуждения Брюнгильды. Мне казалось, что все проблематичное уже преодолено, что отныне мне предстоит испытывать одни только наслаждения.

322

Итак, твердо убежденный в целесообразном распределении своих творческих сил, я намеревался приступить к композиции «Тристана». Но как бы для того чтобы испытать мое терпение, из Лондона приехал Фердинанд Прэгер! Это был прекрасный человек, и своим посещением, в сущности говоря, он доставлял мне истинную радость, так как я убедился в его испытанной и преданной дружбе. К сожалению, он внушил себе мысль, что страшно нервен, что судьба преследует его, а так как при самом добром желании я не находил никаких слов сочувствия, то жалобы его до известной степени стали меня тяготить. Я постарался развлечь его поездкой в Шаффхаузен [Schaffhausen], где впервые увидел знаменитый Рейнский водопад[317], произведший на меня довольно сильное впечатление.

Кроме того, Везендонки переехали наконец в свою виллу, отделанную парижскими штукатурами и обойщиками. Отныне я вступил в новую, не особенно значительную фазу знакомства с этой семьей[318], во многом изменившую внешний характер моей жизни. Благодаря близости наших домов отношения наши делались более и более тесными, уже по одному тому, что общение поддерживалось разными повседневными мелочами. Я стал замечать, что Везендонк – и он выражал это честно и откровенно – тяготился моим постоянным присутствием в его доме. В степени прогрева помещения, в освещении, в выборе времени обеда приходилось считаться со мной. А это, по его мнению, нарушало его хозяйские права. И вот после нескольких интимных разговоров между нами установилось полумолчаливое, полувыраженное дружеское соглашение, у посторонних возбуждавшее недоверие к характеру наших отношений. Мы оказывали друг другу особое внимание, что временами не могло не забавлять нас обоих: тайна нашего взаимного обращения была для нас ясна.

Благодаря случайному стечению обстоятельств сближение с моими соседями совпало с началом разработки «Тристана и

Изольды». Вскоре в Цюрих прибыл Роберт Франц, произведший на меня хорошее впечатление своим симпатичным характером. Его приезд рассеял мои опасения относительно серьезности того конфликта, который вызвало его выступление в защиту «Лоэнгрина». Оно привело к некоторым осложнениям, когда тесть его, Генрих, опубликовал обо мне отдельную брошюру. Мы музицировали вместе. Он аккомпанировал мне при исполнении некоторых его песен. Музыка «Нибелунгов» понравилась ему. Когда, однако же, собираясь провести несколько часов в его обществе, мы пригласили его на обед, он выразил желание, чтобы на этот раз у Везендонков не было никого – он боялся, что рядом со мной ему придется стушеваться, а ему хотелось сосредоточить на себе внимание хозяев. Мы много шутили по этому поводу, и я охотно подчинился его желанию: на некоторое время я был избавлен от необходимости поддерживать разговор с таким скупым на слова и сухим собеседником, как Франц. Он уехал от нас, и в дальнейшем я не имел о нем никаких вестей.

Когда я почти довел до конца первый акт текста «Тристана», в Цюрих приехала молодая чета, имевшая особые права на мое внимание. В начале сентября в гостинице *Zum Raben* [«У ворона»] остановился Ганс фон Бюлов со своей молодой женой Козимой, дочерью Листа. Я пригласил их переселиться в мой маленький домик. Здесь они провели в качестве моих гостей – желание видеть меня главным образом и привело их в Цюрих – довольно продолжительное время.

Месяц сентябрь прошел очень оживленно. Я закончил текст «Тристана», и он тотчас же был переписан Гансом. Отдельные акты я читал своим друзьям. Затем я решил собрать их всех вместе и прочесть им вещь целиком. Это чтение произвело на них сильное впечатление. Госпожа Везендонк была особенно взволнована содержанием последнего акта. Я утешал ее, говоря, что нечего горевать, что серьезные драмы кончаются именно так, как у меня в «Тристане», в чем Козима совершенно согласилась со мной. В общем, мы музицировали много, ибо в Бюлове я нашел подходящего исполнителя для безумно трудных клавираусцугов моей партитуры «Нибелунгов». Даже в моих композиционных эскизах обоих актов «Зигфрида» Ганс сумел быстро разобраться: он играл, как по настоящему клавираусцугу. По обыкновению, я пел все партии. Иногда к нам присоединялись несколько слушателей, среди которых госпожа Вилле проявила наиболее чуткое понимание моей музыки. Козима слушала с поникшей головой, не давая ничем чувствовать свое присутствие. Если к ней обращались с настойчивым вопросом, она отвечала слезами.

В конце сентября мои молодые друзья покинули меня и

переехали на место своего постоянного жительства, в Берлин. Там они хотели устроить свой семейный очаг.

323

Наше частое музицирование было своего рода реквиемом для моих «Нибелунгов», так как я окончательно отложил их в сторону. При дальнейших дружеских встречах я вынимал желтеющие листы, напоминавшие о прерванной работе. В первых числах октября я начал композицию «Тристана» и первый акт его закончил к Новому году. Уже раньше я инструментовал прелюдии. Во время работы над «Тристаном» меня охватило мечтательно жуткое настроение. Постоянные занятия, продолжительные прогулки, несмотря на холод и непогоду, чтение Кальдерона[319] по вечерам – таково было распределение рабочего дня, и я очень недружелюбно относился ко всему, что могло нарушить этот распорядок. Сношения с внешним миром ограничивались одними переговорами с нототорговцем Гертелем относительно издания «Тристана». Я написал ему, что в противоположность грандиозному «Кольцу нибелунга» я задумал более удобное для постановки произведение, требующее только двух-трех певцов. Гертель охотно пошел навстречу моему предложению, и я рискнул попросить у него 400 луидоров гонорара. В ответ на это я получил от него письмо, в котором он просил меня вскрыть прилагаемый конверт, содержащий его предложения, только в том случае, если я считаю возможным отказаться от моих требований гонорара, так как новое мое произведение он не находит легко исполнимым. В закрытом конверте я нашел проект договора. Он предлагал мне всего 100 луидоров, но обязывался через пять лет разделить со мной доходы с издания или откупить у меня мои права за дополнительный гонорар такой же величины. Я принужден был согласиться на его условия и занялся инструментовкой первого действия, чтобы иметь возможность немедленно поактно отдать партитуру в печать.

324

Кроме того, меня в ноябре интересовал кризис на американском денежном рынке[320]. В продолжение нескольких тревожных недель все состояние Везендонков висело на волоске. Вспоминаю, что мучительная неизвестность положения переносилась Везендонками в высшей степени мужественно. Но разговоры о возможной продаже усадьбы, дома, лошадей

неизбежно придавали нашим вечерним собраниям унылый характер. Везендонк уехал, чтобы посоветоваться с различными иностранными банкирами.

Моя жизнь текла обычным порядком: по утрам я занимался «Тристаном», а по вечерам читал Кальдерона. С тех пор как я при помощи произведений Шака[321] достаточно подготовился к пониманию испанской драматической литературы, он производил на меня глубокое, сильное впечатление.

Наконец, американский кризис прошел благополучно. Оказалось, что состояние Везендонков значительно увеличилось. Зимними вечерами я снова читал «Тристана» расширившемуся кругу друзей. Готфриду Келлеру нравилась сжатая форма произведения, в тесных рамках трех вполне законченных сцен. Но Земпер был недоволен: он ставил мне в упрек слишком серьезное ко всему отношение. По его мнению, сущность художественной трактовки подобного предмета состоит именно в некотором преломлении серьезного элемента: наслаждение выигрывает при этом в своей углубленности. Вот почему ему так нравился моцартовский «Дон Жуан»: трагические типы даны там в обстановке пестрого маскарада, где над всем господствует домино. Я соглашался, что было бы гораздо лучше, если бы на жизнь я смотрел серьезнее, а на искусство несколько легче. Но в данном случае все должно быть как раз наоборот. В результате каждый был чем-нибудь недоволен и неодобрительно качал головой. После того как я вчерне набросал первый акт и сам ближе ознакомился с характером моего музыкального произведения, я невольно посмеялся, вспомнив свое первоначальное намерение сделать из него род «итальянской оперы», и отсутствие известий из Бразилии перестало меня беспокоить.

В конце этого года я сосредоточил все свое внимание на опасностях, угрожавших моим операм в Париже. Оттуда прибыл один молодой автор, обратившийся ко мне с просьбой поручить ему перевод «Тангейзера» ввиду намерения директора Лирического театра [Theâtre Lyrique], господина Карвальо[322], поставить оперу в Париже. Известие это испугало меня, так как мои права собственности не были обеспечены во Франции и всякий мог распоряжаться ими по своему усмотрению. О том, как в этом Лирическом театре ставят оперы, я узнал из недавнего отчета о представлении веберовской «Эвриантьі». Ради каких-то целей ее подвергли возмутительной переработке, или, вернее сказать, искажению. Так как старшая дочь Листа Бландина недавно вышла замуж за известного адвоката Э. Оливье[323] – обстоятельство, обеспечившее мне серьезную помощь в моем

деле, – я немедленно принял решение съездить на неделю в Париж и лично убедиться в справедливости дошедшего до меня известия о постановке оперы и во всяком случае обеспечить себе законом предусмотренную полную неприкосновенность моих авторских прав во Франции. Я был в крайне удрученном настроении, чему более всего способствовало переутомление, вызванное продолжительными работами. Земпер был прав, упрекая меня в слишком серьезном отношении к делу, прав постольку, поскольку такое отношение требовало страшной затраты душевных сил. Свидетелем тогдашних моих переживаний, под влиянием которых мне опротивели все мирские заботы, является, насколько припоминаю, письмо мое к старому другу Альвине Фромман, писанное в канун 1858 года.

325

К началу 1858 года я до такой степени ясно почувствовал потребность некоторого перерыва в работе, что одна мысль приняться сейчас же за инструментовку первого акта «Тристана и Изольды» привела меня в ужас. Я не думал еще о поездке в Париж. А в данных условиях жизни ничто не утешало меня больше: Цюрих, дом, друзья. Даже казавшееся столь приятным близкое соседство семьи Везендонков только усиливало мое плохое самочувствие. Невыносимо тяжело было целые вечера напролет проводить в беседах и разговорах, в которых считал своей обязанностью принимать участие и мой добрый друг Отто Везендонк. Тревожные, мучительные предчувствия, что вскоре в доме все пойдет на иной лад, в большем соответствии с моими, чем с его вкусами, придавали его словам особенную напряженность. Он был похож на человека, который, считая, что им пренебрегают, накидывается на каждый начинающийся разговор и мгновенно тушит его. Скоро все мне стало в тягость.

Лишь один человек замечал мое настроение и обнаруживал некоторое понимание происходящего[324]. Но при таких обстоятельствах участие его не могло меня утешить.

И вот среди жестокой зимы я решил предпринять поездку в Париж, несмотря на то что не располагал в данную минуту никакими деньгами и надо было прибегать к экстренным мерам. Тут проснулась давно дремавшая во мне мысль: уехать и более сюда не возвращаться. Страшно расстроенный, я прибыл 15 января в Страсбург и, не будучи в состоянии ехать дальше, написал Эдуарду Девриенту в Карлсруэ, прося его ходатайствовать перед Великим герцогом, чтобы на обратном

пути из Парижа меня встретил в Келе[325] и сопровождал в Карлсруэ его адъютант. Там я хотел познакомиться с певцами, которые должны были петь «Тристана». За дерзкое желание иметь в своем распоряжении герцогского адъютанта я получил от Эдуарда Девриента порядочную взбучку, из чего я увидел, как превратно была истолкована моя просьба. Он думал, что она была вызвана нелепой погоней за почестями, тогда как мной руководили иные побуждения: в качестве опального я не видел иного средства для осуществления в Карлсруэ моих художественно-артистических целей. Я не мог не посмеяться над происшедшим недоразумением. В то же время меня сильно огорчила мелочность старого друга, ясно показавшая, на что я мог надеяться в будущем.

Желая дать отдых натянутым нервам, в сумерках пошел я бродить по улицам Страсбурга. Вдруг мой взор поразило слово «Тангейзер», стоявшее на театральной афише. Подойдя ближе, я увидел, что имелась в виду только увертюра, которая должна была исполняться перед началом какой-то французской пьесы. Я не мог понять, что это значит, и, конечно, взял билет в театр. Было совсем пусто. Тем полнее казался оркестр, который был размещен прекрасно. Под управлением своего капельмейстера он отлично исполнил мою увертюру. Так как я сидел очень близко в партере, то меня узнал литаврщик, принимавший в 1853 году участие в исполнении моей оперы в Цюрихе. С быстротой молнии весь оркестр облетело и достигло капельмейстера известие о моем присутствии в театре. Все пришло в движение. Немногочисленная публика, очевидно, собравшаяся ради французской комедии и нимало не склонная придавать значение увертюре, была крайне поражена, когда по окончании музыкального номера оркестр с дирижером во главе обратился в мою сторону, приветствуя меня восторженными аплодисментами. Я встал и сделал ответный поклон. С любопытством устремились на меня взоры присутствующих, когда после этой сцены я поднялся и направился к выходу, чтобы отыскать и достойным образом поблагодарить капельмейстера. Последний – страсбуржец, господин Хассельман [Hasselmann] – оказался очень добродушным, благожелательным человеком. Он проводил меня до моей гостиницы и рассказал, между прочим, об интересных обстоятельствах, которые вызвало явившееся для меня неожиданностью исполнение увертюры. Один богатый страсбуржец, большой любитель музыки, которому жители Страсбурга обязаны сооружением их театра, отказал по завещанию значительный капитал на привлечение солидных сил для оркестра. Еженедельно, перед началом обычных спектаклей,

он должен был в полном составе исполнять какое-нибудь серьезное инструментальное произведение. На очереди оказалась увертюра к «Тангейзеру». У меня осталось в памяти испытанное чувство зависти к Страсбургу, давшему миру гражданина, равного которому я не встретил ни в одном из тех городов, где мне приходилось бывать по музыкальным делам, не исключая и Цюриха.

326

В то время как я с капельмейстером Хассельманом беседовал о страсбургских музыкальных делах, в Париже произошло покушение Орсини[326] на императора. Уже на следующее утро, когда я был на пути из Страсбурга в Париж, дошли до меня неясные слухи об этом событии. Когда 16 числа я прибыл в Париж, кельнер отеля сообщил мне все подробности происшествия. Я счел этот случай злостной выходкой судьбы, специально направленной против меня. Казалось, что вот появится мой старый знакомый, агент Министерства внутренних дел, и принудит меня, как политического эмигранта, немедленно покинуть Париж. Я решил, что, поселившись в большом, около этого времени открытом *Hôtel du Louvre*[327], я буду на лучшем счету у полиции. Вот почему я покинул маленький, темный отель на улице Рю-де-фий-Сен-Тома [rue des fi lles St. Thomas], где снял комнату в погоне за дешевизной. Собственно говоря, я имел намерение поселиться в давно известной мне гостинице на Рю-ле-Пеллетье [rue le Pelletier]. Как раз на этой улице было совершено покушение. Тут искали и задержали преступников. Удивительно, я мог прибыть в Париж двумя днями раньше и остановиться в этом отеле!

Преклонившись перед спасшей меня неисповедимой судьбой, я стал разыскивать господина Оливье и его молодую жену. В лице первого я приобрел в высшей степени симпатичного и деятельного друга. Узнав о причинах моего приезда в Париж, он охотно предложил мне свои услуги. В один прекрасный день мы отправились к дружески расположенному и, по-видимому, весьма любезному нотариусу. Я передал Оливье с некоторыми оговорками мои авторские права и написал соответствующую доверенность. Хотя от меня и потребовали исполнения тысячи формальностей, но в общем ко мне отнеслись с большой предупредительностью, и благодаря содействию нового друга все обошлось вполне благополучно. Вскоре во Дворце Правосудия, в «Зале потерянных шагов»[328], Оливье представил меня

знаменитейшим адвокатам мира, которые прогуливались в мантиях и шапочках. Я разговорился с ними и настолько сошелся, что был вынужден обступившей меня толпе адвокатов объяснить сюжет «Тангейзера». Все это мне очень понравилось.

Не менее удовольствия доставили мне беседы с Оливье о его политических взглядах и общем направлении его мыслей. Он верил только в республику, которая, по его словам, должна снова и навсегда утвердиться после неизбежного свержения владычества Наполеона III. Он и его друзья отнюдь не заходили так далеко, чтобы призывать к революции, они готовились только к одному: не сделаться при неизбежном ее наступлении жертвой интриганов. Принципиально Оливье сочувствовал самым крайним выводам социализма. Он знал и уважал Прудона, но не как политика. Считал он прочным только то, что основано на началах политического переустройства. В области обычного законодательства, где, в видах общественной пользы, введены некоторые важнейшие меры, ограничивающие злоупотребление частным правом, он уже и сейчас предвидел быстрый прогресс. Он ждал осуществления в недалеком будущем смелых планов равномерного распределения общественных богатств. К моему большому нравственному удовлетворению, я заметил, что сделал большие успехи в смысле совершенствования личного характера, так как мог выслушивать и обсуждать эти мысли и многие другие, не проявляя при этом того раздражения, какое охватывало меня прежде при подобных спорах.

В высшей степени благотворно было в этом случае влияние Бландины, кроткой, ясной и разумно-спокойной женщины, одаренной способностью быстро схватывать сущность вещей. Между нами установилась душевная близость. Мы понимали друг друга с первого слова, о чем бы ни шла речь: о предметах ли, о людях ли, с которыми приходили в соприкосновение.

Настало воскресенье. В этот день назначен был консерваторский концерт, на который друзья мои достали мне билет. До сих пор я бывал только на репетициях. Мне пришлось сидеть как раз в ложе вдовы композитора Герольда, очень симпатичной женщины, которая сейчас же отрекомендовалась мне в качестве горячей сторонницы моей музыки. Сама она, впрочем, почти не была с этой музыкой знакома. Но ей передался энтузиазм ее дочери и зятя, которые, как я уже упоминал раньше, слышали «Тангейзера» в Вене и Берлине во время свадебного путешествия. Все это было крайне приятно. Здесь мне удалось в первый раз слышать исполнение «Времен года»[329] Гайдна, доставившее необыкновенное удовольствие публике. Она считала, очевидно, особенно оригинальными и восхитительными

мелизматические каденции, столь несвойственные современной музыке и столь часто завершающие музыкальные фразы у Гайдна. Конец дня я очень приятно провел в кругу семьи Герольда. Туда пришел поздно вечером один человек, появление которого было событием первостепенной важности. Это был тот самый господин Скюдо[330], о котором я потом узнал, что в качестве весьма видного музыкального сотрудника *Revue des Deux Mondes* он оказывал давление на другие журналы в самом неблагоприятном для меня смысле. Любезная хозяйка хотела воспользоваться случаем и, познакомив его со мной, расположить его в мою пользу. Я заявил, что на «салонном вечере» беседы о серьезных вещах неуместны и не достигают цели. Потом я узнал из достоверных источников, что основания, исходя из которых этот господин, не ознакомившись достаточно с предметом, позволяет себе писать против художника, не имеют ничего общего не только с какими бы то ни было убеждениями, но и с вопросом, нравится или не нравится критику данный автор. Радушная семья Герольда поплатилась за проявленное ею расположение ко мне. Скюдо в своем отчете о моих концертах осыпал ее градом насмешек, назвав, между прочим, семьей «ярых демократических принципов».

Здесь я разыскал моего лондонского друга Берлиоза и нашел его в довольно хорошем настроении. Я сообщил ему, что приехал в Париж на самое короткое время с целью немного рассеяться. Он был занят тогда композицией «Троянцев»[331]. Чтобы получить представление об этой опере, необходимо было ознакомиться со стихотворным ее текстом, им самим написанным. Он пожертвовал целым вечером, чтобы прочесть мне свое либретто. И самая концепция произведения, и его удивительно сухая и притом театрально аффектированная трактовка произвели на меня отрицательное впечатление. На основании текста я мог судить и о характере музыки, которая должна была его иллюстрировать. Можно себе представить мое отчаяние, когда я узнал, что Берлиоз считает эту вещь своим капитальнейшим произведением и завершение ее – главной целью своей жизни.

327

Вместе с Оливье я был приглашен в семью Эрара, где встретил старого друга, вдову Спонтини. Мы провели чудесный вечер. Мне пришлось занимать присутствующих игрой на рояле. Слушатели мои утверждали, что очень хорошо поняли различные отрывки из моих опер, которыми я их угощал, и благодарили за

огромное наслаждение. Во всяком случае в стенах этого роскошного салона никогда еще не было столь симпатичного музыкального вечера. Знакомство с любезной M-me Эрар и зятем ее Шеффером [Schäffer], который после смерти ее мужа вел все ее дела, оказалось для меня очень выгодным. Оно гарантировало мне обладание роялем знаменитейшей фабрики. Уже это одно сообщало огромный интерес моей поездке, предпринятой с весьма смутными целями. Перспектива получить инструмент радовала меня до такой степени, что, признав все прочие надежды химерическими, я склонен был в одном этом обстоятельстве видеть истинный смысл всей поездки.

В просветленном настроении я покинул 2 февраля Париж с намерением на обратном пути разыскать в Эперне [Epernay] старого друга Китца. В судьбе этого неудачника принял участие его случайный давнишний знакомый Поль Шандон [Chandon]. Он пригласил его к себе и доставил ему целый ряд портретных заказов. Сейчас же по моем прибытии я попал в гостеприимный дом Шандона, где должен был волей-неволей провести два дня. Здесь я встретил страстного ценителя моих опер, особенно «Риенци», на первом представлении которого в Дрездене он в свое время присутствовал. Кроме того, я посетил знаменитые винные погреба, тянущиеся на протяжении нескольких миль по скалистой почве Шампани. Китца я застал за писанием портрета. На этот раз, по общему мнению, он должен был довести его до благополучного конца. Портрет сильно интересовал меня. Наконец мне удалось избавиться от никому не нужных бесед и вырваться из гостеприимного дома.

5 февраля я вернулся обратно в Цюрих, письменными приглашениями собрав в этот день у себя всех своих друзей. У меня была масса новых впечатлений, и мне хотелось поделиться ими со своими приятелями. Но лень было делать утомительные и подробные сообщения каждому в отдельности, и я пожелал сразу покончить со всем имевшимся у меня материалом. Среди гостей был и Земпер. Он несколько завидовал моей поездке в Париж и окончательно рассердился, выслушав мои веселые рассказы. При этом он назвал меня «бессовестным баловнем судьбы», очевидно считая огромнейшим несчастьем для себя то, что сам он был прикован к «Цюрихскому гнезду».

Как смеялся я над этой завистью! Мои дела медленно подвигались вперед. Хотя оперы мои давно уже были проданы, но от вырученного капитала оставались небольшие крохи. Так как единственным реальным результатом всех представлений была незначительная сумма денег, мне пришло в голову продать «Риенци» как наиболее пригодную для плохих театров оперу.

Прежде, однако, чем предлагать ее, надо было хлопотать о возобновлении ее на сцене, чему сильно препятствовало недавнее покушение Орсини. Не желая ее ставить, дирекции театров ссылались на него. Тем временем я продолжал работать над инструментовкой первого акта «Тристана», отлично сознавая, что вещь эта встретит тысячу препятствий политического и всякого иного характера. Таким образом, я трудился без определенной цели, почти без всяких надежд на успех.

328

В марте месяце M-me Везендонк объявила мне, что она хотела бы в день рождения мужа[332] устроить у себя нечто вроде музыкального утра. На эту мысль навело ее музыкальное утро, устроенное зимой, в день ее собственного рождения[333], при дружеском содействии восьми цюрихских музыкантов. Гордостью виллы Везендонков была небольшая, элегантно отделанная, парижской штукатурной работы лестница, о которой я однажды сказал, что она могла бы пригодиться для музыкальных целей. Это было тогда испробовано в «малых формах». Теперь опыт следовало повторить в более грандиозном виде. Я вызвался сформировать приличный оркестр и исполнить отрывки бетховенских симфоний, преимущественно радостного, светлого характера. Необходимые приготовления к празднику потребовали много времени и не были окончены ко дню рождения. Так дотянули мы до Святой недели – концерт состоялся в один из последних дней марта месяца. Семейный праздник удался как нельзя лучше, оркестр, достаточно полный для бетховенской инструментовки, исполнил с большим успехом под моим управлением избранные и удачно скомбинированные отрывки симфоний. Гости помещались в расположенных поблизости комнатах. Своей необычайностью этот домашний концерт произвел на всех огромное впечатление. Перед началом молоденькая дочь[334] хозяев поднесла мне прекрасную, слоновой кости с резьбой, сделанной по рисунку Земпера, дирижерскую палочку. Первый и единственный полученный мной почетный подарок. При дирижировании не было, конечно, недостатка в цветах и всевозможной зелени. И когда, по личному моему желанию, мы закончили концерт не шумной, а наоборот, глубоко успокаивающей вещью, Адажио из Девятой симфонии, присутствующие должны были сознаться, что музыкальное утро явилось настоящим событием в жизни цюрихского общества. Друзья мои гордились музыкальным праздником – они были

глубоко и радостно взволнованы. На меня же это торжество произвело тяжелое впечатление как напоминание о том, что все возможное в жизни уже достигнуто, что содержание ее уже исчерпано, что тетива лука напряжена до последней степени. Впоследствии жена доктора Вилле сообщила мне, что ее волновали подобные же ощущения.

3 апреля я послал в печать в Лейпциг рукопись партитуры первого акта «Тристана и Изольды». Карандашные наброски инструментовки вступления, обещанные госпоже Везендонк, я отправил последней, приложив к посылке письмецо, где серьезно и спокойно описал ей овладевшее мною тогда настроение. Минна стала подозрительно относиться к нашей соседке и все чаще жаловалась на то, что семья Везендонков не оказывает ей того внимания, на какое она вправе рассчитывать в качестве моей жены. Кроме того, она находила, что госпожа Везендонк, посещая наши собрания, явно показывала, что она находится в гостях у меня, а не у нее. Но открыто высказывать свои ревнивые подозрения Минна не решалась. В то утро, случайно остановившись в саду, она наткнулась на слугу, несшего мое послание, вскрыла его и прочла письмо. Так как она совершенно не в состоянии была понять моего настроения, то и придралась к пошлому, буквальному значению слов и на этом основании сочла себя вправе ворваться в мою комнату и осыпать меня градом упреков по поводу сделанного ею ужасного открытия. Потом она созналась, что ее особенно разозлило полное спокойствие, невозмутимое равнодушие, с каким я отнесся к ее глупому поведению. Действительно, я не сказал ни слова, даже не изменил своей позы – я ждал, когда она направится к двери.

Сцена эта ясно доказала невозможность продолжать наши 8 лет тому назад возобновившиеся семейные отношения. Я понял, что сегодняшнее поведение жены будет иметь решающее влияние на дальнейшую мою жизнь. Твердым тоном я рекомендовал ей соблюсти спокойствие и воздержаться как от неверных суждений, так и от ложных поступков ввиду того значения, какое может иметь для нас сегодняшнее само по себе ничтожное происшествие. Она, казалось, кое-что поняла, обещала успокоиться и оставить свою глупую ревность. К несчастью, бедная жена сильно страдала от своей все усиливавшейся сердечной болезни, страшно влиявшей на ее настроение. Она все видела в мрачном свете, мучительное беспокойство, свойственное страдающим расширением сердца, не покидало ее. Но она надеялась через несколько дней вздохнуть свободнее, так как с добрыми, как она полагала, намерениями решила предостеречь соседку от могущей иметь опасные последствия дружбы со мной.

Возвращаясь с прогулки, я встретил в коляске Везендонков. Я заметил расстроенный вид г-жи Везендонк и, напротив, странно улыбающееся, довольное выражение лица ее супруга. Что-то произошло. Свою жену я нашел значительно повеселевшей. Она дружески протянула мне руку и снова подарила меня своим расположением. На мои расспросы она ответила весьма определенно: как умная женщина она знает, что нужно делать в подобных случаях. Она поступила так, как считала необходимым. Я объяснил ей, что она первая и пострадает впоследствии. Пока же я рекомендовал ей подумать об укреплении здоровья и с этой целью по прежде намеченному плану отправиться на курорт Брестенберг [Brestenberg] на Хальвильзее[335]. Нам рассказывали об успешном лечении сердечных болезней тамошним врачом. Минна была вполне согласна с его методом. Через несколько дней, в течение которых я избегал осведомляться относительно того, что произошло в семье Везендонков, я проводил жену, захватившую с собой попугая, в красиво расположенный, довольно благоустроенный курорт в нескольких часах езды от нашего дома. В минуту прощания она поняла всю мучительную серьезность нашего положения. Мне нечем было утешить ее. Я обещал ей только приложить все усилия, чтобы устранить дурные последствия нарушенного ею слова.

329

Вернувшись домой, я увидел, что успела натворить Минна по отношению к нашей соседке. В своем грубом непонимании моих истинных, дружеских отношений к госпоже Везендонк, всегда проявлявшей теплые заботы о моем покое и благополучии, она зашла так далеко, что даже грозила сделать какие-то разоблачения ее мужу. Она глубоко оскорбила не знавшую за собой никакой вины молодую женщину. Последняя перенесла обиду на меня, не понимая, как это я оставлял жену в подобном неведении истинного положения вещей. В конце концов все кое-как уладилось благодаря разумному посредничеству нашего общего друга, жены д-ра Вилле. Мне удалось оправдаться в глазах г-жи Везендонк и снять с себя ответственность за поступки жены. Но мне все-таки было заявлено, что отныне оскорбленная женщина не может посещать мой дом и вообще поддерживать дальнейшее знакомство с моей женой. Единственным ответом на это с моей стороны мог быть только отъезд из Цюриха. Но высказанное мною намерение не встретило сочувствия со стороны потерпевшей и было отвергнуто. Мои отношения с

Везендонками были расстроены только отчасти. Испорченными окончательно их считать нельзя было, и я успокоился на мысли, что все со временем как-нибудь образуется. Больше всего я надеялся на улучшение здоровья жены, рассчитывая, что, немного поправившись, она сама поймет совершенные ею глупости и, разумным образом исправив их, сделает возможным возобновление наших отношений с расположенной к нам семьей.

Прошло некоторое время. Везендонки уехали на несколько недель в путешествие по Верхней Италии. Почти в уныние повергло меня прибытие долгожданного «Эрара»: только теперь я понял, каким инструментом, лишенным всякого тона, я пользовался до сих пор. Свой старый капельмейстерский рояль фирмы «Брейткопф и Гертель» я немедленно отправил вниз, в комнаты жены. Будучи чрезвычайно консервативной в своих вкусах, она уже давно выпросила его у меня. Впоследствии она увезла его с собой в Саксонию и, кажется, продала за 100 талеров. Новый рояль необыкновенно ласкал мой слух, я фантазировал на нем, и у меня невольно, сами собой вылились мягкие ночные голоса второго акта «Тристана». Вчерне я принялся набрасывать его в начале мая этого года.

330

Неожиданно работа моя была прервана приглашением Великого герцога Веймарского встретить его в Люцерне. Он должен был быть там проездом, возвращаясь из путешествия по Италии. Я исполнил его желание и удостоился в одной из люцернских гостиниц, в комнате камергера фон Больe, которого я знал со времени моего бегства, длинной беседы с моим воображаемым покровителем. Из этой беседы я понял, что мои отношения с Великим герцогом Баденским по поводу постановки «Тристана» в Карлсруэ произвели впечатление на веймарский двор. Когда Карл Александр упомянул об этом обстоятельстве, видно было, что он живейшим образом заинтересован в том, чтобы «Нибелунги» были поставлены на сцене веймарского театра. Ему хотелось услышать от меня уверения, что я предназначаю эту оперу для Веймара. Мне ничего не стоило обещать ему это. В общем меня занимала особа Великого герцога, который, непринужденно развалившись на узком диване, благосклонно болтал со мной о разных вещах. Он тщательно выбирал в разговоре выражения и обороты, стараясь произвести выгодное впечатление своей образованностью. Удивительно, что его ничуть не шокировали довольно неуместные, высказанные

необыкновенно сухим тоном замечания, которыми прерывал нашу беседу господин фон Больe. Между прочим, Великий герцог в изысканных выражениях захотел узнать мое «настоящее мнение» о композиторской деятельности Листа. На это камергер заметил, что сочинительство Листа не более как забава великого виртуоза. Я был крайне удивлен, не уловив ни малейшего признака неудовольствия на лице Великого герцога. Он равнодушно выслушал такой отзыв о друге, которого чтил высоко. Это выставляло в довольно странном свете дружескую верность герцога. Сам я изо всех сил старался поддерживать серьезный тон разговора.

На следующее утро я должен был еще раз посетить Великого герцога. Камергера не было, и это обстоятельство благотворно отразилось на его мнениях. Он громко говорил о том, что не может по достоинству оценить советы и заслуги Листа, то одушевление, какое он вносит повсюду. Вообще он отзывался о Листе в самых теплых выражениях. Вскоре вышла к нам жена Великого герцога[336], и я был поражен ее ласковым, приветливым обращением. Оно было особенно ценно со стороны столь чинно державшей себя дамы и осталось у меня в памяти навсегда. На встречу со мной эти высокие особы смотрели как на довольно приятное дорожное приключение. Впрочем, с тех пор я никогда больше о них ничего не слыхал.

Когда я потом посетил в Веймаре Листа, незадолго перед его отъездом из этого города, он не мог уговорить герцога принять меня![337]

331

Вскоре после моего возвращения из этой поездки явился ко мне с рекомендательным письмом от Листа Карл Таузиг[338]. Ему было тогда 16 лет. Он был очень миловидной наружности и поражал преждевременной зрелостью и в смысле умственного развития, и в смысле манеры говорить. После публичного выступления в Вене в качестве пианиста его прозвали «будущим Листом». Таким он себя и держал. Курил он самые крепкие сигары, какие только можно было найти. Он внушал мне настоящий ужас. Однако меня радовало его решение провести некоторое время со мной, так как мне весьма импонировала его натура, странная смесь чего-то полудетского и большой рассудительности, даже некоторого лукавства. К тому же меня привлекали его удивительно зрелая фортепьянная игра и вообще быстрота его музыкальной чуткости. Он играл все с листа и,

чтобы позабавить меня, иногда шалил и забавлялся своим искусством. Вскоре он совсем поселился вблизи меня, стал моим ежедневным гостем, завтракал, обедал у меня и должен был сопровождать меня в моих регулярных прогулках по окрестностям. Впрочем, этим он скоро стал тяготиться. Он ездил со мной в Брестенберг к Минне. Но так как я повторял эти поездки почти регулярно каждую неделю, интересуясь результатами лечения, то и они скоро надоели ему, и он искал случая от них избавиться. Очевидно, ему не нравились ни Брестенберг, ни знакомство с Минной.

Однако он не мог избежать частых встреч с ней, так как в конце мая, беспокоясь о доме, она прервала курс лечения и на несколько дней приехала ко мне. По ее поведению я заметил, что она не придает никакого значения происшедшему перед ее отъездом домашнему инциденту, считая, что здесь была простая «любовная интрижка», которую она сумела ввести в должные границы. Так как она выражалась об этом с крайне неприятным легкомыслием, я вынужден был однажды вечером, как мне ни хотелось избавить ее от этих разговоров из уважения к ее болезненному состоянию, выяснить точно и определенно положение вещей и внушить ей, что последствия ее своеволия и ее глупого поведения по отношению к нашей соседке заставляют меня серьезнейшим образом сомневаться в прочности с таким трудом вновь возведенного здания нашей совместной жизни. Напуганный известным ей происшествием, я решил не соглашаться на возобновление прежних отношений и подготовить Минну к той мысли, что нам необходимо расстаться. Горькие истины, которые я высказал ей при этом, казалось, сильно ее потрясли. Особенно расстроило ее мое напоминание о том, что своими же руками она разрушила домашний быт, кое-как налаженный. Нежные, полные достоинства жалобы я услышал от нее в ответ. Первый и единственный раз в жизни проявила она кроткое смирение, поцеловав мне на прощание руку. Этот разговор с женой, затянувшийся до поздней ночи, глубоко взволновал меня. Я был тронут, и во мне воскресла надежда на возможность большой и решительной перемены в характере бедной женщины. Я снова поверил в возможность упорядочения нашей жизни при данных условиях.

Все поддерживало во мне хорошее расположение духа: жена уехала завершить курс лечения обратно в Брестенберг, великолепная летняя погода благоприятствовала работе над вторым актом «Тристана», вечера с Таузигом развлекали меня. Отношения с соседями, которые не были настроены враждебно, вылились в форму, наиболее для меня подходящую и желанную.

В настроении г-жи Везендонк, считавшей себя особенно оскорбленной, должна была произойти известная перемена. Всесильное время постепенно делало свое дело. Я рассчитывал, что если жена по окончании лечения согласится уехать на некоторый срок к своим родственникам в Саксонию, все происшедшее будет предано забвению окончательно, и мало помалу установятся безупречные дальнейшие отношения между нами и нашими соседями.

332

Что еще сильно радовало мою душу, это ожидание одного интересного для меня визита и завязавшаяся переписка с двумя значительнейшими немецкими театрами. В июне явился берлинский театральный интендант для переговоров по поводу «Лоэнгрина». Успех, быстро завоеванный «Тангейзером» в Вене, оказался не безрезультатным: дирекция Придворного театра переменила позицию. Руководство технической стороной оперного дела было возложено с недавнего времени на капельмейстера Карла Экерта[339]. В опере был превосходный состав певцов. Как раз тогда интендантство нашло необходимым предпринять капитальную реставрацию театрального зала, повлекшую за собой приостановку спектаклей. Таким образом, у певцов и оркестра оказалось в распоряжении свободное время, благоприятное для изучения новой трудной оперы. Карл Экерт умело воспользовался счастливыми обстоятельствами и предложил дирекции поставить «Лоэнгрина». Тут-то и начались переговоры со мной. Я настаивал на сохранении «авторских прав», по образцу Берлина, но их мне не хотели гарантировать, как мне объяснили, потому что старое, небольшое по размерам здание театра получало крайне скудные доходы со спектаклей.

В один прекрасный день явился ко мне капельмейстер Эссер[340], специально присланный из Вены с повелением немедленно заключить со мной условия и от имени дирекции предложить 1000 гульденов за первые двадцать представлений «Лоэнгрина», обещая вторичную уплату такой же суммы. Своей искренностью и приветливым обращением честный музыкант очень скоро расположил меня к себе, и я без дальнейших размышлений подписал договор. Эссер добросовестно прошел со мной партитуру «Лоэнгрина», охотно приняв к сведению все мои замечания. Мы расстались, полные надежд на будущее. Он уехал в Вену, чтобы немедленно приняться за работу.

В хорошем настроении я к началу июля вчерне окончил

второй акт «Тристана» и принялся за его основательную разработку. Но мне не удалось пойти дальше первой сцены, потому что с этого момента начались досадные продолжительные перерывы в моих занятиях. Опять приехал Тихачек и расположился в маленькой комнате для гостей, желая, как он говорил, немного отдохнуть от напряженной работы последнего времени. Он похвалялся, что ему удалось включить мои оперы в репертуар Дрезденского театра, что он много содействовал победе, одержанной ими над местной публикой. В Дрездене должны были на днях давать «Лоэнгрина». Как ни отрадны были для меня такие известия, я не знал, как избавиться от этого милого человека. По счастью, я догадался направить его к Таузигу. Тот понял мое затруднительное положение и выручил меня из беды: он пригласил Тихачека к себе и почти целые дни занимал его игрой в карты.

Вскоре приехал молодой, столь прославленный тенор Ниман[341] со своей невестой, известной актрисой Зеебах[342]. Он поразил меня своим сверхчеловеческим ростом и показался мне созданным для роли «Зигфрида». Таким образом, у меня очутились одновременно в гостях два знаменитые тенора. Но ни один из них не хотел ничего спеть: они стеснялись друг друга. Относительно Нимана я был уверен, что голос его должен соответствовать его величественной внешности.

333

15 июля я поехал за женой в Брестенберг, так как она должна была снова водвориться в нашем доме. Воспользовавшись моим кратковременным отсутствием, слуга мой, хитрый саксонец, решил устроить торжество в честь возвращения хозяйки и соорудил триумфальные ворота. Это привело к серьезным недоразумениям: Минна сейчас же сообразила, что разукрашенная цветами арка бросится в глаза нашим соседям и достаточно ясно подчеркнет, что ее возвращение домой отнюдь не является для нее чем-то унизительным, что она не из милости принята мной обратно. Радостная и торжествующая, она настаивала, чтобы это сооружение не убиралось в продолжение нескольких дней.

В то же время меня посетили, согласно давнишнему обещанию, Бюловы. Как нарочно, Тихачек все откладывал и откладывал свой отъезд, и единственная маленькая комнатка для приезжих все время была занята, так что я вынужден был на несколько дней поселить своих друзей в гостинице. Эти

последние бывали не только у меня, но и у Везендонков. Через них я вскоре узнал, какое впечатление произвела на молодую женщину, все еще находившуюся под действием прошлого оскорбления, триумфальная арка. Меня страшно поразило известие о такой чрезмерной чувствительности со стороны моей соседки; я видел, какую цепь недоразумений и путаниц создало усердие моего слуги, и оставил всякую надежду на мирное разрешение обостренного положения вещей. Несколько дней продолжался невыносимый хаос. Мне хотелось бежать отсюда, от всех людей. Мое ужасное состояние осложнялось тем, что я должен был принимать гостей за гостями.

Наконец уехал Тихачек, и я мог предоставить помещение Бюловам. Ради их приятного общества я и остался еще на некоторое время. Поистине они были посланы мне самим небом, как пароотводная труба для насыщенной вредными элементами атмосферы моего дома. Как раз в день переезда к нам Бюловов между мной и Минной произошла ужасная сцена, свидетелем которой был Ганс. Минне я объявил напрямик, как только мне сделалось известно положение вещей, что дальше мы здесь жить не будем, что я только откладываю свой решенный отъезд и остаюсь до тех пор, пока будут гостить у нас наши молодые друзья. На этот раз я признался ей, что мое отчаяние вызвано не только ее поведением.

Целый месяц мы провели вместе в «Убежище»: домик был назван мной так без всяких дурных предчувствий. Это было страшно мучительное время, так как опыт каждого нового дня убеждал меня все больше и больше в правильности принятого решения совсем покинуть эти места. Молодые гости страдали не менее меня. Тяжелое нравственное состояние мое отражалось на всех, кто серьезно мне симпатизировал. В числе последних вскоре оказался Клиндворт. Он прибыл из Лондона точно для того, чтобы сделать более тягостным наше своеобразное совместное существование. Дом был полон гостей. За обеденным столом, прежде столь уютным, я видел робкие, озабоченные и испуганные лица моих друзей. Их принимала и угощала та, которая в скором времени должна была навсегда покинуть этот домашний очаг.

334

У меня было странное чувство: казалось, что должен появиться человек, который внесет свет и умиротворение или по крайней мере некоторый порядок в хаос наших взаимных отношений. Лист обещал приехать. К великому для него счастью,

он стоял в стороне от всех дрязг и раздоров. Светский человек, обладавший так называемым личным апломбом в самой высокой степени, он казался малопригодным, малоспособным разумно уладить происходившие у нас недоразумения. Тем не менее я хотел дождаться встречи с ним и уже потом принять окончательное решение. Тщетно просили мы его ускорить приезд. Вместо этого через некоторое время я получил от него приглашение приехать на один месяц на Женевское озеро!

Последнее мужество покинуло меня. Совместная жизнь с друзьями обратилась теперь в самое безотрадное существование. С одной стороны, никто не понимал, как это я могу покинуть столь симпатичный домашний уют. С другой стороны, каждому было ясно, что оставаться здесь невозможно. Кое-как мы музицировали, крайне рассеянно, без всякого одушевления. Как бы для того, чтобы довершить общую путаницу, подоспела еще одна неприятность: устраивался швейцарский певческий праздник. Меня осаждали всевозможными просьбами и требованиями. Я старался отказываться от всего, но это удавалось далеко не всегда. Так, между прочим, я не мог не принять господина Франца Лахнера, участвовавшего в этом празднестве в качестве гостя. Таузиг позабавил нас, пропев в высокой октаве специально для этого праздника сочиненную Лахнером в древнегерманском стиле военную песню, что было вполне по силам для его полудетского фальцета. Но даже его шалости не развлекали нас так, как прежде. При других обстоятельствах этот летний месяц мог бы считаться одним из самых оживленных месяцев моей жизни. Но все решительно усиливало мое угнетенное нравственное состояние. Графиня д'Агу[343], приехавшая повидаться со своей дочерью и зятем, присоединилась к нашему обществу. Чтобы окончательно переполнить наш дом, после долгих сборов и переговоров по этому поводу явился Карл Риттер, на этот раз подтвердивший мое мнение о нем как об интереснейшем, оригинальнейшем человеке.

Когда стало приближаться время отъезда моих гостей, я и сам начал готовиться к ликвидации домашних дел. Я сделал для этого все необходимое. Посетил Везендонков и в присутствии Бюлова простился с той женщиной, которая при усложняющейся путанице обстоятельств, по-видимому, упрекала себя за происшедшие раздоры, явившиеся причиной моего отъезда. Глубоко взволнованные, расстались со мной все мои друзья, я же находился в состоянии полнейшей апатии и едва мог отвечать на их трогательные выражения сочувствия.

16 августа покинули мой дом и Бюловы, Ганс – в слезах, Козима – в грустном молчании. С Минной мы уговорились, что

после моего отъезда она пробудет еще с неделю в Цюрихе, чтобы убрать дом и благоразумно распорядиться нашим маленьким имуществом. Я советовал ей поручить эти неприятные хлопоты другому, так как понимал, что при таких обстоятельствах все это ей будет очень тяжело. Она ответила отказом. Еще не хватало, чтобы в дополнение к нашему несчастью она дала расхитить наши вещи: порядок должен быть во всем! Как я потом узнал, Минна закончила все дела, касавшиеся ее отъезда и ликвидации хозяйства, к моему большому огорчению, с особенной торжественностью. В ежедневной газетке она поместила объявление, что по случаю дешево продаются хозяйственные вещи, необходимые в домашнем обиходе, и наделала этим много шуму. Сенсация получилась огромная. Стали распространяться всевозможные слухи, наш отъезд и те обстоятельства, которыми он вызван, обсуждали вкривь и вкось. Одним словом, получился целый скандал. Все это причинило потом и мне, и семье Везендонков ряд тяжелых огорчений и неприятностей.

335

На другой день после отъезда Бюловов – только пребывание этих друзей удерживало меня так долго на месте, – 17 августа на рассвете я поднялся с постели после проведенной без сна ночи и спустился вниз в столовую, где Минна уже ждала меня с завтраком: в 5 часов я должен был отправиться к поезду. Она была спокойна. Только когда мы ехали в экипаже на вокзал, она на минуту поддалась тяжелому настроению. Небо было ясное, безоблачное, стоял ликующий летний день. Я ни разу не оглянулся. Прощаясь с Минной, я не пролил ни одной слезы, что почти испугало меня самого. Напротив, когда тронулся паровоз, я испытал чувство облегчения, которое не мог от себя скрыть и которое все возрастало по мере удаления от Цюриха. Было ясно, что бесполезные мучения последнего времени оказались совершенно непереносимыми, и моя энергия и ее назначение требовали настоятельно, чтобы я вырвался из ненормальных и мучительных условий.

Вечером того же дня я прибыл в Женеву. Там хотел я немного отдохнуть, собраться с силами, чтобы в более спокойном состоянии духа наметить план дальнейшей жизни. Так как я намеревался вторично предпринять поездку в Италию, то следовало выждать наступления ранней осени, чтобы не страдать от губительно действующей перемены климата. Я нанял комнату на целый месяц в «Доме Фази» [Maison Fazy][344] и тешил себя

мыслью, что поживу там некоторое время. О моих намерениях и дальнейших планах насчет поездки в Италию я написал Карлу Риттеру в Лозанну. К моему удивлению, я получил от него известие, что он тоже намеревается покинуть Лозанну и поехать в Италию один, так как жена его по семейным обстоятельствам должна провести зиму в Саксонии. Он предложил себя в спутники, что было очень кстати. В Венеции в это время очень сносный климат, в чем он убедился во время своей прошлогодней поездки по Италии. Поэтому я пришел к решению ускорить отъезд. Мне надо было решить проблемы с паспортом. Я ждал удостоверения от посольства в Берне, чтобы, все еще считаясь политическим эмигрантом, не опасаться ничего в Венеции, которая принадлежала Австрии, а не Германскому Союзу. Лист, к которому я обратился за сведениями по этому поводу, стал решительно отговаривать меня от поездки туда. Но справка, которую один из моих друзей в Берне взял от австрийского посла, оказалась крайне для меня благоприятной, и, пробыв неделю в Женеве и известив Карла Риттера, что я готов к отъезду, я отправился к нему в его своеобразную виллу близ Лозанны. Я лично пригласил его тронуться со мной в путь.

336

Дорогой мы очень мало разговаривали и большей частью молча отдавались впечатлениям. Путь наш лежал через Симплон [Simplon] к Лаго Маджоре, где я вторично посетил от Бавено Борромейские острова. Здесь, на садовой террассе Изола Белла [Isola Bella], я наслаждался в обществе моего совсем не надоедливого, скорее слишком молчаливого друга великолепным утром позднего лета. В первый раз я почувствовал себя вполне успокоенным и окрыленным надеждой на новое гармоническое будущее. До Милана мы продолжали путь через Сесто Календе [Sesto Calende] в дилижансе. Карл едва позволил мне полюбоваться знаменитым собором – так сильно тянуло его поскорее в любимую им Венецию. Было приятно, что меня куда-то влекут. Когда 29 августа при закате солнца мы с полотна железной дороги увидели перед собой Венецию, как бы выплывающую из зеркальных вод, Карл в порыве энтузиазма высунулся из вагона и – при неосторожном движении – потерял шляпу. Не желая отстать от него, я нарочно бросил в окно и свою. Так, с непокрытыми головами, мы прибыли в Венецию и сейчас же наняли гондолу, чтобы прокатиться по Гранд-каналу до Пьяццетты близ Пьяцца Сан-Марко [Piazza San Marco; площади

Святого Марка].

Погода вдруг стала пасмурная. Самый внешний вид гондолы меня прямо испугал. Хотя я и много слышал об этих своеобразных, целиком выкрашенных в черный цвет экипажах, но вид их крайне неприятно поразил меня. Когда мне надо было войти под завешенную черным покрывалом крышу, я испытал чувство, похожее на испытанный мной когда-то страх перед холерой. Было такое ощущение, будто меня заставляют принять участие в перевозке трупов умерших от чумы. Карл уверял меня, что это испытывают все, но что к гондолам скоро привыкают. И вот началось длинное путешествие по многочисленным изгибам Гранд-канала. Новые впечатления не могли стряхнуть с меня грустного настроения. В то время как Карл, не замечая полуразвалившихся от времени зданий, обращал мое внимание лишь на Ка д'Оро[345] Фанни Эльслер[346] или другие знаменитые дворцы, мой унылый взгляд, наоборот, замечал только одни печальные руины. Наконец, я замолчал и, терпеливо покорившись своей участи, позволил высадить себя у всемирно известной Пьяццетты и показать себе Дворец дожей. Впрочем, я выговорил себе право восхищаться этим палаццо потом, когда я освобожусь от меланхолического настроения, в которое погрузился с момента прибытия в Венецию[347].

337

Переночевав в отеле Danieli[348], где мы нашли лишь мрачные комнатки, выходящие на узкие маленькие каналы, я стал искать на следующее утро помещение, где можно было бы расположиться надолго. Об одном из трех палаццо Джустиниани [Giustiniani], находящемся недалеко от палаццо Фоскари [Foscari], я слышал, что зимой, вследствие невыгодного положения, в нем мало или, вернее, почти совсем не живут иностранцы. Там я нашел необыкновенно высокие, значительной величины комнаты. Мне сообщили, что ни одна из них не занята. Я снял великолепную большую залу с прилегающей к ней просторной спальней и сейчас же велел перенести туда мой багаж. 30 августа вечером я сказал себе, что теперь я в Венеции.

При выборе помещения я руководствовался особыми соображениями: никто не должен был мешать моей работе. Сейчас же я написал в Цюрих, чтобы мне прислали моего «Эрара» и мою постель, так как, проведя одну ночь в местных условиях, я успел познакомиться с тем, что такое венецианский холод. Вскоре стала раздражать меня стена моего большого зала, выкрашенная

в серый цвет: она очень мало подходила к плафону, расписанному *al fresco*[349], как мне казалось, в хорошем вкусе. Я велел оклеить эту большую комнату обыкновенными гладкими темно-красными обоями. Это сопряжено было с некоторым для меня неудобством. Но когда все осталось позади и я с балкона целыми часами все с большим и большим восхищением смотрел вниз, на великолепный канал, я сказал себе, что здесь хочу завершить «Тристана»[350].

Я распорядился сделать еще одно изменение: я заказал темно-красные портьеры из дешевого ситца, чтобы задрапировать обыкновенные двери, которыми хозяин-венгр заменил в этом полуразрушенном дворце другие, старые – драгоценные, вероятно похищенные. Впрочем, хозяин позаботился о меблировке комнат, обставив их в несколько театральном вкусе. Нашлись позолоченные стулья, хотя и обтянутые простым плюшем. Но прекраснее всего оказалась резная позолоченная настольная подставка, выполненная из тонкой еловой древесины. Оставалось приобрести приличный красный ковер. Наконец прибыл мой «Эрар». Он был поставлен посредине большого зала, и отныне в прекрасной Венеции стали раздаваться звуки моей музыки[351].

Вскоре у меня началась уже знакомая с Генуи дизентерия, на несколько недель сделавшая меня неспособным к умственной работе. Я научился ценить по достоинству несравненную красоту Венеции и надеялся в наслаждении ею почерпнуть новые силы для возобновляющейся художественно-артистической деятельности. Во время одной из моих первых прогулок по *Riva*[352] со мной заговорили два иностранца, представившихся мне графом Эдмундом Зичи[353] и князем Долгоруковым[354]. Оба неделю тому назад покинули Вену, где присутствовали на первых представлениях «Лоэнгрина». Относительно последнего они сообщили мне самые отрадные известия, и по их энтузиазму я мог судить о силе произведенного на них впечатления. Граф Зичи покинул вскоре Венецию, Долгоруков намеревался провести в ней всю зиму. Хотя я и старался избегать знакомств, но этот пятидесятилетний русский князь сумел расположить меня в свою пользу. У него было серьезное, очень выразительное лицо, между прочим, он гордился своим древним кавказским родом. В беседах он обнаруживал превосходное и разностороннее образование, тонкое знание света и, главное, понимание музыки, в которой он был хорошо, хотя и избирательно ориентирован. Его любовь к музыке походила на тщательно взлелеянную страсть. Я сейчас же заявил ему, что по милости плохого состояния моего здоровья я должен отказываться от всякого общества и нуждаюсь в полном покое. Так как мест для прогулок в Венеции очень мало, то мне

было трудно совершенно избежать встреч с этим пришедшимся мне по душе иностранцем. Мы стали регулярно встречаться в гостинице «Сан-Марко» [Albergo S. Marco] [355], где я ежедневно обедал с Риттером. Князь жил в этом отеле, и я не мог запретить ему обедать там же. За все время моего пребывания в Венеции мы оставались с ним в дружеских отношениях, встречаясь почти ежедневно.

338

Более затруднительно было мое положение, когда однажды вечером я возвратился в мою квартиру и мне сообщили о приезде в наш дворец Листа. Я бросился в указанную комнату и, к ужасу своему, увидел там пианиста Винтербергера, который представился моему хозяину в качестве друга моего и Листа и в суматохе был принят за последнего. С этим молодым человеком я познакомился на самом деле, когда он, находясь в числе лиц, сопровождавших Листа, надолго приехал в Цюрих. Он считался прекрасным органистом. Когда исполнялись вещи для двух роялей, он играл партию второго рояля. Кроме некоторых странностей поведения, я не находил в нем ничего особенного. Прежде всего, я был удивлен, что он выбрал мою квартиру для своего пребывания в Венеции. Он явился, чтобы возвестить приезд некой княгини Голицыной, для которой он должен устроить здесь зимнее помещение. Так как он никого не знает, в Вене же ему сообщили, что я в Венеции, то естественно, что он явился в мой отель. Я заметил ему, что это вовсе не отель, и заявил, что если русская княгиня пожелает здесь расположиться, то я вынужден буду сейчас же отсюда уехать. Тогда он снова меня успокоил, сказав, что этой княгиней он хотел пустить пыль в глаза хозяину. На самом же деле она наняла себе квартиру в другом месте. Я снова спросил его, что он сам намерен делать именно в этом дворце, и обратил его внимание на то, что здесь очень дорого, что я трачу большие деньги на мою квартиру лишь потому, что хочу жить в уединении, без соседей и их фортепьянной игры. Он заверил меня, что не будет докучать своим присутствием, что останется только до тех пор, пока не отыщет для себя другой квартиры. Затем он прежде всего постарался подольститься к Карлу Риттеру. Последний помог ему найти во дворце комнату, которая была настолько отделена от моего помещения, что никакой шум не мог до меня долететь. Поневоле я должен был примириться с присутствием этого гостя в одном дворце со мной. Прошло много времени, прежде чем я

позволил Риттеру как-то раз вечером привести его ко мне.

Больше, чем ему, посчастливилось приобрести мое расположение одному венецианскому учителю музыки по имени Тессарин[356]. Он был типичным венецианским красавцем, правда странно заикался при разговоре. Страстный ценитель немецкой музыки, он хорошо был знаком как с новейшими произведениями Листа, так и с моими операми. Он называл себя в этом отношении «белым вороном» среди своих итальянских собратьев. Со мной ему удалось познакомиться через Риттера, который был занят в Венеции больше изучением людей, чем работой. Он нанял маленькую, в высшей степени скромную квартирку на Рива-дельи-Скьявони [Riva dei Schiavoni] [357], всю на солнце, вследствие чего ему не надо было ее отапливать. Квартирка эта была ему нужна не столько для себя, сколько для его немногих дорожных вещей, так как самого его почти никогда не было дома. Днем он бродил, осматривая картинные галереи и музеи, ночи проводил в кафе на Пьяцца Сан-Марко, изучая венецианцев. Риттер остался единственным человеком, с которым я виделся регулярно каждый день. Всяких новых знакомств, всяких встреч я избегал. Лейб-медик княгини Голицыной, которая самолично вскоре прибыла в Венецию и, кажется, сняла для себя великолепный дом, сообщил мне о скором ее визите. Так как мне понадобились клавираусцуги «Тангейзера» и «Лоэнгрина» и мне сказали, что княгиня – единственное лицо во всей Венеции, которое ими обладает, я без церемоний попросил их у этой дамы, вовсе не думая лично ей представиться. Раз только я пригласил к себе одного иностранца: я встретил его в *Albergo San-Marco*, и мне очень понравилось его лицо. Это был художник Раль[358] из Вены. Для него, для князя Долгорукова и учителя музыки Тессарина я устроил как-то раз нечто вроде музыкального вечера, на котором сыграл некоторые из своих произведений. На этом вечере выступал и Винтербергер.

Этими немногими знакомствами и ограничивалась моя внешняя жизнь за те семь месяцев, которые я провел в Венеции. День мой был распределен с величайшей правильностью. Я работал до двух часов, потом садился в ожидавшую меня гондолу, чтобы проехать по мрачному Гранд-каналу вплоть до веселой Пьяццетты, необыкновенная прелесть которой каждый раз по-новому, особенно оживляющим образом действовала на мое настроение. Там я находил свой ресторан на Пьяцца Сан-Марко и затем, после обеда, один или с Карлом прогуливался вдоль *Riva*

по направлению к Публичному саду [Giardino Pubblico], единственному саду, обсаженному в Венеции деревьями. С наступлением ночи я снова садился в гондолу и по вечно мрачному, в вечерние часы безмолвному каналу направлялся до того места, где с фасада старого палаццо Джустиниани глядело на меня освещенное лампой окно моей комнаты. Я еще работал некоторое время, а затем приходил ко мне Карл, прибытие которого аккуратно в 8 часов возвещалось плеском гондолы. За чаем мы болтали с ним несколько часов подряд.

Только изредка нарушал я такой порядок жизни посещением какого-нибудь театра. Предпочтение я отдавал драматическим спектаклям в театре Камплой[359], где очень хорошо исполнялись комические пьесы Гольдони[360]. Опере я уделял внимание только мимоходом, из любопытства. Всего чаще, в особенности когда плохая погода препятствовала прогулке, мы посещали происходившие днем народные спектакли в театре Малибран[361]. Вход туда стоил 6 крейцеров, и там собиралась превосходная публика (преимущественно без сюртуков), для которой разыгрывались пьесы из времен рыцарства. Здесь однажды, к моему великому изумлению и огромной радости, я увидел комедию-гротеск *Le baruffe Chiozziote*[362], которой в свое время восхищался Гёте. Она была разыграна с реализмом, какого я никогда больше не встречал.

В общем, быт Венеции, на котором лежала печать угнетенности и вырождения, представлял для меня мало интереса. Великолепные развалины удивительного города производили на иностранца впечатление какого-то курорта. Как это ни странно, именно немецкая военная музыка, хорошо поставленная в австрийской армии, познакомила со мной венецианскую публику. Капельмейстеры обоих расквартированных в Венеции австрийских полков вознамерились исполнить мои увертюры к «Риенци» и к «Тангейзеру» и просили меня присутствовать в казармах на репетициях оркестра. Здесь я встретил всех офицеров в полном составе, отнесшихся ко мне с большой почтительностью. Полковые оркестры играли, чередуясь, по вечерам посреди прекрасно освещенной Пьяцца Сан-Марко, которая по своим акустическим условиям замечательно подходила для такого рода концертов. Случалось, что в то время, как я обедал в ресторане, внезапно раздавались звуки моих увертюр. Когда, высунувшись из окна, я весь отдавался опьяняющим впечатлениям, я не знал, что производит на меня особенно сильное впечатление: великолепная, бесподобная освещенная площадь с волнующейся, как море, толпой гуляющих или музыка, уносящая ввысь все это преображенное буйство

звуков.

Не хватало только одного, чего, казалось бы, так легко можно было ожидать от итальянской публики. Тысячная толпа теснилась около оркестра и слушала с величайшим вниманием музыку, но аплодисментов не раздавалось никаких: каждый знак громкого одобрения австрийской военной музыки был бы сочтен за измену отечеству. От натянутых отношений между итальянской публикой и чужестранцами страдала вся общественная жизнь Венеции. Особенно недружелюбно относилось население к австрийским офицерам, которые не могли слиться с местным обществом и не выходили из самых поверхностных его слоев. Не менее сдержанно, даже враждебно вело себя население по отношению к духовенству, большей частью итальянского происхождения. Я видел шедшую по Пьяцца Сан-Марко церковную процессию в торжественном праздничном облачении, которую народ провожал на всем пути нескрываемыми язвительными насмешками.

340

В то время я был очень тяжел на подъем и неохотно изменял раз установленный порядок дня. Редко я сдавался на приглашения Риттера и отправлялся осматривать галерею или церковь, хотя при каждой такой прогулке с новой силой восхищался непередаваемо своеобразной архитектурой города и другими его красотами. Главное мое наслаждение составляли частые прогулки в гондоле на Лидо. Особенно прекрасно бывало возвращение домой при закате солнца. Не сравнимые ни с чем впечатления овладевали мной целиком. Еще в сентябре этого года, только что приехав в Венецию, мы наслаждались волшебным зрелищем кометы во всем ее блеске. Появление ее предвещало бедствия войны.

Это была настоящая идиллия, когда вечером лагуны оглашались пением хора Певческого общества, организованного одним венецианским чиновником Арсенала. Певцы исполняли большей частью трехголосные, естественно гармонизированные народные песни. Верхний голос не заходил за диапазон альта и не затрагивал диапазон сопрано, что сообщало всему хору совершенно особенную юношескую силу. По вечерам эти певцы разъезжали в освещенной огромной гондоле по всему Гранд-каналу, останавливались перед отдельными палаццо, исполняли за вознаграждение серенады и в сопровождении бесчисленного множества других гондол плыли дальше. Однажды бессонной ночью около трех часов утра захотелось мне выйти на балкон, и в

первый раз я услышал прославленное пение гондольеров во всем его блеске. От Риальто, в четверти часа езды, раздался первый призыв, прозвучавший в беззвучной ночи как жалоба. Из дальнего простора с противоположной стороны послышался такой же отклик. Через довольно длинные промежутки повторялась унылая перекличка, настолько поразившая меня, что я не мог сразу запечатлеть в памяти совсем простых составных частей напева. Впоследствии я имел случай убедиться, что эти народные песни представляют огромный интерес с поэтической точки зрения.

Раз я возвращался домой поздно ночью по мрачному каналу. Вдруг на небе появилась луна. Одновременно с палаццо неописуемой красоты она осветила гондольера, медленно гребущего огромным веслом, сидящего на высокой кормовой части. Из его груди вырвался жалобный вопль, ничем почти не отличающийся от звериного воя. После протяжного «О!» вопль излился в чрезвычайно простом музыкальном восклицании «*Venezia*!». За ним последовал еще вопль, который не сохранился в моей памяти: слишком сильно было волнение, какое я тогда испытал. Эти впечатления, это пение гондольеров – вот, на мой взгляд, характеристика Венеции. Они жили в моей душе вплоть до завершения второго акта «Тристана». Может быть, они и внушили мне намеченные тут же, в Венеции, длинно-протяжные жалобные напевы пастушьего рожка в начале третьего акта.

341

Однако мои настроения не так-то легко и скоро вылились в подходящую для них форму. Физические недомогания и вечные, никогда не покидавшие меня заботы материального характера часто и на продолжительное время отрывали меня от работы. Едва я кое-как устроился в своей выходившей на север, вполне доступной ветрам и почти совсем незащищенной от холода квартире, едва избавился от губительных последствий дизентерии и решил снова ухватиться за жестоко оборвавшуюся нить второго акта «Тристана», как вдруг вследствие резкой перемены климата и воздуха началось у меня исключительно «венецианское страдание»: образовались злокачественные фурункулы на ноге. Так как болезнь, вначале казавшаяся несерьезной, вскоре усилилась и причиняла мне большие мучения, я вынужден был обратиться к врачу, который лечил меня в продолжение почти четырех недель.

Поздней осенью, около конца ноября, покинул меня Риттер; он поехал повидаться со своими родными и друзьями в Дрезден и

Берлин. Таким образом, во время длиннейшего периода моей болезни я оставался совершенно один на попечении слуг моего отеля. Работать я не мог и развлекался «Историей Венеции» графа Дарю[363], которую здесь, на месте, мне было крайне интересно прочесть. Эта книга заставила меня несколько изменить предвзятое мнение о тираническом образе правления в древней Венеции. Печально известный Совет Десяти[364] и государственная инквизиция представились мне теперь в несколько ином свете: в своеобразной жестокой наивности. Откровенное заявление, что тайна есть лучшая гарантия мощи государства, показалось мне специально приноровленным к тому, чтобы каждый член замечательной Республики считал себя заинтересованным в ее сохранении, что это было возведено в настоящую «республиканскую обязанность». Подлинное лицемерие было чуждо этому государственному устройству. Церковный элемент, как ни был он тесно связан с государством, никогда не оказывал в Венеции такого унизительно-развращающего влияния на характер граждан, как в других местностях Италии. Беспощадные соображения государственной пользы фиксировались в догмы, носившие античный языческий характер без мрачной окраски, и живо напоминали подобные же догмы афинян, которые, как сообщает Фукидид[365], излагались с величайшей откровенностью и признавались мудрыми и мужественными правилами нравственности.

Для нравственного своего подкрепления, как это со мной бывало уже не раз, я принялся за Шопенгауэра, который глубоко захватил меня с новой силой. В то же время я загорелся страстным желанием значительно расширить его систему, пользуясь его же материалами, заполнив некоторые важные пробелы.

Мое общение с друзьями, оставшимися за границей, было сведено к минимуму и носило в целом успокоительный характер. Только раз опечалило меня письмо Везендонка, в котором он сообщал мне о смерти своего четырехлетнего сына Гвидо: мне стало казаться, что это я принес несчастье ребенку тем, что под каким-то выдуманным предлогом отказался быть его восприемником. Меня сильно поразила эта смерть, и так как мне нужен был покой, то в уме моем сейчас же сложился план съездить на короткое время за Альпы, чтобы провести сочельник с моими старыми друзьями. Эту мысль я сообщил госпоже Вилле и, к своему удивлению, получил не от нее самой, а от ее супруга в высшей степени неожиданное сообщение. Он писал мне о том, какое тяжелое впечатление произвел на всех мой внезапный отъезд из Цюриха, особенно образ действий моей жены, о том, что все это доставило Везендонкам массу неприятностей. Везендонк держал себя умно и тактично, и я счел это обстоятельство благоприятным признаком, открывавшим надежду на восстановление дружеских соседских отношений. Минна гостила в Дрездене у своих родственников. Я все время нежно о ней заботился, и, несколько успокоившись, она проявляла в письмах большую сдержанность и рассудительность. Таким образом она поддерживала во мне то впечатление, которое я вынес после трогательной ночной сцены. Я сам подал ей надежду на возможность возобновления наших отношений, но прибавил, что это случится тогда, когда у нас будет постоянное местожительство. Предполагал же я устроиться непременно в Германии, если возможно, в самом Дрездене.

Чтобы от этих проектов перейти к окончательному решению, я обратился, не теряя времени, к Люттихау, так как Минна, отыскавшая моего старого начальника, сообщила мне самые благоприятные впечатления относительно его гуманности и горячей привязанности ко мне. Я дошел до того, что написал ему сердечное письмо с подробным изложением дела. В ответ на это я получил несколько сухих строк, написанных в деловом тоне: Люттихау сообщал мне, что в настоящее время не может быть и речи о моем возвращении в Саксонию. Это было хорошим уроком для меня. С другой стороны, я через венецианскую полицию узнал, что саксонский посланник усердно добивается моего изгнания из Венеции. Это ему не удалось, так как у меня имелся швейцарский паспорт, к которому австрийские власти отнеслись

с должным уважением. Таким образом, вопрос о желанном для меня возвращении в Германию оставался открытым.

У меня оставалась единственная надежда на дружескую помощь Великого герцога Баденского. Эдуард Девриент, к которому я обратился за подробнейшими сведениями по поводу предполагавшегося первого представления «Тристана», сообщил мне, что герцог считает мое присутствие на этом представлении во всяком случае делом решенным. Девриент не знал только, как он думал поступить: намеревался ли он в случае, если бы его личные ходатайства перед королем Саксонии о разрешении мне приехать остались бесплодными, предпринять какой-нибудь самостоятельный, не согласный с желанием Союза шаг, или он имел в виду пустить в ход другие средства. Я пришел к заключению, что в настоящее время вряд ли могу рассчитывать получить разрешение на жительство в Германии.

343

В то же время я почти постоянно должен был думать о средствах к существованию, особенно с тех пор, как мы стали жить на два дома. По счастью, некоторые крупные театры упорно держались за мои оперы, и я еще мог ожидать от них гонораров; от предыдущих получек не оставалось у меня ни гроша. Наконец, за «Тангейзера» взялся и Штутгартский Придворный театр. К нему я питал особое пристрастие, которое перенес и на Вену, где сначала давали «Лоэнгрина», а потом, после успеха последнего, принуждены были взяться за «Тангейзера». Мои переговоры с тогдашним директором К. Экертом привели нас к самым утешительным результатам.

Все это происходило в течение зимы, до самой весны 1859 года. В общем, я вел по прежнему тихую и размеренную жизнь. В декабре окончательно прошла моя нога, и я мог возобновить ежедневные прогулки в гондоле на Пьяццетту и обратно, мог снова на продолжительное время отдаться музыкальной работе. В полном одиночестве провел я Рождество и канун Нового года. Только по ночам я часто бывал в огромном обществе – в моих сновидениях, которые отличались необыкновенной живостью.

В начале января 1859 года[366] в обычный час вошел в мою комнату Карл Риттер. Он ездил куда-то по делам, касавшимся постановки написанной им пьесы. Это был недавно законченный им труд «Армида», свидетельствовавший о большом таланте молодого литератора. В то время как идея целого производила отпугивающее впечатление в смысле личной психологии автора и

сообщала невыгодное представление об отдельных частностях, многое в нем, в особенности встреча Ринальдо с Армидой и бурное зарождение их любовной страсти, было изображено и задумано с истинным поэтическим жаром. Как во всех подобных работах, исполненных с дилетантской небрежностью, многое следовало изменить и исправить, чтобы драма могла произвести впечатление на сцене. Об этом Карл не хотел и слышать. Он говорил, что в просвещенном директоре штеттинского театра нашел покладистого человека, который не обратит внимания на недостатки его произведения, замеченные мной. Он в этом обманулся и вернулся обратно в Венецию, страстно желая пожить просто на отдыхе, без определенной цели. Он мечтал как о единственном, завидном счастье обойти Рим в одежде капуцина, поминутно осматривая все новые и новые сокровища искусства. О переделке «Армиды» он не хотел и слышать, говоря, что намерен приняться за обработку нового драматического материала, заимствованного из «Флорентийских хроник» Макиавелли[367]. Никаких подробностей он не хотел мне сообщить из опасения, что я выскажусь против материала, представляющего лишь ряд ситуаций без всякой тенденции. Музыкальные работы он совершенно оставил в стороне, хотя вскоре после приезда в Венецию написал фантазию для фортепиано, показавшую его и с этой стороны в чрезвычайно выгодном свете.

Но тем более участия проявил Карл к разработке второго акта «Тристана», за которую я теперь принялся основательно. По вечерам я часто играл ему, Винтербергеру и Тессарину только что оконченные части, что всякий раз приводило нас в большое возбуждение. За время продолжительного перерыва в работе Гертель успел выпустить первую часть партитуры, а Бюлов аранжировал ее для фортепьяно. Таким образом, часть произведения лежала предо мной в совершенно готовом монументальном виде, между тем как относительно выполнения целого я еще находился в периоде творческого напряжения. В течение первых месяцев инструментовка этого акта, которую я посылал издателю по мере изготовления отдельными листами, значительно подвинулась вперед. А в конце марта я мог отправить в Лейпциг последний лист.

344

Теперь явилась необходимость принять какое-нибудь решение относительно дальнейших планов жизни. Вставал вопрос, где я напишу третий акт оперы, ибо я решил начать его

там, где я мог бы надеяться довести беспрепятственно до конца всю работу. В Венеции рассчитывать на это было невозможно. Работа затянулась бы до самой середины лета, а состояние моего здоровья не позволяло мне проводить здесь летние месяцы: в эту пору венецианский климат был мне вреден. Отсутствие укрепляющих прогулок уже давало себя сильно чувствовать. Чтобы хоть раз набегаться вдоволь, я однажды среди зимы отправился по железной дороге в Витербо [Viterbo], намереваясь предпринять оттуда путешествие пешком на несколько миль внутрь страны, по направлению к горам. Но суровая погода помешала мне в моем предприятии. К этому присоединились еще и другие неблагоприятные обстоятельства, и в результате я вернулся в Венецию с впечатлениями, говорившими в ее пользу: она показалась мне спасением от уличной пыли и зрелища истязаемых лошадей.

Кроме того, дальнейшее пребывание в Венеции вообще стало зависеть не только от моей воли. Я был чрезвычайно вежливо вызван к полицейскому комиссару, в категорической форме заявившему мне, что со стороны саксонского посольства в Вене все время раздаются протесты против моего пребывания в одной из областей австрийских владений[368]. В ответ на мое заявление, что я рассчитываю пробыть здесь только до весны, он посоветовал мне обратиться за разрешением к эрцгерцогу Максу[369], имевшему в то время свою резиденцию в Милане в качестве вице-короля. Я мог мотивировать свою просьбу состоянием своего здоровья, представив в подтверждение докторское свидетельство. Я так и сделал, и эрцгерцог сейчас же по телеграфу предписал венецианским властям оставить меня в покое. Было ясно, что усиленная бдительность по отношению к иностранцам объяснялась политическими условиями, вызывавшими сильное возбуждение в австрийской Италии. Вероятность войны с Пьемонтом и Францией становилась все несомненнее, и в итальянском населении сказывались явные признаки большого брожения. Однажды, гуляя по *Riva*, мы с Тессарином попали в толпу иностранцев, с почтительным любопытством поджидавших появления эрцгерцога Максимилиана с супругой, на короткое время приехавших в Венецию. Я был предупрежден об этом сильным толчком моего венецианского пианиста, пытавшегося оттащить меня за руку прочь от этого места, чтобы, как он выразился, избегнуть необходимости поклониться эрцгерцогу. Заметив приближающуюся стройную, очень симпатичную фигуру молодого принца, я, смеясь, отпустил своего друга, а себе доставил искреннее удовольствие поклоном выразить любезному покровителю свою благодарность.

Однако скоро все стало принимать в Венеции более серьезный, гнетущий характер. Изо дня в день *Riva* до такой степени наводнялась высаживающимися воинскими отрядами, что гулять по ней не было больше никакой возможности. Офицеры производили на меня большей частью очень приятное впечатление, и милые немецкие звуки их простодушной болтовни действовали на мой слух как что-то родное. Но я не мог заставить себя отнестись с доверием к солдатам: в их физиономиях было что-то тупое и несвободное, свойственное некоторым из славянских племен, населяющих австрийскую монархию. Нельзя было отказать им в некоторой тяжеловесной силе. Но зато у них замечалось полное отсутствие той наивной интеллигентности, которая так приятно отличает итальянский народ. При всем желании я не мог бы радоваться победе той расы над этой. Физиономии этих солдат пришли мне снова на память, когда осенью того же года я видел в Париже избранные отряды французов, их *Chasseurs de Vincennes*[370] и зуавов[371]. При сравнении их с австрийскими солдатами мне без помощи стратегических познаний стали вдруг понятны Маджента и Сольферино[372].

Я узнал наконец, что Милан объявлен на осадном положении, что доступ в него почти закрыт для иностранцев. Так как я решил поселиться на лето в Швейцарии, на Фирвальдштетском озере, то это известие напомнило мне о необходимости ускорить отъезд, чтобы не быть отрезанным от своего прибежища неожиданностями военного времени. Я уложил вещи, отправил рояль через Сен-Готард, и мне надо было только проститься с немногими знакомыми. Риттер решил остаться в Италии и намеревался отправиться во Флоренцию и Рим, куда Винтербергер, с которым Карл был в большой дружбе, уже уехал. Винтербергер утверждал, что один из его братьев предоставил ему достаточные средства, он может насладиться путешествием по Италии, которое, помимо всего прочего, необходимо ему как развлечение и отдых – неизвестно, впрочем, от каких трудов. Таким образом, Риттер тоже рассчитывал в самом коротком времени оставить Венецию. Я сердечно простился с добрым больным Долгоруковым и на вокзале обнял Карла, по всей вероятности, в последний раз. С тех пор я не имел о нем никаких известий и по сей день больше его не видел.

345

24 марта я с некоторыми затруднениями по случаю

усиленного над иностранцами контроля прибыл в Милан. Чтобы осмотреть его достопримечательности, я решил остаться здесь три дня. Не прибегая ни к чьему руководству, пользуясь самыми простыми указаниями, я осмотрел Бреру[373], Амброзианскую библиотеку, «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи и собор. Последний я исследовал по всем направлениям, взбираясь на всевозможные крыши и башни. Захваченный, как всегда, сильнее всего первыми впечатлениями, я сосредоточил внимание на двух картинах, попавшихся мне на глаза у самого входа в Бреру. Это были: «Святой Антоний» Ван Дейка и «Мученичество святого Стефана» Креспи. При этом я убедился, что совершенно неспособен судить о такого рода произведениях: как только сюжет картины становился мне ясен и симпатичен, он сейчас же получал в моих глазах решающее и исключительное значение. Так было и в этом случае.

Однако, стоя перед «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи, я понял художественное значение картины и испытал то, что испытывают все: разглядывая для более полного ознакомления с нею тут же находящиеся реставрированные копии и переводя взгляд с них на разрушенный оригинал[374], я невольно от внутреннего сюжета вдруг перешел к его неподражаемым особенностям. Они вырисовываются с полной ясностью.

Вечером я посетил полюбившуюся мне комедию, находящуюся, к сожалению, в пренебрежении у нынешних итальянцев и приютившуюся в крохотном театре Ре[375]. Здесь перед немногочисленной публикой низшего ранга давались пьесы Гольдони, как мне показалось, с большой, наивной виртуозностью. Зато в театре Ла Скала мне пришлось видеть зрелище, свидетельствовавшее при внешнем блеске об огромном упадке художественно-артистического вкуса итальянцев. Перед самой парадной и оживленной публикой, о какой только можно мечтать, в огромном театре было дано невероятно ничтожное оперное изделие новейшего композитора, имя которого я забыл. В тот же вечер я убедился, что и для итальянской публики, столь славившейся своей страстью к вокальной музыке, балет стал главной приманкой. Вся скучная опера, очевидно, служила только введением к большому хореографическому представлению, имевшему своим сюжетом Антония и Клеопатру. Здесь я видел холодного политика Октавиана, не фигурировавшего до сих пор даже ни в какой итальянской опере: в пантомиме ему удалось сносно сохранить свое дипломатическое достоинство. Но главным пунктом осталось все же погребение Клеопатры, давшее огромной балетной труппе возможность в чрезвычайно характерных костюмах проявить себя с самых разнообразных сторон.

Испытав в одиночестве все эти впечатления, я в чудесный весенний день отправился в Люцерн через Комо, где все было в цвету, а затем через знакомое Лугано и Готард, вдоль высоких снежных стен, в небольшом открытом экипаже. В Люцерне я застал неуютную холодную погоду, составлявшую резкий контраст с пышными весенними днями Италии. Мои расчеты на пребывание в Люцерне основывались на предположении, что тамошний большой отель *Schweizerhof*[376] в эту пору года, до начала летнего сезона, пустует, и без всяких предварительных хлопот я найду в нем достаточно просторное и тихое помещение. В этом я не ошибся. Полковник Зегессер [Segesser], гуманный хозяин гостиницы, предоставил мне в левом флигеле целый этаж, в главных комнатах которого за небольшие деньги я мог устроиться вполне удобно. Мне пришлось позаботиться об отдельной прислуге, так как гостиница в данный момент не располагала таковой в должной мере. Я нашел добросовестную женщину, всегда заботившуюся о моих удобствах. За ее услуги, которые она мне оказывала и потом, когда гостиница наполнилась приезжими, я сохранил о ней хорошую память и много лет спустя взял ее к себе в качестве домоправительницы. Вскоре прибыли из Венеции и мои вещи. Моему «Эрару» снова пришлось совершить путешествие через альпийские снега. Когда он был установлен в просторном салоне, я сказал себе, что все труды и хлопоты имеют одну цель: дать мне возможность довести до конца третий акт «Тристана и Изольды». Иногда эта надежда казалась чересчур экстравагантной, так как трудности, вставшие на пути моей работы, грозили совершенно затормозить ее. Я сравнивал себя с Латоной, которая беспокойно искала место, где бы родить Аполлона и Артемиду, пока Посейдон не сжалился над ней и не поднял из глубины моря остров Делос.

Таким «Делосом» должен был стать для меня Люцерн. Но чрезвычайно холодная и дождливая погода, державшаяся очень долго, до самого конца мая, действовала на мое настроение удручающим образом. Ввиду того, что новый приют был обретен ценой больших жертв, каждый день, в который мне не удавалось хоть сколько-нибудь поработать над композицией, казался мне потерянным и недостойным потраченных усилий. К этому присоединилось еще и то, что в большей и главной части моего третьего акта я имел дело с невероятно мрачным сюжетом. Вот почему о первых месяцах моего пребывания в Люцерне я вспоминаю с настоящим ужасом.

347

В первые дни приезда я посетил в Цюрихе Везендонков. Наше свидание было проникнуто меланхолией, но в нем не чувствовалось никакого смущения. Я провел несколько дней в доме своих друзей, где встретился со своими старыми цюрихскими знакомыми. Мне казалось, что все это я вижу во сне, что я среди призраков, лишенных всякой сущности. За время моего пребывания в Люцерне я несколько раз повторил это посещение и два раза получил ответный визит, однажды в самый день моего рождения.

Кроме работы, подвигавшейся при мрачном настроении, меня занимали заботы о средствах к жизни как для себя самого, так и для жены. Еще в Венеции я увидел себя вынужденным отказаться от дружеской поддержки госпожи Риттер. Пришлось подумать об этом самому из внимания к изменившимся обстоятельствам моих друзей. Жалкий источник доходов, каким служили для меня мои оперы, подходил к концу.

Так как по окончании «Тристана» мне пришлось бы снова приняться за «Кольцо нибелунга», я счел нужным подумать о возможности облегчить свое будущее существование при помощи этого произведения. Великий герцог Веймарский, судя по заявлениям, сделанным мне лично год тому назад, все еще интересовался им. Я написал Листу и попросил его сделать ему серьезное предложение приобрести это произведение в полную собственность, чтобы доходы с будущих изданий принадлежали ему. В основание контракта в случае, если бы дело дошло до такового, я готов был положить прежние прерванные переговоры с Гертелями. В своем ответе Лист скрепя сердце сообщил мне, что проект не встретил особенного одобрения со стороны Его Высочества. С меня было достаточно такого указания.

348

С другой стороны, обстоятельства побуждали меня принять какое-нибудь решение в злополучном вопросе о праве собственности на три прежних оперы, появившихся у Мезера в Дрездене, ввиду того что один из моих главных кредиторов, актер Крите [Kriete], настойчиво требовал возвращения ему его капитала. Дрезденский адвокат Шмидт [Schmidt] вызвался довести это дело до конца. В результате бесконечной неприятной переписки выяснилось, что преемник недавно умершего Мезера, некий Мюллер, стал полным владельцем издательства. При этом

случае я узнал, что моего бывшего комиссионера эти оперы вводили в постоянные издержки и расходы. Что касается доходов, то относительно них я не мог добиться ничего определенного. Адвокат сообщил мне только, что у покойного Мезера, несомненно, было отложено на стороне несколько тысяч талеров, но получить их нет никакой возможности, так как своим наследникам он не завещал ничего. Чтобы успокоить Крите, мне пришлось согласиться на продажу опер за сумму, составлявшую мой долг ему и еще другому, менее крупному кредитору, а именно за 3000 талеров. Что касается неуплаченных процентов и процентов на проценты, то они остались за мной как личный долг Крите, составивший к 1864 году сумму в 1800 талеров. К уплате их я был тогда вынужден судом.

Чтобы обеспечить чем-нибудь моего главного кредитора Пузинелли, на долю которого приходилась лишь самая незначительная сумма, я оставил за собой право собственности на те три оперы на случай, если бы мне удалось добиться постановки их и продажи какому-нибудь французскому издателю. Эта оговорка, согласно точному тексту письма адвоката Шмидта, была принята новым дрезденским издателем. Так как Пузинелли дружески отказался от возможных в этом направлении выгод, заявив, что никогда не потребует возвращения данной взаймы суммы, то этим мне предоставлялась единственная возможность, когда мои оперы найдут себе доступ во Францию, если не получать доход с них, то по крайней мере вернуть потраченные на них капиталы, которые в свое время мне пришлось добывать. Когда впоследствии между мной и парижским музыкальным торговцем Флаксландом [Flaxland] действительно было заключено соглашение, дрезденский преемник Мезера заявил свое исключительное право собственности на мои оперы, и ему удалось поставить Флаксланду такие препятствия в его предприятии, что последний увидел себя вынужденным ради спокойствия откупиться от него 6000 франков. Но это в свою очередь поставило Флаксланда в необходимость отказать мне в признании за мной права собственности на мои произведения во Франции.

Я неоднократно обращался к свидетельству адвоката Адольфа Шмидта, требуя от него копии переписки, относящейся к вышеупомянутой, признанной нашими люцернскими переговорами оговорке. Но все мои письма, обращенные к нему по этому делу, он упорно оставлял без ответа. Впоследствии я узнал от одного венского законоведа, что мне следует отказаться от мысли получить такое удостоверение, ибо никакими законными средствами я не могу заставить адвоката выдать мне

его, если он этого не желает.

349

Таким образом, я немного мог сделать для материального моего благополучия в будущем. Но зато я имел удовлетворение получить отпечатанную партитуру «Тангейзера». Ввиду того что мои прежние автографированные экземпляры благодаря небрежности Мезера пришли к концу, я еще из Венеции убедил Гертелей опубликовать ее. Но наследник Мезера, перенявший в полную собственность все издательство, считал для себя долгом чести не оставлять партитуры в чужих руках и взялся напечатать ее за свой счет. К сожалению, год спустя мне пришлось совершенно переделать и заново написать две первые сцены, и по сей день я сожалею, что эта новая работа не вошла в напечатанный экземпляр.

Гертели, все еще находясь в убеждении, что «Тристан» будет иметь успех на сцене, принялись за печатание партитуры второго акта, когда я еще работал над третьим. Чтение корректур, в то время как композиция столь экстатического третьего действия причиняла мне величайшие затруднения, действовало на меня в высшей степени странным, почти устрашающим образом. Именно первые сцены последнего акта показали мне вполне определенно, что эта опера, которую все по какому-то странному заблуждению считали легкой для постановки, является самым рискованным и странным изо всего, что я когда-либо написал. Работая над большой сценой «Тристана», я часто невольно спрашивал себя, не сошел ли я с ума, что решаюсь предлагать издателю напечатать подобную вещь для театра. Но я не согласился бы пожертвовать ни одним горестным аккордом, хотя все это причиняло мне величайшие мучения.

Чтобы избавиться от проблем с пищеварением, я, между прочим, стал применять киссингенские воды в умеренных дозах. Но так как необходимые при этом прогулки, особенно ранним утром, утомляли меня и делали неспособным к работе, то мне пришло в голову заменить их непродолжительной верховой ездой. Хозяин отеля предоставил мне для этих упражнений старую, 25-летнюю лошадь по имени Лиза. На этой лошади я каждое утро катался до тех пор, пока она желала идти вперед. Я уезжал недалеко, так как в определенных местах лошадь неизменно поворачивала назад, нимало не считаясь с намерениями всадника.

350

Так прошли апрель, май и большая часть июня, а я, все время борясь с самым унылым настроением, не подвинулся в своей композиции дальше середины третьего акта. В Люцерне между тем наступил сезон и начался съезд гостей. Гостиница со своими флигелями наполнилась приезжими, и о дальнейшем столь исключительном пользовании свободным помещением нечего было и думать. Мне предложили переселиться на второй этаж главного здания ввиду того, что там обыкновенно помещают останавливающихся на одну ночь швейцарцев, между тем как флигели предоставляются приезжающим на продолжительное время гостям, пользующимся, следовательно, своими комнатами в течение дня. В самом деле, это предложение оказалось для меня чрезвычайно удобным. В маленьком салоне с прилегающей к нему спальней я с этого времени пользовался полным покоем в часы работы, так как комнаты этого этажа, занимаемые только на ночь, днем совершенно пустовали.

Наконец наступили настоящие пышные летние дни. Великолепная погода при безоблачном небе держалась целых два месяца. Я наслаждался своеобразной прелестью защищенности от палящих лучей солнца, прохладой и полумраком, которые тщательно поддерживались в моей комнате. Лишь по вечерам, сидя на маленьком балконе, я отдавался действию летнего воздуха. Большое удовольствие доставляли мне хорошие горнисты. Почти каждый вечер, проезжая по озеру, они исполняли на рожке простые народные мелодии. По счастью, я преодолел к тому времени в работе самое трудное, и мягкое настроение той части поэмы, которую мне оставалось отделать в музыкальном отношении, привело меня, несмотря на меланхолический характер, в состояние экстаза. В этом состоянии я и довел – к последним числам августа – всю композицию до конца. Оставалось только кое-что инструментовать.

351

В моей уединенной жизни меня развлекали тревожные известия об итальянской войне[377]. С понятным напряжением я следил за всеми перипетиями этого неожиданного и значительного события. Впрочем, я не совсем был лишен общества. В июле в Люцерн приехал на продолжительное время незнакомый мне до тех пор Феликс Дрезеке[378]. Услышав в устроенном Листом концерте вступление к «Тристану и Изольде»,

он тут же решил лично со мной сблизиться. Его приход поверг меня в настоящий испуг, и я прямо не знал, что мне с ним делать. Так как, кроме того, он много рассказывал – в довольно остроумной форме – о лицах и обстоятельствах, к которым я все больше терял интерес, то общество его стало мне тягостно. К его крайнему изумлению, это так ясно сказалось в моем обращении, что по прошествии нескольких дней он счел нужным отстраниться от меня. Это поразило меня, и я приложил все усилия, чтобы изменить дурное мнение, какое у него могло обо мне составиться. Скоро я полюбил этого человека. В течение продолжительного времени, почти до самого его отъезда из Люцерна, я виделся с ним ежедневно. Это доставляло мне удовольствие, так как в его лице я имел дело с очень одаренным музыкантом, не страдающим никаким самомнением.

Ради меня в Люцерне на несколько недель поселился и Вильгельм Баумгартнер, мой старый цюрихский знакомый. Наконец, из Петербурга приехал и Александр Серов[379], чтобы провести в моем обществе некоторое время. Это был оригинальный, интеллигентный человек, определенным образом ставший на сторону листовской и моей музыки. В Дрездене он слышал «Лоэнгрина» и хотел ближе ознакомиться с моими работами, в чем я должен был ему помочь, сыграв для него «Тристана» со свойственной мне манерой исполнения. С Дрезеке я совершил восхождение на Пилатус[380]. При этом мне пришлось из сочувствия к подверженному головокружениям спутнику пережить вместе с ним мучения испытываемого им страха. На прощание я пригласил его в Бруннен и Грютли. Затем мы расстались, так как его скромные средства не позволяли ему более продолжительного пребывания в Швейцарии, да я и сам стал серьезно подумывать об отъезде.

352

Вопрос заключался в том, куда мне направиться. На этот раз я обратился письменно, через Эдуарда Девриента, а потом и непосредственно к Великому герцогу Баденскому, чтобы получить разрешение поселиться если не в самом Карлсруэ, то где-нибудь в его окрестностях. Даже этого было бы достаточно, чтобы удовлетворить ставшую для меня необходимостью потребность войти в отношения с оркестром и составом певцов. Мне надо было слышать их во что бы то ни стало. Позднее я узнал, что Великий герцог обратился по этому делу письменно к королю Саксонскому. Но ответ получался всегда один и тот же: что меня

могли бы не амнистировать, а помиловать, если бы предварительно я отдал себя в руки правосудия. Исполнение моего желания оставалось, таким образом, невозможным, и я с тоской думал о том, как бы устроить так, чтобы предполагавшаяся постановка «Тристана» прошла при моем личном участии. Мне говорили, что Великий герцог примет все нужные для этого меры. Но где было искать желанного приюта с некоторой гарантией его продолжительности? После долгих размышлений я решил, что не остается ничего другого, как снова двинуться в Париж, хотя бы для того, чтобы иметь возможность время от времени слышать хороший оркестр, превосходный квартет. Без этого жизнь моя в Цюрихе стала для меня в конце концов совершенно невыносимой. Но только Париж, где я буду жить беспрепятственно, гарантировал мне такие освежающие художественно-артистические впечатления в благородных формах искусства.

353

Наконец, я обязан был принять какое-нибудь решение относительно жены. Целый год мы прожили в разлуке. Суровые уроки, полученные ею от меня и, судя по ее письмам, не прошедшие бесследно, внушили мне надежду, что впредь совместная жизнь наша, устраняющая громадную трудность ее отдельного содержания, может сложиться довольно сносно. Мы условились, что встретимся поздней осенью в Париже. К тому времени я хотел позаботиться об устройстве квартиры, для чего необходимо было переправить нашу цюрихскую обстановку с полным хозяйством. Для выполнения этого намерения были необходимы дополнительные материальные средства, кроме тех, которые предстояло получить из определенных источников. Я предложил Везендонку то самое, чего пытался добиться у Великого герцога Веймарского, а именно купить у меня право на издание «Нибелунгов». Везендонк без единого возражения согласился на мое предложение, выразив готовность за каждую готовую часть произведения платить приблизительно такой же гонорар, какой он мог получить у издателя, которому захотел бы впоследствии переуступить приобретенное право собственности.

Теперь я должен был назначить день отъезда: я выбрал для этого 7 сентября, решив прежде всего посетить цюрихских друзей. Три дня я самым приятным образом провел в доме Везендонков, встретив у них старых знакомых, главным образом Гервега, Земпера и Готфрида Келлера. Мы провели вместе целый вечер, во

время которого у меня с Земпером разгорелся страстный спор на тему о тогдашних политических событиях. Для Земпера только что побежденная Австрия олицетворяла поражение немецкой национальной идеи. В романском элементе, представляемом Луи Наполеоном, он видел олицетворение «ассирийского деспотизма», к которому питал настоящую ненависть как в искусстве, так и в политике. Он говорил об этом с такой резкостью, что даже вызвал на горячий спор обычно молчаливого Келлера. Земпер пришел в сильнейшее возбуждение. В конце концов он стал с величайшим отчаянием в голосе обвинять меня в том, что, способствуя его приглашению в дом Везендонков, я завлек его в ловушку врагов. Но расстались мы все же друзьями, и с тех пор, при позднейших встречах, наши споры никогда не принимали такого страстного характера.

Из Цюриха я поехал в Винтертур, чтобы посетить Зульцера. Я не застал его дома, а видел только его жену и мальчика, которого она ему родила. Оба они произвели на меня приятное, трогательное впечатление: оригинальный, рано состарившийся друг мой был теперь, очевидно, счастливым отцом.

354

15 сентября я прибыл в Париж. Квартиру я хотел снять где-нибудь неподалеку от Елисейских полей и потому решил остановиться пока в тех же краях. Действительно, я нашел временное пристанище на Авеню Матиньон [Avenue Matignon]. Моей главной целью было отыскать желанный и долгожданный тихий приют в небольшом особняке, лежащем в стороне. Для этого я старался использовать всякое знакомство, какое только сохранилось в моей памяти. Оливье с женой в это время не было в Париже. Мадам д'Агу была больна и собиралась ехать в Италию. Она не могла меня принять лично, но направила к своей дочери, графине де Шарнак[381], которую я и посетил. Впрочем, мне не удалось заинтересовать ее своими планами. Я посетил также Герольдов, так любезно принявших меня в мой последний приезд. Но госпожу Герольд я застал в таком странном состоянии болезненной возбужденности и рассеянности, что мне не оставалось ничего другого, как успокоить ее и отнюдь не волновать никакими личными делами. При таких обстоятельствах, побуждаемый страстным нетерпением найти квартиру, я продолжал поиски, не дожидаясь дальнейших указаний и помощи со стороны.

В конце концов в одной из боковых улиц, примыкающих к

Елисейским Полям, неподалеку от заставы Звезды [Barrière de l'etoile][382], на Рю-Ньютон [rue Newton, улица Ньютона], отыскался хорошенький домик, смахивавший на павильон, с небольшим садиком[383]. Я снял его на три года за 4000 франков в год. Во всяком случае здесь, вдали от уличного шума, я мог наслаждаться полной тишиной. Уже одно это чрезвычайно расположило меня в пользу нового помещения. В этом домике жил в последнее время известный романист Октав Фёйе[384], пользовавшийся покровительством при императорском дворе. Меня только удивляло, что, отнюдь не будучи старым строением, дом был так запущен внутри. Ничем, даже обещанием повысить квартирную плату, мне не удалось убедить домовладельца принять какие-нибудь меры, чтобы сделать дом более жилым. Лишь через некоторое время я понял, в чем дело: самое место вследствие новых планов переустройства города в скором времени должно было подвергнуться полному разрушению[385]. Было еще преждевременно официально извещать об этом домовладельцев, ибо требования о возмещении убытков, которые они немедленно предъявили бы, могли бы получить законную силу. Таким образом, я оставался в полном убеждении, что все предпринятое мной для очистки и благоустройства помещения послужит мне на целый ряд лет. Я смело отдал нужные распоряжения и выписал из Цюриха обстановку, уверенный, что отныне по воле судьбы я водворяюсь в Париж на всю жизнь.

Пока мои желания приводились в исполнение, я старался выяснить, какое значение могут иметь для моего будущего некоторые подмеченные признаки благоприятного отношения к моим работам. Я вновь отыскал того молодого человека, которому была поручена обработка «Риенци», де Шарналя[386], чтобы получить от него кое-какие сведения. Оказалось, что Карвальо, директор Лирического театра, не желает слышать ни о чем другом, кроме «Тангейзера». Мне удалось залучить этого господина к себе и поговорить с ним о деле. Он подтвердил, что чрезвычайно склонен поставить мою оперу, но непременно «Тангейзера», потому что, как он уверял, название этого произведения ассоциируется у парижан с моим собственным именем, и всякая попытка поставить из «вагнеровских» вещей что-либо другое показалась бы абсурдной. Что касается человека, которому я поручил обработку текста, то он сильно сомневается в удаче моего выбора. Я постарался ближе ознакомиться с работой Шарналя и, к ужасу, убедился, что любезный молодой человек, в последнее время тративший свои силы на подготовку мелодрамы *Schinderhannes* (принимавшейся им за немецко-романтический сюжет)[387], не имеет ни малейшего представления о возложенной

на него задаче. Тронутый его усердием, я все-таки попытался «смастерить» с ним несколько годных для музыки стихов. Но скоро я увидел, что это совершенно потерянный труд.

355

От Бюлова я знал о молодом, более не практикующем враче Огюсте де Гасперини[388], с которым он познакомился в Баден-Бадене и в котором подметил особенный интерес к моей музыке. Вскоре я посетил и его. Но, не застав его в Париже, я обратился к нему с письмом. В свою очередь, он прислал ко мне своего друга Леруа[389], симпатичной внешностью расположившего меня в свою пользу. Он приобрел мое доверие главным образом тем, что сразу посоветовал не иметь отношений с таким «темным» сотрудником театральных газет, каким оказался Шарналь, и рекомендовал Роже[390], одаренного, опытного, владеющего немецким языком и пользующегося большой популярностью в Париже оперного певца.

У меня свалился камень с плеч. Я принял приглашение, которое Леруа доставил мне через посредство какого-то своего друга, и в один прекрасный день отправился в загородное имение Роже. Название имения этого прославленного в то время парижского тенора я забыл. Некогда это был замок какого-то маркиза, окруженный громадным охотничьим парком. Именно страсть его к охоте и была причиной несчастья, незадолго перед тем лишившего симпатичного певца правой руки. Теперь, по прошествии нескольких месяцев со времени этой катастрофы, я нашел Роже совершенно выздоровевшим. Но правая рука была у него ампутирована до локтя. Все зависело от того, оправдается ли уверенность знаменитого механика, обещавшего заменить отсутствующую руку искусственной, годной для движений на сцене. Как я мог убедиться некоторое время спустя, ожидание это действительно оправдалось довольно удовлетворительным образом. В бенефисном спектакле, предоставленном Роже администрацией Парижской оперы, он с необыкновенной ловкостью действовал правой рукой. Это вызвало бурные аплодисменты публики. Тем не менее ему пришлось убедиться, что его считают «инвалидом», и с этого времени карьера его на сцене Парижской оперы пошла на убыль.

В настоящий момент ему было приятно, что мое предложение открывало ему путь к литературной деятельности. Он с радостью согласился заняться «Тангейзером». Сделав перевод нескольких главных мест текста, он спел отрывки, показавшиеся мне очень

удачными. Проведя у него целый день и переночевав, я покинул замок этого человека, бывшего до сих пор баловнем судьбы и отныне обреченного на грустное будущее. Я уехал в хорошем настроении, с надеждами в сердце. Его бережное проникновение в суть моей оперы дало мне приятное представление о высокой культурности французского духа. Тем не менее мне скоро пришлось отказаться от сотрудничества с Роже. Поглощенный всецело своим собственным положением и попытками при данных грустных обстоятельствах найти для себя новую почву деятельности, он оставлял почти без ответа мои запросы о ходе работы. Вскоре я окончательно потерял его из виду.

356

Но и эту попытку – привлечь к сотрудничеству Роже – я предпринял скорее случайно, чем повинуясь решительному внутреннему побуждению. Я все еще держался первоначального намерения – смотреть на Париж лишь как на удобное для меня местопребывание, серьезные художественно-артистические планы были по-прежнему рассчитаны на Германию. Но она оставалась для меня недоступной. В скором времени дела мои получили иное направление. Меня известили, что постановка в Карлсруэ «Тристана», на которую я рассчитывал, окончательно отменяется. Для меня так и осталось невыясненным, что послужило главной причиной к отмене предприятия, встретившего такое серьезное к себе отношение вначале. Э. Девриент написал мне, что его попытки найти подходящую исполнительницу для роли Изольды остались безуспешными после того, как я высказался против певицы Гарригуэс (она была замужем за молодым Шнорром)[391], что он не видит никакого выхода из создавшегося положения, тем более что и столь преданный мне тенор Шнорр отчаялся в возможности исполнить последнюю часть своей роли.

Было ясно, что на пути моем встала какая-то помеха, которую мне удалось бы устранить, если бы я получил возможность на короткое время появиться в Карлсруэ. Но самое это желание, едва я успел его высказать, вызвало полное против меня озлобление. Особенно Девриент проявил при этом необыкновенную страстность и непреклонность, и это обстоятельство навело меня на мысль, что причина моего недопущения в Карлсруэ лежит главным образом в его личном нежелании моего вмешательства в дело управления театром. Тогда мне показалось уже более понятным, что Великий герцог, чувствуя неловкость от невозможности разрешить мне посещение его столицы – при им

же самим открытых в этом направлении перспективах, – нашел желанный выход из создавшегося положения в том, чтобы предлог поездки отпал вследствие других каких-нибудь причин. От Бюлова, побывавшего несколько раз в Карлсруэ, я получил достаточные указания на поведение в этом деле Девриента. Но ясное представление об этом я составил себе впоследствии. Для данной минуты пришлось сделать заключение огромной важности: что от Германии я отрезан, что для постановки «Тристана», к которой я так стремился, я должен искать новой сцены.

У меня быстро возник план в самом Париже основать немецкое театральное предприятие, подобное тем, какие создавались в прежние годы, главным образом при участии Шрёдер-Девриент. Я считал возможным твердо рассчитывать на то, что известные выдающиеся певцы немецких театров охотно последуют моему приглашению, если я предложу им принять участие в таком предприятии. Действительно, Тихачек, Миттервурцер, тенор Ниман, как и венская певица Луиза Майер[392], сейчас же ответили согласием на случай, если мне удастся на солидных основаниях организовать в Париже немецкую оперу. Таким образом, осталась нелегкая задача в самом Париже найти человека, который согласился бы взять на себя весь риск подобного предприятия. План мой заключался в том, чтобы по окончании итальянского оперного сезона снять зал Вантадур на два весенних месяца и для парижан, главным же образом для себя самого, поставить «Тангейзера», «Лоэнгрина», а затем и «Тристана» в исполнении лучших немецких солистов и хоровых сил.

Этот план давал моим заботам и усилиям совершенно новое направление, весьма отличное от первоначальных целей моего поселения в Париже. Теперь для меня получили большое значение знакомства, особенно влиятельные. По этой причине приятно было узнать, что Гасперини, с которым я до сих поддерживал лишь поверхностные отношения, приехал в Париж на продолжительное время. Я сейчас же сообщил ему о своих планах и через него близко познакомился с очень расположенным к нему, богатым и, как я узнал, не лишенным влияния человеком, неким Люси [Lucy], генеральным сборщиком податей в Марселе. Во всех наших беседах неизменно отмечалась необходимость прежде всего найти кого-нибудь, кто согласился бы дать нужное

для предполагаемого предприятия финансовое обеспечение. Мой друг Гасперини не мог не признать, что с моей стороны было естественно на основании им же самим высказанных предположений видеть в Люси человека, наиболее в этом отношении пригодного. Но ему казалось благоразумнее высказать Люси эту мысль с некоторой осторожностью, так как друг его хотя и обладает *chaleur de cœur*[393], но человек деловой и в музыке смыслит мало.

В первую очередь оказалось необходимым ознакомить со мной и моей музыкой парижан, а затем уже на достигнутых в этом направлении результатах строить дальнейшее. С этой целью я решил в виде первого шага дать несколько больших концертов. Чтобы осуществить это намерение, я сейчас же приобщил к кругу моих ближайших знакомых своего старого друга Беллони, бывшего секретаря Листа. Он свел меня со своим компаньоном, очень интеллигентным и, по-видимому, хорошим человеком по имени Джакомелли[394], редактором одной театральной газеты. Беллони хвалил мне его «прекрасный французский язык», как и вообще его необычайную подвижность и деятельность. Оригинальная контора редакции моего нового покровителя стала одним из важнейших пунктов для ежедневных свиданий со всевозможными своеобразными личностями, с которыми приходится сталкиваться в Париже по театральным и тому подобным делам.

Надо было приискать для предполагаемых концертов наиболее подходящий зал. Было очевидно, что с наибольшим успехом я мог бы выступить перед парижской публикой, если бы имел в своем распоряжении помещение и оркестр Парижской оперы. Для этого надо было обратиться к императору Наполеону III, что я и сделал в сжатом письме, которое Гасперини отредактировал. При этом надо было принять во внимание враждебное ко мне отношение тогдашнего министра Фульда[395], о котором можно было судить по его дружеским чувствам к Мейерберу. Его зловредному влиянию, внушавшему нам некоторые опасения, надо было противопоставить влияние Моккара[396], секретаря Наполеона и – как уверял Оливье – составителя императорских речей. В порыве пылкого великодушия Люси решил обратиться с письмом к Моккару, которого помнил как друга юности. Но когда и на это не последовало из дворца Тюильри никакого ответа, сомнения мои в возможности противодействовать главному министру под влиянием бесед с более практическими друзьями, Беллони и Джакомелли, стали расти, и я решил вступить в переговоры с Кальцадо[397], директором Итальянской оперы. С первого же шага

мы получили от него отказ, вследствие чего я отправился к нему лично. И действительно, сила моего красноречия удивила меня самого. Нарисовав перспективу возможного большого успеха постановки моей последней оперы «Тристан», я вынудил у него обещание сдать мне зал Вантадур на три вечера с промежутком в неделю. Однако от суммы 4000 франков, которую он назначил за каждый вечер[398], за помещение и освещение, он отступиться ни за что не хотел при всей пламенности моих доводов, которыми по пути домой Джакомелли очень восхищался.

358

Теперь важно было собрать для моих концертов превосходный оркестр, что причинило моим агентам немало хлопот. Их усилия в этом направлении вызвали к жизни первые признаки неожиданного враждебного отношения ко мне и моему предприятию со стороны моего старого друга Берлиоза.

Памятуя те впечатления, какие оставались у меня от встречи с Берлиозом в Лондоне в 1855 году, впечатления, которые он сам же поддерживал дружеской перепиской, я сейчас же по приезде в Париж отправился к нему. Не застав его, я ушел, но встретил его на улице по пути домой. Я заметил, что при виде меня им овладел испуг, отразившийся на его лице и во всем его облике поистине ужасным образом. Это открытие не оставило ни малейшего сомнения относительно подлинного характера наших отношений и чрезвычайно поразило меня. Однако я постарался скрыть свое чувство под видом естественной озабоченности состоянием его здоровья. Он сейчас же заверил меня, что здоровье его действительно чрезвычайно плохо, так как его мучают сильные приступы невралгии, от которых некоторое облегчение доставляет ему лечение электричеством. С одного из таких лечебных сеансов он возвращался домой. Не желая увеличивать его страданий, я предложил сейчас же покинуть его, но это, в свою очередь, так пристыдило его, что он стал настоятельно просить меня подняться с ним в его квартиру. Здесь мне удалось настроить его несколько дружелюбнее. Я открыл ему мои намерения относительно Парижа, объяснив, что даже концертное предприятие, которое я затеял, имело целью привлечь ко мне внимание публики лишь настолько, насколько это необходимо для успешной организации немецкой оперы. Я рассчитывал поставить свои собственные, еще не слышанные мной со сцены произведения. О постановке «Тангейзера» на французском языке, на которую, по-видимому, рассчитывал

директор Карвальо, я и не думаю. Эти объяснения повели к тому, что у меня с Берлиозом на некоторое время установились весьма сносные на первый взгляд даже дружеские отношения. Вот почему я счел возможным направить своих агентов, занятых подысканием оркестровых музыкантов, к своему другу: при своей опытности он должен был дать им весьма ценные советы. От них я узнал, что вначале Берлиоз отнесся к моему делу с большим участием, но затем все резко изменилось, когда однажды мадам Берлиоз вошла в комнату во время их переговоров и голосом, полным досады и изумления, воскликнула*: Comment, je crois que vous donnez des conseils pour les concerts de Mr. Wagner?*[399] Беллони узнал, что как раз в то время Мейербер прислал ей ценный браслет. «Не рассчитывайте на Берлиоза!» – таков был совет сведущего агента. Тем дело и кончилось.

359

Вообще с этих пор физиономия моего доброго Беллони представлялась мне не иначе как с печатью тяжелых забот. Он убедился, что парижская пресса настроена по отношению ко мне в высшей степени враждебно, причем ни минуты не сомневался, что это является следствием чрезвычайных волнений, которые Мейерберу приходилось в это время переживать в Берлине. Он передавал о деятельной переписке, идущей между Берлином и главнейшими фельетонистами парижских газет, и между прочим рассказал, что знаменитый Фиорентино[400] использовал смущение, в какое повергли Мейербера мои парижские планы: он пригрозил ему, что признает мою музыку хорошей, и это, разумеется, заставило Мейербера пустить в ход колоссальнейшие взятки. Все это сильно беспокоило Беллони, и он советовал мне подумать о финансовой поддержке предприятия или же, если у меня в этом смысле нет никаких видов, добиться возможности опереться на власть императора.

Его уверения, что устройство концертов, которое я готов был взять на свой собственный страх, является весьма рискованным предприятием, если мне не удастся обеспечить их материальной поддержкой со стороны, побудили меня соблюсти известную осторожность, ибо переселение и жизнь в Париже истощили мои ресурсы. Все это заставило меня с удвоенной энергией возобновить начатые переговоры с дворцом Тюильри о бесплатном использовании Парижской оперы и ее оркестра. Тут Оливье выступил с советами и остроумными предложениями, приводившими меня к чрезвычайно странным, хотя и весьма

мимолетным отношениям с людьми. Так, между прочим, я попал в кабинет Камиля Дусе[401] (одного из шефов в министерстве Фульда и в то же время драматурга): этим путем я надеялся приблизиться к неприступному, страшному, главному министру и мейерберианцу. Одной из таких рекомендаций я обязан продолжительными, весьма дружескими, хотя и совершенно для меня бесполезными переговорами с Жюлем Ферри[402]. Император и его секретарь упорно молчали, даже после того как через Великого герцога Баденского мне удалось добиться содействия его посла в Париже и швейцарского посла д-ра Керна [Kern]. Их объединенные усилия преследовали одну цель: объяснить мне, а также и императору отношение к данному делу всемогущего Фульда. Но напрасно. Все кругом молчали.

При таких обстоятельствах я получил от Минны извещение о близком ее приезде в Париж. В этом я увидел чрезвычайно странное вмешательство судьбы в мои дела. Как при выборе, так и при устройстве домика на Рю-Ньютон я имел в виду условия будущей совместной жизни с Минной. Мое помещение отделялось лестницей от ее комнат, и я позаботился о том, чтобы и они не были лишены уютности. Во мне снова проявилась склонность, развившаяся во время нашего последнего совместного пребывания в Цюрихе: рискуя навлечь на себя упрек в любви к излишней роскоши, я постарался с помощью изысканной обстановки придать своему жилищу как можно более комфорта и красоты, что должно было скрасить совместную жизнь с женщиной, которая становилась все более и более чуждой мне. В домике на Рю-Ньютон представлялась, кроме того, возможность устроить салон, и хотя я отнюдь не проявил при этом никакой расточительности, все же оказалось, что бесконечная возня с ненадежными парижскими рабочими, кроме огромных хлопот и неприятностей, ввела меня в непредвиденные раньше расходы. Я утешал себя тем, что, раз это неизбежно, Минна, войдя в дом, в котором ей придется вести хозяйство, сразу обретет хорошее настроение. Затем я счел нужным позаботиться о сиделке, и с этой целью обратился за советом к мадам Герольд. Она рекомендовала мне подходящую особу. Сейчас же по приезде Минны я взял себе слугу. Довольно глупый парень, уроженец Валлиса, раньше находившийся в папской лейб-гвардии, он скоро сильно ко мне привязался.

К этому персоналу присоединилась прежняя кухарка Минны, в сопровождении которой она приехала 17 ноября. На вокзале Минна вручила мне своего попугая и собачку Фипса, что невольно напомнило прежнюю встречу, десять лет назад, в гавани Роршах. Совершенно как тогда, она сейчас же дала мне понять, что ее заставила приехать отнюдь не нужда, что если я буду скверно обращаться с нею, она знает, куда вернуться. Впрочем, я не мог не заметить, что в ней все-таки произошла немалая перемена. Она созналась, что чувствует беспокойство и страх, какие бывают у человека, поступающего на службу и не знающего, уживется ли он на новом месте. Я пытался рассеять ее сообщениями о своем внешнем положении, не замедлив дать ей возможность выказать свое участие. К сожалению, она не проявила ко всему этому ни малейшего интереса, ни сочувствия, обратив все внимание исключительно на внутреннее убранство нашего дома. К тому, что я взял себе слугу, она отнеслась с иронией, но пришла в бешенство, узнав, что под видом домработницы я пригласил необходимую для нее, как мне казалось, сиделку. Эта особа, о которой госпожа Герольд в виде особой рекомендации рассказывала мне, что она с ангельским терпением ухаживала за ее больной престарелой матерью, скоро до такой степени деморализовалась благодаря обращению Минны, что я сам счел необходимым отказать ей. При этом я навлек на себя сильные упреки тем, что на прощанье дал ей небольшое вознаграждение.

Еще сильнее сказалась перемена в поведении моего слуги, заявившего, что он не намерен принимать приказания от моей жены, и в ответ на мои возражения позволившего себе такую дерзость в обращении со мной, что я был вынужден отправить и его поскорее. У меня осталась очень солидная ливрея, которую я незадолго перед тем приобрел за большие деньги – впредь ей суждено было висеть без всякой пользы, так как я не имел больше никакого желания брать себе слугу. Но зато я должен был выдать самую лестную аттестацию швабке Терезе, которая одна справлялась со всей работой по дому. Эта женщина, одаренная необыкновенным природным умом, вполне ясно видела всю трудность моего положения, как нельзя лучше отдавала себе отчет в дурных качествах Минны. Она умела сглаживать их как к моей личной выгоде, так и к преуспеянию всего нашего хозяйства.

Сближение с Минной опять сомкнуло вокруг меня не раз

пережитый круг: предстояло, по-видимому, начать все с самого начала. По счастью, не было и речи о жизни в тиши и уединении. Теперь завязывалась бесконечная цепь внешних отношений и действий, в которую я был вовлечен судьбой против воли, против всех моих склонностей.

361

С наступлением 1860 года в делах моих наступил неожиданный поворот, открывавший моим предприятиям новую возможность успеха. Венский капельмейстер Эссер передал мне желание музыкального издателя Шотта в Майнце приобрести у меня новую оперу. В данный момент я мог предложить только «Золото Рейна». Но своеобразная структура этого произведения, которое должно было служить прологом большой трилогии о Нибелунгах, не позволяла предложить его прямо как «оперу», без дальнейших пояснений. Однако желание Шотта непременно включить в каталог своих изданий какое-нибудь новое мое произведение было так сильно, что, поборов все сомнения, я согласился предоставить ему эту вещь за 10 000 франков, не утаив от него всей трудности ее распространения. Я гарантировал ему приобретение последующих трех главных частей, по той же цене за каждую. Тут же я решил, если Шотт согласится на мои условия, употребить неожиданный доход на парижское предприятие.

Утомленный упорным молчанием императорского кабинета, я дал агентам поручение окончательно условиться с синьором Кальцадо относительно найма помещения Итальянской оперы на три концерта и собрать оркестр и певцов-солистов. Когда хлопоты эти были в полном ходу, меня начало беспокоить продолжительное отсутствие ответа от Шотта. Чтобы не потерять его окончательно, я письменно поручил музикдиректору Шмидту во Франкфурте продолжать переговоры с Шоттом на почве значительных уступок в моих требованиях. Едва я отправил это письмо, как получил извещение от Шотта, что он согласен на мои условия. Это заставило меня немедленно послать Шмидту телеграмму и взять назад данное ему полномочие.

С большой бодростью мы продолжали начатые приготовления к концертному предприятию, поглощавшие всю мою энергию. Надо было позаботиться о хоре, и я решил усилить дорогостоящий состав Итальянской оперы хором одного немецкого певческого кружка, находившегося под управлением некоего Эманта [Ehmant]. Чтобы расположить этот хор в мою

пользу, мне пришлось однажды вечером посетить его в помещении общества на Рю-дю-Темпль [Rue du Temple] и с веселым видом переносить атмосферу пивных паров и табачного дыма среди откровений буржуазно-немецкого художественно-артистического вкуса. Кроме того, я вошел в сношения с господином Шером [Chère], учителем и регентом кружка французской народной песни, читавшим лекции в *Ecole de médecine*[403]. У него я встретил одного чудака-энтузиаста, ожидавшего возрождения французского народного духа от своей методы, заключавшейся в обучении пению без нот.

Но самые неприятные затруднения проистекали для меня из необходимости переписать большую часть окрестровых партий в выбранных для исполнения фрагментах. Для этого я пригласил разных бедных немецких музыкантов, которые с утра до ночи сидели у меня, под моим руководством и наблюдением делая эту трудную работу.

Среди этих хлопот, которым я отдавался с большой страстью, застал меня Ганс фон Бюлов, приехавший в Париж на продолжительное время, как потом оказалось, не столько для устройства своих собственных дел концертирующего виртуоза, сколько для того, чтобы оказать мне посильную помощь в организации предприятия. Он жил у матери Листа[404], но большую часть дня проводил у меня, чтобы оказаться под рукой, как только в нем будет какая–нибудь надобность, как, например, сейчас, при изготовлении копий. Он помогал мне всем, чем мог. Но главной своей целью он поставил использовать для успеха предприятия свои общественные связи, приобретенные в Париже при содействии жены во время прошлогоднего посещения. Результаты его стараний сказались впоследствии. А пока он содействовал мне в устройстве самих концертов, в прохождении уже начавшихся репетиций.

362

Первая из этих репетиций происходила в зале Герца[405]. Она вызвала сильное возмущение музыкантов против меня, походившее на открытый мятеж. Все время приходилось спорить из-за привычек, в которых я считал нужным им не уступать, стараясь убедить их доводами рассудка. Особенно возмущало их то, что я отбивал размер в шесть восьмых по схеме размера в четыре четверти, против чего они шумно протестовали, утверждая, что его надо отбивать по схеме *alla breve*[406]. В ответ на мой резкий призыв к дисциплине, необходимой в порядочном

оркестре, мне заявили, что тут не прусские солдаты, а свободные люди.

Увидав, что один из главных недочетов заключается в неправильном расположении оркестра, я для ближайшей второй репетиции придумал новый план. Посоветовавшись со своими друзьями, я пришел на репетицию с раннего утра, сам распорядился целесообразной расстановкой пультов и потом заказал для всех музыкантов достаточно обильный завтрак, к которому я их и пригласил перед началом репетиции. Я сказал им, что от исхода сегодняшнего собрания зависит судьба моих концертов, что мы не должны покинуть этот зал, не согласившись в главном. Поэтому я прошу их сначала сделать двухчасовую репетицию, а затем, перекусив в соседнем зале, сейчас же повторить ее. За эту репетицию я заплачу особо. Мое предложение произвело эффект. Выгодное размещение оркестра способствовало сохранению хорошего настроения, а впечатление от увертюры к «Лоэнгрину» было настолько благоприятно, что с энтузиазмом прорвалось наружу. Уже в конце первой репетиции все: и музыканты, и слушатели, среди которых находился и Гасперини, – оказались до последней степени увлеченными моей музыкой. Это хорошее настроение отразилось благоприятным образом на генеральной репетиции, происходившей на сцене Итальянской оперы. Здесь пришлось в резких выражениях удалить из оркестра небрежного трубача, не нанеся этим ни малейшей обиды духу товарищества.

25 января 1860 года состоялся наконец первый концерт. Прием, оказанный публикой всей программе – она состояла из отрывков различных опер, вплоть до «Тристана и Изольды», – был вполне благоприятный, даже восторженный. Один номер, марш из «Тангейзера», был прерван бурными аплодисментами, вызванными неожиданным для публики радостным открытием, что музыка, о которой говорилось столько противоречивого, заключает в себе столь длительные связные мелодии.

Вполне удовлетворенный концертом со стороны как исполнения, так и приема публики, я должен был в последующие дни пережить противоположные впечатления, которыми я был обязан появившимся отзывам в печати. Оказалось, что Беллони предсказывал совершенно правильно, и то обстоятельство, что представителям прессы именно вследствие его предсказаний не были посланы приглашения, только усилило злобу наших

противников. Но предприятие имело целью возбуждение интереса среди энергичных друзей, а не похвалы рецензентов, и бушевание этих господ беспокоило меня меньше, чем отсутствие благоприятных проявлений с другой стороны. Но больше всего меня тревожило, что зал, казавшийся переполненным, дал не более 5000–6000 франков, между тем как цифра расходов превышала 11 000. Конечно, убытки удалось бы покрыть, если бы можно было ожидать повышенного сбора от второго концерта, уже не требовавшего больших расходов. Однако Беллони и Джакомелли призадумались. Они не считали возможным скрыть от себя то обстоятельство, что концерт вообще не в жанре французов; для них требуется непременно драматический элемент: костюмы, декорации, балет.

Продажа билетов на второй концерт, назначенный на 1 февраля, шла так туго, что, желая спасти мою репутацию, агенты сочли нужным принять меры для искусственного наполнения зала. Я должен был предоставить им полную свободу действий. Потом я удивлялся, что им удалось заполнить первые ряды аристократического театра – все, даже враги, были введены в заблуждение. Сбор с этого концерта составил немногим более 2000 франков, и нужны были все мои упорство и презрение к трудностям, стоявшим на пути, чтобы при таких обстоятельствах не отменить третьего концерта, назначенного на 8 февраля.

Полученный от Шотта гонорар, часть которого пришлось потратить на увеличившиеся нужды по ведению дома, пришел к концу, и надо было позаботиться о субсидии. С большими усилиями через посредство Гасперини мне удалось получить ее от человека, привлечение которого составляло, в сущности, цель всего моего предприятия. Это был уже упомянутый генеральный сборщик податей из Марселя Люси, который должен был приехать в Париж ко времени моих концертов. Мой друг Гасперини рассчитывал, что значительный успех у парижской публики побудит Люси взять на себя финансовую сторону проекта, касающегося организации немецкой оперы. Между тем к первому концерту Люси не приехал, а явился только в середине второго, да и то заснул во время исполнения. Когда к нему обратились с просьбой о займе в несколько тысяч франков, необходимых для осуществления третьего концерта, он ценой ссуды счел себя застрахованным от всяких дальнейших посягательств с нашей стороны. Несомненно, он испытывал известное удовлетворение, отделавшись от участия в моих планах. Если третий концерт и мне самому казался бесполезным, все же он доставил мне большое удовольствие как исполнением музыкантов, так и прекрасным приемом со стороны публики. На

этот раз она собралась в значительно большем числе, хотя моим агентам пришлось принять некоторые меры, чтобы все места оказались занятыми.

Необычайное впечатление, какое моя музыка произвела на отдельных лиц, действовало на мое настроение сильнее, чем досада, вызванная внешней неудачей концертного предприятия. Несомненно, я стал центром исключительного внимания, и этим я непосредственно был обязан как упомянутому впечатлению, так и – в более отдаленной степени – отзывам прессы. Тот факт, что я не послал приглашения ни в одну из газет, был оценен как изумительная смелость с моей стороны. Поведение рецензентов оправдало мои ожидания. Я только жалел о том, что такие люди, как Франк-Мари[407], корреспондент *La Patrie* [«Родины»], который в конце первого концерта в сильнейшем волнении обратился ко мне с выражениями благодарности, сочли себя вынужденными беспрекословно подчиниться чувству товарищества и отрицать собственное благосклонное отношение ко мне.

Но поистине досадным образом обратила на себя всеобщее внимание статья Берлиоза в *Journal des Débats*[408]. В ней настроение его, сдержанное вначале, прикрытое замысловатыми, вычурными фразами, под конец прорвалось в форме явно коварных инсинуаций. Я решил не оставить без отклика дурного по отношению ко мне образа действий старого друга и ответил письмом, которое я дал перевести на хороший французский язык и не без затруднений поместил *в Journal des Débats*[409]. Письмо это чрезвычайно расположило в мою пользу тех, на кого мой концерт оказал значительное воздействие. Ко мне явился некий Перрен[410], бывший директор Опера-Комик, в настоящее время состоятельный эстет и живописец, впоследствии директор Парижской оперы. Он слышал «Лоэнгрина» и «Тангейзера» в Германии и излил свое восхищение в таких выражениях, которые заставили меня предположить, что, если ему представится для этого удобный случай, он сочтет для себя честью пропагандировать эти произведения во Франции. Таким же образом, путем немецких постановок, ознакомился с моими операми и граф Фуше де Карей[411], завязавший со мной отменно хорошие, длительные отношения. Он заслужил известность публикацией различных работ по немецкой философии, главным образом изданием Лейбница. Для меня не могло не представить известного интереса общение с достойной уважения, совершенно незнакомой стороной французского интеллекта в лице этого человека.

Обойду молчанием несколько поверхностных знакомств, которые я приобрел в то время. Среди них особенно выделялся

один русский, граф Толстой[412]. Но не могу не упомянуть о прекрасном впечатлении, какое произвел на меня романист Шанфлери[413] своей увлекательно-доброжелательной брошюрой, предметом которой были я и мои концерты.

В ее беглых афоризмах сказывалось сильное чувство, вызванное моей музыкой и даже моей личностью, подобного которому, за исключением восторженных статей Листа о «Лоэнгрине» и «Тангейзере», мне никогда не приходилось встречать. Чувство это было выражено в ярких и возвышенных словах. При последовавшем затем личном знакомстве с Шанфлери я увидел пред собой очень простого, «уютного» человека, какие теперь встречаются редко. Он принадлежал к вымирающим типам французского населения.

364

Еще значительнее было сближение со мной поэта Бодлера[414]. Началось оно с письма, которое он мне написал[415]. Бодлер выразил свои впечатления от моей музыки: он считал себя прежде человеком, обладавшим чувством красок, но отнюдь не чувством звуков. Высказанные им по этому поводу мысли, с сознательной смелостью вращавшиеся в области самой оригинальной фантастики, сразу показали мне человека необыкновенного духовного облика. Он с удивительной мощью разбирался в своих ощущениях и делал из них самые крайние выводы. К подписи своей он не прибавил адреса, чтобы, как он объяснил, не дать мне повода подумать о каких-нибудь домогательствах с его стороны. Само собой разумеется, я разыскал и посетил его и включил в круг тех знакомых, которых я с этих пор стал приглашать к себе раз в неделю, по вечерам. Для таких приемов я назначил среду.

Так советовали поступить мои парижские знакомые, среди которых неизменно верным оставался Гасперини, объяснив, что это соответствует парижским нравам. Таким образом, у меня, в маленьком домике на Рю-Ньютон, открылся, согласно моде, настоящий «салон», что давало Минне гордое сознание респектабельности ее положения, несмотря на то что для бесед она имела в своем распоряжении лишь жалкие крохи французского языка. Этот салон, к которому дружески примкнули и супруги Оливье, привлекал все больше и больше посетителей. Здесь появилась однажды и моя старая знакомая, Мальвида Мейзенбуг[416], чтобы с этих пор на всю жизнь стать моим близким другом. Лично мы встретились только раз, во время

моего пребывания в Лондоне (1855). Но еще до того она письменно высказала мне свой энтузиазм по поводу моей книги «Произведение искусства будущего». Тогда, в Лондоне, где мы раз провели вместе вечер в семействе Альтхаус [Althaus], она была полна тех желаний и планов относительно совершенствования человеческого рода, которые я сам же исповедовал, но от которых, познав под влиянием Шопенгауэра глубокий трагизм мира и ничтожность его явлений, отвернулся почти с раздражением. Мне было неприятно в споре с этим вдохновенным другом видеть, что я не понят и являюсь в ее глазах почти ренегатом благородной идеи. Мы расстались с чувством глубокого недовольства друг другом. Теперь я почти испугался, увидав Мальвиду в Париже. Но всякое неприятное воспоминание о лондонских дебатах исчезло, как только она заявила мне, что тогдашний спор имел для нее весьма решительные последствия, побудив ее немедленно приступить к ознакомлению с философией Шопенгауэра. Путем серьезного изучения она поняла, что взгляды ее, высказанные с такой решительностью относительно возможности осчастливить мир, должны были своей банальностью вызвать во мне сильнейшую досаду. Теперь она заявила себя моей горячей последовательницей и в качестве таковой сейчас же взяла на себя роль до крайней степени озабоченного моим благосостоянием друга.

Как этого требовало приличие, я постарался сблизить ее с женой. От Мальвиды не укрылась глубокая дисгармония нашей совместной жизни, носившей внешнюю форму брака, и с сердечной заботливостью она старалась ослабить ее дурные последствия. Скоро ей стала вполне ясна и затруднительность моего положения в Париже при почти безрезультатных предприятиях и полном отсутствии материального обеспечения. Громадный урон, причиненный тремя концертами, в конце концов не составлял тайны ни для кого из лиц, интересовавшихся мною. Мальвида поняла трудность моего положения, ибо не было никаких видов на какие-нибудь практические выгоды, которые могли бы вознаградить меня за принесенные жертвы. Из собственных побуждений она сочла себя обязанной позаботиться о помощи, для чего решила познакомить меня с некоей госпожей Швабе[417], вдовой богатого английского купца, в доме которой она исполняла обязанности воспитательницы старшей дочери. Она не скрывала от меня, как и от себя самой, неприятных сторон этого знакомства, но рассчитывала на добродушие довольно вульгарной женщины, на ее тщеславие, которое должно побудить ее чем-нибудь отблагодарить меня за честь приглашения в мой салон.

Действительно, мои средства к существованию пришли к концу. Но отвращение, какое я почувствовал, узнав, что среди парижских немцев собираются устроить сбор в мою пользу с целью вознаградить меня за понесенные на концертах потери, дало мне мужество отрицать свое тяжелое положение. Я сейчас же заявил, что предположения относительно моей нужды основаны на ложных слухах, что я буду вынужден отклонить все попытки, которые могут быть сделаны в этом направлении. Но госпожа Швабе, неизменно появлявшаяся на моих вечерах и столь же неизменно засыпавшая во время исполнения музыкальных номеров, сочла нужным предложить мне через заботливую Мейзенбуг свою личную поддержку. Это была сумма приблизительно в 3000 франков, которая в данный момент была мне до крайности нужна. Не желая принять эти деньги в качестве подарка, я добровольно выдал г-ж Швабе, отнюдь этого не требовавшей, годичный вексель. Она добродушно приняла его, не с целью обеспечить себе погашение долга, а исключительно из желания пойти навстречу моей щепетильности. Когда наступил срок, а положение мое исключало всякую возможность покрыть обязательство, я обратился к оставшейся в Париже Мейзенбуг с просьбой испросить у находящейся за границей обладательницы векселя согласия на его возобновление. Мейзенбуг ответила самым серьезным образом, что я могу избавить себя от незначительных хлопот, так как Швабе никогда не смотрела на переданную мне сумму иначе как на добровольную, льстившую ее тщеславию, поддержку парижского предприятия, к которому она питала живой интерес. Позднее мы узнаем, как это дело обстояло в действительности.

365

В это полное треволнений время я был и удивлен, и тронут подарком, присланным в знак преданности одним дрезденским жителем, Рихардом Вайландом [Weiland]. Это была довольно искусно выполненная работа из серебра, представлявшая окруженный лавровым венком нотный лист. На нем были выгравированы начальные такты главных тем всех моих опер, включая и «Золото Рейна», и «Тристана». Этот скромный человек позднее посетил меня и рассказал, что он ездил во все города, где ставились мои оперы. От «Тангейзера» в Праге у него осталось в памяти, что исполнение увертюры продолжалось целых двадцать минут, между тем как под моим управлением в Дрездене она длилась двенадцать.

Очень приятное впечатление, но совсем другого рода произвело на меня знакомство с Россини. Какой-то газетный остряк приписал ему следующую шутку[418]. Однажды за обедом, выслушав своего друга Карафу[419], заявившего, что тот является почитателем моей музыки, он пододвинул ему рыбу без соуса, желая этим подчеркнуть, что друг его признает музыку без мелодий. Россини серьезно и определенно запротестовал в открытом письме, заявив, что приписываемое ему *bon mot*[420] он считает *mauvais blague*[421], что он никогда не позволил бы себе подобных шуток по отношению к человеку, со стороны которого он видит попытки расширить область искусства, в которой он работает сам. Узнав об этом, я не замедлил посетить Россини и был принят им очень любезно[422]. Это посещение я описал потом в статье[423], посвященной моим воспоминаниям о композиторе. Не менее обрадовал меня старый знакомый Галеви, принявший в дебатах о музыке мою сторону. О моем посещении у него, как и о сложившемся между нами разговоре, я говорил прежде, упреждая ход событий.

Однако изо всех этих встреч и знакомств, действовавших на меня приятным и ободряющим образом, не выходило ничего. Не было никаких перспектив на изменение моего положения. Я все еще оставался в неизвестности, получу ли какой-нибудь ответ на обращенную к императору Наполеону III просьбу, будут ли мне предоставлены силы Парижской оперы для повторения моих концертов. Только в таком случае, т. е. если бы мне не надо было нести никаких издержек, я мог бы рассчитывать на доход, становившийся все более и более необходимым. Было несомненно, что министр Фульд является перед лицом императора моим ожесточенным противником. Ввиду полученных мной, чрезвычайно удививших меня сведений о том, что маршал Маньян[424] присутствовал на всех трех концертах, я счел себя вправе рассчитывать на некоторое, благоприятное для меня, влияние со стороны этого человека, по отношению к которому у императора были особые обязательства еще со 2 декабря. Не ожидая никакого сочувствия со стороны Фульда, к которому я питал отвращение, я обратился к маршалу.

В один прекрасный день к дверям моего дома подъехал гусар, слез с коня, позвонил и передал удивленному слуге письмо от Маньяна, в котором он приглашал меня к себе. Я был принят в парижском комендантстве военным очень представительной внешности. Он беседовал со мной чрезвычайно рассудительно, выразил удовольствие, которое ему доставляет моя музыка, и с неподдельным вниманием выслушал мой рассказ о явно бесцельных попытках добиться чего-либо у императора, как и

высказанное мной подозрение относительно Фульда. Позднее я узнал, что он в тот же вечер во дворце Тюильри потребовал от Фульда определенных объяснений по этому поводу.

366

Во всяком случае не подлежит сомнению, что с тех пор я стал замечать все более определенные признаки какого-то нового движения в моих делах. Но решительный поворот наступил тогда, когда обозначилось некоторое благоприятное для меня влияние с той стороны, с какой я этого совершенно не ожидал. Бюлов, все еще оттягивавший свой отъезд из участия ко мне, из желания узнать, чем все это кончится, привез с собой в Париж рекомендательные письма к послу графу Пурталесу[425] от тогдашней принцессы-регентши Прусской[426]. Но его надежда услышать из уст этого господина желание, чтобы ему представили меня, не сбывалась. Тогда, чтобы устроить это знакомство, он прибегнул к следующему средству: в великолепный ресторан *Vachette*[427] он пригласил прусского посла вместе с его атташе, графом Паулем фон Гацфельдом[428], на завтрак, к которому я должен был явиться вместе с ним. Результаты этой встречи оправдали все ожидания. Особенно обрадовал меня граф Пурталес своей простотой и неподдельной теплотой своей беседы и обращения со мной. С тех пор граф фон Гацфельд стал бывать у меня, присутствуя иногда на моих приемах по средам. Наконец, он обрадовал меня известием о начавшемся при дворе движении в мою пользу.

Затем он пригласил меня посетить с ним оберкамергера императора графа Бачиокки[429]. Тут только я услышал первый отклик на мою просьбу, обращенную к императору: меня спросили, почему я настаиваю на концерте в Парижской опере. Такой концерт никого серьезно не интересует и не гарантирует мне никаких дальнейших успехов. Было бы, может быть, лучше предложить директору оперы Альфонсу Руайе[430] сговориться со мной относительно композиции для Парижа. Так как я не хотел об этом и слышать, то несколько свиданий с графом Бачиокки прошли безрезультатно. На одно из таких свиданий меня сопровождал Бюлов. Над графом, которого Беллони знал в молодости, когда он исполнял обязанности билетного контролера при театре Ла Скала в Милане, мы сделали некоторое комичное наблюдение: непрерывно играя тросточкой, то ударяя ею по телу, то откидывая ее назад, он старался замаскировать известные непроизвольные судорожные движения своей руки, бывшие, по

всей вероятности, следствием не особенно лестного для него физического порока.

Таким образом, из этих непосредственных отношений с придворным ведомством ничего, по-видимому, не выходило, когда в одно прекрасное утро граф Гацфельд поразил меня неожиданным известием, что накануне вечером император отдал приказ поставить «Тангейзера». Решительный толчок к этому исходил от княгини Меттерних[431]. Она приблизилась к группе лиц, окруживших императора, как раз в ту минуту, когда шел разговор обо мне. Император поинтересовался ее мнением, и княгиня с таким вызывающим энтузиазмом стала говорить о «Тангейзере», которого видела в Дрездене, что ей тут же было обещано отдать приказ о постановке этой оперы. Правда, Фульд, которому императорский приказ был передан в тот же вечер, пришел в величайшую ярость. Но Наполеон заявил, что дело это решенное, что отменить слово, данное княгине Меттерних, он не может.

Снова я был приглашен к Бачиокки, который принял меня с очень серьезным видом, но с первого же слова удивил странным вопросом о сюжете моей оперы. Я должен был передать его в нескольких словах. Когда я закончил, он с облегчением воскликнул: *«Ah! Le pape ne vient pas en scène? C'est bon! On nous avait dit que vous aviez fait paraitre le Saint-Père, et ceci, vous comprenez, n'aurait pas pu passer. Du reste, monsieur, on sait à présent que vous avez énormément de génie; l'empereur a donné l'ordre de représenter votre opéra»*[432]. Он уверил меня, что все будет предоставлено в мое распоряжение, что все желания мои будут удовлетворены, и прибавил, что отныне я должен сноситься по этому делу исключительно с директором Руайе.

Все это привело меня в некоторое смущение. Внутренний голос подсказывал мне, что поворотом обстоятельств я обязан каким-то странным недоразумениям. Как бы то ни было, я потерял надежду осуществить первоначальный план поставить свои произведения в исполнении избранной немецкой труппы и не скрывал от себя, что при данном положении вещей могу рассчитывать лишь на удачу или счастливый случай. Нескольких свиданий с директором Руайе было достаточно, чтобы я вполне уяснил себе характер нового навязанного мне предприятия. Он должен был убедить меня во что бы то ни стало в необходимости изменить второй акт, который будто бы требует введения большого балета. Я уклонился дать ответ на эти предложения директора. Возвращаясь домой, я спрашивал себя, что делать, если решусь отказаться от постановки «Тангейзера» в Парижской опере.

В то же время другие заботы, непосредственно касавшиеся моего положения, настойчиво требовали внимания и поглощали всю мою энергию. Прежде всего, я решил довести до конца начатое Джакомелли предприятие и повторить в Брюсселе мои концерты. С тамошним театром Ла Моннэ[433] был заключен контракт на три концерта, половина сбора с которых за вычетом расходов должна была пойти в мою пользу. В сопровождении своего агента я 19 марта выехал в столицу Бельгии с целью хотя бы отчасти возместить денежные потери, понесенные в Париже. По настоянию моего ментора пришлось посетить редакторов различных газет и среди прочих бельгийских знаменитостей Фетиса-отца. Я знал, что много лет назад он был подкуплен против меня Мейербером. Теперь мне казалось забавным вступить с этим человеком, который держал себя необыкновенно авторитетно, в своего рода диспут, в конце которого он решительно встал на сторону моих взглядов.

Здесь я приобрел знакомство с замечательным государственным советником Клиндвортом[434]. Дочь или, как уверяли многие, супруга его[435], еще прежде, в мою бытность в Лондоне, была мне рекомендована Листом. Но в Лондон она тогда не приехала, теперь же, в Брюсселе, я имел неожиданное удовольствие получить от нее приглашение. Она выказала по отношению ко мне большую предупредительность. Клиндворт сам старался занимать меня бесконечными рассказами о приключениях его удивительной карьеры дипломатического агента, приключениях, оставшихся для меня неясными.

Несколько раз я обедал у них, причем однажды познакомился с графом Куденхове[436] и его супругой, дочерью моей давнишней приятельницы, госпожи Калержи. Господин Клиндворт всегда выказывал очень большое расположение ко мне и даже пожелал непременно дать мне рекомендательное письмо к князю Меттерниху, с отцом которого он был особенно близок. Лишь при последнем нашем свидании между нами произошла довольно резкая сцена. Когда в несколько раздраженном тоне я отмел его заявление по поводу «все направляющего Провидения», заявление, чрезвычайно меня удивившее при общей фривольности его взглядов, он потерял самообладание. Я подумал, что он готов порвать со мной совершенно, но опасение это ни тогда, ни впоследствии не оправдалось.

Если не считать этого интересного знакомства, Брюссель не дал мне ничего, кроме огорчений и поводов для бесполезной траты сил. Первый концерт, объявленный вне абонемента, собрал

многочисленную публику. Но подсчитанные дирекцией расходы по устройству концерта, вследствие непонятой мной оговорки в контракте павшие на меня одного, составили такую большую сумму, что из чистой прибыли на мою долю не пришлось почти ничего. Меня должен был вознаградить второй концерт, шедший в абонемент. А так как, кроме абонентов, занимавших весь зал, платной публики было очень немного, то и на этот раз доходы были не настолько велики, чтобы покрыть довольно значительные затраты по путешествию и пребыванию в Брюсселе: я вез с собой агента и слугу. Ввиду этого я решил отказаться от третьего концерта. В не особенно веселом настроении я уехал обратно в Париж, увозя с собою вазу из богемского хрусталя, которую подарила мне госпожа Стрит, дочь Клиндворта.

Некоторое развлечение во время моего пребывания в Бельгии доставила мне короткая поездка в Антверпен. Не чувствуя охоты употребить небольшой промежуток времени, бывший в моем распоряжении, на обозрение сокровищ искусства, я удовольствовался внешним осмотром города, в котором нашел гораздо меньше памятников старины, чем ожидал. Но разочарование, которое я испытал при виде знаменитой цитадели, привело меня в чрезвычайно дурное настроение духа. Отделывая сцену первого акта «Лоэнгрина»[437], я вообразил, что эта цитадель, которую я рисовал себе в виде древнего укрепленного замка, представляет по ту сторону Шельды сколько-нибудь выдающуюся достопримечательность. Вместо этого я увидал однообразно ровную поверхность с врытыми в землю укреплениями. Присутствуя на позднейших постановках «Лоэнгрина», я не мог без улыбки смотреть на внушительный замок, воздвигнутый театральным декоратором на высокой горе заднего плана.

368

Я вернулся в Париж к концу марта. Не оставалось ничего другого, как отдаться размышлениям о моих печальных делах: средства мои иссякли, а видов на будущее не было никаких. Под гнетом этих забот положение мое становилось особенно странным для меня самого. Дом мой, где я не подавал и виду, что меня угнетают разные мысли, был поставлен на самую широкую ногу. Мои приемы по средам становились все более и более блестящими, их посещали интересные иностранцы, желая при моем содействии добиться искомого успеха. Фройляйн Ингеборг Штарк[438], впоследствии супруга молодого Ганса фон

Бронзарта[439], с очаровательной элегантностью играла у нас на рояле. Рядом с ней выступала более скромная фройляйн Алина Хунд [Hund] из Веймара. В высшей степени одаренный молодой французский музыкант Камиль Сен-Санс[440] с успехом принимал участие в этих музыкальных развлечениях.

К прочим моим французским знакомствам присоединилось особенно ценное знакомство с господином Фредериком Вийо[441]. Этого *Conservateur des tableaux du Louvre*[442], необыкновенно тонкого и прекрасно образованного человека, я однажды встретил в лавке музыкального торговца Флаксланда [Flaxland], с которым я поддерживал немаловажные отношения. Я очень удивился, услышав, что Вийо справляется о заказанной им партитуре «Тристана». Нас представили друг другу, и я тут же узнал, что у него имеются партитуры и других моих опер. Я спросил его, извлекает ли он наслаждение из моих драматических произведений, ибо окончательно не мог понять, как, не зная немецкого языка, он в состоянии уяснить себе именно эту музыку, так тесно связанную с текстом. Его остроумный ответ, что самая музыка служит ему для этого руководством, внушил мне серьезную к нему симпатию. Я с радостью поддерживал с ним отношения, так приятно меня возбуждавшие. Позднее, написав обстоятельное предисловие к переводу моих оперных поэм, я посвятил это предисловие ему[443] как самому достойному человеку. Партитуры, которых он не был в состоянии играть сам, исполнял для него упомянутый выше молодой музыкант Сен-Санс, которому, по-видимому, он покровительствовал.

При этом я имел случай убедиться в искусстве и таланте Сен-Санса, повергавших меня в истинное изумление. С неподражаемой уверенностью и легкостью схватывая самую сложную оркестровую партитуру, этот молодой человек обладал еще и замечательной памятью. Он не только играл наизусть мои партитуры, к которым прибавился теперь и «Тристан», но умел выделять как существенные, так и менее существенные частности их, и казалось, что он все время держит перед глазами нотный лист. Позднее я узнал, что, несмотря на поразительную способность воспринимать технический материал музыки, он отнюдь не проявлял какой-либо интенсивной продуктивности. При дальнейших его попытках выступать в роли композитора я потерял его совершенно из виду[444].

Теперь мне пришлось вступить в более близкие отношения с

директором Парижской оперы, господином Руайе, по поводу предписанной ему постановки «Тангейзера». Прошло два месяца, прежде чем я уяснил себе, как отнестись ко всему этому предприятию: положительно или отрицательно. Ни одно свидание с ним не обходилось без того, чтобы не был затронут вопрос о введении балета во второй акт. Мое красноречие оглушало его, но не убеждало. Пока же я не мог не подумать о сносном переводе поэмы.

Этот вопрос обсуждался уже не раз со всех сторон. Когда, как я уже упомянул, де Шарналь оказался для этой задачи непригодным, Роже на продолжительное время исчез у меня из виду. Гасперини тоже не проявлял серьезного намерения взять на себя эту работу. Вдруг явился ко мне некий Линдау (насколько я помню, его звали Пауль)[445], с большой самоуверенностью заявивший, что в сотрудничестве с молодым Эдмоном Рошем [Roche] он берется изготовить пригодный перевод «Тангейзера». Этот Линдау был родом из окрестностей Магдебурга и бежал от прусской военной службы. Джакомелли рекомендовал мне его однажды как весьма подходящего заместителя певца–француза, на одном из моих музыкальных вечеров приглашенного исполнить *Etoile du soir*[446] и внезапно отказавшегося от участия в концерте. Линдау выразил готовность без репетиций пропеть этот номер, который, по его словам, был ему прекрасно знаком, и я посмотрел на него как на ниспосланного с неба гения. Но ничто не могло сравниться с изумлением, в какое повергла меня неслыханная наглость этого человека. Несмотря на робость настоящего дилетанта, не умея при этом ясно и точно исполнить ни одного такта, он все-таки решился выступить перед публикой. Только крайнее изумление, вызванное непостижимой смелостью этого человека, сдержало громкое выражение всеобщего негодования. Тем не менее Линдау, нашедший всевозможные объяснения и извинения для своего поступка, сумел проникнуть в мой дом если не в роли певца, то в качестве участливого друга. Завоевав большие симпатии Минны, он стал бывать у нас чуть ли не ежедневно. Но мою снисходительность он завоевал не столько своими уверениями, что он располагает огромными связями, сколько своей необыкновенной готовностью быть к услугам во всевозможных поручениях. Я терпел его, несмотря на никогда не умолкавший внутренний протест против знакомства с таким человеком.

Но что заставило меня согласиться на его участие в переводе «Тангейзера», это предложение привлечь к сотрудничеству в этой работе молодого Эдмона Роша.

С последним я познакомился сейчас же по прибытии в Париж,

в сентябре минувшего года. Это произошло при не совсем обыкновенных, но очень приятных обстоятельствах. Чтобы получить свою мебель, высланную из Цюриха, мне пришлось отправиться на таможню. Там меня направили к бледному, бедно одетому, но очень живому молодому человеку. Когда я назвал ему свое имя, он прервал меня с энтузиазмом: «*O, je connais bien Mr Richard Wagner, puisque j'ai son portrait suspendu au-dessus de mon piano*»[447]. Страшно удивленный, я стал его расспрашивать и узнал, что основательное изучение клавираусцугов моих опер сделало его моим восторженным почитателем. После того как он с предупредительной любезностью дал мне покончить с неприятными делами на таможне, он выразил готовность посетить меня на дому. Он сдержал слово, и я имел случай ближе ознакомиться с жалким положением этого бедного человека, проявлявшего, насколько я мог об этом судить, признаки благородного поэтического дарования. Он рассказал мне, между прочим, что хотел пробиться, играя на скрипке в оркестре маленьких театров. Но попытки эти дали такие печальные во всех отношениях результаты, что из чувства долга перед семьей (он был женат) он счел себя вынужденным предпочесть скромное, но связанное с постоянным жалованьем и надеждами на повышение место в конторе. Я имел возможность убедиться в его действительном знакомстве с моей музыкой. Как он уверял меня, она была для него единственным утешением в его невеселой жизни. О его поэтических работах Гасперини и другие компетентные лица могли мне сказать только одно, что стихи его, во всяком случае, прекрасны. Думая о переводе «Тангейзера», я мысленно останавливался на нем. Ввиду того что единственное препятствие, которое мешало ему взяться за работу – незнание немецкого языка, устранялось сотрудничеством с Линдау, приходилось идти на комбинацию с последним.

370

Прежде всего мы решили сделать прозаический перевод всего сюжета при помощи одного Линдау. Но прошло много времени, пока мне удалось получить этот перевод. Причина такого замедления объяснилась только впоследствии: Линдау не был в состоянии сделать даже такую сухую работу и навязал ее одному бедняку-французу, понимавшему по-немецки. Он обещал ему гонорар, который рисовался ему в перспективе. С течением времени он надеялся выудить его у меня силой. Несколько главных строф моей поэмы Рош переложил на стихи, которые мне

очень понравились. С этими образчиками талантов моих сотрудников я отправился к Руайе, желая заручиться его согласием заказать им эту работу. Руайе был не особенно доволен, что я остановил свой выбор на неизвестных молодых людях. Но я настаивал на том, что надо довести испытание до конца.

Убедившись в полной неспособности Линдау выполнить эту задачу, но твердо решив ни в каком случае не отнимать ее у Роша, я сам деятельнейшим образом приступил к работе. Часто они просиживали у меня по четыре часа, придумывая несколько стихов. Обыкновенно я испытывал в таких случаях сильное искушение вышвырнуть за дверь Линдау, который не обнаруживал ни малейшего понимания немецкого текста, что, однако, не мешало ему поминутно выскакивать с самыми бесстыдными предложениями. И только потому что я не знал, как иначе сохранить за Рошем его участие в работе, я продолжал держаться бессмысленной комбинации, несмотря на то что бешенство клокотало во мне все с большей и большей силой.

Так тянулось несколько месяцев. Мне часто приходилось общаться с Руайе по поводу приготовлений к постановке «Тангейзера», главным образом по поводу распределения ролей. Казалось странным, что директор не предложил мне ни одного из певцов Парижской оперы. Правда, все они были и мне самому несимпатичны, за исключением г-жи Гемар[448], которой я охотно поручил бы роль Венеры. Но по каким-то непонятным причинам мне отказывали в ее участии. Желая добросовестно ознакомиться с существующим составом труппы, я несколько раз присутствовал на представлениях таких опер, как «Фаворитка», «Трубадур», «Семирамида». При этом внутренний голос настойчиво твердил мне, что я попал на ложный путь, и, возвращаясь домой, я всякий раз чувствовал решимость отказаться от всего предприятия. Но меня все снова и снова соблазняло искреннее чистосердечие, с каким Руайе, исполняя возложенное на него полномочие, предлагал привлечь певцов, каких я только пожелаю.

Больше всего я был озабочен приисканием тенора для заглавной партии. Я не мог остановиться ни на ком другом, как на Нимане из Ганновера, которого расхваливали со всех сторон. Даже французы, как Фуше де Карей и Перрен, слышавшие его в моих операх, подтверждали его выдающиеся способности. Директору такое приобретение казалось, во всяком случае, чрезвычайно желательным, и Ниман был приглашен явиться в Париж для заключения ангажемента. Кроме того, Руайе желал, чтобы я высказался за приглашение некоей г-жи Тедеско[449], которая славилась как *tragédienne*[450] и благодаря своей красоте

могла оказаться чрезвычайно полезной для оперного репертуара. Он уверял, что она лучше всех подойдет для роли Венеры. Не зная этой госпожи, я согласился на его предложение, как и на приглашение некоей г-жи Закс[451], еще неиспорченной молодой певицы с прекрасным голосом, а также итальянского баритона [Фернандо] Морелли [Morelli], звучный голос которого в противоположность болезненным голосам других певцов французской оперы очень понравился мне на одном из представлений. Таким образом были сделаны все необходимые шаги, сделаны, как мне казалось, наилучшим образом, но без внутренней веры в успех дела.

371

За всеми этими хлопотами сорок седьмой год моего рождения прошел в чрезвычайно мрачном настроении. Несколько рассеяло его яркое сияние Юпитера, показавшееся мне светлым предзнаменованием. Наступившее прекрасное время года, всегда столь неблагоприятное в Париже для всякого рода деловых отношений, увеличивало трудность моего положения: по-прежнему я не имел никаких видов на возможность найти средства для ведения моего дома, которое требовало больших расходов. Среди прочих тревог и неприятностей, озабоченный придумыванием какого-либо выхода из создавшегося положения, я вступил в соглашение с музыкальным торговцем Флаксландом относительно продажи авторских прав на оперы «Летучий Голландец», «Тангейзер» и «Лоэнгрин», которые ему предоставлялось использовать с возможной широтой. В заключенном между нами контракте было сказано, что издатель обязуется уплатить мне сейчас же по 1000 франков за каждую из трех опер, дальнейшие же платежи должны производиться за их постановки на одном из парижских театров таким образом: 1000 франков уплачивается после первых десяти представлений и столько же после следующих – до двадцатого. Я сейчас же известил об этом договоре старого друга Пузинелли, в свое время ссудившего меня необходимыми для издания моих опер средствами. Теперь я просил у него разрешения не посылать ему первых зачетных денег, которые я получу от Флаксланда, тем более что, не имея никаких средств, я должен позаботиться о возможной доходности этих опер, проданных наследникам Мезера, в Париже. Пузинелли предоставил мне полную свободу действий. Но тем отвратительнее повел себя дрезденский издатель: он стал жаловаться на ущерб, наносимый его праву

собственности, и причинил этим столько беспокойств Флаксланду, что последний в свою очередь счел себя вправе заявить мне свои претензии.

Не успев еще ничем облегчить своего положения, я чуть было не попал в новые передряги, как вдруг ко мне явился граф Пауль Гацфельд и попросил меня посетить только что приехавшую в Париж госпожу Калержи, которая хотела бы сделать мне некоторые сообщения. С 1853 года, со времени совместного с Листом пребывания в Париже, я видел эту даму в первый раз. Она встретила меня уверением, что очень сожалеет о своем отсутствии в прошлую зиму во время моих концертов, тем более что это лишило ее возможности прийти мне на помощь в затруднительных для меня обстоятельствах. Она узнала, что я понес значительные потери, которые ей определили цифрой в 10 000 франков. Теперь она просит меня принять от нее эту сумму в возмещение убытков. Если раньше я считал возможным опровергать перед графом Гацфельдом мои потери, не желая иметь ничего общего с тем отвратительным сбором, ради которого решено было обратиться к прусскому посольству, то теперь я не видел ни малейшего основания притворяться перед великодушной женщиной. Мне казалось, что осуществляется нечто такое, чего я всегда считал себя вправе ожидать, и я испытывал потребность отблагодарить редкую женщину, сделать для нее что-нибудь. Все тревоги, которыми сопровождались наши дальнейшие отношения, проистекали из невозможности осуществить это единственное желание, чему препятствовали ее своеобразный характер и непостоянный образ жизни.

Пока же я хотел дать доказательство всей искренности моего настроения. Я задумал поставить исключительно для нее второй акт «Тристана», причем госпожа Виардо, с которой я при этом случае ближе познакомился, должна была вместе со мной исполнить вокальные партии, «для рояля» же я за свой счет выписал из Лондона [Карла] Клиндворта. Это весьма замечательное интимное представление происходило в доме Виардо. Кроме г-жи Калержи, для которой оно было устроено, присутствовал еще только Берлиоз. За его приглашение госпожа Виардо высказывалась очень горячо, имея, по-видимому, вполне определенное намерение сгладить существовавшие между мной и Берлиозом шероховатости. Впечатление, какое произвело на участвовавших и присутствовавших исполнение оперного фрагмента, осталось для меня невыясненным. Госпожа Калержи молчала, Берлиоз с одобрением отметил *chaleur*[452] моей игры, резко отличавшейся от игры партнерши. Она пела вполголоса. Эта ситуация привела Клиндворта в большое негодование. Сам он

прекрасно справился со своей задачей, но заявил, что поведение Виардо, которую присутствие Берлиоза побудило взять вялый темп при исполнении своей партии, вызвало полное его возмущение. Гораздо большее удовлетворение доставил нам исполненный у меня однажды вечером первый акт «Валькирии», причем на этот раз кроме г-жи Калержи присутствовал также певец Ниман.

Он приехал в Париж по приглашению директора Руайе для заключения контракта. Меня привела в изумление усвоенная им манера обращения. Еще не войдя в комнату, он прямо с порога спросил: «Ну что, хотите меня или нет?» При нашем совместном посещении директора он, впрочем, взял себя в руки, чтобы произвести хорошее впечатление, что ему и удалось вполне. К тому же своим необычайным для тенора телосложением он вызывал всеобщее удивление. Ему пришлось для видимости подвергнуться пробному испытанию. Он выбрал рассказ Тангейзера о паломничестве, исполненный им на сцене Парижской оперы. Госпожа Калержи и княгиня Меттерних, тайно присутствовавшие на испытании, а также члены дирекции сразу пришли в восторг от Нимана. Его пригласили на восемь месяцев с окладом в 10 000 франков. Этот ангажемент был заключен исключительно для «Тангейзера», так как я считал нужным заявить свой протест против предварительного выступления певца в операх других композиторов.

Заключение этого ангажемента, происшедшее при столь исключительных условиях, наполнило меня неведомым до сих пор сознанием силы, которую вдруг стали признавать во мне. Я вступил в более близкие отношения с княгиней Меттерних, несомненной вдохновительницей всего предприятия, и встретил со стороны ее мужа, как и в более широких дипломатических кругах, к которым они оба принадлежали, предупредительно-теплый прием. Княгине приписывали всемогущее влияние при императорском французском дворе. Авторитетный во всех отношениях министр Фульд оказывался бессильным парализовать ее протекцию по отношению ко мне. Со всеми своими нуждами я должен был обращаться только к ней. А уж она позаботится обо всем. Это доставит ей тем большее удовольствие, что сам, по-видимому, я не питаю ко всему предприятию особенного доверия.

При таких благоприятных условиях я мог спокойно провести лето в ожидании осени, когда должны были начаться репетиции.

Я был чрезвычайно рад, что имел возможность сделать все, что нужно, для здоровья Минны, которой был настоятельно предписан курс лечения в Содене близ Франкфурта. В начале июля она отправилась туда, и я обещал в свое время заехать за ней по пути на Рейн, который я имел теперь возможность посетить.

В моих отношениях к королю Саксонскому, из «юридических мотивов» упорно противившемуся моей амнистии, наступил поворот к лучшему. Им я был обязан все возраставшему интересу ко мне со стороны прочих немецких посольств, главным образом австрийского и прусского. Господину фон Зеебаху[453], саксонскому послу, женатому на кузине моего великодушного друга г-жи Калержи, тоже относившемуся ко мне с сердечным участием, по-видимому, надоело выслушивать запросы своих коллег по поводу столь щекотливого положения «политического эмигранта», и он энергично стал действовать при саксонском дворе в мою пользу.

К этому присоединилось благоприятное влияние тогдашней принцессы-регентши Прусской, опять-таки благодаря посредничеству графа Пурталеса. Я узнал, что на происходившем в Бадене свидании немецких князей с императором Наполеоном III она ходатайствовала за меня перед саксонским королем. По устранении разных смешных колебаний, которых фон Зеебах не скрыл от меня, он сообщил мне наконец, что король Иоганн[454], хотя и не может меня амнистировать, а следовательно и разрешить мне возвращение в Саксонию, ничего не будет иметь против моего пребывания в прочих немецких союзных государствах, которые я пожелаю посетить для своих художественно-артистических целей, если только с их стороны не будет заявлено никакого протеста. Господин фон Зеебах посоветовал мне при первом же посещении прирейнских провинций представиться принцессе-регентше Прусской, чтобы выразить ей благодарность за ее ходатайство, что будто бы желательно самому королю.

Но раньше мне пришлось вынести мучительную возню с переводчиками «Тангейзера». Одновременно с этим меня мучили старые физические страдания, «гнездившиеся» главным образом в брюшной полости.

Против них мне предписали верховую езду. Среди моих знакомых нашелся любезный молодой человек, живописец

Чермак[455], с которым свела меня фройляйн Мейзенбуг. Теперь он предложил мне свои помощь и содействие. Я условился относительно проката лошадей, купил абонемент, и в один прекрасный день мне и моему товарищу привели из конюшни двух смирных лошадей, на которых со всеми предосторожностями мы решились предпринять поездку в Булонский лес. Мы выбрали для этой прогулки утренние часы, чтобы избежать встречи с элегантными кавалерами высшего света. Вполне положившись на опытность Чермака, я был изумлен, увидя, что превосхожу его если не в искусстве верховой езды, то, во всяком случае, в храбрости. В то время как я терпеливо переносил тягостный аллюр моей лошади, он с громкими проклятиями заявил, что больше никогда не станет повторять таких экспериментов. Набравшись храбрости, я на следующий день выехал один. Конюх, приведший лошадь, следил за мной глазами до заставы Звезды, желая посмотреть, проберусь ли я на своей лошади дальше. Когда я приблизился к Авеню-дель-Императрис [Avenue de l'Impératrice], мой конь стал упорно отказываться идти дальше. Он то сворачивал в сторону, то пятился назад, то совсем останавливался, пока я не решил повернуть обратно. К счастью, благоразумный конюх предусмотрительно вышел мне навстречу. На открытой площади он помог мне сойти с коня и с улыбкой увел его. Так кончилась навсегда моя последняя попытка поездить верхом. Она обошлась мне в десять приобретенных абонементов, оставшихся неиспользованными в ящике моего стола.

Зато я извлекал большое наслаждение из одиноких прогулок пешком в сопровождении собачонки Фипса по Булонскому лесу, великолепное устройство которого я снова имел случай оценить. Вообще вокруг меня воцарилась некоторая тишина, как это обыкновенно бывает в Париже летом. Бюлов, дождавшись неслыханных результатов данного им в *Vachette* завтрака в виде императорского приказа о постановке «Тангейзера», вернулся в Германию, и в августе я предпринял давно задуманное путешествие в прирейнские области, направившись прежде всего через Кёльн в Кобленц. Здесь я предполагал найти принцессу Августу Прусскую. Узнав, что она находится в Бадене, я свернул к Содену, где захватил для дальнейшего совместного путешествия Минну с ее новым другом, Матильдой Шиффнер [Schiffner]. Во Франкфурте я в первый раз со времени нашего свидания в Дрездене увидел брата Альберта, остановившегося тут проездом.

Я вспомнил, что нахожусь в месте жительства Артура Шопенгауэра. Но странная робость удержала меня от визита к нему. Настроение мое было слишком рассеянно и далеко от всего,

что в разговоре с Шопенгауэром, если бы я и чувствовал себя вполне «доросшим» до него, могло бы иметь большое значение и оправдать мою встречу с этим человеком. Как это бывало не раз в моей жизни, я одно из важнейших для меня дел отложил на другое время. Я так страстно ждал его, оно должно было произойти! Через год после этого кратковременного посещения Франкфурта, когда я поселился надолго в этой местности, чтобы заняться «Мейстерзингерами», мне показалось, что время для нашего знакомства настало. Но как раз тогда Шопенгауэр умер, что навело меня на полные упреков по отношению к самому себе размышления о неожиданных превратностях судьбы.

374

Разбилось и другое мое ожидание: я льстил себе надеждой склонить Листа к свиданию со мной во Франкфурте. Вместо этого я нашел письмо, в котором он извещал меня, что ему невозможно исполнить мою просьбу. Отсюда мы направились прямо в Баден-Баден. В то время как Минна со своей приятельницей отдавались соблазну игры в рулетку, я стал хлопотать при посредстве рекомендательного письма графа Пурталеса к графине фон Хаке[456], придворной даме Ее Королевского Высочества, о приеме у моей высокой покровительницы. После некоторых колебаний мне было сказано, чтобы я представился ей в пять часов пополудни в галерее, где пьют минеральные воды.

Был сырой и холодный день. Все точно вымерло в тот час, когда я приблизился к галерее. Августа, в сопровождении графини фон Хаке, ходила взад и вперед. Поравнявшись со мной, она милостиво остановилась. Речь ее сводилась почти исключительно к уверениям в ее полном бессилии во всех отношениях, в опровержение чего я довольно неосторожно упомянул о полученном мной от короля Саксонского указании поблагодарить ее за милостивое ходатайство. Это, по-видимому, ее рассердило, и она отпустила меня с равнодушными выражениями довольно незначительного участия. Как передавала мне потом моя старая приятельница Альвина Фромман, что-то, очевидно, не понравилось во мне принцессе, может быть, мое саксонское произношение.

Так я покинул прославленный «баденский эдем», не унося с собой ни одного приятного впечатления, и сел с Минной в Мангейме на пароход, направлявшийся вниз по Рейну. В первый раз я совершал это путешествие по воде. Невольно вспомнил я при этом, что, столько раз пересекая Рейн, я до сих пор не успел

ознакомиться с удивительным местом, столь любопытным для всех, интересующихся германским Средневековьем. Поспешно вернувшись через Кёльн, я закончил путешествие, продолжавшееся всего восемь дней, и окончательно отдался решению мучительной проблемы парижского предприятия, принимавшей серьезный оборот.

Многочисленные трудности, ожидавшие меня с этой стороны, значительно облегчил мне молодой банкир Эмиль Эрлангер[457], старавшийся завязать со мной дружеские отношения. Некий Альберт Бекман [Beckmann], странный человек, бывший ганноверский революционер, потом частный библиотекарь принца Луи-Наполеона, газетный агент по всевозможным неясным делам, объявил себя моим убежденным почитателем. Он добился знакомства со мной, причем всегда проявлял по отношению ко мне самую любезную предупредительность. Теперь он сообщил мне, что и господин Эрлангер, для которого он работал в качестве газетного агента, желает со мной познакомиться. Самым решительным образом я готов был отказаться от этого знакомства, заявив, что от банкира мне ничего, кроме его денег, не нужно. В ответ на эту шутку сейчас же последовало серьезное уверение, что именно в этом смысле Эрлангер желает быть мне полезным. Таким образом я познакомился с действительно приятным человеком. Любовь к моей музыке, которую он часто слышал в Германии, возбудила в нем интерес и участие ко мне лично. Он открыто высказал желание, чтобы я доверил ему ведение всех моих финансовых дел. Это следовало понять в том смысле, что он желает обеспечить меня на продолжительное время необходимыми средствами, взамен чего я должен передать ему заведование доходами со всех моих парижских предприятий: ему было важно, говорил он, считаться в Париже моим банкиром. Предложение это было для меня совершенно ново, но оно как нельзя более соответствовало своеобразному положению, в каком я находился. Действительно, до самого разрешения всей моей парижской ситуации мне больше не приходилось испытывать никаких затруднений. Если мои сношения с Эрлангером и не были лишены неизбежных при самых добрых чувствах недоразумений, все же я находил в нем глубоко преданного мне друга, серьезно озабоченного моим благополучием и успехами моих предприятий.

Удовлетворительный оборот в моих делах, который при других обстоятельствах мог бы внушить мне самую большую бодрость, теперь не был в состоянии настроить меня хоть сколько-нибудь радостно. Я чувствовал полнейшую беспочвенность совершенно неподходящего для меня предприятия. С каждой минутой я убеждался в этом все более и более. В угрюмом настроении я делал все, что могло подвинуть его вперед, так как оно служило основанием для оказанного мне доверия. Лишь новому знакомству, которое я при этом приобрел, удалось привести меня в возбуждающее состояние неуверенности относительно всего дела. Руайе заявил мне, что он не может принять перевода, который мне с величайшими усилиями удалось смастерить при помощи двух волонтеров, и настойчиво рекомендовал для его основательной переработки Шарля Трюине, печатавшегося под псевдонимом Нюитте[458]. Этот молодой человек с чрезвычайно симпатичным, открытым характером явился ко мне по рекомендации Оливье с предложением своих услуг для перевода оперных текстов еще несколько месяцев тому назад. Он был товарищем Оливье по сословию парижских адвокатов. Гордясь своим соглашением с Линдау, я тогда отказался от его участия. Теперь, после заявления Руайе, новое предложение Трюине следовало принять во внимание. Он не знал по-немецки, но уверял, что найдет необходимую помощь у своего отца, который в течение многих лет путешествовал по Германии и приобрел некоторую опытность в немецком языке. Но, в сущности, здесь и не требовалось никаких особенных познаний, потому что все сводилось к тому, чтобы придать более свободный французский оборот стихам, которые Рош робко срифмовал при постоянном вмешательстве развязно претенциозного Линдау, всегда все знавшего лучше всех на свете.

Неутомимое терпение, с каким Трюине работал, не останавливаясь перед бесконечными переделками, чтобы только удовлетворить всем моим требованиям и с музыкальной стороны, всецело расположило меня в его пользу. Линдау, оказавшегося окончательно непригодным, мы должны были непременно устранить от всякого вмешательства в эту новую работу. Роша, напротив, мы удержали как сотрудника, потому что труд его лег в основание новой версии. Впоследствии Рош, которому нелегко было отлучаться из своей таможенной конторы, был избавлен от участия в деле, так как Трюине был совершенно свободен и мог общаться со мной каждый день. Я убедился, что звание адвоката служило ему лишь украшением – об адвокатской практике он совсем не думал. Весь свой интерес он отдавал администрации Парижской оперы, в которой состоял архивариусом. В то же время

он в сообществе то с одним, то с другим из своих товарищей работал над небольшими театральными пьесами для «Водевиля» и других маленьких театров, даже для «Буфф-Паризьен»[459]. Впрочем, об этой стороне своей деятельности он смущенно избегал всяких разговоров. Но если я был ему признателен за изготовление годного к пению, безусловно приемлемого текста «Тангейзера», то, с другой стороны, не помню, чтобы с точки зрения поэтической или эстетической я пришел в особое восхищение от его дарования. Но зато ценность его в качестве осведомленного, горячо и всегда преданного друга, особенно в тяжелые минуты, вставала перед глазами с полною яркостью. Я не встречал человека столь тонкого в суждениях о трудных вопросах и столь же готового, как он, энергично отстаивать мои взгляды.

376

В первую очередь нам предстояло выполнить сообща совершенно новую работу. Повинуясь давнишнему стремлению, я решил воспользоваться тщательно подготовляемой постановкой «Тангейзера», чтобы расширить и усовершенствовать первую сцену («Венеры»)[460]. Я набросал текст вольными немецкими стихами и предоставил переводчику полную свободу в передаче его на французский язык: мне сказали, что стихи вышли у Трюине очень недурно. Тогда я принялся за музыкальное выполнение сцены, чтобы потом уже приноровить немецкий текст к готовой музыке. Кроме того мои досадные споры с дирекцией по поводу большого балета побудили меня значительно расширить всю вступительную сцену в «Гроте Венеры». Этим, по моему мнению, создавалась широкая хореографическая задача для балетного персонала, так что никто больше не мог жаловаться на мою несговорчивость.

Музыкальное выполнение обеих сцен отняло у меня почти весь сентябрь. В то же время в фойе Парижской оперы начались фортепьянные репетиции «Тангейзера». Приглашенный для этой оперы состав уже собрался, и меня очень интересовало ознакомиться с характером штудирования нового произведения во французской опере. Характер этот можно обозначить несколькими простыми словами: высшая степень сухости при необычайной точности. Этими качествами особенно отличался *chef de chant*[461], месье Вотро[462], человек, не обмолвившийся по моему адресу ни единым теплым словом, что дало повод считать его враждебно настроенным по отношению ко мне, хотя, с другой стороны, своей необыкновенной тщательностью в работе он

доказал свое серьезное отношение к делу. Он настоял на значительных поправках к тексту, чтобы добиться лучшего согласования его с музыкой. Знакомство с операми Обера и Буальдье заставило меня предположить, что французы пренебрегают произношением немых слогов в поэзии и музыке. Он утверждал, что это делают только композиторы, но отнюдь не хорошие певцы. В ответ на часто возникавшие у него сомнения относительно длиннот я заметил, что не понимаю, как можно бояться в опере наскучить чем-нибудь публике, приученной находить удовольствие в «Семирамиде» Россини, которая теперь так часто дается на французской сцене. Подумав немного над этим замечанием, он согласился со мной, поскольку речь идет о монотонности действия и музыки. Но я забываю, сказал он, что на таких представлениях публика не интересуется ни действием, ни музыкой, а все свое внимание направляет исключительно на виртуозность певцов. А рассчитывать на виртуозность при постановке «Тангейзера» отнюдь не приходилось, да в моем распоряжении и не было вовсе никаких виртуозов.

Такой виртуозностью отличалась только одна артистка моего персонала, эксцентричная, пышная еврейка, госпожа Тедеско, только что вернувшаяся из Португалии и Испании, где она с триумфом выступала в итальянских операх. По-видимому, она была очень довольна, что мое безучастное отношение к вопросу об исполнительнице роли Венеры доставило ей ангажемент в Парижскую оперу. Она всячески старалась овладеть задачей, совершенно чуждой ее средствам, доступной лишь настоящей трагической актрисе. Одно время казалось, что усилия ее не лишены были некоторого успеха, тем более что на специальных репетициях с Ниманом появились несомненные признаки взаимного тяготения между Тангейзером и Венерой. Ниман с большим искусством овладел французским произношением, и репетиции эти, в которых деятельное участие принимала также и фройляйн Закс, открыли перед нами горизонт живых надежд.

Ничто пока не омрачало нашего настроения, так как мне еще не пришлось вступить в близкое соприкосновение с Дитшем. Этот последний, как шеф оркестра и будущий дирижер оперы, согласно царившему в Парижской опере обычаю присутствовал покуда только на фортепьянных репетициях, чтобы ознакомиться с намерениями певцов. Еще менее диссонанса вносил режиссер Кормон [Cormon], тоже присутствовавший на репетициях и проявлявший свойственные французам живость и ловкость в тех случаях, когда обсуждалось то, что касалось собственно драматической игры. Даже когда отдельные артисты не понимали меня, все охотно подчинялись моим решениям, так как мне все

еще приписывали большую власть: думали, что через княгиню Меттерних я могу добиться всего, чего только захочу. Кое-что поддерживало в артистах такую веру: так, я узнал, что князь Понятовский[463] грозил затруднить дальнейший ход наших репетиций вторичной постановкой одного из своих провалившихся произведений. В ответ на мою жалобу неустрашимая княгиня сейчас же выхлопотала приказ об отсрочке княжеской оперы. Конечно, это не могло вызвать дружеских ко мне чувств с его стороны, что и сказалось довольно ясно, когда я посетил его на дому.

377

Время, остававшееся свободным от занятий, я отдавал сестре Луизе, приехавшей в Париж с некоторыми членами своего семейства. Но лишь с величайшими затруднениями я мог оказать ей гостеприимство, так как самая попытка проникнуть ко мне на квартиру была связана с опасностью для жизни. Теперь только обнаружилось, почему хозяин, заключая продолжительный контракт, решительно отказался от всякого ремонта: дело в том, что парижским городским управлением уже давно было решено срыть Рю-Ньютон со всеми к ней прилегающими строениями, чтобы с одного из мостов можно было проложить широкий бульвар к заставе Звезды. Но до последнего момента план этот официально не принимался: хотели затянуть платеж за экспроприацию земельных участков. С большим удивлением я вдруг заметил, что у самой входной двери стали подкапывать дорогу все глубже и глубже. Сначала она оказалась неудобной только для проезда экипажей, а под конец сделалось невозможным и пешком добраться до моей квартиры. При таких обстоятельствах владелец дома не имел ничего против моего переезда и потребовал, чтобы я судом взыскал с него возмещения убытков, ибо только это даст ему возможность в свою очередь обжаловать мероприятие муниципалитета.

Моему другу Оливье как раз в это время за какой-то парламентский проступок была воспрещена на четверть года адвокатская практика, и он рекомендовал мне для ведения настоящего процесса своего приятеля Пикара[464], который, как я увидел потом из судебного разбирательства, выполнил свою задачу с большим юмором. В возмещении убытков мне было отказано (не знаю, какой результат дала жалоба домовладельца), но от квартирного контракта я был освобожден. Это дало мне право искать новую квартиру, которую я и нанял недалеко от

Парижской оперы, на Рю-д'Омаль [rue d'Aumale]. Она была бедна и неуютна. Поздней осенью, в суровую погоду, мы совершили затруднительный переезд, причем дочь Луизы, моя племянница Оттилия, оказала мне значительную помощь. При этом я сильно простудился, так как совсем не берег себя. Снова я отдался возраставшим тревогам, связанным с ходом репетиций, пока не слег в тифозной горячке.

Стоял ноябрь. Мои родные, вынужденные вернуться домой, покинули меня в бессознательном состоянии, и я остался на попечении Гасперини. Но в лихорадочном бреду я пожелал, чтобы ко мне позвали других врачей, и действительно, граф Гацфельд пригласил врача прусского посольства. Впрочем, требование мое отнюдь не свидетельствовало о недоверии к заботливому другу. Это было одно из порождений горячечного бреда, мозг мой был наполнен самыми невероятными, дикими фантазиями. Княгиня Меттерних и госпожа Калержи должны были устроить мне полный придворный штат, к которому я причислил и приглашенного мной императора Наполеона. Но я требовал еще, чтобы Эмиль Эрлангер предоставил в мое распоряжение виллу близ Парижа и чтобы меня перевезли туда, ибо здесь, в мрачном гнезде, я никогда не поправлюсь. Наконец я стал решительным образом настаивать, чтобы меня отправили в Неаполь, где, без сомнения, найду скорое выздоровление в свободном общении с Гарибальди. Всю эту ерунду Гасперини терпеливо выслушивал. С величайшими усилиями приходилось ему и Минне преодолевать мое буйное сопротивление, когда следовало наложить на подошвы горчичники. Впоследствии в беспокойные ночи меня часто мучили тщеславно-высокомерные фантазии, в которых, пробуждаясь от сна, я с ужасом замечал родство с лихорадочным бредом болезненного состояния. По прошествии пяти дней жар спал. Но теперь мне грозила опасность потерять зрение, да и слабость моя была необычайна. Наконец прошло и ослабление зрительных нервов, и через несколько недель я снова решился пройти небольшое расстояние до оперного театра, чтобы разрешить свои тревоги относительно репетиций.

Здесь меня считали окончательно приговоренным к смерти, и я был свидетелем самых разнообразных проявлений чувств. Я узнал, что репетиции без всякого основания приостановлены. Вообще, чем дальше, тем больше сказывались признаки внутреннего краха всего дела, и, чувствуя потребность щадить свои силы, я тщательно скрывал это от самого себя. Зато я чрезвычайно обрадовался вышедшему из печати переводу четырех оперных поэм с моим пространным предисловием, посвященным Фредерику Вийо. Перевод этот сделал Шальмель-Лакур[465], представленный мне еще в Цюрихе у Гервега как бывший политический эмигрант. В качестве талантливого переводчика он оказал мне весьма значительные услуги, и работа его вызвала

всеобщие похвалы. Первоначальный текст предисловия я послал в Лейпциг книготорговцу Веберу для напечатания под заглавием «Музыка будущего». Теперь я получил и эту брошюру. Она обрадовала меня как единственный результат всего моего столь блестящего по виду парижского предприятия. В то же время я мог довести до конца новую композицию «Тангейзера»: в ней оставалась неоконченной большая балетная сцена в гроте Венеры. Просидев однажды всю ночь, я закончил ее рано утром, в три часа, как раз в тот момент, когда Минна и ее подруга, только что вернувшиеся с большого бала в Отель-де-Виле[466], вошли в комнату. Минне я, кроме того, сделал довольно богатые подарки к Рождеству, а сам я, съедая по совету врача каждое утро по бифштексу и выпивая стакан баварского пива перед отходом ко сну, продолжал укреплять свои силы, которые восстанавливались очень медленно. Нового года мы на этот раз не встречали – канун его я спокойно проспал.

379

Прекратившиеся с моей болезнью репетиции «Тангейзера» с началом нового года (1861) приняли более оживленный темп, выразившийся в энергичном изучении частностей предполагаемого спектакля. Но в то же время я заметил, что настроение участвующих существенным образом изменилось. Чрезмерное количество репетиций производило на меня такое впечатление, как если бы дирекция, назначая их, не столько руководствовалась надеждой на успех, сколько желанием выполнить самым точным образом полученное предписание. Как бы то ни было, настоящее положение вещей становилось все яснее и яснее. Что касается прессы, находившейся в руках Мейербера, я давно знал, чего должен ждать от нее. Даже дирекция, сделав, по всей вероятности, не одну попытку смягчить главных ее руководителей, пришла к тому убеждению, что с этой стороны постановка «Тангейзера» встретит враждебный прием. Такое мнение сложилось и в высших сферах, и там теперь старались лишь об одном – расположить в мою пользу ту часть публики, которая имеет решающий голос в такого рода делах.

Князь Меттерних пожелал однажды представить меня новому министру, графу Валевскому[467]. Это произошло с некоторой торжественностью, выразившейся в обращенной ко мне весьма убедительной речи графа. Он пытался заверить меня, что моего успеха чрезвычайно желают, что для этого будет сделано все возможное. Все зависит от меня самого, если только я решусь

вставить балет во второй акт оперы. Речь идет не о пустяках каких-нибудь, мне будут предоставлены на выбор самые знаменитые танцовщицы Петербурга и Лондона, с которыми и будет заключен ангажемент, как только я пожелаю доверить свой успех их таланту. Думаю, что я отвечал с не меньшей убедительностью, отклоняя все эти предложения. Но красноречие мое не произвело никакого впечатления. Господин министр объяснил мне, что балет в первом акте не имеет ровно никакого значения, так как те *habitues*[468], для которых главный интерес заключается в нем, обедают обыкновенно в восемь часов и только около десяти, т. е. приблизительно в середине представления, являются в театр. Я возражал, что если не могу заручиться благосклонностью этих господ, то зато надеюсь произвести должное впечатление на другую часть публики. А он с непоколебимой торжественностью доказывал, что только содействие этих элементов гарантирует хороший успех, так как они обладают силой, способной противостоять даже дурному отношение прессы. Когда же я остался глух и к этому доводу, выразив готовность взять обратно свое произведение, мне было замечено с большей серьезностью, что по приказу императора, которому все обязаны подчиниться, я являюсь полным властелином в этом деле, что всем моим желаниям будет оказано полное внимание. Он считал лишь своим долгом дать мне дружеский совет.

Результаты этой беседы дали себя почувствовать в самом скором времени. С большим пылом я отдался созданию большой балетной сцены первого акта, для которой я хотел заручиться сотрудничеством балетмейстера Петипа[469]. Я требовал неслыханных вещей с точки зрения обычных балетных спектаклей. Желая все ограничить танцами мэнад и вакханок, я мог вызвать лишь глубочайшее изумление с его стороны. Понимая мои намерения, он не верил, чтобы можно было добиться чего-нибудь с неопытными ученицами балетной школы. От профессиональных же танцовщиц, сказал он мне, я сам отказался, поставив балет в начале первого акта. Для роли трех граций он может предложить мне венгерских танцовщиц, до сих пор выступавших в феериях «Порт-Сен-Мартена»[470]. Мне хотелось не иметь никакого дела ни с какими знаменитыми балеринами, и тем настойчивее я стал добиваться оживленного кордебалета. Я стремился поставить на значительную высоту мужской состав, но увидел, что для пополнения последнего не удастся подобрать никого, кроме нескольких портных, которые за 50 франков в месяц смущенно толпятся в кулисах во время сольного выступления танцовщиц. Наконец, я хотел возместить

недостающие эффекты подходящими костюмами и потребовал значительных ассигнований. Но и тут, измученный бесконечными проволочками, я через моего верного друга Трюине узнал, что дирекция твердо решила не тратить ни одного су на балет, который она считала совершенно безнадежным.

Это было первым из многочисленных признаков, показавших с полной ясностью, что даже среди оперной администрации на постановку «Тангейзера» смотрели как на потерянный труд, как на бесплодно потраченное усилие.

380

Вытекавшее отсюда настроение ложилось тяжелым гнетом на все, что не предпринималось для этой все далее и далее отодвигаемой постановки. С наступлением нового года репетиции перешли в стадию сценических аранжировок и оркестровых проб: здесь все делалось с тщательностью, которая вначале действовала на меня чрезвычайно благотворно. Но в конце концов и она стала для меня тягостна: я увидел, что это вечное репетирование лишь ослабляет силы, между тем как, если бы я мог взять в свои руки все дело, я в короткое время смело довел бы его до конца. Но не усталость отвратила главного исполнителя, певца Нимана, от его задачи, за которую он вначале взялся с энергией, подававшей самые лучшие надежды. Он узнал, что провал моего творения предрешен окончательно. С этих пор он впал в уныние, которому в моем присутствии старался придать какой-то демонический оттенок. Он уверял, что может видеть вещи только в черном свете. При этом он высказывал довольно разумные мысли, критикуя весь институт оперы, ее публику, качества нашего исполнительского состава, среди которого нет ни одного существа, годного – в моем смысле слова – для предоставленной ему роли.

Он говорил многое такое, чего я и сам не мог скрыть от себя, когда мне приходилось иметь дело с *chef du chant*, режиссером, балетмейстером, хормейстером, особенно с шефом оркестра. К тому же Ниман, прежде убежденно отстаивавший необходимую полноту своей роли, стал требовать сокращений. Заметив мое удивление, он сказал, что дело совсем не в той или другой сцене. Все предприятие таково, что его надо ликвидировать как можно решительнее.

При таких не особенно утешительных условиях мы кое-как дотащились до стадии так называемых генеральных репетиций. Со всех сторон в Париж стекались друзья моих прежних лет,

чтобы разделить со мною «триумф» ожидаемого первого представления. Среди них были Отто Везендонк, Фердинанд Прэгер, злополучный Китц, расходы которого по поездке и пребыванию в Париж я должен был взять на себя. К счастью, в числе их был и господин Шадо[471] из Эперне с корзиной *«Fleur du jardin»*, этого превосходнейшего из сортов шампанского, который мы должны были распить в честь успеха «Тангейзера».

Приехал и Бюлов, грустный и угнетенный тяжелыми обстоятельствами своей собственной жизни. Он хотел почерпнуть бодрость и свежесть в успехе моего предприятия. Я не решался в сухих словах изъяснить ему истинное положение вещей. Напротив, заметив его подавленное состояние, я делал вид, что все идет хорошо. Но на первой же репетиции, на которой он присутствовал, от него не укрылся настоящий ход дел. Я не стал от него больше ничего скрывать, и в грустном настроении мы дождались первого представления, которое оттягивалось все более и более. Некоторое оживление вносили только его постоянные старания быть мне полезным. С какой стороны мы ни подходили к нашему своеобразному предприятию, всюду мы наталкивались на людей непригодных и неспособных: так, в огромном Париже оказалось невозможным раздобыть двенадцать валторн, которые в Дрездене так бодро звучали в охотничьих кликах первого акта. По этому поводу мне пришлось иметь дело с ужасным человеком, знаменитым музыкальным мастером Саксом[472], который должен был прийти на помощь различными суррогатами в виде саксофонов и рожков, да и, кроме того, был официально уполномочен управлять ими за сценой. Но добиться верного исполнения оказалось невозможным.

381

Самые большие огорчения доставляла нам неспособность дирижера Дитша, какой мы в нем и не предполагали в такой «высокой» степени. На бывших многочисленных оркестровых репетициях я привык пользоваться этим человеком, как машиной. Со своего обычного места у самого пульта я одновременно дирижировал и им, и оркестром. Я обозначал темпы, и не могло быть никакого сомнения, что и потом, без моего участия, все указания будут в точности исполнены. Между тем оказалось, что как только Дитш оставался вне контроля, все приходило в колебание, ни один темп, ни один нюанс не проводились уверенно и сознательно. Только теперь мне стало ясно, какая от этого угрожала нам опасность. Если ни один из певцов не был на

высоте своей задачи и нельзя было ожидать, что правильным исполнением своей роли он произведет надлежащее впечатление, если главный нерв парижских представлений – балет – и, наконец, блестящая обстановка на этот раз совсем или лишь в самых скромных пределах могла содействовать общему эффекту спектакля, если весь дух произведения, *то нечто*, что при самом скверном исполнении заставляло в Германии слушателей чувствовать в моем творении что-то родное, должен был показаться здесь совершенно чуждым или, в лучшем случае, только странным, значит, в конце концов оставалась одна надежда – на яркий характер самой оркестровой музыки, отчетливое исполнение которой могло произвести впечатление на публику.

Но все терялось в бесцветном хаосе, весь рисунок, все его линии. Вдобавок и певцы все более и более теряли уверенность, и даже бедные артистки кордебалета не могли попасть в такт, проделывая свои тривиальные па. Вот почему я счел необходимым выступить с заявлением, что для оперы нужен другой дирижер, и предложить на худой конец самому заместить его. Это заявление довело до кульминационного пункта поднявшееся против меня возбуждение. Даже оркестр, давно убедившийся в неспособности своего дирижера и вслух насмехавшийся над ним, принял теперь, когда дело коснулось официального шефа, его сторону. Пресса в негодующем тоне говорила о моей «аррогантности»[473], а Наполеон III не нашел другого выхода из создавшегося положения, как посоветовать мне взять назад свое требование, так как, поддерживая его, я подвергаю величайшему риску все дело, весь успех своего произведения.

Мне было дозволено возобновить репетиции и продолжать их до тех пор, пока я не буду удовлетворен.

Однако этот выход не мог привести ни к чему другому, как к величайшей усталости, и меня лично, и весь задействованный состав. С другой стороны, Дитш оказался по-прежнему совершенно невменяем, как только дело касалось темпов. Когда же я притворился, будто верю, что усиленные требования могут внести нечто новое в исполнение, музыканты оркестра заявили пылкий протест против бесконечного репетирования. На этом я увидел, что дирекция, подчеркивая мое относительное «могущество», была не совсем искренна, и ввиду усиливавшихся

со всех сторон признаков переутомления я принял решение потребовать обратно «партитуру», т. е. совершенно отказаться от постановки оперы. В этом смысле я отправил особое заявление министру Валевскому, но услышал в ответ, что желание мое ни в коем случае не может быть исполнено уже по одному тому, что приготовления к опере потребовали слишком больших затрат.

Я не хотел удовлетвориться таким решением и созвал друзей, особенно интересующихся моими делами, среди которых были граф Гацфельд и Эмиль Эрлангер, на совещание, чтобы вместе с ними обсудить, какими путями я мог бы воспрепятствовать постановке моего произведения на сцене Парижской оперы. Случайно на этом совещании присутствовал и Отто Везендонк, все еще ожидавший в Париже первого представления «Тангейзера». Убедившись, что предприятие безнадежно, он сейчас же вернулся в Цюрих. То же самое было и с Прэгером. Только Китц, раздобывший в Париже кое-какие средства для дальнейшего существования, решил терпеливо выжидать, несмотря ни на какие препятствия. Результатом этого совещания было новое представление императору Наполеону, на которое мне было отвечено разрешением назначить необходимые репетиции. Наконец, до крайности утомленный и самым пессимистическим образом настроенный по отношению к ожидаемым результатам, я решил предоставить дело его естественному течению.

Дав в таком настроении согласие окончательно назначить день первого представления, я оказался в самом странном и затруднительном положении. Каждый из моих друзей и почитателей требовал хорошего места на премьере. Между тем дирекцией было заявлено, что распределение билетов находится всецело в руках двора и близко стоящих к нему лиц. Кому обыкновенно отдавались эти места, это я скоро увидел сам. Пока же пришлось вынести много неприятностей из-за того, что я не мог по желанию угодить многим из друзей. Среди них некоторые чрезвычайно обиделись на меня за якобы выказанное им пренебрежение: Шанфлери жаловался в письме на явную перемену в моих дружеских чувствах к нему, Гасперини даже прямо поссорился со мной за то, что я не оставил для его покровителя и моего кредитора, генерального инспектора по сбору податей Люси из Марселя, одной из лучших лож. Даже Бландина во время репетиций, на которых она присутствовала, всегда относившаяся с самым пылким энтузиазмом к моему произведению, теперь, когда я мог предоставить ей и ее мужу Оливье лишь два сносных места в партере, не могла удержаться, чтобы не заподозрить меня в пренебрежении к лучшим друзьям.

Потребовалось все хладнокровие Эмиля, чтобы заставить мою приятельницу, считавшую себя глубоко оскорбленной, отнестись со справедливым вниманием к моим объяснениям и описанию того неслыханного положения, в какое меня поставило всеобщее предательство. Один лишь бедняга Бюлов все понимал. Он страдал со мной и прилагал все усилия, чтобы помочь мне во всех этих неприятностях.

Прием, который встретило первое представление «Тангейзера», 13 марта, все объяснил, и друзья мои поняли, что я не имел основания приглашать их присутствовать на одном из моих «триумфов».

383

О том, как прошел этот вечер, я достаточно говорил в других местах. Я мог думать, что хорошее впечатление, произведенное моей оперой, в конце концов одержало верх, потому что главного своего намерения – прервать совершенно представление – моим противникам так и не удалось осуществить. Но меня огорчило, что на следующий день мне пришлось услышать от моих друзей, во главе которых стоял Гасперини, одни лишь упреки за то, что я выпустил из своих рук распределение билетов на премьеру. Мейербер в таких случаях действовал иначе. Начиная с первых шагов в Париже он никогда не допускал постановки своих опер иначе, как обеспечив себе успех правильным распределением мест в зале вплоть до самых его последних уголков. Не позаботившись о своих лучших друзьях, как, например, о Люси, я должен приписать себе самому неудачу минувшего вечера. Весь день мне пришлось по этому поводу писать письма и делать всевозможные попытки примирения. Со всех сторон раздавались советы, как исправить оплошность на последующих представлениях. Так как дирекция предоставила мне очень небольшое количество даровых мест, то необходимо было раздобыть средства для приобретения билетов. Мне претило обращаться по этому поводу к Эмилю Эрлангеру или к кому бы то ни было другому. Но друзья мои взялись за дело со священным жаром. Джакомелли узнал, что коммерсант Ауфмордт [Aufmordt], знакомый Везендонка, готов прийти на помощь, предлагая для этой цели 500 франков. Я предоставил друзьям, озабоченным моим благополучием, действовать по личному усмотрению и с любопытством ждал, какой результат дадут все эти средства, упущенные в свое время, но примененные теперь.

Второе представление состоялось 18 марта. Первый акт

прошел превосходно. По окончании увертюры раздались шумные аплодисменты. Госпожа Тедеско, которую напудренный золотой пылью парик окончательно расположил в пользу партии Венеры, с торжеством крикнула мне, находившемуся в ложе директора, после того как септет финала вызвал оживленные аплодисменты, что теперь все в порядке, что мы победили. Когда же во втором акте вдруг раздались резкие свистки, директор Руайе повернулся ко мне с выражением полной безнадежности и сказал: *«Ce sont les Jockeys – nous sommes perdus»*[474]. С членами этого Жокей-клуба, представлявшими в театре задающую тон силу, велись, вероятно по поручению императора, настоящие переговоры об участи моей оперы. От них требовалось только полное невмешательство на три вечера представления, после чего им было обещано сократить ее настолько, чтобы впредь она ставилась лишь как *lever de rideau*[475] для следующего за нею балета. Но эти господа не пошли на такое предложение, мотивируя свой отказ следующим образом. Во время первого, столь бурного представления я отнюдь не имел вида человека, способного дать согласие на предполагаемые изменения. Затем можно опасаться, что опера, выдержав еще два представления, приобретет много почитателей. Пожалуй, ее преподнесут балетоманам тридцать раз подряд, против чего они намерены заблаговременно принять самые решительные меры. Блистательный Руайе убедился теперь, что намерение этих господ совершенно серьезно, и с этого момента отказался от всякого противодействия, несмотря на поддержку императора и его супруги, стоически выносивших в своем присутствии неистовства собственных придворных.

Сцены эти произвели на моих друзей потрясающее впечатление. Бюлов по окончании представления с рыданием бросился на шею Минне, которая не избежала оскорблений со стороны соседей, узнавших в ней мою жену. Наша верная служанка, швабка Тереза, подверглась издевательствам одного из бушевавших скандалистов, но, заметив, что он понимает по-немецки, весьма решительно обругала его «свиньей» и «собакой», чем заставила на время замолчать. Китц от ужаса совершенно потерял дар слова, а шампанское *«Fleur du jardin»* Шадо так и осталось нетронутым в кладовой.

Когда я узнал, что дирекция готовится к третьему представлению, мне представилось только два выхода: или попытаться получить обратно партитуру, или потребовать, чтобы

представление было назначено на воскресенье, вне абонемента. Я предполагал, что в таком случае оно отнюдь не будет иметь характера провокации по отношению к обычным посетителям театра. В эти дни места предоставлялись случайной платящей публике. По-видимому, предложение мое понравилось как дирекции, так и при дворе. Оно было принято. Но мне было отказано в просьбе объявить это представление последним.

Ни я, ни Минна не явились в театр. Было противно слышать оскорбления, наносимые моей жене, как и певцам на сцене. От всей души я жалел Морелли и фройляйн Закс, выказавших непоколебимую преданность. Уже после первого спектакля я встретил фройляйн Закс в коридоре при выходе и обратился к ней с шутливым замечанием по поводу того, что ее освистали. Серьезно и гордо она ответила мне: *«Je le supporterai cent fois comme aujourd'hui. Ah, les misérables!»*[476]

Курьезную борьбу с самим собой пришлось выдержать Морелли в тот момент, когда скандалисты подняли бурю против него. Его игра при исчезновении Елизаветы в третьем акте, до обращения к Вечерней звезде, была разработана с величайшей точностью по моим указаниям. Ни в каком случае он не должен был удаляться от скамьи в скале, с которой, полуобернувшись к публике, он посылал привет удаляющейся Елизавете. Ему нелегко было исполнить это требование. Он утверждал, что это противоречит оперным обычаям, что столь важный номер должен быть исполнен с авансцены лицом к лицу с публикой. Когда он взял арфу, собираясь начать свою песнь, в публике раздалось: *«Oh! il prend encore sa harpe»*[477]. Это замечание вызвало оглушительный хохот всего зала, за которым последовали новые, столь продолжительные свистки, что Морелли решил отложить арфу в сторону и, по принятому обыкновению, выступить на авансцену. Без всякого сопровождения – Дитш нашелся только на десятом такте – он начал свою «вечернюю фантазию». Все смолкло, публика постепенно стала слушать, затаив дыхание, и в конце наградила певца аплодисментами.

Ввиду мужественной готовности певцов идти навстречу новым бурям я должен был склониться перед обстоятельствами. Но я не был в состоянии при таких недостойных сценах оставаться в пассивной роли страдающего зрителя. Поэтому вследствие весьма сомнительного исхода третьего представления я остался в этот вечер дома. После каждого акта к нам являлись

из театра вестники, сообщавшие о том, что там происходит. После первого акта Трюине согласился со мной, что партитуру во всяком случае надо взять обратно.

Оказалось, что «жокеи», против обыкновения, не отсутствовали в театре, а явились с самого начала, чтобы не пропустить ни одной сцены без скандала. Как мне передавали, в первом акте два раза пришлось остановить представление на четверть часа, пока в зрительном зале длилась борьба. Большинство публики, вовсе не имея намерения высказывать определенное суждение о произведении, энергично приняла мою сторону в противовес мальчишескому поведению скандалистов. Но последние имели огромное преимущество перед ней в способах манифестации: когда все уставали от аплодисментов, одобрительных или враждебных криков и наступала тишина, «жокеи» принимались весело играть на своих охотничьих рожках и маленьких флейтах, так что последнее слово оставалось за ними. Во время антракта один из этих господ вошел в ложу знатной дамы, которая, вся кипя негодованием, представила его своей приятельнице со словами: *«C'est un de ces misérables, mon cousin»*[478]. Тот ответил с веселым видом: «Что прикажете делать? Мне самому эта музыка начинает нравиться. Но поймите сами, раз дав слово, надо его сдержать. Извините, я должен вернуться к работе». И он удалился.

Добродушного фон Зеебаха, саксонского посланника, я на следующий день встретил совершенно без голоса. Он потерял его, бушуя в театре вместе со своими друзьями. Княгини Меттерних в театре не было. Уже на первых двух представлениях ей пришлось выносить оскорбительное издевательство наших противников. Передавая мне свое негодование по этому поводу, она назвала своих лучших знакомых, с которыми у нее вышли резкие конфликты. Она им сказала: «Подите вы с вашей свободной Францией! В Вене, где имеется настоящая аристократия, было бы немыслимо, чтобы какой-нибудь князь Лихтенштейн или Шварценберг, свистя из своей ложи, требовал балета для “Фиделио”». Думаю, что в этом смысле она говорила и с императором, вследствие чего и был поставлен на обсуждение вопрос, не следует ли полицейскими мерами положить предел неприличному поведению господ, увы, принадлежавших большей частью к придворному штату. Об этом пошли слухи, и в самом деле друзья мои поверили в близость победы, когда на третьем представлении увидели в коридорах театра значительные полицейские отряды. Потом оказалось, что эти меры предосторожности были приняты для защиты «жокеев», так как можно было ожидать, что они подвергнутся за свою наглость

нападению со стороны партера.

Представление это, доведенное все-таки до конца, сопровождалось бесконечным бушеванием толпы. После второго акта к нам явилась жена венгерского революционного министра Семере[479]. Она была вне себя и заявила, что в театре невозможно больше оставаться. О том, как прошел третий акт, никто не мог сообщить ничего связного: он напоминал сплошной гром сражения в облаках порохового дыма.

386

На следующее утро я пригласил к себе Трюине, чтобы сообща с ним составить заявление в дирекцию следующего содержания: желая избавить певцов от оскорблений, которым они вместо меня подвергаются со стороны одной части публики и от которых императорская администрация не в силах оградить их, я считаю нужным взять назад свою партитуру, причем на правах автора запрещаю дальнейшие представления моей оперы. Всем показалось особенно удивительным, что запрещение это не было простым пусканием пыли в глаза, ибо четвертое и пятое представления уже были объявлены, и администрация возразила, что и у нее имеются обязательства по отношению к публике, которая ломится в театр на эти спектакли. Тогда при посредстве Трюине я устроил так, что на следующий же день появилось мое письмо в *Journal des Débats*, и лишь тогда, после некоторого колебания, дирекция заявила, что соглашается на возвращение партитуры.

Такое решение вопроса положило конец и процессу против Линдау, который по моему поручению вел Оливье. Линдау требовал своей доли участия в «авторских правах» на произведение, считая себя третьим сотрудником на одинаковых правах с двумя другими. Его адвокат мэтр Мари [Marie] доказывал обоснованность его требований при помощи мной самим будто бы выставленного принципа, согласно которому главная суть для меня заключалась не в мелодии, а в «скандировании» текста: ни Рош, ни Трюине не могли ничего сделать для этого, так как не знали немецкого языка. Против этого Оливье выступил так энергично, что для доказательства музыкальной ценности моей мелодии чуть не готов был сам исполнить перед судьями «Вечернюю звезду». Убежденные его аргументацией, судьи отвергли требования моего противника, но, ввиду того что вначале он принимал некоторое участие в работе, дали ему право взыскать с меня небольшое вознаграждение. Во

всяком случае, из доходов парижской постановки «Тангейзера» я не мог бы его уплатить, ибо, взяв назад свою оперу, я с согласия Трюине решил предоставить весь *Droits d'auteur*[480], за текст и музыку, бедному Рошу: с провалом моего произведения для него исчезла последняя надежда на улучшение его тяжелого материального положения.

При таких обстоятельствах после неудачной постановки «Тангейзера», порвались и некоторые другие из завязавшихся у меня в Париже отношений. В течение последних месяцев часть моего времени поглощал *Cercle artistique*[481], образовавшийся из самых аристократических элементов, при значительном содействии немецких посольств, и ставивший себе целью путем артистического исполнения хорошей музыки оживить вне театра, в изысканных слоях общества, интерес к ней. На беду, он возымел неудачную идею сравнить деятельность по популяризации музыки с деятельностью Жокей-клуба по развитию коневодства. Как бы то ни было, кружок стремился привлечь к себе все, что более или менее пользовалось известностью в музыкальном мире: я должен был, внеся 200 франков, записаться членом его и за это был избран вместе с Гуно[482] и другими парижскими знаменитостями в художественный комитет, председателем которого был Обер.

Мы часто собирались на заседания у графа д'Осмона [d'Osmond], очень живого молодого человека, лишившегося на дуэли руки и занимавшегося музыкой как дилетант. Тут же я познакомился с молодым князем де Полиньяком[483]. Он интересовал меня главным образом как брат человека, давшего полный перевод «Фауста». Однажды мне пришлось у него завтракать, и при этом случае он развернул предо мной свои фантазии по части музыки: он хотел убедить меня в правильности своей концепции A-dur'–ной симфонии Бетховена, в последней части которой он с ясностью мог проследить все фазы кораблекрушения. Наши общие заседания, имевшие на первых порах целью устройство большого классического концерта, для которого я должен был написать что-нибудь, оживлялись участием Гуно. С педантическим усердием и неутомимой обстоятельностью, не лишенной слащавости, он исполнял обязанности секретаря. Обер своими краткими и остроумными *bon-mots*, рассчитанными на то, чтобы последнее слово оставалось за ним, скорее мешал заседаниям, чем руководил ими. После

решительного провала «Тангейзера» я еще раз получил приглашение на заседание комитета. Но я больше не являлся туда, заявив председателю о своем выходе из общества вследствие предстоящего отъезда в Германию.

После этого я сохранил дружеские отношения с одним только Гуно. Мне передавали, что он всюду отзывался обо мне с большим энтузиазмом. Он будто бы заявил: *«Que Dieu me donne une pareille chûte»*[484]. В благодарность я подарил ему партитуру «Тристана и Изольды», ибо его отношение ко мне радовало меня тем более, что никакие дружеские чувства не могли меня заставить прослушать его «Фауста».

388

Вообще мне пришлось теперь познакомиться со многими лицами, энергично выступавшими в мою защиту. Небольшие, еще не замеченные Мейербером журналы расхваливали меня, высказывая нередко очень удачные мысли. Где-то я прочел, что «Тангейзер» представляет собой *la symphonie chantée*[485]. Бодлер выпустил чрезвычайно талантливую и едкую брошюру. Жюль Жанен поразил меня фельетоном в *Journal des Débats*, в котором, пылая негодованием, дал несколько растянутую, по обыкновению, заметку обо всем этом эпизоде. В театрах ставили пародии на «Тангейзера». А Мюзар[486] ничем не мог так привлечь публику на свои концерты, как ежедневно объявляя в своих программах крупными буквами его увертюру. Паделу[487] демонстративно и часто исполнял мои вещи. Наконец, жена австрийского военного уполномоченного, графиня Лёвенталь [Löwenthal], устроила у себя большое музыкальное утро, на котором госпожа Виардо спела несколько номеров из «Тангейзера», за что получила 500 франков.

Странным образом мою участь сравнивали с участью Вакри[488], тоже скандально провалившегося со своей драмой *Les Funerailles de I'Honneur*. Друзья устроили в его честь банкет, на который был приглашен и я. Обоих нас чествовали с большим энтузиазмом. Слышались пылкие речи на тему о возрастающей вульгарности публики. Разговор затронул слегка и область политики, поводом к чему послужило родство Вакри с В. Гюго. К сожалению, мои почитатели раздобыли пианино, на котором, не будучи в силах противостоять общим требованиям, я должен был сыграть любимые отрывки из «Тангейзера», вследствие чего празднество превратилось в чествование меня одного.

Примечательно, что на моей своеобразной популярности

считали возможным основывать большие предприятия. Директор Лирического театра прилагал все усилия, чтобы найти тенора для «Тангейзера», и только то обстоятельство, что он его не нашел, заставило его отказаться от намерения сейчас же поставить мою оперу. Господин Бомон[489], директор Опера-Комик, был близок к банкротству. Надеясь найти свое спасение в «Тангейзере», он самым настойчивым образом приставал ко мне с предложениями в этом смысле. Правда, он рассчитывал привлечь этим на свою сторону княгиню Меттерних, которая своим влиянием могла бы выхлопотать ему у императора материальную поддержку. Он упрекал меня в холодности, видя, что ему не удается прельстить меня никакими блестящими перспективами. Не чувствуя ни малейшей склонности согласиться на его предложения, я не без интереса выслушал известие о том, что Роже, ставший управляющим театра Опера-Комик, тоже включил часть последнего акта «Тангейзера» в программу своего бенефисного спектакля, чем навлек на себя яростные нападки большой прессы, но встретил хороший прием у публики. Всевозможные проекты росли с каждым днем.

От имени общества, во главе, которого стоял один богатый человек, явился ко мне некий Каброль[490], выступавший в литературе под псевдонимом Лорбак, с предложением основать «Вагнер-Театр» [Théâtre Wagner]. Я не хотел и слышать об этом деле, пока для него не подыщут опытного и пользующегося известностью директора. Выбор пал на Перрена. Уже несколько лет он жил в полной уверенности, что в один прекрасный день будет назначен директором Парижской оперы, и потому боялся скомпрометировать себя чем-нибудь. Правда, он приписывал провал «Тангейзера» исключительно неспособности Руайе, так как на его обязанности лежало расположить прессу в пользу новой постановки. Возможность на деле доказать, что в его руках все сразу приняло бы другой оборот и «Тангейзер» имел бы успех, очень прельщала его принять участие в таком предприятии. Однако, будучи чрезвычайно холодным и осторожным человеком, он усмотрел в предложениях Лорбака некоторые слабые стороны. Когда последний заговорил о комиссионном вознаграждении, Перрену сейчас же почудилось, что все предприятие имеет характер не совсем безупречной спекуляции, и он заявил, что, если бы ему вздумалось основать «Вагнер-Театр», он сумел бы достать для этого необходимые средства.

Действительно, он носился с мыслью приобрести для такого рода театра большое кафе-концерт[491] *Alcazar*[492], или, например, помещение *Bazar de la Bonne-Nouvelle*[493]. Казалось, для его предприятия нашлись бы и капиталисты. Эрлангер полагал,

что без труда соберет десять банкиров, из которых каждый согласится внести 50 000 франков, что составит в общем фонде 500 000. Эти деньги могли бы быть предоставлены в распоряжение Перрена для ведения дела. Но, убедившись, что эти господа готовы дать свои капиталы на основание театра, который служил бы не серьезной тенденции популяризировать мои произведения, а только для их собственного развлечения, Эрлангер охладел ко всей затее.

389

Такие печальные результаты заставили Эрлангера отказаться и от дальнейшего участия в моей судьбе. В коммерческом смысле он смотрел на заключенное между нами соглашение просто как на торговое предприятие, потерпевшее неудачу. Упорядочение моего финансового положения должно было перейти в руки других друзей. В этом отношении большую деликатность проявили немецкие посольства, поручившие графу Гацфельду справиться у меня относительно моих потребностей. В ответ на это я изобразил свое положение в истинном свете, указав на то, что вследствие приказа императора о постановке моей оперы время мое было потрачено на предприятие, которое не дало никакого плода – не по моей вине. Не без основания друзья упрекали меня за беспечность. С самого начала я упустил возможность поставить определенные условия о возмещении убытков, что практическому уму французов показалось бы вполне естественным и понятным. Действительно, я не выговорил себе никакого вознаграждения за труд и время, и мне оставалось рассчитывать только на причитающийся мне в случае успеха авторский гонорар. Но так как теперь, чтобы наверстать упущенное, я уже не мог обратиться ни к администрации оперы, ни к императору, мне пришлось удовлетвориться тем, что княгиня Меттерних взяла на себя устроить все это дело.

Граф Пурталес как раз в это время останавливался в Берлине, чтобы убедить принца-регента Прусского отдать распоряжение о постановке «Тангейзера» в мою пользу. К сожалению, принц-регент не мог побороть противодействия своего интенданта, фон Хюльзена, настроенного по отношению ко мне чрезвычайно враждебно. Видя перед собой долгий период полной беспомощности, я должен был предоставить своей высокой покровительнице защищать мои интересы в вопросе о вознаграждении, а сам 15 апреля (все эти события, последовавшие за постановкой «Тангейзера», разыгрались на

коротком протяжении одного месяца) отправился на непродолжительное время в Германию, чтобы там хоть немного подготовить почву для будущей моей деятельности.

Туда же еще до меня, вырвавшись из хаоса парижских событий, отправился единственный человек, вполне понимавший мои истинные потребности, – Бюлов. Из Карлсруэ он известил меня о благоприятном настроении семьи Великого герцога, и я тут же решил серьезно приняться за постановку «Тристана», столь злополучно отодвигаемую все дальше и дальше. С этой целью я приехал в Карлсруэ, и если что-либо могло меня утвердить в быстро принятом решении, это был необычайно сердечный прием, какой я встретил со стороны Великого герцога Баденского. Он чувствовал потребность внушить мне серьезное к себе доверие. В дружеской беседе, в которой принимала участие и его молодая жена, герцог старался дать мне понять, что его глубокое участие ко мне относится не столько к оперному композитору, для суждений о котором у него нет ни склонности, ни достаточных познаний, сколько к человеку, которому пришлось пострадать за свой немецкий свободный образ мыслей. То обстоятельство, что по вполне понятным причинам я не придавал особенного значения моему политическому прошлому, казалось ему проявлением некоторой сдержанности, вызванной отсутствием надлежащего к нему доверия. Желая ободрить меня, он заявил, что если в этом направлении и были совершены ошибки, даже крупные прегрешения, вина падает скорее на тех, которые, оставшись в Германии и не найдя там счастья, искупили свои преступления внутренними страданиями. Теперь на них лежит обязанность исправить ошибки, совершенные по отношению к лицам, из Германии изгнанным.

Он охотно открыл мне двери своего театра, отдав директору его соответствующие приказания. Последний, мой старый «друг» Эдуард Девриент, подтвердил смущением, в которое поверг его мой приезд, наблюдения Бюлова о неискренности его прежних отношений ко мне. В том радостном настроении, какое вызвал во мне прекрасный прием Великого герцога, мне скоро удалось склонить и Девриента, по крайней мере внешне, к тому, что мне было нужно. Он должен был пуститься со мной в серьезные обсуждения предполагаемой постановки «Тристана». Ему не приходило в голову отрицать, что в настоящее время, особенно с переходом Шнорра в Дрезден, у него совсем не было подходящих певцов, и он указал мне на Вену, не скрыв при этом своего удивления, что вообще я не ставлю своих опер там, где имеются налицо нужные для этого условия. Мне стоило труда заставить его понять, почему несколько экстренных представлений в

Карлсруэ я предпочитаю возможности включить мои произведения в репертуар венского театра. Но как бы то ни было, я добился согласия на выбор впридачу к Шнорру, который должен был приехать в Карлсруэ в качестве гастролера, певцов, нужных для предполагаемого «образцового представления».

390

Это вызвало необходимость поездки в Вену, и я отправился в Париж с целью упорядочить там свои дела настолько, чтобы почувствовать себя достаточно подготовленным для дальнейшего выполнения моего плана. К сожалению, здесь после шестидневного отсутствия мне пришлось думать только о том, как раздобыть необходимые денежные средства. Различные выражения участия и попытки сближения, согретые теплым чувством, были мне при настоящих условиях и тягостны, и безразличны. Пока операции княгини Меттерних, в довольно широком масштабе задуманные на благо мне, тянулись с непонятной медлительностью, мне пришел на помощь коммерсант Штюрмер [Stürmer], с которым я раньше познакомился в Цюрихе. В Париже он относился ко мне с искренним участием и заботливостью. Благодаря ему мне удалось временно устроить свой дом и поехать в Вену.

Лист давно собирался в Париж, и во время минувших тревожных недель я часто страстно желал его присутствия: легко можно было предположить, что именно ему при его исключительном положении среди знаменитостей парижского мира удалось бы повлиять благоприятным образом на разрешение моих запутавшихся обстоятельств. Но на все мои запросы о причинах его запоздания я получал какие-то таинственно-неопределенные ответы. Какой иронией показалось мне поэтому как раз теперь, когда я уже совсем приготовился ехать в Вену, известие, что Лист в один из ближайших дней прибудет в Париж! Но мне приходилось думать лишь о выходе из тягостного положения, для чего необходимо было завязать новые связи, и я покинул Париж около середины мая, не дождавшись прибытия старого друга.

Прежде всего я вернулся в Карлсруэ для вторичного свидания с Великим герцогом. Я встретил тот же дружеский прием и получил разрешение ангажировать для образцового представления «Тристана» певцов, которых я выберу в Вене. Из Карлсруэ я поехал прямо в Вену и остановился в отеле *Erzherzog Karl* [«Эрцгерцог Карл»]. Капельмейстер Эссер еще раньше обещал

мне несколько представлений моих опер. Действительно, в первый раз я увидел здесь на сцене «Лоэнгрина». Хотя опера давалась много раз, весь состав согласно моему желанию собрался для полной репетиции. Оркестр исполнил вступление с такой теплотой, голоса певцов, артистические достоинства их игры отличались такой яркостью, произведение было им до такой степени хорошо знакомо, что, побежденный этими впечатлениями, я потерял всякую охоту критиковать постановку в целом.

От окружающих не укрылось, что я был глубоко тронут, и д-ру Ганслику[494] это показалось самым подходящим моментом представиться мне. Я коротко поклонился ему как совершенно незнакомому человеку. Тогда тенор Андер[495] представил мне его еще раз, заметив, что Ганслик мой старый знакомый. Я ответил, что очень хорошо помню господина Ганслика, и снова отдал все внимание репетиции. Мои венские друзья, кажется, испытали теперь то же, что некогда мои лондонские знакомые, столь безуспешно убеждавшие меня обратить внимание на опаснейшего из рецензентов. Еще молодым человеком перед поступлением в университет, присутствуя в Дрездене на одном из первых представлений «Тангейзера», Ганслик прочел полный энтузиазма доклад о моем произведении. Но с тех пор, как это выяснилось по случаю постановки моих опер в Вене, он стал одним из наиболее ярых моих противников. Расположенный ко мне театральный персонал имел с этой минуты, казалось, одну заботу: как-нибудь помирить меня с рецензентом. Из этого ничего не вышло, и, пожалуй, не совсем неправы те, которые приписывают дальнейшие неудачи каждого из моих венских предприятий вспышкам новой вражды ко мне этого человека.

Но пока все неприятное потонуло в потоке сочувственных мне настроений. Представление «Лоэнгрина», на котором я присутствовал, превратилось в одну из тех сплошных бурных оваций, какие я видел только со стороны венской публики. Для меня хотели назначить представления двух других моих опер. Но я испытывал некоторый страх перед повторением того, что пережил в тот вечер. Зная, кроме того, о больших недочетах постановки «Тангейзера», я принял одно представление более скромного «Летучего Голландца», главным образом потому, что мне было важно услышать выступавшего с таким блеском певца Бека [Beck]. И на этот раз публика бурно проявляла мне свой

восторг, и, окруженный общим сочувствием, я мог приняться за осуществление главной цели. Учащаяся молодежь задумала устроить факельное шествие в честь меня, но я отказался от него, чем необычайно расположил в свою пользу Эссера. Он, как и администрация оперы, спрашивали себя, как использовать эти триумфы.

Я представился графу Лянцкоронскому[496], обергофмейстеру императора, которого мне обрисовали как очень странного господина, ничего не понимающего в искусстве и его нуждах. Когда я изложил свою просьбу разрешить выдающимся силам оперы, главным образом госпоже Дустман (урожденной Луизе Майер) и Беку, а может быть, и Андеру, продолжительный отпуск для проектируемой в Карлсруэ постановки «Тристана», он очень сухо ответил, что это невозможно. Он считал гораздо более благоразумным, чтобы я поставил свое новое произведение в Вене, раз я нахожу персонал венской оперы столь подходящим для себя. Скоро я потерял энергию противиться такому взгляду на вещи.

Когда, весь поглощенный этим новым оборотом дела, я выходил из дворца, ко мне подошел стройный господин чрезвычайно симпатичной внешности и предложил проводить меня в экипаже до гостиницы. Это был Йозеф Штандгартнер[497], очень популярный преимущественно в высшем свете врач, большой любитель музыки, которому суждено было стать на всю жизнь преданнейшим моим другом. В это время со мной сошелся и Карл Таузиг, желавший завоевать венский музыкальный мир композициями Листа и еще прошлой зимой начавший осуществление этой задачи аранжировкой оркестровых концертов, которыми он сам дирижировал. Он свел со мной занесенного в Вену Петера Корнелиуса, которого я знал со встречи в Базеле в 1853 году. Оба увлекались только что вышедшим тогда в аранжировке Бюлова клавираусцугом «Тристана». В моем номере гостиницы, куда Таузиг позаботился доставить рояль «Бёзендорф»[498], целыми днями раздавались звуки музыки. Мои друзья были готовы сейчас же начать репетиции «Тристана». Во всяком случае меня убеждали поставить «Тристана» раньше здесь, и, уезжая из Вены, я дал обещание вернуться через несколько месяцев и начать разучивание оперы.

Я чувствовал некоторое смущение при мысли, что должен сообщить Великому герцогу Баденскому о перемене в моих планах. Поэтому я ухватился за мелькнувшую в голове мысль сделать некоторый крюк и тем отсрочить приезд в Карлсруэ. С моей поездкой совпал день моего рождения, и я решил

отпраздновать его в Цюрихе. Через Мюнхен я отправился прямо в Винтертур, где рассчитывал встретить Зульцера. К сожалению, я его не застал и нашел только его жену, чрезвычайно трогательно ко мне отнесшуюся, да его маленького сына, очень заинтересовавшего меня мальчика. Его самого мне удалось встретить на следующее утро, 22 мая, в Цюрихе. Остаток этого дня я провел в тесном номере гостиницы, читая «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гёте, и в первый раз почувствовал, что вполне понимаю это удивительное произведение. Своеобразное описание выступления подмастерьев, полное наивного лиризма, особенно сроднило меня с духом поэта.

В Цюрих я приехал на следующий день. Чудесное ясное утро побудило меня, сделав большой обход, отправиться пешком в имение Везендонка старыми, знакомыми путями. Здесь меня совершенно не ждали. Справившись о привычках обитателей дома, я узнал, что в это время Везендонк обыкновенно спускается в столовую, где завтракает один. Я уселся в углу столовой и стал ждать. Длинноногий, добродушный Везендонк скоро сошел вниз и молча принялся за свой кофе. Велико было его изумление, когда он заметил меня. День прошел очень удачно. Были созваны Зульпер, Земпер, Гервег, а также Готфрид Келлер. В интимной обстановке я наслаждался сознанием вполне удавшегося сюрприза. Судьба моя обсуждалась друзьями с большим возбуждением.

392

На другой день я поспешил в Карлсруэ. Великий герцог выслушал мое сообщение с одобрительным сочувствием. Не уклоняясь от истины, я мог передать ему, что просьба об отпуске для певцов была отклонена, и предполагавшаяся постановка оперы в Карлсруэ становилась вследствие этого невозможной. Эдуард Девриент отнесся к этому обороту дела без малейшего огорчения. С нескрываемым удовлетворением он предсказывал мне блестящую будущность в Вене. Здесь же меня настиг Таузиг, еще в Вене решивший отправиться в Париж, чтобы встретиться там с Листом. Из Карлсруэ мы продолжали путешествие вдвоем через Страсбург.

В Париже я нашел свой дом и хозяйство в состоянии ликвидации. Теперь нам важно было раздобыть средства для переезда и как-нибудь устроить свою будущность, лишенную всяких перспектив. Минне представился случай проявить свои хозяйственные таланты. Лист, который уже успел войти в старую

колею, которому даже со своей собственной дочерью Бландиной удавалось поговорить только в экипаже, между одним визитом и другим, нашел все-таки по доброте своего сердца возможность явиться ко мне на «бифштекс». Раз он уделил мне целый вечер, дружески дав мне этим случай выполнить некоторые маленькие мои обязательства. Он играл на рояле перед моими друзьями из прежних тяжелых времен моей жизни. Бедняга Таузиг, лишь накануне исполнивший для меня фантазию Листа («Бах»)[499] и повергший меня в истинное изумление, теперь, когда Лист как бы случайно исполнил ту же вещь, почувствовал себя совершенно уничтоженным, бессильным по сравнению с таким колоссом.

Кроме того, мы все собрались на завтрак у Гуно, прошедший необыкновенно скучно. Некоторое оживление придал ему лишь блестящий ум Бодлера, носимый вперед в каком-то стремительном отчаянии. Этот *criblé de dettes*[500] бедняга вынужден был придумывать экстравагантные средства, чтобы просуществовать день. Неоднократно он делал самые невероятные предложения, имевшие целью использовать мое славное недавнее фиаско. Я не был в состоянии принять какое-либо из них, но мне приятно было видеть этого гениального человека около Листа, под защитой его орлиных крыльев. Лист водил его всюду, где только можно было устроить ему карьеру. Насколько это ему помогло, сказать не берусь. Знаю только, что вскоре после этого он умер, как я полагаю, в условиях жизни, не блиставших избытком счастья.

393

После этого завтрака я еще раз встретился с Листом на обеде в австрийском посольстве. Этим случаем друг мой любезно воспользовался, чтобы, сыграв на рояле несколько отрывков из «Лоэнгрина», выказать перед княгиней Меттерних свою симпатию ко мне. Он был без меня приглашен на обед во дворец Тюильри. Потом он мне передал содержание своей беседы с императором Наполеоном о постановке «Тангейзера» в Париже, результат которой показал, что мое произведение не подходит для Парижской оперы. Говорил ли Лист об этом и с Ламартином, мне неизвестно. Знаю только, что этот старый друг Листа несколько раз удерживал его от намерения исполнить мое желание и устроить нашу встречу. Таузиг, вначале державшийся около меня, впал наконец в свою обычную зависимость от своего учителя и окончательно исчез из виду, укатив с Листом в Брюссель на свидание с госпожей Стрит[501].

Я теперь страстно желал как можно скорее уехать из Парижа. От квартиры своей на Рю-д'Омаль я освободился, подарив 100 франков портье, которому и удалось сдать ее. Теперь мне оставалось ждать известий о результатах предпринятых моими покровителями практических шагов. Так как в данном случае я ничего не мог сделать, чтобы ускорить решение вопроса, то положение мое затягивалось самым неприятным образом. Впрочем, не было недостатка и в различных эпизодах более приятного свойства, отвлекавших от тяжелых дум. Так, например, я приобрел странное расположение фройляйн Эберти [Eberty], немолодой племянницы Мейербера. В отвратительные дни представлений «Тангейзера» она проявила почти яростное участие к моей судьбе. Теперь она всячески старалась доставить мне возможно больше развлечений. Так, в один прекрасный весенний день она устроила в превосходном ресторане Булонского леса для нас и Китца, от которого мы все еще не могли избавиться, весьма приличный обед. И семейство Флаксланда, с которым я раньше несколько разошелся из-за «Тангейзера», тоже всячески старалось доставлять удовольствия, и это было бы мне особенно приятно, если бы не были сюда замешаны никакие посторонние побуждения.

Как бы то ни было, наш отъезд из Парижа был твердо решен. Минна предполагала поехать в Соден для повторения прошлогоднего курса лечения, а оттуда в Дрезден, к старым знакомым. Что касается меня, то ко времени репетиций «Тристана» я должен был явиться в Вену. Всю домашнюю обстановку мы решили уложить и оставить на складе. Занятые мыслями о неприятно затянувшемся отъезде, мы в то же время не забывали думать и о трудностях переезда с нашей собачонкой Фипсом по железной дороге. Однажды – это было 22 июня – жена моя вернулась домой с собакой на руках, смертельно заболевшей во время прогулки. Из рассказа Минны можно было заключить, что животное проглотило рассыпанный на улице яд. Состояние ее было ужасно: при полном отсутствии каких-либо внешних ранений она так тяжело дышала, что можно было предположить сильное повреждение легкого. В первый момент под влиянием отчаянной боли она укусила Минну в губы. Я сейчас же послал за врачом. Он рассеял наши опасения, сказав, что не может быть и речи об укусе бешеной собаки. Только бедному животному ничем нельзя было помочь. Оно лежало, скорчившись, дыша все тяжелее и прерывистее. Около одиннадцати часов вечера собака, казалось, заснула под кроватью Минны. Но когда я вытащил ее оттуда, она была мертва. Мы не обменялись с Минной ни единым словом. Домашние животные всегда играли значительную роль в нашей

бездетной семейной жизни. Внезапная смерть веселой, милой собачонки создала в ней последнюю трещину – давно уже она стала для нас невозможной. Пока же главной моей заботой было спасти труп Фипса от обычной участи: быть выброшенным на улицу и утром подобранным уборщиком. Неподалеку от нас, на Рю-де-ла-тур-де-дам [Rue de la tour des dames], у Штюрмера был небольшой сад за домом. Здесь я решил похоронить Фипса. Мне пришлось потратить немало красноречия, чтобы убедить домоправительницу (владелец был в отъезде) разрешить мне с помощью консьержа вырыть под кустами возможно глубокую яму и похоронить в ней труп бедной собачонки. Печальная процедура была совершена. Самым тщательным образом я засыпал могилу, стараясь скрыть все следы. Я предвидел, что Штюрмер заявит протест против собачьего трупа в его саду, что он прикажет вырыть его, и я хотел предупредить новое несчастье.

394

Наконец, граф Гатцфельд самым дружеским образом сообщил мне, что друзья и почитатели моей музыки, желающие остаться неизвестными и принимающие большое участие в моем положении, соединились, чтобы доставить мне средства выйти из тяготеющих надо мной затруднений. Я счел нужным выразить благодарность за такую помощь исключительно моей покровительнице, княгине Меттерних, и принялся за окончательную ликвидацию моего парижского хозяйства. Было важно, чтобы по окончании всех хлопот Минна немедленно отправилась в Германию для лечения. Для меня же единственной целью поездки могло быть посещение Листа в Веймаре, где в августе должно было состояться музыкальное празднество с прощальным исполнением листовских композиций[502].

В то же время Флаксланд, решивший издать еще и другие мои оперы на французском языке, желал, чтобы я оставался в Париже до тех пор, пока не изготовлю совместно с Трюине перевода «Летучего Голландца». Это требовало еще нескольких недель, которых я не мог провести в нашей совершенно опустевшей квартире. Граф Пурталес, узнав об этом, предложил мне устроиться на это время в прусском посольстве. Это была исключительная любезность, какой я никогда не встречал по отношению к себе, и я принял ее с искренней благодарностью. 12 июля я проводил Минну на железную дорогу и в тот же день переехал в здание посольства, где мне предоставили уютную комнатку, выходившую в сад. Из нее открывался вид на дворец

Тюильри. В бассейне сада плавали два черных лебедя, к которым я чувствовал мечтательное влечение. Когда меня посетил молодой Гатцфельд, чтобы осведомиться от имени моих покровителей, не нуждаюсь ли я в чем, меня в первый раз после долгого времени охватило сильное волнение: глубокое ощущение благосостояния при полном отсутствии собственности, при полной свободе от всего, что обыкновенно считается прочным жизненным устройством.

Я просил разрешения перевезти сюда рояль, которого я не отправил на склад вместе с прочей мебелью, и мне отвели для него прекрасную комнату в бельэтаже. По утрам я работал над переводом «Летучего Голландца» и сочинил два музыкальных *Albumblätter*[503]. Один из них, предназначенный для княгини Меттерних и написанный на давно уже звучавший в моей душе мотив, был позднее опубликован, другой же, предназначавшийся графине Пурталес, как-то затерялся. Отношения с семьей гостеприимного хозяина не только успокаивали меня, но доставляли мне глубокое удовлетворение. Мы обедали вместе, и часто эти простые семейные обеды превращались в настоящие «дипломатические».

Тут я познакомился с бывшим прусским министром, Бетман-Хольвегом[504], отцом графини Пурталес, в разговоре с которым мне пришлось изложить подробно свои взгляды на отношение искусства к государству. Но едва мне удалось уяснить их министру, как последовало замечание, что с главой данного государства соглашение на этой почве невозможно, потому что он относит искусство к области увеселений.

Кроме графа Гатцфельда, на эти семейные собрания являлись также и два других атташе, князь Ройс[505] и граф Дёнхоф[506]. Первый, казалось, был первым политиком в посольстве. Мне много говорили о значительном и ловком содействии, какое он оказал мне при дворе. Второй произвел на меня очень хорошее впечатление выражением лица, милой, искренней приветливостью.

С князем и княгиней Меттерних тоже приходилось теперь встречаться. От меня не могло укрыться, что в наших взаимных отношениях появилась некоторая стесненность. Своим деятельным участием в судьбе «Тангейзера» княгиня Паулина не только навлекла на себя грубые нападки со стороны прессы, но одно время должна была переносить далеко не рыцарское, злобное отношение так называемого высшего общества: муж ее смотрел на все это, по-видимому, спокойно, но, без сомнения, пережил весьма неприятные моменты. Мне трудно было определить, насколько истинная симпатия к моей музыке могла

вознаградить княгиню за все перенесенное. Проводя вечера в интимном обществе любезных хозяев, я имел случай заговорить о Шопенгауэре. На одном большом вечере мне пришлось пережить опьяняющие моменты. Здесь, в кругу безусловно расположенных ко мне друзей, было исполнено много отрывков из моих произведений. Сен-Санс сел за рояль, а неаполитанская княгиня ди Кампореале[507] исполнила под аккомпанемент талантливого музыканта заключительную сцену Изольды, поразив меня прекрасным немецким произношением и необыкновенной точностью интонации.

395

В течение трех недель я отдыхал самым приятным образом. Для предстоящей поездки в Германию граф Пурталес приготовил мне аристократический прусский министерский паспорт, после того как попытки его достать саксонский разбились о трусость фон Зеебаха. Покидая Париж, как я думал, навсегда, я хотел провести последний интимный вечер с немногими моими французскими друзьями, проявившими верную привязанность ко мне в дни перенесенных тревог. Мы встретились с Гасперини, Шанфлери и Трюине в кафе на Рю Лаффит [Rue Laffitte], где просидели в дружеской беседе до поздней ночи.

Когда я встал, чтобы отправиться домой на Фобур-Сен-Жермен [Faubourg Saint-Germain], Шанфлери, живший далеко у Монмартра, заявил, что желает проводить меня домой, так как неизвестно, придется ли нам еще встретиться в жизни. Мне доставило большое наслаждение необыкновенное зрелище, какое представляли теперь, в ярком свете луны, совершенно пустынные улицы Парижа. Только громадные вывески торговых фирм, покрывавшие, главным образом на Рю-Ришелье, стены домов до самого верху, казалось, переносили в ночную тишину отзвуки дневного шума. Шанфлери покуривал трубку и занимал меня разговором о перспективах французской политики. Его отец – старый бонапартист чистейшей воды, он же, читая газеты, пришел к следующему заключению: *«Pourtant, avant de mourir je voudrais voir autre Chose»*[508]. У дверей посольства мы простились самым трогательным образом.

Подобное же дружеское прощание произошло у меня с одним молодым французским другом, о котором я до сих пор не упоминал. Еще в начале моего выступления в Париже Оливье прислал ко мне Гюстава Доре[509], намеревавшегося сделать фантастический рисунок с меня в момент дирижирования

оркестром. Намерение это по неизвестным причинам не было осуществлено, может быть, потому что я сам отнесся к нему не особенно благосклонно. Однако Доре продолжал оказывать мне большое расположение, и теперь он был в числе тех, которые, возмущаясь проявленной по отношению ко мне несправедливостью, всячески старались доказать мне свою дружбу. Среди множества иллюстраций, которые выполнил этот чрезвычайно продуктивный человек, он намеревался также сделать иллюстрации к «Нибелунгам». Для этого я пожелал ознакомить его с моей концепцией мифологического цикла. Это оказалось делом чрезвычайно трудным. Но так как он уверял, что имеет друга, очень хорошо знакомого с немецким языком и ориентированного в немецкой литературе, я позволил себе подарить ему недавно вышедший клавираусцуг «Золота Рейна». Текст его лучше всего мог уяснить ему принципы, которыми я руководствовался при обработке имевшегося в моих руках материала. Этим я отблагодарил его за экземпляр только что вышедших иллюстраций к Данте.

Преисполненный наилучших впечатлений, которые в качестве единственного результата многотрудного парижского предприятия должны были иметь для меня особую цену, я в начале августа покинул благодетельный приют моих прусских друзей и направился через Кёльн прямо в Соден. Здесь я нашел Минну в обществе Матильды Шиффнер, ставшей для нее совершенно необходимой как человек, которого она могла тиранить сколько угодно. Здесь я провел два в высшей степени тяжелых дня, стараясь убедить бедную женщину, что ей надо переехать в Дрезден, куда я не мог еще отправиться, ибо должен был сначала позаботиться о новой базе для своих предприятий в Германии, но прежде всего в Вене. Глядя на свою приятельницу с видом своеобразного удовлетворения, она выслушала мое намерение и обещание гарантировать ей 1000 талеров в год. Это и осталось нормой наших отношений до конца ее жизни. Она проводила меня до Франкфурта. Простившись, я отправился оттуда в Веймар.

Незадолго перед тем во Франкфурте умер Шопенгауэр.

Часть четвертая. 1861–1864

396

Мне снова пришлось проезжать через Тюрингию мимо Вартбургского замка, созерцание и посещение которого странным образом связывались для меня с отъездом из Германии или возвращением в нее. В Веймар я прибыл в два часа ночи, и на следующий день Лист повез меня в приготовленное для меня помещение в замке Альтенбург, заметив многозначительно, что мне отведены комнаты принцессы Марии[510]. Впрочем, на этот раз никого из дам там не было: княгиня Каролина была в Риме, а ее дочь, вышедшая замуж за князя Константина Гогенлоэ, жила в Вене. Осталась только мисс Андерсон, воспитательница Марии, чтобы помочь Листу в приеме его гостей. В общем, замок собирались запечатать. Для этой цели, а также и для принятия инвентаря всего имущества приехал из Вены юный дядя Листа, Эдуард[511].

В замке царило большое оживление, так как на предстоящее празднество съехалось множество музыкантов, значительную часть которых Лист поместил у себя. Среди этих последних следует назвать Бюлова и Корнелиуса. Все они, и прежде всего сам Лист, к моему удивлению, носили простые дорожные шапочки, что указывало на непринужденную обстановку этого сельского музыкального празднества, посвященного Веймару.

В верхнем этаже с некоторой торжественностью был помещен Франи Брендель с супругой. Весь дом «кишел музыкантами». Среди них я встретил старого знакомого Дрезеке, как и молодого человека по имени Вайсхаймер[512], которого Лист как-то раз направил ко мне в Цюрих. Приехал и Таузиг, но он большей частью держался в стороне от нашего общества, всецело поглощенный любовной интригой с одной молодой дамой. Для небольших прогулок Лист назначил мне в спутницы Эмилию Генаст[513], на что я не имел оснований жаловаться, так как она была очень остроумна. Я познакомился также со скрипачом и музыкантом Дамрошем[514].

Большое удовольствие доставила мне встреча со старой приятельницей Альбиной Фромман, хотя я застал ее в некотором разладе с Листом. Но когда Бландина с Оливье приехали из Парижа, чтобы поселиться в Альтенбурге, рядом со мной, радостные дни нашего пребывания здесь приобрели характер какой-то почти возбужденной веселости. Веселее всех был Бюлов.

Он должен был дирижировать при исполнении симфонии Листа «Фауст». Его живость и энергия были необычайны. Партитуру он знал наизусть и провел ее с оркестром, состоявшим далеко не из первоклассных сил германского музыкального мира, с изумительной точностью, тонкостью и огнем. После этой симфонии наиболее удачной из исполненных вещей была музыка «Прометея»[515]. Но особенно потрясающе подействовал на меня цикл песен *Die Entsagende*[516] Бюлова в исполнении Эмилии Генаст.

Остальная программа представляла мало утешительного, в том числе и кантата Вайсхаймера *Das Grab im Busento*[517], а немецкий марш Дрезике был даже причиной весьма крупных неприятностей. Этой странной композиции столь одаренного в общем человека, сочиненной как бы в насмешку, Лист из непонятных мотивов протежировал с почти вызывающей страстностью. Он настаивал, чтобы марш прошел под управлением Бюлова. Ганс согласился и провел его опять-таки наизусть. Но это дало повод для неслыханной демонстрации. Лист, которого ничем нельзя было заставить показаться публике, устроившей его произведению восторженный прием, теперь, во время исполнения марша Дрезике, поставленного последним номером программы, появился в литерной ложе. Протянув вперед руки и громко крича «браво», он яростно аплодировал произведению своего протеже, которое было принято публикой крайне неблагосклонно. Разразилась настоящая буря, и Лист с побагровевшим от гнева лицом выдерживал ее один против всех. Бландина, сидевшая рядом со мной, пришла, как и я, в отчаяние от неслыханно вызывающего поведения своего отца. Прошло немало времени, пока все успокоилось. От самого Листа никакого объяснения нельзя было добиться. Слышались только гневно-презрительные замечания по адресу публики, для которой марш этот слишком хорош. С другой стороны, я узнал, что все было затеяно с целью отомстить веймарской публике, которой, однако, на этот раз в театре вовсе не было. Лист мстил за Корнелиуса, опера которого «Багдадский цирюльник», исполненная некоторое время тому назад в Веймаре под личным его управлением, была освистана местными посетителями театра.

Я заметил, кроме того, что у Листа за эти дни были и другие большие неприятности. Он сам сознался мне, что старался побудить Великого герцога Веймарского выказать мне какое-нибудь внимание, пригласить меня вместе с ним к своему столу. Но так как герцог колебался принять у себя политического эмигранта, не амнистированного королем Саксонским, Лист рассчитывал добиться для меня по крайней мере ордена Белого

Сокола[518]. Но и в этом ему было отказано.

Потерпев неудачу в своих хлопотах при дворе, он находил, что в таком случае население должно отметить чем-нибудь мое присутствие на празднестве. Было решено устроить в честь меня факельное шествие. Услыхав об этом, я употребил все усилия, чтобы расстроить намеченный план, что мне и удалось. Но совсем без оваций дело не обошлось. Однажды утром советник юстиции Гилле [Gille] из Йены с шестью студентами, расположившись под моим окном, спели одну из милых песенок Певческого общества. Я выразил им свою сердечную благодарность. Кроме того, большой торжественный обед, на который собрались все музыканты, а между ними и я, занявший место между Бландиной и Оливье, ознаменовался сердечной овацией по моему адресу. Меня приветствовали как композитора, приобретшего в Германии за время своего изгнания любовь и известность «Тангейзером» и «Лоэнгрином». Лист сказал несколько слов, исполненных большой энергии. Но мне и самому пришлось ответить специальному оратору довольно пространной речью. Небольшие обеды, которые Лист устраивал для избранных гостей, были очень уютны. На одном из них я упомянул об отсутствующей хозяйке Альтенбурга. Один раз стол был накрыт в саду, и я имел удовольствие видеть за обедом в весьма рассудительной беседе с Оливье Альвину Фромман. Она уже помирилась с Листом.

397

Так среди разнообразных удовольствий прошла неделя. Настал день разлуки для всех нас. Счастливый случай устроил так, что большую часть своего давно решенного путешествия в Вену мне пришлось совершить в обществе Бландины и Оливье. Они задумали посетить Козиму в Райхенхалле [Reichenhall], где она проводила курс лечения. Прощаясь на вокзале с Листом, мы вспомнили Бюлова. Он уехал накануне, отличившись в минувшие дни празднества. Мы изливались в похвалах по его адресу. Я заметил лишь шутливо, что ему незачем было жениться на Козиме, на что Лист с легким поклоном ответил: «Это было роскошно».

В дороге нами, главным образом Бландиной и мной, овладела самая необузданная веселость, которая все росла и росла. При каждом новом взрыве смеха с нашей стороны Оливье спрашивал: *«Qu' est ce qu' il dit?»*[519] Ему пришлось терпеливо сносить, что, дурачась и шутя, мы все время говорили по-немецки. Впрочем, на его беспрестанные справки относительно

Tonique[520] и *Jambon cru*[521], составлявших главные элементы его питания, мы неизменно отвечали по-французски.

В Нюрнберг, где нам надо было переночевать, мы приехали поздно ночью. С большим трудом добрались до гостиницы, которую открыли после долгих ожиданий. Хозяин, пожилой толстяк, снизошел на наши просьбы дать нам, несмотря на поздний час, комнаты. Но чтобы привести это в исполнение, он, заставив нас простоять бесконечно долго в сенях, после продолжительных колебаний удалился в задний коридор дома, где у одной из дверей заискивающе робким голосом произнес: «Маргарита». Он повторил это имя несколько раз, прибавив, что приехали гости. В ответ послышался женский голос, произносивший какое-то проклятие. После долгих, настойчивых просьб появилась наконец Маргарита в глубоком неглиже и после таинственных переговоров с хозяином указала нам соответствующие комнаты. Но курьезнее всего было то, что ни хозяин, ни его служанка не замечали необузданного смеха, который мы тщетно старались подавить. На следующий день мы осмотрели некоторые достопримечательности города, между прочим и Германский музей[522], своей тогдашней бедностью вызвавший презрение моего французского друга. Значительная коллекция орудий пыток, среди которых особенно выделялся весь утыканный гвоздями ящик, возбудила в Бландине отвращение, смешанное с состраданием.

398

Вечером мы приехали в Мюнхен. На следующий день, позаботившись о ветчине и «*tonique*», мы занялись осмотром города, доставившего Оливье большое удовлетворение. Он нашел, что близкий к античному стиль, в котором выполнены возведенные королем Людвигом I художественные сооружения[523], очень выгодно отличает их от зданий, которыми, к его величайшей досаде, Луи-Наполеону угодно было застраивать Париж. Он уверял, что непременно выскажется там по этому поводу.

В Мюнхене я случайно встретил старого знакомого фон Горнштейна. Я представил его своим друзьям, назвав «бароном». Его смешная фигура и неуклюжие манеры чрезвычайно забавляли их. Но веселость наша достигла крайних пределов, когда перед отъездом в Райхенхалль *«le baron»* повел нас в пивную, находившуюся в отдаленной части города: он хотел показать нам Мюнхен еще с этой стороны. Была темная ночь. Кроме маленького

огарка, с которым «барон» сам должен был спуститься в погреб, чтобы достать для нас пива, другого освещения не было. Однако пиво было чрезвычайно вкусно, и Горнштейну пришлось несколько раз повторить свое путешествие в погреб. Когда же, чтобы не опоздать на поезд, мы с величайшей поспешностью пустились на вокзал, с трудом шагая по пашням и пробираясь через рвы, нельзя было не почувствовать, что непривычный напиток слегка вскружил нам головы. Бландина, едва успев войти в вагон, заснула глубоким сном, от которого проснулась лишь с наступлением дня, когда мы приехали в Райхенхалль. Там нас встретила Козима и проводила в приготовленное помещение.

Состояние ее здоровья нас очень обрадовало. Оно оказалось гораздо лучше, чем мы, особенно я, представляли себе его прежде. Ей было предписано лечение сывороткой. На следующее утро мы проводили ее в лечебное заведение. Однако Козима придавала меньше значения предписанному ей лечебному средству, чем прогулкам и пребыванию на прекрасном, укрепляющем горном воздухе. В веселом настроении, которое сейчас же установилось между обеими сестрами, мы с Оливье не могли принимать участия, потому что для интимных своих разговоров, беспрестанно прерываемых далеко слышными взрывами смеха, они запирались обыкновенно у себя в комнате, и мне большей частью оставалось искать развлечения во французской беседе с моим политическим другом. Впрочем, мне удавалось иногда проникнуть к ним. Раз я возвестил им свое намерение усыновить их ввиду того, что их родной отец больше о них не заботится. Это заявление, встреченное без особенного доверия, вызвало только взрыв нового веселья. Однажды я пожаловался Бландине на то, что Козима ведет себя несколько диковато. Бландина долго не могла понять меня, но в конце концов сообразила, что я ставлю ее сестре в упрек проявляемую ею *timidité d'un sauvage*[524]. Через несколько дней мне пришлось подумать о продолжении путешествия, прерванного столь приятным образом. Прощаясь в сенях, я встретил устремленный на меня вопросительно-робкий взгляд Козимы.

В коляске я спустился по долине в Зальцбург. На австрийской границе со мной произошло небольшое приключение с администрацией таможни. Лист подарил мне в Веймаре ящичек драгоценнейших сигар, которые он сам получил в подарок от барона Сина [Sina]. Зная со времени пребывания в Венеции, с какими неслыханными трудностями сопряжен ввоз сигар в Австрию, я вздумал запрятать их среди белья и в карманах моих платьев. Но таможенный служитель, старый солдат, по-видимому, был хорошо знаком с такими приемами: он ловко извлек эти

Corpora delicti[525] из всех складок моего маленького саквояжа. Я пробовал подкупить его, дав ему «на чай». Деньги он взял, но тем сильнее было мое возмущение, когда, несмотря на это, он все-таки донес на меня. Мне пришлось уплатить значительный штраф, но зато я получил разрешение выкупить сигары, от чего я с негодованием отказался. Но одновременно с квитанцией в уплате штрафа мне вручили прусский талер, который таможенный служитель спокойно сунул себе в карман. Собираясь сесть в вагон, я еще раз увидел этого солдата. Он сидел за кружкой пива, спокойно закусывая хлебом и сыром. Я предложил ему талер, но на этот раз он отказался взять его. Много раз я потом досадовал на себя за то, что не справился об имени этого человека. Он был бы необыкновенно верным слугой, и я охотно взял бы его к себе.

399

В Зальцбург я приехал в проливной дождь. Я переночевал здесь и на следующий день добрался наконец до места своего назначения – Вены. Тут я рассчитывал воспользоваться гостеприимством близко знакомого мне еще по Швейцарии Колачека. Получив давно амнистию в Австрии, он посетил меня в мой прошлый приезд в Вену и предложил свою квартиру на случай, если я вернусь на продолжительное время. Ему хотелось избавить меня от неприятной жизни в гостинице. Я охотно принял это предложение из чисто экономических мотивов, имевших для меня в данную минуту такое большое значение, и с вокзала со своим небольшим багажом прямо отправился по указанному мне адресу. Оказалось, к моему удивлению, что я попал в самое отдаленное предместье, почти лишенное сообщения с Веной, а в самом доме не было никого, так как Колачек с семьей переехал на дачу в Хюттельдорф [Hütteldorf]. С трудом я разыскал старую служанку, которая была предупреждена о моем предстоящем приезде. Она указала мне маленькую комнатку, в которой, если захочу, я могу расположиться, но ни на постельное белье, ни вообще на какие бы то ни было услуги с ее стороны я не должен был рассчитывать.

В высшей степени разочарованный, я вернулся в город, решив ждать Колачека в кафе на Штефан-плац [Stephansplatz], где, по словам служанки, он обыкновенно бывал в это время. Я долго сидел там, неоднократно наводя о нем справки, как вдруг, взглянув на дверь, я увидел входящего Штандгартнера. Изумление его при этой неожиданной встрече было тем более

велико, что, по его словам, он ни разу в жизни не был в этом кафе, и только совершенно исключительный случай привел его сюда в этот день и час. Узнав о моем положении, он страшно возмутился моим решением поселиться в отдаленном конце Вены, когда дела требуют моего присутствия в центре города, и предложил мне собственную квартиру, которую он с семьей покидает на шесть недель. Хорошенькая племянница, живущая с матерью и сестрой в том же доме, позаботится, чтобы я не был лишен необходимых услуг, завтрака и прочее. Я могу расположиться во всей квартире с полным удобством. С торжеством повел он меня сейчас же к себе. У него не было никого, домашние его уже переселились на лето в Зальцбург. Колачек был оповещен об этой перемене, мои вещи перевезены сюда, и несколько дней я наслаждался в обществе Штандгартнера всеми удобствами его милого гостеприимства. Из дальнейших бесед с ним выяснились новые затруднения, вставшие на моем пути. Назначенные прошлой весной на это время (я приехал в Вену 14 августа) репетиции «Тристана и Изольды» пришлось отложить на неопределенный срок, так как у тенора Андера болело горло. При этом известии мое пребывание в Вене сразу представилось мне совершенно бесполезным. Но дело в том, что никто не мог бы мне посоветовать, куда направиться и на что целесообразно употребить свои силы.

400

Теперь только мне стала совершенно ясна вся безнадежность моего положения: мне казалось, что я покинут всем светом. Если еще несколько лет тому назад я при подобных обстоятельствах мог льстить себе надеждой найти дружеский приют у Листа в Веймаре и переждать у него неблагоприятный момент, то теперь это было невозможно: дом его, как я убедился в этом, вернувшись в Германию, собирались совершенно запечатать. Таким образом, надо было позаботиться найти приют. Я обратился по этому поводу к Великому герцогу Баденскому, у которого так недавно встретил дружеский и участливый прием. В красноречивом письме я обрисовал ему свое положение, уверил его, что для меня теперь главное – иметь какое-нибудь, хотя бы самое скромное, убежище, и просил дать мне возможность поискать его в Карлсруэ или в его окрестностях, назначив пенсию в 1200 талеров. Но каково было мое удивление, когда я получил на это уже не собственноручный, а лишь подписанный Великим герцогом ответ, в котором меня извещали, что исполнение моей просьбы привело

бы к вмешательству с моей стороны в тамошние дела, что, несомненно, вызвало бы недоразумения с директором театра, моим старым другом Эдуардом Девриентом, человеком чрезвычайно добросовестным в исполнении своих обязанностей. Ввиду того что в подобных случаях Великий герцог чувствовал бы себя вынужденным, как он выразился, «чинить суд», может быть, не в мою пользу, то по зрелом размышлении он должен отказаться от исполнения моей просьбы.

Княгиня Меттерних, когда я уезжал из Парижа, предвидела мои нужды и в самых сердечных выражениях указала мне в Вене на семейство графа Нако[526], отозвавшись особенно многозначительно о графине. Поселившись теперь в квартире Штандгартнера, я в один из немногих дней, которые он провел со мною в Вене, познакомился через него с молодым князем Рудольфом Лихтенштейном[527], известным среди своих друзей просто под именем Руди. Врач его, связанный с ним дружескими отношениями, обрисовал мне его в самых привлекательных чертах, охарактеризовав как страстного почитателя моей музыки. После того как Штандгартнер уехал к своей семье, я часто встречался с князем за обедом в ресторане отеля *Erzherzog Karl*, и мы уговорились посетить графа Нако в его поместье Шварцау [Schwarzau], довольно далеко от Вены.

Путешествие это, частью по железной дороге, мы совершили в приятном обществе молодой жены князя. Прибыв в Шварцау, они представили меня графу и графине Нако. Граф отличался выдающейся красотой, графиня же была чем-то вроде «цивилизованной цыганки». Ее талант к живописи напоминал о себе на каждом шагу огромнейшими копиями картин Ван Дейка, покрывавшими стены. Но гораздо мучительнее было ее музицирование за роялем, под аккомпанемент которого она исполняла разные песни с самым настоящим цыганским пошибом. Листу, по ее словам, этого пошиба уловить не удалось. Но, с другой стороны, музыка «Лоэнгрина», казалось, очень расположила всех в мою пользу. Это подтвердили мне и другие магнаты, гостившие в замке, среди которых я встретил знакомого мне с Венеции графа Эдмунда Зичи. Я здесь имел случай ближе ознакомиться с формами свободного венгерского гостеприимства, но не могу сказать, чтобы содержание разговоров, которые там велись, вызывало во мне особенное восхищение. Скоро пришлось спросить себя, что мне делать среди этих людей.

На ночь мне отвели приличную комнату, а на следующий день я с раннего утра принялся за осмотр прекрасно содержащегося замка, стараясь определить, в какой части его я мог бы занять помещение на продолжительное время. Когда за

завтраком я с большой похвалой отозвался о вместимости замка, мне ответили, что его едва хватает для нужд графской семьи, так как молодая графиня со своим штатом требует особенно большого помещения. Мы завтракали на открытом воздухе. Было холодное сентябрьское утро. Мой друг Руди казался не в духе. Я зяб. Скоро, встав из-за стола, я простился с графской семьей. Редко мне приходилось бывать в обществе людей, с которыми при всей их воспитанности у меня было бы так мало общего. Это чувство возросло до крайних пределов во время переезда на железнодорожную станцию Мёдлинг [Mödling]. Я совершил его вместе с несколькими из гостивших в замке «кавалеров». Пришлось хранить немое молчание, так как разговор вертелся исключительно вокруг лошадей.

401

В Мёдлинге я вышел. Там жил тенор Андер. Я предварительно известил его, что приеду в этот день, что готов приняться за «Тристана». Было очень рано. Ясное, прохладное утро обещало теплую погоду. Я решил совершить прогулку в очаровательный Брюль [Brühl] раньше, чем отправиться к Андеру. Там, в саду красиво расположенной гостиницы, я велел подать второй завтрак и в полном уединении провел восхитительный час. Лесные пташки уже смолкли. Но вокруг меня собралась целая стая воробьев, и я стал кормить их хлебными крошками. Через несколько минут они потеряли всякий страх и, опускаясь прямо на стол, грабили все, что находили на нем. Это напомнило мне утро в таверне трактирщика Хомо близ Монморанси. Я смеялся до слез. Покинув ресторан, я отправился на дачу Андера.

К сожалению, я убедился, что болезнь его не была пустым предлогом. Как бы то ни было, я скоро должен был сказать себе, что этому слабому артисту, хотя на него и смотрели в Вене как на полубога, роль Тристана ни в каком случае не может быть по плечу. Тем не менее, приехав сюда, я решил со своей стороны сделать все, что могу, и спел ему всю партию. Это всегда приводило меня в сильное возбуждение. Он уверял, что партия написана прямо для него. С Таузигом и Корнелиусом, которых я встретил в Вене и которых я просил явиться к Андеру в этот день, я вечером вернулся обратно в город.

С этими обоими друзьями, сердечно озабоченными моей судьбой и всегда старавшимися по возможности развлекать меня, я проводил немало времени. Таузиг, у которого появились аристократические замашки, держался несколько в стороне от

нас. Впрочем, и он бывал вместе с нами у г-жи Дустман. Она часто приглашала нас в Хицинг [Hietzing], где проводила лето. Несколько раз у нее устраивались обеды, подчас даже музыкальные пробы роли Изольды, которую предполагалось отдать ей. В голосе ее было достаточно гибкости, необходимой для передачи известных душевных движений. Там же я прочел вслух «Тристана», ибо я все еще надеялся, что при терпении и энтузиазме добьюсь постановки этого произведения. Пока, впрочем, требовалось только терпение, а энтузиазм оказывался бесполезным. Андер был болен, и ни один врач не мог определить с точностью, когда он в состоянии будет владеть голосом.

Я коротал время, как мог, и вдруг я решил перевести на немецкий язык текст новой сцены «Тангейзера», написанной для Парижа на французском языке. Для этого Корнелиусу пришлось переписать весьма истрепавшийся оригинал партитуры. Копию я взял себе, забыв об оставшемся у него оригинале. Что из этого вышло, расскажу потом.

402

К нам присоединился знакомый с прежних времен музыкант Винтербергер, которого я нашел здесь в положении, возбуждавшем большую зависть: в доме любезнейшей графини Банфи[528], старой приятельницы Листа, ему был оказан великолепный прием. Он жил там в очень комфортабельных условиях, не зная никаких забот, так как добрейшая дама считала своим долгом окружить его всеми удобствами. От него же я получил сведения о Карле Риттере. Я узнал, что Риттер живет в Неаполе, в доме фортепьянного мастера, где за квартиру и стол дает уроки его детям. Прожив все, что у него было, Винтербергер, снабженный кое-какими рекомендациями Листа, отправился в Венгрию искать приключений. Его постигли неудачи, за которые он и был теперь вознагражден жизнью в доме доброй графини. У этой дамы я встретил прекрасную арфистку, фрейлейн Мёсснер [Mössner], тоже находившуюся при ней. По распоряжению графини она отправилась со своей арфой в сад и здесь, сидя за своим инструментом, произвела своим видом и игрой такое хорошее впечатление, что оно осталось у меня в памяти до сих пор. К сожалению, я навлек на себя неудовольствие молодой девушки тем, что отказался написать пьесу для ее инструмента. Видя мое решительное нежелание польстить ее тщеславию, она больше не обращала на меня внимания.

К числу интересных знакомств, которые я приобрел в это

тяжелое время, принадлежит знакомство с поэтом Хеббелем[529]. Так как не было ничего невероятного в том, что мне придется на продолжительное время избрать Вену местом своей деятельности, я считал полезным завязать более близкие связи с тамошними литературными знаменитостями. К встрече с Хеббелем я приготовился, предварительно прочитав его драматические произведения. Я прилагал все усилия найти их хорошими и близкое знакомство с ним особенно интересным. То обстоятельство, что пьесы его показались мне слабыми, особенно благодаря неестественности концепций, а язык при всей своей изысканности – большей частью плоским, не удержало меня от моего намерения. Я посетил его только раз и не особенно долго с ним беседовал: я не нашел в нем той эксцентричной силы, какой дышит большинство его героев. Это произвело на меня неприятное впечатление, которое объяснилось только много лет спустя, внезапно, когда я узнал, что Хеббель умер от размягчения костей. О венском театральном деле, беседуя со мной, он говорил с пренебрежением дилетанта, однако ведущего свои дела с коммерческой аккуратностью. Я не чувствовал особенного желания повторить свое посещение, особенно после того, как, сделав мне ответный визит и не застав меня дома, он оставил карточку, на которой было написано: *«Hebbel, chevalier des plusieurs ordres»*[530].

403

Моего старого друга, Генриха Лаубе, я нашел в давно занимаемой им должности директора придворного Бургтеатра. Уже в первый мой приезд прошлой весной он счел долгом свести меня с венскими литературными знаменитостями, под которыми, будучи весьма практическим человеком, он разумел главным образом журналистов и рецензентов. Считая знакомство с д-ром Гансликом особенно для меня интересным, он однажды пригласил и его на званый обед. Заметив, что я не сказал с ним ни слова, он чрезвычайно удивился и счел это обстоятельство достаточным основанием, чтобы предсказать мне большие трудности в Вене, если я рассчитываю выбрать ее ареной своей художественно-артистической деятельности. Теперь, при моем возвращении, он встретил меня просто как старого друга и предложил во всякое время, когда у меня явится настроение, делить с ним его обеды, которые, будучи страстным охотником, он всегда умел разнообразить свежей дичью. Однако я пользовался этим приглашением не особенно часто, потому что

меня мало привлекал дух преобладавших за его столом разговоров, вертевшихся вокруг сухих театральных дел и отношений.

После обеда, за кофе и сигарой, актеры и литераторы собирались вокруг большого стола, за которым председательствовала обыкновенно жена Лаубе, в то время как сам он отдыхал в облаках сигарного дыма. Она стала вполне женой театрального директора и считала своим долгом держать длинные, изысканные речи о вещах, в которых ровно ничего не понимала. При этом меня радовало ее добродушие, которое я с таким удовольствием подмечал в ней прежде. Когда, совершенно не стесняясь, я указывал ей на ее ошибки, в то время как никто из окружавших ее льстецов не решался ей возражать, она с неподдельной веселостью принимала мои замечания. С нею и с ее мужем я обыкновенно вел разговоры лишь в форме шуток и острот, так как их серьезные темы оставляли меня в высшей степени равнодушным, почему они и смотрели на меня как на гениального пустомелю. Когда я потом выступил в Вене со своими концертами, госпожа Лаубе с дружеским удивлением заметила, что, оказывается, я очень недурно дирижирую, чего она совершенно не ожидала от меня, основываясь на отзыве какой-то газеты.

В одном отношении практическая осведомленность Лаубе оказала довольно значительные услуги: он ознакомил меня с характером лиц, игравших наибольшую роль в управлении королевскими театрами. Выяснилось, что самое важное здесь лицо – придворный советник фон Раймонд[531]. Старый граф Лянцкоронский, обычно столь ревниво оберегавший свой авторитет фельдмаршала, избегал принимать самостоятельные решения, не посоветовавшись с фон Раймондом, который слыл знатоком в финансовых делах. Сам Раймонд, при более близком знакомстве оказавшийся образцом невежественности, подпал под влияние стремившейся меня унизить венской прессы и стал проявлять в деле постановки «Тристана» нерешительность и скрытность. Официально мне приходилось сноситься по этому делу только с директором оперы Сальви[532], бывшим учителем пения камер-фрау эрцгерцогини Софии[533]. Этот неспособный и несведущий человек при встречах со мной должен был притворяться, что вследствие полученного из высшей инстанции предписания у него нет другой заботы, как забота о постановке «Тристана». Постоянно проявляя ко мне благосклонность и напуская на себя вид необыкновенного усердия, он старался скрыть от меня становившееся все более подозрительным настроение оперного персонала.

О том, как здесь обстоят дела, я узнал однажды, будучи приглашен с группой наших певцов в имение некоего Думба [Dumba], о котором мне говорили как о восторженном меценате. Андер взял с собой партию Тристана, словно желая показать, что ни на один день не может с ней расстаться. Это вызвало негодование г-жи Дустман, которая стала его обвинять в лицемерной игре, имевшей целью ввести меня в заблуждение. Андер, говорила она, не хуже других знает, что ему не придется петь этой партии, что ищут только случая как-нибудь взвалить на нее, госпожу Дустман, невозможность поставить «Тристана». При этом в дело вмешался Сальви, как бы желая все уладить и устроить наилучшим для меня образом. Он предложил обратиться к тенору Вальтеру. Когда же я отверг его как в высшей степени несимпатичного певца, он указал на заграничных артистов, которых он готов пригласить по моему выбору. Действительно, состоялось несколько пробных гастрольных спектаклей, на которых больше всего надежд подавал, казалось, Морини. На самом же деле я был так угнетен и так исполнен одного стремления – во чтобы то ни стало поставить свою оперу, – что, присутствуя с Корнелиусом на представлении доницеттиевской «Лючии», сам старался вызвать своего друга на благоприятное суждение об этом певце. В ответ на мой полный ожидания взгляд Корнелиус вдруг воскликнул: «Отвратительно, отвратительно!» Это вырвавшееся у него восклицание заставило нас обоих расхохотаться, и в самом веселом настроении мы скоро покинули театр.

В конце концов из всех имевших отношение к театру лиц единственным человеком, на искренность которого я мог положиться, остался капельмейстер Генрих Эссер. Он с большой серьезностью отдался чрезвычайно трудному для него изучению «Тристана», не теряя надежды дождаться его постановки, если только я соглашусь выбрать тенора Вальтера. Несмотря, однако, на мой упорный отказ обратиться к этому певцу, мы с Эссером по-прежнему оставались добрыми друзьями. Он, как и я, любил прогулки, и часто целыми часами мы бродили с ним по окрестностям Вены, проводя время в разговорах, в которые я вкладывал много энтузиазма, а он – искренность и серьезность, свойственные его натуре.

Пока вопрос о постановке «Тристана» тянулся, как хроническая болезнь, в конце сентября вернулся в Вену Штандгартнер с семьей. В самой тесной связи с этим обстоятельством стояла для меня необходимость приискать

новую квартиру. Я выбрал гостиницу *Kaiserin Elisabeth* [«Императрица Елизавета»] [534]. С семьей моего друга я поддерживал постоянные отношения, причем познакомился близко с его женой, тремя сыновьями и дочерью от первого ее брака, а также молоденькой дочерью от второго. Думая о неделях, проведенных в квартире моих друзей, я с грустью вспоминал об удовольствии, какое доставила мне племянница Штандгартнера Серафина как своей неутомимой заботливостью, так и приятной, остроумной беседой. За ее хорошенькую фигурку и всегда тщательно причесанные локонами *à l'enfant*[535] волосы я звал ее Куколкой.

Теперь, в мрачном номере гостиницы, мне приходилось труднее. Да и расходы мои увеличились весьма значительно. Из театральных гонораров я получил, кажется, за это время только 25 или 30 луидоров из Брауншвейга за постановку «Тангейзера». Зато я получил от Минны из Дрездена несколько листиков мишуры, которые она оторвала для меня от венка, поднесенного ей некоторыми из ее приятельниц 24 ноября по случаю нашей серебряной свадьбы. Что эта посылка сопровождалась горькими упреками, меня нисколько не удивило. В ответ на них я постарался внушить ей надежду на золотую свадьбу. Проживая бесцельно в дорогой венской гостинице, я старался делать все возможное, чтобы добиться постановки «Тристана». Я обратился к Тихачеку в Дрезден, но, конечно, не получил от него согласия. Ту же попытку и столь же безуспешно я повторил и со Шнорром. Тогда я не мог не сказать себе, что дела мои обстоят довольно плачевно.

Написав как-то Везендонкам в Цюрих, я не скрыл от них правды, и в ответ на это, желая меня развлечь, они предложили мне приехать в Венецию, куда собирались тогда для собственного удовольствия. Бог весть, на что я рассчитывал, когда в один серый ноябрьский день отправился по железной дороге в Триест, а оттуда на пароходе, где мне снова пришлось пережить неприятные часы, в Венецию. В гостинице *Danieli* я взял комнатку. Друзья мои, отношения которых показались мне очень хорошими, наслаждались, бегая по картинным галереям. Они стремились приобщить к этому и меня, рассчитывая таким образом рассеять мои мрачные мысли. Моего положения в Вене они, по-видимому, не хотели понять. Вообще, я все чаще стал замечать, что печальный финал моего парижского предприятия, с которым были связаны столь блестящие перспективы, отнял у моих друзей всякую надежду на мои дальнейшие успехи. По-видимому, они молча примирились с этим. Везендонку, всегда вооруженному огромным биноклем на случай посещения какого-нибудь музея,

только раз удалось потащить меня с собой в Академию, которую в мой прежний приезд я видел только снаружи. При всей моей безучастности я должен сознаться, что «Вознесение» Тициана произвело на меня настолько сильное впечатление, что я вдруг почувствовал приток прежних внутренних сил.

Я решил написать «Мейстерзингеров».

405

Пригласив на скромный обед своих старых знакомых Тессарина и Везендонков в *Albergo San-Marco*, посетив затем Луиджию, мою бывшую прислужницу в палаццо Джустиниани, и удостоверившись в неизменности ее дружеских чувств, я по прошествии четырех унылых дней, к удивлению друзей, внезапно покинул Венецию. Сделав большой крюк, я пустился по железной дороге в долгий, скучный обратный путь в Вену. Предо мной носились музыкальные концепции «Мейстерзингеров», текст которых я помнил лишь в ранних набросках. Тут же с величайшей ясностью зародилась в моем мозгу большая часть увертюры в C-dur.

Я приехал в Вену в очень хорошем настроении. Корнелиуса я тотчас же известил о своем возвращении, послав ему маленькую гондолу, которую я купил для него в Венеции. К ней я приложил итальянскую канцону, написанную на самый бессмысленный итальянский текст. Узнав о моем намерении сейчас же приняться за выполнение «Мейстерзингеров», он обезумел от радости. До самого моего отъезда из Вены он находился в состоянии полного опьянения. Я сейчас же заставил своего друга искать материалы, при помощи которых я мог бы разработать сюжет.

Прежде всего мне пришла на ум полемическая статья Гримма о пении мейстерзингеров, которую следовало изучить. Но надо было достать нюрнбергскую хронику старого Вагензайля[536]. Корнелиус пошел со мной в королевскую библиотеку. Разрешения взять, по счастью, найденную там книгу на дом другу моему удалось добиться лишь после весьма неприятного, по его словам, визита к барону Мюнх-Беллингхаузену (Гальму)[537]. Теперь я засел в своей гостинице, делая извлечения из этой хроники. К изумлению многих несведущих людей, я сумел использовать их для текста.

406

Однако прежде всего надо было обеспечить себя средствами на то время, пока я буду работать над новым произведением. Мне пришло на ум обратиться к музыкальному издателю Шотту в Майнце. Стремясь только к одному – раздобыть денег, которых хватило бы на возможно более продолжительный срок, – я за 20 000 франков предложил ему свое произведение не только в полную литературную собственность, но и с правом драматических постановок. Присланный по телеграфу решительный отказ Шотта разрушил все мои надежды.

Видя себя вынужденным искать других путей, я решил обратиться в Берлин. Бюлов, всегда готовый оказать мне дружескую услугу, известил меня о возможности устроить большой концерт под моим собственным управлением, концерт, который мог бы дать значительную сумму. Так как я страстно хотел найти для себя приют у друзей, то Берлин показался мне теперь настоящим спасением. Я уже собирался уезжать, когда утром получил от Шотта письмо, отправленное после телеграммы и открывшее мне утешительные перспективы: он хотел выпустить сейчас же клавираусцуг «Валькирии», за который предлагал 1500 гульденов авансом до окончательных расчетов. Радость Корнелиуса была неописуема: ему казалось, что судьба «Мейстерзингеров» обеспечена. К тому же Бюлов, возмущенный и расстроенный, сообщил мне о затруднениях, которые встретила его попытка подготовить в Берлине мой концерт. Фон Хюльзен объявил, что не примет в Берлине моего визита, а план устроить концерт в большом ресторане Кролля[538] он по зрелом обсуждении отверг как неподходящий.

Пока я усердно разрабатывал детальную сценическую концепцию «Мейстерзингеров», приезд князя и княгини Меттерних внес новый, по-видимому благоприятный, аспект в мои дела.

Интерес моих парижских покровителей ко мне, к обстоятельствам моей жизни, был, несомненно, серьезен. Чтобы оказать им в свою очередь какую-нибудь любезность, я убедил дирекцию театра разрешить мне пригласить превосходный оперный оркестр на утренние часы, чтобы сыграть несколько отрывков из «Тристана». Оркестр, как и госпожа Дустман, любезно выразили готовность удовлетворить мое желание. В присутствии княгини Меттерних, которую я пригласил с несколькими из ее друзей, я исполнил три больших фрагмента, вступление к первому и начало второго акта почти до середины. Несмотря на одну только предварительную репетицию с оркестром и исполнявшей сольную партию госпожей Дустман, эти отрывки были проведены настолько хорошо, что я мог не

сомневаться в произведенном ими отличном впечатлении. Явился также и Андер, но он не знал и не пытался спеть ни одной ноты. Мои сиятельные друзья, так же как и первая танцовщица, фрейлейн Куки [Couqui], к удивлению моему тайно присутствовавшая на этой репетиции, осыпали меня полными энтузиазма выражениями своего удовольствия.

Узнав о моем желании уединиться куда-нибудь, чтобы отдаться работе над новым произведением, князь и княгиня Меттерних объявили, что могут предложить мне тихий приют в Париже: их просторный отель окончательно устроен, и в нем удобная квартира, выходящая в тихий сад, к моим услугам. Я могу устроиться так, как устроился однажды в здании прусского посольства. Мой «Эрар» находится еще в Париже, и если я приеду к концу года, все уже будет готово. Останется только приступить к работе. С нескрываемой радостью и глубокой благодарностью я принял это любезное приглашение. Надо было привести свои дела в порядок, чтобы приличным образом покинуть Вену и переселиться в Париж. Этому, казалось, могло бы способствовать сделанное дирекцией благодаря хлопотам Штандгартнера предложение выплатить мне часть гонорара за «Тристана». Но так как мне предстояло получить всего 500 флоринов при условиях, весьма смахивавших на полный отказ с моей стороны от постановки оперы, я решительно отверг это предложение, что не помешало, однако же, газетам, постоянно находившимся в связи с театральной дирекцией, опубликовать, будто я взял отступное. К счастью, я заявил протест и восстановил истину.

Переговоры с Шоттом несколько затянулись, так как я не хотел идти на его предложение относительно «Валькирии». Я по-прежнему предоставлял ему «Мейстерзингеров» и наконец добился от него согласия уплатить мне в счет нового произведения 1500 гульденов, которые он раньше предлагал в счет «Валькирии». Сейчас же по получении векселя я стал укладываться. Как вдруг мне подали телеграмму от вернувшейся в Париж княгини Меттерних – она просила отложить отъезд до первого января. Желая как можно скорее покинуть Вену, я решил ничего не менять в своих планах и пока отправиться в Майнц для дальнейших переговоров и окончательного соглашения с Шоттом. В момент расставания на вокзале меня особенно развеселил Корнелиус. С таинственным энтузиазмом он шепнул мне одну строфу Сакса, которую он знал от меня: *«Der Vogel, der heut‘ sang, dem war der Schnabel hold gewachsen; ward auch den Meistern dabei bang, gar wohl gefi el er doch Hans Sachsen!»*[539]

В Майнце я ближе познакомился с семейством Шотт, с которым встретился еще в Париже. Ежедневным гостем у них в доме был упомянутый выше молодой музыкант Вайсхаймер, незадолго до того получивший место капельмейстера при тамошнем театре. Другой молодой человек, юрист Штэдль [Städl], произнес однажды за обедом пространную речь в честь меня, закончив ее действительно остроумным тостом. Тем не менее мои переговоры с Францем Шоттом, чрезвычайно странным, как оказалось, человеком, подвигались туго. Я решительно настаивал на первом предложении, цель которого заключалась в том, чтобы, обеспечив себя необходимыми средствами на два года, я мог беспрепятственно работать над новым произведением. Свое отрицательное отношение к моему предложению Шотт оправдывал тем, что его внутреннему чувству претит с таким человеком, как я, совершать своего рода торг, покупая у меня за определенную сумму авторское право и право на театральные представления. Он музыкальный издатель и ничем другим не хочет быть. Я настаивал на выдаче аванса в требуемом размере, причем в обеспечение возврата той части его, которая останется от покрытия гонорара за литературную собственность, я предоставляю ему в виде залога доход с будущих представлений. С большим трудом удалось склонить его выдать мне деньги вперед в счет моих будущих музыкальных композиций вообще. При такой комбинации и я требовал, чтобы мне была гарантирована последовательная выдача в общей сложности 20 000 франков. Так как теперь, расплатившись в гостинице, я снова нуждался в деньгах, то Шотт выдал мне векселя на Париж. Оттуда я получил письменное сообщение от графини Меттерних, смысл которого был для меня не особенно ясен: она извещала о внезапной смерти своей матери, графини Шандор, и о перемене, вызванной этим обстоятельством в ее семейном положении.

408

Я снова стал раздумывать, не разумнее ли приискать в Карлсруэ или окрестностях его скромную квартиру, которая могла бы оказаться достаточно спокойным приютом и на более продолжительное время. Ввиду трудности содержать Минну, которой, согласно обещанию, я должен был посылать в Дрезден ежегодно 1000 талеров, мне представлялось благоразумнее, а главным образом экономнее, взять жену к себе. Письмо, которое я как раз получил от нее и которое содержало в себе не что иное, как попытку поссорить меня с дружески расположенными ко мне

лицами, заставило меня сейчас же отказаться от всякой мысли о новом соединении с ней и, оставив в силе прежний парижский план, держаться от нее как можно дальше.

Около середины декабря я выехал в Париж, где снял очень скромную комнатку с приятным видом из окон в неказистом отеле *Voltaire* [«Вольтер»][540] на набережной того же имени. Здесь, собираясь с мыслями для новой работы, я хотел прожить вдали от всех до начала нового года, когда, согласно желанию княгини Меттерних, я смогу ей представиться. Чтобы не поставить в неловкое положение Пурталеса и Гатцфельда, близких к семье Меттерних, я решил не показываться и им, как если бы меня вовсе и не было в Париже. Я разыскал не имеющих ко всему этому миру никакого отношения старых знакомых Трюине, Гасперини, Флаксланда и живописца Чермака. С Трюине и его отцом я встречался каждый день за обедом в *Taverne Anglaise*, куда с наступлением темноты, когда никто уже не мог узнать меня, я пробирался по знакомым улицам. Однажды, раскрыв газету, я увидел извещение о внезапной смерти графа Пурталеса. Велико было мое горе и особенно мое сожаление о том, что из какого-то особенного внимания к дому княгини Меттерних я лишил себя удовольствия посетить этого друга, которого так ценил.

Теперь я немедленно отправился к графу Гатцфельду. От него я услышал подтверждение печального известия и описание обстоятельств этой внезапной смерти: она была вызвана болезнью сердца, которой врачи до последней минуты не подозревали. В то же время я узнал от него о действительном положении дел в отеле князя Меттерниха. Смерть графини Шандор, о которой известила меня княгиня, имела следующие последствия: графа, этого прославившегося венгерского сумасброда, графиня до сих пор в интересах семьи оберегала как больного. Теперь, вне всякого присмотра, от него можно было ожидать самых невероятных выходок. Поэтому Меттернихи сочли нужным взять его в Париж и окружить уходом под своим собственным наблюдением. Для этой цели княгиня выбрала предназначенную для меня квартиру как единственную, отвечающую требованиям данного случая. Я увидел, что о переезде в здание австрийского посольства больше не может быть и речи, и мне осталось только предаться размышлениям о странных причудах судьбы, снова забросившей меня в роковой Париж.

Пока, до окончания текста «Мейстерзингеров», мне ничего другого не оставалось, как сохранить за собой свою не очень дорогую комнату в отеле *Voltaire*. Надо было обсудить вопрос, решить, где искать желанного тихого приюта для спокойной работы над новым произведением. Это оказалось делом нелегким. Мое имя, всю мою особу, на которую каждый невольно смотрел сквозь призму моей парижской неудачи, окутал туман, в котором даже старые друзья не узнавали меня. Такое подозрительное впечатление я готов был вынести из своего последнего посещения Оливье: во всяком случае, мое намерение появиться снова на парижской арене показалось бы всем более чем рискованным. Мне пришлось объяснить, что привел меня сюда странный случай, что о продолжительном пребывании здесь я вовсе и не думаю.

Но помимо этого, несомненно, обманчивого впечатления, я скоро заметил перемены, происшедшие в самой семье: бабушка лежала в постели со сломанной ногой, которая в ее преклонном возрасте не могла быть залечена. Оливье устроил ее в своей и без того тесной квартире, и в небольшой комнатке у ее постели мы собирались за обедом. Бландина показалась мне чрезвычайно изменившейся с лета, на лице ее лежало серьезное и грустное выражение. Мне показалось, что она ожидала прибавления семейства. Эмиль сухо и как бы вскользь дал мне единственный оказавшийся для меня пригодным совет: когда Рихард Линдау обратился ко мне через своего поверенного с напоминанием по поводу присужденного судом вознаграждения за его воображаемое сотрудничество в переводе «Тангейзера», я показал письмо Оливье и спросил, что мне делать. *«Ne repondez pas»*[541], – вот все, что он мне ответил, и совет его был не только полезен, но и легко исполним. Больше с этой стороны меня не тревожили. С тяжелым чувством я решил в дальнейшем не беспокоить Оливье. Прощаясь со мной, Бландина бросила на меня невыразимо грустный взгляд.

Но зато у меня завязались частые, почти ежедневные отношения с Чермаком, в обществе которого я по вечерам, кроме *Taverne Anglaise*, где я всегда встречался с семьей Трюине, посещал еще и другие, столь же дешевые рестораны. Обыкновенно мы оттуда отправлялись в один из маленьких театров, которые прежде, поглощенный одной заботой, я оставлял совершенно без внимания. Лучшим из них оказался театр «Гимназия»[542], в котором почти всегда давались хорошие пьесы в исполнении превосходной труппы. Из этих вещей в памяти моей особенно живо сохранилась одна тонкая, трогательная одноактная вещь: *Je dine chez ma mère*[543]. В пьесах, которые ставились в театр «Пале-

Рояль»[544], с его не особенно изысканным направлением, как и в театре «Дежазе»[545], я увидел прообразы тех фарсов, которыми в дурной переработке и с самыми неудачными потугами на местный колорит из года в год угощают немецкую публику. Иногда я обедал в семье Флаксландов, отнюдь не выражавших никакого отчаяния относительно будущих моих успехов в Париже. Пока же мой парижский издатель продолжал печатать «Летучего Голландца», а также и «Риенци», за которого он уплатил мне небольшой гонорар в 1500 франков, так как эта вещь не входила в наше первое соглашение.

Причина моего почти веселого настроения, несмотря на отвратительное положение дел, не покидавшего меня в Париже и сохранившегося в памяти, заключалась в том, что текст «Мейстерзингеров» с каждым днем значительно подвигался вперед. Да и как было не приходить в веселое настроение, когда, обдумывая своеобразные стихи и прибаутки, я мог отрываться от бумаги и из окна третьего этажа гостиницы видеть необычайное движение на набережных и многочисленных мостах, а далее широкую панораму с видом на Тюильри, Лувр и дальше до ратуши.

Я зашел уже далеко в работе над первым актом, когда наступил роковой день нового, 1862 года, и я отправился с визитом к княгине Меттерних. Я встретил с ее стороны вполне естественное смущение. В самых искренних словах она выразила мне сожаление, что ввиду известных мне обстоятельств она должна взять обратно свое приглашение. Я с веселым видом постарался ее успокоить. Графа Гацфельда я просил известить меня, когда вдовствующая графиня Пурталес будет в состоянии принять меня.

Так я продолжал в течение всего января работать над текстом «Мейстерзингеров» и довел его до конца ровно в тридцать дней. Мелодия к стихам Сакса в честь Реформации, которыми народ в последнем действии приветствует своего любимого мастера, зародилась у меня в тот момент, когда по пути к *Taverne Anglaise* я проходил по галереям Пале-Рояля. Трюине уже ждал меня. Я спросил у него лист бумаги, карандаш и записал мелодию, тихонько ее напевая. Трюине, которого я после обеда обыкновенно провожал с отцом через бульвары до квартиры на Фобур-Сен-Оноре, беспрерывно и восторженно восклицал: *«Mais quelle gaîté d'esprit, cher maître!»*[546]

Но чем ближе работа подвигалась к концу, тем серьезнее меня обступали заботы о дальнейшем устройстве. Меня все еще не покидала мечта, что мне посчастливится найти приют, подобный тому, какого я лишился с отъездом Листа из Альтенбурга. Я вспомнил, что в прошлом году получил от г-жи Стрит горячее приглашение приехать к ней и ее отцу в Брюссель на продолжительное время. На это приглашение я сослался теперь, спрашивая ее в письме, может ли она дать мне скромный приют у себя на некоторое время: в ответ она написала мне, что в отчаянии от необходимости отказать мне в этой просьбе. С подобным же запросом я обратился и к Козиме, вызвав в ней неподдельный испуг, что стало мне понятно позднее, когда, посетив Берлин, я ознакомился с условиями жизни Бюлова. Чрезвычайно удивительно было, напротив, то, что мой зять Авенариус, который тоже весьма недурно устроился в Берлине, отнесся очень серьезно к моему запросу. Он предложил мне остановиться у него и самому убедиться, насколько это для меня удобно. Моя сестра Цецилия просила меня не приезжать с Минной, которую она предлагала устроить поблизости на случай, если она этого пожелает. На беду, эта несчастная женщина снова написала мне яростное письмо по поводу оскорбительного образа действий моей сестры: перспектива попасть в прежние передряги так испугала меня, что, не задумываясь, я отказался от предложения моего зятя.

Наконец, мне пришло в голову отыскать спокойное прибежище где-нибудь в окрестностях Майнца, под финансовым крылом Шотта. Последний говорил мне об очень красивом имении молодого барона фон Горнштейна, расположенном в этой местности. Я полагал, что оказал барону честь, написав ему в Мюнхен и просив разрешения поселиться на некоторое время в его поместье в Рейнгау [Rheingau]. Но, к величайшему моему изумлению, ответ его выражал лишь испуг от одной мысли о возможности чего-либо подобного. Тогда я решил прямо поехать в Майнц, куда я уже отправил нашу мебель и домашнее хозяйство, почти год стоявшие в Париже на складе.

Но раньше чем, приняв это решение, я успел покинуть Париж, на мою долю выпало утешение в форме возвышенного увещания, напоминавшего о стойкости и самоотречении. Я написал о своем положении и о том, что составляло предмет моих забот, госпоже Везендонк, в выражениях, в каких обыкновенно сообщают о подобных вещах участливым друзьям. Она ответила посылкой небольшого чугунного пресс-папье, купленного для меня в подарок еще в Венеции. Оно изображало льва святого Марка, с лапой на книге, и должно было возбудить во мне стремление

походить на этого льва.

От графини Пурталес я получил разрешение посетить ее. В своем тяжелом испытании, невзирая на траур, она все же не хотела оставить не выраженным свое искреннее ко мне расположение. Когда я ей рассказал, чем я занят в настоящее время, она стала расспрашивать меня о моей новой опере. На выраженное мной сожаление, что, конечно, теперь она не расположена ознакомиться с веселым содержанием «Мейстерзингеров», она очень любезно ответила, что все-таки хотела бы услышать их, и пригласила меня прийти вечером. Она была первая, которой я прочел готовую поэму, и на нас обоих произвело немалое впечатление то обстоятельство, что чтение не раз заставляло нас смеяться самым веселым смехом.

411

В вечер моего отъезда, 1 февраля, я пригласил в последний раз своих друзей, Гасперини, Чермака и обоих Трюине, к себе в гостиницу на обед. Все были в прекрасном расположении духа, чему особенно способствовало мое собственное веселое настроение, хотя никто не мог понять, что общего между ним и только что оконченной поэмой, на дальнейшую разработку которой я возлагал в связи с возвращением в Германию такие большие надежды.

Все еще озабоченный выбором необходимого спокойного прибежища, я направил свой путь в Карлсруэ. У великогерцогской четы я встретил очень любезный прием. Меня спросили о моих дальнейших планах. Но и намека не было сделано на то, что приют, которого я так искал, мог бы найтись в Карлсруэ. Я обратил внимание на участливую озабоченность Великого герцога тем, из каких источников я покрываю расходы на свою жизнь, которая обходится мне теперь недешево, особенно ввиду моих разъездов. С веселым видом я постарался успокоить его на этот счет, намекнув на договор с Шоттом, согласно которому последний впредь до окончания «Мейстерзингеров» должен выдавать мне нужные суммы в виде авансов под мою работу. Это, казалось, успокоило его. Позднее я узнал от Альвины Фромман, что герцог будто бы обратил внимание на проявленную мной большую гордость по отношению к нему, когда он предложил мне как другу свой кошелек. Но этого, по правде сказать, я тогда не заметил. Была речь только о том, чтобы через некоторое время я снова приехал в Карлсруэ поставить одну из своих опер, хотя бы «Лоэнгрина».

Я продолжал свое путешествие в Майнц, куда прибыл 4 февраля в сильнейшее наводнение. Рейн вследствие раннего ледохода выступил из берегов, как никогда. Почти с опасностью для жизни мне удалось добраться до дома Шотта. Но уже раньше я обещал на следующий день, 5 февраля вечером, прочесть у Шотта «Мейстерзингеров». Я взял слово с Корнелиуса, что он приедет из Вены к этому дню, для чего я еще из Парижа послал ему 100 франков на путевые издержки. Ответа я от него не получил. Как Рейн в Майнце, разлились и все реки Германии, вызвав перерыв в железнодорожном сообщении, и я перестал рассчитывать на своевременный приезд Корнелиуса. Но все же я оттянул начало чтения до указанной в письме минуты. Действительно, ровно в семь часов Корнелиус вошел в дом. Ему пришлось перенести самые неприятные приключения, он даже потерял в дороге пальто. Полузамерзший, он несколько часов назад приехал к своей сестре. Чтение поэмы привело всех в самое веселое настроение. Меня только огорчило, что я никак не мог отговорить Корнелиуса от его намерения уехать на следующий день обратно: точное выполнение своего плана – явиться в Майнц на одно лишь чтение «Мейстерзингеров» – он считал необходимым для того, чтобы придать всему этому эпизоду своеобразный характер. В самом деле, на следующий день, невзирая на льдины и потоки воды, он уехал обратно в Вену.

412

Согласно уговору мы с Шоттом отправились на противоположный берег Рейна искать для меня помещение. Мы рассчитывали на Бибрих [Biebrich], но, не найдя там ничего подходящего, обошли и Висбаден. В конце концов я решил остановиться в гостинице *Europäischen Hof* [«Европейский двор»] в Бибрихе, чтобы отсюда продолжать поиски. Стремясь устроиться как можно уединеннее и гарантировать себя от соприкосновения с какой бы то ни было музыкой, я решил снять очень маленькую, но чрезвычайно подходящую для меня квартиру на большой, расположенной у самого Рейна даче[547], только что выстроенной архитектором [Вильгельмом] Фрикхёфером [Frickhöfer]. Мне надо было дождаться прибытия обстановки из Парижа. Наконец все было на месте. С бесконечными затруднениями и расходами вещи мои были выгружены на таможне, и я поторопился отобрать все, что мне нужно было для новой квартиры.

Вообще в Бибрихе должно было остаться только самое необходимое. Большую же часть обстановки я решил отослать

жене в Дрезден. Я известил об этом Минну, и ею сейчас же овладело опасение, что при неправильной распаковке все будет испорчено, а многое, может быть, пропадет. Едва я успел, обретя свой рояль, в течение восьми дней сносно устроиться на новой квартире, как внезапно явилась Минна. Вначале я почувствовал сердечную радость при виде ее цветущей внешности и неутомимой энергии в практических делах: мне даже показалось, что лучше всего будет, если она будет жить со мной. Но, к сожалению, мое хорошее настроение держалось недолго, так как скоро возобновились старые сцены: когда мы на таможне стали распределять между собой вещи, она не могла обуздать своего гнева по поводу того, что, не дожидаясь ее приезда, я вынул из ящиков все пригодное для меня. Считая все-таки приличным наделить меня кое-какими хозяйственными предметами, она оставила мне четыре прибора ножей, вилок и ложек, несколько чашек и тарелок, позаботилась об основательной упаковке остального немаленького хозяйства и, когда все было сделано согласно ее желаниям, уехала через неделю обратно в Дрезден. Она льстила себя надеждой, что при помощи предоставленной ей обстановки в состоянии хорошо устроиться и в скором времени пригласить меня к себе. С этой целью она завязала некоторые отношения с высшими правительственными чиновниками и добилась заявления министра, чтобы я подал формальное прошение об амнистии королю, и тогда никаких препятствий для моего возвращения в Дрезден не будет.

Я колебался принять какое-нибудь решение в этом деле. Присутствие Минны в значительной степени ухудшало мое настроение, без того сильно нарушенное тревогами последнего времени. Суровая погода, плохие печи, полная беспомощность в ведении хозяйства, неожиданно большие расходы, которых требовало устройство Минны, – все это совершенно убило во мне радость творчества, какую я испытывал, работая в отеле «Вольтер».

Желая развлечь меня, семейство Шотт пригласило меня в Дармштадт на представление «Риенци» с участием Нимана. В Дармштадте, еще на вокзале, мне представился тогдашний министр фон Дальвиг[548] и пригласил в свою ложу. Опасаясь демонстрации по моему адресу, которая легко могла бы показаться оскорбительной для Великого герцога, он остроумно решил, что из своей ложи может сделать вид, будто представляет меня публике от его имени. В этом смысле все сошло прилично и мило: само представление, показавшее мне Нимана в одной из его лучших ролей, было особенно интересно. При этом я увидел, какие были допущены огромные купюры, взамен чего балет,

очевидно, чтоб польстить вкусу Великого герцога, был необычайно растянут повторением тривиальных мест. Из Дармштадта мне пришлось вернуться домой, опять-таки по рейнским льдинам. При очень дурном настроении духа я все-таки постарался внести кое-какой комфорт в свое домашнее хозяйство, наняв служанку, которая должна была готовить для меня завтрак. Обедал я в *Europäischen Hof*.

415

Но так как расположение к работе не пропадало и мною стало овладевать некоторое беспокойство, я обратился к Великому герцогу Баденскому с предложением, согласно обещанию, прочесть ему «Мейстерзингеров». Великий герцог ответил очень любезной телеграммой, лично им подписанной. 7 марта я приехал в Карлсруэ и прочел великогерцогской чете свою рукопись. Чтение происходило в очень остроумно выбранном для этой цели салоне, украшенном большой исторической картиной старого друга Пехта. На ней был изображен юный Гёте, читающий предкам Великого герцога первые наброски своего «Фауста». Моя поэма была принята хорошо, и в заключение Великая герцогиня отозвалась с особенным сочувствием о музыкальной характеристике превосходного Погнера. Это следовало понять как признание того факта, что простой горожанин ревностнее иного князя стремится к развитию искусства.

Снова зашла речь о представлении «Лоэнгрина» под моим управлением, и мне было рекомендовано сговориться по этому поводу с Эдуардом Девриентом. Этот последний имел несчастье показаться мне с самой ужасной стороны, предложив посмотреть постановку «Тангейзера». К моему большому удивлению, я убедился, что драматург, о котором я всегда отзывался с такой похвалой, погряз в самой пошлой театральной рутине. На высказанное мной изумление по поводу возмутительных ошибок в постановке он ответил еще большим изумлением, к тому же выраженным с высокомерной досадой, по поводу того, что я подымаю столько шума из-за пустяков, зная, что в театральном деле иначе быть не может. Тем не менее было решено, что предстоящим летом «Лоэнгрин» будет дан в образцовом исполнении, при участии Шнорров.

Более приятное впечатление дало мне на обратном пути посещение франкфуртского театра, где ставилась очень недурная комедия. Особенное внимание обратила на себя Фридерика Майер, сестра венской певицы Дустман, выделившаяся своей

необычайно тонкой манерой игры, какой мне не приходилось наблюдать до сих пор у немецких актеров. Я стал взвешивать возможные шансы в смысле приобретения сносных знакомств среди рассеянных вокруг Бибриха людей, чтобы не ограничиваться Шнорраами да хозяином гостиницы.

Так, я посетил семейство Рафф еще в Висбадене. Госпожа Рафф[549], сестра хорошо знакомой мне из Веймара Эмилии Генаст, была артисткой висбаденского Придворного театра. Мне рассказали о ней, что своей необычайной экономией и порядком она привела запущенные дела своего мужа в очень хорошее состояние. Сам Рафф[550], которого я представлял себе, по бесчисленным рассказам об его бесчинствах под крылом Листа, эксцентрически-гениальной личностью, очень разочаровал меня. При ближайшем знакомстве я увидел чрезвычайно сухого, трезвого, много мнящего о своем уме и вместе с тем лишенного всякой широты взгляда человека. С высоты своего материального благополучия, созданного женой, он разрешал себе читать мне нравоучения и делать дружеские увещания по поводу моего собственного положения. Он советовал мне в драматических композициях сообразовываться с действительностью, указывая на партитуру «Тристана» как на измышление идеалистической фантазии, настроенной на экстравагантный лад. Охотно навещая, несмотря на всю ее заурядность, его жену во время моих прогулок пешком, которые доводили меня иногда до Висбадена, я к самому Раффу стал относиться с величайшим равнодушием. Впрочем, узнав меня ближе, он начал постепенно сокращать свои мудрые советы и в конце концов даже стал бояться моих шуток, против которых чувствовал себя безоружным.

416

В Бибрихе меня теперь чаще стал посещать Венделин Вайсхаймер, сын богатого крестьянина в Остхофене, которого, к крайнему своему удивлению, отец не мог заставить бросить музыку. Я был знаком с ним давно. Венделин стремился познакомить меня со своим отцом, надеясь этим склонить старика в пользу выбранной им музыкальной карьеры. Это заставило меня предпринимать прогулки и в сторону Остхофена. С дирижерским талантом молодого Вайсхаймера я познакомился по шедшему под его управлением «Орфею» Оффенбаха[551]. Это была высшая ступень, которой ему удалось достигнуть при его подчиненном положении в составе майнцского театра. Присутствуя при этой мерзости, я пришел в ужас оттого, что в

своем участии к молодому человеку я унизился до такой степени, и долгое время не мог ему этого простить. Желая доставить себе более возвышенное развлечение, я написал Фридерике Майер во Франкфурт, прося известить меня, когда будет повторено представление комедии Кальдерона «Общественная тайна». Объявление об этом спектакле я увидел слишком поздно. Очень обрадованная моим интересом к этому делу, она ответила, что комедия, должно быть, не скоро будет повторена, но что в ближайшем времени будет дано произведение Кальдерона «Дон Гутьерре». Я поехал на это представление, лично познакомился с интересной артисткой и, в общем, имел все основания быть довольным постановкой трагедии Кальдерона, хотя талантливой исполнительнице главной женской роли вполне удавались только более простые места пьесы, для могучего же пафоса у нее не хватало сил. Узнав от нее, что она часто бывает в Майнце у каких-то своих знакомых, я выразил желание, чтобы при случае она заглянула и ко мне в Бибрих. Она дала обещание.

Большой вечер, который Шотты устроили для своих майнцских знакомых, доставил мне приятное знакомство с Матильдой Майер[552]. За ее «благоразумие», как выразилась госпожа Шотт, ей назначено быть моей соседкой за ужином. Вся ее манера держать себя, очень рассудительная, искренняя, притом носящая определенный «майнцский» отпечаток, выгодно отличала ее, отнюдь не бросаясь в глаза, от всего прочего общества. Я обещал посетить ее в кругу ее семьи, что доставило мне случай увидеть городскую идиллию, какой мне до сих пор не приходилось встречать. Матильда, дочь нотариуса, оставившего после смерти небольшое состояние, жила со своей матерью, двумя тетками и сестрой в довольно тесной, но чрезвычайно опрятной квартирке, в то время как брат ее, постоянно причинявший ей большие заботы, изучал в Париже коммерческое дело. При своем практическом уме она вела все дела, по-видимому, к большому удовлетворению остальных членов семьи. Меня они принимали чрезвычайно сердечно, когда по своим надобностям я отправлялся в Майнц, что повторялось каждую неделю, и всякий раз заставляли обедать. Так как у Матильды был большой круг знакомых – между ними единственный друг Шопенгауэра, живший в Майнце, какой-то старый господин, – я часто встречался с ней и в других местах, как, например, у Раффов в Висбадене. Оттуда она со своей немолодой приятельницей, Луизой Вагнер, изредка провожала меня по пути домой, как иногда и я в свою очередь провожал ее в Майнц.

Среди подобных приятных впечатлений, в которые вносили свою долю удовольствия и частые прогулки в прекрасном парке

замка Бибрих[553], я снова с наступлением хорошего времени года почувствовал сильное влечение к работе. Сидя на балконе своей квартиры и глядя на простирающийся предо мной в волшебном освещении заходящего солнца «золотой» Майнц с катящим в отдалении свои величественные воды Рейном, я вдруг ясно и отчетливо почувствовал вступление к «Мейстерзингерам». Однажды в минуту тоски оно встало предо мной как далекое воздушное видение. Я сейчас же записал его в том самом виде, в каком оно и сейчас находится в партитуре, где с величайшей определенностью проведены все главные мотивы драмы. Затем я продолжал работу, компонируя последовательно, по тексту, сцену за сценой. В таком настроении у меня явилась охота посетить герцога Нассауского[554]. Он был моим соседом, и я так часто встречал его на своих прогулках в парке, что счел приличным представиться ему. К сожалению, беседа с ним ничего мне не дала: это был чрезвычайно ограниченный, но очень воспитанный человек, который просил извинения, что безостановочно курит сигару: без нее он не может обойтись. В разговоре выяснилось, что он отдает предпочтение итальянской опере, относительно которой я не хотел поселить в душе его никаких сомнений. Однако, стараясь расположить его в свою пользу, я преследовал тайную цель. В задней части его парка, у самой реки, стоял крохотный замок, чрезвычайно ветхий на вид, игравший роль живописной развалины и служивший мастерской какому-то скульптору. Во мне зародилось смелое желание, чтобы это маленькое, полуразрушенное здание было предоставлено мне в пожизненное владение, ибо в сердце мое закралась тревога, можно ли будет долго оставаться в моей теперешней квартире. Дело в том, что большая часть того этажа, в котором я снимал две маленькие комнаты, была сдана на предстоящее лето «семейству», которое, как я узнал, собиралось водворить здесь свой рояль. Однако мне не советовали добиваться милости герцога Нассауского, так как сырой маленький замок был совершенно неподходящим для меня помещением.

Впрочем, я продолжал совершать отдаленные прогулки с целью отыскать где-нибудь желанный уединенный домик с садом. На этих прогулках меня часто сопровождал, кроме Вайсхаймера, тот молодой юрист, д-р Штэдль, который у Шоттов, как я уже упоминал, произнес в честь меня столь удачный тост. Это был странный человек. Меня часто удивляло сильное возбуждение,

которое я не раз замечал в нем и которое впоследствии объяснилось тем, что в Висбадене он с большой страстностью предавался игре в рулетку. Он познакомил меня с одним своим другом, искусным музыкантом, д-ром Шюлером [Schüler] из Висбадена. С ними я часто обсуждал возможность приобрести или хотя бы только отыскать для себя маленький замок.

Раз, имея в виду все ту же цель, мы посетили Бинген и, взобравшись на довольно высокую скалу, поднялись на стоявшую на ней знаменитую старую башню, в которой когда-то был заключен император Генрих IV[555]. Четвертый этаж ее представлял обширный зал, занимавший весь квадрат строения, с единственным окном, выходившим на Рейн. Мне он показался идеалом всех моих мечтаний о квартире, так как при помощи занавесов я мог бы разделить его на несколько комнат и, таким образом, устроить себе великолепное убежище на всю жизнь. Штэдль и Шюлер считали возможным помочь мне осуществить это желание, так как оба они были знакомы с собственником руин. Через некоторое время они действительно сообщили мне, что владелец готов сдать зал за небольшую плату. Но тут же было указано на полную невозможность осуществить мой план: мне сказали, что ни один человек не согласился бы прислуживать мне, так как в этой местности, между прочим, нет колодца, и только в цистерне, находящейся очень глубоко внизу, в подземелье башни, имеется скверная вода. Достаточно было при таких обстоятельствах появиться одному затруднению, чтобы у меня пропал весь интерес к этим широким планам.

Такая же неудача постигла меня и с барским поместьем в Рейнгау, принадлежавшим графу Шёнборну [Schönborn], на которое я обратил внимание потому, что оно было совершенно покинуто владельцем. Здесь я нашел много пустых комнат, из которых я с удобством мог бы выбрать то, что мне нужно. Но на запрос у управляющего, написавшего по этому поводу самому графу, я получил отрицательный ответ.

Странный случай как раз в это время несколько отвлек меня от начатой работы: Фридерика Майер сдержала слово и однажды, возвращаясь из Майнца, посетила меня в сопровождении своей приятельницы. Посидев недолго, она вдруг почувствовала какой-то страх и, ко всеобщему ужасу, объявила, что боится, не скарлатина ли у нее. В самом деле, вид ее скоро стал нам внушать опасения, так что ее пришлось поместить в гостиницу

Europäischen Hof и послать за врачом. Уверенность, с какой она сразу определила болезнь, обыкновенно передающуюся взрослым лишь от детей, показалась мне странной.

Но удивление мое еще возросло, когда на следующий день с раннего утра к больной явился извещенный о ее болезни фон Гуаита[556], директор Франкфуртского театра, проявив озабоченность, которая едва ли могла иметь источником простой интерес администратора труппы. Приняв Фридерику под свое заботливое покровительство, он этим значительно облегчил мне тягостное участие в этом странном случае. Я имел с ним короткий разговор о возможности поставить во Франкфурте одну из моих опер, а на второй день присутствовал при перевезении на вокзал больной, которую Гуаита окружил самой нежной отеческой заботливостью. Вскоре после этого у меня стал бывать некий Бюрде [Bürde], муж известной певицы Ней[557], игравший на сцене Франкфуртского театра. Когда в разговоре с ним я коснулся, между прочим, таланта Фридерики Майер, он сообщил мне, что она считается возлюбленной Гуаиты, человека, чрезвычайно уважаемого по своему положению, и получила от него в подарок дом, в котором живет. Так как Гуаита произвел на меня отнюдь не хорошее, а скорее неприятное впечатление, то это известие слегка встревожило меня.

Много любезности и дружеских чувств проявили по отношению ко мне и другие знакомые, жившие в недалеком соседстве с моим бибрихским приютом, когда, желая отпраздновать день своего рождения, я пригласил их к себе на вечер 22 мая. Матильда Майер, приехавшая с сестрой и приятельницей, взяв на себя роль хозяйки, искусно справлялась со своей задачей, несмотря на более чем умеренное количество посуды в моем хозяйстве.

Но скоро настроение мое снова стало портиться из-за переписки с Минной, принимавшей все более неприятный характер. Назначив ей постоянным местом жительства Дрезден, но в то же время желая избавить ее от унижений, связанных с открытым разрывом, я увидел себя вынужденным сделать шаг, который благодаря ее хлопотам был мне предложен саксонским министром юстиции: я подал прошение о полной амнистии и получил наконец разрешение поселиться в Дрездене. Основываясь на этом, Минна наняла большую квартиру, обставив ее довольно хорошо при помощи бывшей в ее распоряжении мебели. Она надеялась, что если не всегда, то хоть временами я буду разделять ее с ней. Ее требования денег для этой цели я должен был удовлетворять без возражений. Между прочим, я послал ей 900 талеров. Но чем сдержаннее было мое поведение, тем более

она чувствовала себя оскорбленной им. Ее волновал спокойно-холодный тон моих писем, все чаще и чаще стали появляться упреки за мнимые старые обиды, как и всякого рода резкости.

Тогда я обратился к Пузинелли, из любви ко мне оказывавшему всякого рода услуги этой неуживчивой женщине, чтобы с его помощью дать ей то «сильнодействующее лекарство», о котором незадолго перед тем сестра Клара говорила мне как о лучшем средстве: я просил своего друга убедить Минну в необходимости развода. Пузинелли нелегко было выполнить это поручение. Он сообщил мне, что она очень испугалась и затем решительно отказалась дать согласие на развод. С этой минуты поведение Минны сильно изменилось, как и предсказывала сестра: она перестала меня мучить и, казалось, примирилась со своей участью. Пузинелли предписал ей против болезни сердца лечение в Райхенхалле. Я достал необходимые для этого средства, и в том же месте, где год назад я встретил проходившую курс лечения Козиму, Минна провела лето, по-видимому, в довольно сносном настроении.

419

Я снова обратился к своей работе, за которую хватался, как только устранялись вызывавшие перерыв причины. Это было лучшее средство развлечься и забыться. Странное происшествие нарушило однажды ночью мой покой. Вечером я набросал веселую тему обращения Погнера *Das schöne Fest, Johannistag*[558] и т. д. Лежа в постели, я мысленно перебирал ее в полусне, как вдруг раздавшийся над моей головой резкий женский смех заставил меня очнуться. Становясь все безумнее, смех перешел в отвратительный стон и вой. В ужасе вскочив с постели, я убедился, что звуки доносятся из комнаты моей служанки Лизхен, с которой сделался истерический припадок. Служанка хозяина пришла к ней на помощь, позвали врача. В то время, как я с ужасом смотрел на больную, ожидая каждую минуту, что она испустит дух, меня поразило странное спокойствие и хладнокровие прочих присутствующих. Я узнал, что такие припадки повторяются у молодой девушки часто, особенно после танцев. Долго еще я стоял, не будучи в состоянии оторваться от тяжелого зрелища и наблюдая все ужасные явления этого припадка. Они чередовались, как в приливе и отливе: веселье ребенка сменялось распущенным смехом, который, в свою очередь, переходил в настоящий вопль осужденного на ужасные муки человека. Когда припадок несколько утих, я лег в постель, и

снова предо мной встал «Иванов день» Погнера, сгладив понемногу прежние ужасные впечатления.

420

Не лишенным сходства с бедной служанкой показался мне Штэдль, когда однажды я наблюдал его за игорным столом в Висбадене. Мы спокойно сидели с ним и Вайсхаймером в саду пансионата за кофе, как вдруг Штэдль исчез. Чтобы отыскать его, Вайсхаймер повел меня к игорному столу. Редко мне приходилось видеть экспрессию ужаснее той, какая происходила на лице этого несчастного человека, охваченного страстью азарта. В него, как и в бедную Лизхен, вселился демон и, по народному выражению, завел в нем свою игру. Он беспрестанно проигрывал, и никакие уговоры, никакие увещания не могли его заставить прийти в себя и взять себя в руки. Вспомнив свою собственную страсть к игре, которой я был подвержен в юношеские годы, я рассказал об этом молодому Вайсхаймеру и предложил ему показать, что все зависит от случая, что на счастье полагаться не следует. Когда за столом началась новая игра, я с полной уверенностью сказал, что № 11 выиграет: мое предсказание оправдалось. Удивлению, вызванному счастливой случайностью, я дал новую пищу, предсказав для следующей игры № 27. Помню, меня охватила какая-то экстатическая оторванность от всего окружающего. Этот номер тоже выиграл, и мой молодой друг пришел в такое изумление, что стал меня настойчиво убеждать поставить на предсказываемые мной номера. Опять-таки вспоминаю состояние какого-то своеобразного, очень спокойного настроения, в каком я ему ответил, что проявленная мною способность сейчас же потеряет силу, как только я поставлю на карту свой собственный интерес. Вскоре после этого я увел его от игорного стола, и при свете прекрасной вечерней зари мы отправились в обратный путь домой, в Бибрих.

Весьма неприятные разговоры были у меня с бедной Фридерикой Майер: она известила меня о наступившем выздоровлении и просила посетить ее, так как чувствует потребность извиниться за причиненные хлопоты. Я охотно исполнил ее просьбу, тем более что короткий переезд во Франкфурт часто служил мне приятным развлечением. Выздоравливающая казалась очень слабой. Она явно старалась рассеять неприятные представления, какие могли зародиться у меня на ее счет. Она заговорила о Гуаите, проявлявшем по отношению к ней чрезвычайную нежность и заботливость отца.

Она покинула семью в очень молодом возрасте, разойдясь со своей сестрой Луизой, и, одинокая, прибыла во Франкфурт, где покровительство пожилого Гуаиты оказалось как нельзя более кстати. К сожалению, это отношение причиняет ей много неприятностей. Особенным преследованиям она подвергается со стороны семьи своего покровителя, опасающейся, как бы он не вздумал на ней жениться, и потому самым отвратительным образом старающейся набросить тень на ее репутацию. Ввиду такого сообщения я счел нужным обратить ее внимание на то, что некоторые проявления этого враждебного к ней отношения не прошли для меня незамеченными, и даже передал ей слух о подаренном ей будто бы доме. Это оказало чрезвычайно сильное действие на еще не вполне оправившуюся от болезни Фридерику. Она была возмущена, хотя догадывалась, что подобные сплетни распространяются на ее счет. Давно уже она думает о том, не покинуть ли ей франкфуртскую сцену, и теперь более чем когда-либо склонна к этому. Я не видел никакого основания не верить ее словам. Так как, кроме того, Гуаита как своей личностью, так и своим непостижимым поведением представлялся мне все более загадочным, то в своих отношениях к талантливой девушке, испытывающей незаслуженные страдания, я принял ее сторону. Я посоветовал ей взять продолжительный отпуск и поехать на Рейн для поправки здоровья.

421

Теперь, согласно полученному от Великого герцога распоряжению, ко мне обратился Эдуард Девриент по поводу предполагавшейся в Карлсруэ постановки «Лоэнгрина» под моим управлением. Для этого человека, которого я когда-то так слепо ценил, был весьма характерен высказанный им в письме ко мне в высокомерно-неприязненном тоне упрек по поводу того, что я желаю ставить «Лоэнгрина» без всяких купюр. Он сообщал мне, что давно уже выписал партитуру с теми сокращениями, которые были сделаны в оркестровых партиях Рицем[559] для лейпцигской постановки, и что, следовательно, места, которые я пожелаю восстановить, придется ценой огромных усилий предварительно внести в оркестровые партии. Такое требование он считал бы простой придиркой с моей стороны. Я вспомнил, что единственное представление «Лоэнгрина», которое не имело успеха и почти не было повторено, было проведено в Лейпциге именно капельмейстером Рицем. Несмотря на это, Девриент, считавший Рица последователем Мендельсона, лучшим

музыкантом «настоящего времени», нашел целесообразным выбрать для постановки в Карлсруэ его обработку. Меня охватил ужас за ту слепоту, с какой я почти насильно поддерживал в себе уважение к этому человеку. В кратких словах я выразил ему свое возмущение и решение не принимать участия в постановке «Лоэнгрина», в чем и извинюсь при случае перед Великим герцогом.

Вскоре я узнал, что «Лоэнгрин» все-таки будет в Карлсруэ поставлен с участием Шнорров в качестве гастролеров. Меня охватило сильное желание познакомиться наконец со Шнорром и его исполнением. Поэтому, не извещая никого, я поехал в Карлсруэ, достал через Калливоду[560] билет и присутствовал на представлении. Вынесенные впечатления, особенно касающиеся Шнорра, я детальнее описал в опубликованных «Воспоминаниях»[561]. Я сразу полюбил его и после представления просил прийти ко мне в гостиницу на часок для беседы. Я столько слышал о его болезненном состоянии, что был искренно обрадован, увидя его в столь поздний час, после такого нелегкого напряжения, со свежим видом и сияющими глазами. Опасаясь всякого отступления от нормального образа жизни, ему вредного, я нерешительно предложил ему освятить наше знакомство шампанским, что он чрезвычайно охотно принял. Мы провели добрую часть ночи в самом оживленном настроении, в разговорах, которые окончательно уяснили мне характер Девриента. Я решил остаться в Карлсруэ еще на день, чтобы по приглашению Шнорра отобедать с ним и его женой.

Так как можно было предположить, что мое продолжительное пребывание в Карлсруэ не останется неизвестным Великому герцогу, я решил представиться ему на следующий день. Мне был назначен час для аудиенции после обеда. За обедом я услышал от г-жи Шнорр, тоже проявившей накануне большой сценический талант и прекрасную школу, самые удивительные вещи о поведении Девриента в деле предполагавшейся постановки «Тристана». Когда вскоре после этого я отправился во дворец, я не мог отделаться от чувства некоторого стеснения. Я уловил его и в обращении Великого герцога. Не скрывая, я сообщил своему высокому собеседнику причины, заставившие меня взять обратно свое обещание дирижировать «Лоэнгрином», так же как и мои определенные предположения относительно созданных Девриентом препятствий к постановке «Тристана», намеченной раньше. Так как из чрезвычайно хитрого поведения Девриента Великий герцог давно вынес заключение об искренней и глубокой дружбе его ко мне, слова мои подействовали на него в высшей степени неприятно. Но, по-видимому, он предполагал, что речь

идет о некоторых художественно-артистических разногласиях между мной и директором его театра, и на прощание выразил желание увидеть эти недоразумения сглаженными. На это я вскользь заметил, что не надеюсь прийти к какому-нибудь соглашению с Девриентом. Тут Великий герцог возмутился не на шутку: он не ожидал, что я проявлю такую неблагодарность по отношению к человеку, дружеские чувства которого ко мне не подлежат сомнению. В ответ на этот упрек я извинился, что высказал свое суждение в недостаточно серьезном тоне, неуместном при данной обстановке. Отнесясь с большим вниманием к делу, Великий герцог дал мне право с не меньшей определенностью выразить свое истинное мнение о мнимом друге, и потому я считаю нужным самым серьезным образом заявить, что не желаю больше иметь ничего общего с Девриентом. На это Великий герцог с прежней добротой заметил, что не хочет считать мое решение непоколебимым, тем более что в его власти повлиять на другую сторону в направлении, которое могло бы меня настроить более примиряющим образом. Я простился, выразив сожаление, что считаю всякую попытку моего покровителя в этом смысле бесцельной. Позднее мне стало известно, что Девриент, который узнал, конечно, от Великого герцога об этом разговоре, увидел в нем попытку с моей стороны свергнуть его и самому занять его место. Великий герцог остался при своем желании, чтобы я дал концерт, составленный из отрывков моих новейших произведений. Об этом Девриенту через некоторое время пришлось официально написать мне. Письмо его было выдержано в тоне человека, вышедшего победителем из всех направленных против него интриг, причем в заключение он уверял меня, что его высокий покровитель желает видеть концерт осуществленным, ибо в благородстве души своей он «умеет отделять дело от личности». На это письмо я ответил простым отказом.

422

Со Шноррами, с которыми я много говорил об этом инциденте, я условился, что в ближайшем будущем они посетят меня в Бибрихе. Сам я вернулся туда в ожидании обещанного посещения Бюлова. В начале июля он действительно приехал, чтобы приискать квартиру для Козимы, которая последовала за ним спустя два дня. Мы страшно обрадовались свиданию, и наше совместное пребывание в красивом Рейнгау всячески старались использовать для самых разнообразных прогулок по

окрестностям. Обедали мы вместе и большей частью в самом веселом настроении в ресторане гостиницы *Europäischen Hof*, где скоро появились и Шнорры. Вечера мы посвящали музыке. На чтении «Мейстерзингеров» присутствовала и остановившаяся проездом Альвина Фромман. Знакомство с моей последней поэмой произвело на всех неожиданное впечатление, главным образом тем веселым духом народного стиля, которым она проникнута и которого до сих пор я ни разу не применял. Меня посетила также и певица Дустман, гастролировавшая в Висбадене. К сожалению, мне пришлось заметить в ней сильное нерасположение к ее сестре Фридерике, и это подтвердило мое мнение, что последней давно пора покончить с франкфуртскими отношениями.

При содействии Бюлова я имел возможность представить своим друзьям готовые части «Мейстерзингеров». Кроме того, мы прошли многое из «Тристана», причем Шнорры должны были показать, насколько они успели освоиться с этой задачей. В общем я нашел, что обоим многого не хватало для полной выразительности исполнения.

Лето привлекло в эту местность много гостей, среди которых попадались и знакомые. Так, ко мне явился концертмейстер Давид[562] из Лейпцига со своим юным учеником, Августом Вильгельми[563], сыном висбаденского адвоката, и мы усердно музицировали при участии капельмейстера Алоиса Шмитта[564] из Шверина, сыгравшего отрывок из своей старой композиции. Однажды у нас состоялся настоящий музыкальный вечер, когда к прочим моим друзьям присоединились Шотты, и супруги Шнорры исполнили так называемую любовную сцену из третьего акта «Лоэнгрина», доставив нам большое удовольствие.

Чрезвычайно взволновало нас всех внезапное появление Рёкеля в ресторане отеля, где мы все обедали. Он только что вышел из Вальдхаймской тюрьмы, проведя в ней тринадцать лет. К удивлению, я не заметил в своем старом знакомом никаких существенных перемен, кроме поседевших волос. По его собственным словам, он точно вышел из оболочки, в которую был завернут на много лет. Когда возник вопрос о том, за какую деятельность ему теперь приняться, я высказал мнение, что всего лучше было бы поискать полезной должности у такого благосклонного и свободомыслящего правителя, как Великий герцог Баденский. Он же полагал, что не может служить ни в каком министерстве, так как ему не хватает для этого юридических познаний. Наиболее подходящей для себя деятельностью он считал заведование каким-нибудь исправительным заведением – он самым точным образом

ознакомился с устройством таких учреждений и уразумел на опыте, каких преобразований они требуют. Рёкель отправился на бывший в то время во Франкфурте праздник германских стрелков. Там ему не удалось избежать весьма лестной овации, устроенной публично, в знак признания перенесенных им страданий и проявленной при этом стойкости. Во Франкфурте и окрестностях его он пробыл некоторое время.

423

В то же лето мне и моим ближайшим друзьям очень надоедал некий художник Цезарь Виллих[565], которому Отто Везендонк поручил написать мой портрет. К сожалению, художнику никак не удавалось правильно схватить характер моей физиономии. Несмотря на то, что Козима присутствовала на сеансах, всячески стараясь навести его на настоящий след, мне не оставалось ничего другого, как предоставить ему свой профиль, потому что только так можно было рассчитывать на сохранение хоть какого-нибудь сходства. Когда, к своему собственному удовольствию, он добился этого, художник из благодарности сделал копию, которую поднес мне. Я сейчас же отправил ее в Дрезден Минне, от которой она потом перешла к моей сестре Луизе. Это был ужасный портрет. Мне пришлось видеть его еще раз во Франкфурте, где он был выставлен художником.

Очень приятную прогулку в Бинген я совершил однажды вечером в обществе Бюловов и Шнорров. В лежащий напротив Бингена Рюдесхайм [Rüdesheim] я заехал за Фридерикой Майер, которая проводила там данный ей отпуск, и познакомил ее со своими друзьями. Из них особенно Козима сразу почувствовала дружеский интерес к этой чрезвычайно одаренной женщине. Сидя на открытом воздухе за стаканом вина, мы все скоро пришли в очень веселое настроение, которое одно неожиданное приключение еще более подняло: с соседнего стола к нам приблизился в почтительной позе, с полным бокалом в руке, какой-то незнакомый господин. Оказалось, что он из Берлина и остановился здесь проездом. Восторженный почитатель моей музыки, он обратился ко мне от своего имени и от имени двух своих друзей с пылким, чрезвычайно приличным приветствием. Мы пригласили всех к нашему столу, за которым скоро появилось и шампанское. Чудесный вечер с дивным восходом луны еще более способствовал радостному настроению. Была поздняя ночь, когда мы вернулись домой с этой очаровательной прогулки.

Побывав в таком же веселом расположении духа в

Шлангенбаде [Schlangenbad], где жила Альвина Фромман, мы вздумали отправиться дальше в Роландзек [Rolandseck]. Первую остановку мы сделали в Ремагене [Remagen]. Посетив прекрасно расположенную, переполненную народом церковь, где проповедовал молодой монах, затем пообедав в саду на берегу Рейна, мы отправились дальше. Переночевали в Роландреке и с утра поднялись на Драхенфельс[566]. С этим восхождением связано маленькое, благополучно окончившееся приключение: когда, спустившись с Драхенфельса, мы пришли на железнодорожную станцию на другом берегу Рейна, я заметил, что потерял свой бумажник, в котором было 100 гульденов. По всей вероятности, он выпал из кармана моего пальто. Два господина, присоединившиеся к нам еще на Драхенфельсе, сейчас же вызвались повторить этот нелегкий путь, чтобы поискать потерянное. Действительно, через несколько часов они вернулись и передали мне бумажник с нетронутым содержимым: на вершине горы его нашли два работавших там каменщика и сейчас же вернули. Честные рабочие были мной щедро вознаграждены за находку, а благополучный исход приключения надо было отпраздновать веселым обедом с самым лучшим вином. Много лет спустя мне суждено было узнать неожиданный конец этого приключения: когда в 1873 году я зашел раз в Кёльне в ресторан, хозяин его представился мне как тот самый, который одиннадцать лет тому назад угощал нас на берегу Рейна и которому я дал разменять бумажку в 100 гульденов. С этой бумажкой, как он мне теперь сообщил, произошло следующее: какой-то англичанин, который тоже узнал об этом случае, решил купить ее за двойную цену. Хозяин не хотел и слышать об этом, но все же уступил кредитный билет, обязав угостить шампанским присутствующее общество, которому было рассказано обо всем. Англичанин исполнил это самым добросовестным образом.

424

Менее удачна была поездка в Остхофен, которую мы совершили по приглашению семейства Вайсхаймер. Там мы провели ночь после того, как весь предыдущий день нас безостановочно заставляли угощаться на крестьянской свадьбе. Козима была единственная, сохранившая веселое настроение. Я старался не отставать от нее, тогда как у Бюлова давно накапливавшееся дурное настроение, вызванное разными неприятностями, прорывалось вспышками гнева. Мы утешали себя тем, что в другой раз с нами ничего подобного не случится.

На следующий день, с дурным чувством, вызванным другими причинами, а именно мыслями о моем положении, я собрался в обратный путь. Козима уговорила Ганса поехать в Вормс, где хотела развлечь его посещением древнего собора. Оттуда они потом последовали за мной в Бибрих.

В памяти моей осталось небольшое приключение, которое мы пережили за висбаденским игорным столом. Как раз в этот день мне прислали 20 луидоров в виде театрального гонорара за одну из моих опер. Не зная, на что употребить эту маленькую сумму, ввиду того что мое положение в общем становилось все хуже, я вздумал попросить Козиму, поставив половину, попытать счастья за рулеткой. С удивлением я смотрел, как, не зная самых общих, внешних условий игры, она бросала наугад один золотой за другим, не покрывая ими ни определенного номера, ни цвета, так что золотые ее беспрестанно исчезали за решеткой крупье. Мне стало страшно. Я поспешно удалился, чтобы за соседним столом сделать попытку исправить ее неумение и неудачу. В этом стремлении «сэкономить» счастье благоприятствовало мне: очень скоро я выиграл 10 луидоров, потерянных моей приятельницей, что привело нас в веселое настроение.

Менее приятно прошла наша совместная поездка в Висбаден на представление «Лоэнгрина». После первого акта, исполненного довольно удовлетворительным образом и приведшего нас в хорошее расположение духа, представление стало постепенно подвергаться на сцене таким искажениям, каких я до сих пор не считал возможными. Вне себя от бешенства, не дождавшись окончания, я ушел из театра, между тем как Ганс по настоянию Козимы из приличия остался, и оба они, возмущенные не менее меня, должны были вынести эту пытку до конца.

Вскоре я узнал, что князь и княгиня Меттерних прибыли в свой замок Иоханнисберг [Johannisberg]. Все еще озабоченный необходимостью приискать себе спокойный приют для окончания «Мейстерзингеров», я подумал об этом обыкновенно пустующем замке и известил князя о моем желании посетить его, в ответ на что получил от него приглашение. Бюловы проводили меня до железнодорожной станции. Любезностью оказанного мне приема я мог остаться доволен. Они и сами уже обсуждали вопрос об устройстве для меня временного помещения в замке Иоханнисберг и пришли к заключению, что могут предоставить мне небольшую квартиру у управляющего замком, но при этом сочли нужным обратить мое внимание на трудности, с какими будет здесь связано мое пропитание. Князя особенно занимала возможность устроить мне в Вене прочное положение. Он сказал, что в следующий же приезд туда поговорит с министром

Шмерлингом[567], которого он считал наиболее подходящим для этого человеком. По его мнению, он был способен понять меня, а может быть, и заинтересовать в мою пользу императора. Когда мне снова придется быть в Вене, я могу прямо явиться к Шмерлингу в полной уверенности, что я уже отрекомендован князем. По приглашению, полученному от герцогского двора, князю и княгине предстояло отправиться в Висбаден. Я проводил их туда и снова встретился с Бюловами.

425

После того как нас покинули Шнорры, проведя с нами две недели, настало время уезжать и Бюловам. Я проводил их до Франкфурта. Там мы оставались два дня, чтобы присутствовать на представлении гётевского «Тассо», в котором в виде вступления должна была быть исполнена одноименная симфоническая поэма Листа. Со своеобразными ощущениями присутствовали мы на этом представлении. Нам чрезвычайно понравилась своей игрой Фридерика Майер в роли принцессы и особенно Шнайдер [Schneider] в роли Тассо. Только Ганс никак не мог помириться с позорным исполнением под управлением капельмейстера Игнаца Лахнера листовского произведения. К обеду в ресторане ботанического сада, на который нас пригласила перед представлением Фридерика, явился и таинственный Гуаита. Мы с удивлением заметили, что с этой минуты вся беседа за столом свелась к непонятной для нас пикировке, смысл которой уяснился до некоторой степени бешеной ревностью фон Гуаиты и остроумно-насмешливым отпором Фридерики. Однако ему удалось справиться со своим возбуждением, когда он обратился ко мне с предложением дать во Франкфурте «Лоэнгрина» под моим управлением. Мне этот проект понравился. Я увидел в нем повод снова встретиться с Бюловами и Шноррами. Бюловы обещали приехать, а к Шноррам я обратился с просьбой взять на себя исполнение главных ролей. Казалось, таким образом, что на этот раз мы можем расстаться в бодром настроении, хотя все усиливавшееся и доходившее иногда до крайних пределов непрерывно дурное расположение Ганса не раз вызывало у меня беспомощные вздохи.

У Козимы же, напротив, совершенно исчезла робость, которую я заметил год тому назад при посещении Райхенхалля. Когда я однажды спел своим друзьям «Прощание Вотана», на лице Козимы появилось выражение, какое я видел на нем, к своему удивлению, в Цюрихе в момент расставания. Только на этот раз

экстаз ее имел радостно просветленный характер. Здесь все было молчание и тайна. Но уверенность, что между нами существует неразрывная связь, охватила меня с такой определенностью, что я не в силах был владеть собственным возбуждением, и оно выливалось у меня в самой необузданной веселости. Провожая Козиму во Франкфурте по открытой площади в гостиницу, я вдруг ни с того ни с сего предложил ей сесть в стоявшую тут же пустую ручную тележку и отвезти ее так в отель. Недолго думая, она согласилась. Я растерялся и потерял всякое мужество привести в исполнение свой безумный план.

426

По возвращении в Бибрих меня ждали тяжелые заботы. После долгих проволочек Шотт совершенно отказался выдавать мне дальнейшие субсидии. Правда, с самого отъезда из Вены почти до последнего времени я все свои расходы – по устройству жены в Дрездене, по собственному переселению в Бибрих и пребыванию в Париже, где мне пришлось удовлетворить кое-каких кредиторов, – погашал исключительно из сумм, которые мне посылал издатель. Несмотря на такое трудное начало, поглотившее половину всех денег, которые я выговорил себе за «Мейстерзингеров», я мог все-таки надеяться с остатком условленного гонорара спокойно довести до конца свою работу. Но Шотт стал оттягивать присылку денег, ссылаясь на необходимость свести раньше счеты с музыкальными торговцами. Я оказался в затруднительном положении, из которого пришлось искать выход. Все зависело от того, удастся ли мне в скором времени доставить Шотту хотя бы один готовый акт «Мейстерзингеров». В первом акте я дошел уже до той сцены, где Погнер собирается представить мейстерзингерам Вальтера фон Штольцинга, когда – это было около середины августа, еще в бытность Бюловов в Бибрихе, – ничтожный случай на целых два месяца лишил меня способности писать.

Мой угрюмый хозяин держал у себя цепную собаку, бульдога Лео. Животное, находившееся в полном пренебрежении у своего хозяина, возбуждало во мне живейшее сострадание. Однажды мне захотелось очистить его от насекомых. Я позвал служанку и, держа голову бульдога, свирепый вид которого внушал девушке страх, заставил ее расчесывать его. Несмотря на большое доверие ко мне, собака, невольно щелкнув зубами, укусила меня в первый сустав большого пальца на правой руке. Никакой раны не было видно, но вскоре оказалось, что надкостница воспалилась. Всякое

движение пальца стало сопровождаться болями, которые все усиливались, и мне было предписано не утруждать руки до полного ее выздоровления и главным образом не писать. Хотя газеты и успели пропечатать, что я подвергся укусу бешеной собаки, в действительности дело обстояло не так уж скверно. Тем не менее случай этот навел меня на серьезные размышления о непрочности человеческого существования на земле. Оказывалось, что для создания произведения мне нужны были не только здоровый дух, хорошие идеи и известное мастерство, но еще и здоровый палец, который мог бы двигать пером, так как здесь дело шло не о стихотворении, которое легко продиктовать, а о музыке, которую диктовать другому нельзя, которую надо записывать самому.

Чтобы доставить Шотту хоть что-нибудь, я по совету Раффа, оценившего тетрадь моих песен в 1000 франков, решил предложить своему издателю пять стихотворений моей приятельницы Везендонк, которые я положил на музыку, большей частью на мотивы из занимавшего меня в то время «Тристана»[568]. Песни были им приняты и изданы, но это отнюдь не подействовало смягчающим образом на настроение Шотта. Я должен был предположить, что кто-нибудь возбуждал его против меня. Чтобы выяснить этот вопрос и в зависимости от этого принять дальнейшие решения, я сам отправился в Киссинген, где Шотт проводил курс лечения. Но мне так и не удалось переговорить с ним. Госпожа Шотт, как ангел-хранитель расположившаяся у дверей его комнаты, заявила мне, что супруг ее никого не принимает вследствие случившегося с ним сильного приступа болезни печени. Это было все, что мне надо было знать. Раздобыв некоторую денежную сумму через посредство молодого Вайсхаймера, который, имея за спиной богатого отца, проявил большую предупредительность по отношению ко мне, я принялся раздумывать, что делать дальше: на Шотта больше рассчитывать было нельзя и, следовательно, нечего было и надеяться на возможность дальнейшей спокойной работы над «Мейстерзингерами».

При таких обстоятельствах я, к удивлению, неожиданно получил от дирекции Венской оперы формальное приглашение поставить «Тристана». Мне сообщали, что все затруднения устранены, так как Андер вполне оправился от болезни. Это повергло меня в искреннее изумление. Я навел справки, и вот что я узнал о переменах по отношению ко мне, происшедших с тех пор в Вене. Еще до последнего своего отъезда оттуда госпожа Луиза Дустман, которой партия Изольды действительно понравилась, задумала устранить главное препятствие, стоявшее на пути моего предприятия. С этой целью она убедила меня прийти к ней на вечер, чтобы снова представить мне д-ра Ганслика. Она знала, что пока не удастся настроить этого господина в мою пользу, мне нечего рассчитывать на успех в Вене. В том хорошем настроении, в каком я был в тот вечер, мне нетрудно было держать себя по отношению к Ганслику как к человеку, мало мне знакомому, пока он не отвел меня в сторону для интимного разговора. Со слезами и вздохами он стал меня уверять, что не может более выносить моего незаслуженного пренебрежения к нему. То, что могло казаться мне странным в его суждениях обо мне, следует приписать не злому намерению с его стороны, а исключительно его индивидуальной ограниченности, и он ничего так не желает, как получить от меня указания, которые помогли бы раздвинуть границы его понимания. Все эти заявления сопровождались такими доказательствами внутреннего волнения, что я не мог ему ответить иначе, как успокоив его и обещав безусловное дружеское внимание к его дальнейшей деятельности. И действительно, еще перед самым отъездом из Вены я узнал, что Ганслик в неумеренно лестных выражениях отзывался перед моими знакомыми обо мне и моей любезности. Эта перемена так подействовала не только на оперных артистов, но главным образом на Раймонда, советчика обергофмейстера, что в конце концов в высших сферах постановка «Тристана» стала считаться делом чести для Вены. Это и была причина присланного мне вновь приглашения.

В то же время молодой Вайсхаймер написал мне из Лейпцига, куда он уехал, что берется устроить там хороший концерт, если я соглашусь поддержать его исполнением нового вступления к «Мейстерзингерам» и увертюрой к «Тангейзеру». По его мнению, такая программа должна обратить на себя всеобщее внимание, и он считал возможным поэтому повысить цены на билеты. Он не

сомневался, что в случае весьма вероятной их распродажи от концерта за покрытием всех расходов отчислится довольно значительная сумма в мою пользу. С другой стороны, дав Гуаите обещание поставить во Франкфурте «Лоэнгрина», я теперь, несмотря на то что Шнорры принуждены были отказаться от участия в нем, не мог взять свое слово назад. Взвесив все эти обстоятельства, я решил отложить «Мейстерзингеров» в сторону и на других предприятиях постараться тем временем заработать столько, чтобы следующей весной иметь возможность приняться за прерванную работу и, независимо от настроения Шотта, довести ее до конца. Что касается квартиры в Бибрихе, в общем отвечающей моим требованиям, я решил сохранить ее за собой. Минна просила предоставить ей кровать и еще кое-какие вещи, к которым я привык, для окончательной меблировки. Она хотела, чтобы я нашел все «в должном порядке», когда посещу ее, и я положил не изменять раз принятому решению: чтобы облегчить ей разлуку со мной, я послал требуемые вещи, а свою рейнскую квартиру устроил заново при содействии мебельного фабриканта в Висбадене, открывшего мне продолжительный кредит.

428

В конце сентября я отправился на неделю во Франкфурт, чтобы приступить к репетициям «Лоэнгрина». Здесь повторилось то, с чем мне не раз уже приходилось сталкиваться: после первого соприкосновения с оперным персоналом у меня явилась охота бросить все предприятие. Но затем, отчасти вследствие обращенных ко мне просьб не отказываться от задуманного дела, в настроении моем произошла перемена. В конце концов меня даже заинтересовала мысль испытать, какое впечатление может произвести опера сама по себе, независимо от жалкого пения, при отсутствии искажений и наличии верных темпов и правильной инсценировки. Но одна только Фридерика Майер ощущала вполне то, что может дать музыка. Впрочем, не было недостатка и в обычном «оживлении» публики. Но позднее мне передавали, что последующие представления, шедшие под управлением чрезвычайно популярного во Франкфурте Игнаца Лахнера, жалкого дирижера и музыканта, были настолько неудовлетворительны, что пришлось прибегнуть к приемам искажения, чтобы удержать оперу в репертуаре.

Все это подействовало на меня тем более угнетающе, что даже Бюловы, вопреки ожиданиям, не явились на это представление. Козима, как я узнал, поспешно проехала мимо

меня в Париж – поддержать бабушку, медленно угасавшую среди своих продолжительных страданий и теперь еще вдобавок сраженную новым тяжелым ударом: Бландина умерла в Сен-Тропезе от родов. Настала суровая пора года, и на некоторое время я замкнулся в своей бибрихской квартире. Несмотря на то что приходилось беречь свой палец, мне удалось инструментовать для концертных целей несколько отрывков из готовой композиции «Мейстерзингеров». Сейчас же отправив вступление Вайсхаймеру в Лейпциг для того, чтобы там его переписали, я приготовил для оркестра «Собрание мейстерзингеров» с «Обращением Погнера».

В конце октября я мог отправиться в Лейпциг. Неожиданное приключение, случившееся со мной во время этой поездки, было причиной того, что я снова посетил Вартбург: в Айзенахе, где я на несколько минут вышел на платформу, поезд тронулся раньше, чем я успел вскочить в вагон. Я инстинктивно побежал вслед за поездом, крича кондуктору, который, конечно, не мог его остановить для меня. Отъезд какого-то принца собрал на вокзале большую толпу зрителей, среди которых мое приключение вызвало громкий смех. Я спросил их, неужели моя неудача доставляет им удовольствие? «Да, она доставляет нам удовольствие», – ответили мне из толпы. Это происшествие привело меня к выводу, что немецкую публику можно развеселить, попав в беду. Так как следующий поезд отходил только через пять часов, я телеграммой известил своего зятя, Германа Брокгауза, у которого должен был остановиться, что опоздаю, и в сопровождении человека, отрекомендовавшегося гидом, отправился в Вартбургский замок. Осмотрев частичную реставрацию, произведенную в замке Великим герцогом, зал с картинами Швинда[569] и оставшись равнодушным к тому и другому, я вернулся в ресторан увеселительного места айзенахских жителей, где застал нескольких горожанок, занятых вязанием чулок. Великий герцог Веймарский позднее уверял меня, что «Тангейзер» пользуется популярностью во всем населении Тюрингии, кончая последним деревенским парнем. Но ни хозяин, ни проводник ничего обо мне не знали. Все же я расписался своим полным именем в книге для приезжих, рассказав о любезном приветствии, которое я встретил на вокзале. Мне не приходилось слышать, чтобы на это было обращено какое-либо внимание.

Поздно ночью меня радостно встретил значительно постаревший и пополневший Герман Брокгауз. Он проводил меня в свой дом, где я нашел Оттилию в кругу ее семьи. Я был встречен чрезвычайно мило. Нам было о чем поговорить, и хорошее настроение, с каким мой зять принимал участие в этих разговорах, действовало на нас так, что мы засиживались до утра. Мое выступление вместе с совершенно неизвестным молодым композитором Вайсхаймером вызвало некоторые сомнения: в самом деле, программа его концерта заключала в себе множество его собственных композиций, в том числе и недавно законченную симфоническую поэму «Рыцарь Тоггенбург» [Der Ritter Toggenburg]. Если бы, присутствуя на репетициях, я сам находился в более уравновешенном состоянии, я, вероятно, протестовал бы против исполнения этой программы во всей ее полноте. Но эти часы, проведенные в концертном зале, остались для меня самым приятным воспоминанием моей жизни благодаря присутствию Бюловов, с которыми мы снова встретились. Дело в том, что и Ганс решил освятить вместе со мной дебют Вайсхаймера, выступив с новым фортепьянным концертом Листа. Самое вступление в столь знакомый мне зал лейпцигского Гевандгауза, как и приветствие чуждых мне оркестровых музыкантов, которым мне, как человеку совершенно им незнакомому, еще предстояло представиться, подействовали на меня весьма неприятным образом.

Но вдруг я почувствовал себя словно изъятым из окружающего мира: в отдаленном углу залы я увидел Козиму, в глубоком трауре, очень бледную, но дружески мне улыбающуюся. Только что вернувшись из Парижа, от постели неизлечимо больной бабушки, с глубокой грустью в сердце об умершей столь непостижимо внезапным образом сестре, она показалась мне видением иного мира. Все, что наполняло наши сердца, было так глубоко и серьезно, что лишь безграничная радость свидания помогла нам миновать угрожавшие пропасти. А то, что происходило на репетициях, представлялось игрой теней, которой мы забавлялись, как дети. Ганс в таком же хорошем расположении духа, как и мы – все мы чувствовали себя словно участниками какого-нибудь приключения Дон-Кихота, – обратил мое внимание на Бренделя, сидевшего невдалеке от нас и, казалось, ожидавшего, чтобы я с ним поздоровался. Это создало некоторое напряжение, которое мне вздумалось поддержать, сделав вид, что не узнаю его. Бедняга был так огорчен, что позднее, вспоминая свою неправоту перед ним, я при обсуждении статьи «Еврейство в музыке» постарался особенно выделить заслуги Бренделя и этим как бы искупить свою вину перед

умершим уже тогда композитором.

Появление Александра Риттера с моей племянницей Франциской тоже немало содействовало нашему веселому настроению, которому обильную пищу доставляли поражающие своей чудовищностью композиции Вайсхаймера. Риттер, уже знакомый с текстом «Мейстерзингеров», сравнил глубоко меланхолическую, чрезвычайно запутанную мелодию басов в «Рыцаре Тоггенбурге» с «тоном россомахи»[570]. В конце концов наше хорошее настроение иссякло бы, если бы ему не дали новой пищи удачно исполненное вступление к «Мейстерзингерам» и великолепная игра Бюлова, исполнившего [Второй] фортепьянный концерт Листа.

Обстоятельства, сопровождавшие самый концерт, подтвердили фантастический характер всего предприятия, который мы предчувствовали и который вызвал в нас веселый юмор. К ужасу Вайсхаймера, вся лейпцигская публика «блистала» отсутствием, что, по-видимому, было подстроено организаторами абонементных концертов. Мне еще никогда не приходилось видеть такой пустоты в концертном зале: кроме членов моей семьи, среди которых сестра Оттилия выделялась своим экстравагантным головным убором, на нескольких скамьях сидело небольшое число посетителей, приехавших на концерт из других мест. Видное место занимали мои веймарские друзья: капельмейстер Лассен и правительственный советник Франц Мюллер, как и неизбежные Рихард Поль и советник юстиции Гилле. Кроме того, я с неприятным удивлением заметил старого надворного советника Кюстнера, бывшего управляющего Берлинским королевским театром, которому с бодрой веселостью пришлось ответить на его приветствие и изумление по поводу непонятной пустоты зала. Из постоянных жителей Лейпцига присутствовали еще некоторые друзья моих родных, обыкновенно не посещающие концертов. Среди них был доктор Лотар Мюллер, сын хорошо знакомого мне с ранней юности врача-аллопата, доктора Морица Мюллера, чрезвычайно мне преданный. В зале находилась невеста концертанта со своей матерью. В некотором отдалении, против нее, я уселся в середине концерта с Козимой, к большому соблазну моих родных, наблюдавших нас издали. Будучи сами в дурном настроении, они не могли понять, почему мы с Козимой все время безостановочно смеялись.

Что касается вступления к «Мейстерзингерам», то удачное исполнение его произвело на немногих друзей, составлявших публику, такое благоприятное впечатление, что, к радости оркестра, пришлось сейчас же повторить его. Вообще, лед искусственно поддерживаемого недоверия ко мне, по-видимому,

растаял. Когда после заключившей концерт увертюры к «Тангейзеру» я вышел на вызовы, оркестр встретил меня бурным тушем, что доставило громадное удовольствие сестре Оттилии, утверждавшей, что до сих пор такая честь выпала на долю лишь одной Женни Линд. Друг Вайсхаймер, самым непростительным образом испытывавший всеобщее терпение, с этих пор стал чувствовать ко мне неприязнь, которая с течением времени все росла. По его мнению, он был бы в более выгодном положении, если бы не включал в программу концерта моих блестящих оркестровых произведений, а предложил бы публике за дешевую цену одни лишь свои композиции. Теперь ему пришлось, к большому разочарованию своего отца, погасить все расходы по устройству концерта, да еще выносить унизительное сознание невозможности предложить мне хотя бы самый ничтожный гонорар.

Эти неприятные впечатления не удержали моего зятя от выполнения всей программы задуманных в честь ожидаемых триумфов домашних торжеств. В одном банкете приняли участие и Бюловы. Был дан вечер, на котором я с большим успехом в присутствии значительного количества профессоров прочитал «Мейстерзингеров». На этом вечере я возобновил знакомство с профессором Вайсом, очень интересовавшим меня по воспоминаниям молодости и по дружбе с моим дядей. Он с большим удивлением отозвался о моем искусстве читать.

Бюловы, к сожалению, снова уехали в Берлин. Мы встретились на улице в большой холод и в не особенно приятный момент: они делали официальные визиты. При этом беглом прощании давивший нас всех гнет сказался сильнее, чем мимолетная веселость последних дней. Друзья мои понимали, в каком безотрадно-тяжелом положении я находился: я был настолько легкомыслен, что рассчитывал выручить от лейпцигского концерта сумму, необходимую хотя бы на покрытие ближайших расходов. В этом направлении первое разочарование, которое меня ожидало, заключалось в том, что я не был в состоянии аккуратно уплатить бибрихскому хозяину за квартиру, которую я хотел сохранить за собой еще и на будущий год. А между тем приходилось иметь дело с упрямым, угрюмым человеком, которого и без того можно было склонить к продлению контракта, лишь уплачивая деньги за квартиру вперед. Ввиду того что как раз теперь мне предстояло послать и

Минне сумму, следуемую ей за четверть года, помощь, которую неожиданно предложил мне правительственный советник Мюллер от имени Великого герцога Веймарского, показалась мне действительно ниспосланной с неба. Когда выяснилось, что на Шотта больше нечего рассчитывать, я обратился к своему старому знакомому с просьбой объяснить Великому герцогу мое положение и склонить его оказать мне поддержку хотя бы авансом в счет новых опер. Присланные через Мюллера 500 талеров крайне меня поразили своей неожиданностью. Лишь позднее я мог объяснить себе это великодушие тем, что Великий герцог, проявляя такую любезность ко мне, имел в виду определенную цель: оказать давление на Листа, которого он хотел снова залучить в Веймар. Несомненно, он не ошибался, полагая, что его великодушный образ действий по отношению ко мне произведет благоприятное впечатление на нашего общего друга.

Таким образом, я получил возможность отправиться на несколько дней в Дрезден, чтобы, снабдив Минну деньгами, в то же время оказать ей честь своего посещения, нужную будто бы для поддержания ее щекотливого положения. С вокзала Минна повезла меня в нанятую и устроенную ею квартиру на Вальпургис-штрассе [Walpurgistraße], которой в то время, когда я покинул Дрезден, еще не существовало. Эту квартиру она обставила со свойственным ей искусством и с несомненной целью сделать ее для меня приятной. У входа лежал маленький коврик с вышитой ею надписью *Salve*[571]. Нашу парижскую гостиную я узнал по красной шелковой мебели и гардинам. Большая спальня и довольно уютная рабочая комната вместе с гостиной были предоставлены исключительно в мое пользование, между тем как себе она оставила комнатку с альковом, выходившую во двор. Рабочую комнату украшал тот самый письменный стол красного дерева, который я когда-то, получив место капельмейстера в Дрездене, заказал для себя. После бегства из Дрездена его приобрела семья Риттер, передавшая его своему зятю Куммеру [Kummer]. Сейчас Минна взяла у него этот стол лишь на время, причем объяснила мне, что я могу приобрести его снова в собственность за 60 талеров. Когда же я не выказал никакого желания сделать это, настроение ее омрачилось.

Чтобы избежать стеснения, которое она, несомненно, чувствовала бы, оставаясь со мной наедине, она пригласила мою сестру Клару из Кемница, с которой она и делила теперь свое небольшое помещение. Клара и здесь, как и раньше, показала себя умной и сострадательной женщиной: ей было жаль Минну, и она старалась помочь ей пережить тяжелое время. При этом она

преследовала одну цель: убедить ее в необходимости по-прежнему жить со мной порознь. Для этого она воспользовалась своей точной осведомленностью относительно чрезвычайно тяжелого материального положения, в каком я тогда находился: денежные заботы мои были так велики, что одно указание на необходимость делить их со мной являлось достаточным противовесом всем фантазиям моей жены. Впрочем, мне удалось избежать всяких с нею объяснений, главным образом благодаря тому, что большей частью мы находились в присутствии посторонних. Этому способствовала встреча с замужней дочерью Фрица Брокгауза Кларой Кессингер [Kessinger], а также с Пузинелли, со старым Гейне и, наконец, со Шноррами.

Предобеденными часами я пользовался для визитов. Отправившись к министру Бэру [Bär], чтобы поблагодарить его за хлопоты об амнистии, и проходя в первый раз по улицам Дрездена, я был поражен впечатлением скуки и пустоты, которое они на меня произвели. В памяти моей они сохранились такими, какими я видел их в последний раз: заставленными баррикадами, что придавало им чрезвычайно интересный вид. Из встречавшихся мне по дороге людей я никого не знал. Меня самого не узнал даже владелец магазина, у которого я всегда покупал перчатки и к которому зашел теперь. Вдруг в лавку его вслед за мной вбежал пожилой человек в большом возбуждении и со слезами на глазах: это был сильно постаревший придворный музыкант Карл Куммер[572], гениальнейший гобоист, какого я когда-либо встречал и которого я любил нежной, сердечной любовью. Мы радостно обнялись. Я спросил его, играет ли он по-прежнему на своем инструменте: он ответил, что с тех пор, как я уехал, его гобой больше не доставлял ему прежней радости, и он давно уже вышел в отставку. От него я узнал, что музыканты старой оркестровой гвардии, в том числе и длинный контрабасист Диц [Dietz], частью покинули этот мир, частью оставили службу. Управляющий фон Люттихау и капельмейстер Райсигер умерли, Липинский давно вернулся в Польшу, концертмейстер Шуберт неспособен к труду. Все представилось мне в новом и унылом свете. Министр Бэр высказал мне свои неразвеянные серьезные сомнения относительно моей амнистии. Правда, сам он решился ее подписать, но его не покидает забота, что при большой популярности, какой я пользуюсь как композитор, дело легко может дойти до неприятных демонстраций. Я поспешил его успокоить, обещав остаться здесь всего несколько дней и не показываться в театре. Он отпустил меня с глубоким вздохом, вперив в меня тяжелый взгляд. Совершенно иначе принял меня фон Бейст: элегантно улыбаясь,

он завел разговор о том, что я вовсе не столь невинен, как сам об этом думаю. Он напомнил мне об одном письме, которое было найдено в карманах Рёкеля: это было для меня новостью, и я воспользовался случаем намекнуть, что смотрю на дарованную мне амнистию как на прощение всех совершенных мной неосторожностей. Мы расстались с выражениями самых дружеских чувств.

431

Еще один званый вечер мы отпраздновали в салоне Минны. При этом я прочел «Мейстерзингеров» тем из своих знакомых, которые еще не слышали их. Снабдив Минну деньгами на продолжительное время, я на четвертый день уехал из Дрездена. Минна провожала меня на вокзал с тоскливым предчувствием, что никогда больше меня не увидит. Прощанье наше имело тяжелый характер.

В Лейпциге я остановился на день. В гостинице я снова встретился с Александром Риттером и очень приятно провел с ним вечер за пуншем. Меня побудили сделать эту остановку уверения, что самостоятельный концерт в Лейпциге может иметь большой успех. Нуждаясь в деньгах, я решил принять во внимание и это указание, но, убедившись, что предприятие отнюдь не гарантировано, я поспешно вернулся в Бибрих, где мне предстояло устроить свои квартирные дела. К величайшей досаде, я застал своего хозяина в менее покладистом настроении. По-видимому, он не мог мне простить, что я высказал ему свое порицание за его обращение с собакой, как и то, что я однажды взял под свою защиту его служанку по поводу близких отношений ее с каким-то портным. Несмотря на предложенные ему деньги и всяческие обещания, он оставался неумолим и уверял, что ему самому по слабости здоровья нужна эта квартира с будущей весны. Уплатив ему вперед и обязав его не трогать до Пасхи моей обстановки, я принялся в сопровождении д-ра Шюлера и Матильды Майер объезжать окрестности Рейнгау, чтобы выбрать подходящую квартиру на будущий год. Из этого ничего не вышло – было слишком мало времени. Но друзья обещали неустанно заботиться о приискании для меня помещения.

В Майнце я снова встретился с Фридерикой Майер. Отношения ее во Франкфурте все осложнялись: она вполне оправдала мой образ действий, узнав, что я ответил отказом режиссеру господина фон Гуаиты, которого последний незадолго до того прислал ко мне с поручением уплатить 15 луидоров за

постановку «Лоэнгрина». Она сообщила мне, что совершенно порвала с Гуаитой, добилась отставки и теперь собирается на обещанную ей в Бургтеатре гастроль. Таким образом действий она снова завоевала мое участие, так как я в этом видел опровержение всех взводимых на нее клевет. Я направлялся в Вену, и она была очень рада совершить со мной часть пути от Нюрнберга, куда она собиралась на день и где мы должны были встретиться. Так мы и сделали и вместе приехали в Вену, где моя приятельница остановилась в отеле *Munsch*. Я же занял номер в гостинице *Kaiserin Elisabeth*, к которой привык.

Это было 15 ноября. Я немедленно отыскал капельмейстера Эссера и узнал от него, что репетиции «Тристана» ведутся чрезвычайно энергично. Но зато отношение мое к Фридерике, которое легко было неверно истолковать, скоро вызвало весьма неприятную размолвку между мной и госпожой Дустман. Ей никак нельзя было втолковать истинное положение вещей: она упорно стояла на том, что сестра ее живет в незаконной связи, отвергнута своей семьей, что переселение ее в Вену может скомпрометировать ее, госпожу Дустман. К этому прибавилось то, что положение Фридерики скоро стало причинять мне большие заботы. С Бургтеатром она подписала контракт на три гастроли, упустив из виду, в каких неблагоприятных условиях она должна теперь выступить на сцене, особенно перед венской публикой. Перенесенная ею тяжелая болезнь, от которой она оправлялась среди непрестанных волнений и тревог, сильно обезобразила ее. Она чрезвычайно исхудала, почти лишилась волос, но ни за что не хотела надевать парика. Враждебное отношение сестры оттолкнуло от нее персонал Бургтеатра. Вследствие всего этого, а также неудачного выбора роли выступление ее не имело успеха, и об ангажементе не могло быть и речи. При все увеличивавшейся слабости и постоянной бессоннице она с какой-то благородной стыдливостью старалась скрыть от меня трудности своего положения. Не чувствуя, по-видимому, нужды в деньгах, она все же решила некоторое время пожить спокойно в более дешевой гостинице *Stadt Frankfurt*, чтобы дать отдохнуть своим нервам. По моему желанию она пригласила Штандгартнера, который не мог ей дать никакого совета. Так как климат в это время года, в конце ноября и начале декабря, становится в Вене очень суров, а ей были предписаны прогулки на свежем воздухе, то мне пришло в голову предложить ей поехать на продолжительное время в Венецию. Средства позволяли ей и это. Она последовала моему совету, и в одно морозное утро я проводил ее на вокзал, откуда в сопровождении верной горничной она отправилась навстречу лучшему будущему. К своему крайнему удовлетворению, я скоро

стал получать из Венеции утешительные вести, главным образом относительно состояния ее здоровья.

432

Удрученный тревогой, которую внушала мне моя приятельница, я в то же время продолжал поддерживать сношения с прежними венскими знакомыми. Тут вскоре после моего приезда произошел странный инцидент. Я обещал прочесть «Мейстерзингеров» в доме Штандгартнеров, как мне вообще всюду приходилось их читать. Ввиду того что Ганслик слыл теперь некоторым образом моим другом, его сочли нужным пригласить на это чтение. Но по мере того как оно подвигалось вперед, опасный рецензент становился все угрюмее и бледнее. Всеобщее внимание обратило на себя то, что по окончании чтения он ни за что не хотел оставаться и сейчас же ушел, несомненно, в раздраженном состоянии. Друзья мои единогласно пришли к тому заключению, что Ганслик усмотрел в этой поэме направленный против него пасквиль и приглашение на чтение принял за оскорбление себе. И действительно, с этого вечера отношение ко мне рецензента резко изменилось и стало проявляться в обостренной вражде, последствия чего не заставили себя ждать.

Корнелиус и Таузиг снова появились у меня. Во мне долго еще жило чувство обиды за их отношение ко мне минувшим летом: собираясь пригласить в Бибрих Бюловов и Шноров, я из сердечного расположения к молодым друзьям решил позвать и их. Корнелиус сейчас же ответил на мое приглашение обещанием приехать. Тем сильнее было мое удивление, когда однажды я получил от него письмо из Женевы, куда внезапно разбогатевший Таузиг увлек его за собой в путешествие. Пребывание в Женеве представляло, конечно, больше интереса и значительности, чем пребывание у меня в Бибрихе. Не считая нужным даже выразить сожаление о невозможности провести со мной лето, мне прямо сообщали, что только что с восторгом «выкурили великолепную сигару за мое здоровье». Встретившись с ними в Вене, я не мог не объяснить им, что поведение их показалось мне чрезвычайно обидным. Они же никак не хотели понять, что я мог иметь против предпочтения, оказанного ими прекрасному путешествию во французскую Швейцарию перед посещением Бибриха. Очевидно, я казался им тираном.

Таузиг, кроме того, навлек на себя мое подозрение своим странным поведением в гостинице. Как я узнал, он обыкновенно

обедал в ресторане нижнего этажа и затем, минуя мою комнату, подымался в четвертый, где подолгу просиживал у какой-то графини Кроков[573]. Заговорив с ним об этом, я узнал, что дама эта встречалась с Козимой, и потому выразил удивление, что он не познакомил с ней и меня. Но он странным образом постоянно уклонялся от разговора на эту тему. Когда же я вздумал его подразнить предположением о существующих между ними любовных отношениях, он возразил, что об этом не может быть и речи, так как дама эта стара. Я оставил его в покое, но мое удивление возросло, когда впоследствии я познакомился с графиней Кроков, убедился в ее серьезном участии ко мне и узнал, что она тогда стремилась познакомиться со мной, но что Таузиг всегда отказывался устроить это под тем предлогом, что я не интересуюсь женщинами.

433

В конце концов между нами опять возобновились оживленные дружеские отношения, когда я серьезно принялся за выполнение своего намерения дать в Вене ряд концертов. Фортепьянные репетиции, на которых чрезвычайно прилежно шла музыкальная отделка главных партий «Тристана», я предоставил серьезно заинтересовавшемуся этим делом капельмейстеру Эссеру. Но мое недоверие к успешным результатам этой работы, основывавшееся на сомнении не столько в способностях персонала, сколько в его доброй воле, оставалось непоколебимым. Нелепое поведение г-жи Дустман особенно отбивало у меня охоту присутствовать на репетициях. Напротив, от исполнения в концертах отрывков из моих неизвестных в Вене произведений я ждал благоприятных результатов. Этим я мог доказать своим тайным противникам, что предо мной открыты еще и другие пути для ознакомления публики с моей новейшей музыкой, кроме столь легко преграждаемого пути театральных постановок.

Во всем, что касалось практической стороны организации концертов, Таузиг оказывался чрезвычайно полезным. Было решено снять театр «Ан дер Вин» на три вечера и назначить первый концерт в конце декабря, а оба последующих – спустя неделю каждый. Для первого концерта предстояло выписать оркестровые партии тех пьес, которые я выбрал из партитур: два отрывка из «Золота Рейна», два из «Валькирии» и «Мейстерзингеров». Со вступлением к «Тристану» я хотел подождать, чтобы оно не совпало с объявляемой на афишах постановкой всего произведения. Взяв несколько помощников,

Корнелиус и Таузиг принялись за переписывание, которое, требуя большой музыкальной точности, могло быть поручено только людям, опытным в чтении партитур. К ним присоединился и Вайсхаймер, прибывший в Вену, чтобы присутствовать на концерте. Затем Таузиг объявил мне, что и Брамс, которого он отрекомендовал как «славного парня», несмотря на свою знаменитость, желал бы взять на себя часть их работы: ему был дан отрывок из «Мейстерзингеров». В самом деле, Брамс держал себя очень скромно и мило. Но в общении он был весьма скован, так что на наших собраниях часто оставался почти незамеченным. Кроме того, я часто встречался с знакомым мне с прежних времен Фридрихом Улем, который в обществе Юлиуса Фрёбеля и под покровительством Шмерлинга издавал политический журнал *Der Botschafter* [«Посол»]. Он предоставил его в мое распоряжение и убедил напечатать первый акт «Мейстерзингеров», так как друзья мои сделали наблюдение, что Ганслик становится все ядовитее.

434

В то время как я и мои товарищи были всецело поглощены приготовлениями к концерту, к нам явился однажды некий господин Моритц [Moritz], представленный мне еще Бюловом в Париже как комичная личность. Своим неловким, навязчивым поведением и вздорными, во всяком случае вымышленными, рассказами о будто бы данных ему Бюловом поручениях он довел меня до того, что, заразившись нескрываемым негодованием Таузига, я весьма решительно указал непрошеному посетителю на дверь. Об этом он передал Козиме, изобразив все в таком оскорбительном для Бюлова виде, что она сочла себя вправе письменно выразить свое величайшее негодование по поводу бесцеремонного поведения по отношению к лучшим друзьям. Это непонятно-странное происшествие так изумило и огорчило меня, что я молча протянул письмо Козимы Таузигу и спросил его, что теперь делать и как бороться против всего этого вздора. Таузиг сейчас же взял на себя показать Козиме весь случай в его настоящем свете и рассеять недоразумение. К моей большой радости, желаемые результаты его посредничества не заставили себя ждать.

Начались репетиции к концерту. Нужных мне певцов для исполнения отрывков из «Золота Рейна», «Валькирии» и «Зигфрида» (сцена ковки меча), а также для обращения Погнера в «Мейстерзингерах» дала мне Королевская опера. Только для трех дочерей Рейна мне пришлось воспользоваться услугами

дилетантов. Большую помощь здесь, как и в других случаях, оказал мне концертмейстер Хельмесбергер[574], который своим энтузиазмом и хорошим исполнением подавал пример прочим музыкантам. После предварительных оглушающих репетиций в небольшом помещении Оперы, своим гулом приводивших Корнелиуса в невообразимый ужас, мы перешли на сцену театра «Ан дер Вин», где, кроме дорогой платы за наем театрального зала, мне пришлось потратиться на устройство необходимых приспособлений для оркестра. Окруженная театральными кулисами сцена все-таки оставалась весьма неблагоприятной в акустическом отношении. А между тем сделать за свой счет отражающую звук перегородку и перекрытие мне казалось рискованным.

Первый концерт 26 декабря, несмотря на полный зал, принес в результате только громадные расходы и много огорчений, вызванных тем, что оркестр из-за отсутствия акустики звучал плохо. Несмотря на неблагоприятные перспективы, я для большего успеха следующих двух концертов решил взять на себя расходы по устройству акустического свода. Я утешал себя надеждой, что пущенные в ход усилия, пробудив интерес ко мне в высших кругах, увенчаются успехом.

Мой друг, князь [Рудольф] Лихтенштейн, считал это возможным. Он пытался воспользоваться влиянием при императорском дворе придворной дамы, графини Замойской. К ней он меня и проводил однажды по бесчисленным коридорам императорского дворца. Как это выяснилось впоследствии, здесь сказалась рука г-жи Калержи. Но, по-видимому, ей удалось расположить в мою пользу лишь молодую императрицу, которая одна только и присутствовала на концерте, без всякой свиты.

Второй концерт доставил мне величайшее разочарование: вопреки многочисленным предостережениям, я назначил его на первый день нового 1863 года. Публики собралось чрезвычайно мало, и единственное удовлетворение, какое я имел, заключалось в том, что благодаря акустическим усовершенствованиям оркестр звучал превосходно. Впечатление от выполненной целиком программы было настолько хорошо, что третий концерт 8 января прошел снова при переполненном зале. При этом я имел случай убедиться в большом музыкальном чутье венской публики: отнюдь не эффектное вступление к обращению Погнера пришлось, по бурному требованию публики, повторить, несмотря на то что солист уже поднялся, чтобы начать свою партию.

Взгляд мой случайно упал в эту минуту на одну из лож, и то, что я увидел, показалось мне утешительным предзнаменованием: я узнал госпожу Калержи, только что прибывшую в Вену на

короткое время, как мне казалось, не без намерения оказать мне и здесь свое содействие. Со Штандгартнером, с которым она была в дружбе, она сейчас же принялась обсуждать, как помочь мне в критическом положении, в какое меня поставили громадные расходы по устройству концертов. Она созналась нашему общему другу, что сама совершенно не располагает средствами и для экстренных платежей должна была бы войти в долги. Надо было постараться найти более состоятельных покровителей. Среди таких особенно выделилась баронесса фон Штокгаузен[575], жена ганноверского посланника: будучи в большой дружбе с Штандгартнером, она отнеслась ко мне с теплым участием, заинтересовав в мою пользу также леди Блумфильд[576] и ее супруга, английского посла. К этому последнему я был приглашен на вечер, как не раз бывал и у г-жи фон Штокгаузен. Однажды Штандгартнер принес мне доставленные якобы неизвестным лицом 500 гульденов для покрытия моих расходов. Госпожа Калержи в свою очередь сумела раздобыть 1000 гульденов, которые тоже через Штандгартнера были предоставлены в мое распоряжение для дальнейших нужд. Однако старания ее расположить в мою пользу двор, несмотря на ее близкую дружбу с графиней Замойской, остались безуспешными благодаря тому, что и здесь нашелся один из членов всюду всплывавшей на мое несчастье саксонской фамилии Кённериц. Это был тогдашний посланник. Всякое движение в мою пользу, особенно у пользовавшейся большим вниманием при дворе эрцгерцогини Софии, ему легко было подавить утверждением, что я в свое время поджег дворец саксонского короля!

435

Несмотря ни на что, моя покровительница была по-прежнему неутомима в своих стараниях как-нибудь помочь мне. Чтобы удовлетворить мое сильное желание найти спокойное помещение, она вздумала устроить меня в квартире атташе английского посольства[577], сына знаменитого Бульвер-Литтона, ввиду того что обитатель ее был отозван, обстановка же на некоторое время оставлена в его распоряжении. Она познакомила меня с ним: это был моложавый, очень любезный человек. Вместе с Корнелиусом и госпожой Калержи я однажды обедал у него, а после обеда принялся за чтение «Сумерек богов», не найдя, однако, как мне показалось, особенно внимательной аудитории. Я прервал чтение и удалился с Корнелиусом. На обратном пути мы страшно

мерзли, да и комнаты Бульвера казались нам недостаточно натопленными: мы зашли в ресторан, чтобы согреться за стаканом пунша. Этот факт остался у меня в памяти потому, что я тут в первый раз увидел Корнелиуса в самом необузданно-веселом расположении духа. Пока мы веселились за пуншем, госпожа Калержи, как я понял, пустила в ход всю свою силу могущественной и неотразимой заступницы, чтобы пробудить в Бульвере активный ко мне интерес. В результате мне было сообщено, что последний предоставляет свою квартиру в мое распоряжение на три четверти года. Но, взвесив все обстоятельства, я должен был себе сказать, что едва ли смогу извлечь из этого какую-нибудь выгоду, так как, с другой стороны, у меня совершенно не было в Вене никаких видов на какой-либо заработок.

В это время решающее влияние на мои намерения оказало полученное из Петербурга приглашение[578] продирижировать там в марте месяце двумя концертами Филармонического общества за гонорар в 2000 рублей серебром[579]. Госпожа Калержи, участие которой сказалось и тут, настойчиво советовала принять это предложение, говоря, что я могу дать в Петербурге и самостоятельный концерт. Он, несомненно, будет иметь большой материальный успех и значительно увеличит мой доход. Удержать меня от принятия этого предложения могла бы только уверенность, что в течение ближайших месяцев «Тристан» будет поставлен в Вене.

Но между тем новая болезнь тенора Андера опять приостановила ход репетиций, и у меня пропала всякая вера в те перспективы, которые заставили меня приехать в Вену. Этому вскоре после моего приезда способствовал результат моего визита к министру Шмерлингу. Министр был очень удивлен, когда я сослался на рекомендацию князя Меттерниха. Князь ни слова не говорил ему обо мне. С большой галантностью объяснил он мне, что человек с моими заслугами не нуждается ни в какой рекомендации. Когда я передал ему мысль князя Меттерниха об особом положении, какое мог бы предоставить мне в Вене император, он поторопился уверить меня в полном своем бессилии оказать влияние в этом направлении. Это признание фон Шмерлинга уяснило мне поведение князя Меттерниха. Я сообразил, что последний предпочел воздействие на оберкамергера в пользу серьезной постановки «Тристана» бесплодным хлопотам у министра.

Однако и эта перспектива теперь отодвигалась на неопределенное время, и я дал согласие на петербургское предложение[580]. Но мне предстояло запастись для поездки деньгами. В этом смысле я возлагал большие надежды на концерт, который Генрих Поргес[581] подготовлял для меня в Праге. В начале февраля я отправился туда и имел все основания радоваться приему, который я там встретил. Молодой Поргес, решительный почитатель Листа и сторонник моей музыки, очень мне понравился, как лично, так и проявленной по отношению ко мне услужливостью. Концерт, на котором, кроме бетховенской симфонии, были исполнены отрывки из моих новейших произведений, был дан в зале *Sophieninsel*[582] и имел хороший успех. Когда на следующий день Поргес вручил мне за вычетом небольших дополнительных расходов 1000 гульденов, я с громким смехом заявил, что это первые деньги, заработанные мной личным исполнением. Кроме того, он познакомил меня с некоторыми преданными и образованными молодыми людьми немецкой и чешской партии, между прочим с учителем математики Либлайном [Lieblein] и писателем Музиолем[583]. Очень тронула меня встреча со знакомой мне со времен ранней юности Марией Лёв[584]. Перейдя окончательно от пения к арфе, она занимала в оркестре место арфистки и участвовала в моих концертах. Уже о первой постановке «Тангейзера» в Праге она сообщала мне с большим энтузиазмом. Теперь энтузиазм этот еще усилился, и в течение многих лет она проявляла по отношению ко мне трогательную внимательность.

С чувством удовлетворения и с вновь пробудившимися надеждами я поспешил обратно в Вену, чтобы окончательно решить вопрос о постановке «Тристана». На фортепьянной репетиции двух первых актов, которую опять оказалось возможным устроить в моем присутствии, весьма сносное исполнение тенором его роли повергло меня в истинное изумление. Госпоже Дустман я должен был выразить свою признательность за превосходную передачу трудной партии. Было решено, что опера моя будет поставлена после Пасхи, что вполне согласовалось с предполагаемым временем моего возвращения из России.

Надежда на большие доходы побудила меня снова вернуться к мысли о приобретении постоянной квартиры в тихом Бибрихе. Так как у меня оставалось еще некоторое время до поездки в Россию, я отправился на Рейн, чтобы по возможности устроить свои дела. Остановившись в доме Фрикхёфера, я в сопровождении Матильды Майер и приятельницы ее Луизы Вагнер объехал весь Рейнгау в поисках подходящего помещения. Не найдя ничего, я

даже вошел в переговоры с Фрикхёфером относительно постройки небольшого домика на продававшемся неподалеку от его виллы участке земли. Тот самый Шюлер, с которым я познакомился через молодого Штэдля, как человек, сведущий в юридических и практических вопросах, взял это дело в свои руки. Была составлена смета, и сумма моих доходов в России должна была решить, можно ли с весны приступить к выполнению предприятия. Так как к Пасхе я собирался освободить квартиру в доме Фрикхёфера, я распорядился об упаковке всей моей обстановки и отправке ее к мебельному торговцу в Висбаден, которому я был должен за нее большую часть денег.

437

Преисполненный надежд, я отсюда отправился в Берлин, где тотчас же заявился к Бюловам. Козима, которой в ближайшем времени предстояло рождение ребенка, страшно мне обрадовалась. Несмотря на мои протесты, она потащила меня в музыкальную школу, где находился Ганс. Я вошел в продолговатый зал, в отдаленном конце которого Бюлов давал урок музыки. Остановившись в дверях, я долго стоял молча, пока Ганс не вскочил со своего места в величайшей досаде на непрошеного посетителя, но, узнав меня, разразился радостным смехом. Уговорившись встретиться за обедом, мы с Козимой покинули его и в хорошем настроении поехали кататься в прекрасном, взятом в *Hotel de Russie* экипаже, серая атласная обивка которого все время радовала наш глаз. Бюлов был смущен тем, что мне пришлось увидеть его жену беременной. Когда-то я высказал ему неприятное чувство, какое внушила мне в подобном положении одна из наших общих знакомых. Я совершенно успокоил его на этот счет, говоря, что в Козиме ничто не может подействовать на меня неприятно, и это привело нас в веселое настроение. Вечером друзья мои, разделявшие мои надежды и сердечно радовавшиеся новому повороту в моей судьбе, проводили меня на Кёнигсбергский вокзал.

В Кёнигсберге мне пришлось провести полдня и целую ночь. Не чувствуя никакого желания вновь посетить знакомые места некогда рокового для меня города, я провел все время в комнате гостиницы, даже не поинтересовавшись местоположением ее, и на следующее утро продолжал свое путешествие в Россию. Чувствуя некоторое смущение при воспоминании о совершенном некогда противозаконном переходе этой границы, я внимательно разглядывал во время продолжительного переезда лица моих

спутников. Среди них мое особенное внимание обратил на себя лифляндский дворянин немецкого происхождения, высказывавший самым резким тоном немецкого юнкера свое недовольство по поводу осуществленного русским императором освобождения крестьян[585]. Мне стало ясно, что среди живущего в России немецкого дворянства освободительные стремления русских людей не найдут себе большой поддержки. Немалый испуг овладел мной, когда среди дороги поезд вдруг остановили и жандармы произвели осмотр вагонов. Обыск этот, как мне сказали, относился к нескольким лицам, которых подозревали в том, что они принимают участие в готовившемся тогда польском восстании. Неподалеку от столицы пустые места нашего вагона наполнились людьми, высокие русские меховые шапки которых казались мне тем более подозрительными, что владельцы их самым упорным образом разглядывали меня. Вдруг лицо одного из них прояснилось, и он с восторженным видом приветствовал меня[586], сказав, что выехал вместе с другими музыкантами Императорского оркестра мне навстречу. Это были чистокровные немцы. На вокзале в Петербурге нас ждало много других депутатов оркестра с комитетом Филармонического общества во главе, к которым меня и подвели с торжеством.

Для жительства мне рекомендовали немецкий пансион, находившийся в одном из домов на Невском проспекте[587]. Хозяйка его, госпожа Кунст [Kunst], жена немецкого купца, приняла меня очень любезно. Она отвела мне лучшую комнату с видом на большую, оживленную улицу и окружила заботами и вниманием. Я обедал вместе с прочими пансионерами, и моим частым гостем был Александр Серов, с которым я познакомился еще в Люцерне. Он посетил меня, как только я приехал в Петербург. Здесь он занимал жалкое положение цензора немецких журналов. Этот небрежно одетый, болезненный и сильно бедствовавший человек заслужил мое уважение большой независимостью своего образа мыслей и своей правдивостью, которая в связи с выдающимся умом доставила ему, как я скоро узнал, положение одного из наиболее влиятельных и внушавших страх критиков. Я убедился в этом, когда ко мне обратились из высших сфер, чрезвычайно покровительствовавших Антону Рубинштейну[588], с просьбой оказать на Серова влияние в том смысле, чтобы он умерил резкость своих нападок на него. Когда я изложил ему эту просьбу, Серов представил мне все основания, почему он считает художественно-артистическую деятельность Рубинштейна в России столь губительной. Тогда я попросил его хоть ради меня прекратить на время эти преследования, так как при моем кратковременном пребывании в Петербурге мне было

бы неприятно выступить соперником Рубинштейна. С запальчивостью больного человека он воскликнул: «Я его ненавижу и не могу идти на уступки».

Между мной и Серовым, напротив, существовало полное согласие. Меня самого, все мои стремления он понимал с такою ясностью, что нам оставалось беседовать только в шутливом тоне, так как в серьезных вопросах мы были с ним одного мнения. Ничто не может сравниться с той заботливостью, с какой он старался оказывать мне всяческую помощь. Он хлопотал о переводе на русский язык текстов тех отрывков, которые были выбраны для пения из моих опер, а также моих объяснительных программ. Он оказал мне также чрезвычайно полезное содействие при выборе подходящих певцов. За все это он чувствовал себя достаточно вознагражденным, присутствуя на репетициях и концертах. Я всегда видел перед собой его сияющее лицо, действовавшее на меня бодрящим и оживляющим образом. Самый оркестр, который я собрал вокруг себя в большом и прекрасном зале Дворянского собрания, доставил мне величайшее удовлетворение. Он состоял из 120 избранных музыкантов: большей частью это были знающие свое дело художники, обычно играющие в оркестре итальянской оперы и балета и радостно вздохнувшие теперь, когда им представилась возможность заняться более благородной музыкой под таким управлением, как мое.

438

После значительного успеха первого концерта[589] я получил доступ в те круги, в которых, как мне стало ясно, Мария Калержи тайно, но многозначительно старалась обратить на меня внимание. С чрезвычайной осторожностью моя покровительница предприняла те шаги, целью которых было добиться для меня представления Великой княгине Елене[590]. Прежде всего мне предстояло воспользоваться рекомендацией Штандгартнера к его знакомому из Вены д-ру Арнету, лейб-медику Великой княгини. Через него я уже мог быть представлен госпоже фон Раден[591], самой приближенной фрейлине ее. Знакомство с этой дамой само по себе доставило мне удовлетворение. В ее лице я нашел женщину превосходного образования, большого ума и благородной внешности. Ее все возраставший интерес ко мне проявлялся с некоторой робостью, что, по-видимому, следовало объяснить ее сомнениями относительно Великой княгини: она как будто чувствовала, что для меня должно быть сделано нечто

более значительное, нежели то, чего можно ожидать от ума и характера ее повелительницы.

Я все еще не был представлен непосредственно Великой княгине, а получил сначала приглашение на вечер к ее придворной даме, на котором должна была присутствовать и она. После того как Антон Рубинштейн представил меня придворной даме, эта в свою очередь решилась подвести меня к Великой княгине. Все сошло довольно сносно, и вскоре я удостоился приглашения на чашку чая к Великой княгине. Здесь, кроме фрейлины фон Раден, я встретил другую придворную даму, госпожу Стааль[592], как и старого, добродушного господина, которого мне представили как генерала Бреверна[593], давнишнего друга Великой княгини. По-видимому, госпожа Раден пустила в ход большие усилия, чтобы принести мне пользу, и результат этих усилий сказался в том, что Великая княгиня пожелала ознакомиться через меня с «Кольцом нибелунга». Так как у меня не было с собой ни одного экземпляра поэмы, а приготовленное Вебером издание должно было выйти как раз теперь из печати, то в Лейпциг было тотчас же послано телеграфное требование прислать безотлагательно по адресу великокняжеского двора готовые листы. А пока мои покровители должны были удовольствоваться чтением «Мейстерзингеров». К этому чтению была привлечена и Великая княгиня Мария[594], известная своей неумеренной жизнью[595], чрезвычайно представительная, красивая дочь императора Николая. О том, как она поняла мою поэму, я узнал от фрейлины фон Раден: она все время волновалась о том, чтобы Ганс Сакс не вздумал жениться на Еве.

439

Через несколько дней пришли и отдельные листы «Кольца нибелунга», и интимный маленький кружок еще четыре раза собирался слушать поэму у Великой княгини. На эти чтения самым аккуратным образом являлся и генерал Бреверн, чтобы, как говорила госпожа Раден, «расцветать, как роза», в глубоком сне. Это служило веселой и красивой госпоже Стааль неистощимым материалом для шуток, когда я ночью провожал обеих дам по лестницам и бесчисленным коридорам в их отдаленные помещения.

Из влиятельных высокопоставленных лиц я познакомился еще с графом Виельгорским[596], который занимал высокий и доверенный пост при императорском дворе и был известен

главным образом как покровитель музыки. Он считал себя выдающимся виолончелистом. Почтенный старик был расположен ко мне и абсолютно согласен с моей концепцией исполняемых мной вещей. Так, он уверял меня, что с Восьмой симфонией Бетховена (F-dur) ознакомился настоящим образом только в моем исполнении. Вступление к «Мейстерзингерам» он понял вполне. Напротив, в словах Великой княгини Марии, находившей эту вещь непонятной, но зато с необыкновенным увлечением отозвавшейся о вступлении к «Тристану», он видел одну аффектацию. Сам он постиг его, призвав на помощь все свои музыкальные познания. Когда я передал это Серову, он воскликнул с энтузиазмом: *Ah! I'animal de Comte! Cette femme connait I'amour!*[597]

В честь меня граф дал блестящий обед, на котором присутствовали Антон Рубинштейн и госпожа Абаза[598]. Когда я после обеда выразил желание услышать что-нибудь из рубинштейновской музыки, госпожа Абаза стала настаивать на исполнении его «Персидских песен», что, по-видимому, вызвало сильную досаду композитора, полагавшего, что среди его произведений найдутся еще и другие прекрасные вещи. Тем не менее как сама композиция, так и исполнение ее госпожой Абаза произвели на меня весьма благоприятное впечатление. Через эту певицу, состоявшую раньше при Великой княгине и потом вышедшую замуж за богатого и образованного русского вельможу[599], я попал в дом самого Абазы, где встретил прекрасный прием.

В то же время со мной познакомился и барон Фитингоф[600], музыкант-дилетант и энтузиаст, почтивший меня приглашениями к себе. У него в доме я встретился с Ингеборг Штарк, красивой, знакомой еще по Парижу шведкой-пианисткой и композиторшей. Она удивила меня той дерзкой веселостью, с какой, громко смеясь, исполняла композиции барона. Но в общем она держала себя серьезно, собираясь, по ее собственным словам, выйти замуж за Ганса фон Бронзарта. Сам Рубинштейн, с которым мы обменялись дружественными визитами, держал себя по отношению ко мне безусловно корректно. Мне только показалось, будто в словах его сквозила как бы тайная обида на меня, когда он говорил о своем намерении бросить свое положение в Петербурге, опостылевшее ему главным образом благодаря враждебности Серова. Для успеха бенефисного концерта, который я намеревался дать, меня считали нужным ввести в круг петербургского купечества. С этой целью я должен был посетить концерт в зале Купеческого собрания. Уже на лестнице меня встретил изрядно пьяный русский, отрекомендовавшийся мне

капельмейстером. С небольшим оркестром, составленным из музыкантов Императорских театров, он исполнил, между прочим, увертюры россиниевского «Телля» и веберовского «Оберона», причем литавры были заменены небольшим военным барабаном, что производило довольно странный эффект, особенно в увертюре к «Оберону».

440

Если находившимся в моем распоряжении оркестром я мог быть вполне доволен для своих собственных концертов, то с певцами дело обстояло довольно плохо. Партии сопрано вполне прилично исполняла госпожа Бианки[601]. Но для теноровой партии мне приходилось довольствоваться неким Сетовым[602], обладавшим, правда, большим мужеством, но почти совершенно лишенным голоса. Все же благодаря ему оказалось возможным включить в программу сцену ковки меча из «Зигфрида»: его присутствие создавало впечатление пения, хотя главную роль при этом играл оркестр.

После обоих концертов Филармонического общества я принялся за устройство собственного концерта в помещении Императорской оперы. В хлопотах большую помощь оказал мне один отставной музыкант, целыми часами сидевший, часто в присутствии Серова, в моей натопленной комнате, не снимая огромной шубы. Так как он доставлял нам много возни своей непонятливостью, мы находили, что он представляет собой «овечку в волчьей шкуре».

Успех концерта превзошел все ожидания. Никогда еще, кажется, публика не принимала меня с таким энтузиазмом, как здесь. Уже в первый момент устроенный мне прием своей продолжительностью и бурностью совершенно смутил меня, что бывало со мной редко. Этому энтузиазму публики сильно способствовало пламенное одушевление самого оркестра, потому что именно музыканты все снова и снова возобновляли бешеную бурю аплодисментов. В Петербурге это, по-видимому, было явлением необычным. Я слышал, как они обменивались восклицаниями: «Только теперь мы узнали, что такое музыка». Этим чрезвычайно благоприятным настроением воспользовался капельмейстер Шуберт[603], до сих пор довольно скромно помогавший мне своими деловыми советами, чтобы пригласить меня принять участие в его собственном бенефисном концерте. Досадуя на него за то, что он преследовал одну цель – из моего кармана переложить в свой новый богатый доход, которого

можно было ожидать, я по совету друзей все-таки дал согласие на его просьбу. По прошествии восьми дней я повторил перед столь же многочисленной публикой и с таким же успехом наиболее любимые номера моей программы. На этот раз прекрасный доход в 3000 рублей должен был пойти на покрытие потребностей незначительного человечка, который, как бы в отомщение за нанесенный мне материальный ущерб, еще в том же году был отозван из этого мира[604].

441

Но зато меня ожидали новые успехи и доходы в Москве, относительно которой я заключил условие с генералом Львовым. Там мне предстояло дать три концерта в Большом театре, половина дохода с которых, гарантированная 1000 рублей за каждый, должна была идти в мою пользу. В оттепель, сменившуюся новым морозом, я, простуженный, в дурном настроении духа, прибыл в скверно расположенный немецкий пансион[605]. Уладив некоторые детали с управляющим, показавшимся мне, несмотря на все его ордена, весьма незначительным человеком, и придя к соглашению с русским тенором и итальянской певицей относительно трудного выбора вещей для пения, я приступил к оркестровым репетициям. Здесь я прежде всего познакомился с младшим братом Антона Рубинштейна Николаем[606], который в качестве директора Русского музыкального общества являлся авторитетным лицом в своей области. Музыкальный представитель Москвы, он держался по отношению ко мне все время скромно и предупредительно. Оркестр состоял из 100 музыкантов, обслуживавших Императорскую итальянскую оперу и балет, и в общем значительно уступал петербургскому. Впрочем, я и среди них нашел небольшое количество весьма дельных и страстно преданных мне квартетистов, среди которых встретил старого, со времен Риги знакомого, славившегося своим остроумием виолончелиста фон Лютцау. Но больше всего меня радовал скрипач Альбрехт[607], брат того самого господина, который так напугал меня своей русской меховой шапкой, когда я подъезжал к Петербургу.

Но эти немногие лица не могли заставить меня не смотреть на мою работу, на отношения с московским оркестром как на некоторое унижение. Я трудился изо всех сил, не извлекая из этого никакой радости. К этому прибавилось еще раздражение, которое вызывал во мне русский тенор, являвшийся на репетиции

в красной рубахе, чтобы выразить свою патриотическую антипатию к моей музыке, и певший по-русски песни Зигфрида в усвоенной им пошлой итальянской манере. В день первого концерта я с утра почувствовал сильную лихорадку и должен был отложить концерт. В занесенном снегом городе было невозможно принять все меры для своевременного оповещения об этом публики, и я узнал, что вечером был большой съезд блестящих экипажей, что многие выражали свое неудовольствие. Отдохнув дня два, я решил дать все три условленных по контракту концерта в течение шести вечеров. К такому крайнему напряжению сил меня особенно побуждало желание как можно скорее покончить со всем этим предприятием, казавшимся совершенно меня недостойным. Несмотря на то что Большой театр был переполнен блестящей публикой, какой я нигде больше не видал, все же, по расчетам дирекции, на мою долю пришлось не больше гарантированной мне суммы. Но я чувствовал себя вознагражденным оказанным блестящим приемом и особенно громадным энтузиазмом, который проявил по отношению ко мне оркестр. Избранная им депутация обратилась ко мне с просьбой дать еще четвертый концерт. Когда я отказался от этого, меня пытались уговорить устроить хотя бы одну «репетицию», что я тоже должен был с улыбкой отклонить.

Однако оркестр чествовал меня специально устроенным банкетом, закончившимся, после того как Николай Рубинштейн произнес весьма удачную и теплую речь, довольно яркими проявлениями восторга. Кто-то посадил меня к себе на плечи и пронес через всю залу. Поднялись крик и шум, каждый хотел оказать мне то же внимание. Здесь же мне поднесли купленный оркестровыми музыкантами вскладчину почетный подарок: золотую табакерку, на которой были выгравированы слова Зигмунда из «Валькирии»: *Doch Einer kam*[608]. Я благодарил за подарок, поднеся в свою очередь оркестру свой довольно большой фотографический портрет, на котором написал строфу, предшествующую предыдущему: *Keiner ging.*

Вследствие рекомендации и весьма многозначительного отзыва г-жи Калержи я имел возможность вне музыкального мира познакомиться с князем Одоевским[609]. В лице этого человека я должен был, по словам моей приятельницы, встретить благороднейшего из людей, который вполне поймет меня. В самом деле, попав после бесконечно долгой, чрезвычайно утомительной езды в его скромную квартиру, я был принят всей семьей, сидевшей за обеденным столом, с патриархальной простотой. Однако дать ему представление о моих идеях и намерениях оказалось чрезвычайно трудно. Его же собственные

вкусы проявились только в том, что он стал мне показывать стоявший в обширном зале огромный, похожий на орган инструмент, который был изобретен и изготовлен по его указаниям[610]. К сожалению, не было никого, кто умел бы на нем играть[611]. Все-таки я должен был составить себе представление о богослужении, которое, по какой-то его собственной системе, под аккомпанемент этого инструмента совершалось каждое воскресенье для его родственников и знакомых. Помня о своей покровительнице, я пытался открыть добродушному князю глаза на мое положение и цель моих стремлений. С весьма заинтересованным видом он воскликнул: J'ai ce qu'il vous faut, parlez à Wolffsohn![612] По наведенным справкам оказалось, что этот ангел-хранитель, к которому князь направил меня, был отнюдь не банкир, а русско-еврейский романист[613].

Тем не менее мои доходы, включая и предстоявший еще значительный заработок в Петербурге, давали мне возможность осуществить план постройки дома в Бибрихе, и поэтому еще из Москвы, которую я покинул после десятидневного пребывания в ней, я послал соответствующую телеграмму моему уполномоченному в Висбаден. Я переслал 1000 рублей Минне, жаловавшейся на большие расходы, которых потребовало устройство в Дрездене.

Против ожидания меня по приезде в Петербург сейчас же встретили большие неприятности. Со всех сторон я слышал советы не назначать бенефисного концерта на второй день Пасхи, потому что русское общество, согласно обычаю, посвящает этот день развлечениям в семейном кругу. С другой стороны, у меня не было никакой возможности отказаться от концерта в пользу заключенных петербургского долгового отделения, назначенного на третий день после моего, так как приглашение это, весьма настойчивое, шло от самой Великой княгини Елены. На этот концерт, находившийся под столь высоким покровительством, весь Петербург считал долгом явиться, и все билеты были распроданы заранее. Мне же в почти пустом зале Благородного собрания пришлось удовольствоваться сбором, к счастью, покрывшим все мои издержки. Зато концерт в пользу заключенных в долговом отделении прошел особенно торжественно: генерал Суворов[614], человек необыкновенной красоты, притом же губернатор Петербурга, вручил мне от имени заключенных в знак их благодарности прекрасной работы

серебряный рог для питья.

Я начал свои прощальные визиты. Фрейлина фон Раден выказала мне под конец очень много участия. Чтобы вознаградить меня за материальную неудачу, Великая княгиня прислала мне через нее 1000 рублей, причем намекнула, что будет делать такие же подарки ежегодно до тех пор, пока мое внешнее положение не изменится к лучшему. Видя такое расположение к себе, я пожалел, что завязавшимся у меня в Петербурге отношениям не суждено иметь более основательных и богатых результатами последствий. Я попросил госпожу Раден предложить Великой княгине приглашать меня ежегодно на несколько месяцев в Петербург: я посвятил бы свои силы и способности устройству концертов и театральных представлений за соответствующее жалованье. На это я получил уклончивый ответ. Еще накануне отъезда я сообщил моей любезной посреднице свой план поселения в Бибрихе, причем не скрыл от нее опасения, что, если я потрачу на это заработанные в России деньги, положение мое останется таким же, каким было до сих пор, и что поэтому не будет ли благоразумнее отказаться от этой постройки. В ответ на это она воскликнула с энтузиазмом: «Стройте и надейтесь!» В последний момент перед отъездом на вокзал я с чувством благодарности написал ей, что теперь я знаю, как мне быть.

Так я покинул Петербург в конце апреля, сопутствуемый самыми сердечными пожеланиями Серова и полных энтузиазма оркестровых музыкантов. Минуя Ригу, куда меня приглашали на концерт, я направился по пустынной русской равнине прямо к границе. В Вержболове[615] меня ждала телеграмма от госпожи Раден, которая в ответ на мою последнюю записку считала нужным предостеречь меня следующими словами: «Не слишком смело». Этого было достаточно для того, чтобы сомнения относительно проектируемой постройки возникли во мне с новой силой.

443

Не останавливаясь нигде, я приехал в Берлин и сейчас же отправился на квартиру Бюлова. В течение последних месяцев я не имел никаких известий о здоровье Козимы и с большой тревогой позвонил у дверей ее квартиры. Отворившая мне горничная не впустила меня, говоря, что «барыня нездорова». «Она действительно больна?» – спросил я. Получив уклончивый, сопровождаемый улыбкой ответ, я сейчас же понял, в чем дело. Поспешно я прошел к Козиме, которая, разрешившись давно уже дочерью Бландиной, теперь чувствовала себя здоровой и лишь не принимала обыкновенных посещений. Все, казалось, шло хорошо. Даже Ганс был весел и выразил надежду, что мои успехи в России избавят меня на долгое время от забот. Эту надежду я считал бы основательной лишь в том случае, если бы мое желание ежегодно получать приглашения в Петербург на несколько месяцев могло получить осуществление. А между тем подробное письмо, которое госпожа Раден послала мне вслед за телеграммой, ясно говорило, что в этом смысле мне нечего рассчитывать ни на какие обещания. Определенный тон письма побудил меня серьезно обсудить состояние моих капиталов, составлявших за вычетом расходов по разъездам и пребыванию в Петербурге, а также сумм, высланных Минне и моему висбаденскому мебельному торговцу в уплату долга, немногим более 4000 талеров. Само собой разумеется, приходилось отказаться от покупки участка земли и постройки дома. Однако прекрасное самочувствие и настроение Козимы заглушили во мне все заботы. В самом веселом расположении духа мы опять совершили в прекрасном экипаже прогулку по аллеям Тиргартена, закончив ее веселым обедом в *Hotel de Russie*. Мы решили, что дурные времена остались позади.

444

Как бы то ни было, прежде всего надо было вернуться в Вену. Недавно я получил оттуда извещение, что «Тристан» снова откладывается, на этот раз по случаю болезни г-жи Дустман. Я видел, что за этим делом надо следить на месте. Ни с одним из немецких городов я не завязывал столь близких сношений, как с Веной, и я считал этот город подходящей для себя ареной деятельности. Таузиг, которого я нашел в блестящих условиях жизни, вполне одобрил мое намерение и еще утвердил меня в

нем, обязавшись найти в окрестностях Вены уютное и спокойное помещение, которого я так жаждал.

При помощи своего домохозяина он исполнил это самым удачным образом. В Пенцинге [Penzing] он нашел скромный и красивый дом старого барона фон Раковица [von Rackowitz], в котором за 1200 гульденов в год в мое распоряжение был предоставлен весь верхний этаж, а также исключительное пользование довольно большим тенистым садом. Дом этот являлся для меня весьма желанным приютом. Домоправителя Франца Мразека [Mrazek], очень льстивого человека, и жену его Анну, чрезвычайно способную и вкрадчивую особу, я сейчас же взял к себе в услужение, в котором они оставались долгие годы при самых переменчивых обстоятельствах моей жизни. Теперь мне снова предстояли расходы: надо было устроить этот обретенный, желанный приют возможно уютнее для покоя и работы. Я выписал из Бибриха остатки сохранившейся обстановки вместе с теми вещами, которые были куплены в Висбадене для пополнения ее, а также рояль «Эрар».

В чудесный весенний день 12 мая я переехал на новую квартиру, на устройство которой у меня ушло немало времени. Здесь завязались мои сношения с *Philipp Haas & Söhne*[616], принявшие с течением времени столь серьезные масштабы. Пока заботы и хлопоты по устройству приюта, возбуждавшего столь радужные надежды, приводили меня в самое лучшее настроение. Музыкальный зал с роялем и гравюрами по Рафаэлю, оставшимися на мою долю при Бибрихском разделе, был уже готов, когда 22 мая я отпраздновал пятидесятый год своего рождения. Вечером при свете иллюминации Торговое певческое общество почтило меня серенадой, а депутация от студентов приветствовала пламенной речью. Я велел принести вина, и все сошло очень хорошо. Чета Мразек весьма сносно вела мое хозяйство. Анна своим кулинарным искусством давала мне возможность часто видеть у себя за обедом Таузига и Корнелиуса.

445

К сожалению, мне опять пришлось вынести большие неприятности от Минны, осыпавшей меня горячими упреками за все, что я ни делал. Так как я раз навсегда отказался отвечать ей лично, то и на этот раз я написал ее дочери Натали, все еще официально не признаваемой, напомнив о принятом в прошлом году решении.

Насколько мне не хватало заботливой женской руки для

ведения дома, стало для меня ясно лишь тогда, когда я написал Матильде Майер в Майнц, приглашая ее приехать ко мне и своим присутствием восполнить те недочеты, которые она у меня найдет. Эту добрую приятельницу я считал рассудительной женщиной, и не сомневался, что, не испытывая ни малейшего стеснения, она хорошо поймет мое намерение. Я не ошибся. Но я не принял в соображение ее мать и всю окружающую буржуазную обстановку. Мое предложение вызвало величайшее возбуждение, потребовавшее в конце концов вмешательства приятельницы Матильды, Луизы Вагнер. Со свойственной ей рассудительностью и точностью она посоветовала мне развестись сначала с женой, после чего все остальное уже легко будет устроить. Это меня так испугало, что я сейчас же взял назад свое необдуманное предложение и постарался, как мог, рассеять вызванное мной волнение.

С другой стороны, Фридерика Майер бессознательно для самой себя продолжала внушать мне сильную тревогу своей совершенно непонятной участью. После того как минувшей зимой она с большой пользой провела несколько месяцев в Венеции, я написал ей из Петербурга и высказал свое желание встретиться с нею в Берлине у Бюловов. Зная интерес, с каким отнеслась к ней Козима, я по зрелом размышлении решил, что мы сообща обсудим при этом свидании, что можно предпринять для упорядочения сильно поколебленного жизненного положения моей приятельницы. На это свидание она не явилась, сообщив, что состояние ее здоровья сильно мешает ее артистической карьере, что она поселилась на время у своей подруги в Кобурге, где старается поддержать свое существование случайными выступлениями в тамошнем маленьком театре. С предложением, какое я послал Матильде Майер, я к ней, по многим причинам, обратиться не мог. Вместе с тем она выразила сильнейшее желание встретиться со мной на короткое время, уверяя, что после этого оставит меня в покое навсегда. Мне казалось бесцельным сейчас же удовлетворить ее фантастическое желание. Я обещал устроить это потом. В течение лета она из различных мест повторила ту же настойчивую просьбу, пока, намереваясь дать поздней осенью концерт в Карлсруэ, я не назначил ей время и место для свидания, к которому она так стремилась. На это не последовало никакого ответа. Вообще, от этой странной и неспокойной моей приятельницы я больше никаких признаков жизни не получал, а так как местопребывание ее было мне неизвестно, то отношения между нами я считал окончательно порванными. Лишь много лет спустя мне стала известна тайна ее чрезвычайно затруднительного положения. Я понял, что она

стеснялась открыть мне правду существовавших между ней и фон Гуаитой отношений. Оказалось, что он имел на нее гораздо больше прав, чем я предполагал, и теперь своим безвыходным положением она была вынуждена искать последнего прибежища у этого человека, все же серьезно ей преданного. Я узнал, что, тайно обвенчавшись с Гуаитой, она с двумя детьми незаметно проводит жизнь в небольшом поместье на Рейне, уйдя не только от театра, но и от всего мира.

446

Мне все еще не удавалось найти то спокойствие, необходимое для работы, которое я подготовлял торжественно и с такими усилиями. Совершенный у меня грабеж со взломом, предметом которого стала подаренная мне московскими музыкантами золотая табакерка, снова вызвал во мне желание обзавестись собакой. Мой любезный старик-домохозяин уступил мне старого охотничьего пса, давно уже находившегося у него в пренебрежении, одно из симпатичнейших и великолепнейших животных, с какими мне когда-либо приходилось иметь дело. С ним, с Полем, я ежедневно предпринимал дальние прогулки пешком, к которым так располагали прекрасные окрестности. Я жил довольно уединенно, так как Таузига продолжительная и тяжелая болезнь приковала к постели, а Корнелиус лежал с раной на ноге, которую он получил во время поездки в Пенцинг, сходя неосторожно с омнибуса. Дружеские сношения я поддерживал по прежнему с Штандгартнером и его семьей. Кроме того, по случаю устроенной им серенады Торгового певческого кружка ко мне примкнул и младший брат Генриха Поргеса, Фритц, начинающий врач, довольно симпатичный человек.

Я убедился, что о постановке «Тристана» в венском оперном театре больше нечего и думать, так как болезнь г-жи Дустман служила только предлогом, действительной же причиной прекращения репетиций было полное отсутствие голоса у Андера. Честный капельмейстер Эссер неустанно пытался убедить меня передать роль Тристана другому тенору, Вальтеру. Но последний был мне так неприятен, что я не мог себя заставить послушать его хоть раз в «Лоэнгрине». Вот почему я предал все предприятие полному забвению, ожидая подходящего настроения, чтобы возобновить работу над «Мейстерзингерами». Прежде всего я принялся за ту часть первого акта, из которой я раньше инструментовал только несколько отрывков. Вместе с тем с приближением лета ко всем моим мыслям и ощущениям стала

примешиваться материальная забота о будущем. Я видел, что, исполняя свои обязательства, в особенности по отношению к Минне, я скоро вынужден буду предпринять что-нибудь для нового заработка.

Поэтому неожиданно полученное приглашение от дирекции Пештского национального театра дать там два концерта явилось для меня как нельзя более кстати. В конце июля я отправился в столицу Венгрии, где меня встретил совершенно незнакомый мне управляющий тамошним театром Раднотфай [Radnotfay]. Ременьи[617], в свое время покровительствуемый Листом и действительно не лишенный таланта скрипач-виртуоз, неумеренно-восторженным образом выражавший мне свою преданность, заявил мне, что приглашение было послано исключительно благодаря его стараниям. Особенной выгоды эти два концерта не могли мне принести, так как я согласился на предложенное мне вознаграждение в 500 гульденов за каждый, но художественно-артистический их успех, как и значительный интерес публики к ним, доставили мне большое удовлетворение. В Будапеште, где еще царила сильная мадьярская оппозиция против Австрии, я познакомился с несколькими представительными, даровитыми молодыми людьми, из которых у меня сохранилось особенно хорошее дружеское воспоминание о Рости[618]. Эти молодые люди устроили в честь меня в небольшом интимном кружке идиллический обед на одном из островов Дуная. Мы расположились там, словно для патриархального торжества, под тенью векового дуба. Торжественную речь произнес молодой адвокат, имя которого я, к сожалению, забыл. Он поверг меня в изумление и глубоко растрогал не только своим пламенным красноречием, но и истинной возвышенностью и серьезностью своих мыслей, свидетельствовавших об основательном знакомстве с моими работами и моей деятельностью. Обратный путь мы совершили по Дунаю на маленьких быстроходных лодочках спортивного Общества гребцов, членами которого состояли чествовавшие меня молодые люди. Во время переезда нас застигла гроза с бурей, всколыхнувшей могучие воды реки.

В нашем обществе находилась одна дама, графиня Бетлен-Габор [Bethlen Gábor], сидевшая со мной в узенькой лодочке, которой управлял Рости с одним из своих друзей. Обоих гребцов охватила сильная тревога, чтобы лодку не разбило об один из плотов, на которые нас несло волнами, и они употребили все усилия держаться подальше от них. Я же единственное спасение для сидящей рядом со мной дамы видел именно в том, чтобы попасть на такой плот. Вопреки желанию гребцов, я

воспользовался моментом и ухватился рукой за выдававшийся на плоту кол и остановил лодку. Перепуганные гребцы вскрикнули, что «Эллида» погибла. Не теряя времени, я быстро поднял и вынес из лодки даму и, предоставив друзьям спасать «Эллиду», сам зашагал спокойно под проливным дождем сначала по плотам, а потом вдоль берега по направлению к городу. Мое поведение произвело впечатление на моих друзей и до некоторой степени увеличило мой престиж в их глазах. Был устроен еще один, более торжественный банкет в публичном саду, число участников которого было гораздо значительнее. Здесь меня чествовали совершенно по-венгерски. Громадный цыганский оркестр заиграл при моем приближении «Ракоци-марш»[619] под бурные возгласы Eljen[620] всех присутствующих. И тут были произнесены пламенные и компетентные речи обо мне и моей деятельности, выходящей далеко за пределы Германии. Вступления к этим речам произносились всякий раз на венгерском языке, как бы в извинение того, что главные мысли выражались на немецком. Называли меня при этом не Рихард Вагнер, а Вагнер Рихард[621].

447

Высшее военное начальство в лице фельдмаршала Коронини[622] тоже сочло нужным почтить меня: граф пригласил меня в замок Офен [Schloß von Ofen], желая представить мне все наличествующие военно-музыкальные силы. Граф и графиня приняли меня очень радушно, угостили мороженым и провели на балкон, откуда я должен был прослушать концерт объединенных военных оркестров. Все вместе произвело на меня чрезвычайно освежающее впечатление, и мне почти жаль было возвращаться из юношески оживленной атмосферы, в какой представился мне Будапешт, в мой молчаливый, затхлый приют в Вене. Уезжая обратно домой в начале августа, я часть пути совершил в обществе моего парижского знакомого фон Зеебаха, любезного саксонского посланника. Он очень жаловался на громадные убытки, в которые его вводит управление имениями, принесенными ему в приданое женой и расположенными в Южной России, откуда он сейчас возвращался. Я же, напротив, старался совершенно успокоить его разговорами о собственном положении, что очень ему понравилось.

Незначительный доход от будапештских концертов, из которого мне удалось привезти в Вену только половину, не мог успокоить меня относительно будущего. Теперь, когда все мои капиталы были потрачены на устройство приюта, рассчитанного,

как мне казалось, на долгий срок, мне надо было обеспечить себя ежегодным, не чрезмерно большим, но верным доходом. Отнюдь не чувствуя склонности поставить крест на своих связях с Петербургом и планах, на них основанных, я вместе с тем полагал, что не следует оставлять без внимания и уверения Ременьи, хваставшего своим влиянием в мире венгерских магнатов. Он сказал мне, что без особенного труда можно будет выхлопотать для меня в Будапеште подобную ежегодную пенсию с обязательствами, какие я имел в виду для Петербурга. И действительно, вскоре после моего возвращения в Пенцинг он посетил меня в сопровождении своего приемного сына, молодого Плотени[623], выдающаяся красота и любезность которого произвели на меня очень хорошее впечатление. Что касается приемного отца, то, хотя он и вызвал мой восторг гениальным исполнением на скрипке «Ракоци-марша», я скоро увидел, что его блестящие обещания, рассчитанные больше на минутный эффект, не заключали в себе никакого активного намерения. Позднее мы совершенно потеряли друг друга из виду.

448

Вынужденный заняться обдумыванием плана концертного турне, я при наступившей сильной жаре наслаждался тенью своего сада, а по вечерам в сопровождении верной собаки Поля предпринимал далекие прогулки, излюбленной целью которых была пастушья хижина на пастбище святого Вита, где я пил прекрасное молоко. Мой небольшой кружок друзей ограничивался в это время лишь Корнелиусом да выздоровевшим наконец Таузигом, который, впрочем, скоро исчез у меня из глаз на продолжительное время, заведя знакомства среди богатых офицеров австрийской службы. Зато в течение некоторого времени меня сопровождал на прогулках, наряду с младшим, также и старший Поргес. Изредка меня посещала моя племянница Оттилия Брокгауз, жившая в родственной ей по матери семье Генриха Лаубе.

Но как только я принимался серьезно за работу, меня снова начинали одолевать тяжелые заботы о спокойном будущем. Ввиду того что о новой поездке в Россию раньше Пасхи будущего года нечего было и думать, я пока мог рассчитывать только на немецкие города. С разных сторон, например из Дармштадта, я получал определенно отрицательные ответы. Из Карлсруэ, куда я обратился непосредственно к Великому герцогу, мне сделали предложение отсрочить свое намерение. Но сильнее всего

поколебалась моя уверенность, когда, запросив в Петербурге относительно плана, который я там предпринял и осуществление которого обеспечило бы меня определенным доходом, я получил решительный отказ. Вспыхнувшее летом польское восстание[624] парализовало, как мне сообщали, все силы для каких бы то ни было художественно-артистических предприятий. Утешительнее были известия из Москвы, где мне обещали на будущий год несколько хороших концертов. Теперь я вспомнил, что певец Сетов весьма рекомендовал мне поездку в Киев, говоря, что она может дать выгодные результаты. Вступив в переписку с Киевом, я получил ответ, в котором мне тоже советовали ждать до Пасхи будущего года, когда все малороссийское дворянство соберется в этом городе. Это были все отдаленные планы и, полагаясь на них, я мог окончательно потерять всякое спокойствие, столь необходимое для работы. Как бы то ни было, меня ожидали большие заботы: надо было достать денег как для себя, так и для Минны. К надеждам как-нибудь устроиться в Вене я должен был относиться с величайшей осторожностью, и с приближением осени мне не оставалось ничего другого, как искать денег, в чем помог мне весьма опытный в этих делах Таузиг.

449

Мне должна была прийти в голову мысль расстаться с квартирой в Пенцинге. Но всякий раз вставал вопрос: куда деваться? Если иной раз и являлось настроение, благоприятное для творческой работы, заботы все снова и снова убивали его, и не оставалось ничего, как приняться за изучение «Истории древности» Дункера[625]. Наконец все мое время стало уходить на переписку по поводу концертов. Генриху Поргесу опять пришлось взять на себя хлопоты в Праге. Впрочем, он предложил мне концерт в Лёвенберге [Löwenberg], который можно было устроить при большом сочувствии тамошнего князя фон Гогенцоллерна[626]. Мне рекомендовали, кроме того, обратиться к Гансу фон Бронзарту, управлявшему в Дрездене оркестром частного музыкального общества. Он с большой готовностью пошел навстречу моему предложению, и мы условились о времени и программе концерта, который будет дан в Дрездене под моим управлением. Так как и Великий герцог Баденский предоставил в мое распоряжение свой театр для устройства концерта в Карлсруэ в ноябре, я полагал, что в этом направлении пока сделано достаточно, что я могу направить свои усилия в другую сторону.

Я написал для фрёбелевской газеты *Der Botschafter* большую статью о Венской Придворной опере[627], в которой изложил проект основательной реформы чрезвычайно плохо поставленного учреждения. Вся пресса признала мой проект превосходным, и даже в высших административных кругах статья произвела некоторое впечатление. От своего друга Рудольфа Лихтенштейна я скоро узнал, что с ним вошли в переговоры о передаче ему должности интенданта императорских театров, что, конечно, находилось в связи с предположением привлечь и меня к руководительству Придворной оперой. Между прочим, проект все-таки был отвергнут из опасения, чтобы под управлением Лихтенштейна публике не пришлось слушать исключительно «вагнеровские оперы».

450

Я почувствовал облегчение, когда пришлось отправиться в концертное турне и можно было наконец вырваться из гнетущего своей неопределенностью выжидательного положения. В начале ноября я приехал в Прагу, чтобы снова попытать счастья в смысле хорошего дохода. К сожалению, на этот раз Генрих Поргес не взял в свои руки организацию концерта, а заменившие его учителя, чрезвычайно занятые в своих школах, не обладали достаточной опытностью в этом деле. Расходы увеличились, доход же уменьшился, так как устроители концерта не решались назначить прежние высокие цены. Я хотел вознаградить себя вторым концертом через несколько дней после первого и осуществил свое намерение вопреки уговорам друзей. Оказалось, что друзья были правы. Доход едва покрыл мои издержки, и так как мне надо было вырученные с первого концерта деньги послать в Вену в уплату по оставленному там векселю, то теперь оставалось только принять помощь предложившего свои услуги банкира, чтобы расплатиться в гостинице и иметь возможность ехать дальше.

В соответствующем такому положению дел настроении я направил свой дальнейший путь в Карлсруэ. Путешествие это через Нюрнберг и Штутгарт протекло чрезвычайно неприятно, при большом холоде и с постоянными запозданиями. В Карлсруэ вокруг меня сейчас же собрались друзья, которых привлек сюда слух о предстоящем концерте: неизменный гость Рихард Поль из Бадена, Матильда Майер, госпожа Бетти Шотт, моя издательница, Рафф из Висбадена, Эмилия Генаст и получивший недавно место капельмейстера в Штутгарте Карл Экерт. Первый концерт, назначенный на 14 ноября, доставил мне много неприятностей

из-за певцов: баритон Хаузер [Hauser], который должен был спеть «Прощание Вотана» и песнь Ганса Сакса за работой, заболел, и его пришлось заменить безголосым, но набившим руку опереточным певцом, что, по мнению Эдуарда Девриента, не составляло разницы. Девриент, с которым я общался только в самом официальном тоне, проявил большую корректность в заботах об устройстве согласно моим указаниям помещения для оркестра. Вообще, поскольку это зависело от оркестра, концерт прошел очень хорошо, так что Великий герцог, чрезвычайно благосклонно принявший меня в своей ложе, пожелал повторения его через неделю. Я сейчас же высказал свои соображения против этого: опыт показал, что большой наплыв публики на подобных концертах, особенно при высоких ценах, объясняется главным образом любопытством, заставляющим съезжаться иногда даже издалека, между тем как настоящие ценители искусства и действительно интересующиеся делом составляют обыкновенно лишь незначительное меньшинство. Однако Великий герцог настаивал на своем, желая доставить наслаждение своей теще, королеве Августе, которую ожидали через несколько дней.

Особенно тягостной казалась мне необходимость одиноко провести столько времени в гостинице. Но Мария Калержи, только что вышедшая замуж за Муханова, к моей большой радости тоже приехавшая в Карлсруэ, любезно пошла мне навстречу, пригласив к себе в Баден-Баден, где она сейчас жила. Там моя приятельница встретила меня на вокзале и предложила сопровождать меня в город. Я счел своим долгом отказаться от этой любезности, так как полагал, что выгляжу недостаточно прилично в своей «разбойничьей шляпе». Заявив мне: «Мы все здесь ходим в таких разбойничьих шляпах», она повела меня под руку на виллу Полины Виардо, где мы и пообедали, так как моя приятельница еще не успела вполне устроиться в собственном доме. Здесь я познакомился с русским писателем Тургеневым. Своего супруга госпожа Муханова представила мне, ожидая с любопытством, что я скажу о ее замужестве. Она все время старалась поддерживать интересную для меня беседу, в чем ей помогали и окружающие светски опытные люди.

Чрезвычайно удовлетворенный любезностью моей приятельницы и покровительницы, я покинул Баден, чтобы остановиться на короткое время в Цюрихе, где рассчитывал несколько отдохнуть в доме Везендонков. Мы детально обсудили мое положение, но мысль помочь мне выйти из него не приходила в голову моим друзьям. Я отправился обратно в Карлсруэ, где 19 ноября дал второй концерт, как и можно было предвидеть, при весьма небольшом стечении публики. Одна

королева Августа, по мнению великогерцогской четы, должна была рассеять те неприятные ощущения, которые могли у меня возникнуть. Я опять был приглашен в великогерцогскую ложу, где все члены семьи собрались вокруг королевы, носившей на голове в виде украшения синюю розу и обратившейся ко мне с похвалами, к которым весь баденский двор прислушивался с величайшим вниманием. Только когда от общих мест надо было перейти к частностям, высокая гостья уступила слово своей дочери, которая, сказала она, больше смыслит в этом, чем она. На следующий день мне прислали мою долю чистого дохода, составившую сумму в 100 гульденов. Я сейчас же купил себе на эти деньги шубу. За нее просили 110 гульденов, но мне удалось выторговать 10, сославшись на то, что доход с концерта равен предлагаемой мной сумме. Затем мне был прислан подарок от Великого герцога: золотая табакерка со вложением 15 луидоров. Выразив письменно свою благодарность, я спросил себя, следует ли после всех горестных утомлений последних недель увеличивать ряд испытанных разочарований концертом в Дрездене. Многое, почти все, что приходилось иметь в виду при обсуждении этого вопроса, заставило меня собраться с духом и в последнюю минуту написать Гансу фон Бронзарту, с дружеской любезностью хлопотавшему об устройстве концерта, чтобы он отменил все приготовления и не ожидал моего приезда. Он отнесся к этому неожиданному распоряжению чрезвычайно прилично, хотя, наверное, оно доставило ему большие затруднения.

451

Я решил еще раз попытать счастья с фирмой Шоттов в Майнце и отправился туда ночным поездом. Семья Матильды Майер дружески предложила мне свое гостеприимство на время моего пребывания в Майнце и настояла на том, чтобы я остановился в их маленькой квартире в Картхойзергассе [Karthäusergasse], где я провел день и ночь, окруженный самым милым уходом. Отсюда я предпринял новый набег на контору издательства Шотта, не увенчавшийся, однако, особенным успехом. Я отказывался издать отдельно отрывки моих новейших произведений, извлеченные и аранжированные для концертных целей.

Так как единственное, на что я мог рассчитывать, был концерт в Лёвенберге, я направился туда. Но чтобы миновать Дрезден, я сделал маленький крюк через Берлин, куда прибыл,

очень утомленный, рано утром 28 ноября. Бюловы, встретившие меня, согласно моей просьбе, на вокзале, стали меня настойчиво убеждать отложить дальнейшее путешествие в Силезию на день, чтобы провести это время с ними. Ганс желал, чтобы я присутствовал на имеющем быть в тот же вечер концерте, где он должен был дирижировать, и это, собственно, и заставило меня остаться. Был холодный, сырой, пасмурный день. Мы беседовали о моем затруднительном положении, стараясь сохранить хорошее расположение духа. Чтобы увеличить мой наличный капитал, было решено дать подаренную мне Великим герцогом Баденским золотую табакерку нашему старому другу, добряку Вайцману [Weitzmann], с поручением продать ее. В отеле *Brandenburg* [«Бранденбург»], где я обедал с Бюловами, мне были вручены полученные от этой продажи 90 талеров. Это неожиданное подкрепление моих финансов вызвало немало шуток.

Так как Бюлов был занят приготовлениями к концерту, мы с Козимой поехали в прекрасном экипаже кататься. На этот раз нам было не до шуток: мы молча глядели друг другу в глаза, и страстная потребность признания овладела нами. Но слова оказывались лишними. Сознание тяготеющего над нами безграничного несчастья выступило с полной отчетливостью. Нам стало легче. Глубокое спокойствие снизошло в наши души, дав нам возможность без прежней тоски присутствовать на концерте, а до совершенства тонкое и полное огня исполнение небольшой концертной увертюры Бетховена (C-dur), как и увертюры Глюка к «Парису и Елене», тоже глубоко разработанной Гансом, приковали к себе все мое внимание. Мы заметили Альвину Фромман и во время перерыва встретились с ней на большой лестнице концертного зала. Когда началась вторая часть концерта и лестница опустела, мы, устроившись на одной из ступенек ее, долго просидели в интимной беседе со старой приятельницей. После концерта мы были приглашены к нашему другу Вайцману на ужин, который своим обилием и продолжительностью, в то время когда мы так нуждались в величайшем душевном покое, привел нас в яростное отчаяние. Но вот пришел конец и ему. Проведя ночь у Бюловов, я наутро пустился в дальнейший путь. Прощаясь, я невольно вспомнил первое расставание с Козимой в Цюрихе, странно меня взволновавшее, и протекшие годы показались мне смутным сном, разделившим два жизненных момента величайшего значения. Если тогда неосознанные, но полные предчувствий ощущения заставляли нас молчать, то не менее невозможным казалось теперь найти выражения для того, что ощущалось и понималось без помощи слов.

На одной из железнодорожных станций Силезии меня встретил капельмейстер Зайфриц [Seifriz] и отвез в княжеском экипаже в Лёвенберг. Старый князь фон Гогенцоллерн-Хехинген, благодаря своей большой дружбе с Листом благосклонно расположенный ко мне, узнал о моем положении от Генриха Поргеса, бывшего некоторое время у него на службе, и пригласил меня к себе для устройства концерта, который должен был состояться в его скромном дворце исключительно для приглашенных. Меня приняли любезно и отвели мне в партере дома помещение, где старый князь очень часто посещал меня в своем кресле на колесах. Его перевозили из расположенных напротив комнат. При таких условиях мое пребывание здесь не могло не представляться мне приятным и даже подающим некоторые надежды. Я сейчас же принялся за разучивание с очень недурно составленным частным оркестром князя отдельных отрывков из моих опер. Мой хозяин всегда присутствовал на этих репетициях, находя в этом большое для себя удовольствие. Обеды за общим столом проходили весьма уютно. В день концерта состоялся даже своего рода парадный обед, на котором приятным сюрпризом для меня было присутствие хорошо знакомой мне из Цюриха Генриетты фон Биссинг, сестры г-жи Вилле из Мариафельда. Живя в своем поместье вблизи Лёвенберга, она получила приглашение от князя и здесь выказала всю неизменность своей дружбы ко мне, полной энтузиазма. Очень рассудительная и умная, она была чрезвычайно приятной для меня собеседницей. Концерт прошел сносно, а на следующий день я должен был, по желанию князя, продирижировать специально для него бетховенской [Пятой] симфонией c-moll. При этом присутствовала и госпожа Биссинг, недавно потерявшая мужа. Она обещала приехать в Бреслау на мой концерт. Перед отъездом из Лёвенберга капельмейстер Зайфриц передал мне подарок князя (1400 талеров) со словами сожаления, что в настоящий момент он не может отблагодарить меня более щедро. Изумленный и чрезвычайно удовлетворенный, я самым искренним образом выразил доброму князю свою сердечную признательность.

Отсюда я поехал в Бреслау, где концертмейстер Дамрош, с которым я познакомился во время последнего пребывания в Веймаре, устроил мне концерт. К сожалению, все здесь наводило на меня грусть и отчаяние: предприятие, как и следовало ожидать, было втиснуто в самые жалкие рамки. Отвратительный концертный зал театра «Тиволи», служивший трактиром и

оканчивавшийся маленькой сценой, со спущенным, невероятно пошлым занавесом, внушал мне такое отвращение, что я хотел сейчас же освободить музыкантов, имевших довольно жалкий вид. Перепуганный Дамрош должен был обещать мне уничтожить в зале ужасный запах табака. Так как он даже не мог гарантировать мне хороший сбор, то из нежелания компрометировать его я согласился дать этот концерт. К моему удивлению, весь зал, особенно передние места, был заполнен исключительно евреями, а на следующий день на обеде, устроенном в честь меня Дамрошем (на нем присутствовали тоже только евреи), я узнал, что своим успехом я обязан сочувственному участию этой части населения.

Лучом света из лучшего мира показалось мне поэтому появление фройляйн Марии фон Бух[628], которую я увидел, выходя из концертного зала. Она приехала со своей бабушкой из имения Хацфельда, чтобы присутствовать на концерте. Сидя в отделенной от зрительного зала дощатой перегородкой ложе, она ждала, пока публика разойдется, и я пройду мимо нее. На другой день по окончании устроенного Дамрошем обеда она опять приблизилась ко мне в дорожном костюме, стараясь уверениями дружбы и участия рассеять грустное настроение, вызванное моим положением и отражавшееся, должно быть, на моем лице. По возвращении в Вену я письменно благодарил ее за участие, на что она ответила просьбой прислать ей какой-нибудь *Albumblatt*[629] на память. Отсылая ей листок и желая открыть свою душу душе этого вполне достойного человека, а также вспоминая потрясающее впечатление, с каким я покидал Берлин, я присовокупил слова Кальдерона: «Невозможно молчать и невозможно выразить словами». Другому существу, ко мне расположенному, под покровом счастливой неизвестности, с надеждой лишь для меня самого, я передавал то, что единственно жило внутри меня.

453

Иные последствия имела моя встреча с Генриеттой фон Биссинг в Бреслау. Она последовала за мной сюда и остановилась в той же гостинице, где и я. Мой болезненный вид возбудил в ней участие к моему положению. Без всякого смущения я изложил ей состояние моих дел. Я рассказал, как с отъездом из Цюриха в 1858 году нарушилось правильное течение моей жизни, столь необходимое при условиях моей деятельности. При этом я описал мои неоднократные и всегда тщетные усилия обеспечить себе

прочное внешнее положение. Она не побоялась приписать мои неудачи отношениям между госпожой Везендонк и моей женой и заявила, что чувствует себя призванной исправить зло, причиненное другими. Она вполне одобрила то, что я выбрал Пенцинг для постоянного местожительства, и советовала не предпринимать ничего, что могло бы уничтожить благотворное действие тихого приюта. О моем намерении объехать ближайшей зимой Россию ради заработка она и слышать не хотела и вызвалась доставить мне из своего собственного большого состояния ту довольно значительную сумму, которая могла бы меня обеспечить на продолжительное время. Надо только постараться протянуть некоторое время, так как для того, чтобы оказать мне обещанную помощь, она должна преодолеть большие затруднения.

Полный надежд, которые возбудила во мне эта встреча, я 9 декабря вернулся в Вену. Еще из Лёвенберга мне пришлось отослать большую часть подаренной мне князем суммы частью Минне, частью в Вену для уплаты долгов. С небольшой наличностью, но большими надеждами в душе я мог вновь явиться перед своими немногочисленными друзьями. Из них меня каждый вечер посещал Петер Корнелиус, и у нас образовался небольшой интимный кружок, к которому по временам присоединялись Генрих Поргес и Густав Шёнайх[630]. В сочельник я пригласил всех к себе, разложив вокруг зажженной елки подарки: каждому какую-нибудь мелочь. Меня ждало теперь дело: я обещал Таузигу участвовать в концерте, который он устраивал. Кроме нескольких отрывков из моих новых опер я, к своему большому удовлетворению, по-своему провел увертюру к «Фрейшютцу», произведшую неожиданное впечатление даже на оркестр. Однако на официальное признание моей деятельности надеяться не было никаких оснований. В высших сферах мне по-прежнему не уделяли никакого внимания. Письма, которые я получал от г-жи фон Биссинг, говорили о затруднениях, встреченных ею при попытках исполнить свое обещание. Но они по-прежнему были полны надежд, и в хорошем настроении я мог встретить Новый год у Штандгартнеров, где Корнелиус обрадовал меня соответствующим случаю юмористическим стихотворением.

454

Но с новым 1864 годом дела мои стали принимать все более серьезный оборот. Я заболел катаром желудка[631], и состояние мое, требовавшее частого вмешательства Штандгартнера,

становилось все более и более тревожным. Но еще серьезнее озабочивали меня сообщения г-жи фон Биссинг. Очевидно, она не могла достать обещанных денег без содействия своих живших в Гамбурге родственников – семьи судовладельца Слоумена[632], со стороны которой были пущены в ход самые энергичные попытки парализовать ее намерение, подкрепляемые даже клеветой по моему адресу. Эти обстоятельства настолько тревожили меня, что у меня явилась мысль отказаться от помощи друга и снова вернуться к прежним планам поездки в Россию. Но госпожа фон Раден, к которой я обратился, советовала не приезжать совсем, так как вследствие разразившихся в польских провинциях беспорядков дорога не свободна, да и в самом Петербурге мне не будет уделено никакого внимания.

Оставался еще Киев, куда, как мне писали, можно было смело отправиться, и где я мог выручить до 5000 рублей. Я направил все свои помыслы на Киев. С Корнелиусом, пожелавшим сопровождать меня туда, мы разработали план путешествия по Черному морю в Одессу и оттуда в Киев, для чего решили запастись подходящими шубами. Пока же не оставалось ничего другого, как подписывать новые векселя для погашения старых, выданных на короткие сроки. Такая система очевидно и неудержимо вела к полному разорению, и выход из нее могла дать только своевременно предложенная, основательная помощь. В таком положении я чувствовал себя вынужденным попросить у своей приятельницы определенного ответа, не относительно того, *может* ли она помочь мне сейчас, но *хочет* ли она это сделать вообще, так как я сам не в силах предотвратить полного краха. По неизвестным причинам она почувствовала себя сильно задетой этим письмом и ответила на него приблизительно следующим образом: «Вы желаете знать, *хочу ли я*? Так, ради Бога, знайте же: *нет*». Такой образ действий, показавшийся мне совершенно непонятным и объяснимый только слабостью ее далеко не самостоятельного характера, был мне вскоре разъяснен самым неожиданным образом ее сестрой, госпожой Вилле: с болью и печалью ее сестра призналась в сильнейшем волнении: «И если спасаю Вагнера я, то любит он, в конце концов, только Везендонк…»

Среди этих колебаний незаметно подошел конец февраля. Мы с Корнелиусом были заняты разработкой плана путешествия в Россию, когда я получил из Киева и Одессы письма, в которых мне советовали отказаться от всяких художественно-артистических предприятий в этих городах. Мне стало ясно, что при таких обстоятельствах нечего больше и думать о сохранении моего положения в Вене, как и квартиры в Пенцинге, потому что у

меня не только не было никаких видов на заработок, хотя бы и временный, но долги мои, возросшие при ростовщических процентах до весьма внушительной суммы, без вмешательства посторонней силы, могли бы даже грозить моей личной свободе.

При таком положении вещей я с полной откровенностью обратился за советом к императорскому советнику земельного суда Эдуарду Листу, молодому дяде моего старого друга Франца. Уже во время первого моего пребывания в Вене он выказал большую преданность по отношению ко мне и готовность быть к моим услугам. В данном случае, чтобы выкупить мои векселя, он не видел никакого другого средства, как вмешательство какого-нибудь богатого покровителя, который удовлетворил бы моих кредиторов. Одно время он думал, что нужные для этого средства и желание предоставить их найдутся у некоей госпожи Шёллер [Schöller], богатой и чрезвычайно расположенной ко мне жены коммерсанта. И Штандгартнер, от которого я не скрывал своего положения, тоже надеялся кое-что сделать для меня в этом смысле. Так прошло несколько недель, в течение которых выяснилось, что друзья мои могут снабдить меня лишь суммой, достаточной для отъезда в Швейцарию, а там уже я должен буду искать средств, чтобы выкупить выданные мной векселя. Эдуарду Листу, как юристу, этот исход казался желательным уже по одному тому, что он дал бы ему возможность привлечь виновных к ответственности за неслыханное ростовщичество, жертвой которого я сделался.

455

В течение последних тревожных месяцев, когда луч надежды все еще мерцал вдали, мои отношения с немногими друзьями продолжали оставаться по-прежнему оживленными. Каждый вечер неизменно являлся Корнелиус. К нему присоединялись Отто Бах[633], граф Лорансен[634], а однажды явился ко мне и Рудольф Лихтенштейн. С Корнелиусом мы принялись за чтение «Илиады». Дойдя до «перечисления судов», я решил его пропустить, но Петер захотел прочесть и эти страницы и вызвался сделать это вслух. Довели ли мы это чтение до конца, не помню. Один же я читал «Историю графа Рансе»[635] Шатобриана, которую мне дал Таузиг. Сам он куда-то бесследно исчез, пока через некоторое время опять не появился на нашем горизонте женихом какой-то венгерской пианистки.

Здоровье мое было очень плохо, меня сильно мучило постоянное катаральное состояние. Мысли о смерти приходили

все чаще и чаще, и я больше не чувствовал желания отгонять их. Я принялся распределять свои книги и рукописи, часть которых была назначена Корнелиусу. Находившейся в Пенцинге остаток имущества, потерявший для меня всякий интерес, я еще несколько времени тому назад отдал заботливому попечению Штандгартнера. Ввиду того что друзья мои чрезвычайно определенно советовали мне готовиться к бегству, конечным пунктом которого должна была стать Швейцария, я обратился к Отто Везендонку с просьбой дать мне приют в своем доме. Эту просьбу он решительно отклонил, что побудило меня написать ему еще раз и указать на его неправоту по отношению ко мне.

Теперь предстояло подготовить мой отъезд таким образом, чтобы он имел вид кратковременной отлучки, рассчитанной на скорое возвращение. Штандгартнер, больше всего старавшийся сделать его незаметным, распорядился, чтобы слуга мой, Франц Мразек, заблаговременно доставил дорожный чемодан к нему на дом, куда я должен был прийти на обед. Тяжело простился я со своим слугой, его женой Анной и славной собакой Полем. На вокзал меня проводили пасынок Штандгартнера, Густав Шёнайх, проливавший при этом горючие слезы, и Корнелиус, проявивший, напротив, игриво-легкомысленное настроение.

Я уехал 23 марта после обеда и направил свой путь в Мюнхен, где рассчитывал, неузнанный никем, отдохнуть дня два от ужасных волнений последнего времени. Остановившись в отеле *Bayerischer Hof* [«Баварский двор»][636], я совершил несколько прогулок по улицам Мюнхена. Это было в Страстную пятницу. Стояла холодная суровая погода, и весь город, жители которого двигались в глубоком трауре из церкви в церковь, был, казалось, охвачен настроением этого дня. Незадолго перед тем умер пользовавшийся такой любовью в Баварии король Максимилиан II[637], оставив трон своему юному, способному уже занять престол восемнадцатилетнему сыну. В одной из витрин я увидел портрет молодого короля Людвига II, и вид этого юного лица тронул меня тем особенным чувством участия, какое возбуждают в нас в тяжелых условиях жизни молодость и красота. Написав юмористическую эпитафию для себя, я продолжал свое бегство через Боденское озеро в Цюрих, откуда сейчас же отправился в Мариафельд, в имение не особенно близкого мне человека доктора Вилле.

456

Его жене, с которой мы довольно близко сошлись в прежнее

мое пребывание в Цюрихе, я еще раньше написал, прося разрешения приехать на несколько дней. Я надеялся найти подходящее помещение в одной из местностей, расположенных вокруг Цюрихского озера. Она очень мило отозвалась на мою просьбу. Самого доктора Вилле я не застал, он уехал в Константинополь. Мне нетрудно было разъяснить свое положение госпоже Вилле, сейчас же выказавшей большую готовность по возможности облегчить его. Прежде всего она освободила мне несколько комнат в соседнем доме, некогда занимаемом госпожой фон Биссинг. Но стоявшей в них уютной мебели теперь не оказалось. Я намеревался столоваться самостоятельно, но должен был уступить ее просьбам разрешить ей взять эту заботу на себя. Не хватало только обстановки, и госпожа Вилле сочла возможным обратиться по этому поводу к госпоже Везендонк, которая тотчас же прислала ей кое-что из своей мебели, в том числе и пианино. Она выразила желание, чтобы во избежание неприятной сенсации я посетил в Цюрихе своих старых друзей. Но постоянное нездоровье, еще усилившееся от преобладавшей в этом трудно отапливаемом помещении низкой температуры, задержало исполнение моего намерения, пока Отто и Матильда Везендонки сами не отыскали нас в Мариафельде. Отношения между супругами казались неясными и напряженными. Причины этого были мне в целом понятны, что, впрочем, не отразилось на моем обращении с ними.

Дурная погода и угнетенное состояние духа беспрестанно обостряли мои катаральные страдания, лишавшие меня к тому же возможности приняться за поиски квартиры для себя. С утра до вечера кутаясь в шубу, купленную в Карлсруэ, я проводил эти ужасные дни за чтением. Я старался заглушить тяжелые мысли, и госпожа Вилле посылала мне в мой уединенный приют книжку за книжкой. Я прочел «Зибенкэз»[638] Жана Поля, «Дневник» Фридриха Великого, Таулера[639], романы Жорж Санд, Вальтера Скотта, наконец, *Felicitas*, принадлежащее перу моей гостеприимной хозяйки. Извне до меня, кроме наполненного сетованиями и выражениями соболезнования письма Матильды Майер, дошли только присланные мне Трюине из Парижа 75 франков, доставивших мне странное удовольствие.

По этому поводу у меня зашел с госпожой Вилле полушутливый, полусерьезный разговор о том, что предпринять, как положить конец ужасному материальному положению. Среди прочих планов мы остановились на необходимости добиться развода с женой, который дал бы мне возможность поправить свои дела богатой женитьбой. Так как все средства казались пригодными, я действительно написал своей сестре Луизе, не

может ли она в рассудительной беседе убедить Минну довольствоваться назначенной ей ежегодной пенсией и отказаться от всяких притязаний на мою особу. В ответ на это последовал исполненный пафоса совет позаботиться прежде всего о восстановлении своего доброго имени и новым трудом упрочить свой кредит, что без всяких эксцентричных шагов с моей стороны выведет меня из затруднительного положения. Во всяком случае, я поступил бы благоразумно, если бы старался получить освободившееся в Дармштадте место капельмейстера.

Из Вены приходили дурные вести: чтобы спасти оставшуюся в пенцингской квартире обстановку, Штангартнер условился с одним негоциантом продать ее с правом обратного выкупа. Я сейчас же написал письмо, в котором выразил величайшее негодование, так как считал, что этим наносится ущерб моему домохозяину, которому я должен был уплатить за квартиру. Через посредство госпожи Вилле мне удалось раздобыть нужную для этого сумму и послать ее барону Раковицу. К моему огорчению, я узнал, что Штандгартнер с Эдуардом Листом сожгли все мосты, уплатив из вырученных за мебель денег домохозяину и тем самым отрезав от меня всякую возможность возвращения в Вену, которое они считали безусловно для меня гибельным. Но когда Корнелиус в то же время сообщил мне, что Таузиг, имя которого стояло на одном из векселей, лишен возможности вследствие моего бегства вернуться в Вену (он находился тогда в Венгрии), известие это подействовало на меня угнетающим образом, и я решил, невзирая ни на какую опасность, немедленно туда вернуться. Об этом я написал своим венским друзьям, но предварительно решил раздобыть столько денег, сколько нужно, чтобы иметь возможность предложить кредиторам соглашение. С этой целью я послал Шотту в Майнц весьма решительное письмо, в котором не пожалел упреков за его образ действий по отношению ко мне. Чтобы выждать результатов этого шага на более близком расстоянии, я положил отправиться из Мариафельда в Штутгарт. К этому меня побудили следующие мотивы.

457

Доктор Вилле вернулся, и я сейчас же заметил, что мое пребывание в Мариафельде несколько пугает его: по-видимому, он опасался, чтобы не обратились и к нему за содействием для оказания мне помощи. Но затем, чувствуя себя несколько пристыженным моим поведением, он в минуту волнения

сознался, что питает ко мне чувство вполне простительное у играющего известную роль в своем собственном кругу человека, когда он приходит в близкое соприкосновение с чуждой ему личностью, сознавая ее превосходство над собой: «В собственном доме естественно не желать быть только декорацией для другого». Предвидя настроение своего мужа, госпожа Вилле вошла в соглашение с Везендонками, обещавшими посылать мне ежемесячно 100 франков. Узнав об этом, я тотчас же написал госпоже Везендонк письмо, в котором извещал ее о своем немедленном отъезде из Швейцарии и самым любезным образом просил считать себя свободной от всяких забот обо мне, так как я устроил свои дела вполне соответственно своему желанию. Впоследствии я узнал, что, не вскрыв письма, она переслала его госпоже Вилле, боясь, чтобы оно не оказалось компрометирующим.

30 апреля я отправился в Штутгарт. Я знал, что там живет Карл Экерт, недавно получивший место капельмейстера королевского театра. У меня были основания считать этого человека чрезвычайно преданным мне другом по его прекрасному отношению ко мне в бытность его директором Венской оперы, как и по энтузиазму, заставившему его в прошлом году приехать на мой концерт в Карлсруэ. Я и не сомневался, что он поможет мне в поисках тихого убежища, которое мне хотелось найти на предстоящее лето в Канштатте [Bad Cannstatt] близ Штутгарта. Здесь я намеревался довести до конца первый акт «Мейстерзингеров», чтобы послать Шотту часть рукописи, как я обещал в последнем письме, прося аванса. Потом я хотел, продолжая жить в величайшем уединении, вдали от всех, пустить в ход все усилия, чтобы раздобыть деньги, при помощи которых я мог бы избавиться от своих венских обязательств.

Экерт встретил меня самым дружеским образом. Жена его, одна из наиболее выдающихся венских красавиц, отказавшаяся от очень выгодного положения в обществе ради фантастического желания связать свою жизнь с жизнью художника, была достаточно богата, чтобы устроить «капельмейстеру» гостеприимный и уютный дом, в чем я имел возможность теперь убедиться. Экерт считал своим непременным долгом представить мне управляющего Придворным театром, барона фон Галля[640]: этот последний весьма разумно и благосклонно говорил о трудностях моего положения в Германии, где все будет для меня закрыто до тех пор, пока саксонские посланники и агенты будут иметь возможность вредить мне инсинуациями всякого рода. Познакомившись со мной ближе, он счел возможным употребить все свое влияние при вюртембергском дворе.

Вечером 3 мая, когда, сидя у Экерта, я обсуждал с ним свои дела, мне подали в довольно поздний час карточку какого-то господина, называвшего себя «секретарем короля Баварии». Очень неприятно пораженный тем, что местопребывание мое в Штутгарте уже стало известно проезжающим, я велел сказать, что меня нет, и вскоре после того вернулся к себе в гостиницу. Там я опять узнал от хозяина, что какой-то господин из Мюнхена настоятельно желает меня видеть. Я велел передать, что буду дома завтра в 10 часов. Всегда готовый к худшему, я на следующее утро после весьма беспокойной ночи принял в своей комнате господина Пфистермайстера[641], секретаря Его Величества короля Баварии. Прежде всего этот господин выразил свою радость, что наконец нашел меня после того, как тщетно искал сначала в Вене, откуда его направили в Мариафельд на Цюрихском озере, а затем сюда. Он передал мне письмо от молодого короля Баварского вместе с его портретом и кольцом, которые тот посылал мне в подарок. В немногих, но проникших в самую глубь моего сердца словах монарх выражал восхищение моей музыкой и свое твердое намерение отныне в качестве друга избавить меня от гонений судьбы. В то же время Пфистермайстер сообщил мне, что ему поручено немедленно доставить меня в Мюнхен к королю, и просил моего разрешения телеграфировать ему о моем приезде на следующий день.

Я был приглашен на обед к Экертам, господин же Пфистермейстер должен был отказаться сопровождать меня туда. Переданная мной друзьям, в том числе и молодому Вайсхаймеру из Остхофена, неожиданная новость привела их во вполне понятное радостное изумление. За обедом Экерт получил телеграмму из Парижа, извещавшую его о смерти Мейербера. Вайсхаймер разразился грубым смехом, видя удивительную игру судьбы в том, что оперный композитор, причинивший мне столько вреда, умер, не дожив до этого дня. Явился также и фон Галль. В благосклонных словах выразив свой восторг, он заметил, что теперь я не нуждаюсь больше в его посредничестве. Отдав раньше приказ о постановке «Лоэнгрина», он тут же вручил мне причитающийся мне за него гонорар.

В 5 часов вечера я встретился на вокзале с Пфистермайстером, чтобы вместе с ним отправиться в Мюнхен. Туда было дано знать по телеграфу о нашем приезде на следующее утро. В тот же день я получил из Вены письма, самым настойчивым образом отговаривавшие меня от намерения вернуться туда. Но ужасам этого рода больше не суждено было повториться в моей жизни. Путь, на который судьба призывала меня для высших целей, был полон опасностей, никогда не был

свободен от забот и затруднений совершенно неизвестного мне до сих пор характера. Но под защитой высокого друга бремя пошлых жизненных невзгод никогда больше не касалось меня.

Ненаписанная Вагнером часть пятая. 1864–1883

Для создания полной картины жизни Рихарда Вагнера нам придется взять на себя завершение его мемуаров, повествование которых обрывается на событиях начала мая 1864 года. Стараясь придерживаться того же стиля, какой характеризует «Мою жизнь» Вагнера, мы не позволим себе ни давать психологических портретов действующих лиц, ни анализировать упоминаемые вагнеровские произведения, ограничиваясь лишь фактической хронологией. Таким образом мы, ни в коей мере не навязываясь самонадеянно в «соавторы» к гению, все же не оставим в неведении читателей относительно последних неполных 20 лет жизни Вагнера, о которых он предпочел умолчать по причинам, уже указанным нами в предисловии к настоящему изданию.

1

Эпохальная для Вагнера встреча с молодым баварским королем Людвигом II состоялась 4 мая 1864 года[642]. Они встретились именно тогда, когда их взаимная нужда друг в друге стала особенно острой. «Судьбе угодно было, чтобы Вагнер указал неопределенному влечению Людвига к прекрасному и возвышенному совершенно определенное гармоническое содержание и наметил ближайшую цель для деятельности короля, а Людвиг II помог Вагнеру в его сложных композиторских стремлениях, в его революционной работе под флагом новых музыкальных идей»[643].

В свое время в предисловии к «Кольцу нибелунга» Вагнер в отчаянии восклицал: «Найдется ли монарх, который поможет мне поставить на сцене мои произведения?» Людвиг же как раз и считал, что, помогая Вагнеру, он исполняет свою духовную миссию по переустройству мира. Вот почему впоследствии Вагнер признавал, что «Кольцо нибелунга» и «Парсифаль» настолько же творения Людвига, насколько и его самого.

С первого же момента их встречи Людвиг устранил между ними всякую официальность, подчеркивая тем самым, что является по отношению к Вагнеру не королем, а поклонником его таланта, помощником и, главное, другом. Вагнер чувствовал себя по-настоящему окрыленным. Он словно не верил – боялся поверить! – что подобное случилось с ним наяву, а не во сне, что

после всех треволнений и страданий он вдруг попал в сказку! И требовал от всех своих корреспондентов подтверждения того, что случившееся с ним происходит на самом деле.

Так Вагнер писал 4 мая 1864 года сразу же после своей первой встречи с Людвигом II Элизе Вилле, своему последнему другу «из прошлой жизни»: «Я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не поделился с Вами моим безграничным счастьем! Вы знаете, что молодой Баварский король призвал меня. Сегодня меня представили ему: *он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон!* (Курсив мой. Это поистине пророчество. – *М. З.*) Он любит меня с сердечностью и пылом первой любви. Он знает обо мне все и понимает меня и мою душу. Он хочет, чтобы я навсегда остался возле него, работал, отдыхал, ставил на сцене свои произведения. Он хочет дать мне для этого все, что нужно. Я должен окончить “Нибелунгов” – он намерен поставить их так, как я хочу. Я должен быть неограниченным господином самого себя, не капельмейстером: я должен быть самим собой и его другом. И это все он понимает так же строго и точно, как если бы мы с Вами говорили на эту тему. У меня не будет никакой нужды, у меня будет все, что необходимо, лишь бы я остался при нем. Что скажете Вы на это? Что? Слыхано ли это? Неужели это не сон? Представьте себе только, как я тронут! Мое счастье так велико, что я совсем им подавлен. Об очаровании его глаз Вы не можете иметь никакого представления! Если бы только он жил, – он слишком хорош для этого мира!..»[644]

Самым главным последствием встречи композитора и короля стало то, что Вагнер вновь воскрес для творчества. Он был полон новых планов: во-первых, поставить наконец «Тристана» в Мюнхене вместо Вены, а во-вторых, вернуться к своему грандиозному замыслу «Кольца нибелунга».

Вагнер решил обратиться к Людвигу Шнорру с просьбой взять на себя партию Тристана в постановке Мюнхенского Придворного театра. 20 мая 1864 года Вагнер написал ему письмо из усадьбы Пеллет (Pellet), расположенной близ маленького и любимого Людвигом II королевского замка Берг на Штарнбергском озере, которую Людвиг предоставил в его распоряжение (Вагнер прожил в Пеллете с мая по октябрь 1864 года): «Дорогой Шнорр! Поверьте мне, мой идеал нашел свое воплощение. Нельзя себе и представить чего-либо более прекрасного, более совершенного… Юный король, весь проникнутый духовностью, человек с глубокою душою и невероятной сердечностью, открыто, пред всеми, *признает меня своим единственным, настоящим*

наставником! (Здесь и далее курсив мой. – *М. З.*) Он знает мои музыкальные драмы и литературные работы. Кажется, никто не может сравниться с ним в этом отношении. *Он является моим учеником в такой мере, как, может быть, никто другой, и чувствует себя призванным осуществить все мои планы, какие только могут быть осуществлены человеческими усилиями.* К тому же он обладает всей полнотой королевской власти. Над ним нет опекуна, он не подчиняется ничьему влиянию, и так серьезно и уверенно ведет правительственные дела, что все видят и чувствуют в нем настоящего короля. То, что я нашел в нем, нельзя выразить словами. И увлекательная прелесть наших ежедневных встреч все больше и больше убеждает меня в том, что судьба сотворила для меня невероятное чудо. И так, относительно всего этого – ни тени сомнения. *У меня нет никаких титулов, никакой должности, никаких обязательств. Я только Рихард Вагнер.* Король вполне разделяет мое презрение к театру, особенно к опере. Как и я, он знает, что только выдающиеся постановки могут изменить к лучшему общее положение вещей. И заняться этим делом при таких благоприятных обстоятельствах зависит всецело и исключительно от меня. Поэтому *мы разработали* план совершенной, по возможности, инсценировки “Тристана”. Назначить день этой постановки мы предоставляем Вам…»[645]

А вот еще письмо к Элизе Вилле от 26 мая 1864 года: «…Я живу в десяти минутах езды от него… Восхитительное общение! Никогда еще не приходилось мне встречать в такой чудной непосредственности подобное стремление поучаться, подобную способность понимать и горячо переживать усвоенное… Все, что мы оба глубоко презираем, идет своим путем, далеко от нас. Мы не считаемся ни с чем. *Мое необычайное влияние на душу короля может привести только к добру, а никак не ко злу. С каждым днем все в нас и кругом нас становится прекраснее и лучше.* (Курсив мой. – *М. З.*)»[646].

16 июля 1864 года Вагнер закончил статью «О государстве и религии»[647]. В ней окончательно утверждается идея о том, что только воля идеального монарха, благородного и просвещенного, сможет возродить свою страну и привести ее в едином патриотическом порыве к торжеству духа. Эта статья, вдохновленная знакомством с молодым королем, – наглядная демонстрация того, что «бывший революционер» снова воскрес для новой *романтической* борьбы, т. е. борьбы, *изначально обреченной на поражение*…

В свою очередь Вагнер, отдавая дань уважения монарху, написал ко дню рождения Людвига «Марш присяги на верность» (Huldigungsmarsch Es-dur), исполненный для него

непосредственно 25 августа 1864 года. Композитор своеобразно «присягал на верность» королю в их общем деле переустройства мира. Но воплощать столь глобальный проект нужно было постепенно: до всего человечества было еще далеко; в их распоряжении находилась лишь ничтожная часть его – мюнхенская публика.

Для начала Людвиг решил собрать вокруг себя и Вагнера лучшие исполнительские силы Германии. Как долго Вагнер мечтал об этом, почти никогда не удовлетворенный певцами и музыкантами, находящимися в его распоряжении! В первую очередь он пригласил приехать в Мюнхен Ганса фон Бюлова, ставшего к тому времени одним из лучших дирижеров Германии. (Вскоре Бюлов получил должность придворного капельмейстера.) Конечно, это было сделано не только ради искусства, но и с задней мыслью, что Ганс приедет вместе с Козимой… Во всяком случае, рождение третьего ребенка Козимы – дочери Изольды – произойдет 10 апреля 1865 года. Этот ребенок долгое время будет носить фамилию фон Бюлов. Но на самом деле Изольда (1865–1919) – *это первый ребенок Вагнера*. Значит, именно в середине лета 1864 года Козима и Рихард перешли грань платонических отношений.

Любовь всегда была движущей силой Вагнера. С приездом Бюловов он всецело отдается подготовке «Тристана» к долгожданному сценическому воплощению. Чтобы поторопить Шнорра с принятием судьбоносного решения, 29 августа 1864 года Вагнер написал певцу очередное письмо: «Дорогой друг! Время уходит, и мне очень хотелось бы знать что-либо определенное. Не можете ли в точности указать, какие месяцы будущего года Вы будете свободны?.. Юный король старается вдохнуть в меня бодрость. Он полон энтузиазма и непреклонной воли. Он делает экономию на всем, отказался от построек, начатых его отцом, и т. д., чтобы иметь возможность самым щедрым образом тратить средства на осуществление моих художественных замыслов. И когда я вижу его дивную настойчивость, я невольно спрашиваю себя каждый раз: откуда же взять необходимые артистические силы? При этом меня охватывает сомнение, что лучше: напрячь ли средства, чтобы сотворить нечто необычайное, эпизодическое, или же задаться целью установить нечто организованное, нечто постоянное. При такой воле, как воля моего благородного короля, этого олицетворенного гения всех моих мечтаний, воле исключительной, верной, полной вдохновения, я совершенно теряю способность учесть все открытые предо мною возможности. Король очень любит Вас и желает только одного: иметь Вас здесь

всегда. Он хотел бы, чтобы кроме “Тристана”, были поставлены в образцовом исполнении и “Тангейзер” и “Лоэнгрин”…»[648]

В свою очередь, находясь в Хоэншвангау, Людвиг 8 октября 1864 года писал Вагнеру, только что переехавшему из Пеллета в Мюнхен в дом на Бриннер-штрассе, 21 (Brienner Strasse): «Мысль о Вас облегчает мне бремя моих королевских обязанностей. До тех пор, пока Вы живете, жизнь моя будет прекрасной и полной счастья. О, любимый мною человек, как я радуюсь приближению того времени, когда мой дорогой друг посвятит меня в тайны и чудеса своего искусства, которые меня укрепят и воистину освятят! У меня есть намерение отучить мюнхенскую публику от фривольных пьес, очистить ее вкус и подготовить ее к чудесам Ваших творений посредством исполнения в придворном театре значительных и серьезных вещей Шекспира, Кальдерона, Моцарта, Глюка, Вебера. Все должно проникнуться истинным значением искусства!»[649]

Вообще, 1864 год в жизни и Людвига, и Вагнера можно смело назвать одним из наиболее счастливых. Людвиг полон сил и смелых планов, его кумир готов вместе с ним осуществлять его великую миссию. Для Вагнера это было время такого же духовного подъема, необычайной веры в собственные силы и правоту своих идей.

Людвиг и Вагнер задумали грандиозный проект – построить в Мюнхене вагнеровский театр, Bühnenfestspielhaus[650], который позволит осуществлять постановки музыкальных драм Вагнера именно так, как задумал композитор, и одновременно будет служить символом величия истинного искусства. Этому плану не дано было осуществиться. Ныне можно увидеть лишь макет мюнхенского театра в Музее короля Людвига II в замке Херренкимзее (Herrenchiemsee).

2

На Рождество 1865 года Людвиг, как всегда, уехал в Хоэншвангау и 5 января написал оттуда Вагнеру: «…Семпер (имеется в виду Готфрид Земпер. – *М. З.*) разрабатывает план нашего Святилища, идет подготовление актеров. Скоро Брюнгильда будет спасена бесстрашным героем. О, все, все в движении! То, о чем я грезил, чего желал, на что надеялся, скоро осуществится! Небо спускается для нас на землю… О, день, в который воздвигнется перед нами театр, о котором мы мечтаем! О, момент радости, когда наши создания предстанут в совершенном исполнении! Мы победим, сказали Вы в Вашем

последнем дорогом письме. И я, в свою очередь, восклицаю с таким же восторгом: мы победим! Мы не напрасно жили!.. Преданный Вам до конца жизни Людвиг»[651].

Интересно отметить, что сам Вагнер и его ближайшие друзья называли Людвига II не иначе как Парцифаль («по-эшенбаховски»): ведь именно Парцифаль – владыка царства Грааля, царства, с которым ассоциировал себя «кружок посвященных» Вагнера при дворе Людвига II. (Напомним, что Вагнер вынашивал план написания своего «Парсифаля» с апреля 1857 года; Людвиг вновь воскресил в композиторе желание воплотить его; как раз в 1865 году Вагнер по совету Людвига набросал в общих чертах поэму «Парцифаль», пока еще называя своего героя также «по-эшенбаховски».) Например, вот что пишет Вагнер Людвигу Шнорру и его супруге (будущей исполнительнице роли Изольды в «Тристане») 4 июня 1865 года, одновременно со своим письмом пересылая им письмо Людвига II: «Он (король. – *М. З.*) заботится о вас больше, чем я. С добрым утром, мои милые, благородные львы! Хотите еще раз огласить пустыню нашим ревом? В конце концов, мы будем единственными слушателями. Ведь и Парцифаль это тоже только часть нашего “мы”. С сердечным приветом. Ваш Р. В. Письмо Парцифаля – подарок, достойный вас. Примите же его: он ваш»[652].

Но, чем выше взлет, тем глубже падение, тем болезненнее разочарования. В адрес Людвига уже начали поступать первые обвинения со стороны баварского правительства в нерациональном использовании средств. Когда стало понятно, что отношения с Вагнером носят очень серьезный и далеко не мимолетный характер, в Мюнхене началась настоящая антивагнеровская кампания. Мюнхенцы не могли простить Вагнеру того, что он иностранец (Вагнер родился в Лейпциге, в Саксонии; для баварца – иностранец), что он запятнал себя революционным бунтом (разбираться, что на самом деле привело композитора на баррикады, и каковы были для него эти «баррикады» в действительности, естественно, никто не стал), что он разоряет казну Баварии. Доходили до совершенно абсурдных обвинений в том, что композитор проповедует королю безбрачие, что он – посланник масонской ложи, что в интересах Пруссии (!) он хочет обратить католиков-баварцев в протестантство! Личная жизнь Вагнера также не была оставлена в стороне: газеты на все лады обсуждали новость, что Вагнер является любовником Козимы, жены своего друга Ганса фон Бюлова, – простой читатель любит «желтую прессу»!

Если разобраться, то траты на Вагнера были далеко не

такими «катастрофическими», как их пытались представить противники Людвига II и Вагнера. Композитору была назначена пенсия в размере 15 000 марок (которая, естественно, выплачивалась далеко не регулярно); были уплачены его долги, выделены средства на приобретение виллы «Ванфрид» в Байройте и запланирована так и несостоявшаяся постройка театра в Мюнхене. Кстати, и байройтский Фестшпильхаус был возведен не без участия короля, выдавшего на проект авансом кредит в размере 300 000 марок (100 000 талеров, или около 2 500 000 евро) из собственных средств, *не трогая казну* (этот долг семейство Вагнер и его потомки выплатили со временем полностью). Скрупулезно подсчитано, что всего за 19 лет, прошедших с момента личного знакомства и до смерти Вагнера, Людвиг II истратил на его нужды 562 914 марок (4 503 312 евро) [653]. Но для бюджета государства это не те суммы, из-за которых следовало бы впадать в панику! Значительные – да, но не разоряющие страну. Для сравнения: годовой бюджет Баварии составлял тогда примерно 241 500 000 марок, из которых на содержание королевского двора отводилось 5 000 000 марок (около 40 000 000 евро). Стало быть, *«вагнеровские расходы»* – это немногим более $^1/_{10}$ части *годового* содержания королевского двора.

Вагнер *требовал* деньги у тех, кто в силу своего богатства без труда и ущерба мог поделиться с ним, но и сам по возможности делился с теми, кто оказывался в еще более бедственном положении. То есть был способен к *шопенгауэровскому состраданию* не только на словах, но и на деле. Парадокс, но Вагнер, которого в основном рисуют в виде патологического «жадного до денег Альбериха», на самом деле всей своей жизнью доказывал свое *презрение* к «золотому металлу». Он мог тратить все свои силы на творчество, но *зарабатывать деньги* считал ниже своего достоинства. Отсюда и нужда, и бегство от кредиторов, и расточительство, и «революционная» ненависть к этому миру, в котором благополучие человека зависит от «капризов золотого божка».

Король же сумел дать Вагнеру все, в чем тот нуждался. Но, естественно, это вызвало глухую злобу и зависть в среде придворных, которым казалось, что кусок, отданный композитору, оторван от них самих. Зависть – страшное чувство. И именно оно – во многом причина всех бед и Людвига II, и Вагнера. К трону был приближен человек, социальное положение которого «не соответствовало занимаемой должности». А вдруг он еще и влияние при дворе приобрел? Все! Этого вполне достаточно, чтобы вызвать у тех, кто «остался за бортом», бурю

«справедливого» гнева. В газетах была развернута такая травля Вагнера, что король просто не мог остаться в стороне и делать вид, что не замечает происходящего. Ему нужно было как-то реагировать. А обстановка все накалялась.

Вагнер всегда весьма болезненно реагировал на критику. Но такой массированной атаки на композитора еще никогда не было – даже в ненавистном Париже. Он интуитивно чувствовал, что Людвигу II придется в конце концов уступить. Все-таки романтическая сказка оказалась всего лишь недолгим сном!

В разгар газетной травли Вагнер в отчаянии написал 20 февраля 1865 года Элизе Вилле: «Два слова объяснения: мое возражение в № 50 Allgemeine Zeitung Вы знаете. Оно содержит одну неточность: изображение границ моих отношений с королем. Во имя моей потребности в покое, я страстно хотел бы, чтобы это было именно так. Во имя моего покоя я отказываюсь от прав, которые дает мне необыкновенно глубокая, фатальная привязанность ко мне короля. Но я не знаю, что мне сделать со своим сердцем, со своей совестью, как мне отстраниться от обязанностей, которые она на меня налагает. Вы догадываетесь, что все то, чем меня травят, не имеет под собой никакого основания, это лишь орудие клеветы, ставящей здесь свою последнюю, безнадежную ставку. Но где поводы к этой клевете? Вот что вызывает во мне содрогание, ибо я решительно не могу во имя личного покоя удалиться в спасительное убежище, предоставив короля окружающей среде. Это было бы мучительно для души, и я спрашиваю демона, управляющего моей жизнью: за что послана мне эта чаша? Зачем там, где я искал покоя и ненарушаемой возможности работать, на меня налагается ответственность, в мои руки отдается счастье божественно одаренного человека, может быть благо всей страны? Как спасти свое сердце, как при таких обстоятельствах быть художником? Около него нет ни одного необходимого близкого человека. Вот что причиняет мне настоящую боль! Внешняя интрига, рассчитанная целиком на то, чтобы вывести меня из себя и толкнуть на бестактный поступок, легко рассеется сама собой. Но для того чтобы навсегда вырвать друга из его среды, нужна энергичная работа, которая окончательно лишит меня покоя. С трогательной верностью он поддерживает со мною самые лучшие отношения и отворачивается от всякой клеветы. Что Вы скажете о моей судьбе? Моя жажда последнего покоя несказанна. Не могу больше выносить всех этих мерзостей»[654].

И все же 1865 год подарил композитору и королю еще немного счастья. Мы уже говорили о том, что 10 апреля родился первый ребенок Вагнера и Козимы, дочь Изольда, что не

помешало Вагнеру сохранять перед Людвигом II видимость приличий и до последнего отрицать свою связь с замужней женщиной. Чтобы «сохранить лицо» перед целомудренным королем, безоговорочно и наивно верящим в чистоту и непорочность своего кумира, Вагнер объявил ему, что присутствие Козимы в его доме вызвано «производственной необходимостью»: король сам просил Вагнера написать мемуары, так вот – композитор, выполняя эту просьбу, начал работать над автобиографией (напомним, что начало этой работе было положено 17 июля 1865 года), и Козима записывает текст под его диктовку. Впоследствии Людвиг так и не смог до конца простить Вагнеру этот обман: ведь Вагнер заставил его лично поддерживать перед придворными эту заведомую ложь и опровергать «клевету» в газетах. Но тучи пока сгущаются лишь на горизонте.

А пока 10 июня в Мюнхенском придворном театре состоялась в прямом смысле слова *выстраданная* премьера «Тристана и Изольды» под управлением Ганса фон Бюлова.

Людвиг Шнорр в партии Тристана был неподражаем. В противовес несправедливой газетной критике Вагнера позволим себе привести цитату очевидца, присутствовавшего на этом историческом спектакле, французского историка, автора книги «Великие посвященные» и «Рихард Вагнер и его музыкальные драмы», а также многочисленных трудов по философии и искусствоведению Эдуарда Шюрэ (1841–1929). «Я случайно присутствовал на первых представлениях “Тристана и Изольды” в Мюнхене в 1865 г. Неизгладимое впечатление, которое я вынес оттуда, привело меня впоследствии к глубокому изучению произведений Рихарда Вагнера. В этих представлениях все было особенным: пластика в игре актеров, мощь и естественность мелодической декламации, слияние речи с музыкой. Две заглавные роли исполняли господин и госпожа Шнорр фон Карольсфельд. Я с тех пор не видел актеров, так полно воплощавшихся в свою роль. Они всецело отрешались от окружающей действительности и сообщали подобное же настроение всем зрителям. В течение четырех часов я с затаенным дыханием неустанно следил за оркестром, за игрой актеров, за их малейшими движениями, переживая внутри себя ту драму, которая происходила на сцене. Нужно сознаться, что подобные представления встречаются так же редко, как и гениальные произведения, дающие для них пищу. Они возможны только в том случае, если все участвующие одухотворены одной общей мыслью, общим восторгом и вдохновением. Но, возражают некоторые критики, для чего нужны произведения, требующие

таких усилий и доступные лишь немногим? На это можно ответить: все великое встречается редко и постигается с трудом»[655]. Думается, что комментарии здесь излишни.

Вагнер был полон смелых надежд на новые триумфы. Он, наконец, закончит «Кольцо нибелунга», в котором снова будет блистать его друг и единомышленник Людвиг Шнорр. Но словно очередным предупреждением судьбы о грядущих несчастьях пришло трагическое известие: 21 июля великий певец скончался. Еще одним человеком, способным не только оценить и понять вагнеровское искусство, но и верно воплотить его на сцене, стало меньше…

Семена клеветы и интриг были уже не только посеяны, но дали пышные всходы. В Мюнхене не ограничились газетными пасквилями; среди населения зрела угроза волнений. Приближенные и родственники короля умоляли его, пока не поздно, удалить от себя Вагнера. Находились даже те, кто сравнивал композитора с печально известной танцовщицей Лолой Монтес, за любовную связь с которой дед короля Людвиг I фактически лишился престола. В одиночку Людвиг не смог противостоять подобному натиску; он был вынужден сдаться.

В конце 1865 года Людвиг II принял тяжелое решение расстаться с Вагнером и отослать его из Мюнхена. 6 декабря он написал композитору следующее письмо: «Мой дорогой друг! Как мне это ни больно, но я должен Вас просить исполнить мое желание, переданное Вам через моего секретаря. Верьте, я не могу поступить иначе! Моя любовь к Вам будет длиться вечно. И я прошу Вас сохранить дружбу ко мне навсегда. С чистой совестью могу сказать, что достоин Вас. Кто имеет право нас разлучить? Знаю, что Вы чувствуете то же, что и я, что Вы вполне понимаете мою глубокую боль. Поступить иначе я не могу, верьте мне! Никогда не сомневайтесь в преданности Вашего лучшего друга. Ведь это не навсегда! До гроба верный Вам Людвиг»[656].

Вагнеру ничего не оставалось, как опять собираться в дорогу. Он снова стал изгнанником…

В день отъезда Вагнера из Мюнхена, 10 декабря, Людвиг, страдая и чувствуя себя обязанным как-то сгладить обиду, нанесенную композитору баварским народом, написал еще одно письмо: «Глубоко любимый, дорогой друг! Нельзя выразить словами ту боль, которая раздирает теперь мое сердце. Необходимо сделать все возможное, чтобы опровергнуть новые отвратительные газетные сообщения. Это слишком далеко зашло. За наши идеалы нужно вести постоянную борьбу, в этом мне не приходится Вас убеждать. Будем часто и много писать, прошу Вас об этом! Мы ведь знаем друг друга и не нарушим дружеских

отношений, которые нас связывают. Во имя Вашего покоя должен был я поступить так, как поступил. Не судите обо мне несправедливо никогда – это причинило бы мне муки ада. Будьте счастливы, друг мой любимый! Да процветают Ваши создания! Глубокий сердечный привет от Вашего верного Людвига»[657].

14 декабря Людвиг, который никак не мог смириться с потерей друга, написал ему очередное письмо: «Несчастные, слепые люди осмеливаются говорить о немилости. Они не имеют и не могут иметь никакого представления о нашей любви! Простите им, потому что они не знают, что творят! Они не знают, что Вы все для меня, что таким Вы были и останетесь для меня до самой смерти, что я любил Вас еще раньше, чем увидел Вас. Но я уверен, что мой друг знает меня, что его вера в меня никогда не поколеблется. О, напишите мне еще! Надеюсь Вас скоро увидеть. Любящий Вас искренне, горячо и вечно Людвиг»[658].

Кстати, основываясь на простом прочтении переписки Людвига II и Вагнера, некоторые недобросовестные «исследователи» дошли до того, что стали обвинять в гомосексуализме не только Людвига II (факт весьма сомнительный, не подтвержденный ни одним сколько-нибудь компетентным источником и даже полностью *опровергнутый* воспоминаниями слуг, собранными в книге «Endlich völlige klarheit über den Toddes König Ludwig II», вышедшей в Лейпциге в 1887 году), но и… самого Вагнера, что говорит об их полной некомпетентности в вопросах психологии, а также совершенном незнании и непонимании исторических реалий того времени и личности, о которой они берут на себя смелость рассуждать. Для эпистолярного стиля XIX века нет ничего необычного в подобных выспренних и чересчур возвышенных оборотах речи, столь непривычных и, пожалуй, даже режущих слух современного читателя своей кажущейся нарочитостью. В подтверждение этого достаточно обратиться к любому доступному эпистолярному источнику того времени, в особенности немецкоязычному, хотя бы к переписке И. В. Гёте или Р. Шумана. Тогда так писали *все*, от экзальтированной барышни до мировых классиков; подобный стиль был признаком хорошего художественного вкуса и литературного слога! Эпистолярное наследие короля и композитора не является исключением из общего правила.

Можно сказать, что 10 декабря 1865 года Вагнер пережил свое второе изгнание из Германии. Именно так он воспринимал вынужденный отъезд из Мюнхена. Обида была огромной. Германия в лице неблагодарных баварцев вновь не пожелала стать «страной Вагнера». Что ж, уже в который раз мятежному композитору раскроет свои объятия благодатная и мирная

Швейцария.

3

А пока, во время бесприютного скитания в поисках нового места жительства, Вагнера, который находился тогда в Марселе, настигло трагическое известие: 25 января 1866 года в Дрездене умерла Минна. Его давно уже практически ничего не связывало с ней, кроме обязательных ежемесячных денежных выплат. Несмотря на то, что его сердцем владела другая, этот «супружеский долг» Вагнер исполнял регулярно, даже тогда, когда сам едва сводил концы с концами. Почувствовал ли он теперь освобождение *от всех* своих обязательств? Поняла ли Козима, что ее счастье с Вагнером отныне находится в ее руках? Во всяком случае, смерть бедной Минны расставила все точки над «i» в отношениях неприкаянных любовников. Сама того не сознавая, Минна лишь фактом своего существования находилась по одну сторону баррикад с Гансом фон Бюловом, оставшимся с ее смертью в меньшинстве. Любовный «четырехугольник» распался, «треугольник» же был «нежизнеспособен»; препятствием для неизбежной развязки оставались пока лишь католический брак четы Бюловов, не предусматривающий разводов, и придворная служба Ганса, требующая соблюдения определенных моральных правил.

Сообщение о смерти Минны застало Вагнера слишком далеко от Саксонии; он так и не смог, даже если бы и захотел, отдать жене последний долг… 26 января Вагнер написал из Марселя письмо своему старому дрезденскому другу Антону Пузинелли: «…Твоя телеграмма с печальным известием была передана сюда по телеграфу из Женевы. Это могло быть сделано только вчера, так как я уехал в прошлый понедельник, очень часто менял города и только вчера дал знать, чтобы все письма и телеграммы пересылались сюда. После тяжелой ночи наступило утро, и я чувствую себя в состоянии полного оцепенения – иначе определить мое настроение я не могу: упорно стараюсь на чем-то сосредоточить свои мысли, сам не зная, на чем именно. Мера моих страданий переполнена. *Природа предназначила меня творить и создавать все новые и новые художественные образы среди тихой жизни, ограждаемой любящим человеком*. (Здесь и далее курсив мой. – *М. З.*) А между тем, мне приходилось идти такими неверными, фальшивыми путями, что могу взирать на мир только с улыбкой, которая должна казаться безумной… Жду от тебя, согласно твоей сегодняшней телеграмме, письма в

Женеве, и надеюсь, что в начале будущей недели оно будет там. Тогда я подробнее узнаю, как все это случилось, и что вы сделали, ты и мои дрезденские друзья, для устройства похорон жены. Уверен, что, при вашей дружеской заботливости, жена моя предана земле с такими же почестями, какие ей были бы оказаны, если бы она умерла на руках счастливого ее любовью супруга… Мир, мир страшно истерзанному сердцу несчастной женщины!! Все решительно складывается так, чтобы причинить моему сердцу страдания и мучить его тоской! Оно должно быть здоровым и сильным, оно должно выдержать все, что обрушивается на него. *Моя бедная жена погибла от того, что она от природы не была рождена для борьбы.* Какие страдания! Какой ужас! О, теперь можно ей завидовать: борьба прекратилась для нее без всякой боли! Когда же, когда обрету и я свой покой?..»[659]

Значат ли эти слова, что Вагнер до сих пор не верил в то, что для него еще возможна «тихая жизнь, ограждаемая любящим человеком»? Другими словами, что счастье с Козимой еще ждет его впереди? Пока что черная полоса для Вагнера продолжалась – изгнание, смерть жены; последней каплей стала смерть любимого пса Поля, похороненного в саду дома в Женеве, где Вагнер тем временем снял квартиру… В светлое будущее верила лишь Козима, верила безоговорочно. И боролась, *боролась до конца*!

8 марта она, отбросив все условности и «договоренности о соблюдении приличий», одна приехала к Вагнеру в Женеву. После «баварского скандала», после нападок прессы, после обвинений чуть ли не во всех преступлениях против морали и, наконец, после невыносимой для обоих вынужденной разлуки влюбленные воспринимали новую встречу как подарок небес. Они отправились в романтическое путешествие по Швейцарии, посетив города Лозанну, Берн, Люцерн. Идиллически красивый пригород последнего – Трибшен (Tribschen) – особенно привлек их внимание. 30 марта, гуляя по Трибшену, они облюбовали одиноко стоящую среди парка старинную виллу. Идея снять ее пришла к Вагнеру и Козиме одновременно. Козима утверждала, что Рихарду здесь будет удобно и спокойно работать, а она обязательно приедет к нему, как только представится очередная возможность. Пока же ей необходимо вновь уехать в Мюнхен, к мужу и детям, чтобы не возник новый виток скандала. К тому же она решила откровенно поговорить с Гансом, так как более была не в состоянии жить в атмосфере обмана.

После отъезда Козимы Вагнер 4 апреля еще раз посетил Трибшен и снял на шесть лет приглянувшуюся им виллу за 5000 франков не без финансовой помощи Людвига II, решившего – возможно, в компенсацию за «изгнание» – оплачивать проживание

Вагнера в Швейцарии. Вагнер интуитивно чувствовал, что этому дому предстоит стать новым убежищем, новым приютом для «летучего голландца», каким он часто ощущал себя. И самое главное – он, наконец, окончательно поверил, что именно здесь вскоре обретет *настоящую семью*.

15 апреля Вагнер переехал в Трибшен и стал обустраивать новое жилище по своему вкусу. Используя игру слов, он назвал виллу Tr**ie**bschen (в отличие от Tribschen), что, с одной стороны, фонетически повторяло название местности, а с другой – служило философским намеком на быстротечность бытия: от ange**trieb**ener Sand и **Trieb**sand (*нем.*) – «зыбучие пески». Именно с таким «грамматическим нюансом» Вагнер и стал писать название своего приюта в корреспонденции.

Вскоре он обзавелся и новой собакой – ньюфаундленд Рузмук, по-домашнему просто Русс (Russ), стал на долгие годы верным спутником композитора.

Уже 12 мая в Трибшен вновь приехала Козима. На этот раз вместе с дочерьми Даниэлой, Бландиной и малышкой Изольдой – радостью своего отца. В окружении родных людей и прекрасной швейцарской природы Вагнер почувствовал прилив вдохновения и начал «*создавать все новые и новые художественные образы среди тихой жизни, ограждаемой любящим человеком*». Он был счастлив, как никогда прежде, и с новыми силами взялся за «Нюрнбергских мейстерзингеров», а в перерыве продолжил диктовать Козиме перипетии своей биографии.

22 мая, в 53-й день рождения, Вагнер удостоился королевского визита. Людвиг II инкогнито, под именем Вальтера фон Штольцинга – героя вагнеровских «Мейстерзингеров» – прибыл в Трибшен. Праздник удался на славу в тихом семейном кругу. Людвигу весьма понравилось новое жилище Вагнера, а сам хозяин был польщен тем, что король не оставляет его своим вниманием. На несколько мгновений обоим показалось, что все интриги и недоразумения остались в прошлом. Однако, вернувшись в Баварию, Людвиг вновь почувствовал на себе, что королям запрещено отступать от светского этикета и запросто навещать «неблагонадежных особ». Скандал, разумеется, разразился, и стоило огромных трудов его замять.

Тем временем 6 июня Ганс фон Бюлов подал Людвигу II прошение об отставке с поста королевского капельмейстера. Находиться на официальной службе, не имея безупречной репутации, было неслыханной дерзостью. В католической Баварии, при католическом королевском дворе, никто не разрешил бы ему развод с Козимой, которая, кстати, и сама была католичкой. А значит, оставаясь в Баварии, вновь пришлось бы

изворачиваться, соблюдать видимость приличий и бесконечно врать общественности, прекрасно знающей правду, несмотря на все титанические усилия. Это было бессмысленно. Ганс разрывался между долгом служения высокому искусству (читай – *вагнеровскому искусству*) и собственными чувствами, с которыми, похоже, никто не собирался считаться. Кроме того, после откровенного объяснения с Козимой и ее отъезда к Вагнеру Ганс понял, что для него будет лучше уехать из мест, слишком болезненно напоминающих ему о его позоре и предательстве самых близких людей.

Король холодно принял эту отставку.

Впоследствии вспоминая перипетии того времени, Вагнер писал своему старому другу Петеру Корнелиусу: «До сведения Его Величества были доведены слухи, позорящие честь госпожи ф. Б. (Козимы фон Бюлов. – *М. З.*). При таких условиях для нее оставалось только одно – порвать навсегда с Мюнхеном и добиться развода с мужем, имя и честь которого она хотела оградить от ненависти враждебных ей людей. Совершенно разумно она советовала ему – еще несколько месяцев назад – оставить колебания и решиться на развод. Она полагала, что такой шаг создал бы более благоприятные условия для его дальнейшего пребывания в Мюнхене: тогда никто не имел бы права утверждать, что своим положением он обязан снисходительности супруги (находились «доброжелатели», которые действительно утверждали, что, прекрасно зная про измену жены, Бюлов остается с нею лишь для того, чтобы не потерять выгодное место дирижера Мюнхенского Придворного театра. – *М. З.*). Во имя этой цели она даже готова была принять на себя все жестокости бракоразводного процесса. Б. (Ганс фон Бюлов. – *М. З.*) поблагодарил ее, согласился с ее советом, но в свою очередь заявил, что все происходящее теперь в Мюнхене вызывает в нем сильнейшее отвращение, так что, при таких обстоятельствах, он все равно отказался бы от своего места. Относительно всего этого имеются документальные данные, переданные мною в надежные руки, и я оставил за собой право сослаться на них в случае необходимости»[660].

Бюлов собрался уехать в Базель и заняться там преподавательской деятельностью, но предварительно решил сам съездить в Трибшен, чтобы, по крайней мере, попытаться «сделать хорошую мину при плохой игре». 10 июня он приехал к Вагнеру; между ними состоялся серьезный разговор. И чтобы максимально не давать дальнейшую пищу сплетням, Вагнер снова, как это уже было перед Людвигом II, призвал «ложь во спасение» и написал открытое письмо для публикации в прессе, в котором защищал

Козиму от всех «клеветнических нападок». После чего уже в который раз во имя пресловутого соблюдения внешних приличий «воссоединившаяся» чета Бюловов вместе с детьми покинула Трибшен и вновь вернулась в Мюнхен для улаживания последних неотложных дел перед отъездом Ганса в Базель.

Воспользовавшись тем, что начавшаяся Австро-прусская война отвлекла внимание мюнхенской публики от перипетий взаимоотношений между Людвигом II, Вагнером и четой Бюловов, Козима решила попытаться сама разрубить этот «гордиев узел». Во имя чего продолжать мучить себя, мужа и возлюбленного? Все уже и так решено. Обратной дороги нет; жить с Гансом она не будет. А общественное мнение? Нет ничего более продажного и ничтожного, чем мнение бездушной и ханжеской толпы! 15 сентября Ганс уехал в Базель один, где вскоре стал преподавать фортепьяно. И уже 28 сентября Козима фон Бюлов, уже в который раз демонстративно бросив вызов обществу, приехала в Трибшен к Вагнеру и стала ожидать того момента, когда она наконец сможет гордо называть себя Козимой Вагнер. Тем более что в это время она находилась на четвертом месяце беременности, и не было сомнений, что отец этого ребенка – не Ганс, а Рихард.

4

Осень и два месяца зимы прошли в счастливом и тревожном ожидании. 17 февраля 1867 года в Трибшене Козима родила свою четвертую дочь Еву (1867–1942), второго ребенка Вагнера. Все последнее время композитор усиленно работал над «Нюрнбергскими мейстерзингерами», которых он так надолго «забросил» перед переездом в Трибшен. Искусство и любовь вновь слились для Вагнера воедино. Поэтому девочка и получила имя Ева – в честь красавицы Евы Погнер, героини «Мейстерзингеров».

Остаток зимы и весну Вагнер и Козима наслаждались покоем и настоящим семейным счастьем в Трибшене. Он работал, диктовал мемуары; она занималась детьми и вела домашнее хозяйство. Время летело незаметно.

Однако – на счастье и на несчастье Вагнера – в Мюнхене Людвиг II старался сделать все возможное, чтобы музыкальные драмы своего кумира все же увидели свет рампы. С отъездом Вагнера из Баварии антивагнеровские настроения среди мюнхенской публики постепенно улеглись, и постановки его произведений перестали представлять собой угрозу публичного скандала и бунта. Более того, мюнхенцы внезапно возгордились, что являются современниками великого композитора, и пожелали

видеть его творения на сцене родного города.

5 апреля Вагнер приехал в Мюнхен для аудиенции у Людвига II. Он убеждал короля, что есть только один человек, способный самым наилучшим образом поставить в Мюнхене его произведения. И этот человек – Ганс фон Бюлов, «вагнеровский идеальный дирижер», как называл его сам Вагнер! Людвиг не мог не понимать, что Бюлов действительно является одним из лучших дирижеров своего времени и может составить гордость баварского театрального искусства. Семейный «вагнеровско-бюловский» скандал уже был отодвинут на второй план; о нем достаточно подзабыли. Поэтому Гансу фон Бюлову отныне возвращался пост королевского капельмейстера. И более того – он назначался руководителем открывшейся в Мюнхене Королевской музыкальной школы. Вагнер поспешил в Базель, чтобы лично сообщить об этом Гансу. По крайней мере, на людях оба делали вид, что их интересует одно лишь искусство, а взаимоотношения носят по-прежнему дружеско-деловой характер. Вскоре фон Бюлов прибыл в Мюнхен и заступил на старую и новую должности. Козиме вновь пришлось, несмотря на принятые ею ранее решения, вернуться к мужу, чтобы не подрывать новыми ненужными сплетнями *великое театральное предприятие*.

Летом 1867 года в Мюнхенском придворном театре под управлением Ганса фон Бюлова готовилась постановка «Тангейзера». Король пожелал, чтобы и Вагнер не просто присутствовал на премьере, но принимал непосредственное участие в ее подготовке. Он снял для композитора усадьбу Престеле (Prestele) близ Штарнберга, снова в непосредственной близости от своего замка Берг. Вагнер вынужден был подчиниться желанию короля и на время покинуть Трибшен.

1 августа 1867 года с успехом прошла премьера «Тангейзера» на мюнхенской сцене (спектакль был поставлен в парижской редакции). Надо отдать должное мужеству и таланту Ганса фон Бюлова: ради торжества искусства он был способен забывать нанесенную ему боль и с полной самоотдачей выкладывался как на репетициях, так и на самом спектакле. Во многом успех, сопутствующий мюнхенской премьере «Тангейзера», является заслугой и Ганса фон Бюлова.

Вслед за «Тангейзером» было принято решение поставить «Лоэнгрина». Но тут случился совершенно неожиданный конфликт, повлекший за собой очередной виток охлаждения в отношениях композитора и короля. Людвиг II единолично решил заменить исполнителя главной партии. Первоначально предполагалось, что партию Лоэнгрина будет петь давний друг Вагнера Йозеф Тихачек. Но королю показалось, что в образе

лучезарного Лебединого рыцаря более уместно будет выглядеть не шестидесятилетний ветеран сцены, а гораздо более молодой исполнитель. И он настоял на кандидатуре восходящей звезды мюнхенской оперы Генриха Фогля[661], при этом не посоветовавшись с Вагнером. Вагнер был уязвлен вдвойне. Во-первых, он считал, что никто не имеет право вмешиваться в выбор певцов для его музыкальных драм – даже король! А во-вторых, чувствовал себя неловко перед Тихачеком, которому партия Лоэнгрина в мюнхенской постановке была уже обещана. Несмотря на то, что Фогль впоследствии вполне оправдал доверие короля и прекрасно показал себя на спектакле, Вагнер, крайне раздраженный, немедленно покинул Мюнхен и вернулся в Трибшен.

Здесь душевное равновесие Вагнера было восстановлено. Все свои силы он отдал работе над «Мейстерзингерами», которые до сих пор продвигались крайне медленно. Теперь работа пошла. Еще не закончив партитуру, Вагнер писал: «Это – мой шедевр, лучшее из моих произведений»[662]. 24 октября 1867 года он наконец завершил свое детище, свою первую и единственную *комическую оперу*, которая тем не менее все равно несет на себе отпечаток *музыкальной драмы*.

5

С момента окончания «Нюрнбергских мейстерзингеров» для Вагнера началась счастливая полоса. Основательно отдохнув зиму и весну 1868 года, он в середине мая прибыл в Мюнхен для подготовки премьеры «Мейстерзингеров» на сцене Мюнхенского придворного театра. Свой 55-летний юбилей Вагнер отпраздновал в присутствии Людвига II, отношения с которым вновь были восстановлены. На королевском пароходе «Тристан» они совершили поездку по Штарнбергскому озеру, а затем остановились на романтическом острове Розенинзель (Roseninsel), где был дан праздничный обед для приглашенных избранных гостей.

Наконец, 21 июня в Мюнхенском Придворном театре с заслуженным триумфом прошла премьера «Нюрнбергских мейстерзингеров». «Вчерашний спектакль был величественным торжеством, которое, вероятно, никогда больше не повторится. Все время я должен был сидеть рядом с королем, в его ложе, и оттуда отвечать на овации публики. Никогда и нигде никто не видел ничего подобного»[663], – вспоминал Вагнер. Мюнхенская публика приветствовала автора стоя, единодушно выказав ему

свое расположение. Король пожелал, чтобы и последующие премьеры проходили исключительно на сцене Мюнхенского Придворного театра. У Вагнера было на сей счет свое собственное мнение, но он не стал раньше времени его высказывать.

Вернувшись в Трибшен сразу же после премьеры, Вагнер вновь возжелал тихой семейной идиллии. Козима не заставила себя долго ждать, приехала в Трибшен, откуда написала Людвигу II о состоянии здоровья «любимого Рихарда»: «Он хорошо себя чувствует в Трибшене и вносит правку в биографию»[664].

В сентябре 1868 года Вагнер и Козима отправились в свое первое совместное заграничное путешествие – в Италию. Их путь пролегал через перевал Сен-Готард в очаровательный маленький городок Стрезу (Stresa) и через Борромейские острова в Геную. Пережив ужасную бурю и крупное наводнение в Северной Италии (не иначе как Вагнеру вспомнилось его путешествие с Минной из Риги в Лондон, и перед ним вновь возник из небытия призрак Летучего Голландца), Рихард и Козима в добром здравии вернулись в Германию и отправились в Аугсбург, где 14 октября расстались. Козима вернулась в Мюнхен обсуждать с Гансом фон Бюловом обстоятельства готовящегося развода, а Вагнер инкогнито (вездесущие журналисты ничего не знали об этой поездке и временно не докучали Вагнеру) отправился на свою «малую родину» в Лейпциг, где намеревался в спокойной обстановке посетить дом своей сестры Оттилии и ее мужа Германа Брокгауза, с которыми не виделся очень давно. 2 ноября он прибыл в Лейпциг.

Здесь и произошла встреча, положившая начало странной и весьма показательной дружбе, не имевшей, правда, значительных последствий для Вагнера, в отличие от его нового знакомого, для которого она поистине стала роковой. Мы говорим о Фридрихе Ницше.

Фридрих Вильгельм Ницше (Nietzsche; 1844–1900) годился Вагнеру в сыновья: разница в их возрасте составляла 31 год; отец Фридриха священник Карл Людвиг Ницше (1813–1849) родился в один год с композитором. Еще в 1854 году десятилетний мальчик начал пробовать писать стихи и музыкальные произведения. В церкви он пережил мистический опыт сродни пережитому Вагнером в день конфирмации, когда церковная музыка привела его в экстатический восторг. Фридрих стал мечтать о карьере музыканта. Тогда он еще был далек как от идей вагнеровских музыкальных реформ, так и от своего собственного радикализма; его непререкаемыми авторитетами и «учителями» в музыке стали Бах, Гайдн, Моцарт и Бетховен. Особенно Бетховен, влияние

которого очень заметно в юношеских музыкальных сочинениях Ницше. Однако, получив аттестат зрелости в 1864 году, Ницше профессионально занялся не музыкой, а филологией, прослушав в течение двух семестров курс лекций в Боннском университете, а затем – в 1865 году – записавшись на четыре филологических семинара в Лейпцигский университет.

Но музыку он по-прежнему не оставлял. (Кстати, интересно отметить, что к 1864 году относятся два романса Ницше на стихи А. С. Пушкина – «Заклинание» и «Зимний вечер».) Ко времени знакомства с творчеством Вагнера (впервые он услышал его музыку в 1861 году; это было фортепьянное переложение отрывков из «Тристана и Изольды») Фридрих все музыкальное искусство оценивал с «позиций классиков» и далеко не сразу стал страстным вагнерианцем.

Однако уже к осени 1868 года спокойная критика творчества своего будущего кумира уступает у Ницше место экзальтированному восторгу. 27 октября он писал: «Сегодня вечером я наслаждался вступлением к “Тристану и Изольде”, а также увертюрой к “Мейстерзингерам”. Я не в силах относиться к этой музыке с критической прохладцей; каждая жилка, каждый нерв трепещет во мне, у меня давно уже не было такого устойчивого чувства отрешенности, как во время слушания названной увертюры»[665].

А еще чуть раньше отрывок из сентябрьского письма говорит о том, что Ницше познакомился не только с музыкальным, но и с литературным творчеством Вагнера: «Я открыл истинного святого филологии, подлинного и настоящего филолога, мученика, в конце концов (мученичество заключается в том, что каждый глупый литератор считает себя вправе на него помочиться). Знаешь, как его зовут? Вагнер, Вагнер, Вагнер!»[666]

С тех пор Ницше стал мечтать о личной встрече с композитором, которая как раз и состоялась у Брокгаузов 8 ноября 1868 года. Знакомство этих двух неординарных личностей оставило обоих очарованными друг другом. Весь вечер Ницше и Вагнер проговорили о философии Шопенгауэра, о будущем искусства, о сущности музыки. Они убедились, что в их взглядах очень много общего; можно было бы даже сказать, что они смотрят на мир одинаково. Возможно, что в восторженном двадцатичетырехлетнем молодом человеке Вагнер узнавал самого себя времен 1849 года. Во всяком случае, Ницше получил приглашение непременно посетить Вагнера в Трибшене, и как можно скорее!

Сам композитор вскоре возвратился в свое «убежище», куда 16 ноября прибыла Козима с дочерьми. Не дожидаясь

официального развода с Гансом фон Бюловом – Козима до сих пор не была стопроцентно уверена, что они получат разрешение на развод, – она приняла решение *окончательно* переехать к Вагнеру в Трибшен. Козима вновь ожидала ребенка, зачатого во время путешествия по Италии. Но тревога Вагнера за здоровье «гражданской жены» все чаще уступала место полному безоблачному счастью от сознания того, что наконец-то 55-летний композитор обрел настоящую семью и душевный покой.

6

Рождество и новый 1869 год Вагнер встретил в атмосфере любви и надежды на будущее. Вдохновение также не заставило себя ждать.

23 февраля был снова вызван из небытия «Зигфрид», «похороненный» сначала ради «Тристана», а затем ради «Мейстерзингеров». Вагнер начал работу над третьим актом оперы. Теперь ничто не могло помешать ему наконец закончить свой грандиозный замысел тетралогии. (Напомним, что ее первая часть, «Золото Рейна», была завершена в 1854 году, а вторая часть, «Валькирия», – в 1856-м.)

Ницше впервые переступил порог Трибшена в пасхальный понедельник 17 мая. Скрупулезно подсчитано, что он бывал у Вагнера 23 раза; данный приезд открывает череду этих визитов. К огромному сожалению самого Фридриха и Козимы, настойчиво уговаривающей его остаться до дня рождения Рихарда, профессорские обязанности заставили Ницше вернуться в Базель. Но 22 мая он не забыл отправить Вагнеру поздравительное письмо, начинающееся словами: «Милостивейший государь, как же давно я собирался высказать Вам без утайки, насколько благодарен Вам; что поистине лучшие и возвышеннейшие моменты моей жизни связаны с Вашим именем; и что кроме Вас я знаю лишь одного человека – к тому же Вашего духовного собрата, – Артура Шопенгауэра, о котором я думаю с таким же почтением и даже с религиозным quadam»[667].

5 июня Ницше снова появился в Трибшене и, уже в качестве друга семьи, стал свидетелем величайшего события в жизни Вагнера – 6 июня у него родился долгожданный сын. Как и в случае с «Мейстерзингерами», «давшими» имя дочери Еве, на этот раз «крестным» оказался «Зигфрид». Вдохновленный и счастливый, Вагнер завершил третий акт своей оперы 14 июня под крики новорожденного Зигфрида[668]. Можно сказать, что «оба вагнеровских Зигфрида» родились на свет практически

одновременно.

С рождением сына в Трибшене наступают поистине счастливые дни. Ницше был далеко не единственным избранным, допущенным в «святую обитель». Ценное свидетельство очевидца «трибшеновской идиллии» оставила в своих воспоминаниях Валентина Семеновна Серова[669], жена «русского друга» Вагнера Александра Николаевича Серова. Чета Серовых посетила Трибшен в июле 1869 года и провела в гостях у Рихарда и Козимы несколько недель. «Своего сына мы нашли бесстрашно сидящим верхом на громадной ньюфаундлендской собаке, а рядом с ним – голубоокая, златокудрая сверстница его, дочь Вагнера Ева, закатывалась звонким голоском и подзадоривала собаку, погоняя ее усердно: “Русс! Иди! Иди же! Ну, Русс!” Вагнер взял Еву за руку и направился к озеру. Девочка потянулась назад, жалобно протестуя: “Ева не хочет купаться!” – думая, что ее ведут купаться. Вагнер успокоил девочку. “Пойдем, давай разыщем маленького русского! ” – сказал он. Тогда забрали всю детскую компанию гулять. Тоша, сын наш (Валентин Александрович Серов, будущий художник. – *М. З.*) отправился верхом на Руссе, Изольда и Ева с куклами побежали за ним, а грудной Зигфрид, покоившийся на руках швейцарки-кормилицы, громко гикал от удовольствия. Вагнер рассказывал, смеясь, как Русс свирепо оберегал вход в его парк, так что любознательные англичанки не раз пищали от страха, приближаясь к решетке, и трусливо поворачивали вспять, когда этот черный Цербер лаял на них… Вагнер немало удивлялся тому, что мы без боязни всюду брали сына с собой, и тому, что он так легко подчиняется всевозможным условиям. “О, русские – энергичный народ!” – говаривал он»[670].

Кроме Серовых с 16 по 25 июля 1869 г. у Вагнера гостила и приехавшая из Парижа специально, чтобы лично познакомиться со своим кумиром, Юдит Готье (Gautier; 1845–1917)[671]. Признанная красавица, талантливая писательница, знаток Востока, дочь знаменитого Теофиля Готье, романтическая возлюбленная стареющего Виктора Гюго, написавшего в ее честь стихотворение «Мадам Ю***», она с осени 1868 года выступала в парижской печати как одна из наиболее активных защитников вагнеровского творчества от нападок, начавшихся еще в 1861 году, после провала «парижского» «Тангейзера». В конце 1868 года Юдит отослала свои статьи Вагнеру с просьбой исправить ошибки. Так завязалась их переписка[672], приобретавшая все более и более интимный характер.

Теперь у Вагнера было все, о чем он мечтал: комфортный дом, семья, спокойная обстановка для творчества, друзья, среди которых он особенно выделял Фридриха Ницше. Вернее, у него

было *почти всё:* дом не принадлежал Вагнеру, Козима до сих пор не являлась его законной женой, творческое вдохновение все чаще нарушалось вмешательством внешних сил в лице в первую очередь короля Людвига II. Даже Ницше не всегда оправдывал ожидания Вагнера, хотя пока в его преданности и чуть ли не «обожествлении вагнеровского гения» композитору сомневаться не приходилось.

4 августа 1869 года Ницше восторженно писал: «…последние дни я снова провел у моего высокочтимого друга Рихарда Вагнера, который любезно предоставил мне право на неограниченно частые визиты и был очень сердит, когда я однажды в течение четырех недель ни разу этим правом не воспользовался. Ты, наверное, сможешь оценить, сколь многое я приобрел благодаря этому разрешению, – ведь этот человек, о котором до сих пор еще не высказано ни одного полностью характеризующего его суждения, выказывает во всех своих свойствах такое безоговорочное, несомненное величие, такой идеализм дум и воли, такую недостижимо благородную и теплую человечность. Такую глубину жизненной серьезности, что мне все время кажется, что передо мной – избранник столетий»[673].

В письме от 7 ноября 1869 года есть еще более показательные строки: «Я использую возможность публичных выступлений для разработки мелких деталей моей системы, как я сделал уже, к примеру, в своей речи по поводу вступления в должность. Разумеется, *Вагнер в высшей степени полезен мне при этом – в первую очередь как образец, который непостижим с точки зрения бывших до сих пор эстетических взглядов* (курсив мой. – *М. З.*)»[674].

Вагнеру, безусловно, льстило преклонение молодого профессора. В его швейцарском уединении общение с человеком, *жаждущим* и, что наиболее важно, *способным* воспринимать идеалы, дорогие его сердцу, было подобно глотку свежего воздуха. Но не более! Не стоит преувеличивать обратного влияния – Ницше на Вагнера. Его не было!

Вагнер *лишь в какой-то мере* близок к идеям Ницше в своих литературных трудах конца 1840-х – 1850-х годов, в которых он выступает ниспровергателем авторитетов, в том числе и религиозных, революционером, призывавшим отречься от «старого» искусства во имя торжества нового и т. д. К моменту знакомства с самим Ницше он давно шел по собственному пути, и ничего ницшеанского уже не найти ни в «Кольце нибелунга», ни тем более в «Парсифале» – красноречивом антиподе философии Ницше. А лишь в своем творчестве Вагнер предстает *подлинным Вагнером*. Так, например, полнейшим непониманием

философского замысла композитора является трактовка образа Зигфрида как «сверхчеловека»; к нему скорее уж можно отнести ницшеанское «человеческое, слишком человеческое». К тому же композиция «Зигфрида» была завершена Вагнером еще в 1856 году! Не говоря уже о том, что характеристики этого персонажа в корне не менялись со времен работы и над «Юным Зигфридом», и над «Смертью Зигфрида», относящейся, опять же, к 1850-м годам. Следовательно, повторимся: никакого влияния Ницше на творчество Вагнера нет.

Но при этом в своем духовном одиночестве Вагнеру *было необходимо общение с человеком, равным ему по духу*. Отсюда и берет начало некая тирания стареющего Вагнера по отношению к своему значительно более молодому другу.

Однако спокойные дни в Трибшене к лету 1869 года были нарушены волнениями, связанными с непременным желанием Людвига II поставить первую часть тетралогии «Кольцо нибелунга» – «Золото Рейна» – в Мюнхене. Вагнер был категорически против, чтобы опера была поставлена отдельно от всего «Кольца». Но Людвиг II, которому Вагнер в свое время продал права на свое произведение, настаивал на постановке и не собирался ждать неопределенное время. Ведь вся тетралогия к тому времени еще не была закончена (Вагнер лишь начал работу над «Сумерками богов»), да и постановка полного «Кольца» в условиях Мюнхенского Придворного театра была бы невозможна.

Конфликт с королем обострился тем, что из солидарности с желанием композитора друг Вагнера дирижер Ганс Рихтер[675] и исполнитель партии Вотана Франц Бетц[676] отказались от участия в спектакле. Репетиции были на время остановлены. Но лишь на время! Людвиг не отступился от своего желания и теперь был настроен решительно против «Вагнера и его сообщников». В свою очередь Вагнер послал письмо с угрозами новому дирижеру Францу Вюльнеру[677]: «Руки прочь от моей партитуры! Это я вам советую, господин; иначе убирайтесь к черту!»[678]

Но против желания монарха композитор оказался бессилен. Несмотря на демонстративную отстраненность Вагнера от подготовки спектакля, премьера «Золота Рейна» под управлением Вюльнера состоялась 22 сентября 1869 года и была встречена бурными овациями[679]. Однако успех не принес Вагнеру никакого удовлетворения. На спектакль он не приехал и лишь с удвоенной силой взялся за разработку «Сумерек богов».

На этой мюнхенской премьере впервые услышал вагнеровскую музыку молодой человек русско-немецкого происхождения Павел Васильевич Жуковский (1845–1912). Он родился во Франкфурте-на-Майне и был сыном знаменитого

русского поэта Василия Андреевича Жуковского, придворного воспитателя будущего императора Александра II, и Елизаветы фон Рейтерн, дочери немецкого художника Герхарда фон Рейтерна. Юноша пошел по стопам «немецкого деда» и стал художником-самоучкой; систематического художественного образования он так и не получил, зато брал уроки живописи у знаменитого Франца фон Ленбаха (1836–1904), автор наиболее похожего на оригинал, по словам самого композитора, портрета Вагнера. Впоследствии Павел Жуковский станет одним из самых близких друзей Вагнера в последние годы его жизни.

7

1 февраля 1870 года в Базельской библиотеке Ницше прочитал свой доклад «Сократ и трагедия» и прислал экземпляр в Трибшен. Вагнер ответил ему 4 февраля очень показательным письмом: «Вчера вечером я читал Вашу брошюру и долго не мог успокоиться после того. Вы как-то неожиданно, на современном нам языке, говорите о неизмеримо великих созданиях афинян… Я, со своей стороны, с замиранием сердца слежу за той смелостью, краткостью и категоричностью, с какою Вы перед публикой, по-видимому, не слишком расположенной воспринимать такого рода знания, излагаете свои новые идеи. И только уверенность в том, что Вас встретит полное непонимание, может послужить оправданием Вашей смелости… *Я предвижу в будущем дальнейшее развитие Ваших идей в борьбе с традиционными предрассудками. Но я боюсь за Вас и от всего сердца хочу, чтобы Вы не сломали себе шеи* (курсив мой. – *М. З.*)»[680]. Последние годы жизни Ницше показывают, насколько же Вагнер был прав…

Весной 1870 года начался новый виток скандала с Людвигом II. Теперь король объявил о подготовке к постановке «Валькирии». Вагнер неоднократно и недвусмысленно выражал свое мнение, что тетралогия должна ставиться только целиком, и никак иначе! На этот раз Вагнер, видя свою беспомощность, уже был согласен на компромисс: «Валькирия» может быть поставлена частным образом, лишь для одного короля, как уже бывало с другими произведениями, и не только Вагнера. Но Людвиг II оказался неумолим и настоял на публичной премьере в Мюнхенском Придворном театре. Возможно, такая непримиримая настойчивость по отношению к вагнеровским творениям была продиктована его все еще неудовлетворенным желанием сделать из Баварии «страну музыкантов». Тогда Вагнер, смирившись с

неизбежным, предложил собственные услуги в качестве дирижера. Но Людвиг отказал Вагнеру и в этом, мотивируя свой отказ тем, что его связь с Козимой до сих пор не узаконена и его приезд в Мюнхен может негативно сказаться на восприятии спектакля. И это после того, как предыдущие вагнеровские постановки прошли успешно, мюнхенская публика стоя приветствовала композитора после премьеры «Нюрнбергских мейстерзингеров», и никто даже и не вспомнил о скандале пятилетней давности! Предлог, мягко говоря, надуманный.

В эти дни Вагнер вновь с каким-то обреченным отчаяньем стал мечтать о своем собственном театре, где никто не смог бы навязывать ему чужую волю. В марте 1870 года Ганс Рихтер обратил внимание Вагнера на статью «Маркграфская опера в Байройте» в энциклопедическом словаре. В статье речь шла о любимом детище маркграфини Фридерики Софии Вильгельмины Байройтской (1709–1758), урожденной принцессы Прусской, дочери Фридриха Вильгельма I, крестницы Августа Сильного и любимой сестры Фридриха Великого. В 1732 году эта неординарная женщина переехала в Байройт и все свои силы отдала тому, чтобы небольшой провинциальный город стал центром культурной жизни Баварии. И это ей удалось.

Но после смерти Вильгельмины Байройт вновь впал в «провинциальное забытье». Рихтер предложил Вагнеру съездить туда и посмотреть на своеобразный забытый памятник былой оперной славы Баварии. Он и не предполагал тогда, что Вагнер принесет с собой в Байройт «новый ренессанс».

Но пока композитору было не до поездок. В Мюнхене полным ходом шли репетиции «Валькирии». Вагнер демонстративно устранился даже от всякого упоминания о готовящемся событии, как будто оно не касалось его вовсе. 4 июня, за три недели премьеры, Вагнер написал Ницше: «Здесь (в Трибшене. – *М. З.*) все идет прекрасно. Завтра надеюсь закончить эскизы к первому акту Зигфрида (“Сумерек Богов”[681], хотел я сказать). Послезавтра я праздную первый день рожденья моего сына и, вместе с тем, годовщину Вашего первого появления в моем доме. Да благословит небо эту двойную годовщину! Мне казалось тогда, что Вы принесли моему сыну счастье. Прошел год, полный всевозможных трудностей, но обогативший душу многими счастливыми моментами, и вот, наконец, начинает сбываться то, что предсказано созвездием моего рожденья, созвездием Козерога. Претерпевший до конца спасется. Будьте здоровы! Будьте радостны, не по новогреческому, а как античный грек»[682].

Между тем премьерным спектаклем «Валькирии»,

состоявшимся 26 июня 1870 года, вновь дирижировал «проклинаемый» Вагнером Франц Вюльнер. При этом настоящий триумф, сопутствующий постановке, даже превзошел успех «Золота Рейна». Новый поклонник творчества Вагнера Павел Жуковский восторженно рукоплескал и на этой премьере. Сам Вагнер, вновь в качестве протеста оставшийся в Трибшене и не присутствовавший на представлении, все же был вынужден сменить гнев на милость и восстановить хотя бы видимость дружественных отношений с королем и дирекцией театра.

Через шесть дней после премьеры «Валькирии», 2 июля, Вагнер завершил инструментовку первого акта «Сумерек богов». Практически одновременно он закончил свою новую литературную работу, получившую простое и лаконичное, и вместе с тем так много говорящее в устах Вагнера название – «Бетховен»[683]. Наследник бетховенских традиций в данном случае во многом сам говорит от имени «великого Людвига» и своеобразно подводит итог собственного музыкального творчества. Несомненно, что данная работа не столько раскрывает сущность бетховенского искусства, сколько искусства вагнеровского. И вместе с тем образные и вдохновенные описания произведений Бетховена, таких как «Девятая симфония», квартет cis-moll op. 131 или «Леонора», заключающая в себе, по словам Вагнера, «совершеннейшую драму», являются одними из интереснейших страниц вагнеровского литературного наследия. Представляет несомненный интерес и сопоставление Бетховена с Шекспиром – этих двух мастеров «драматических характеров».

Но вскоре счастливое событие личной жизни отвлекло композитора и от всех театральных конфликтов, и даже от творчества. 18 июля в Трибшен пришло известие о расторжении брака Ганса и Козимы. Больше ничто не могло служить препятствием для «соединения двух любящих сердец». Даже начало Франко-прусской войны – 19 июля – в Трибшене словно и не заметили вовсе. 25 августа, в день рождения Людвига II (несмотря на все недоразумения, Вагнер в глубине души с благодарностью воспринимал все, что король делал для него), Рихард и Козима заключили законный союз в протестантской церкви Люцерна (Козима к тому времени перешла из католичества в лютеранство). Свидетелями на их бракосочетании были Ганс Рихтер и Мальвида фон Мейзенбуг. В своем дневнике Козима красноречиво написала: «Каждые 5000 лет случается счастье»[684].

Теперь настал конец всем сплетням и пересудам в адрес Козимы и Рихарда. Перед Богом и людьми они наконец стали законными мужем и женой. Огромное облегчение и

всепоглощающая радость были омрачены лишь полным разрывом отношений с Листом, отцом Козимы и другом Вагнера. После ее развода он вообще прекратил всяческое общение как с новым тестем, так и с дочерью и открыто взял сторону Ганса фон Бюлова, демонстративно называя его «своим единственным сыном». Находясь между отцом и новым мужем, Козима однозначно выбрала мужа. Причина серьезного охлаждения теперь уже с ее стороны в отношениях с Листом кроется в его неприятии ее брака с Вагнером. Сам же Вагнер непоколебимо верил, что примирение с «дорогим Францем» в скором будущем обязательно произойдет.

Через десять дней после венчания Вагнера и Козимы, 4 сентября 1870 года, состоялись крестины их сына Зигфрида. Его заочной крестной матерью стала Юдит Готье, так как из-за Франко-прусской войны она не смогла выехать из Парижа…

А между тем Франко-прусская война продолжалась. 1 сентября 1870 года в битве под Седаном германские войска нанесли сокрушительное поражение французской армии; Наполеон III сдался в плен; 4 сентября в Париже вспыхнула революция. 19 сентября немецкие войска осадили Париж. Осада продолжалась 130 дней…

Надо сказать, что Вагнер встретил известие об осаде Парижа с восторгом. И здесь сыграли свою роль не только патриотические чувства. За все собственные неудачи и унижения в Париже Вагнер эгоистически почувствовал себя отомщенным. Уже в ноябре он откликнулся на неизбежное скорое падение Парижа недостойным его гения пасквилем «Капитуляция»[685], запятнавшим его ничуть не меньше, чем в свое время «Еврейство в музыке». То, что «Капитуляция» написана практически вслед за таким проникновенным произведением, как «Бетховен», лишь подтверждает то, что к литературному наследию Вагнера нужно относиться максимально критически. Ведь создается впечатление, что «Капитуляция» и «Бетховен» просто не могут принадлежать перу одного человека!

Французский профессор-филолог Анри Лиштанберже в книге «Рихард Вагнер как поэт и мыслитель», несмотря на собственный патриотизм, нашел в себе мужество *объективно* отнестись к очередному вагнеровскому «сведению личных счетов» за счет целых народов. «Равно как теории Вагнера об иудаизме возбудили против него злобу евреев, так и его теории о латинских расах – и в особенности его мнения о французах – до такой степени затронули наше патриотическое чувство, что на много лет исполнение вагнеровских произведений стало действительно невозможным во Франции. (Этот «бойкот» с начала

1880-х годов сменился настоящим «повальным» увлечением Вагнером, что еще раз доказывает всепобеждающую силу настоящего искусства; в 1885 году был даже основан журнал «Revue Wagnerienn» [«Вагнеровское обозрение»]. – *М. З.*) В самом деле. Должно признаться, что его “психология народов” – довольно оскорбительна для нас». Так, по Вагнеру, «у французов в особенности является врожденной склонность выставлять себя напоказ, желать всегда, чтобы любовались ими, делать дело только из-за славы». Понятно, что далеко не все из окружения композитора слепо соглашались с подобными умозаключениями. «Самый гениальный из учеников Вагнера, Ницше, постарался доказать, что война 1870 года вовсе не была победой “немецкой культуры” над “культурой французской” и что триумф немецкой армии удался совсем по другим причинам. (Кстати, Ницше после антифранцузских выпадов Вагнера «в пику» своему бывшему другу стал сравнивать его музыку преимущественно именно с французской, в частности с Ж. Бизе. – *М. З.*) Впрочем, должно признаться, что и сам Вагнер значительно изменил убеждения за последние годы своей жизни и порою, не колеблясь, изрекал своим соотечественникам жестокие истины… Он несколько лет спустя не побоялся скомпрометировать свою популярность тем, что *открыто заявил, что дух, который управлял судьбою Германии, кажется ему весьма отличным от духа Баха, Бетховена и Гёте* (здесь и далее курсив мой. Подчеркнем особо, что пресловутый “германский дух” для Вагнера кроется исключительно в духе Баха, Бетховена и Гёте; другими словами в великой культуре немецкого народа. – *М. З.*), и что отныне он уже не берет на себя смелость называть то, что было “немецким” и что не было таковым… Но как бы то ни было и каково бы ни было наше личное мнение относительно этих теорий, я не думаю, чтобы… нам нужно было относиться к Вагнеру как к врагу из-за того, что он держался мнений, мало лестных для нашего самолюбия… и *равно как он не побуждает к расовой войне, так он и не стремится к поддержанию ненависти народа к народу*»[686].

Из приведенных цитат видно, насколько Вагнер *сиюминутен* в своих так называемых политико-этнографических построениях, опирающихся у него исключительно на «настроение сегодняшнего дня». Назавтра настроение меняется – меняется и теория, и Вагнер сам с удивлением замечает, что, оказывается, когда-то он написал то, с чем ныне абсолютно не согласен. Это еще раз доказывает, что в подобных случаях его «теории» *не затрагивали глубин его сознания*. Более того – *они противоречат подлинному Вагнеру*. Еще раз повторяем: из всего огромного литературного наследия композитора необходимо с осторожной тщательностью

выделять то, что действительно имеет отношение к Вагнеру как «поэту и мыслителю», а что недостойно даже упоминаться рядом с его именем и *должно наконец быть предано забвению!* Единственным критерием, позволяющим отделить зерна от плевел, является само вагнеровское искусство, в котором он правдив и последователен. Чтобы окончательно поставить точку в вопросе ксенофобии Вагнера позволим себе привести еще одну цитату, лучше всего раскрывающую смысл и задачи вагнеровского искусства. Учитывая, что вскользь мы уже упоминали рождающуюся у Вагнера идею «театра одного композитора», данная цитата заодно позволит еще лучше и глубже эту идею понять.

«Но реформа, примененная в Байройте, согласно духу Вагнера не является только художественной; она также – *моральная и вместе с тем национальная.* (Здесь и далее курсив мой. – *М. З.*). В самом деле, *корень мирового зла, по мнению Вагнера, есть отсутствие любви*, Lieblosigkeit, или, употребляя шопенгауэровский термин, эгоистическая Воля к жизни, которая отделяет каждый индивидуум от остального мира, мешает ему сострадать чужим скорбям, побуждает его в каждом обстоятельстве отыскивать свой личный интерес и увеличивает таким образом в мире сумму страданий. Этот-то дух эгоизма и стал причиной падения современного общества и нынешнего искусства: *он* (здесь и далее курсив Лиштанберже. – *М. З.*) устроил повсюду торжество власти капиталистов, *он* вызвал разрыв отдельных искусств, некогда братски соединявшихся в греческой драме; *он* вдохновляет виртуозов и артистов, когда последние отодвигают попечение об искусстве на второй план после своих мелких расчетов личного тщеславия и честолюбия; *он*, наконец, делает массу публики индифферентной к великому искусству, неспособной страстно отдаться общему делу, заботящейся только о своих удовольствиях и удобствах. Поэтому Байройтский театр должен быть протестом против этого универсального эгоизма, школой отречения, любви, школой *объективности*… Конечно, француз попробует сделать некоторые оговорки, прежде чем присоединиться к байройтской идее так, как мы ее определили. Без сомнения, он найдет, что Вагнер, может быть, слишком много уделяет германизму и, кажется, немного несправедлив по отношению к латинским племенам… Отметим, однако, теперь, что *байройтское дело никоим образом не есть специально и исключительно немецкое предприятие, но оно – прежде человеческое, чем национальное*. (Здесь и далее курсив мой. Об идеале жертвенной Любви и общечеловеческом универсальном начале вагнеровского искусства мы уже не раз

говорили. – *М. З.*). Вагнер призывал *безразлично всех людей отречься от эгоистической воли к жизни, принять участие в великом деле человеческого возрождения. Он как можно более далек от той мысли, чтобы объективный ум и художественное беспристрастие были исключительным достоянием одной нации или одной расы.* “Кичливый” француз и “интересант” еврей могут достичь этого вполне так же хорошо, как и немец, и при одних и тех же с ним условиях: достаточно, чтобы тот и другой отказались от своего индивидуального и от национального эгоизма. *В Байройте нет ни немцев, ни французов, ни евреев, а только – человеческие существа, все равные в служении идеалу. Вот верное выражение мысли Вагнера, и понимаемая таким образом, она может, как нам кажется, быть одобрена всеми*»[687].

И еще одним итогом – на этот раз итогом 10-летних любовных испытаний – явилось сочинение, вобравшее в себя всю нежность и любовь, на которые только было способно сердце Вагнера. 25 декабря, в Рождество, на следующий день после дня рождения Козимы, перед ее спальней собрались 11 музыкантов. Для нее одной было исполнено произведение, названное Вагнером «Идиллия “Зигфрид”» (Siegfried Idylle; E-dur). Партитуре было предпослано стихотворение, начинающееся словами:

> Когда себя ты принесла мне в жертву,
> В кругу семьи страдальцу дав вздохнуть,
> Тогда к душе моей слетело вдохновенье,
> Героев мир открывшее глазам…[688]

Надо ли что-нибудь добавлять к уже сказанному? В свое время итогом любви Вагнера к Матильде Везендонк стал вокальный цикл на ее стихи «Пять стихотворений». Любовь к Козиме выразилась в столь же поэтичных, вдохновенных и мелодически прекрасных страницах вагнеровской лирики. Два эти произведения смело можно поставить рядом как памятник истинной Любви Поэта. Но если первое несет на себе отпечаток любовной трагедии, то второе пронизано чистым светом, дышит невероятным покоем, счастьем и верой в будущее. «Пять стихотворений» и «Идиллия “Зигфрид”» доказывают только одно – *настоящая любовь была в жизни Вагнера только два раза*.

Какие чувства испытала Козима, проснувшись в рождественское утро под дивные звуки? Ради таких минут можно было «принести себя в жертву» и пережить все то, что выпало на ее долю. Теперь ей больше нечего было желать; подобно гётевскому Фаусту ей оставалось лишь воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Сказать, что Козима полюбила Рихарда

после такого сюрприза еще сильнее, было бы неверно – любить сильнее было невозможно…

Сама же «Идиллия “Зигфрид”» стала кульминацией всей «трибшеновской идиллии» в целом.

8

Между тем в стране произошло событие, которое стало ключевым для всей истории Германии. Вагнер в числе миллионов других немцев узнал, что 18 января 1871 года в Зеркальном зале Версаля было провозглашено создание объединенного государства – Германской империи, Второго рейха. Прусский король Вильгельм I стал императором, Отто фон Бисмарк – имперским канцлером. Франко-прусская война фактически завершалась победой Пруссии. 28 января французы были вынуждены просить о перемирии, которое и было заключено 26 февраля. 1 марта германская армия вошла в Париж…

Итак, «новые пути» были уже не за горами; и для всей страны, и для отдельно взятого человека в лице композитора Рихарда Вагнера. Напомним, что еще в 1840 году Вагнер писал в работе «О сущности немецкой музыки»: «Отечество немца разделено на изрядное количество королевств, курфюршеств, герцогств и свободных имперских городов… Как же ему (музыканту. – *М. З.*) хотя бы приблизиться к тому, чтобы завоевать известность во всей Германии?.. Композитор, чьи произведения исполняются в Берлине, уже в силу этого никому не известен ни в Мюнхене, ни в Вене; только из-за рубежа ему может посчастливиться воздействовать на всю Германию в целом»[689]. А Вагнер хотел именно *воздействовать на всю Германию в целом*. Теперь такая перспектива перестала быть утопией. Для объединенной страны нужна была *одна основная сцена* – трибуна, с которой Вагнер проповедовал бы идеалы собственного искусства. Нужно было только найти место для постройки этой сцены, этого «Храма вагнеровской музыки». Мысленно Вагнер все чаще возвращался к идее посетить Байройт…

В начале февраля до Трибшена дошло трагическое известие из России, потрясшее Рихарда и Козиму до глубины души. 20 января в Санкт-Петербурге скончался Александр Николаевич Серов. 9 февраля Козима записала в своем дневнике: «Мы потеряли в нем прекрасного, истинного, по-детски преданного нашему делу друга». А сам Вагнер отправил в Санкт-Петербург письмо, проникнутое искренней теплотой и горечью утраты: «Конец нашего друга рождает во мне мысль о том, что смерть не

может лишить нас поистине благородного и горячего любимого человека. Для меня Серов не умер, его образ неизменно живет во мне, лишь его усердным заботам обо мне поставлен предел. Он был и остается тем, чем был – одним из самых благородных людей, которых я могу себе только представить. Его нежная душа, чистые чувства, живой и образованный ум сделали проникновенную дружбу, которой он меня одарил, одним из самых ценных сокровищ всей моей жизни…»[690]

Можно сказать, что очередная потеря друга и единомышленника только укрепила Вагнера в стремлении, во что бы то ни стало и как можно скорее, воплотить в жизнь идеалы, которые были дороги Серову так же, как и самому Вагнеру. «Трибшеновская идиллия» подходила к концу. Для Вагнера стало ясно, что здесь он уже не останется надолго и нужно срочно искать новое место, где все его грандиозные планы получили бы свое осуществление, где возник бы, словно памятник торжеству высокого искусства, не имеющий аналогов во всей истории мировой музыки театр одного композитора.

В свое время и Лист, и Людвиг II высказывались в пользу идеи создания специального театра, приспособленного под вагнеровские постановки. Сам Вагнер, всю жизнь страдавший именно оттого, что исполнительские силы и ресурсы существующих театров были не способны удовлетворить его запросы, также буквально «заболел» этой идеей. Когда же она не нашла понимания в Мюнхене, Вагнер замкнулся в Трибшене и несколько лет питался лишь призрачной надеждой, что его мечта когда-нибудь осуществится. Правда, при этом он не переставал работать над «Кольцом нибелунга», заранее зная, что, лишь имея собственный театр, сможет осуществить постановку, достойную его грандиозного замысла. Но приступая к последней части своей тетралогии, он уже твердо верил, что когда-нибудь его мечта осуществится. «Сумерки богов» должны были стать «новой зарею» самого Вагнера!

16 апреля 1871 года Рихард и Козима в сопровождении Ганса Рихтера, обратившего внимание Вагнера на Байройт, впервые приехали в этот небольшой франконский городок и прожили в нем четыре дня. Они остановились в отеле *Zur Sonne* [«Под Солнцем»] и осмотрели здание Маркграфской оперы. С одной стороны, Вагнер убедился, что оно совершенно непригодно для его целей. Но с другой, сам город настолько понравился ему, что мысль создать именно здесь, среди живописных лесистых холмов, «оплот искусства будущего» с обязательными ежегодными фестивалями вагнеровской музыки отныне не оставляла его.

Но для реального воплощения мечты в жизнь требовались

деньги. И немалые! Тогда-то и родилась идея создания так называемых «патронатных обществ» (Patronatsverein), которые собирали бы добровольные пожертвования на постройку нового «Храма искусства». Покинув до поры до времени Байройт, Вагнеры направились в Берлин, а по дороге заехали в Лейпциг. Там Вагнер встретился со своим другом и почитателем пианистом Карлом Таузигом. Он попросил его взять на себя непростую организацию «патронатных обществ», или «Вагнер-ферейнов», и таким образом начать финансирование предприятия. Сам Вагнер с женой продолжил путешествие в Берлин.

Прибыв в столицу Пруссии, а ныне и всей «Новой Германии», Вагнер был принят лично Бисмарком, причем в неофициальной семейной обстановке. Правда, последнее обстоятельство не смогло расположить Вагнера по отношению к «Железному канцлеру», к которому он всегда питал настороженную враждебность. «Снискать его расположения для поддержки моего дела, просить его о чем-либо – всего этого я не могу себе позволить»[691], – гордо подводил неутешительный итог этой встречи Вагнер.

Но он и не нуждался в «прусском покровительстве». Возвращаясь в Трибшен вновь через Лейпциг, Вагнер официально объявил, что первый фестиваль в Байройте намечается на 1873 год. И это при том, что еще ни одной формальности юридического характера решено не было. Правда, было самое главное – вера многих людей в торжество дела Вагнера.

Таузиг с воодушевлением взялся за порученное ему создание «Вагнерферейнов». Но его словно преследовал злой рок. Недаром Карла, памятуя его польское происхождение (Таузиг родился в Варшаве), называли «новым Шопеном» за одухотворенную и виртуозную игру. Великий композитор скончался в 39 лет; Таузиг не дожил даже до своего тридцатилетия… Он умер 17 июля 1871 года в Лейпциге от туберкулеза – болезни, сведшей в могилу и самого Шопена.

Вагнер тяжело переживал смерть друга. Под впечатлением от трагического известия им был написан «Траурный марш» Зигфрида для третьего акта «Сумерек богов», по словам Б. Левика, «наиболее потрясающие страницы творчества Вагнера и всей симфонической музыки трагического содержания. По трагедийной мощи с этим маршем сравнима разве только вторая часть (траурный марш) из Третьей симфонии Бетховена»[692].

Но дело, начатое Таузигом, не погибло, а приобрело невиданный доселе размах. Постепенно «Вагнеровские общества» начали создаваться не только в Германии, но и в России, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Англии, Италии, США и даже в

Египте. Французы, еще совсем недавно объявлявшие «бойкот» вагнеровской музыке в связи с его антифранцузскими выпадами в прессе, на этот раз тоже не остались в стороне и создали свое «Вагнеровское общество» в поддержку *нового искусства*.

Членами «Вагнер-ферейнов» становились все, кому было не безразлично дальнейшее развитие музыки. «Борьба за Вагнера» выливалась в борьбу за национальное искусство в целом. В «ферейны» входили не только музыканты, но и художники, писатели, представители аристократии. Членом одного из «Вагнер-ферейнов» стал уже упоминаемый нами Павел Васильевич Жуковский.

Масштаб деятельности «Вагнер-ферейнов» в самой Германии наглядно показывает отрывок из письма Вагнера к Антону Пузинелли от 23 августа 1871 года. «…Необходимо, чтобы в Дрездене, в связи с подобными ферейнами в других городах, создался Вагнер-ферейн, с целью осуществить постановку моих “Нибелунгов”. По этому поводу я писал уже Тихачеку и просил его войти с тобой в сношения. Но я не получил никакого ответа. Бросить это дело так я не могу. Дрезден не должен отставать от других городов. В Лейпциге, Вене, Мангейме и Берлине идет оживленная агитация. Что дело это наладится, не сомневается ни один человек»[693].

Словно в доказательство этого утверждения Вагнер уже в конце 1871 года неожиданно получил предложение от бургомистра Баден-Бадена строить театр именно в его городе. В письме от 28 декабря 1871 года композитор ответил вежливым отказом – для него все было решено раз и навсегда. «Многоуважаемый господин бургомистр!.. Хотя особенный характер жизни курорта, посещаемого массой приезжих гостей, уже с первого момента, по соображениям практического свойства, вызвал во мне сомнения относительно его пригодности для моей задачи, все же Баден, вследствие Вашего любезного предложения, был бы первым городом, на котором я остановился бы серьезно, если бы мой первоначальный план относительно Байройта встретил какие-либо существенные препятствия. Но все затруднения устранены и побеждены, и я решил не менять ничего. Вы не откажете признать, многоуважаемый господин бургомистр, что уже в основе моего плана лежали важные мотивы, заставлявшие меня искать места для фест-театра непременно в пределах королевства Баварии (нетрудно догадаться, что основным мотивом баварского “происхождения” будущего вагнеровского театра была заинтересованность в данном предприятии *баварского* короля Людвига II. – *М. З.*). В этом и заключается главная причина, почему, выражая Вам свою

величайшую благодарность, я все же вынужден ответить отказом на лестное и почетное для меня предложение муниципального совета города Бадена, о котором я был извещен чрез Ваше любезное посредство»[694].

В середине декабря Вагнер вновь отправился в Байройт как раз для улаживания юридической стороны предприятия и остался весьма доволен выбранным им местом для постройки будущего театра.

9

Но в самом начале января 1872 года Вагнер внезапно столкнулся с неожиданными трудностями. Власти Байройта в лице бургомистра Теодора Мункера (Muncker), навестившего композитора в Трибшене 8 января, сообщили ему, что приобрести приглянувшийся Вагнеру участок земли не представляется возможным, и предложили выбрать другой. Рихард был настолько расстроен таким оборотом дела, что Козиме пришлось приложить немало сил, чтобы успокоить его и уговорить снова самому съездить в Байройт.

1 февраля Вагнер по совету Козимы приехал в свой «роковой город». На этот раз власти оказались сговорчивее. Близ байройтского парка Хофгартен (Hofgarten) композитор выбрал место для строительства своей частной виллы. Проект был оценен в 12 000 гульденов (около 168 000 евро). Наконец-то у него появится собственный дом! А глядя на холм, возвышавшийся над городом, Вагнер решил, что только здесь и больше нигде построит свой театр, аналогов которому не было, нет и не будет! Необходимые на этом этапе бумаги подписали очень быстро (для того, чтобы стать юридическим собственником на землю в Баварии, нужно было получить баварское гражданство; пока Вагнер подал лишь прошение о нем). В течение февраля – марта было основано правление будущего театра, и для «патронатных Вагнер-ферейнов» начат выпуск 1000 акций, так называемых *Patronatsscheinen*, каждая из которых равнялась по стоимости 300 талеров. Общая стоимость проекта равнялась 300 000 талеров (примерно 7 500 000 евро).

27 апреля Вагнер один выехал в Байройт. Козима с детьми и собакой должна была присоединиться к нему несколько позднее. Пока он остановился не в самом городе, а в отеле *Fantasie* в местечке Донндорф (Donndorf) близ Байройта. Туда же приехала вскоре и вся его семья. Уже полным ходом шли приготовления к торжественной закладке первого камня будущего театра,

будущего Фестшпильхауса[695].

18 мая Вагнер в надежде на полное примирение послал приглашение Листу приехать на первое байройтское торжество. Лист ответил вежливым отказом, но лед между друзьями был уже растоплен. К тому времени Лист состоял членом сразу нескольких «Вагнер-ферейнов» и оказывал всяческую поддержку «байройтскому делу».

22 мая, в день 59-летия композитора, ровно в 11.00 часов началось празднество закладки первого камня вагнеровского театра. Вагнер собственноручно трижды ударил молотом по камню, а затем состоялся торжественный концерт в старом здании Маркграфской оперы. Виновник торжества произнес пламенную речь, а затем продирижировал Девятой симфонией Бетховена, для исполнения которой в Байройт съехалось около 400 музыкантов и артистов хора из разных уголков Германии. Исполнение именно бетховенской музыки и именно Девятой симфонии с ее одой «К радости» имело для Вагнера важный символический характер. Бетховен был кумиром его юности, переписывая партитуры которого он пытался постичь основы композиторского мастерства. Таким образом «наследник Бетховена» показывал всем, что победа великого искусства близка.

Осенью семья Вагнеров наконец обосновалась непосредственно в Байройте, правда, все еще во временном жилище. Рихард снял большую квартиру в доме № 7 по Даммаллее (Dammallee), куда во второй половине октября приехал навестить свою дочь и зятя Лист. Личное примирение состоялось, хотя некоторые взаимные упреки и стали причиной некоторой напряженности между Козимой и ее отцом. Но в творческом отношении никаких разногласий не было. Лист от души благословил все вагнеровские начинания и покинул любящих супругов вполне умиротворенным.

Хотя Фестшпильхаус еще не был построен, а само «Кольцо нибелунга» в целом еще не было готово, подготовка к его постановке уже шла полным ходом. В конце 1872 года Вагнер вместе с Козимой предприняли «творческую командировку» по самым знаменитым «театральным» городам Германии. Нужно было набирать труппу для предстоящего фестиваля. Кроме того, Вагнер отправил нескольких своих друзей, хорошо разбиравшихся в искусстве, с той же миссией. Вагнера интересовали все: музыканты, певцы, актеры, декораторы, художники. Необходимо было заручиться поддержкой самых первоклассных исполнительских сил Германии, чтобы «байройтское дело» даже в самой незначительной мелочи было на высоте.

Еще до возвращения из этого путешествия байройтский магистрат подготовил документ о предоставления Вагнеру баварского гражданства. Отныне он стал полноправным подданным Людвига II.

Между тем именно конец 1872 года ознаменован «точкой невозврата» в отношениях Вагнера и Ницше. Когда стало уже ясно, что «байройтские планы» перестали быть планами, а превратились в реальность и что «трибшеновская идиллия» осталась позади, в дружбе наметился явный раскол. В Трибшене Вагнер предстал перед Ницше одиноким и непонятым гением, страдающим от враждебного общества, так же как и он сам. Ныне перед композитором разворачивалась перспектива всеобщего признания и преклонения. Казалось, его дело одержало решительную победу. Из кумира одного Ницше Вагнер превратился в кумира толпы. А в понимании Ницше он был обязан *всегда* оставаться одиноким. Об этом говорит один случай. Еще 22 декабря 1870 года Ницше приехал в Трибшен на Рождество. Он привез Вагнеру подарок – офорт Альбрехта Дюрера «Рыцарь, Смерть и дьявол». К этому подарку Ницше написал позднее красноречивый комментарий в своей книге «Рождение трагедии»: «Ум, чувствующий себя одиноким, безнадежно одиноким, не найдет себе лучшего символа, чем “Рыцарь” Дюрера, который, в сопровождении своей лошади и собаки, следует по пути ужаса, не думая о своих страшных спутниках, не озаренный никакой надеждой. Шопенгауэр был именно рыцарем Дюрера: у него в душе не было никакой надежды, но он стремился к истине. Другого, подобного ему, нет на свете»[696]. Тогда, в рождественские дни 1870 года, Вагнер явился олицетворением одинокого дюреровского «Рыцаря». И вот «рыцарь» вместо своей страшной «свиты» в лице Смерти и дьявола получает в распоряжение настоящий «королевский двор» в лице поклонников и меценатов! Ницше в ужасе отшатнулся. Он не желал «делить» Вагнера ни с кем.

10

По иронии судьбы Вагнер вел себя с Ницше точно так же, как в свое время Людвиг II – с самим Вагнером. Другими словами, Вагнер требовал, чтобы Ницше посещал его как можно чаще, совершенно не считаясь с тем, что у того могут быть и собственные дела, и «ревновал» его к любым иным увлечениям, кроме собственной персоны. Если Ницше заставлял себя ждать, то Вагнер чувствовал себя забытым, чисто по-детски обижался, а

после жестоко выговаривал своему другу. Довольно долгое время Ницше, ослепленный магнетизмом личности Вагнера, не замечал «духовного насилия». Но постепенно он стал страдать от такой несвободы. 2 марта 1873 года растерянность и отчаяние Ницше вырываются наружу: «Дай мне знать об этих регулярных претензиях <Вагнера ко мне>. Я не могу даже представить себе, как вообще возможно во всех самых важных вещах быть по отношению к Вагнеру более верным и преданным, чем я; а если б я смог себе эту еще большую преданность представить, я бы ее немедленно и проявил. Однако в маленьких, малозначащих, побочных вопросах и в определенном, необходимом для меня и носящем почти что гигиенически-“карантинный” характер воздержании от более частых визитов я должен оставаться свободен – на самом деле именно для того, чтобы сохранить эту верность в высшем смысле. Это, разумеется, никоим образом не может быть между ним и мною высказано, но это ведь чувствуется и способно просто повергнуть в отчаяние, если тянет за собой еще и досаду, недоверие и молчание. В этот раз у меня не было даже тени опасения, что я получу такой резкий выговор, и я опасаюсь, что из-за таких вот случаев стану робеть еще больше, чем до сих пор»[697].

Вместе с тем в процессе развития взаимоотношений Ницше и Вагнера со временем их роли поменялись. Ницше осознал собственную значимость и почувствовал себя на равных с былым кумиром, если вообще не выше его. Теперь ему стало необходимо, чтобы и сам кумир начал восхищаться им; по крайней мере, встал бы на его точку зрения по ключевым вопросам философии. А Вагнер вместо этого, как казалось Ницше, все дальше отходил в совершенно противоположную сторону. Со своей стороны и сам Вагнер не собирался ни на йоту отступать от собственных выстраданных взглядов. Вот в этом они были действительно похожи – ни тот, ни другой не терпели ни малейшего несогласия со своими принципами. Тогда-то и наступил настоящий кризис, обострившийся полным отходом Ницше от философии Шопенгауэра, которая в свое время сблизила двух друзей.

Повторимся: Ницше во многом шел по пути, по которому Вагнер давно прошел сам и с которого уже свернул. Ницше фатально ошибался, считая, что Вагнер предал его идеалы, – композитор «переболел ими в значительно более легкой форме» и отошел от них задолго до знакомства с философом. Не будем же забывать их значительную разницу в возрасте – Ницше действительно представал перед Вагнером воплощением идеалов его молодости. Увлечение Шопенгауэром, начавшееся у Вагнера еще во второй половине 1850-х годов, лишь добавляло иллюзию

духовного родства. При этом излишняя эмоциональность самого Вагнера была доведена в Ницше до предела. В какой-то степени его можно даже назвать карикатурой на Вагнера.

Сам Ницше в свое время преклонялся не перед живым человеком, а перед образом, который создал в своем воображении (что было свойственно в свое время и Людвигу II; пожалуй, только Лист объективно оценивал человеческие качества своего друга). Но чем больше он узнавал Вагнера, тем яснее убеждался в несоответствии этого образа оригиналу. Его экзальтированная бескомпромиссная натура не могла смириться с подобным «обманом». А, следовательно, разрыв – причем окончательный и бесповоротный – был неизбежен.

По возвращении в Байройт в начале 1873 года Вагнер вновь столкнулся с трудностями материального характера. Взносов «патронатных обществ», несмотря на, казалось бы, огромный размах их деятельности, оказалось явно недостаточно. Дело в том, что далеко не все члены «Вагнер-ферейнов» *действительно платили взносы* в фонд Байройта. Многие вступали в общества под влиянием моды или сиюминутного порыва, а как дело доходило до того, чтобы раскошеливаться, уходили в тень. Реальные поступления в кассу «байройтского дела» были весьма далеки от ожидаемых. В итоге дальнейшее строительство театра находилось под угрозой. Как бы это ни было мучительно, но Вагнеру пришлось на время отказаться от приятных хлопот по устройству своего театра и всецело погрузиться в рутину организации собственных концертов в крупных городах Германии, чтобы доход от них смог покрыть финансовый дефицит. Тогда-то, во время изнурительного концертного турне 1873 года, у Вагнера начали появляться первые признаки заболевания сердца…

Правда, настоящим светлым пятном в те полные забот и тревог дни стало празднование в Байройте 60-летнего юбилея Вагнера, устроенного его женой и друзьями. В празднике принимал участие едва ли не весь город. В здании Маркграфской оперы перед композитором был разыгран целый спектакль со сценами из его детства и юности; специально для него была поставлена пьеса «Вифлеемское избиение младенцев» его отчима Людвига Гейера, которого Рихард так любил, а верный друг Петер Корнелиус, используя ранние симфонические произведения Вагнера, представил целую торжественную сцену «Посвящение художника» (Künstlerweihe). Вагнер был тронут до глубины души. Если бы не препятствия на пути к открытию театра, он был бы абсолютно счастлив.

Однако пока первый фестиваль, самонадеянно назначенный

Вагнером на 1873 год, переносился на неопределенное время. Доходы от концертного турне позволили Вагнеру лишь не прерывать строительство театра. В письме от 13 июня 1873 года Антону Пузинелли, организатору дрезденского «Вагнерферейна», читаем: «Во всяком случае, ты слишком рано поздравляешь меня с разрешением от бремени, ожидаемом только в будущем году: раньше 1875–го нельзя осуществить моих постановок, и это я говорю в том предположении, что нам удастся собрать необходимую сумму на расходы. А пока что господа меценаты будут приглашены будущей осенью в Байройт – осмотреть здание театра, которое к тому времени будет уже покрыто крышей. Это, надеюсь, послужит доказательством того, что мое предприятие – нечто серьезное, а не шутка»[698].

Очередное байройтское торжество, предваряющее то, о котором говорит в письме Вагнер, – подведение здания Фестшпильхауса под крышу – состоялось 2 августа 1873 года. Лист, который не приезжал на закладку первого камня, на этот раз почтил своим присутствием массовый праздник с фейерверком и банкетом. Но Вагнер уже предчувствовал скорый крах и находился в крайне мрачном расположении духа. Чтобы спасти все предприятие, ему не оставалось больше ничего другого, как напрямую обратиться за помощью к Людвигу II.

Может показаться странным, что, вместо того чтобы всячески экономить средства, Вагнер постоянно тратился на, казалось бы, ненужные бесконечные торжества. Однако эти траты были далеко не столь бессмысленны, как это кажется на первый взгляд. Ведь для того, чтобы найти поддержку в среде спонсоров-меценатов, «патронов» дела, нужно было создавать хотя бы иллюзию, что они вкладывают деньги *в процветающее предприятие*, нужно было – и это остается актуальным в среде бизнесменов и по сей день – приглашать заинтересованных лиц на банкеты и концерты, отмечать каждый новый этап строительства. Другими словами, мало было одной не поколебимой ничем веры самого Вагнера в конечную победу своего дела – эту веру нужно было вселить и в тех, кто непосредственно оплачивал все расходы. А искренним, или тем, кого ни в чем не надо было убеждать, среди «патронов Байройта», пожалуй, был только один – Людвиг II.

Тем временем в ожидании ответа от короля, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, Вагнер все чаще находил утешение и отдохновение в кругу своей семьи. Преданная любовь Козимы делала гораздо больше, чем все меценаты вместе взятые. Она ни на мгновение не теряла веру и присутствие духа и поддерживала Вагнера даже тогда, когда он сам был близок к отчаянию. А принимая во внимание эмоциональную и часто

неуравновешенную натуру композитора, можно только догадываться, чего стоило женщине, так сказать, «держать его в узде». Во всяком случае, Вагнер чувствовал эту бескорыстную заботу о себе и ценил ее.

На Рождество 1873 года он написал очень личное и проникновенное произведение под названием «Детский катехизис» (Kinderkatechismus), который был исполнен в кругу семьи при участии старших дочерей композитора. Это была краткая передышка перед очередными битвами за торжество дела всей жизни.

11

Новый 1874 год начался с очередных неприятностей и потрясений. Придворный секретариат в Мюнхене отклонил просьбу Вагнера о принятии на себя финансовой гарантии «байройтского дела». Однако долгожданный ответ от баварского короля вселил новую надежду. В письме от 25 января Людвиг писал Вагнеру: «Нет! Нет и снова нет! Это не должно завершиться так; надо помочь! Наш план не может сорваться!»[699] Король предоставил авансом кредит в 100 000 талеров (около 2 500 000 евро) из личных средств. (Напомним еще раз, что эта сумма была полностью выплачена впоследствии наследниками Вагнера из бюджета Фестшпильхауса.) Благодаря этому солидному взносу короля «байройтское дело» было спасено.

Кроме того, Людвиг полностью профинансировал и строительство вагнеровской виллы в Хофгартене, которое, опять же благодаря его вмешательству, сдвинулось с мертвой точки и было очень быстро завершено.

28 апреля 1874 года Вагнеры въехали в новый дом. Можно понять чувства Вагнера, впервые переступающего порог *своего дома*, никогда до этого времени не имевшего собственной недвижимости и вечно зависевшего от хозяев тех жилищ, которые он снимал. Когда-то Вагнер писал о том, что сама природа предназначила его «творить и создавать все новые и новые художественные образы среди тихой жизни, ограждаемой любящим человеком». В Трибшене он обрел настоящую семью; Байройт стал его домом во всех смыслах этого слова. А значит, отныне его мечты сбылись вполне!

На фасаде, слева от входа здания, Вагнер велел золотом выбить первую строку символической надписи: *Hier, wo mein Wähnen Frieden fand*. Справа – вторую строку: *Sei dieses Haus von mir benannt*. Самой вилле композитор дал название «Ванфрид» (Wahnfried; от *нем*. Wahn – «мечта, иллюзия, заблуждение» и Frieden – «мир, покой»), запечатленное над входом (как раз между первой и второй строкой). Соответственно полную надпись дословно можно перевести так: «Здесь, где мои мечты покой нашли, “Мечты покой” да наречется этот дом для меня». «Покой мечты» – не значит ли это, что мечта уже воплощена в жизнь, что душа успокоилась и ей больше нечего желать? Если же принять за основу второе значение слова *Wahn* – «заблуждение, иллюзия», то тогда название виллы можно трактовать как «умиротворенные, а значит, *утраченные* иллюзии, заблуждения». В любом случае,

живущий в доме с названием «Ванфрид» твердо знает, чего хочет от жизни, обманчивые иллюзии – не для него. Вагнер хотел уже самим названием своего *убежища* дать понять, что *все его мечты превратились в реальность*.

На фронтоне виллы Ванфрид, непосредственно над входом, находится еще одна аллегория: барельеф с изображением Вотана в образе странника с двумя вещими во́ронами; слева от Вотана стоит символическая фигура Трагедии, а справа – Музыки, под покровительством которой находится маленький мальчик, маленький Зигфрид. Комментарии нам кажутся излишними.

Позднее, в июле 1875 года, король Людвиг II прислал в подарок Вагнеру свой бронзовый бюст, который и ныне стоит перед самым входом в виллу Ванфрид, словно своеобразный ангел-хранитель *настоящего приюта* композитора. Конечно, тогда Вагнер не мог знать наверняка, что именно это место станет его последним приютом. Однако могила для самого себя в саду за домом была им приготовлена заранее…

С момента переезда в Ванфрид Вагнер всецело отдался работе над последней частью своей тетралогии. К 26 июня он уже полностью завершил инструментовку второго акта «Сумерек богов» и 10 июля начал разработку третьего акта своей музыкальной драмы.

От творчества его отвлекает только непосредственно сама подготовка к постановке всего «Кольца нибелунга», идущая, начиная с лета 1874 года, уже полным ходом. В Байройт продолжали съезжаться лучшие исполнительские силы из разных стран мира; театр еще не был достроен, но его слава «будущей Мекки» музыкального искусства опережала события. Ванфрид стал своеобразной штаб-квартирой так называемой Канцелярии Нибелунгов, некоего подобия творческого бюро, где музыканты, такие как русский пианист Иосиф Рубинштейн[700], будущая «первая Кундри» и «лучшая Брюнгильда» Фестшпильхауса Амалия Материа[701] и другие не менее знаменитые «звезды» помогали Вагнеру в подготовке первого фестиваля. Вагнер перестал быть непонятым «одиноким волком»; армия его соратников, единомышленников и поклонников росла в геометрической прогрессии.

И вот торжественный час пробил. 21 ноября 1874 года с последней нотой «Сумерек богов» был завершен весь более чем двадцатилетний эпохальный труд «Кольцо нибелунга». На последнем листе партитуры Вагнер красноречиво написал: *Vollendet in Wahnfried; ich sage nichts weiter!! R. W.* («Завершено в “Ванфриде”. Я больше ничего не скажу!! Р. В.») В дневнике Козимы есть еще более красноречивая символическая запись:

«Так праздную я его [завершение] в страдании, благословляю величественное, чудесное произведение моими слезами»[702].

Казалось бы, по завершении такого гигантского труда у композитора должно было бы наступить душевное опустошение и появиться настоятельная потребность в отдыхе. Но Вагнер лишь с удвоенной силой начал заниматься подготовкой к своему первому фестивалю. Он позволил себе немного расслабиться лишь во время рождественских празднеств.

12

В начале января 1875 года выяснилось, что средств снова катастрофически не хватает! Строительство театра завершалось, но денег на оплату непосредственно самой постановки «Кольца нибелунга» уже не оставалось. В середине февраля Вагнер вновь предпринял концертное турне. Особые надежды он возлагал на Вену, а оттуда направлялся в Будапешт, Лейпциг, Ганновер, Брауншвейг, Берлин. Этими концертами композитор также надеялся привлечь внимание музыкальной общественности к своему новому произведению и в основном вставлял в программы различные отрывки из «Кольца».

Уставший и измученный Вагнер вернулся в Байройт 26 апреля, а 1 мая был сражен новым ударом. Его любимый ньюфаундленд Русс умер буквально на его руках. Вагнер вообще очень любил собак, но к Руссу был привязан особенно – он словно олицетворял для Вагнера счастливые дни «трибшеновской идиллии». Русс был похоронен в саду «Ванфрида» под камнем с символической эпитафией: *Hier ruht und wacht Wagners Russ*. («Здесь покоится и охраняет Вагнеров Русс»). Эту могилу можно увидеть и сегодня, чуть правее могилы самого Вагнера; на камне всегда трогательно лежит свежая косточка или какая-нибудь игрушка для собак…

4 мая Вагнер, на этот раз вместе с Козимой, вновь выехал в Вену, где 6 мая состоялся большой концерт, в котором были исполнены отдельные сцены из «Сумерек богов».

17 июля в Байройт приехал Ганс Рихтер, «крестный отец» «байройтского предприятия». Он остался для празднования окончания строительства театра и начала *настоящих* репетиций «Кольца нибелунга». 1 августа на сцене вагнеровского театра, правда, еще не вполне достроенной, впервые зазвучала музыка. Этот день фактически можно считать днем рождения Фестшпильхауса.

Однако следующее торжество, состоявшееся 13 августа, все

же было перенесено в сад виллы Ванфрид. Тем более что оно было приурочено к установлению перед фасадом виллы полученного месяц назад бронзового бюста короля Людвига II, главного «патрона» Байройта. В концерте приняли участие 150 музыкантов; это было последнее «предварительное» торжественное мероприятие перед грандиозным фестивалем.

Вагнер официально объявил, что первый фестиваль пройдет в августе 1876 года.

После изнурительных гастролей в феврале – апреле 1875 года Вагнера явно «заметили». Так, поступило предложение поставить в Вене «Тангейзера» и «Лоэнгрина». Представление «Тангейзера» прошло 22 ноября, а «Лоэнгрина» – 15 декабря. Дирижировал обеими постановками Ганс Рихтер. Затем из Берлина пришло приглашение на постановку «Тристана», назначенное на январь будущего года, что также содействовало пополнению «байройтской казны». Кроме того, еще 8 февраля Вагнер совершенно неожиданно получил заказ на написание «Торжественного марша»[703] по случаю празднования 100-летия провозглашения независимости Соединенных Штатов Америки. Композитору был обещан гонорар в размере 5000 долларов (около 115 000 евро), который он получил в конце декабря, когда отослал выполненный заказ за океан. «Торжественный марш» был впоследствии исполнен в Филадельфии в праздничный день 4 июля 1876 года, буквально за месяц до начала торжеств в Байройте. Сам Вагнер скептически относился к любой работе «по заказу» и с иронией говорил, что лучшее в «Марше» – это деньги, которые были получены за него от американцев. Но в данном случае удовлетворение ему принес непосредственно факт заказа немецкому композитору музыки на американское торжество, что уже говорило о том, что Вагнер достиг *мировой славы*.

В заключение «финансового отчета» за 1875 год необходимо отметить еще и очередной гонорар от издательства «Шотт» в размере 9000 марок (72 000 евро) за издание вагнеровских клавиртраусцугов и партитур. Таким образом, начало «великого 1876-го» Вагнер встретил вполне оптимистично и с надеждой на то, что все неприятности остались в прошлом. Впереди его ждал Фестиваль! *Других событий в этот год для Вагнера просто не было*…

13

Наконец 3 июня 1876 года Вагнер объявил о начале прогонов всей тетралогии. Он разработал четкий план, согласно которому

на каждую часть отводилось всего по три прогона. К 4 августа все прогоны должны были завершиться. После них назначались генеральные репетиции.

Постепенно в Байройт начали съезжаться приглашенные гости. 1 августа для участия в вагнеровских торжествах приехал Лист. В ночь с 5 на 6 августа прибыл король Людвиг II, остановившийся во дворце Эрмитаж. Прослушав генеральные репетиции, 9 августа король также внезапно уехал, не оставшись на открытие фестиваля. В письме к Вагнеру он объяснил это свое решение тем, что в последнее время его особенно утомляет многолюдная толпа, суета, тяготы королевской власти, порождающие ажиотаж вокруг его персоны. Он вообще предпочел бы прослушать «Кольцо» в одиночестве (генеральные репетиции всегда проходят в присутствии публики), но Вагнеру удалось убедить его не восстанавливать против себя жаждущих попасть на репетиции многочисленных зрителей, не говоря уже о том, что композитору было необходимо заранее оценить акустические новшества своего театра при полном зале.

Фестиваль обещал собрать аншлаг. Задолго до его начала все номера во всех байройтских гостиницах были забронированы. В дни самого торжества нельзя было не только найти свободную комнату, но даже место в кафе или ресторане, чтобы перекусить: маленький город не был рассчитан на такое скопление народа. «Трудно описать картину, которую представлял собой Байройт в эти дни. Никогда прежде город не видел такого количества роскошных экипажей, такого скопления дам, блиставших сверкающими драгоценностями и вечерними туалетами, мужчин во фраках и черных блестящих цилиндрах. Эта аристократическая публика, собравшаяся со всех концов Германии и из других стран, вплоть до Соединенных Штатов Америки, превратила огромное художественное событие в шумную сенсацию, сделала его “великосветской модой”. На спектакли прибыл сам германский император Вильгельм I. Не любя и не понимая музыки, он счел своим долгом присутствовать на спектаклях, которым придавалось столь важное общенациональное значение»[704]. Кстати, из коронованных особ Байройт в те дни почтил своим присутствием даже бразильский император Педру II!

Конечно, придание байройтскому торжеству статуса события общенационального масштаба, с одной стороны, не могло не порождать в Вагнере чувства глубокого удовлетворения. Но, с другой, – о таких ли зрителях мечтал композитор, говоря о том, что его должна слушать «просвещенная публика»? В первую очередь он хотел, чтобы его поняли «аристократы духа», а не «аристократы крови». Теперь перед ним открылась оборотная

сторона популярности. Он, всегда беспощадно боровшийся против *моды*, сам становился *модным композитором*. А это убивало все, ради чего он боролся; за «модной пестрой мишурой» терялось главное – глубина его идей, его предостережений, его уроков. *Его слушали, но не слышали.*

Пожалуй, самой наглядной иллюстрацией, рисующей бездну между мечтой и действительностью, стало появившееся в те дни… меню байройтских ресторанов, в которых предлагались, например, следующие блюда и напитки: пиво «Золото Рейна» (Rheingold-Bier), «ветчина Вотана» (Wotanschinken), «сыр нибелунгов» (Nibelungenkäse), «суп Флосхильды» (Flosshilden-Suppe) и т. д. Подобные *Spezialitäten* можно отведать в Байройте и по сей день! Конечно, все это можно отнести к разряду курьезов. Но… «Превращение» Вотана в ветчину – что еще может служить лучшим доказательством той деградации человечества, о которой постоянно говорил Вагнер?

Тогда, в дни первого Байройтского фестиваля, Вагнер понял это с такой убийственной силой, что ужаснулся: *он победил, но он же и проиграл*. Вот почему, как отмечает в своем дневнике Козима, Вагнер во все дни фестиваля был напряжен, взволнован и… подавлен; его внутреннее недомогание было следствием далеко не одной только усталости.

Конечно, первый Байройтский фестиваль посетили и «аристократы духа» из многих стран мира. Вагнер действительно к тому времени уже стал мировой знаменитостью. В Байройт приехали Эдвард Григ; Антон Брукнер, которого Вагнер очень ценил как композитора; Камиль Сен-Санс; Петр Ильич Чайковский; Цезарь Антонович Кюи; Николай Григорьевич Рубинштейн.

Из «немузыкантов» на первом Байройтском фестивале присутствовали великий герцог Карл Александр Саксен-Веймар-Айзенахский; художники Адольф фон Менцель, Франц фон Ленбах и Павел Васильевич Жуковский, до сих пор так и не знакомый с Вагнером лично, несмотря на явное желание Козимы, с которой к тому времени у него сложились довольно теплые отношения. А также Фридрих Ницше; Эдуард Шюре, впоследствии автор книги «Рихард Вагнер и его музыкальная драма»; Антон Пузинелли; Мальвида фон Мейзенбуг; Матильда и Отто Везендонки; Джесси Лоссо; Юдит Готье…

В свое время с Джесси Лоссо Вагнера связывали довольно запутанные отношения. Однако она не перестала быть верной поклонницей его гения. Ныне рядом с Джесси сидела 31-летняя красавица-француженка Юдит Готье. «Любовное кольцо» Вагнера символически замыкалось. Остановимся на их отношениях чуть

подробнее, тем более что некоторыми биографами Вагнера она названа «его последней любовью» и, более того, «музой “Парсифаля”»[705].

Неужели после всех страданий, вынесенных Рихардом вместе с Козимой, его сердце смогло изменить этой жертвенно преданной ему женщине? На первый взгляд факты подтверждают это. В письмах Вагнера к Юдит (напомним, что ее писем к Вагнеру не сохранилось) можно прочесть откровенные и недвусмысленные строки: «Может быть, это было в последний раз, когда я держал Вас в своих объятиях сегодня утром? Нет, я хочу Вас видеть. Я желаю этого, потому что я Вас люблю»[706] (письмо от 4 сентября 1876 года). Всего лишь несколькими днями позже в Париж отправлено следующее послание: «Драгоценная душа моя! Очаровательная подруга! Все еще люблю Вас! Вы всегда оставались для меня единственным лучом любви в течение тех дней, которые были так радостны для одних и так печальны для меня. Но Вы были для меня полны очищающего, умиротворяющего и пьянящего огня! О, как хотел бы я еще вновь и вновь целовать Вас. Дорогая, очаровательная… Каков глупец! Прежде всего, я сам – ведь я хотел последовать Вашему совету и забыть Вас!»[707]

Казалось бы, все сомнения отпадают сами собой. Но…

Вагнер был знаком с Юдит со времен «трибшеновской идиллии». Она гостила у него одновременно с четой Серовых летом 1869 года, что подтверждает Валентин Серов в своих воспоминаниях. Однако лишь во второй половине 1876 года, практически сразу после Байройтского фестиваля, в письмах Рихарда начинает преобладать «лейтмотив любви». Сама же переписка прерывается 15 февраля 1878 года не без участия Козимы, решительно потребовавшей прекратить «отношения с француженкой» и взявшей на себя написание нескольких ответных писем в Париж. Вот только были ли эти отношения любовными на самом деле? В том, что чувства Вагнера к Юдит носили исключительно платонический характер, не сомневаются даже сторонники «теории последней вагнеровской весны». Но все дело в том, что, кроме упомянутых писем, нигде больше – ни в дневнике Козимы, ни в вагнеровских письмах к другим своим многочисленным корреспондентам, ни в воспоминаниях современников, – нет ни одного свидетельства тому, что Вагнер в эти годы *страдал*. Вернее, он страдал от вполне понятных и явных причин – от банкротства фестиваля, от того, что постепенно утрачивал веру в торжество своих идей, от злобной критики в свой адрес, чего он никогда не мог переносить спокойно. Но от несчастной любви Вагнер не страдал! Он, чья порывистая,

неукротимая, страстная натура не мыслила любви, не освященной страданием! Тем более, находясь в разлуке с предметом своей страсти! Тем более, испытывая муки совести перед Козимой, если бы подобная страсть действительно имела место! Тем более, работая над «Парсифалем» – этим гимном сердечной чистоте!

Вагнер продолжал жить своей обычной жизнью; он работал, писал статьи, занимался детьми, принимал участие в концертах для поддержания финансового благополучия семьи, общался с друзьями, путешествовал, причем совершенно не рвался во Францию, как можно было бы подумать. Зная натуру Вагнера, предположить при этом, что он был одновременно в кого-то влюблен и никто из окружающих не догадывался об этом, совершенно невозможно.

Конечно, самой Юдит Готье льстило внимание немецкого гения, и она сделала все возможное, чтобы об этом стало широко известно. Вот только можно ли считать *объективной* подобную оценку самолюбивой творческой личности? Или она выдавала желаемое за действительное? Хотела видеть себя возлюбленной, будучи на самом деле просто хорошим *другом* и приятным собеседником?

Цитированные нами выше отрывки из писем есть не что иное, как очередной пример высокопарной и экзальтированной эпистолярной стилистики XIX века. Еще раз обращаем внимание на пресловутую переписку Вагнера с Людвигом II. Общаться с *другом,* как с возлюбленной, было для того времени в порядке вещей. Еще раз подчеркиваем, что рассматривать Вагнера вне среды, в которой он жил, и мерить его сегодняшними мерками, значит, искажать его психологический портрет.

Как ни парадоксально, но еще одним показателем того, что чувства Вагнера к Юдит носили чисто дружеский характер, являются те же письма. Так в одном из них сразу после высокопарных любовных излияний следует следующий пассаж: «Не скупитесь на подарки Козиме, я люблю, когда они превосходят ее пожелания. Особенно это касается указанных ею духов»[708]. Можно ли представить себе подобные строки, *относящиеся к сопернице*, в действительно любовном послании.

Более того, письма Вагнера вообще часто чередуют «пылкие» признания с перечнем покупок, которые по его желанию Юдит делала для него в Париже. В частности, это касается различных предметов, предназначенных для украшения интерьеров Ванфрида, или новинок парфюмерной промышленности. И опять же трудно вообразить себе влюбленного, который обсуждает с предметом своей несчастной страсти ароматические масла для

ванны, цвет покрывала для шезлонга или фасон домашних тапочек.

В письме от 20 ноября 1877 года Вагнер писал Юдит: «Ах, самое удивительное – это то, что Вы представляете собой изобилие в моей бедной жизни, столь спокойной и защищенной с тех пор, как со мною Козима. Вы мое богатство – мой пьянящий излишек!»[709]

Пожалуй, это наиболее точная характеристика истинного характера отношений между Вагнером и Юдит Готье.

Но при всем этом вполне можно понять ревность Козимы; на ее месте любая отреагировала бы соответственно и в XIX, и в XXI веке. Козима вообще отличалась ревнивым характером и не собиралась разбираться в тонкостях подобных взаимоотношений. И это тоже можно понять: после всего того, что она вынесла во время борьбы за свою любовь, она имела право ни с кем не делить своего мужа, что, со времен переезда в Байройт, становилось все проблематичнее и проблематичнее. Но такова участь всех спутников жизни публичных людей. Козима, имея не менее страстную натуру, чем Вагнер, старалась не давать волю своим эмоциям. Но и ее терпению иногда (вернее, весьма часто и в основном необоснованно) приходил конец. Таким образом, реакцию Козимы на отношения Вагнера и Готье, опять же, никак нельзя считать доказательством их любовной связи.

И последнее. Весьма сомнительным нам представляется тот факт, что Юдит Готье была для Вагнера «музой “ Парсифаля”». «Парсифаль» был впервые задуман Вагнером еще в 1857 году, задолго до знакомства с ней, а свое музыкальное воплощение получал в течение пяти лет – с 1877 по 1882 год – притом что отношения с Юдит были прерваны в 1878 году. Значит, целых четыре года Вагнер творил «без своей музы»? Не говоря уже о том, что в самом содержании «христианской мистерии» нет ни намека на «реальных прототипов», в отличие от того же «Тристана и Изольды». А раз Юдит нет места в творчестве, значит, ей нет места и в сердце Вагнера.

Мы уже говорили и повторяем еще раз – *по-настоящему Вагнер любил только два раза в жизни.* И имя его истинным музам – Матильда и Козима! Кем была для Вагнера Юдит Готье? Поклонницей таланта, приятным, умным и образованным собеседником, наконец, просто красивой женщиной, на которую мужчина, наделенный богатым художественным воображением, должен был хотя бы просто любоваться с эстетической точки зрения. Но то, что никакой сердечной раны она ему не нанесла, представляется нам очевидным. В 1878 году Вагнер как-то сказал Козиме: «Ты увидишь, я умру на твоих руках…»[710] Это больше,

чем любовное признание. Рядом с ним меркнут все «юдит готье» вместе взятые; после него теряют смысл все рассуждения на тему «неверности» Вагнера.

Но вернемся к фестивалю. Его торжественное открытие состоялось 13 августа 1876 года исполнением Девятой симфонии Бетховена и последующим спектаклем «Золото Рейна». 14 августа на сцене Фестшпильхауса шла «Валькирия»; 15 августа – «Зигфрид»; 16 августа – «Сумерки богов». В течение фестиваля тетралогия «Кольцо нибелунга» была поставлена полностью три раза подряд: второй цикл прошел с 20 по 23 августа; третий – с 27 по 30 августа.

Крайняя усталость, опустошенность и разочарования стали для Вагнера итогом прошедшего Первого Байройтского фестиваля. Возможность дальнейшей борьбы за высокое искусство он в те дни для себя исключал. Тем более что к тому времени были подведены финансовые итоги предприятия, и выяснилось, что вместо ожидаемой прибыли фестиваль принес дефицит бюджета в размере 148 000 марок (1 184 000 евро). Блестящая публика, собравшаяся в Байройте в августе 1876 года, вовсе не торопилась раскошеливаться; «патроны» молчали; денег снова было взять неоткуда. Практически сразу после первого фестиваля Фестшпильхаус на неопределенное время был закрыт, что означало поражение дела всей жизни Вагнера. В связи с закрытием театра 9 сентября Козима записала в дневнике: «Рихард крайне подавлен, говорит, что может умереть»[711].

В конце сентября 1876 года Рихард и Козима отправились в путешествие по Италии, которая всегда благотворно действовала на душевное состояние Вагнера. 5 октября они прибыли в Сорренто, где, предполагая задержаться до конца месяца, остановились в отеле *Viktoria*.

Здесь, в Сорренто, 2 ноября состоялась последняя личная встреча Вагнера и Ницше, также путешествовавшего в это время по Италии. Творческим воображением Вагнера в то время уже всецело завладел «Парсифаль»; Ницше воочию увидел, что между ним и его прошлым кумиром отныне лежит пропасть…

Через три дня Рихард и Козима выехали через Неаполь в Рим, Флоренцию и Болонью. Тем временем из Байройта приходили тревожные вести. Покрыть финансовый дефицит, вызванный фестивалем, было нечем. Обращение за помощью к Людвигу II на этот раз ничего не дало: он был занят проектами своих знаменитых замков Нойшванштайна и Линдерхофа и сам нуждался в деньгах. Вагнер был близок к тому, чтобы официально объявить Фестшпильхаус банкротом, а Ванфрид продать за долги. По возвращении из Италии Вагнер фактически смирился с

неизбежным. Свое решение он объявил 21 января 1877 года. Казалось, что все погибло…

14

И вдруг 25 января он позвал к себе Козиму и торжественно объявил ей: «Я начинаю “Парцифаля” и пока не закончу его, никуда не уеду отсюда»[712]. Финансовые проблемы были отодвинуты на второй план; Вагнер нашел в себе силы занять «выжидательную позицию», которая, как показало будущее, вполне себя оправдала. Великая «христианская мистерия» победила «презренного золотого божка»!

Работа шла быстро. 23 февраля поэма была полностью завершена и тут же отдана в печать (к Рождеству 1877 года она уже появилась в продаже). Сам Вагнер тут же начал писать музыку к своей новой драме. Но этот труд растянулся у композитора на целых 5 лет…

Грубая действительность вернула Вагнера из «страны Святого Грааля» на грешную землю. Он больше не мог продолжать работу, не обеспечив себя и свою семью материально. Несмотря на самонадеянное заявление о том, что он не покинет Ванфрид, пока не завершит «Парсифаля», Вагнер был вынужден отправиться в новое концертное турне, иначе угроза банкротства (даже учитывая полученный за поэму гонорар) становилась все реальнее.

В мае 1877 года Вагнер выехал в Лондон. Ему казалось, что несколько блестящих концертов в Альберт-холле, проходящих при полном аншлаге, сумеют покрыть долги фестиваля. Однако Вагнер не учел, что необходимое количество репетиций (довольно значительное, учитывая сложность исполняемой музыки) и увеличенный состав оркестра до 170 музыкантов, которым нужно было платить жалованье, вновь оставили композитора практически без прибыли. Доход от лондонских концертов составил всего 700 фунтов (82 600 евро), т. е. чуть меньше 10 % от общей суммы дефицита бюджета фестиваля. Единственным удовлетворением от поездки стал прием в Виндзорском замке, устроенный в честь Вагнера королевой Викторией.

Вернувшись 28 июля в Байройт фактически ни с чем, Вагнер в отчаянии начал даже задумываться об эмиграции в Америку (Козима отмечает это в дневнике). Уже было совершенно ясно, что фестиваль 1877 года не состоится. Однако решиться на столь экстраординарный поступок, как бегство за океан, было нелегко,

и Вагнер предпринял новую решительную попытку найти необходимые средства для выхода из беспросветного финансового кризиса. Он решил основать школу при Фестшпильхаусе, где смогли бы обучаться певцы, оркестранты и дирижеры. При этом предполагалось, что ученики вагнеровской школы получат всестороннее музыкальное образование и по ее окончании смогут не только достойно исполнять произведения композиторов новой школы, таких как Вагнер или Лист, но и понимать и быть способными доносить до слушателей всю глубину сочинений классиков, таких как Бах, Моцарт и Бетховен. Доходы от школы Вагнер предполагал пустить на покрытие издержек фестиваля; он даже разработал целый учебный план и предполагал начать занятия с 1878 года.

Свою концепцию создания учебного заведения[713], призванного также повысить престиж и значимость Байройта в национальном масштабе, Вагнер представил 15 сентября перед делегатами основных «патронатных обществ», «Вагнер-ферейнов», собравшихся по этому случаю в зале Фестшпильхауса. Для осуществления своего плана Вагнер предложил объединить все общества в единый «Союз патроната для попечения и поддержки торжественных представлений в Байройте». Членский взнос «Союза» должен был составлять всего 15 марок (120 евро) ежегодно. В качестве информационной поддержки «Союза» Вагнер предполагал начать выпуск собственного печатного издания, вскоре получившего название «Байройтских листков» (Bayreuther Blätter). Пожалуй, в тот период это было единственное из всех начинаний Вагнера, которое действительно увидело свет. Каких бы то ни было поступлений от «Союза» ждать было еще слишком рано, а от идеи школы вскоре вообще пришлось отказаться ввиду слишком малого количества поданных в нее заявок…

15

2 февраля 1878 года вышел первый номер «Байройтских листков». Вагнер хотел, чтобы издание выпускалось регулярно, сам писал основные статьи в эту «домашнюю газету», но основное руководства печатного органа Байройта было возложено на барона Ганса Пауля фон Вольцогена[714], опытного журналиста и поклонника творчества Вагнера.

Среди вагнеровских статей для «Байройтских листков» заслуживают внимания такие, как «Публика и популярность»[715], «О применении музыки к драме»[716], «Религия и искусство»[717]. Особенно хочется отметить статью «В чем польза

интеллектуального познания»[718]. В ней Вагнер выступает в качестве самого непримиримого *врага войны* своего времени, нещадно осуждая ввязывание в любые военные конфликты, так как «одна война неизменно повлечет за собой другие войны». Вагнер провозглашает мирный договор как единственно возможное средство улаживания любых разногласий между странами и единственную гарантию всеобщей безопасности в мире. Неплохо было бы прочитать именно эту статью Вагнера всем, кто считает его «идеологом Третьего рейха»!

Вагнер все больше времени старался уделять творчеству. Он буквально «болел» «Парсифалем», и любые неурядицы, отвлекавшие его от работы, выводили его из себя. Козима отмечала, что Вагнер стал слишком раздражительным и слишком вспыльчивым, временами домашние его «буквально боялись». С другой стороны, душевное состояние Вагнера было понятно при столь интенсивной работе на износ.

Поэтому Козиме, чтобы хоть как-то облегчить жизнь мужа, ничего не оставалось, как взять на себя рутинные переговоры с Мюнхенским Придворным театром относительно авторских отчислений Вагнеру за готовящиеся там постановки «Кольца нибелунга». К тому времени Вагнер дал разрешение ставить тетралогию и в других театрах, кроме Фестшпильхауса. Разумеется, первым заявил свое право именно Мюнхенский Придворный театр, где уже были представлены и «Золото Рейна», и «Валькирия» (правда, тогда спектакли прошли вопреки желанию композитора). На этот раз Вагнер выдвинул непременное условие, что «Кольцо» ставится только целиком или не ставится вовсе. Его условие было принято.

В это тяжелое в финансовом отношении время «спонсором» Вагнера вновь выступил Людвиг II. Он заранее выкупил у композитора право поставить «Парсифаля» в Мюнхене, а в ожидании этого счастливого события заплатил тому довольно солидное вознаграждение. Таким образом, доходы, полученные от мюнхенских представлений «Кольца», и аванс за «Парсифаля», выплаченный баварским королем, помогли если и не покрыть долги, то, по крайней мере, благополучно просуществовать до лета 1878 года. Вагнер занимался исключительно «Парсифалем». Если 1847 год был в его жизни «годом Лоэнгрина», то 1878-й стал поистине «годом Парсифаля».

1878 год стал фактически годом окончательного разрыва отношений между Вагнером и Ницше, причем вина за этот разрыв лежит далеко не только на одном Вагнере с его эгоцентризмом и тиранией. Ницше мало чем отличался от своего старшего друга. В своих сочинениях и письмах Ницше, как во многом и Вагнер, весь

состоит из противоречий и сводит личные счеты, доводя свои обиды до общечеловеческих масштабов.

Сам Вагнер относился к разрыву с другом, инициированному явно не с его стороны, как к чему-то неизбежному и в то же время трагическому. Он не держал на Ницше зла и, в отличие от последнего, старался самоустраниться и не усугублять ссору продолжением выяснения отношений. Горьким сожалением дышат его высказывания всякий раз, как он обращается воспоминаниями к счастливым дням общения со своим прошлым единомышленником. 24 мая 1878 года, когда разрыв был уже налицо, Вагнер писал Францу Овербеку[719]: «Из немногих строк Вашего письма я заключаю, что наш старый друг Ницше избегает встреч и с Вами. Нет сомнения, что в нем произошли какие-то очень особенные перемены, но кто и прежде следил за его психическими конвульсиями, не может не понять, что роковая катастрофа наступила не неожиданно. Сохраняю к нему чувство неизменной дружбы»[720]. Позднее, 19 октября 1879 года, снова в письме к Овербеку Вагнер еще более откровенен: «Верьте, что Ваше дружеское письмо ко дню моего рожденья произвело на меня глубоко-ободряющее впечатление. Я все время чувствовал потребность написать Вам об этом. Но то, что я лишь теперь – так поздно! – привожу в исполнение мое желание, объясняется, главным образом, – скажу открыто! – мыслью о Ницше. Разве возможно забыть друга, которого судьба насильно разлучила с нами? Я чувствовал, что при сближении со мною Ницше охватывала какая-то душевная тревога. Мне казалось чудом, что при этой конвульсии в нем горело такое светлое, нежное пламя, приводившее всех в изумление. И по роковому исходу всего процесса его внутренней жизни с истинным ужасом вижу, как невыносимо угнетала его эта тревога. Должен признать, что о таком огромном явлении психологического характера нельзя судить с точки зрения морали: остается молчать, не выражая ничем потрясенной души. Но меня очень огорчает, что я лишен возможности проявить по отношению к нему какое-либо участие. Не будет ли с моей стороны нескромностью, если сердечно попрошу Вас сообщить мне некоторые сведения о нашем друге? К Вам именно я обращаюсь с этой просьбой»[721].

Можно было бы сказать, что на фоне яростных нападок Ницше Вагнер явно выделяется в лучшую сторону, если вообще позволительно сравнивать поведение здорового и, мягко говоря, психически неуравновешенного индивидуума.

К лету 1878 года вновь стало ясно, что и следующий фестиваль не состоится. Вагнер был вынужден признать, что любые «патронатные общества» или «Союзы» не в состоянии

обеспечивать финансирования «байройтского дела». Он с горечью констатировал, что у его великого начинания фактически никогда «не было “патронов”, а были только зрители, весьма любезно оплачивающие свои места». Судьба сыграла с Вагнером злую шутку: идея создания идеального театра, задуманного в качестве средства борьбы с коммерциализацией искусства, погибла в этой неравной битве: деньги победили…

На очередном собрании делегатов от «Союза патроната» в сентябре 1878 года Вагнер подвел трагический итог всего предприятия: «Мы находимся в ужасном состоянии. О помощи со стороны Рейхстага не стоит и думать. В Рейхстаге заседает не тот человек, который в состоянии понять и поддержать наше дело. Бисмарк, вероятно, сказал бы в ответ на нашу просьбу о поддержке: “Вагнер достаточно получил; многие князья, даже сам кайзер приезжали к нему, чтобы посмотреть его спектакли; к чему еще стремится этот человек?”»[722] Ответ на этот вопрос даст сам Вагнер в 1882 году своим «Парсифалем».

В декабре 1878 года Вагнер написал полное горечи письмо Людвигу II (в конце концов, без него и первый фестиваль не состоялся бы!). «Я больше не надеюсь на “немецкий дух”, на который раньше уповал, выражая доверие к нему еще в посвящении к “ Нибелунгам”; у меня есть мой опыт, и я молчу. Я не надеюсь ни на Померанию, ни на маркграфство Бранденбург, ни на какую-либо еще провинцию этого странного германского Рейха; я даже не надеюсь на маркграфство Байройт. Но – я заключаю мир с этим Миром, и первый пункт моего договора с ним гласит: пусть Мир оставит меня в покое!»[723]

После такого признания кажется, что единственное, что удерживало Вагнера в «этом Мире», кроме творчества, – это его семья, его любимая жена и дети. Ко дню рождения Козимы 24 декабря Вагнер, несмотря на свое угнетенное состояние, фактически повторил волшебство «Идиллии “Зигфрид”». Только на этот раз перед Козимой прозвучало вступление к «Парсифалю» в исполнении специально приглашенного оркестра и со специально сочиненной для этого случая концовкой.

Нет! Пока не окончен «Парсифаль», Вагнер не может уйти из «этого Мира»!

16

Наступивший 1879 год, по мнению Вагнера, непременно должен был стать годом завершения «Парсифаля». Он считал, что просто не выдержит дольше такого напряжения душевных и

физических сил, и непрерывно работал над партитурой, никуда не выезжая вплоть до начала лета.

Стоит ли говорить, что уже заранее было ясно: в 1879 году Байройтский фестиваль вновь не состоится. Представленный Вагнеру отчет «Союза патроната» доказывал, что дефицит не покрыт и средств на новые постановки нет. Статья Вагнера «Хотим ли мы надеяться?»[724], написанная в то время для «Байройтских листков», в основном посвящена больному для композитора вопросу взаимоотношения искусства и социальной жизни. На фоне финансового кризиса «байройтского дела» она воспринимается как вопль одинокого художника, отчаявшегося, но все еще из последних сил борющегося за торжество своих принципов, на которое остается *лишь надеяться*.

В конце лета в Байройт приехал Лист. 28 августа, в день 130-летнего юбилея И. В. Гёте, он исполнил на рояле в библиотеке Ванфрида свою «Фауст-симфонию» для узкого круга избранных приглашенных гостей. Лист вообще славился умением «превращать» рояль в целый оркестр; уезжая, он предложил Вагнеру регулярно устраивать в Ванфриде музыкальные вечера, создав таким образом настоящий музыкальный салон. При этом не было совершенно никакой необходимости приглашать даже камерный оркестр; можно было вполне обойтись одним роялем. Лист хотел тем самым поддержать и ободрить друга; создать «*иллюзию фестиваля*». Вагнер и сам временами устраивал музыкальные вечера, но давать их регулярно все же не собирался. Творчество отнимало слишком много сил и времени, чтобы размениваться на что-то еще.

В декабре 1879 года стало совершенно ясно, что здоровье Вагнера подорвано изнурительным трудом и довольно сырым климатом Байройта. Пришлось спешно отправляться в более теплую и благоприятную любимую Италию. А партитура «Парсифаля» все еще не была завершена…

17

На этот раз Вагнер с семьей обосновался под Неаполем, сняв виллу Ангри (Angri), расположенную на холме Посилиппо (Posilippo), знаменитого своими живописнейшими видами, благодаря которым это место еще со времен Древнего Рима было облюбовано для строительства вилл богатых патрициев. 4 января Вагнеры уже въехали в свое новое временное жилище. По счастливой случайности буквально в нескольких минутах ходьбы от виллы Ангри в то время находилась и мастерская

талантливого «русского немца» Павла Васильевича Жуковского, о котором мы уже упоминали. Художник черпал вдохновение в прекрасной природе Италии (Жуковский вообще очень много путешествовал по Европе) и делал многочисленные наброски неаполитанских окрестностей. Узнав о том, что его кумир ныне живет совсем рядом с ним, Жуковский посчитал это знаком судьбы. Испытывая вполне естественную робость перед мировой знаменитостью, отличающуюся еще и довольно вздорным непредсказуемым характером (Жуковский был осведомлен об этом Козимой в дни Первого Байройтского фестиваля, когда его личное знакомство с композитором так и не состоялось), 18 января художник появился на пороге виллы Ангри. Но он был приятно удивлен, найдя Вагнера радушным и гостеприимным хозяином. Между ними мгновенно установилось полное взаимопонимание и симпатия. Прощаясь под вечер, Вагнер настаивал, чтобы Жуковский непременно посетил его снова, причем в самое ближайшее время.

Надо сказать, что Вагнеру вообще постоянно требовалось общество друзей и единомышленников. Он никогда не был угрюмым отшельником, обожал принимать гостей и находиться в центре внимания. Вагнер очень быстро очаровывался новым знакомым, максимально приближал его к себе. Но такая мгновенно возникающая симпатия очень часто оборачивалась и столь же быстрым разочарованием. Могучий интеллект Вагнера требовал от «ближайшего круга» наличия соответствующего интеллекта. Такого рода испытание выдержать было под силу далеко не всем. Но в случае с Жуковским, несмотря на то, что их отношения развивались довольно непросто, интуиция не подвела Вагнера: художник оставался рядом с ним до конца его жизни, и вскоре именно он в тесном союзе с композитором начал работать над сценическим воплощением «Парсифаля».

Вагнер сумел по достоинству оценить талант Жуковского. Ровно через месяц он заказал Павлу Васильевичу большой, в человеческий рост, портрет Козимы. Тогда же он проникнулся твердой уверенностью, что Жуковский – это именно тот художник, который способен воплотить для сцены образы «Парсифаля».

Здесь же, на вилле Ангри, Вагнера посетил еще один талантливый молодой человек, начинающий композитор, в то время проходящий обучение в Неаполе. Его звали Энгельберт Хумпердинк[725]. Вскоре, вслед за Вагнером, он отправится в Байройт, станет членом «Канцелярии Нибелунгов», будет переписчиком партитуры «Парсифаля», примет участие в подготовке к его премьере. А в 1889 году, уже после смерти

композитора, именно Хумпердинк станет преподавателем композиции юного Зигфрида Вагнера.

Окруженный приятными людьми, наслаждаясь мягким итальянским климатом, Вагнер очень быстро восстановил свои силы. Его 67-й день рождения прошел, как никогда, счастливо. Силами «своего домашнего кружка» была представлена «Сцена в храме Грааля» из первого действия «Парсифаля»; Вагнер с дочерьми сам принимал участие в импровизированном спектакле, а аккомпанировал им на фортепьяно Хумпердинк.

26 мая Вагнеры покинули гостеприимную виллу Ангри. Они в сопровождении Жуковского отправились дальше по Италии и посетили город Равелло, жемчужину Амальфитанского побережья. Там композитор обратил особое внимание художника на палаццо Руфоло, построенное между XI и XIII веками. Именно таким представлял себе Вагнер волшебный зачарованный сад Клингзора. Жуковский тут же сделал эскизы с натуры для будущих декораций «Парсифаля».

Из Равелло Вагнеры переехали в Венецию; этот город поистине мистически затягивал Вагнера в свои сети, вновь и вновь заставляя возвращаться в лабиринты каналов, узких улочек, роскоши Дворца дожей и многочисленных палаццо венецианских патрициев. И Вагнер был бессилен противиться очарованию этого загадочного древнего города, словно сам был рыцарем, гибнущим в зачарованных садах Клингзора…

В Венеции Вагнеры остановились в палаццо Контарини (Contarini), на Гранд-канале, и прожили там до 24 августа, завершив свой итальянский тур и отправившись, наконец, в обратный путь в Германию. По дороге они посетили Рим, Сан Марчелло, Пистойю, Флоренцию, Сиену. В Сиене Вагнер, глядя на Домский собор, сказал Жуковскому о том, что именно таким ему видится храм Святого Грааля. Павел Васильевич учел и это пожелание Вагнера.

По приезде в Германию Вагнер не спешил вернуться в Байройт, а остановился на некоторое время в Мюнхене, прибыв туда 31 октября. Здесь он встретился с Людвигом II. 10 и 12 ноября Вагнер продирижировал для короля в двух частных концертах отрывками из «Лоэнгрина» и «Парсифаля» и вновь заручился его материальной поддержкой предстоящей премьеры «Парсифаля» в Байройте. Вагнер специально отметил, что в программе Второго Байройтского фестиваля будет только этот спектакль, именно тогда названный им *Bühnenweihfestspiel* (от *нем.* Bühne – «сцена», Weihe – «посвящение, рукоположение», Fest – «торжество», Spiel – «представление»; другими словами «сценическое священное торжественное представление»; этот

термин с тех пор используется исключительно применительно к вагнеровскому «Парсифалю», иногда даже опускается собственно само название). Людвиг II тут же великодушно распорядился о безвозмездном предоставлении для Фестшрильхауса хора и оркестра Мюнхенского Придворного театра.

Кроме короля, Вагнер встретился в Мюнхене еще с одним человеком, который будет играть не последнюю роль в важнейшем событии жизни Вагнера – премьере «Парсифаля». Этим человеком был первый капельмейстер Мюнхенского Придворного театра Герман Леви[726]. Он был назначен на этот пост в 1872 году и бессменно находился на нем вплоть до 1896 года. Вагнер побывал на нескольких постановках, которыми дирижировал Леви (он особенно прославился в качестве интерпретатора опер Моцарта) и был очарован его мастерством дирижера. Вагнер тут же решил, что пригласит именно Леви дирижировать премьерой «Парсифаля» (тут как нельзя кстати пришлось распоряжение Людвига II о выделении для этой цели оркестра Мюнхенского Придворного театра) и, тепло простившись с Германом, 17 ноября выехал в Байройт.

1 декабря всем «патронам Байройта» Вагнер официально объявил, что премьера «Парсифаля» – *Bühnenweihfestspiel* – состоится летом 1882 года. Сам же он продолжал усиленно работать над партитурой, чтобы успеть закончить ее к назначенному сроку. Правда, репетиции планировалось начать заранее, с лета наступающего года.

18

1881 год начался с непредвиденных волнений. Не подозревая о договоренности Вагнера с Людвигом II, Ганс Пауль фон Вольцоген, отвечавший к тому времени не только за выход «Байройтских листков», но бывший фактически «пресс-секретарем» Вагнера, предал гласности конфиденциальную информацию о том, что Вагнер якобы заручился поддержкой нескольких высших аристократических фамилий Германии, и именно они будут официальными «патронами» Второго Байройтского фестиваля. Но Людвиг II, узнав об этом, ничуть не обиделся на своего друга. Последствием необдуманного поступка фон Вольцогена стала вовсе не катастрофа, как казалось в первое время Вагнеру, а, наоборот, победа: Людвиг II также официально объявил, что *единолично* возглавит Второй Байройтский фестиваль; более того, отказывается от приобретенного им в 1878 году права на постановку «Парсифаля» в Мюнхене без возврата

денег, заплаченных за это право. Король также подтвердил свое прежнее решение о предоставлении в распоряжение Вагнера хора и оркестра Мюнхенского Придворного театра. Судьба фестиваля была решена – ему быть!

Уже 14 апреля Герман Леви прибыл в Байройт и поселился в Ванфриде. Вагнер принял его как самого дорогого друга. А 31 мая композитор начал работать над инструментовкой второго акта «Парсифаля».

Здесь нам придется еще раз обратиться к болезненной теме антисемитизма Вагнера. Итак, мы уже говорили, что прекрасный дирижер *еврейской национальности* Герман Леви жил непосредственно в доме Вагнера на правах друга семьи. Довольно странный поступок для «патологического антисемита», каким часто рисуют Вагнера. Но этого мало. 28 июня Вагнер получил грязный анонимный донос, в котором сообщалось, что у Леви якобы роман с Козимой; в этом пасквиле также советовали Вагнеру «соблюсти чистоту его произведения» и не позволять дирижировать на премьере еврею. Сам факт получения подобного доноса (автора его так и не удалось найти) уже говорит о том, в какой среде жил композитор[727], насколько *все общество того времени* было отравлено ядом антисемитизма.

Что же предпринял в такой ситуации «антисемит» Вагнер? Он откровенно показал клеветнический пасквиль самому Леви, давая ему тем самым понять, что, во-первых, не верит ни одному слову, а во-вторых, считает, что *национальность дирижера не имеет для него ровно никакого значения*. Но Леви не оценил откровенность Вагнера, посчитал себя оскорбленным и на следующий же день уехал в Бамберг. Вагнер послал ему вдогонку отчаянное письмо: «Ради Бога, поворачивайте назад и давайте же, наконец, узнаем друг друга как следует! Пусть Ваша вера не станет меньше, а к ней добавится мужество! Может быть, в Вашей жизни произойдет большая перемена, но в любом случае – Вы мой дирижер “Парсифаля”!»[728]

Леви сменил гнев на милость и 2 июля возвратился в Байройт. Вся описанная ситуация была бы просто невозможна от начала до конца, если бы Вагнер действительно был *идейным антисемитом*. Но он сам опровергает подобные инсинуации в письме, опять же, к еврею по происхождению Ангело Нойману (Neumann; 1838–1910), берлинскому театральному директору и антрепренеру, активному пропагандисту вагнеровской музыки, в особенности «Кольца нибелунга». (Благодаря его стараниям «Кольцо» было поставлено не только в Германии, но и в Австрии, Чехии, Бельгии, Голландии, Италии, России: гастроли труппы Ноймана в Санкт-Петербурге прошли в 1889 году.) Итак, Вагнер

писал: «Я совершенно далек от антисемитского движения: ближайшая моя статья в “Байройтских листках” объявит об этом настолько прямо, что остроумцам невозможно будет связать даже мое имя с этим движением!»[729]

К сожалению, несмотря ни на что, «остроумцы» продолжают до сих пор ставить знак равенства между именем Вагнера и понятием «антисемитизм», хотя сам же Вагнер своим глубоко гуманистическим творчеством давно уже поставил точку в данном вопросе[730].

С возвращением Леви в Байройт репетиции «Парсифаля» возобновились и активно шли все лето. Одновременно Вагнер со всей страстью отдавался художественному воплощению спектакля вместе с Павлом Жуковским, поселившимся в Байройте всего в нескольких минутах ходьбы от Ванфрида. Тогда-то художник и прочувствовал на себе в полной мере непростой характер Вагнера, который вникал во все, в каждую мелочь, и часто бывал недоволен достигнутым результатом. Он требовал *идеала*, причем *сразу*, без ошибок и проволочек. Если нарисованная Жуковским декорация или даже малейшая деталь ее, такая, например, как ларец для хранения Святого Грааля, по какой-либо причине не устраивали композитора, то он мог устроить декоратору настоящий скандал, совершенно упуская из виду, что Жуковский работал на Вагнера бесплатно, исключительно повинуясь душевному порыву. Часто Жуковский, впадая в отчаяние, был готов уже бросить все и уехать из Байройта, но, услышав на следующий день колдовские звуки вагнеровской музыки, снова забывал свои обиды, понимал перфекционизм Вагнера и прощал ему его несдержанный нрав. При этом художнику приходилось все больше и больше залезать в долги, но мир «Парсифаля» уже не отпускал его…

Осенью, с наступлением сырости и холодов, Вагнер с семьей и несколькими близкими друзьями решил вновь отправиться в Италию, где планировал, как и в прошлом году, пробыть до весны. 1 ноября он выехал в направлении Неаполя, но на этот раз целью его путешествия был Палермо, где Вагнер остановился в гостинице под названием *Hotel des Palmes*. Здесь день за днем он продолжал скрупулезно работать над третьим актом «Парсифаля», уже не отвлекаясь ни на репетиции, ни на подготовку декораций (хотя Жуковский, конечно же, тоже поехал в Палермо вслед за Вагнером). У Вагнера все чаще случались непродолжительные сердечные приступы, но он не обращал на собственное здоровье никакого внимания, твердо веря, что благоприятный итальянский климат и на этот раз поможет ему победить болезнь.

И вот 13 января 1882 года партитура «Парсифаля» была завершена!

От *любви искупительной* Вагнер поднялся до *любви сострадательной*, синонимом которой служит *любовь божественная*. О «Парсифале» лучше всего сказал Лист в письме к княгине Каролине Витгенштейн: «…“Парсифаль” нечто большее, чем просто шедевр. Это откровение в рамках музыкальной драмы. Правильно говорили, что после “Тристана и Изольды”, этой Песни Песней земной любви, Вагнер в “Парсифале” одарил мир самой возвышенной, насколько это только возможно в узких рамках сцены, песней божественной любви»[731].

«Парсифаль» – это апофеоз самой гуманистической, самой высоконравственной и добродетельной философии, философии Рихарда Вагнера! После «Парсифаля» ему действительно больше нечего было сказать; он выполнил свою миссию; ему оставалось только уйти…

До начала апреля Вагнер оставался в Палермо, где был закончен «Парсифаль». Обратный путь через Неаполь и Венецию занял почти весь апрель. Лишь 1 мая Вагнер вновь переступил порог Ванфрида. Там 22 мая, в тихой домашней обстановке, было отмечено 69-летие композитора, его последний день рождения.

А со 2 июня начались практически ежедневные репетиции Второго Байройтского фестиваля. Вагнер нервничал и практически сутки напролет проводил в театре. Герман Леви неустанно репетировал с оркестром и певцами, Павел Жуковский заканчивал декорации. Внося по требованию Вагнера бесконечные исправления в уже готовые картины и костюмы и одновременно заведуя всем реквизитом, Жуковский также чуть ли не ночевал за кулисами. Находясь в крайней степени усталости, он решил, что Вагнер охладел к нему, что постоянные придирки композитора вызваны желанием от него избавиться, что его талант не соответствует гениальности творца «Парсифаля». Кроме того, долги Жуковского, не получающего за свои титанические труды ничего, росли день ото дня. И наконец, молодой человек принял горькое решение, что по окончании фестиваля распродаст свое имущество и покинет Байройт; тем более что его уже приглашал приехать в Веймар Великий герцог Карл Александр Саксен-Веймар-Айзенахский. В конце августа Жуковский уехал от Вагнера…

Наконец 24 июня с блеском прошла генеральная репетиция *Bühnenweihfestspiel*, на которой присутствовали такие будущие

столпы немецкой музыки, как Антон Брукнер и Рихард Штраус.

26 июля 1882 года, после длительного и мучительного перерыва, премьерой «Парсифаля» был открыт Второй Байройтский фестиваль. Вагнер завещал, чтобы вершина его творчества не ставилась больше нигде, кроме неосквернённого Храма Высокого Искусства – кроме байройтского Фестшпильхауса. Еще 28 сентября 1880 года Вагнер писал «своему Парцифалю», королю Людвигу II, делая его в некотором роде своим душеприказчиком: «Я принужден был отдать в руки нашей публики и театральных дирекций, в глубокой безнравственности которых я убежден, мои произведения, несмотря на всю их идеальную концепцию. Теперь я задаю себе важный для меня вопрос, не следует ли это последнее священнейшее для меня создание спасти от пошлой карьеры обыкновенных оперных спектаклей? К этому особенно побуждает меня чистая тема, чистый сюжет моего “Парсифаля”. В самом деле, разве возможно, чтобы драма, которая дает нам в сценическом образе возвышеннейшие мистерии христианской веры, исполнялась в таких театрах, как наши, с их оперным репертуаром, с их публикой? Я не стал бы обвинять наше духовенство, если бы оно выразило обоснованный протест против постановки священнейших мистерий на тех самых подмостках, которые вчера и завтра были и будут залиты широкой волной фривольности, перед публикой, для которой эта фривольность является единственной притягательной силой. Постигая то, что происходит кругом, я назвал своего “Парсифаля” “сценическим священнодействием”. Им я должен освятить мой театр, мой фест-театр в Байройте, одиноко стоящий в стороне от всего мира. Только там будет поставлен “Парсифаль”. Его не должны давать на других сценах – для забавы публики. Но как осуществить это на деле, – этот вопрос составляет предмет моих забот и размышлений. Я думаю о том, каким путем, какими средствами я могу упрочить за моим произведением тот характер исполнения, о котором я говорю»[732].

Надо сказать, что условие, поставленное Вагнером, – не исполнять «Парсифаля» нигде, кроме Фестшпильхауса, по крайней мере в течение 30 лет после его смерти, – неукоснительно было соблюдено.

В рамках Второго Байройтского фестиваля «Парсифаль» был поставлен 16 раз. И все спектакли прошли с аншлагом. 29 августа состоялось последнее представление, и Вагнер лично присутствовал при чуде пробуждения «мистической бездны», из которой изливаются сокровенные звуки «священной мистерии». Впечатление от вагнеровского шедевра вообще для многих было

сродни откровению. Так спустя год после посещения Второго Байройтского фестиваля юный Густав Малер[733] писал: «Когда я, не в состоянии произнести ни слова, вышел из театра, я знал, что пронесу это [впечатление от “Парсифаля”] через всю жизнь»[734].

В отличие от Первого Байройтского фестиваля Второй принес значительный доход. Чистая прибыль составила 143 000 марок (1 144 000 евро). Кроме того, издательство «Шотт» выплатило Вагнеру гонорар за издание «Парсифаля» в размере 100 000 марок (800 000 евро). Вагнеру можно было больше не опасаться за судьбу «байройтского дела».

Но он устал, устал, как никогда. Казалось, даже исчезновение Жуковского он заметил не сразу, а заметив, был крайне удивлен, откровенно не понимая, чем был вызван столь поспешный отъезд друга. Вагнер постепенно возвращался к действительности и уже не отдавал себе отчета в том, каким невыносимым он был все время подготовки фестиваля.

Но наступала осень, оставаться в сыром и промозглом Байройте Вагнер не собирался; его звала Италия, звала Венеция. 14 сентября Вагнер со всей семьей уехал в «благословенный город» восстановить силы и хорошенько отдохнуть. По приезде в Венецию Вагнер остановился в палаццо Вендрамин-Калерджи (Palazzo Vendramin-Calergi)[735] на Гранд-канале. Вспоминал ли он, как ровно 24 года назад, в 1858 году, первый раз попав в Венецию после пережитой любовной драмы с Матильдой Везендонк, «траурный» вид гондол под черным покрывалом приводил его в мистический ужас? Вряд ли. Теперь Вагнер пребывал в отличном расположении духа. Он прекрасно обставил снятые им комнаты, регулярно отправлялся в гондоле обедать в рестораны на площади Святого Марка, писал статьи, проводил тихие вечера в обществе Козимы и детей. Периодические сердечные приступы нарушали эту идиллию, но они быстро проходили. Для полного восстановления душевного равновесия Вагнер также попросил Козиму написать письмо в Веймар Жуковскому с просьбой вернуться.

20

19 ноября к семейному клану Вагнеров присоединился Лист, остававшийся у них в гостях до января 1883 года. В Веймаре, перед самым отъездом к Вагнеру, Лист повидался с Жуковским и, не зная о произошедшей между ними размолвке, пригласил присоединиться к нему. Спокойные дни в Веймаре уже благотворно подействовали на художника; физические силы тоже

были восстановлены. Жуковский решил вернуться к Вагнеру. Вскоре, в самом начале декабря, Вагнер уже радостно принимал и его в палаццо Вендрамин. Впоследствии Жуковский назовет дни, проведенные им в Венеции в обществе Вагнера и Листа, самыми счастливыми днями в своей жизни.

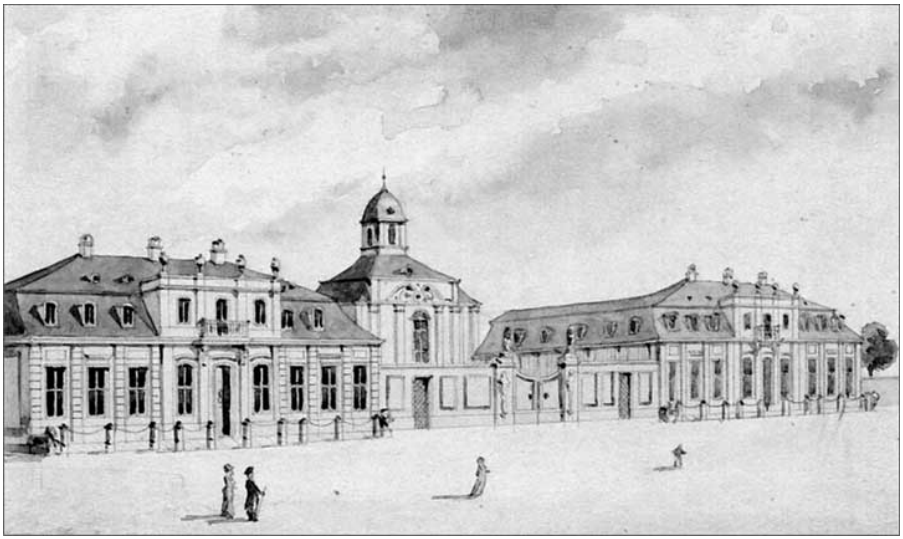
Из Венеции Лист собирался отправиться на свою родину, в Венгрию, в Будапешт. 13 января 1883 года он покинул гостеприимный дом Вагнеров. Прощаясь, оба, и Вагнер и Лист, были полны самых радужных надежд на будущее. Они не предполагали, что их встреча в Венеции будет последней…

К началу февраля Вагнер почувствовал себя окончательно отдохнувшим. Он пребывал, пожалуй, в самом благодушном настроении за всю свою жизнь. 6 февраля он даже принял участие в традиционном венецианском карнавале и был необычайно оживлен и весел во все последующие дни. К нему вновь вернулось вдохновение.

13 февраля 1883 г. Вагнер с утра сел работать над статьей под названием «О женственном в человеческом»[736], но внезапно сильный сердечный приступ прервал его труд. Последним предложением в этой незаконченной работе стала символическая фраза: «Любовь – трагизм». Козима, находившаяся в это время в соседней комнате и играющая на фортепьяно «Хвалу слезам» Франца Шуберта, услышав звук падающего тела, вбежала к Рихарду, но спасти его было уже нельзя. Вагнер умер от инфаркта на руках любимой женщины, как и пророчески предсказывал еще в 1878 г.: «Я умру на твоих руках…»

18 февраля Вагнер был похоронен в саду виллы Ванфрид в Байройте, в могиле, которую он сам для себя выбрал. Ангело Нойман, присутствовавший на похоронах, писал в те дни: «Мне казалось, что будто Бог покинул нас»[737].

Мария Залесская



Дворец Марколини. Акварель неизвестного художника

Дом № 39 по Фридрихштрассе в Дрездене, флигель дворца Марколини, в котором Вагнер жил с апреля 1847 г. по май 1849 г. Современный вид

Михаил Александрович Бакунин. Литография Кристиана Карла Августа Шифердекера. 1848 г.

Баррикады в Дрездене. Литография Карла Вильгельма Арльдта. 1849 г.

Церковь Святого Креста (Кройцкирхе) в Дрездене

Steckbrief.

Der unten etwas näher bezeichnete Königl. Capellmeister

Richard Wagner von hier

ist wegen wesentlicher Theilnahme an der in hiesiger Stadt stattgefundenen aufrührerischen Bewegung zur Untersuchung zu ziehen, zur Zeit aber nicht zu erlangen gewesen. Es werden daher alle Polizeibehörden auf denselben aufmerksam gemacht und ersucht, Wagnern im Betretungsfalle zu verhaften und davon uns schleunigst Nachricht zu ertheilen.

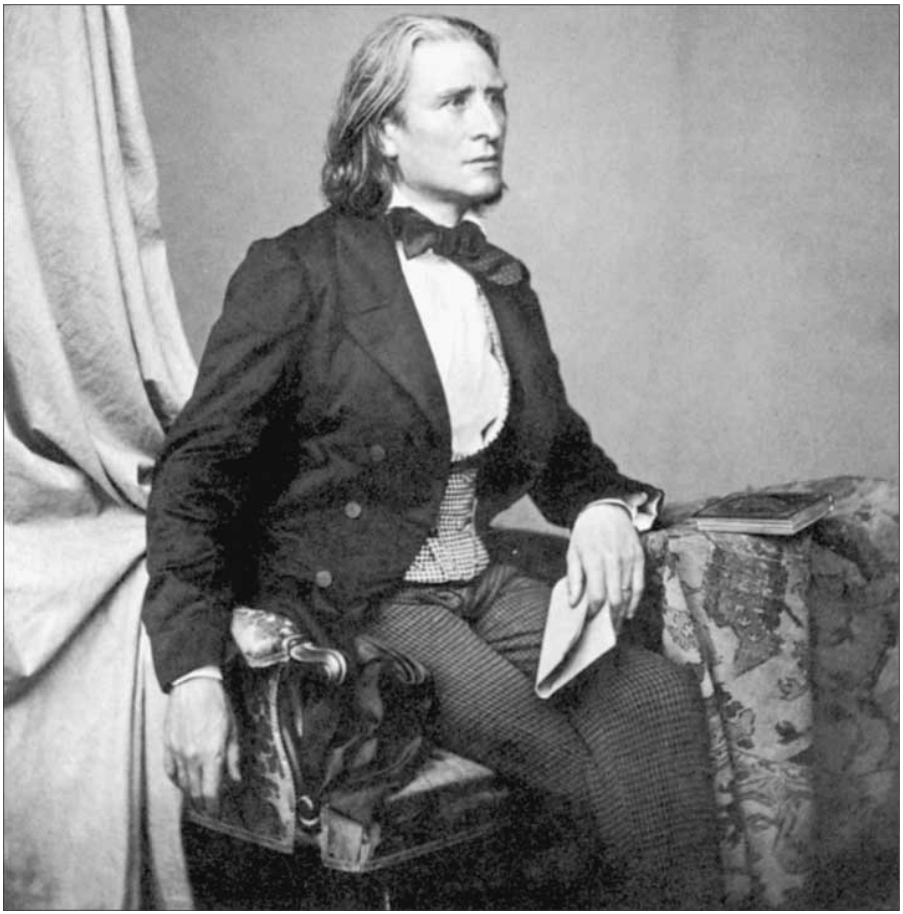
Dresden, den 16. Mai 1849.

Die Stadt-Polizei-Deputation.

von Oppell.

Wagner ist 37—38 Jahre alt, mittler Statur, hat braunes Haar und trägt eine Brille.

Приказ об аресте Вагнера от 16 мая 1849 г.



Ференц Лист

Дети Ф. Листа: Козима, Бландина и Даниэль

Иоганн Якоб Зульцер

Георг Гервег

Карл Риттер

Юлия Риттер

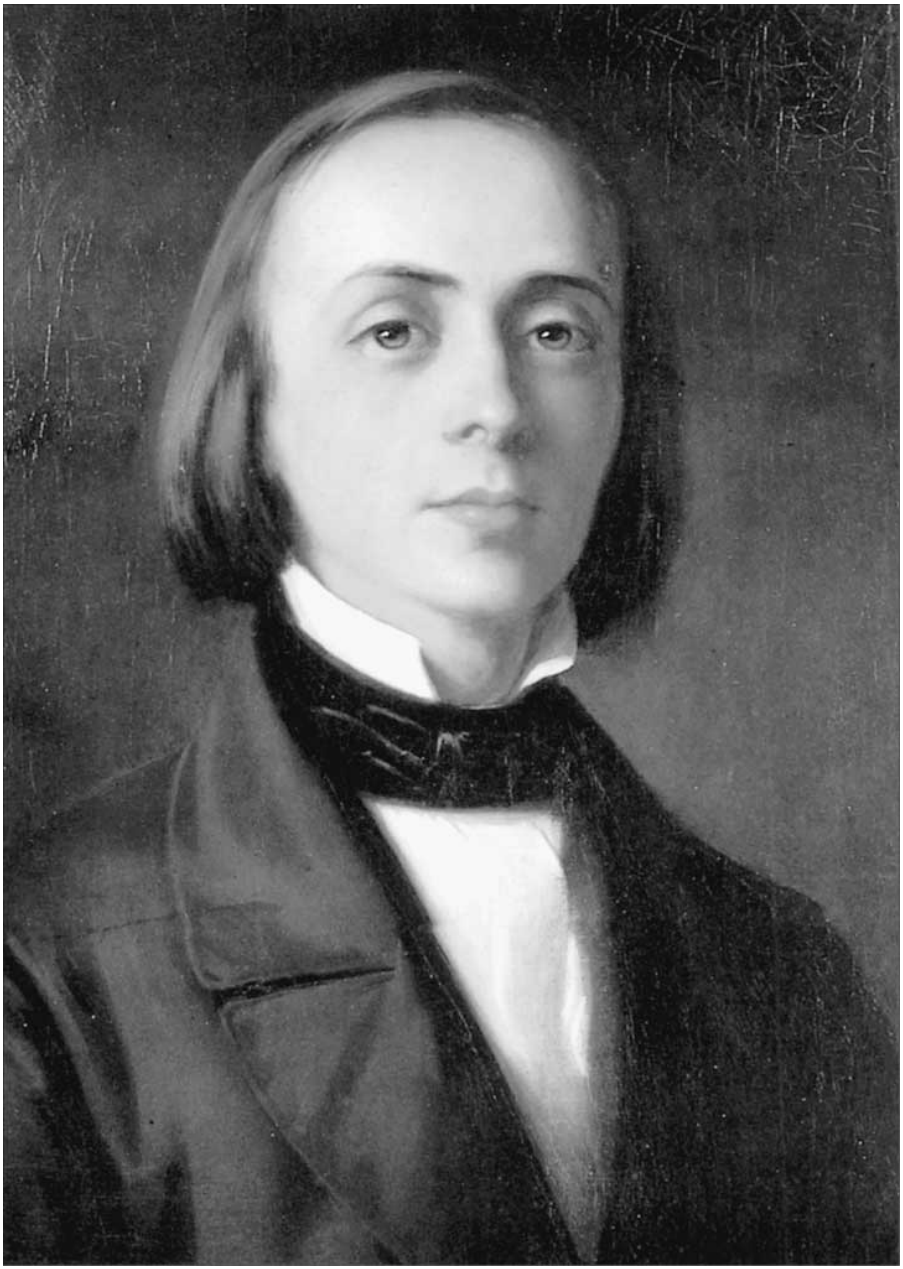
В разное время с этими женщинами Вагнера связывали дружеские отношения

Джесси Лоссо

Матильда Майер

Фридерика Майер

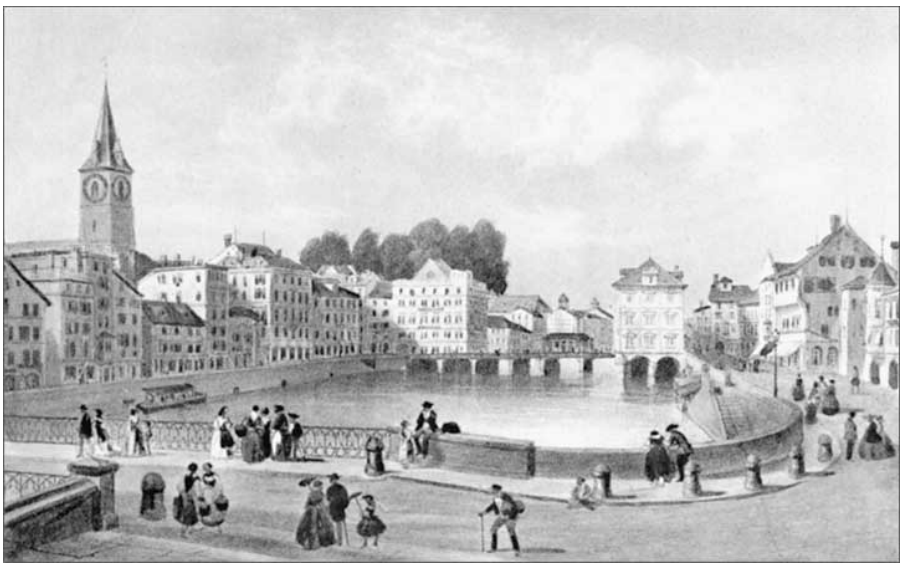
Юдит Готье



Ганс фон Бюлов

Франц Брендель

Готфрид Келлер

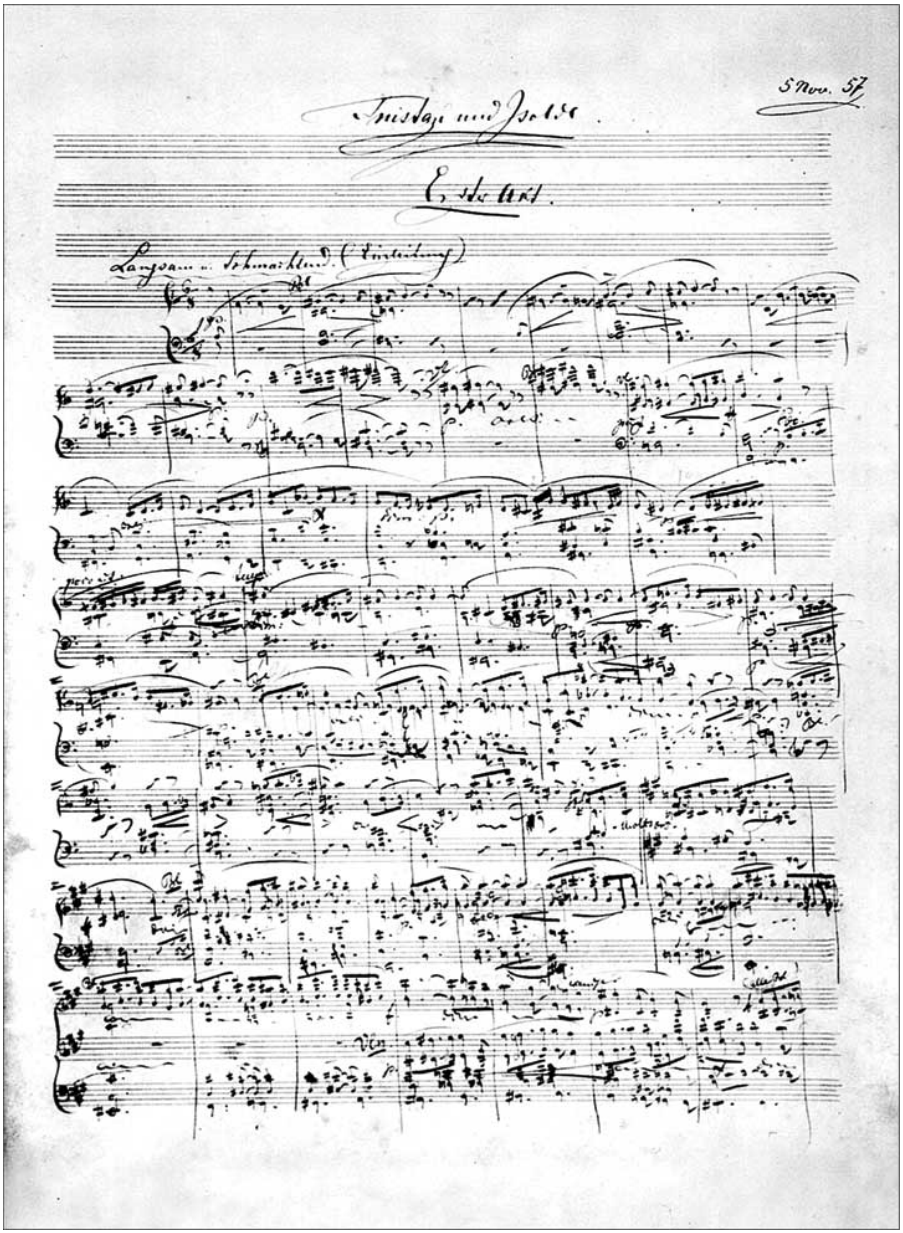


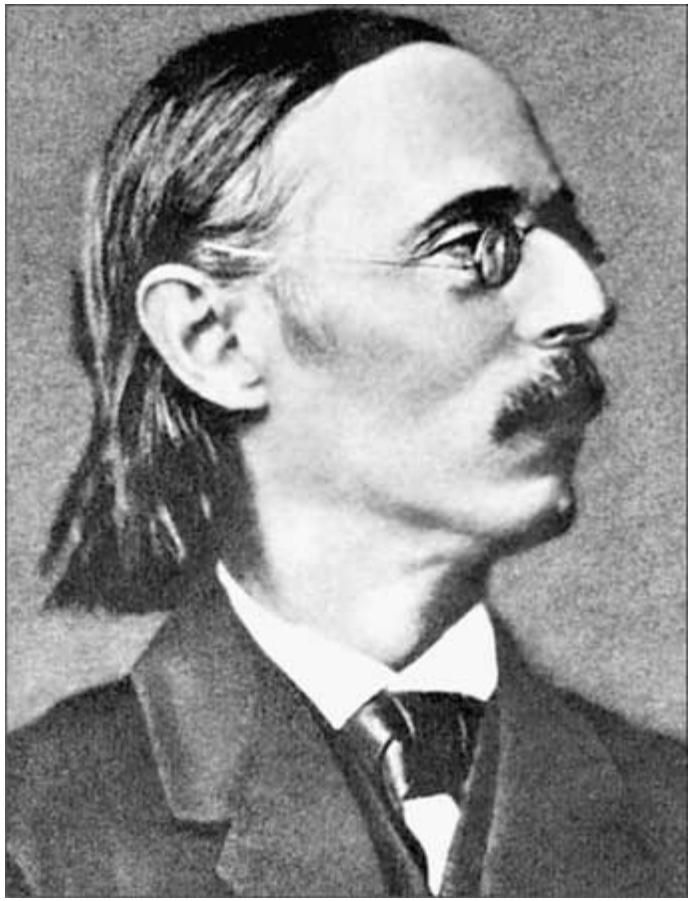
Цюрих. Акварель 1850-х гг.

Элиза Вилле

Франсуа Вилле

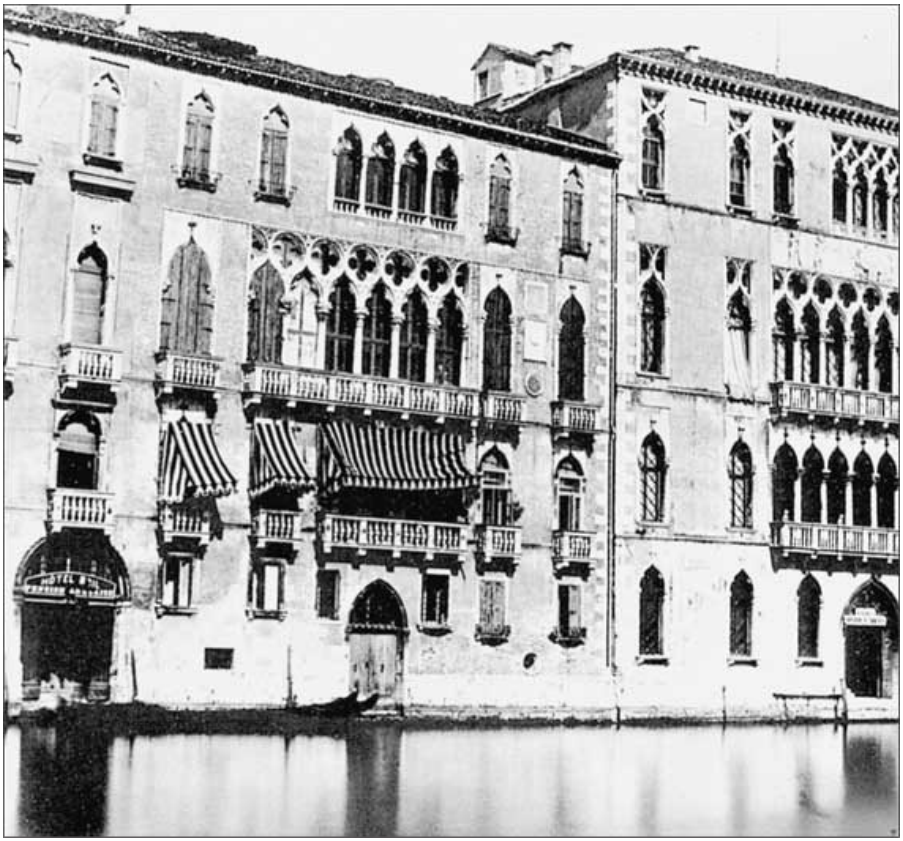
Отто Везендонк

Матильда Везендонк

Первый акт, первая сцена «Тристана и Изольды»

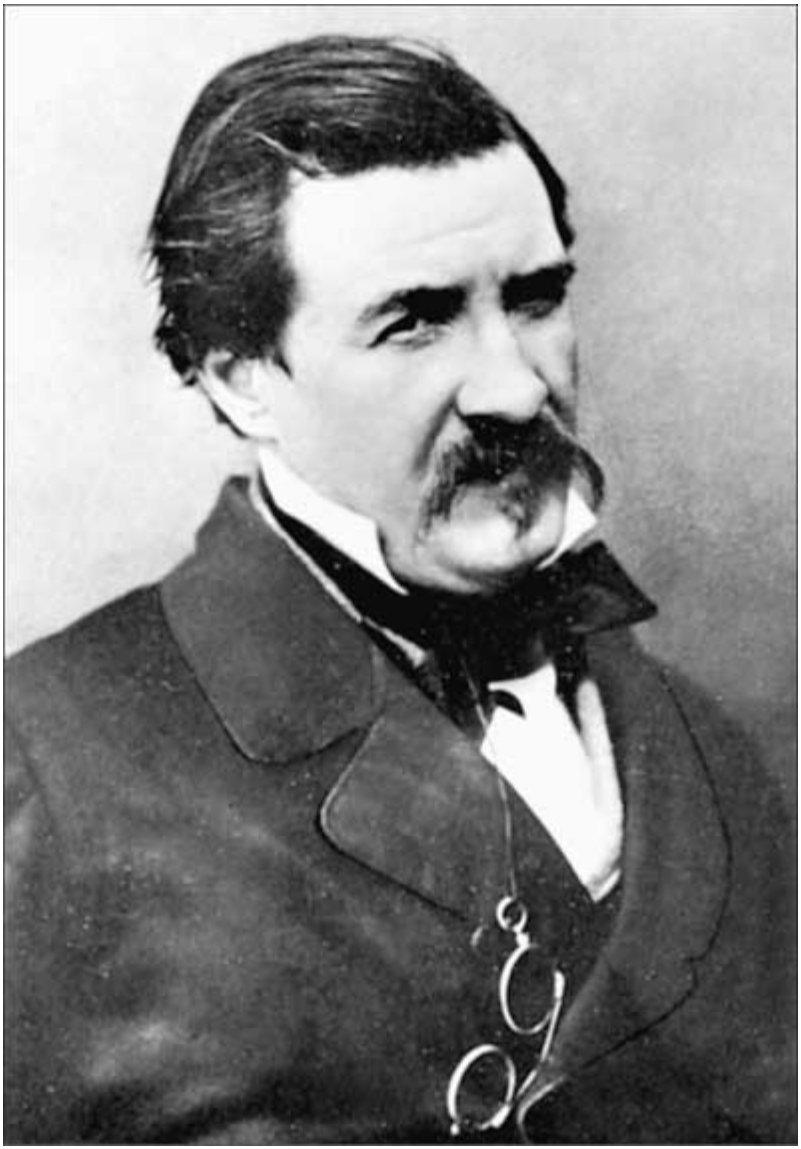


Петер Корнелиус

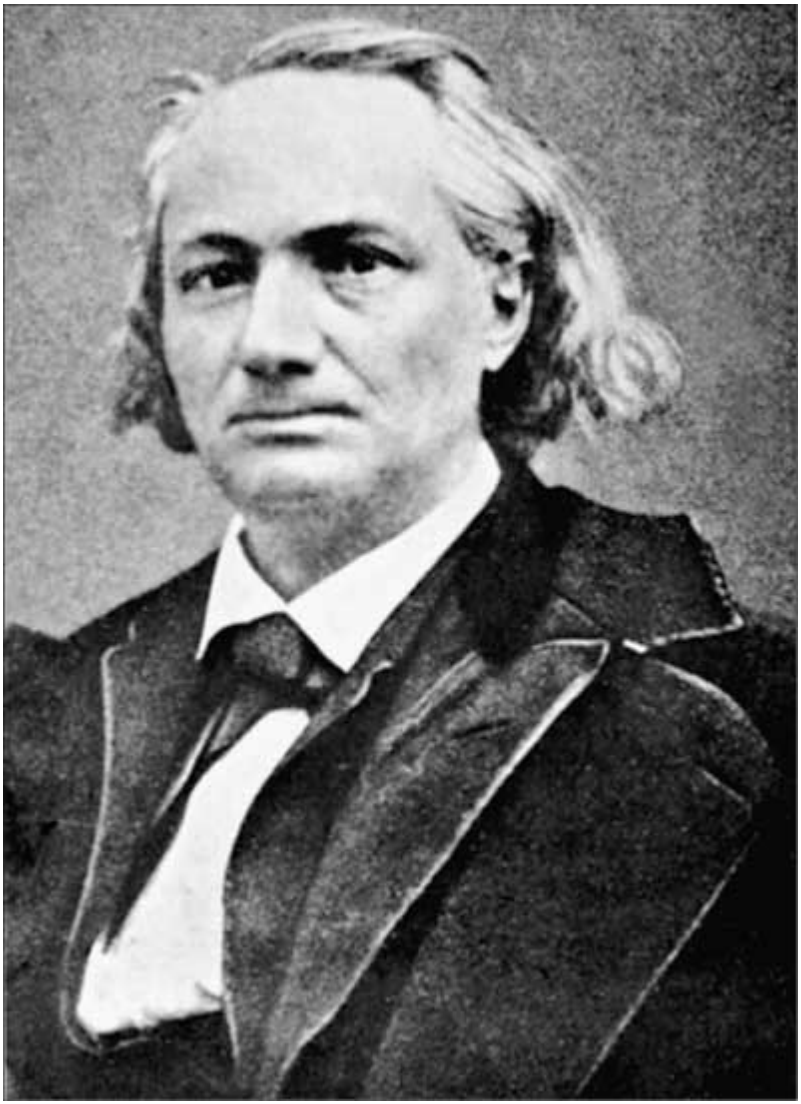
Александр Николаевич Серов



Палаццо Джустиниани в Венеции



Жюль Франсуа Феликс Флери-Юссон, известный под псевдонимом Шанфлери



Шарль Бодлер

Княгиня Паулина фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн

THEATRE IMPERIAL DE L'OPERA

54. Les Bureaux seront ouverts à 7 heures 1/4 On commencera à 7 heures 3/4.

AUJOURD'HUI MERCREDI 13 MARS 1861.

Débuts de M. NIEMANN

PREMIERE REPRESENTATION

TANNHAUSER

Opera en TROIS actes et QUATRE tableaux de M. RICHARD WAGNER.

Mlle TEDESCO. Mlle MARIE-SAX.

Tannhauser M. NIEMANN. | Wolfram M. MORELLI | Berger M. CAZAUX. | Hérold M. COULON.

MM. AIMÉS. KOENIG. FRERET. Mlle REBOUX

Mlle CHRISTIAN. GRANIER. VOGLER. BOCIAUD.

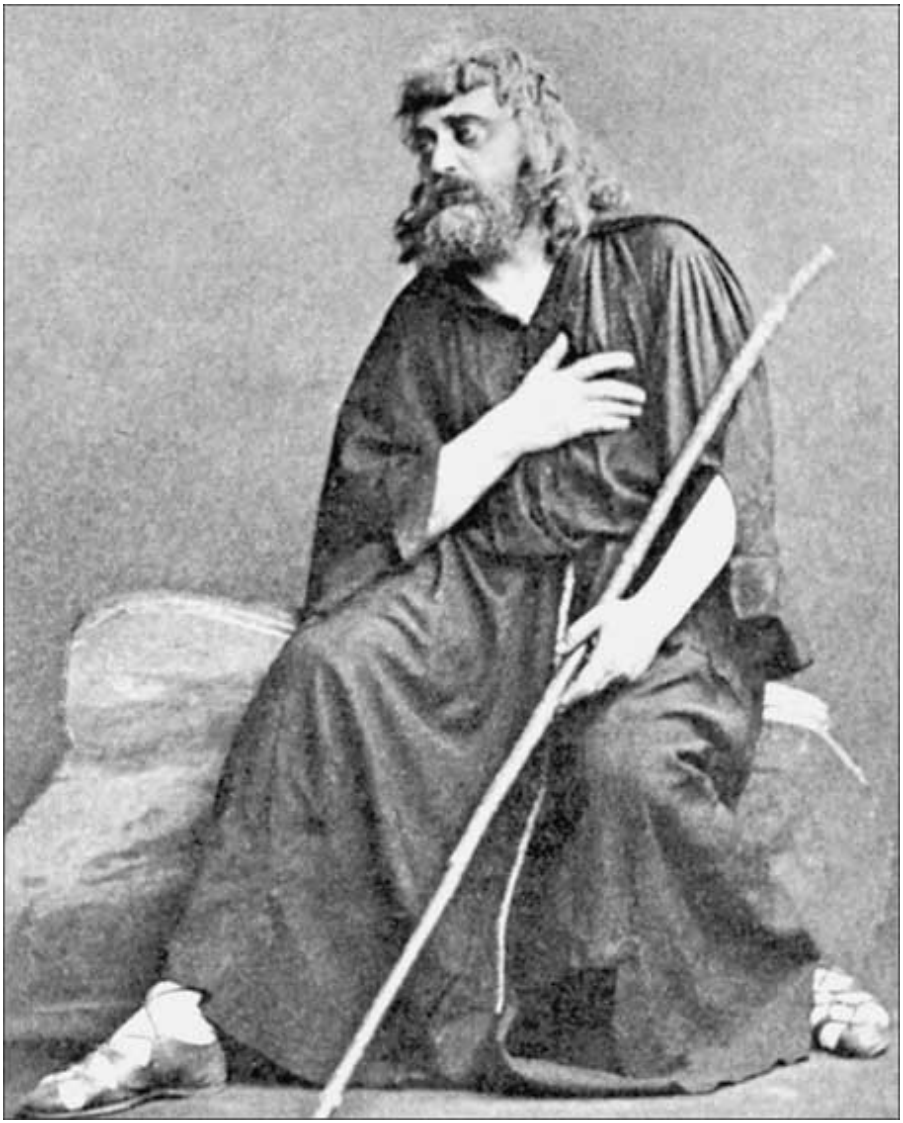
DANSE :

Mlles ROUSSEAU. TROISVALLETS. STOIKOFF. ALINE. MM. LEFÈVRE. MILLOT

En attendant, 27me representation, LE PAPILLON

Le Bureau de location, rue Drouot, au coin de la rue Rossini, est ouvert de 10 heures à 6 heures

Афиша «Тангейзера» от 13 марта 1861 г.



Альберт Ниман в роли Тангейзера

Алоиз Андер

Луиза Дустман-Майер

Йозеф Штандгартнер

Карл Таузиг

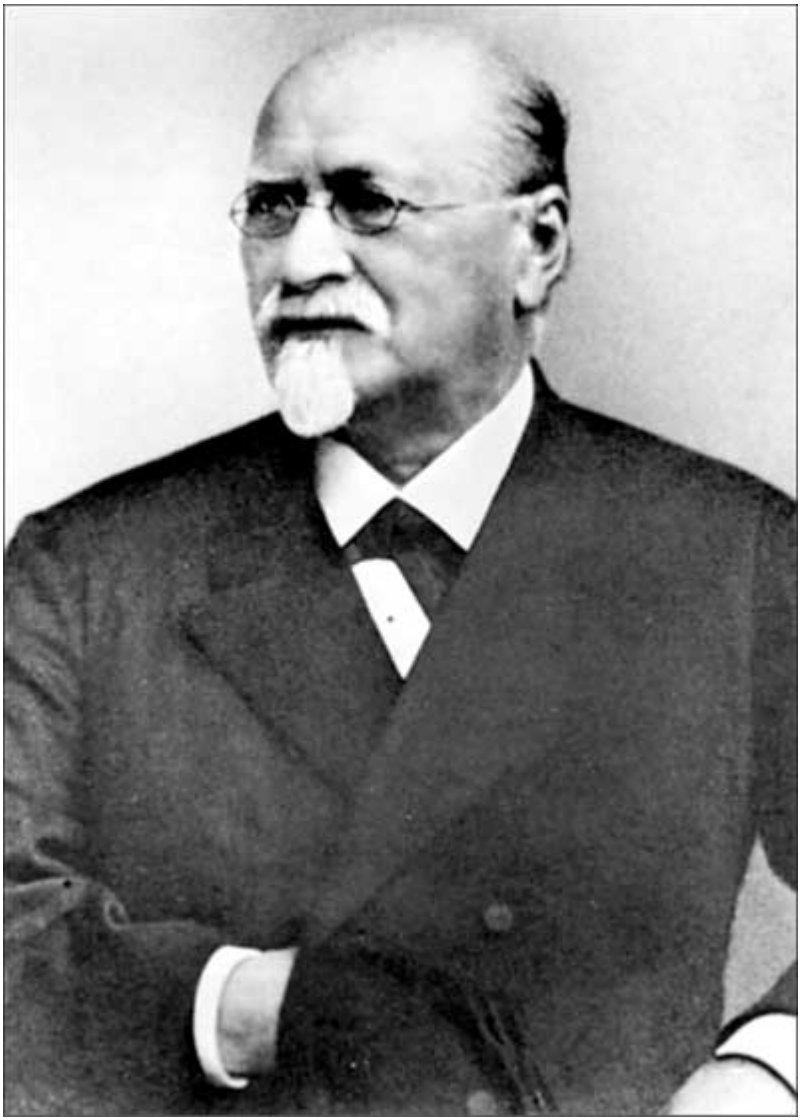
Мальвида фон Мейзенбуг

Мария фон Шлейниц-Волькенштейн

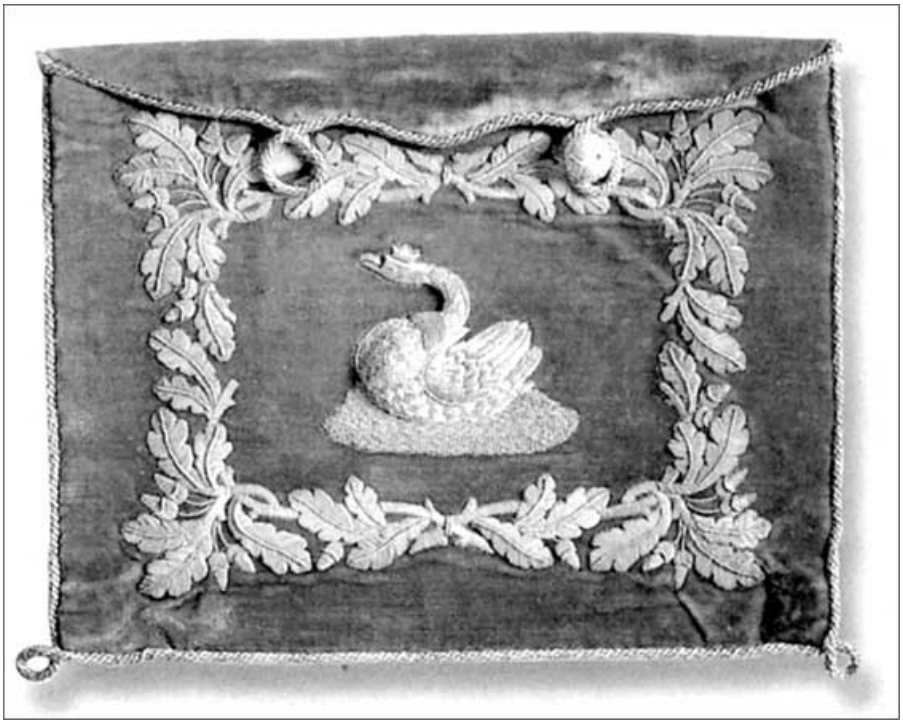
Вилла Вагнера в Бибрихе. Современный вид

Мариафельд

Людвиг II Баварский. Художник Фердинанд фон Пилоти. 1865 г.

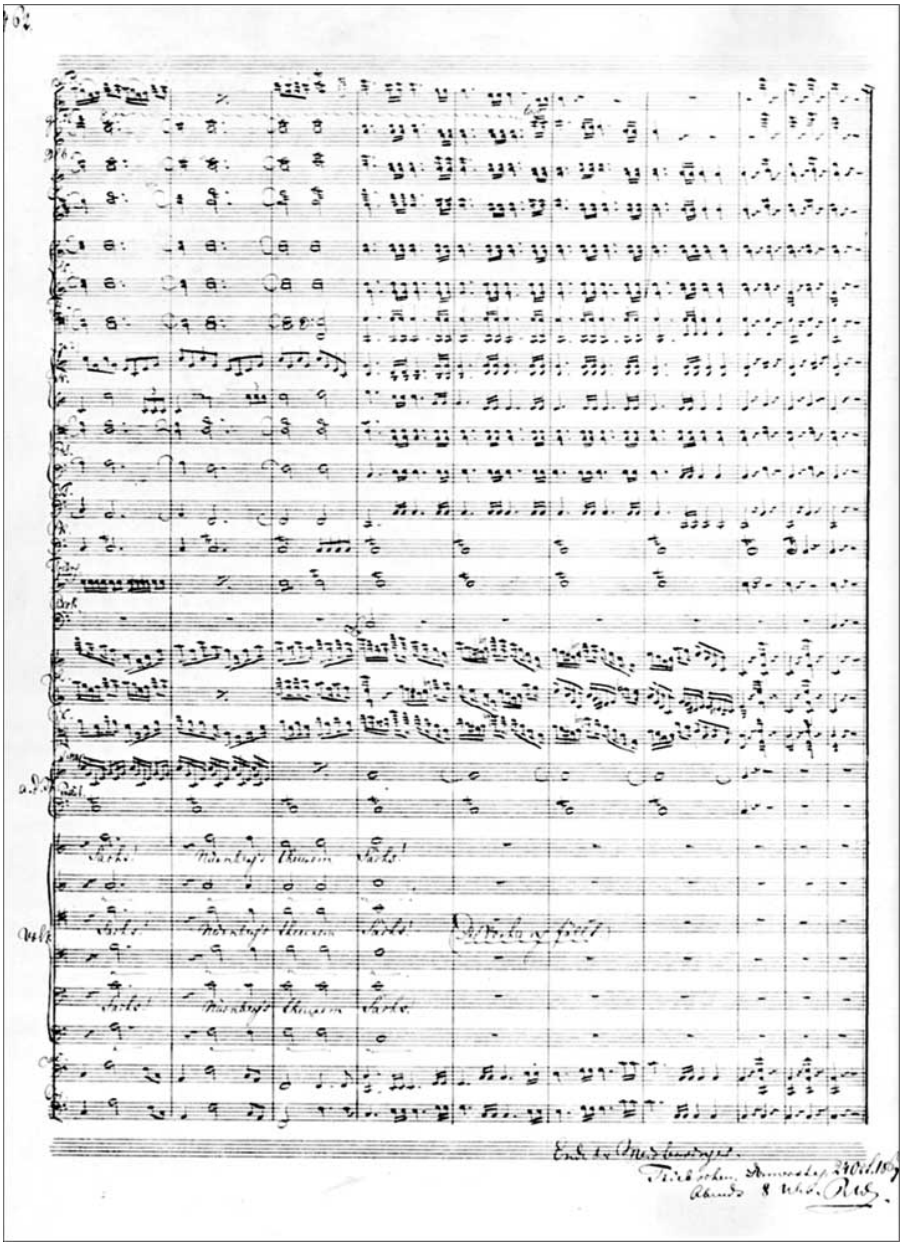


Франц Сераф фон Пфистермайстер



Бювар, в котором Людвиг II хранил письма Вагнера

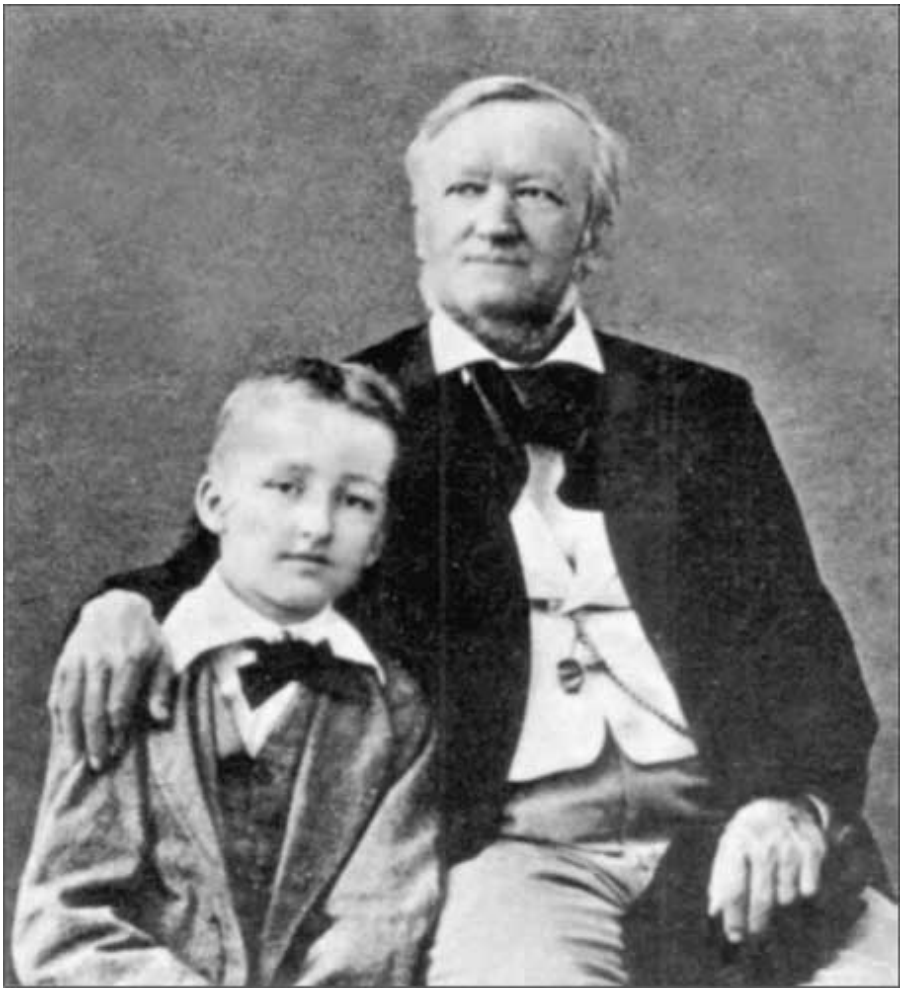
Людвиг Шнорр фон Карольсфельд в роли Лоэнгрина

«Трибшеновская идиллия»

Последняя страница партитуры «Нюрнбергских мейстерзингеров»

Рихард Вагнер. 1871 г.

Козима Вагнер. Художник Франц фон Ленбах. 1879 г.

Рихард и Козима. 9 мая 1872 г.



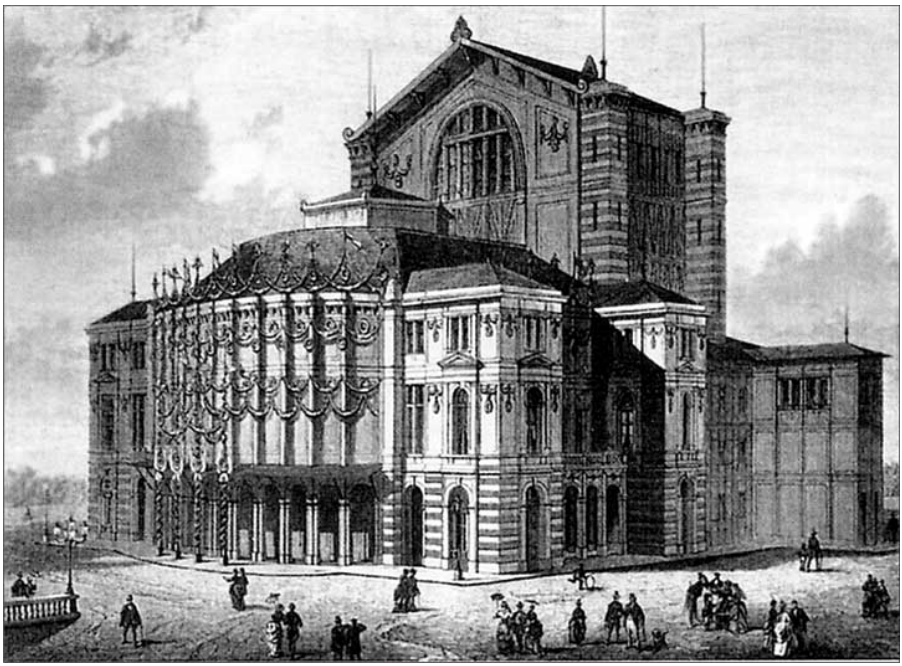
Рихард Вагнер с сыном Зигфридом. 1880 г.

Карл Брандт

Герман Леви

Ганс Рихтер

Павел Васильевич Жуковский



Фестшпильхаус в год проведения Первого Байройтского фестиваля. 1876 г.

Фестшпильхаус в год 200-летнего юбилея Вагнера

Вилла «Ванфрид». Современный вид

Могила ньюфаундленда Русса, любимой собаки Вагнера, в саду виллы «Ванфрид»

Амалия Матерна в роли Брюнгильды

Ганс фон Вольцоген

Вагнер в кругу друзей на вилле «Ванфрид». Художник Георг

Папериц. 1882 г.

Bühnenfestspielhaus Bayreuth.

Am 26. und 28. Juli

für die Mitglieder des Patronat-Vereins,

am 30. Juli, 1. 4. 6. 8. 11. 13. 15. 18. 20. 22. 25. 27. 29. Aug. 1882

öffentliche Aufführungen des

PARSIFAL.

Ein Bühnenweihfestspiel von RICHARD WAGNER.

Personen der Handlung in drei Aufzügen:

Amfortas	Herr Reichmann.	**Kundry**	Frau Materna.
Titurel	„ Kindermann.		Fräulein Brandt.
			„ Malten.
Gurnemanz	„ Scaria.		
	„ Siehr.	**Erster / Zweiter Gralsritter**	Herr Fuchs.
			„ Stumpf.
	„ Winkelmann.		
Parsifal	„ Gudehus.	**Erster / Zweiter / Dritter / Vierter Knappe**	Fräulein Galfy.
	„ Jäger.		„ Keil.
			Herr Mikorey.
Klingsor	„ Hill.		„ v. Hübbenet.
	„ Fuchs.		

Klingsor's Zaubermädchen:

Sechs Einzel-Sängerinnen:

I. Gruppe	Fräulein Horson.
	„ Meta.
	„ Pringle.
II. Gruppe	„ André.
	„ Galfy.
	„ Belce.

und Sopran und Alt in zwei Chören, 24 Damen.

Die Brüderschaft der Gralsritter, Jünglinge und Knaben.

Ort der Handlung:

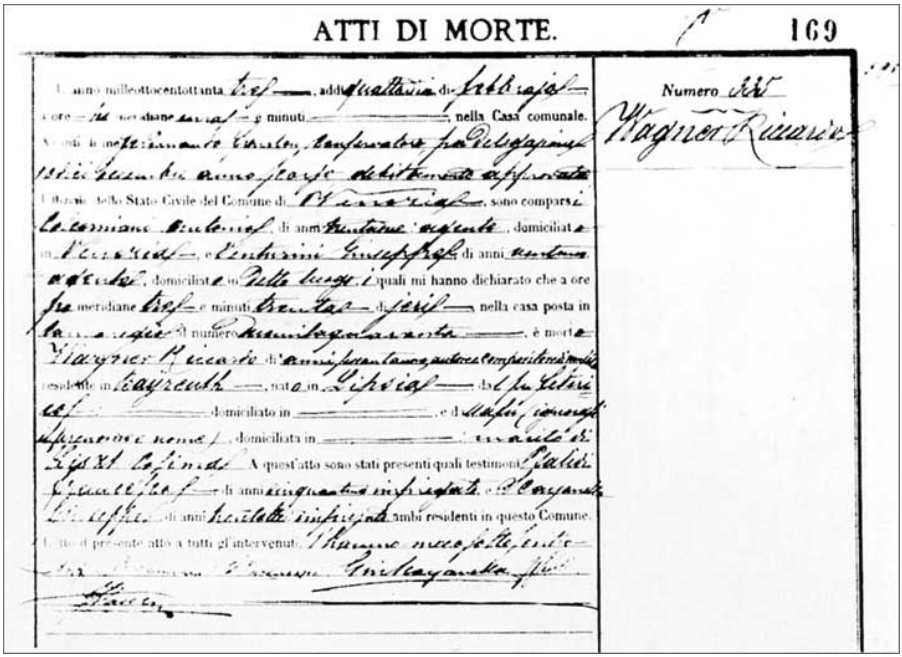
Auf dem Gebiete und in der Burg der Gralshüter „Monsalvat"; Gegend im Charakter der nördlichen Gebirge des gothischen Spaniens. — Sodann: Klingsor's Zauberschloss, am Südabhange derselben Gebirge, dem arabischen Spanien zugewandt anzunehmen.

Beginn des ersten Aufzugs 4 Uhr.
„ „ zweiten „ 6½ „
„ „ dritten „ 8½ „

Афиша премьеры «Парсифаля» во время Второго Байройтского фестиваля. Представление – только для членов патронатных обществ

Последняя фотография Вагнера в кругу семьи и друзей. Слева направо: Рихард и Козима, Генрих фон Штайн, Павел Жуковский, Даниела Сента и Бландина фон Бюлов

Палаццо Вендрамин-Калерджи. Современный вид



ATTI DI MORTE. 169

Numero 111

Wagner Riccardo

Акт о смерти Вагнера

Могила Вагнера в саду виллы «Ванфрид» в Байройте

notes

Примечания

1

См.: *Wagner R.* Gluck's Ouvertüre zu Iphigenie in Aulis. (Mit einer Notenbeilage) // Neue Zeitschrift für Musik. 1854. Bd. 41. S. 1–6.

2

Каскель Михаэль Эрнст Карл (Kaskel; 1797–1874); барон фон Каскель (с 1869 г.); псевдоним Карл Лассек (Lassekk), немецкий банкир еврейского происхождения, владелец банкирского дома Каскель (Bankhaus Kaskel) и один из соучредителей Дрезденского банка (Dresdner Bank). В 1844 г. перешел в протестантизм, а затем – в католицизм. С 1866 г. – тайный камеральный советник. 28 октября 1867 г. возведен в дворянское достоинство. В мае 1869 г. награжден орденом Железной короны 2-го класса и 4 июня того же года получил титул барона. В 1872 г. банкирский дом Каскель был преобразован в Дрезденский банк – один из ведущих финансовых институтов Германской империи и за ее пределами вплоть до начала XXI в. Помимо финансовых интересов, Каскель был с детства музыкально одаренным человеком; свои сочинения публиковал под псевдонимом Карл Лассек. Был близким другом Дж. Мейербера; переписывался с Р. Шуманом.

З

Линд Йоханна Мария (Lind; более известна как Женни [Дженни; Йенни] Линд; 1820–1887), шведская оперная певица (сопрано); имела прозвище Шведский соловей. Начала заниматься пением в возрасте 10 лет. Дебютировала в 1838 г. в постановке «Фрейшютца» К. М. фон Вебера на сцене Королевской шведской оперы. В 1840 г. стала членом Королевской Шведской академии музыки. В 1841–1843 гг., будучи в Париже, брала уроки вокала у Мануэля Патрисио Родригеса Гарсиа, более известного как Мануэль Гарсиа-младший (García; 1805–1906), брата певицы Полины Виардо. В 1843 г. Линд гастролировала в Дании, где встречалась с Гансом Христианом Андерсеном. Среди поклонников таланта Линд были Р. Шуман, Г. Берлиоз, Ф. Мендельсон и Дж. Мейербер. В декабре 1845 г. Линд впервые выступала на сцене лейпцигского Гевандхауза в благотворительном концерте; певица в течение всей жизни жертвовала значительные суммы из своих гонораров на благотворительность. В 1847 г. гастролировала в Лондоне; в 1849 г. оставила оперную сцену и стала выступать исключительно в концертах. В 1950 г. Линд уехала в Америку и вернулась в Европу в 1852 г. С 1855 г. жила в Англии; с 1882 г. являлась профессором Королевского музыкального колледжа (Royal College of Music) в Лондоне.

4

Иоахим Йозеф (Joachim; 1831–1907), австро-венгерский композитор, скрипач, дирижер и педагог. С 1838 г. выступал с концертами как скрипач-виртуоз. В 1843–1849 гг. посещал занятия в Лейпцигской консерватории. С 1848 г. был членом оркестра Гевандхауза. В 1849–1853 гг. являлся концертмейстером в Веймаре; в 1852–1866 гг. – в Ганновере. С 1868 г. жил в Берлине. В 1869 г. Вильгельм I назначил Иоахима ректором основанной им Королевской Высшей школы исполнительского искусства (Königlich Akademischen Hochschule für ausübende Tonkunst); позже Берлинская Высшая музыкальная школа (Musikhochschule). Основатель и руководитель струнного квартета с 1879 г., названного его именем (Joachim-Quartett). С 1872 г. неоднократно гастролировал в России. Был дружен с Р. Шуманом и И. Брамсом, творчество которых оказало на Иоахима сильнейшее влияние. Композиторское наследие его включает три концерта для скрипки с оркестром, сочинения для скрипки и фортепьяно, ряд песен и др.

5

Концерт для флейты, скрипки и клавира a-moll («Тройной концерт»).

6

Часть III Восьмой симфонии.

Geschichte der deutschen Schauspielkunst. Пятитомный труд, написанный Э. Девриентом в 1848–1874 гг.

8

Дворец Марколини (Palais Brühl-Marcolini), барочный ансамбль, расположенный на Фридрихштрассе (Friedrichstraße) во Фридрихштадте. В 1736 г. его приобрел и перестроил первый министр Августа III (1738–1763) граф Генрих фон Брюль (von Brühl; 1700–1763). После смерти фон Брюля дворец и парк находились в запустении, пока в 1778 г. их не купил директор Мейсенской фарфоровой мануфактуры граф Камилло Марколини (Marcolini, 1739–1814). Вскоре дворец стал центром общественной жизни Дрездена и назван именем владельца. В 1849 г. дворец был передан госпиталю (Krankenhaus Dresden-Friedrichstadt).

Непосредственно напротив дворца Марколини находится Старое Католическое кладбище (Alter Katholischer Friedhof), где похоронен К. М. фон Вебер.

Ныне на флигеле дворца Марколини по адресу Фридрихштрассе, 39 висит мемориальная доска, сообщающая, что Вагнер жил здесь с 1847 по 1849 г. и здесь же закончил «Лоэнгрина».

9

Имеется в виду памятник Бетховену работы Э. Ю. Хэнеля, открытый в 1845 г. в Бонне на Münsterplatz в честь 75-летия со дня рождения композитора. Средства на создание памятника были собраны в основном стараниями Ф. Листа. Постамент памятника украшают рельефы-аллегории, символизирующие Фантазию, Драму, Симфонию и Духовную музыку. Существует предание, что в фундаменте памятника замурованы партитуры Девятой симфонии и Торжественной мессы.

«Дидаскалии» (Didaskalien), руководство античных авторов к постановке своих драматических произведений.

11

Дройзен Иоганн Густав Бернхард (Droysen; 1808–1884), немецкий историк. Изучал философию и филологию в Берлинском университете. В 1827–1829 гг. был домашним учителем Ф. Мендельсона-Бартольди, который впоследствии положил на музыку некоторые стихи Дройзена. Дройзен перевел трагедии Эсхила (1831) и комедии Аристофана (1836–1838), написал «Историю Александра Великого» (Geschichte Alexanders des Großen; а также Alexander der Große. Die Biographie; обе 1833), а также «Историю эллинизма» (Geschichte des Hellenismus; 1836–1843). С 1833 г. являлся приват-доцентом, а с 1835 г. – профессором Берлинского университета; с 1840 г. – профессором Университета в Киле; с 1851 г. – в Йене; с 1859 г. – снова в Берлине. С 1840-х гг. Дройзен обратился к политической истории Германии. Он последовательно отстаивал идеи национальной независимости и объединения страны (выступал сторонником т. н. прусского варианта, т. е. объединения во главе с Пруссией). В 1848–1849 гг. состоял членом Франкфуртского парламента. Главным трудом Дройзена является 14-томная «История прусской политики» (Geschichte der preußischen Politik; 1855–1886; последние тома опубликованы уже после смерти автора).

12

Нибур Бартольд Георг (Niebuhr; 1776–1831), немецкий историк. Родился в Копенгагене; получил образование в Германии, в Университете Киля. Вернувшись в Данию, поступил на государственную службу (с 1800 г.). В 1806 г. переехал в Берлин, где до 1810 г. читал лекции в Берлинском университете. В 1816–1823 гг. был прусским посланником в Ватикане; с 1825 г. – профессором в Боннском университете. Являлся одним из основателей научного журнала Rheinisches Museum, издававшегося с 1827 г. С 1828 г. Нибур принимал участие в издании полного собрания византийских историков Corpus scriptorum historiae Byzantinae (после смерти Нибура это издание было продолжено Берлинской академией). Основным сочинением Нибура является трехтомная «Римская история» (Römische Geschichte; 1811–1832). Кроме того, следует отметить труд Griechische Heroengeschichten, seinem Sohn erzählt (1842; в переводе на русский язык издана под названием «История греческих героев, рассказанная Нибуром своему сыну» в 1876 г.).

13

Гиббон Эдвард (Gibbon; 1737–1794), английский историк. В 1752 г. поступил в Магдален-колледж (Magdalen College) Оксфордского университета, где изучал историю и богословие. В 1753 г. перешел из англиканства в католицизм, за что был исключен из университета и переехал в Лозанну. Здесь в 1754 г. перешел в протестантизм. В 1758 г. начал военную службу в английских войсках. В 1761 г. был опубликован первый труд Гиббона: «Этюд об изучении литературы» (Essai sur l'Étude de la Littérature). В 1763 г., после окончания Семилетней войны, Гиббон совершил путешествие в Париж, затем в Лозанну, после чего отправился в Италию, где начал работать над монументальным трудом по истории Рима. В 1765 г. вернулся в Англию. В 1770 г. анонимно опубликовал «Критические замечания к шестой книге “Энеид”» (Critical Observations on the Sixth Book of the Aeneid). 17 февраля 1776 г. вышел в свет первый том главного труда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (History of the decline and fall of the Roman Empire); второй и третий тома опубликованы в марте 1781 г. В 1774–1784 гг. Гиббон был членом парламента. В 1779–1782 гг. являлся главой Совета по торговле. В 1783 г. Гиббон вновь переехал в Лозанну, где жил до 1793 г. с небольшим перерывом в 1787–1788 гг. (был занят работой над выходом последних трех томов «Истории упадка и разрушения Римской империи»). Окончательно вернулся на родину в 1793 г.

14

«Книга героев» (Heldenbuch), цикл германских героических сказаний XIII в., главным персонажем которого является Дитрих Бернский. Был напечатан в XV–XVI вв.

15

Имеется в виду труд Ф. Й. Моне «Исследования по истории немецкой героической саги» (Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Heldensage (1836).

16

Моне Франц Йозеф (1796–1871), немецкий историк и археолог. Получил образование в Гейдельбергском университете, изучая историю и филологию. В 1817 г. был назначен приват-доцентом кафедры истории. В 1819 г. стал экстраординарным профессором, в 1822 г. ординарным профессором, а в 1825 г. главой университетской библиотеки. С 1827 по 1831 г. являлся профессором статистики и политики в Университете Лёвена (Reichsuniversität in Löwen). Вернувшись в Германию, был редактором Karlsruher Zeitung («Газеты Карлсруэ»). В 1835 г. стал архивистом и директором Генерального Национального архива в Карлсруэ; вышел в отставку в 1868 г. Среди исторических трудов Моне следует отметить Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa (1822–1823); Urgeschichte des badischen Landes (1845); Untersuchungen über die gallisch Sprache (1851); Celtische Forschungen (1857). Не менее важными являются его работы по истории литературы и филологии Einleitung in das Nibelungenlied (1818); Quellen und Forschungen zur Geschichte der deutschen Literatur und Sprache (1830); Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Heldensage (1836); Uebersicht der niederländischen Volksliteratur älterer Zeit (1838).

17

«Сага о Вёльсунгах» (Völsunga saga), исландская сага XIII в. Рассказывает историю представителей рода Вёльсунгов Сигмунда и Сигурда, а также Брюнхильд. Часть сюжета «Саги о Вёльсунгах» входит в «Песнь о Нибелунгах», написанную на средневерхненемецком языке. Имена героев в ней соответственно несколько изменены: Сигмунд – Зигмунд; Сигурд – Зигфрид.

Значительное влияние «Саги о Вёльсунгах» видно в тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга». Сюжет древней саги оказал существенное влияние на сюжет тетралогии.

18

Plauensche Grund (Плауэнская долина), живописная романтическая долина реки Вайсериц (Weißeritz), левого притока Эльбы, вблизи города Плауэн (Plauen), недалеко от Дрездена. Особый интерес представляет 70-метровый горный отрог на юго-западе долины, известный под названием Хайденшанце (Heidenschanze).

19

Имеется в виду фонтан Нептуна (Neptunbrunnen) шириной 40 м в саду дворца Марколини, самый грандиозный барочный фонтан Дрездена. Его создал в 1741–1744 гг. итальянский скульптор Лоренцо Матиелли (Mattielli; 1678 или 1688–1748). Представляет собой скульптурную группу: Нептун в окружении морских божеств.

20

Наполеон жил во дворце Марколини с 10 июня по 25 июля и с 4 по 15 августа 1813 г.

21

Имеется в виду Мария Анна, принцесса Баварская (Maria Anna Leopoldine Elisabeth Wilhelmine Prinzessin von Bayern; 1805–1877), супруга (с 24 апреля 1833 г.) саксонского короля Фридриха Августа II (1797–1854) и сестра прусской королевы Елизаветы Людовики (1801–1873).

22

Жандарменмаркт (Gendarmenmarkt; *букв.* Жандармский рынок), площадь в центре Берлина, считающаяся одной из самых красивых площадей Германии.

23

Иллуар Эрнст Эмиль (Illaire; 1797–1866), прусский тайный кабинет-советник; член Государственного совета. С 1859 г. действительный тайный советник. В 1852–1866 гг. являлся главой Гражданского кабинета короля Пруссии.

24

Кёстер Луиза (Köster; урожденная Шлегель [Schlegel]; 1823–1905), немецкая оперная певица (сопрано). Ее талант к пению проявился очень рано; начала брать уроки вокала в родном Любеке. В 1837 г. переехала в Лейпциг, где продолжила обучение. В 1840 г. состоялся ее дебют на сцене Лейпцигского Городского театра (Stadttheater) в партии Памины в опере В. А. Моцарта «Волшебная флейта». В 1841–1844 гг. пела на сцене оперного театра в Шверине; в 1844–1845 гг. – в оперном театре в Бреслау. В 1847 г. поступила на сцену Берлинского Придворного театра, где оставалась до 1867 г. Особенно прославилась исполнением партий Агаты во «Фрейшютце» и Эврианты в «Эврианте» К. М. фон Вебера; Юлии – в «Весталке» Г. Спонтини; Донны Анны – в «Дон Жуане» В. А. Моцарта. В 1867 г. оставила сцену.

25

Ставинский Карл (Stawinsky; 1794–1866), немецкий режиссер и актер. Дебютировал в 1810 г. в Нойштрелице (Neustrelitz). В 1816 г. переехал в Берлин, но в 1826 г. из-за неблагоприятных условий уехал в Брауншвейг. Здесь получил признание и через два года вернулся в Берлин. Служил на сцене Берлинского королевского театра с 1828 по 1856 г. Талант режиссера был у Ставинского сильнее актерского; как актер он выступал исключительно в характерных ролях. В последнее десятилетие своей деятельности пробовал себя в постановках опер. Закончил свои дни в полном забвении и нищете.

26

Маркс Фридрих Генрих Адольф Бернхард (Marx; до крещения в 1819 г. – Самуэль Мозес Маркс; 1795–1866), немецкий композитор, музыкальный теоретик и педагог. Происходил из еврейской семьи. Изучал право в Галле и в Наумбурге; одновременно брал частные уроки композиции. В 1821 г. переехал в Берлин. В 1824–1830 гг. занимал должность главного редактора «Берлинской всеобщей музыкальной газеты» (Berliner allgemeine musikalische Zeitung). В 1828 г. получил степень доктора философии; с 1830 г. читал лекции в Берлинском университете, где уже стал профессором музыки. В Берлине сблизился с Ф. Мендельсоном-Бартольди. В 1841 г. было опубликовано главное музыкальное сочинение Маркса – оратория «Моисей» (Moses) на текст Мендельсона. Однако отказ Мендельсона исполнить произведение послужил причиной окончательного разрыва между бывшими друзьями (оратория была исполнена в 1853 г. под управлением Ф. Листа). В 1837–1847 гг. был опубликован четырехтомный труд Маркса – «Учебник музыкальной композиции» (Die Lehre von der musikalischen Komposition). В 1839 г. Маркс написал книгу Allgemeine Musiklehre, переведенную на русский язык в 1872 г. («Всеобщий учебник музыки»). Главная заслуга Маркса как теоретика в том, что он впервые разработал классическое учение о музыкальной форме. В 1850 г. Маркс стал одним из основателей «Консерватории Штерна» (Sternsche oder Städtische Konservatorium), названной по имени скрипача, дирижера и музыкального педагога Юлиуса Штерна (Stern; 1820–1883), принимавшего участие в предприятии. В «Консерватории Штерна» преподавал до 1856 г. Кроме многочисленных музыкально-теоретических сочинений, Маркс является автором написанной в 1859 г. монографии о Бетховене (Ludwig van Beethoven: Leben und Schaffen; 1859).

27

Имеется в виду Георг Мекленбургский (1779–1860), Великий герцог Мекленбург–Стрелицкий (Großherzog von Mecklenburg-Strelitz) с 1816 г. Отличался любовью к наукам и искусствам; состоял в переписке со многими знаменитыми литераторами (в частности, с И. В. Гёте), художниками, музыкантами и архитекторами. За свою благотворительную деятельность пользовался неизменной любовью у населения герцогства Мекленбург-Стрелиц. После смерти Великого герцога на собранные народные средства в Нойштрелице на Marktplatz (Рыночной площади) был установлен бронзовый памятник Георгу. Ныне, после демонтажа во времена ГДР, памятник установлен на Paradeplatz перед дворцовой церковью (Schlosskirche).

Вторым сыном Великого герцога Георга является герцог Георг-Август-Эрнест-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876), состоявший на русской военной службе и женатый (с 1851 г.) на Великой княгине Екатерине Михайловне (1827–1894), дочери Великого князя Михаила Павловича (1798–1849).

28

Коссак Эрнст Людвиг (Kossak; 1814–1880), немецкий писатель и журналист. Получил начальное образование в Данциге. В 1834 г. поступил в Берлинский университет, где изучал филологию и историю. Одновременно занимался теорией музыки и брал уроки игры на фортепьяно. Вскоре начал выступать в печати с музыкально-критическими статьями, чем заложил фундамент своей будущей литературной карьеры. Первый сборник новелл Genrebilder был издан в 1839 г. В 1847 г. Коссак основал собственное периодической издание – журнал Zeitungshalle, в котором печатал критические статьи и фельетоны. Коссака справедливо называют «создателем берлинского фельетона». Пользующиеся неизменной популярностью его «короткие рассказы из берлинской жизни» регулярно выходили в сборниках: Berlin und die Berliner (1851); Aus dem Papierkorbe eines Journalisten (1852); Berliner Silhouetten (1859); Berliner Federzeichnungen (6 томов; 1859–1865). Кроме того, следует отметить Pariser Stereoskopen (1855); Aus dem Wanderbuche eines litterarischen Handwerksburschen (1856); Historietten (1856); Badebilder (1858); Schweizerfahrten (1857); Reisehumoresken (2 тома; 1862). В середине 1860-х гг. Коссак серьезно заболел; оставался парализованным до смерти.

29

Трун Фридрих Иеронимус (Truhn; 1811–1886), немецкий композитор, дирижер и музыкальный писатель. Рано проявил талант к музыке, но родители противились будущей музыкальной карьере, и лишь в 1831 г. ему было разрешено начать в Берлине музыкальное образование. Вскоре начал сотрудничать в качестве музыкального писателя с журналом Р. Шумана Neuer Zeitschrift für Musik. Также писал статьи для Neue Berliner Musikzeitung. В 1835 г. получил место капельмейстера в Гданьске. В 1837 г. вернулся в Берлин. В 1840 г. переехал в Кёнигсберг. В 1843 г. совершил гастрольную поездку в Швецию, где выступал как композитор и дирижер. С 1848 г. жил в Эльбинге, где основал хоровое общество и организовывал публичные концерты. В 1852 г. вернулся в Берлин и основал новое Берлинское мужское хоровое общество (Berliner Liedertafel). В 1854 г. гастролировал совместно с Г. Фон Бюловом, а затем поселился в Риге, где работал до 1858 г., а затем вновь вернулся на постоянное жительство в Берлине. Композиторское наследие Труна составляет свыше 100 произведений, среди которых Der Fischer (op. 1; 1832); Die schöne Kellnerin von Bacharach (op. 13; 1836); Lieder (op. 21; на слова И. В. Гёте); Die Käferknaben für 4 Männerstimmen mit Begleitung (op. 30; 1839); Die Vätergruft (op. 105; 1853), а также комическая двухактная опера Trilby (1835); зингшпиль Der vierjährige Posten (1833) и посвященная Иоганне Вагнер сценическая мелодрама Cleopatra (1853).

30

Исторический винный ресторан Lutter & Wegner, существующий с 1811 г., один из самых известных и популярных в Берлине. Любимое заведение Э. Т. А. Гофмана. Расположен по адресу Charlottenstrasse, 56.

31

Фон Бюлов Карл Эдуард (von Bülow; 1803–1853), немецкий писатель. Получил образование в Лейпцигском университете, где изучал древние языки. Переехав в Дрезден, в 1828 г. познакомился с Л. Тиком, с которым с тех пор оставался близким другом. В этом же году женился первым браком на Франциске Элизабет Штолль фон Бернек (Stoll von Berneck; 1800–1888). В этом браке родился Ганс фон Бюлов. В 1834 г. начал работу над одним из первых собственных литературных трудов – сборником Novellenbuch (1834–1836). С 1845 г. Эдуард фон Бюлов жил попеременно в Штутгарте, Берлине и Дрездене. В 1849 г. развелся и женился вторично на графине Луизе Паулине фон Бюлов-Денневиц (von Bülow-Dennewitz; 1813–1905), дочери знаменитого прусского генерала Фридриха Вильгельма барона фон Бюлова, графа фон Денневица (Freiherr von Bülow, Graf von Dennewitz; 1755–1816). Среди основных произведений Э. фон Бюлова следует отметить: Abenteuer des Simplicissimus (1836); Neues Novellenbuch (1841); Vermischte Schriften aus dem Nachlaß des, J. G. v. Berenhorst (1845); Novellen (1844–1848); Heinrich v. Kleist s Leben und Briefe (1848).

32

Тауберт Карл Готфрид Вильгельм (Taubert; 1811–1891), немецкий композитор, пианист и дирижер. Учился в Берлинском университете на философском факультете. Еще во время учебы начал брать уроки композиции. Вскоре сам стал преподавать музыку. В 1831 г. получил место дирижера придворных концертов в Берлине. В 1841 г. стал музикдиректором Берлинского Придворного театра. Оставался на этой должности до конца 1869 г. (в 1849 г. разделял обязанности с Г. Дорном). После своей отставки с 1870 г. Тауберт продолжал работать с придворными музыкантами и в 1875 г. возглавил музыкальное отделение Академии искусств. За вклад в развитие музыкального искусства он был избран почетным членом Берлинской певческой академии. В 1889 г. полностью отошел от дел. Композиторское наследие Тауберта включает оперы: Die Kirmes (1832); Die Zigeuner (1834); Marquis und Dieb (1842); Macbeth (1857); Caesario oder Was ihr wollt (1874). А также 4 симфонии: № 1 C-Dur op. 31 (1831); № 2 F-Dur op. 69 (1846); № 3 h-Moll op. 80 (1850); № 4 c-Moll op. 113 (1855). Кроме того, Тауберт является автором нескольких кантат, струнных квартетов, фортепьянных трио и более 300 песен (в том числе песен для детей), успех которых во многом был обусловлен тем, что их часто исполняли такие певицы, как Женни Линд и Иоганна Вагнер.

33

Имеется в виду будущий германский император Вильгельм I.

34

Августа Мария Луиза Катарина Саксен-Веймар-Айзенахская. Напомним, что при ней Альвина Фромман являлась чтицей.

35

В 1847 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV созвал объединенный ландтаг, депутаты которого потребовали немедленного принятия конституции. Это требование король решительно отверг. Более того, он оспорил право депутатов ландтага вообще вести политические дискуссии. Это заявление короля вызвало волну недовольства не только в среде либералов, но даже и у ультраконсерваторов.

36

Да Палестрина Джованни Пьерлуиджи (Palestrina; ок. 1525–1594), итальянский композитор. Получил образование в Риме; в 1544–1551 гг. был органистом и капельмейстером главной церкви Св. Агапита в городе Палестрина. В 1551 г. вернулся в Рим, где возглавлял капеллы собора Св. Петра в 1551–1555 гг., церкви Сан-Джованни ин Латерано в 1555–1560 гг. и церкви Санта-Мария Маджоре в 1561–1566 гг. В 1571 г. Палестрина вновь возглавил капеллу собора Св. Петра и оставался на этом месте вплоть до смерти. Композиторское наследие его включает 105 месс, свыше 370 мотетов, 68 оффертoриев, свыше 140 мадригалов, 72 гимна, 35 магнификатов, 11 литаний и др.

Stabat Mater написана композитором в 1590 г. по заказу папы Григория XIV. Представляет собой большой 3-частный мотет для двойного смешанного хора и двух квартетов солистов a cappella.

37

Пойте Господу песнь новую (BWV 225) – мотет Иоганна Себастьяна Баха. Написан в 1726–1727 годах, впервые исполнен в Лейпциге в 1727 году, впервые опубликован в 1802 году.

38

Изолированные форты. Париж окружала фортификационная линия из 16 изолированных фортов.

39

«Марта, или Ричмондская ярмарка» (Martha oder Der Markt zu Richmond), романтико-комическая четырехактная опера немецкого композитора барона Фридриха Адольфа Фердинанда фон Флотова (von Flotow; 1812–1883). Премьера «Марты» состоялась 25 сентября 1847 г. в Венском Кэрнтнертор-театре.

40

Луи-Филипп I (Louis-Philippe I; 1773–1850), король Франции с 9 августа 1830 г. по 24 февраля 1848 г.; представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов. Во время Великой французской революции отрекся от титула герцога Шартрского и принял фамилию Эгалите (от *франц.* Égalité – «равенство»). Но в 1793 г. покинул Францию. В период Реставрации Людовик XVIII вернул конфискованные во время революции владения Луи-Филиппа и назначил его командующим гусарами. Однако ни у Людовика XVIII, ни впоследствии у Наполеона Луи-Филипп доверием не пользовался, и вскоре он вновь был вынужден эмигрировать, поселившись в Великобритании. Вернулся во Францию лишь в 1817 г. Во время Июльской революции 1830 г. был провозглашен королем; имел прозвище Король-гражданин. Во время Февральской революции 1848 г. был свергнут с престола; 24 февраля подписал отречение и снова бежал в Великобританию, где через два года умер.

41

Третья симфония, имеющая название «Шотландская симфония», ор. 56. Была задумана Мендельсоном в 1829 г., а закончена в 1842 г.

42

После волнений в Париже революционные события стремительно развивались и быстро перекинулись из Франции в Германию и Австрию. Уже 27 февраля 1848 г. в Бадене прошли массовые народные собрания и демонстрации. 3 марта произошла демонстрация рабочих в Кёльне. С 6 марта начались волнения в Берлине. 13 марта вспыхнуло народное восстание в Вене.

43

Франкфуртский парламент, или Франкфуртское национальное собрание – общегерманское национальное собрание, созванное во Франкфурте-на-Майне с целью объединения Германии и выработки конституции. Ему предшествовал т. н. Франкфуртский Предпарламент (Vorparlament), который собрался 31 марта 1848 г. и заседал до 3 апреля. Итоговым решением стала задача созвать единое национальное собрание, избранное всеобщей подачей голосов по 1 депутату на каждые 50 000 человек. Франкфуртское национальное собрание открылось 18 мая 1848 г. и заседало вплоть до 30 мая 1849 г. В марте 1849 г. была завершена выработка первоначальной конституции, согласно которой германские государства объединялись в монархическую федерацию. Однако прусский король Фридрих Вильгельм IV отверг предложенную ему имперскую корону. Первыми вскоре после этого отказа отозвали своих депутатов прусское и австрийское правительства. Парламент распался; оставшиеся депутаты перенесли заседания в Штутгарт. Собрание было окончательно разогнано 18 июня 1849 г.

44

Бундестаг, или Бундесферзаммлунг (Bundestag, Bundesversammlung), или Союзный сейм – федеральное собрание, высший орган Германского союза. Представлял собой собрание представителей германских государств в период между Венским конгрессом и объединением Германии. Заседал во Франкфурте-на-Майне. Передал свои полномочия т. н. предварительному парламенту (Vorparlament), предшествовавшему созыву Франкфуртского парламента, или Франкфуртского национального собрания.

45

Лоссо Джесси (Laussot; 1829–1905; урожденная Тейлор [Taylor]), музыкальная писательница, пианистка и педагог. В начале 1840-х гг. училась игре на фортепьяно в Дрездене, где познакомилась с Гансом фон Бюловом. Выйдя замуж за французского виноторговца Эжена Лоссо, обосновалась в Бордо. В 1850 г. ушла от мужа, чему немало способствовал кратковременный роман с Р. Вагнером (отношения композитора к Джесси никак нельзя назвать серьезными), не получив официального развода. С 1853 г. жила во Флоренции, где преподавала игру на фортепьяно и основала хоровое Общество Керубини (Società Cherubini). Интересно отметить, что Ф. Лист посвятил Джесси Лоссо несколько своих хоровых сочинений. В 1879 г., после смерти Эжена Лоссо, вышла замуж за писателя, историка литературы и публициста Карла Хиллебранда (Hillebrand; 1829–1884).

46

Риттер Карл Готфрид (Ritter; 1830–1891), немецкий драматург, друг Р. Вагнера. Родился в Нарве; получил образование в Лейпцигском университете; изучал философию. С 1841 г. жил в Дрездене. Брал уроки музыки у Р. Шумана и Ф. Хиллера. С матерью Карла, Юлией Риттер (1794–1869), был близко знаком Р. Вагнер; семья Риттеров не раз оказывала композитору существенную материальную помощь. Личность Вагнера сильно повлияла на Карла. В 1849 г. он принял участие в Дрезденском восстании, после чего отправился в изгнание в Швейцарию вместе с Вагнером. В 1858–1859 гг. сопровождал Вагнера в его поездке в Италии. Пожалуй, лучшим сочинением Карла Риттера является его драма «Тристан» (Tristan; 1854). По признанию самого Вагнера, она стала одним из источников его собственного творчества при написании музыкальной драмы «Тристан и Изольда». Кроме того, Риттером написан теоретический труд «Теория немецкого театрального искусства» (Theorie des deutschen Schauspiels; 1880).

47

Черно-красно-золотые кокарды и флаги являлись символом свободы и объединения Германии. Впервые эти цвета были использованы в 1813 г. для формы добровольческого студенческого Корпуса свободы в ходе войны против Наполеона. В 1818 г. черно-красно-золотой флаг был принят у Общегерманской студенческой ассоциации. В 1848–1849 гг. ношение черно-красно-золотых кокард подчеркивало сочувствие революционному движению. Франкфуртское национальное собрание узаконило эти цвета в качестве общенациональных эмблем.

48

Академический легион (Akademischen Legion), военная студенческая организация, принимавшая наиболее активное участие в Австрийской революции 1848–1849 гг. и сыгравшая в ней ключевую роль. Создан 13 марта 1848 г. в Вене. По различным источникам, объединял от 4 до 6 тысяч студентов и являлся основной движущей силой восстания. Кроме мартовских волнений, участвовал в боях в мае и октябре 1848 г.

49

Статья Р. Вагнера «Как относятся республиканские стремления к королевской власти?» (Wie verhalten sich die republikanischen Bestrebungen dem Königthume gegenüber?) была напечатана в Dresdner Anzeiger 14 июня 1848 г.

50

Мозевиус Иоганн Теодор (Mosewius; 1788–1858), немецкий оперный певец (бас), хормейстер и музикдиректор университета в Бреслау. Начинал музыкальную карьеру в качестве оперного певца в Кёнигсберге; затем переехал в Бреслау. По примеру Берлинской певческой академии Мозевиус в 1825 г. основал здесь Певческую академию. Всего через полгода после основания (первоначально Академия насчитывала всего 26 членов) была исполнена оратория Г. Ф. Генделя «Самсон». В 1830 г. Мозевиус осуществил исполнение «Страстей по Матфею» И. С. Баха и с тех пор стал одним из самых активных пропагандистов и популяризаторов баховского творчества. Вскоре Мозевиус организовал также Мужское хоровое общество (Breslauer Liedertafel) и стал хормейстером и музикдиректором университета Бреслау. Его стараниями исполнялись произведения не только Баха, но и Ф. Мендельсона-Бартольди, Л. Шпора, А. Б. Маркса и др. Кроме исполнительской деятельности, Мозевиус писал и теоретические работы, такие как J. S. Bach in seinen Kirchenkantaten und Choralgesängen (1845) и J. S. Bachs Matthäuspassion (1852).

51

Фишгоф Йозеф (Fischhof; 1804–1857), австрийский композитор, пианист и профессор Венской консерватории. Родился в еврейской семье в Моравии, в Буковице (Bučovice). Планировал стать врачом, но, начав изучать композицию, посвятил себя музыке. В 1833 г. стал профессором фортепьяно в Венской консерватории. Как композитор Фишгоф не получил широкого признания. Гораздо более он известен как коллекционер рукописей Л. ван Бетховена, составивший ценнейшее собрание.

52

Веске фон Пютлинген Иоганн (Vesque von Püttlingen; псевдоним Иоганн Ховен [Hoven]; 1803–1883), австрийский композитор, пианист и юрист. Не бросая юридической практики, проявил себя как талантливый музыкант. Дружил с Ф. Шубертом и Ф. Мендельсоном-Бартольди. Начиная с 1828 г. опубликовал ряд собственных произведений, в основном вокальных. Писал под псевдонимом Иоганн Ховен, подчеркивая свое преклонение перед Л. ван Бетховеном. Композиторское наследие Веске фон Пютлингена включает 6 опер: Turandot (1838); Johanna d'Arc (1840); Liebeszauber (или Käthchen von Heilbronn; 1845); Ein Abenteuer Karls II (1850); Der lustige Rat (1852) и Lips Tellian (1854). Кроме того, им написаны 20 квартетов, большая месса, сонаты и рондо для фортепьяно, а также 330 песен. В 1865 г. он опубликовал книгу Das musikalische Autorrecht.

53

Фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн (Бейльштейн) Клеменс Венцель Лотар (von Metternich-Winneburg zu Beilstein; 1773–1859), князь, австрийский государственный деятель. В 1801–1803 гг. был австрийским посланником в Саксонии. В 1803–1805 гг. – в Пруссии, затем, в 1806–1809 гг., – посол в Париже. В 1809 г. занял должность министра иностранных дел Австрии. В 1821 г. стал канцлером. Был одним из главных организаторов Священного союза. Являлся наиболее активным противником любого проявления либерализма. В 1848 г. правительство Меттерниха было свергнуто; он был вынужден бежать в Великобританию. В октябре 1849 г. переехал в Бельгию. В 1851 г. вернулся в Австрию, но активного участия в политической жизни уже не принимал.

54

Фонтон Феликс Петрович (1801–1871), русский дипломат. В 1820 г. определен в ведомство Государственной коллегии иностранных дел. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1842 г. назначен советником дипломатической миссии в Берлине. В 1846 г. назначен советником посольства в Вене. 8 июня 1855 г. определен чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворах короля Ганноверского и Великого герцога Ольденбургского. С 5 января 1857 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр при Германском союзе. В 1859 г. произведен в тайные советники. Ушел в отставку в связи с болезнью 20 сентября 1860 г. В 1862 г. в Лейпциге издал двухтомник «Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма», где, в частности, рассказывал о встречах с А. С. Пушкиным.

55

Уль Фридрих (Uhl; 1825–1906), австрийский писатель и журналист. Окончил среднюю школу в Тешене (*польск.* Cieszyn; *чеш.* Těšín; *нем.* Teschen; город в Силезии; с 1920 г. разделен на два города: большая часть с историческим центром стала польским городом Цешин, остальная часть составила город Чески-Тешин в Республике Чехия). Затем изучал филологию в Венском университете. С 1848 г. работал в качестве журналиста, а затем издателя. Являлся редактором следующих изданий: Die Presse; Der Botschafter; Neue Freie Presse и Wiener Zeitung. Автор новелл Allein in Paris; Mutterseelenallein; Herzensdämmerung и др., а также романов (Die Theaterprinzessin; Das Haus Fragstein; Die Botschafterin) и путевых очерков (Märchen aus dem Weichselthal; Aus dem Banat; An der Theiss) и др.

56

Имеется в виду Пахер Йозеф Адальберт (Pacher; 1816–1871, австрийский композитор и пианист.

57

Бехер Альфред Юлиус (Becher; 1803–1848), композитор и музыкальный критик. Один из главных руководителей восстания в Вене в октябре 1848 г. Изучал право в Гейдельберге, Гёттингене и Берлине, но юридическую карьеру делать не стал, вскоре посвятив себя музыке. Отличался демократическими убеждениями. В Берлине являлся членом Berliner Burschenschaft. В 1838 г. стал профессором теории музыки и эстетики в университете в Гааге. В 1840 г. переехал в Лондон, где получил место профессора Королевской академии музыки. В 1842 г. приехал в Вену, где быстро оказался в самом центре культурной и общественной жизни. Являлся музыкальным рецензентом Wiener Allgemeine Musik-Zeitung («Венской всеобщей музыкальной газеты»). В мартовские дни 1848 г. оказался вовлеченным в политические события. После подавления Октябрьского восстания был арестован и расстрелян.

Бехер был убит не в уличных схватках, а расстрелян вместе в другими руководителями восстания.

59

Энглэндер Зигмунд (Engländer; 1828–1902), австрийский писатель и журналист. После окончания Венского университета посвятил себя литературному труду. В 1847 г. редактировал в Вене ежемесячник Der Salon: Mittheilungen aus den Kreisen der Litteratur, Kunst und des Lebens. Издано было всего три тома, после чего по цензурным соображениям журнал был закрыт. Во время революции 1848 г. Энглэндер занимал крайние левые позиции. После поражения восстания был приговорен к смерти, но ему удалось бежать сначала во Франкфурт-на-Майне, а оттуда в Париж. Однако вскоре за свою революционную деятельность он был выслан за пределы Франции. Окончательно обосновался в Лондоне, где стал редактором Londoner Deutsche Zeitung («Лондонской немецкой газеты»). Кроме того, сотрудничал с несколькими немецкими и австрийскими изданиями в качестве корреспондента. Является автором труда Geschichte der Französischen Arbeiter-Associationen («История французских рабочих ассоциаций»).

60

Фон Бауэрнфельд Эдуард (von Bauernfeld; 1802–1890), австрийский драматург. В 1819–1821 гг. изучал философию в Шотландской гимназии (Schottengymnasium), а в 1825 г. – право в Венском университете. В 1830 г. зачислен в качестве стажера в Судебную палату. С 1843 г. занимал должность в комиссии по контролю за лотереями. Пробовал себя на политическом поприще, написав политическую брошюру Pie Desideria eines österreichischen Schriftstellers (1842). В 1845 г. совершил путешествие в Англию. В 1848 г., вернувшись в Вену, оставил государственную службу, вскоре став одним из самых известных драматургов Австрии. В 1882 г. был избран почетным гражданином Вены; в 1883 г. получил степень почетного доктора Венского университета. Является мастером жанровых сцен, наиболее успешно реализуя свой талант в комедиях и фарсах. Наибольшую известность получили следующие произведения Бауэрнфельда: Der Magnetiseur (1823); Leichtsinn aus Liebe (1831); Des Liebes-Protokoll (1831); Das letzte Abenteuer (1834); Burgerlich und Romantisch (1835); Zwei Familien (1840); Die Geschwister von Nürnberg (1840); Großjährig (1846); Aus der Gesellschaft (1866); Moderne Jugend (1869), and Der Landfrieden (1869); Aus Alt– und Neu-Wien (1872).

61

Карл-театр (Carltheater), венский музыкальный театр, находящийся в Леопольдштадте (Leopoldstadt; второй район Вены, названный в честь императора Леопольда I). Был открыт в 1847 г. Функционировал до 1929 г. Здание театра было снесено в 1951 г.

62

Нестрой Иоганн Непомук Эдуард Амбросиус (Nestroy; 1801–1862), австрийский драматург, актер, оперный певец (бас). Получил образование в Шотландской гимназии (Schottengymnasium); изучал философию и право. Одновременно брал уроки вокала и актерского мастерства. В 1822 г. дебютировал в качестве оперного певца на сцене Кэрнтнертор-театра. В 1823 г. поступил в труппу Немецкого театра (Deutsche Theater) в Амстердаме. К началу 1830-х гг. отошел от оперной сцены, отдав предпочтение карьере драматического актера и одновременно пробуя себя как драматург. К этому периоду относятся первые сочинения Нестроя: Friedrich der Prinz von Korsika (между 1822 и 1827); Der Zettelträger Papp (1827); Sieben/ Zwölf Mädchen in Uniform (1827); Die Verbannung aus dem Zauberreiche oder Dreißig Jahre aus dem Leben eines Lumpen (1828); Dreißig Jahre aus dem Leben eines Lumpen (1829); Der Einsilbige oder Ein dummer Diener seines Herrn (1829); Der Tod am Hochzeitstage oder Mann, Frau, Kind (1829); Der unzusammenhängende Zusammenhang (1830); Magische Eilwagenreise durch die Komödienwelt (1830); Zwei Schüsseln voll Faschingskrapfen (1831). В 1831 г. получил первый ангажемент в театр «Ан дер Вин». В 1833 г. написана одна из наиболее известных пьес Нестроя Der böse Geist Lumpazivagabundus oder Das liederliche Kleeblatt («Злой дух Лумпацивагабундус»). В 1854–1860 гг. Нестрой руководил Карл-театром в Леопольдштадте. Среди многочисленных пьес Нестроя также следует отметить: Der Kobold oder Staberl im Feendienst (1838); Der Talisman (1840); Einen Jux will er sich machen (1842; по этой пьесе в 1964 г. написан знаменитый мюзикл Дж. Хермана «Хелло, Долли!»); Martha oder Die Mischmonder Markt-Mägde-Mietung (1848); Freiheit in Krähwinkel (1848); Tannhäuser (1857); Zeitvertreib (1858); Lohengrin (1859); Frühere Verhältnisse (1862); Häuptling Abendwind oder Das greuliche Festmahl (1862) и др. Пьесы Нестроя неоднократно ставились в России.

63

Герцог Рейхштадтский Франц (Herzog von Reichstadt); он же Наполеон II (полное имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт; 1811–1832), король Римский, сын Наполеона I Бонапарта от второго брака с Марией Луизой Австрийской; номинальный наследник империи. Наполеон I дважды отрекался от престола в пользу сына, провозглашая его императором под именем Наполеона II, но оба отречения не вступали в законную силу. С 1814 г. жил с матерью во дворце Шёнбрунн; воспитывался при дворе своего деда Франца I Австрийского, пожаловавшего ему титул герцога Рейхштадтского. Скончался от туберкулеза, но его ранняя смерть породила слухи о том, что он был отравлен.

64

Князь цу Виндишгрэц Альфред Кандид Фердинанд (Fürst zu Windisch-Grätz; Windischgrätz; 1787–1862), австрийский фельдмаршал (1848). Начал военную карьеру в 1804 г. Участник кампаний 1813 г. (отличился в «Битве народов» под Лейпцигом) и 1814 г. В 1815 г. назначен военным комендантом австрийских войск в Париже; в 1840 г. – главнокомандующим войсками в Богемии; в 1844 г. – командующим войсками в Вене. Во время революции 1848 г. был наделен чрезвычайными полномочиями, но вскоре отослан в Прагу, где также начались волнения. 17 июня в результате бомбардировки Праги мятеж был подавлен. 31 октября была взята Вена; репрессивные меры Виндишгрэца отличались крайней жестокостью. Следующим этапом явилось подавление восстания в Венгрии; 12 апреля 1849 г. был отстранен от командования. В 1851 г. издал книгу Der Winterfeldzug 1848–1849 in Ungarn.

65

Граф фон Ностиц-Ринек Альберт (Graf von Nostitz-Rieneck; 1807–1871), чешско-австрийский военный и государственный деятель, верховный ландмаршал Королевства Богемии. Получил образование в Пражском университете; изучал философию и юриспруденцию. В 1828 г. поступил на государственную службу. С 1850 г. являлся президентом Пражской консерватории. В 1860 г. был членом Имперского совета в Вене, а также президентом Центрального объединения сахаросвекольной промышленности Австро-Венгрии и членом правления Ипотечного банка Богемии. В 1861 г. был избран в Богемский сейм. Одновременно являлся верховным ландмаршалом Королевства Богемии. Трижды избирался председателем правительства Богемии: с 31 марта 1861 г. по 31 июля 1863 г.; с 4 октября 1866 г. по 27 февраля 1867 г. и с 26 августа 1870 г. по 23 декабря 1870 г.

66

Карл Александр Август Иоанн (1818–1901), Великий герцог Саксен-Веймар-Айзенахский (с 8 июля 1853 г.); сын Великого герцога Карла-Фридриха и Великой герцогини Марии Павловны, дочери императора Павла I. Получил образование в Лейпцигском и Йенском университетах; изучал юриспруденцию, историю и естественные науки; в 1841 г. получил степень доктора права в Йенском университете. Прекрасно владел французским и русским языками; хорошо разбирался в русской культуре, знал русскую поэзию, неоднократно посещал Санкт-Петербург. В 1896 г. присутствовал на коронации императора Николая II. Вступив на престол, оставался верен конституционным принципам. Всю жизнь являлся покровителем наук и искусств и щедрым меценатом. В частности, он инициировал реставрацию замка Вартбург, начиная с 1838 г. Покровительствовал Ф. Листу и Р. Вагнеру, о чем свидетельствует ценная экспозиция Richard-Wagner-Museum в Айзенахе на вилле Фрица Ройтера (Hause Fritz Reuter). Карл Александр способствовал сохранению традиций т. н. Веймарского классицизма; при нем в Веймаре были поставлены памятники Гердеру, Виланду, знаменитый памятник Гёте и Шиллеру работы Э. Ф. А. Ритшеля (1857 г.). В 1860 г. Великий герцог основал Школу искусств (Großherzogliche Kunstschule Weimar). В 1872 г. – Веймарскую музыкальную школу (Weimarer Musikschule). В 1886 г. им был отреставрирован и открыт музей Гёте (Goethehaus) в Веймаре, а с 1887 г. архив Гёте (Goethe-Archiv). Наконец, в 1889 г. он основал в Айзенахе Библиотеку Карла Александра (Carl-Alexander-Bibliothek).

67

Прудон Пьер Жозеф (Proudhon; 1809–1865), французский философ, публицист и социолог. Считается первым теоретиком анархизма. Объявляя крупную собственность кражей, отстаивал т. н. «владение» – мелкую собственность, не связанную с эксплуатацией чужого труда. При этом являлся убежденным противником коммунизма, который называл «абсурдной идеологией». Считал возможным уничтожение классовой эксплуатации посредством безденежного обмена товаров, что превратило бы всех трудящихся в самостоятельных производителей, обменивающихся товарами и услугами на началах взаимопомощи (мютюэлизма). Таким образом, осуществление «социальной революции» совершилось бы мирным путем. Основные сочинения Прудона: Qu'est ce que la propriété? («Что такое собственность?»; 1840); Avertissement aux propriétaires («Предостережение собственникам»; 1842); Principes d'organisation politique, ou la création de l'ordre dans l'humanité («Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка»; 1843); Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère («Система экономических противоречий, или Философия нищеты»; 1846); Idée générale de la révolution au XIXe siècle («Общая идея революции XIX века»; 1851); De la justice dans la révolution et dans l'Eglise («О справедливости в революции и в церкви»; 1858); La Guerre et la Paix («Война и мир»; 1861); Du principe Fédératif («О федеративном принципе»; 1863); De la capacité politique des classes ouvrières («О политической способности рабочих классов»; 1865); Théorie de la propriété («Теория собственности»; 1866); Théorie du mouvement constitutionnel («Теория конституционного движения»; 1870); Du principe de l'art («Принцип искусства»; 1875).

68

Барон фон дер Пфордтен Людвиг Карл Генрих (Freiherr von der Pfordten; 1811–1880), саксонский и баварский государственный деятель. Получил образование в университетах Гейдельберга и Эрлангена; изучал юриспруденцию. В 1833 г. стал профессором римского права Вюрцбургского университета. В 1843 г. получил место профессора на юридическом факультете Лейпцигского университета. С 1845 г. занимал пост президента и являлся лидером саксонской либеральной партии. В марте 1848 г. был назначен саксонским министром внутренних дел и министром образования. В феврале 1849 г. вернулся в Баварию, где был назначен министром-президентом Баварии и министром иностранных дел. В 1859 г. ушел в отставку. В 1864 г. Людвиг II Баварский вернул фон дер Пфордтену министерский портфель. Окончательно ушел с политической арены в декабре 1866 г.

69

Оберлэндер Мартин Готхарт (Oberländer;?–1868), саксонский государственный деятель. Более подробной информации найти не удалось.

Ламберт; более правильно Ламбер (Lambert le Tort; также Lambert le Court, Lamberz li Tors), французский поэт XII в., трувер. Точные даты жизни неизвестны. Автор поэмы об Александре Македонском (около 1170 г.); оригинал не сохранился, но послужил основой для более позднего эпоса, принадлежащего перу Александра Парижского (или Александра де Берне; Alexandre de Paris; Alexandre de Bernay), который, скорее всего, и был известен Р. Вагнеру.

71

Битва при Леньяно – сражение между ополчением Ломбардской лиги и войсками императора Священной Римской империи германской нации Фридриха Барбароссы. Произошло 29 мая 1176 г. Предварительно, 16 апреля 1175 г., Фридрих встретился с послами Ломбардской лиги для мирных переговоров, но мир заключить не удалось. В результате кровопролитной с обеих сторон битвы при Леньяно войска Фридриха Барбароссы потерпели поражение. Мир был достигнут лишь 24 июля 1178 г.: Фридрих покорился папе Александру III, признав его главой Вселенской Церкви.

Интересно отметить, что это сражение все-таки нашло отражение в музыкальном искусстве: в 1849 г. Джузеппе Верди написал оперу «Битва при Леньяно» (La battaglia di Legnano).

72

Летом 1848 г. Р. Вагнер написал брошюру Die Wibelungen. Weltgeschichte aus der Sage («Вибелунги. Всемирная история на основании сказания»; перевод на русский язык С. Шенрока с пояснительной статьей Э. Метнера и М. Ценкера; 1913 г.). В этой работе Вагнер впервые обращается, можно сказать, к центральному лейтмотиву своего творчества: к переплетению мифа и истории. Оперируя общим понятием «франки» (представленные реальными историческими династиями Меровингов и Каролингов), Вагнер причисляет к ним и династию Гогенштауфенов. Именно франки названы Вагнером вибелунгами (которые могут произноситься как «вибелинги» или «гибеллины»). Вскрывая глубинную символическую суть сакральной царской власти, Вагнер проводит аналогии между мифологической канвой древних сказаний и историческим противостоянием императорской и папской власти (читай мирской и духовной), известным как вражда гвельфов и гибеллинов.

73

Орден Гражданских Заслуг (Zivilverdienstorden), саксонский орден, учрежденный 7 июня 1815 г. королем Фридрихом Августом I. В 1849 г. переименован в Орден Заслуг (Verdienstorden). С 29 октября 1866 г. мог вручаться также и за военные заслуги – со скрещёнными мечами.

«Иельва, русская сирота» (Yelva, die russische Waise), мелодрама Райсигера, написанная на весьма популярный в XIX в. сюжет. В частности, известна мелодрама Э. Скриба (Yelva ou l'Orpheline russe), шедшая в России под названием «Ольга, или Русская сирота».

75

Фрёбель Карл Фердинанд Юлиус (Fröbel; 1805–1893), немецкий политический деятель, писатель и журналист. После учебы в Мюнхене, Веймаре и Берлине уехал в Швейцарию. В 1833 г. получил место профессора минералогии в Цюрихском университете. В 1843 г. опубликовал минералогический труд Grundzüge eines Systems der Kristallologie. Придерживался крайне левых политических убеждений, которые нашли отражение в литературных трудах Фрёбеля, таких как System der socialen Politik (1847), а также драма Die Republikaner (1848). В 1844 г. открыл в Цюрихе собственное издательство. В 1846 г. вернулся в Германию. В 1848 г. стал лидером демократов; был избран во Франкфуртское национальное собрание. Вместе с Р. Блюмом принимал участие в венских революционных событиях в октябре 1848 г. Был арестован и приговорен к смертной казни, но в итоге помилован. После роспуска парламента уехал в Соединенные Штаты. Вернулся в Германию в 1857 г.; написал труд Aus Amerika. Erfahrungen, Reisen und Studien (1857–1858). С 1862 по 1873 г. являлся редактором ряда газет в Вене и в Мюнхене (в частности, Süddeutsche Presse). В 1866 г. в Штутгарте вышел сборник политических статей Фрёбеля Kleine politische Schriften. Был германским консулом в Смирне (1873–1876 гг.) и в Алжире (1876–1889 гг.) Отошел от активной политической жизни в 1890 г. Среди основных сочинений следует назвать также: Die Wirthschaft des Menschengeschlechts auf dem Standpunkt der Einheit idealer und realer Interessen (1870–1876); Die Gesichtspunkte und Aufgaben der Politik (1878); Die realistische Weltansicht und die utilitarische Civilisation (1881) и Ein Lebenslauf. Aufzeichnungen, Erinnerungen und Bekenntnisse (1890–1891).

Не путать с Фридрихом Вильгельмом Августом Фрёбелем (1782–1852), немецким педагогом, теоретиком дошкольного воспитания, создателем понятия «детский сад».

Блюм (Блум) Роберт (Blum; 1807–1848), немецкий политик и писатель. Начинал карьеру с должности театрального секретаря и кассира в Лейпциге. Вскоре завоевал авторитет как политический оратор. Отличался радикальными левыми убеждениями. В 1840 г. основал Шиллеровский союз; издавал политическую карманную книгу Vorwärts (вышло 5 томов с 1843 по 1847 г.). Являлся сотрудником Sachsische Vaterlandsblätter («Саксонские отечественные листки»). В 1847 г. издал составленный им Weihnachtsbaum (сборник биографий видных либералов Германии), а также Staatslexicon für das deutsche Volk («Государственный лексикон немецкого народа»). К началу 1848 г. фактически являлся главой саксонских демократов. Был избран вице-президентом т. н. Предпарламента (Vorparlament), предшествовавшего открытию Франкфуртского национального собрания. В октябре 1848 г. вместе с К. Ф. Ю. Фрёбелем отправился в Вену, чтобы поддержать восставших; принял участие в вооруженных столкновениях. После взятия Вены войсками князя цу Виндишгрэца был арестован, предан военному суду и 9 ноября расстрелян. Казнь Блума вызвала общее возмущение по всей Германии.

77

София Фридерика Доротея Вильгельмина (1805–1872), принцесса Баварская; сестра-близнец Марии Анны Баварской (1805–1877), королевы Саксонии, жены Фридриха Августа II. Эрцгерцогиня Австрийская, мать императора Франца Иосифа I.

Скорее всего, имеется в виду Карл Хаффнер (Haffner; 1804–1876), немецкий драматург и писатель. В 16-летнем возрасте примкнул к труппе странствующих комедиантов, с которыми выступал в Пруссии, Саксонии, Силезии, Австрии и Венгрии. После 10 лет скитаний обосновался в Пеште, где начал карьеру драматурга. Здесь он написал свои трагедии Die Raubschützen; Die Locke des Enthaupteten; Block's Todtengruft; Schwarzenberg und Palffy; Batory's Tod, которые имели заслуженный успех у зрителей. Вскоре получил приглашение в Карл-театр в Вене, а затем стал штатным драматургом театра «Ан дер Вин». Согласно контракту, Хаффнер должен был писать по 11 произведений в год. Позднее перешел в Театр в Йозефштадте. Кроме того, стал сотрудником сатирического еженедельника Böse Zungen. Первый крупный успех в Вене пришел к Хаффнеру в 1841 г., после опубликования романтическо-комической народной сказки Marmorherz («Мраморное сердце»). Кроме драм, Хаффнер является автором более 30 романов, среди которых Scholz und Nestroy (1864).

Гейне Петер Бернхард Вильгельм (он же Уильям Гейне) (Heine; 1827–1885), немецкий художник и писатель; сын Фердинанда Гейне. Учился в Академии художеств в Дрездене у Ю. Гюбнера. Продолжил образование в Париже. Вернувшись в Дрезден, служил театральным художником, а также преподавал рисование. Из-за своего участия в революционных событиях 1848–1849 гг. был вынужден бежать в Нью-Йорк, где открыл студию на Бродвее. В 1851–1856 гг. сопровождал в качестве рисовальщика североамериканскую экспедицию в Латинскую Америку (результатом поездки стала книга, описывающая большинство местных растений, Wanderbilder aus Centralamerika; 1853), а затем в Японию; в 1859 г. участвовал в прусской экспедиции в Ост-Индию. Написал следующие труды: Reiseum die Erde (1856); Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk (1859); Japan und seine Bewohner (1860); Eine Sommerreise nach Tripolis (1860). В 1861 г. участвовал в Гражданской войне в США на стороне северных штатов; в 1865 г. дослужился до бригадного генерала. В 1864 г. опубликовал свой главный труд Eine Weltreise um die nördliche Hemisphäre. После окончания Гражданской войны являлся консулом США в Париже, а затем в Ливерпуле. В 1871 г. вернулся в Дрезден и написал свою последнюю книгу Japan, Beiträge zur Kenntnis des Landes und Seiner Bewohner (1873–1880).

80

Дитерле Жюль Пьер Мишель (Dieterle; 1811–1889), французский архитектор, художник, скульптор, дизайнер, художник по фарфору и сценограф. Этот разносторонний художник работал в Севрской фарфоровой мануфактуре. В 1848 г. стал президентом Высшего совета по улучшению производства на мануфактурах Гобеленов в Бове и Севре. В 1876 г. получил должность управляющего Государственной мануфактурой г. Бове, а также являлся президентом Центрального совета декоративно-прикладных искусств.

81

Название вагнеровской музыкальной драмы «Götterdämmerung», известной нам сегодня как «Гибель богов», в России довольно долго переводили как «Закат богов», или «Сумерки богов». Последний вариант является гораздо более правильным и в философском, и непосредственно в переводческом смысле: нем. Dämmerung буквально переводится как «сумерки, вечерние сумерки, рассвет, предрассветный полумрак», т. е. это и закат, и рассвет одновременно. Ведь если бы Вагнер хотел подчеркнуть трагическую составляющую сюжета всей своей тетралогии, он бы напрямую использовал в названии «Untergang» – гибель, или «Tod» – смерть. Но он использовал «Dämmerung», а значит, переводить название музыкальной драмы как «Гибель богов» никак нельзя. Это значит не понимать глубинный скрытый смысл, заложенный в ней композитором: смерть одновременно является возрождением. Обращаем внимание на то, что в настоящем издании мы будем далее неукоснительно придерживаться в наименовании вагнеровской драмы варианта «Сумерки богов».

82

Улиг Теодор (Uhlig; 1822–1853), немецкий скрипач, композитор и музыкальный критик; незаконный сын Фридриха Августа II Саксонского. Получил музыкальное образование в Дессау. С 1841 г. являлся скрипачом Королевской придворной капеллы в Дрездене. В качестве музыкального критика писал статьи преимущественно для Neue Zeitschrift für Musik. Познакомившись с Р. Вагнером, стал одним из его ближайших друзей и надежным помощником (в частности, переложил клавираусцуг «Лоэнгрина»). После Дрезденского восстания 1849 г. бежал в Париж. Впоследствии несколько раз посещал Вагнера в Цюрихе. Скончался от туберкулеза. Композиторское наследие Улига насчитывает 84 произведения, среди которых симфонии, зингшпили, камерные сочинения и песни. Кроме того, в конце жизни Улиг опубликовал свои музыковедческие работы: Die Wahl der Taktarten; Die gesunde Vernunft und das Verbot der Fortschreitung in Quinten; Druckfehler in den Symphonie-Partituren Beethovens. В период с 1849 по 1853 г. Улиг вел с Вагнером интенсивную переписку; сохранились около 100 писем Вагнера к Улигу, опубликованных в сборнике Richard Wagner's Briefe an Theodor Uhlig, Wilhelm Fischer, Ferdinand Heine (Leipzig, 1888).

83

В оригинале «an den Laden gelegt», что дословно можно перевести как «положенный в гроб» *(нем.)*.

84

В оригинале «Hopfen und Malz verloren»; дословный перевод «потерянный солод и хмель» *(нем.)*. Устойчивое идиоматическое выражение.

85

Ригоризм (от *лат.* rigor – «твёрдость, строгость»), неукоснительное проведение какого-либо принципа в поведении или мировоззрении, исключающее любые компромиссы.

86

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, идеолог анархизма, панславизма и народничества. Приветствовал Польское восстание 1830–1831 гг. В 1840 г. покинул Россию, где был близок с В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; жил в Германии, Швейцарии и Франции и примкнул к левым гегельянцам. 17 ноября 1847 г. в Париже на собрании в память Польского восстания произнес пламенную речь, в которой предсказывал неизбежность революции и от имени передовой России призывал поляков к союзу с целью свергнуть русского царя и освободить всех славян. В 1848 и 1849 гг. вышло два воззвания Бакунина к славянам, в которых он настаивал на сближении с немецким и венгерским народами и создании славянской федерации. После поражения Дрезденского восстания был арестован, обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни. Впоследствии смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Вскоре саксонское правительство выдало его Австрии, где он был в 1851 г. вторично осужден на смертную казнь за участие в Пражском восстании, но приговор и на этот раз заменили на пожизненное заключение. В этом же году австрийское правительство выдало Бакунина России, где он отбывал заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1851–1854 гг.) и в Шлиссельбургской крепости (1854–1857 гг.). В заключении написал одно из своих самых известных произведений – «Исповедь». В 1857 г. после прошения Александру II, отправлен на поселение в Сибирь, откуда бежал в 1861 г. в Лондон. В 1862–1863 гг. принимал участие в втором польском восстании. В 1864–1868 гг. жил в Италии, где организовал целый ряд социалистических организаций. В 1865–1866 годах написал свой программный документ – «Революционный катехизис». В 1868 г. вступил в основанный К. Марксом I Интернационал. Однако, находясь на позициях анархизма, выступал против основных положений государственности марксистской теории. В 1872 г. Бакунин был исключен из состава Интернационала. В 1872–1876 гг. жил в Лугано и Локарно. Самое значительное из сочинений Бакунина, «Государственность и анархия. Борьба двух партий в интернациональном обществе рабочих», было издано в 1874 г.

Очень часто влияние Бакунина на Вагнера излишне преувеличивают. Сам Бакунин отзывался о Вагнере довольно характерно: «Что касается Вагнера, я сразу признал в нем

фантазера, и хотя с ним беседовал много о политике, но никогда с ним не связывался для совместных действий» (Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 1–3. Ред. и примеч. Вяч. Полонского. М.—П.(Л.), 1923–1933. Т. 2. С. 50).

87

Гервег (Хервег) Георг Фридрих Рудольф Теодор (Herwegh; 1817–1875), немецкий поэт и публицист. Посещал латинскую школу в Балингене. В 1831–1835 гг. учился в протестантской семинарии (Evangelische Seminar). В 1835 г. изучал право в Тюбингенском университете, откуда был исключен в 1836 г. В 1839 г. был вынужден бежать в Швейцарию, т. к. ему угрожала принудительная вербовка в армию. Здесь начал серьезную литературную карьеру. В 1841 г. вышел в свет первый том знаменитых «Стихов живого человека» (Gedichte eines Lebendigen). Стихи Гервега очень высоко были оценены, в частности Г. Гейне. Осенью 1842 г. совершил поездку по Германии и познакомился с К. Марксом. Вскоре близился с М. А. Бакуниным и А. И. Герценом. В это время Гервег сотрудничал с самым радикальным печатным органом Германии – «Рейнской газетой» (Rheinische Zeitung; также Neue Rheinische Zeitung). Вскоре он заслужил в Германии славу национального героя. В 1843 г. переехал с К. Марксом, и А. Руге в Париж, где сотрудничал с издаваемом ими Deutch-Französische Jahrbücher («Немецко-французском ежегоднике»). Тогда же вышел в свет второй том «Стихов живого человека». После Февральской революции в Париже в 1848 г. Гервег был избран президентом Республиканского комитета и председателем Германского демократического легиона (Deutschen Demokratischen Legion). Вопреки всем возражениям К. Маркса в марте 1848 г. Гервег во главе вооруженного отряда радикально настроенных повстанцев поспешил на помощь революционерам в Бадене. 27 апреля Германский Демократический Легион потерпел поражение, а Гервегу пришлось вновь бежать в Швейцарию. В 1850-х гг. дом Гервега в Цюрихе был местом встречи для таких людей, как Р. Вагнер, Г. Земпер и Ф. Лист. В 1863 г. поэт написал гимн (Das Bundeslied) для Всеобщего германского рабочего союза (Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins), ставший одним из лучших образцов политической поэзии.

88

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф (с 1799 г.), русский государственный деятель. 29 мая 1812 г. был назначен военным губернатором Москвы с управлением по гражданской части Московской губернии, 17 июля назначен главнокомандующим в Москве. Предполагаемый виновник московского пожара 1812 г.; якобы принял решение об уничтожении города, чтобы тот не достался Наполеону. Однако в собственном сочинении «Правда о Московском пожаре» (1823 г.) Ростопчин категорически отрицает свою причастность к пожарам.

89

Граф фон Бейст (Бойст) Фридрих Фердинанд (Graf von Beust; 1809–1886), немецкий и австрийский государственный деятель. Получил образование в Гёттингенском и Берлинском университетах. В 1836 г. вступил в должность секретаря посольства в Берлине; в 1838 г. – в Париже. В 1841 г. назначен поверенным в делах Саксонии в Баварии. С 1848 г. был посланником в Берлине. В 1849–1853 гг. являлся министром иностранных дел; одновременно с 1849 г. – министром исповеданий и народного просвещения. В 1853–1856 гг. занимал должность министра внутренних дел. В 1858–1866 гг. был председателем Совета министров Саксонии. После поражения Австрии в австро-прусской войне в 1866 г., во время которой Саксония выступала в качестве союзницы Австрии, Бейст переехал в Вену. 30 октября 1866 г. занял должность министра иностранных дел Австрии. 23 июня 1867 г. стал рейхсканцлером Австрии. В 1868 г. возведен в графское достоинство. 7 февраля 1867 г. получил пост министра-президента Австрии. 8 ноября 1871 г. уволен, а затем назначен посланником в Лондоне. В 1878 г. стал австро-венгерским посланником в Париже. Вышел в отставку 19 мая 1882 г., является автором следующих трудов: Erinnerugen zu Erinnerungen (1881) и двухтомника Aus drei Viertel-Jahrhunderten (1887).

90

Кауфман Теодор (Kaufmann; 1814–1896), немецкий художник; работал в основном в Соединенных Штатах. Учился живописи в Дюссельдорфской академии художеств у П. фон Корнелиуса. Затем совершенствовался в Мюнхене, Гамбурге и Дрездене. Принял участие в Дрезденском восстании 1849 г. Был вынужден эмигрировать из Германии. В 1850 г. поселился в Нью-Йорке, где стал преподавать и писать портреты. Во время Гражданской войны в США воевал в армии Союза и был военным художником-корреспондентом. После войны проживал в Бостоне и Вашингтоне. Тогда завоевали популярность цветные литографии Кауфмана. Но в целом основу его творчества составляют портреты и военно-исторические картины.

91

Сражение при Вальми, известное как «Канонада при Вальми» (*нем.* Kanonade von Valmy), артиллерийское сражение у деревни Вальми в Северной Франции между войсками прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского Карла Вильгельма Фердинанда и силами французской Северной Армии (командующий Франсуа Дюмурье) и французской Центральной Армии (командующий Франсуа Кристоф Келлерман). Произошло 20 сентября 1792 г. в ходе Войны первой коалиции. В ходе сражения французы остановили продвижение пруссаков к Парижу. «Канонада при Вальми» считается одним из наиболее значимых сражений французских революционных войн и поворотным моментом кампании. По словам И. В. Гёте, бывшего очевидцем сражения, оно «положило начало новой эпохе в мировой истории, став первой победой революционного режима над монархическими государствами Европы».

92

Маршалль фон Биберштайн Герман Фридрих (Marschall von Bieberstein; 1812–1886), немецкий либерал, адвокат. После 1850 г. профессор Цюрихского университета.

93

Хайнце Александр Карус (Heinze; 1806–1856), немецкий писатель и политический деятель; участник Дрезденского восстания 1849 г.; член парламента.

Два основных района Дрездена – это Альтштадт (Altstadt; Старый город) с историческим центром, расположенный на левом берегу Эльбы, и Нойштадт (Neustadt; Новый город), находящийся на правом берегу. Таким образом, Альтштадт и Нойштадт разделены рекой и соединены мостами.

95

Башня церкви Святого Креста (Kreuzkirche), одной из самых больших церквей Саксонии и одного из старейших зданий Дрездена. Башня достигает в высоту 93 м и ныне является одной из основных смотровых площадок города. Расположена в юго-восточной части Альтмаркта (Altmarkt; Старый рынок).

Фон Цихлинский Леопольд (von Zychlinski; 1822–1897), немецкий художник и юрист. Изучал право в Лейпцигском университете. Принимал активное участие в Дрезденском восстании 1849 г. в качестве адъютанта А. К. Хайнце; единомышленник М. А. Бакунина. Он и его брат, Рихард фон Цихлинский, являлись близкими друзьями Р. Вагнера. После подавления восстания бежал в Цюрих, где продолжал тесно общаться с Вагнером. Впоследствии вместе с братом переехал в Париж (Рихард фон Цихлинский был последним личным секретарем Г. Гейне с 1852 г.). В эмиграции зарабатывал на жизнь в качестве художника-портретиста. В 1870 г. переехал в Манчестер, где также занимался живописью и преподавал иностранные языки.

97

Хойбнер (Гейбнер) Отто Леонард (Heubner; 1812–1893), немецкий юрист, политик и поэт. Изучал право в Лейпцигском университете. С 1834 г. открыл собственную адвокатскую практику в Плауэне. В 1843 г. был назначен членом окружного управления Фрайберга. В 1848–1849 гг. являлся членом Франкфуртского национального собрания, где примкнул к левой фракции Р. Блюма. С 4 по 9 мая принимал активное участие в революционных событиях в Дрездене; был одним из трех руководителей временного правительства наряду с К. Г. Тодтом и С. Э. Чирнером (см. ниже). 10 мая был арестован в Кемнице вместе с М. А. Бакуниным и заключен в крепость Кёнигштайн. 28 января 1850 г. приговорен к смертной казни, но 12 мая 1850 г. приговор заменен на пожизненное заключение в Вальдхаймерской тюрьме (Waldheimer Zuchthause), где, кстати, отбывал заключение и А. Рёкель. 28 мая 1859 г. в связи со свадьбой получил помилование. Осенью 1859 г. стал членом юридического консультативного совета Саксонской Ипотечной страховой компании в Дрездене. В 1862 г. стал директором и, наконец, в 1865 г. полностью принял руководство компанией на себя. С 1869 по 1871 г. являлся членом II саксонского парламента и членом Городского совета Дрездена. Позднее был начальником отдела муниципального образования. Отошел от политических дел в 1887 г.

Тодт Карл Готтельф (Todt; 1803–1852), саксонский политический деятель. Изучал право в Лейпцигском университете, куда поступил в 1824 г. В 1831 г. был назначен городским судьей, а в 1832 г. избран мэром города Адорфа (Adorf). Здесь в 1833 г. он основал воскресную школу и в 1835 г. – либеральную газету Adorfer Wochenblatt («Адорфский еженедельник»). В 1836–1847 гг. являлся депутатом саксонского парламента; в марте 1848 г. был избран в Предпарламент (Vorparlament) Франкфурта. По своим политическим убеждениям являлся сторонником Р. Блюма. Во время Дрезденского восстания 1849 г. был одним из его вождей; вместе с С. Э. Чирнером (см. ниже) и О. Л. Хойбнером был избран руководителем временного правительства. После подавления восстания бежал в Цюрих.

99

Чирнер (Тширнер) Самуэль Эрдман (Tzschirner; 1812–1870), немецкий юрист и политик. Изучал право в университете Бауцена (Bautzen). В 1840 г. основал адвокатскую практику в Дрездене. В 1848 г. был избран депутатом в саксонский парламент; примыкал к левой фракции оппозиции. В Дрезденском восстании принял самое активное участие; был одним из трех руководителей временного правительства наряду с К. Г. Тодтом и О. Л. Хойбнером. После подавления восстания бежал сначала в Карлсруэ, затем в Баден (принимал участие в т. н. Баденской революции), а оттуда в Цюрих. В 1854 г. эмигрировал в США. В 1861 г. стал сотрудником таможни в Нью-Йорке. В 1865 г. был амнистирован и вернулся в Германию.

100

Фрауенкирхе (Frauenkirche), Церковь Богородицы; евангелическо-лютеранская церковь в Дрездене, один из главных соборов города. Сооружена в стиле барокко по указанию Августа Сильного в 1726–1743 гг. Была полностью разрушена в ходе бомбардировок Дрездена союзными войсками 13 февраля 1945 г. Заново открыта в своем первоначальном виде в 2005 г.

101

Рудные горы (Эрцгебирге; Erzgebirge), регион и горы, образующие границу между Саксонией и Богемией.

102

Имеется в виду один из представителей династии саксонских предпринимателей-угледобытчиков баронов Дате фон Бургк (Freiherr Dathe von Burgk). Пушки, упоминаемые Вагнером, мог прислать либо Карл Фридрих Август Дате фон Бургк (титул барона Дате фон Бургка получил в 1829 г.; до этого времени носил фамилию Кребс [Krebß]; 1791–1872), либо его единственный сын Карл Кристиан Артур Дате фон Бургк (1823–1897), кроме угледобычи, активно занимающийся также и политикой.

103

Начальные строки «Оды к радости» (Радость, пламя неземное).

Представители т. н. Гимнастического движения (Turnbewegung). Изначально движение носило не только спортивную, но и яркую политическую окраску. «Отцом современной гимнастики» (Turnvater) принято считать Фридриха Людвига Яна (Jahn; 1778–1852), немецкого педагога и патриота. Тяжело переживая политическое унижение Германии, он поставил главной задачей своей жизни развитие физических и моральных сил народа, готовя его таким образом к национально-освободительной борьбе. Впервые основал несколько спортивно-гимнастических обществ, где стали широко использоваться такие гимнастические снаряды, как брусья, бревно, конь и гимнастические кольца. Спортивное движение гимнастов быстро распространилось по различным городам Германии. Другим знаменитым «отцом-основателем» движения был Амвросий Вайганд (Weigand; 1799–1886), который прибыл в 1836 г. из Чехии в Кемниц, где открыл школу гимнастики и танца. Занятия проводились в зимнее время в помещениях пабов и летом в садах на открытом воздухе. Гимнасты культивировали не только физические упражнения. Они являлись передовой силой организаций демократов и патриотов, которые призывали к созданию сильного национального государства. В революционных событиях 1848–1849 гг. члены Гимнастического движения принимали участие в авангарде «черно-красно-золотых».

105

Так называемые «смоляные венки» (*нем.* Pechkränze), простейшее военное осадное зажигательное приспособление. Состоит из деревянной сердцевины, обмотанной в несколько слоев просмоленной веревкой. Диаметр варьировался от 40 см до 50 см; средний вес доходил до 2,5 кг. Забрасывая ими осажденную крепость или город, осаждаемые вызывали многочисленные пожары, заставляя защитников сдаться. Кроме использования против осажденных, «смоляные венки» могли быть пущены в дело и самими осажденными: бросая их в ряды врагов можно было вызвать панику и смятение. Горючесть «смоляных венков» и едкий дым, выделяемый ими во время горения, делали их опасным оружием.

106

В оригинале «scheenen Beeme» вместо «schönen Baum» – каламбур, имитирующий рыдания.

107

Фейербах Людвиг Андреас фон (von Feuerbach; 1804–1872), немецкий философ. Изучал теологию в Гейдельбергском университете. В 1824 г. отправился в Берлин, где в течение двух лет слушал лекции Гегеля. В 1826 г. вернулся в Баварию и стал брать частные уроки филологии, литературы и истории, а также ботаники, анатомии и физиологии. Написал диссертацию на тему: Über die Unendlichkeit, Einheit und Allgemeinheit der Vernunft («О бесконечности, единстве и универсальности разума»). В июне 1828 г. получил степень доктора философии. Несколько недель спустя начал читать лекции по философии в Эрлангене. В начале 1836 г. переехал в Брукберг под Ансбахом. В 1841 г. написал одно из своих главных сочинений, Das Wesen des Christenthums («Сущность христианства»), которое было издано в издательстве «Отто Виганда». С 1859 г. жил в Рехенберге (Rechenberg) под Нюрнбергом. Из других трудов Фейербаха следует отметить следующие: De ratione una, universali, infi nita (1828); Gesch. d. N. philos. von Bacon bis B. Spinosa (1833); Darstellung, Entwickelung und Kritik d. Leibnitzschen Philosophie (1837); P. Bayle (1838); Über Philosophie und Christenthum in Beziehung auf den der hegelschen Philosophie gemachten Vorwurf der Uncbristlichkeit (1839); Vorläufi ge Thesen zur Reform der Philosophie (1842); Grundsätze der Philosophie der Zukunft («Основы философии будущего»; 1843); Das Wesen der Religion (1845).

Отстаивал антропологическую точку зрения во взглядах на религию.

Вагнер был увлечен одним из ранних произведений Фейербаха – «Мысли о смерти и бессмертии» (Gedanken über Tod und Unsterblichkeit; 1830).

108

Фогтланд (Vogtlande), горный регион, расположенный между тремя федеральными землями Германии: Баварией, Саксонией и Тюрингией.

109

Генаст Эдуард Франц (Genast; псевдоним Франц Нойман [Franz Naumann]; 1797–1866), немецкий актер, оперный певец (бас-баритон) и композитор. Начинал актерскую и певческую карьеру под руководством И. В. Гёте; начал выступать в детских ролях с 1813 г. Настоящий дебют состоялся 23 апреля 1814 г. в партии Осмина в «Похищении из сераля» В. А. Моцарта на сцене Веймарского театра. Одновременно был задействован и в драматических спектаклях. Играл на сценах театров в Штутгарте (1816–1817), Дрездена (1817), Лейпцига (1818). В 1828–1829 гг. занимал должность директора театра в Магдебурге, после чего вернулся в Веймар, где служил до конца карьеры. Вышел в отставку в 1860 г. Являлся последним представителем т. н. веймарской школы. Композиторское наследие Генаста включает оперы Die Sonnenmänner («Солнечные люди»; 1828) и Die Verräter in den Alpen («Предатель в Альпах»; 1833). Кроме того, он оставил ценные четырехтомные мемуары Aus dem Tagebuch eines alten Schauspielers («Из дневника старого актера»; 1862–1866).

110

Фон Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн) Каролина (Sayn-Wittgenstein; урожденная Ивановская; 1819–1887), княгиня, подруга и фактически жена Ф. Листа. В 1836 г. Каролина, против собственной воли, была отдана замуж за Николая Петровича Витгенштейна, сына героя войны 1812 года, фельдмаршала и светлейшего князя Петра Христиановича Витгенштейна. В 1837 г. Каролина родила дочь Марию (см. ниже). В 1847 г. в Киеве она встретила и полюбила Ф. Листа. Вскоре она приняла решение навсегда ухать с ним в Европу. На протяжении многих лет Каролина пыталась получить развод, чтобы обвенчаться с Листом. В 1861 г. папа римский наконец позволил им обвенчаться. Было решено провести обряд венчания в Риме 22 октября, в день 50-летия композитора. Но накануне вечером посланник папы Римского принес известие о том, что свадьбу нужно снова временно отложить, чтобы в очередной раз пересмотреть дело о разводе. Для влюбленных это стало страшным ударом. Даже когда в 1864 г. князь Витгенштейн умер и все препятствия к браку были устранены, Каролина приняла тяжелое решение навсегда отказаться от брака с Листом, воспринимая все препятствия как волю Божью.

111

Штёр Карл (Stör; 1814–1889), немецкий композитор, дирижер, скрипач; музикдиректор Веймарского театра. С 1859 г. регулярно проводил абонементные концерты, организованные и возглавляемые им.

112

Гёце Франц Карл (Götze; 1814–1888), немецкий оперный певец (тенор). С февраля 1844 г. выступал с концертами совместно с Ф. Листом (исполнял преимущественно его песни). Кроме того, работал в Веймаре у Листа переписчиком нот. В 1852–1857 гг. являлся преподавателем вокала.

113

Фон Болье-Марконнэ Карл Генрих Фридрих Оливер (von Beaulieu-Marconnay; 1811–1889), барон, немецкий дипломат, писатель и историк; действительный тайный советник. Получил образование в университетах Гёттингена и Гейдельберга. Был камергером Великого герцога Саксен-Веймар-Айзенахского. В 1851–1857 гг. являлся интендантом придворных театров. С 1853 г. обер-гофмейстер Великой герцогини Саксен-Веймар-Айзенахской Марии Павловны. В 1864–1866 гг. был депутатом Бундестага.

114

Мария Павловна Романова (1786–1859), дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, великая герцогиня Саксен-Веймар-Айзенахская. Ее воспитанием и образованием руководила бабушка Екатерина II, от которой она получила прозвище «гвардеец в юбке». В 1804 г. в Петербурге состоялось бракосочетание Марии Павловны с Карлом-Фридрихом Саксен-Веймар-Айзенахским (Sachsen-Weimar-Eisenach; 1783–1853). В конце этого же года Мария Павловна покинула Россию. Прославилась покровительством наук и искусств. И. В. Гёте, принадлежавший к числу друзей Марии Павловны, называл её «одной из лучших и наиболее выдающихся женщин нашего времени». При ней Веймар стал поистине «культурной столицей» Германии.

115

Кюмштедт Фридрих Карл (Kühmstedt; 1809–1858), немецкий композитор и органист. С 1837 г. руководил оркестром в Айзенахе. В 1847 г. получил должность музикдиректора. Композиторское наследие Кюмштедта включает оперу «Королева змей» (Schlangenkönigin); оратории «Преображение Господне» (Des Heilandes Verklärung; 1843); «Победа Божественного» (Der Sieg des Göttlichen; 1843); три симфонии, фуги для органа и песни в сопровождении фортепьяно. Кроме того, им написан «Учебник по теории и практике гармонии и модуляции» (Theoretisch-praktische Harmonie– und Ausweichungslehre; 1838).

116

Фон Вацдорф Кристиан Бернгард (von Watzdorf; 1804–1870), немецкий юрист и государственный деятель. В 1824–1828 гг. изучал юриспруденцию в Лейпцигском университете; получил степень доктора права. Начал юридическую карьеру в Лейпциге. В 1835 г. получил назначение в апелляционный суд в Цвиккау. В августе 1840 г. перешел в Верховный апелляционный суд Дрездена. В 1843 г. подал в отставку, поступив на государственную службу к Великому герцогу Карлу-Фридриху Саксен-Веймар-Айзенахскому и получив портфель министра иностранных дел и юстиции. На этой должности оставался вплоть до своей смерти. В 1850 г. также являлся депутатом Союзного парламента в Эрфурте и его вице-президентом. Почетный гражданин Веймара.

117

Магдала (Magdala), город в Германии, в земле Тюрингия, в южной части района Веймар.

118

Вольф Оскар Людвиг Бернхард (Wolff; 1799–1851), немецкий писатель и педагог. Происходил из еврейской семьи. Получил образование в университетах Берлина и Киля; в Йенском университете получил степень доктора философии. Затем пере ехал в Гамбург, где занимался педагогической деятельностью, а также выступал в печати в качестве музыкального критика. В 1825 г. приехал в Веймар, где познакомился с И. В. Гёте. В 1827 г. стал профессором литературы в Йенском университете. В 1848–1849 гг. сочувствовал революционному движению; состоял в контакте с Г. Гейне, Ф. Листом и Р. Вагнером. Литературное наследие Вольфа включает повести, рассказы, поэтические произведения, переводы с английского, французского, итальянского, испанского, латинского и греческого языков, а также сатирические сочинения, которые он подписывал псевдонимом Plinius der Jüngste (Плиний Самый Младший). Наибольшую известность получили: Schriften (14 томов; 1841–1843); Encyclopädie der deutschen Nationalliteratur: oder, biographisch-kritisches Lexicon der deutschen Dichter und Prosaisten; seit den frühesten Zeiten nebst Proben aus ihren Werken (8 томов; 1835–1847); La France poétique (1843); Handbuch deutscher Beredsamkeit (1846); Allgemeine Geschichte des Romans (1850); Klassischer Hausschatz der griech. und röm. Poesie (2 тома; 1851–1852); Hausschatz der engl. Poesie (1852); Hausschatz der Volkspoesie (1853); Hausschatz deutscher Prosa (посмертное издание 1875 г.); Poetischer Hausschatz des deutschen Volks (посмертное издание 1876 г.). Сатирические произведения Вольфа: Naturgeschichte des deutschen Student (1842); Die kleinen Leiden des menschlichen Lebens (1846); Die Reise ins Blaue (1846) и Eine andere Welt (1847).

119

Видман Кристиан Адольф Фридрих (Widmann; 1818–1878), немецкий писатель, драматург и политик. В 1837 г. поступил в Тюбингенский университет, где изучал политологию; затем продолжил обучение в университетах Берлина и Гейдельберга; в последнем в 1841 г. получил докторскую степень. Свои политические взгляды изложил в книге Das Volk und die Parteien (1843). В течение следующих лет выступал в печати с серией брошюр, поднимая социальные и религиозные вопросы и являясь противником радикализма и сторонником просвещенной монархии. В частности, можно назвать работы Das Königliche Wort Friedrich Wilhelms III (1844); Politische Bedenken wider die evangelische Kirchenzeitung (1846); Belgien, Rheinland und Adolf Bartels и Marx, Heintzen und Freiligrath (обе 1846). В 1848 г. поселился в Йене, где стал читать лекции по истории общественного движения и государственного устройства. В Йене им были опубликованы следующие работы: Die Gesetze der socialen Bewegung (1851); Frankreich, Rußland und die vereinte deutsche Großmacht (1854); Deutschland eine Eidgenossenschaft (1859); Ein Neujahrsgruß zu 1860 an Louis Napoleon von einem Deutschen (1860). Кроме политических трудов, Видман прославился и как автор художественной прозы и драматических произведений. Им были написаны романы Der Tannhäuser (1850) и Der Bruder aus Ungarn (1852); сборники новелл Am warmen Ofen (1853) и Für stille Abende (1854); а также драмы Nausikaa; Don Juan de Maranna и Sarah Haßfurter. Видман серьезно и глубоко интересовался историей масонства (сам являлся масоном с 1844 г.). Им опубликован Zirkelcorrespondenz unter den St. Joh. Logenmeistern der Großen Landesloge der Freimaurer von Deutschland (1872–1874 и 1876), а также Geschichte der freimaurerischen Systeme in England, Frankreich und Deutschland (1879).

120

Сен-Галлен (Санкт-Галлен) (*нем.* St. Gallen, *франц.* Saint-Gall, *итал.* San Gallo), город на востоке Швейцарии, расположенный недалеко от Боденского озера; является одним из самых высокогорных городов Швейцарии. Назван в честь святого Галла. Знаменит монастырским комплексом Св. Галла, принадлежащим бенедиктинскому ордену; комплекс включен в Перечень всемирного наследия ЮНЕСКО.

121

Баумгартнер Вильгельм (Baumgartner; 1820–1867), швейцарский композитор, пианист и хормейстер. В 1836–1838 гг. учился в гимназии в Сен-Галлене; в 1839 г. поступил в университет Цюриха, где изучал литературу и философию. Но в итоге решил посвятить себя музыке. В 1839–1841 гг. являлся учеником Александра Мюллера; вскоре стал его заместителем в качестве хормейстера. Одновременно стал давать частные уроки игры на фортепьяно. В 1844 г. совершенствовал свое музыкальное образование в Берлине у Ф. Мендельсона-Бартольди. В 1845 г. познакомился в Дрездене с Р. Вагнером. С 1846 г. жил и работал в Цюрихе, в первую очередь в качестве хормейстера. В этом же году познакомился и подружился с Г. Келлером; в частности, позднее настоятельно советовал ему изучать художественно-теоретические труды Вагнера «Искусство и революция» и «Произведение искусства будущего». В 1859 г. получил должность музикдиректора Цюрихского университета. Одной из самых популярных и известных песен Баумгартнера стала песня Mein Heimatland («Моя родина»; 1870).

122

Зульцер Иоганн Якоб (Sulzer; 1821–1897), швейцарский политический деятель. Получил образование в университетах Цюриха, Бонна и Берлина; изучал филологию, историю, философию и политологию. Начал политическую карьеру в 1847 г. в качестве второго государственного клерка кантона Цюрих. Как представитель Либеральной партии, занимал следующие политические должности: член Совета кантона Цюрих (1850–1884; с 1872 г. президент); финансовый директор правительства кантона Цюрих (1851–1857); мэр города Винтертур (1858–1873); член Национального совета (1866–1869; 1879–1890); член Совета кантонов (1869–1878); президент Совета кантонов (1876–1877). В 1858 г. Университет Берна присвоил Зульцеру степень почетного доктора философии. В 1862 г. Зульцер стал соучредителем Банка Винтертура (предшественник нынешнего USB). В 1865 г. основал Ипотечный банк в Винтертуре, президентом которого был до 1879 г.

Не путать с предпринимателем Иоганном Якобом Зульцером (Sulzer; 1806–1883), основателем промышленной компании Gebr. Sulzer.

123

Хагенбух Франц (Hagenbuch; 1819–1888), швейцарский политический деятель. В 1839–1843 гг. изучал право в университетах Цюриха, Гёттингена и Берлина. С 1844 г. жил в Цюрихе. Член Либеральной партии. В 1846–1848 гг. являлся окружным судьей; в 1852–1856 гг. был первым городским секретарем; в 1856–1869 гг. являлся членом Исполнительного совета; в 1869–1872 гг. – членом Городского совета; в 1872–1885 гг. – заместителем директора Швейцарской пенсионной компании. В 1865–1869 гг. и в 1872–1875 гг. входил в Совет директоров Ипотечного банка Винтертура. В 1867–1888 гг. являлся соучредителем и президентом Музыкального общества. В 1876–1888 гг. также был соучредителем и главой Музыкальной школы в Цюрихе (ныне Консерватория).

124

Беллони Гаэтано (Belloni; 1810–1887), в 1841–1848 гг. личный секретарь и агент Ф. Листа. До того момента, когда Лист решил отказаться от концертной деятельности, брал на себя заботу об организации его концертов, способствовал рекламе, следил за печатанием афиш и распространением билетов, контролировал финансовую сторону концертов. Является первым в истории музыки концертным агентом, положившим начало современному музыкальному менеджменту.

125

Помощники казначеев *(франц.)*.

126

Парижское музыкальное издательство М. Шлезингера, находящееся на улице Ришелье, в 1846 г. было продано Луи Лазару Брандусу (Brandus; 1816–1887) и стало называться Brandus & Cie. В 1850 г. партнером Брандуса стал его младший брат Жеми Брандус (1823–1873). В 1854 г. еще одним партнером Брандусов стал Селим Франсуа Дюфур (Dufour; 1799–1872), после чего фирма получила название Brandus, Dufour & Cie, просуществовав до 1858 г. В 1858–1872 гг. фирма была известна как Brandus & Dufour. После смерти Дюфура издательство снова стало называться Brandus & Cie. После смерти Луи Брандуса фирма неоднократно меняла владельцев и названия и окончательно прекратила существование в 1971 г.

127

Рюэй-Мальмезон (Rueil-Malmaison), город во Франции, в департаменте О-де-Сен, западный пригород Парижа, находящийся от него в 14 км.

128

Де Ламартин Альфонс (Lamartine; 1790–1869), французский писатель, поэт и политический деятель. В 1820 г. Ламартин издал первый том стихотворений под общим названием «Поэтические и религиозные размышления» (Meditations poetiques et religieuses), в 1823 г. был выпущен второй том «Размышлений». За ним последовали Harmonies (1835); Jocelyn (1835); Chute d'un Ange (1838); Recueillements poétiques (1839). В 1829 г. Ламартин был избран членом Французской академии. В 1833 г. он добился своего избрания в парламент, после чего оставался на депутатском посту вплоть до 1851 г. Упоминаемая Вагнером «История жирондистов» (Histoire des Girondins) была написана Ламартином в 1847 г. (русский перевод 1871–1872). Во время революции 1848 г. Ламартин занял пост президента временного правительства. В этом же году он написал Trois mois au pouvoir; в 1849 г. – Histoire de la révolution de février. Также следует отметить Histoire de la Russie (1855); Histoire de la Turquie; Histoire des Constituants и Histoire de la Restauration (1851–1863). Показательно, что с детства настольной книгой Ламартина было Евангелие. Земная любовь у Ламартина, это «самое божественное из всех человеческих чувств», одухотворяется либо скорбью, либо смертью, приобретая тем самым трагическо-философский оттенок. При этом именно смерть возлюбленной (возлюбленная Ламартина Жюли Шарль, скончавшаяся от чахотки в 1827 году, была увековечена в его творчестве под именем Эльвиры) приводит человека к безоговорочной вере в бессмертие души. Кроме того, согласно Ламартину, поклоняясь первозданной природе, человек поклоняется и Богу, который как единое животворящее духовное начало проявляет себя через нее. А женщина-возлюбленная – это некий посредник между жизнью земной и жизнью небесной, что роднит поэзию Ламартина с образом Беатриче у Данте. А также с большинством женских образов в музыкальных драмах Рихарда Вагнера.

129

Ледрю-Роллен Александр Огюст (Ledru-Rollin; 1807–1874), французский политический деятель. В 1841 г. избран в палату депутатов; входил в группу крайне левых. Был одним из основателей в 1843 г. оппозиционной газеты «Реформа» («La Réforme»). 24 февраля 1848 г. принимал активное участие в революции, выступая против регентства и за республику. После февральской революции 1848 г. вошёл в состав Временного правительства в качестве министра внутренних дел. С мая 1848 г. являлся членом Исполнительной комиссии. Участвовал в подавлении Июньского восстания 1848 г. В мае 1849 г. избран в Законодательное собрание; возглавил июньскую демонстрацию в Париже против внешней политики правительства. Восстание потерпело неудачу, после чего эмигрировал в Великобританию, где написал резкий памфлет De la Décadence de l'Angleterre (1850), а также основал т. н. Европейский демократический комитет. В 1870 г. вернулся во Францию. В 1871 г. избран депутатом Национального собрания.

«Мы не стучимся в закрытые двери» *(франц.)*.

131

Госпожа капельмейстерша *(нем.)*.

132

Эшер Иоганн Генрих Альфред (Escher vom Glas; 1819–1882), швейцарский политический деятель, промышленник и «отец швейцарского железнодорожного транспорта». В 1844 г. был избран членом Большого совета кантона Цюрих. В 1846 г. стал членом Собрания депутатов Швейцарии. 6 ноября 1848 г. был избран вице-президентом Национального совета, членом которого оставался до своей смерти. Являлся одним из соучредителей Швейцарской пенсионной компании (Schweizerischen Rentenanstalt; в настоящее время крупнейшая страховая компания Швейцарии Swiss Life). Приоритетной задачей для Эшера являлось строительство железных дорог. Во многом благодаря его стараниям 28 июля 1852 г. Национальный совет принял Закон о железных дорогах, гарантирующий права частных компаний. Сам Эшер стал президентом компании Zurich-Bodenseebahn, получившей федеральную концессию 28 января 1853 г. Эта компания, объединенная со Швейцарской северной железной дорогой (Schweizerischen Nordbahn), образовала Швейцарскую северо-восточную железную дорогу (Schweizerischen Nordostbahn). На учредительном собрании 12 сентября 1853 г. Эшер был выбран председателем правления компании. С 1860 г. он выступал за прокладывание железной дороги через Альпы. В 1872 г. возглавил правление Сен-Готардской железной дороги (Gotthardbahn). Ее строительство началось в середине 1873 г. Но трудности строительства и проблемы финансирования заставили Эшера в 1878 г. уйти в отставку. На торжественном открытии Сен-Готардской железной дороги 1 июня 1882 г. он не присутствовал и в конце этого же года скончался.

133

Эттмюллер Эрнст Мориц Людвиг (Ettmüller; 1802–1877), немецкий филолог и поэт. В 1823–1826 гг. учился в Лейпцигском университете. В 1830 г. читал в университете Йены лекции по истории старонорвежской поэзии. Три года спустя переехал в Цюрих, где преподавал немецкий язык и литературу в местной гимназии. В 1863 г. получил место профессора Цюрихского университета. Ему принадлежит перевод «Эдды» и «Песни о Нибелунгах» (1837), «Беовульфа» (1840), а также составление Lexicon Anglo-Saxonicum (1851). Он автор Handbuch der deutschen Literaturgeschichte (1847) и Herbstabende und Winternächte: Gespräche über Dichtungen und Dichter (1865–1867). Кроме того, ему принадлежат собственные поэтические сочинения: Deutsche Stammkönige (1844) и Das verhängnissvolle Zahnweh, oder Karl der Grosse und der Heilige Goar (1852).

134

Статья «Искусство и революция» (Kunst und Revolution) была написана Вагнером в течение двух недель июля 1849 г. в Цюрихе. Существовали две редакции: одна предназначалась для парижской газеты «Насьональ», другая – для Теодора Улига. В Париже статья была отклонена. Осенью 1849 г. вышла отдельной брошюрой в издательстве Отто Виганда (см. ниже).

135

Виганд Отто Фридрих (Wigand; 1795–1870), немецкий издатель и политический деятель. Псевдоним Отто Фридрих Раммлер (Otto Friedrich Rammler). В возрасте четырнадцати лет начал обучаться книгоиздательскому делу в Гёттингене. Оттуда, ненадолго задерживаясь в Лейпциге, Дрездене и Праге, переехал в Пресбург (Братиславу), где его старший брат Карл с 1811 г. являлся совладельцем книжного магазина. В Прессбурге завершил свое образование. В 1827 г. основал в Пеште собственное издательство, имевшее филиал в Лейпциге. Главным детищем издательства Виганда стала подготовка Ungarische Konversationslexikon («Венгерского универсального лексикона»), что явилось важным вкладом Виганда в венгерскую литературу. В 1833 г. в связи с активной поддержкой оппозиции Л. Кошута Виганд вынужден был покинуть Пешт и переехал в Лейпциг. Здесь он продолжил выпуск венгерских книг, а также обратился к публикациям авторов «Молодой Германии» и младогегельянцев. Являлся издателем работ А. Руге, Л. Фейербаха, И. Якоби и К. Маркса. В 1846–1852 гг. занимался выпуском 15-томного Konversations-Lexicon («Универсального лексикона»). После революционных событий 1848–1849 гг. был избран членом Городского совета Лейпцига и членом Второй палаты лантага. В 1864 г. оставил книгоиздательский бизнес, передав управление своему сыну Хуго Карлу Виганду (1822–1873). Само издательство «Отто Виганд» просуществовало до начала XX в.

136

Напомним, что работа «Вибелунги. Всемирная история на основании сказания» была написана Вагнером в 1848 г.

137

Гёргей Артур (Görgei; 1818–1916), венгерский военачальник и революционер. В 19 лет начал военную карьеру, но в 1845 г. оставил службу и поступил в Пражский университет, где изучал химию. После начала Венгерской революции вернулся в армию в чине капитана и вскоре возглавил национальную гвардию. 4 мая 1849 г. захватил столицу Венгрии. Принял пост военного министра революционного правительства. Однако после вступления в войну России венгерская революционная армия стала терпеть поражения. 13 августа 1849 г. в битве при Вилагоше (Világos; ныне Ширия [Şiria] на территории Румынии) основные силы венгров под командованием Гёргея капитулировали перед войсками И. Ф. Паскевича; сам Гёргей был вынужден сдаться в плен. В 1867 г. он был помилован и вернулся в Венгрию. Долгое время считалось, что жизнь он купил ценой предательства, что не соответствует действительности. В 1885 г. была предпринята попытка реабилитации его честного имени; ныне его заслуги перед родиной сомнений не вызывают.

138

Дженелли Бонавентура (Genelli; 1798–1868), немецкий художник итальянского происхождения. Родился в Берлине. В 1814 г. поступил в Берлинскую академию художеств. В 1822–1832 гг. жил в Риме, где глубоко изучал искусство эпохи Возрождения. В 1832 г. переехал в Лейпциг, а в 1836 г. – в Мюнхен. В 1859 г. Дженелли принял приглашение Великого герцога Карла Александра Саксен-Веймар-Айзенахского (1818–1901) и уехал в Веймар, который не покидал до конца жизни. В своем творчестве отдавал предпочтение графике и акварели. Создал несколько циклов иллюстраций, в частности к произведениям Гомера (48 листов), к «Божественной комедии» Данте (36 листов), а также цикл «Жизнь ведьмы» (Leben einer Hexe; 10 листов) и «Жизнь художника» (Leben eines Künstlers; 24 листа). Кроме того, им созданы многочисленные отдельные рисунки и гравюры на античные и мифологические сюжеты.

139

Работа «Произведение искусства будущего» (Das Kunstwerk der Zukunft) была написана Вагнером в октябре – ноябре 1849 г. Это первое теоретическое сочинение Вагнера, где он исчерпывающе излагает идеи музыкальной драмы. Книга вышла в 1850 г. в издательстве «Отто Виганд». На первом издании стояло посвящение (при последующих переизданиях было снято): «Людвигу Фейербаху посвящается с благодарностью и уважением». Многие биографы Вагнера настаивают на бесспорном влиянии Фейербаха (см. ниже) на композитора, которое на самом деле сильно преувеличено. К моменту написания того же «Произведения искусства будущего» Вагнер, по его собственному признанию, был знаком лишь с одной работой Фейер баха, а именно «О смерти и бессмертии», которую ему принес для ознакомления его друг Баумгартнер. Вагнеру «казалось прекрасной и утешительною идея, что истинно бессмертным является лишь возвышенное деяние и одухотворенное произведение искусства». Это утверждение в первую очередь отвечало идеалам, которые исповедовал сам Вагнер. Говорить же о каком-либо серьезном влиянии философа на основании прочтения всего лишь одного его труда, мягко говоря, несерьезно. Отсюда можно сделать вывод, что Вагнер не столько писал «Произведение искусства будущего» под влиянием идей Фейербаха, сколько в его идеях находил подтверждение своим собственным.

140

Ошибка. Имеется в виду Густав Шлезир (Schlesier; 1811–1853 (?)), немецкий писатель и журналист. Родился в Дрездене; получил образование в Лейпцигском университете. В 1832–1834 гг. вместе с Г. Лаубе являлся редактором Zeitung für die elegante Welt. После 1834 г. поселился в Штутгарте, где в 1836 г. опубликовал труд Deutsche Studien, auch unter dem Titel Oberdeutsche Staaten u. Stämme vom Standpunkt der Politik beleuchtet («Верхненемецкие государства и племена с точки зрения политики»). Известность получили также написанные им «Воспоминания о Вильгельме фон Гумбольдте» (Erinnerungen an Wilhelm Von Humboldt; 1843–1847).

141

Вилькина-сага или Тидрек-сага (Wilkinasaga, Thidhrekssaga), собрание северных саг; источник германской героической саги. Относится ко второй половине XIII в.; написано в Норвегии на основе нижнегерманских преданий. В середине XV в. появился шведский пересказ этого цикла. Название «Вилькина-сага» было дано шведским издателем Йоханом Перингскёльдом (Peringskiöld; 1654–1720) в 1715 г., исходя из того, что в повествовании неоднократно упоминается Вилькиналанд. В основном саги цикла группируются вокруг фигуры Дитриха Бернского. Также сюда вошли саги об искусном кузнеце Виланде, о Зигурде и бургундцах и т. д.

142

Сегер (Зегерс) Франсуа Жан Батист (Seghers; 1801–1881), бельгийский скрипач и дирижер. Получил музыкальное образование в Парижской консерватории. Являлся одним из основателей Концертного общества Парижской консерватории (Société des concerts du Conservatoire). В 1848 г. основал Общество Сен-Сесиль (Société St. Cécile), концертами которого дирижировал до 1854 г. (вскоре после его ухода Общество прекратило свое существование). Название Общества происходит от названия зала Сен-Сесиль (salle Sainte-Cécile), который находился по адресу: улица Шоссе д'Антен, 49 bis (rue de la Chaussée d'Antin), где и проходили в основном концерты Общества. Зал славился своей акустикой, а его размеры позволяли проводить большие симфонические и хоровые концерты, на которых присутствовал цвет музыкальной жизни Парижа.

143

Имеются в виду кварталы старого Парижа с узкими средневековыми улочками, не приспособленными для проезда экипажей. После 1854 г. все они, в том числе и упоминаемый Вагнером Cité de Provence (Сите де Прованс), были полностью уничтожены в ходе перестройки Парижа под руководством барона Жоржа Эжена Османа (Haussmann; 1809–1891).

144

Колачек Адольф (Kolatschek; 1821–1889), австрийский журналист и политический деятель. В 1848–1849 гг. являлся членом Франкфуртского национального собрания. В 1850–1851 гг. издавал журнал Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben («Немецкий ежемесячный журнал о политике, науке, искусстве и жизни»); в 1858–1862 гг. Stimmen der Zeit («Голоса времени»). Кроме того, в 1862 г. основал газету Botschafter («Посол»).

145

В статье «Искусство и климат» (Kunst und Klima) Вагнер отстаивает идеи, близкие И. Г. Гердеру (см. ниже), о том, что искусство находится в прямой зависимости от условий климата.

146

Премьера «Пророка» состоялась 16 апреля 1849 г. в Париже. Судя по описанию Вагнера, он ушел с первой картины четвертого действия, когда Фидес (Fidès), мать Иоанна Лейденского, со слезами рассказывает, как нашла в своем доме окровавленное платье сына и теперь считает его мертвым. Партию Фидес Мейербер писал специально для Полины Виардо-Гарсиа.

147

Соната для фортепьяно № 29 (B-dur), op. 106. Крупнейшая и одна из наиболее сложных для исполнителя фортепьянных сонат Бетховена. Сочинялась с конца 1817 г.; была опубликована в сентябре 1819 г. под названием «Большой сонаты для клавира с молоточками», или «Большой сонаты для хаммерклавира». Иногда встречается упрощенное название «Хаммерклавир» (Hammerklavier). Соната писалась в расчете на исполнение на т. н. хаммерклавире (буквально «молоточковом клавире»).

Генрих Нейгауз называл это произведение «сокрушительным духовным взрывом».

148

Письмо сохранилось. Перевод на русский язык можно найти в четырехтомном издании: Вагнер Р. Избранные письма и дневники. Обращение к друзьям. Т. I–IV. СПб., 1911–1912. Т. IV. С. 548.

В частности, в письме есть следующие строки: «…Во сне и наяву – всегда вы были и оставались мне близки и дороги: в обаянии силы и страданий, достойные одновременно зависти и слез». Следовательно, в лице его друзей перед Вагнером был идеал самопожертвования, который он воспевал в своем творчестве.

149

Человек *(нем. и франц.)*.

150

Имеется в виду коммуна Ширан (Chirens), находящаяся в регионе Рона – Альпы; департамент Ширана – Изер; входит в состав кантона Вуарон. В Ширане находится замок Клермон – с XI в. «родовое гнездо» представителей дворянского рода Клермон-Тоннеров; отсюда и название, употребленное Вагнером.

151

«Этому должен быть положен конец» *(франц.)*.

152

Мукеры (Muckers; более правильное название Königsberger Mucker), мистико-пиетистское братство, основанное в Кёнигсберге Иоганном Генрихом Шёнорром (Schönherr; 1770–1826) и священником Иоганном Вильгельмом Эбелем (Ebel; 1784–1861). В 1835 г. члены братства были обвинены в безнравственных действиях во время молитвенных собраний. Следствие закончилось обвинением Эбеля, лишением его пасторского звания и к заключению в исправительном доме. Впоследствии обвинения кёнигсбергского религиозного движения в безнравственности не получили доказательств.

153

Гердер Иоганн Готфрид (Herder; 1744–1803), немецкий мыслитель, поэт, историк культуры. Окончил богословский факультет Кёнигсбергского университета. В 1764 г. переехал в Ригу, где начал литературную деятельность. В 1776 г. благодаря И. В. Гёте переселился в Веймар, где получил должность придворного проповедника. Считал, что каждый народ должен иметь литературу, проникнутую национальным духом. Плодом изучения народной поэзии стала антология Гердера «Народные песни» (Völkslieder, 1778–1779), известная также как «Голоса народов в песнях» (Stimmen der Völker in Liedern). Кроме того, Гердер доказывал, что литература зависима от естественной и социальной среды: климата, языка, нравов, определенных условий исторического периода. Носителем подлинного искусства является «естественный», близкий к природе человек. Гердер являлся апологетом идеи единства человеческой культуры; общей целью всего человечества, по его мнению, является обретение «истинной гуманности». Основные сочинения Гердера: «Фрагменты по немецкой литературе» (Fragmente zur deutschen Literatur; 1766–1768); «Критические рощи» (Kritische Wälder; 1769); монументальный труд «Идеи к философии истории человечества» (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit; 1784–1791); «Письма для споспешествования гуманности» (Briefe zur Beförderung der Humanität; 1793–1797).

В 1893 г. Энге (Enge) вошел в состав Цюриха

155

Пятая симфония Бетховена.

156

Риги (Rigi), относящаяся к Альпам гора в Центральной Швейцарии. Высота 1797 м. Расположена на границе кантонов Люцерн и Швиц.

157

Аллитерационный стих, прием стихосложения, основанный на аллитерации: в каждой строке по меньшей мере два слова должны начинаться с одного и того же звука. Характерен в первую очередь для древнегерманской и кельтской поэзии. В качестве примера произведений, написанных аллитерационным стихом, можно назвать «Беовульфа» и «Старшую Эдду».

158

Крамер Филипп Вальбург (Kramer; 1815–1899), немецкий актер и театральный деятель. Дебютировал в 1834 г. в Городском театре Майнца (Stadttheater Mainz); с 1835 г. выступал в Вюрцбурге, Дюссельдорфе, Гейдельберге и Ульме. В конце 1830-х гг. переехал в Швейцарию. В 1840 г. получил ангажемент в Базель. В 1842 г. основал собственную труппу. В 1846 г. открыл театр в городе Кур (Chur), которым руководил в течение 21 года. Кроме того, в 1861–1862 гг. являлся директором Немецкого театра в Амстердаме. Репертуар театра Крамера отличался богатым разнообразием; его труппа гастролировала как в Швейцарии, так и в Германии. В 1872 г. ушел в отставку. Последние годы жизни провел в Кёльне.

159

Фон Пойсль Иоганн Непомук (von Poißl, 1783–1865), барон, немецкий композитор и театральный деятель. С декабря 1800 года учился на философском факультете университета Людвига-Максимилиана (Ludwig-Maximilians-Universität) в Ландсхуте. Одновременно брал уроки вокала и композиции. В 1805 г. переехал в Мюнхен. Первый успех в качестве оперного композитора пришел к нему в 1808 г. с постановкой оперы «Антигона» (Antigonus). В 1812 г. была с успехом поставлена следующая опера, «Оттавиано в Сицилии» (Ottaviano in Sicilia). В июне 1814 г. опера фон Пойсля на сюжет трагедии Ж. Расина «Аталия» (Athalia) была признана «национальной большой оперой». Следующий успех принесла композитору опера «Состязание в Олимпии» (Der Wettkampf zu Olympia), поставленная в апреле 1815 г. В сентябре 1823 г. Пойсль занял должность второго интенданта Придворного театра в Мюнхене; в мае 1824 г. – интенданта королевских придворных и национальных театров; в июне 1825 г. – интенданта Придворного музыкального театра. Среди других произведений Пойсля следует отметить оперы: Dir wie mir (1816); Nittetis (1817); Issipile (1818); Die Princessin von Provence (1825); Der Untersberg (1829); Zayde (1843).

160

Отт-Имхоф Ганс Конрад (Ott-Imhof; 1796–1859), швейцарский промышленник и дирижер. С 1845 г. один из концессионеров железной дороги Цюрих – Базель. В 1846–1856 гг. директор Швейцарской северной железной дороги (с 1853 г. – Северо-Восточная железная дорога). Дирижер и член правления Музыкального общества Цюриха в 1843–1849 гг.

161

Фон Платен-Халлермюнде Карл Август Георг Максимилиан (von Platen-Hallermünde; 1796–1835), граф, немецкий поэт и драматург. Начинал карьеру военного; в 1814 г. получил чин лейтенанта Баварской лейб-гвардии. В 1818 г. поступил в Вюрцбургский университет, где изучал философию и филологию. В 1819 г. перешел в университет Эрлангена, где начал литературную деятельность. В 1821 г. издал первый сборник стихов Ghaselen («Газели»). В этом же году вышли в свет Lyrische Blätter («Лирические листки»). В 1823 г. – Neue Ghaselen («Новые газели»); в 1825 г. – Sonette aus Venedig («Сонеты из Венеции»). Одновременно писал сатирические драмы, такие как Der gläserne Pantoffel («Хрустальный башмачок»; 1823); Der Schatz des Rampsinit («Сокровища Рампсинита»; 1824); комедию Der Turm mit den Sieben Pforten («Башня с семью воротами»; 1825). В 1826 г. Платен уехал в Италию. В 1829 г. ему принесла успех новая драма Der romantische Ödipus («Романтический Эдип»). В 1831 г. выпустил новый стихотворный сборник Polenlieder («Польские песни»). В 1832 г. вернулся в Германию, где написал драму Die Liga von Cambrai («Камбрейская лига»; 1833). Однако в 1834 г. вновь уехал в Италию; умер на Сицилии. Музыку на стихи Платена писали многие композиторы, в том числе Р. Шуман, Ф. Шуберт, И. Брамс, Х. Вольф, Э. Хумпердинк, П. Хиндемит.

Сатира Платена была направлена в первую очередь против различных романтических штампов.

162

Книга «Опера и драма» (Oper und Drama) была написана в течение осени 1850 – зимы 1851 гг. Изначально, в сентябре 1850 г., Вагнер собирался написать развернутую статью о состоянии современной ему оперы. В процессе работы он пришел к решению не ограничиваться рамками статьи, а написать целую книгу под названием «Сущность оперы» (Das Wesen der Oper). В итоге в середине декабря Вагнер уже дал своей книге новое название «Опера и драма». По мере готовности Вагнер отсылал части книги Т. Улигу. Первая часть была выслана 20 января; вторая часть, озаглавленная Вагнером Das Schauspiel und das Wesen der dramatischen Dichtkunst (Драма и сущность драматической поэзии»), – 2 февраля, третья под заголовком Dichtkunst und Tonkunst im Drama der Zukunft («Поэзия и музыка в драме будущего»)–15 февраля. Впервые отрывки из второй части под названием «О современной драматической поэзии» (Über moderne dramatische Dichtkunst) были напечатаны А. Колачеком в Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben в мартовском и майском номерах за 1851 г. Наконец в полном объеме «Опера и драма» вышла в свет в издательстве Вебера в сентябре 1851 г. (годом издания значился 1852-й).

163

Спири Иоганн Бернгард (Spyri; 1821–1884), швейцарский юрист и редактор. В 1852 г. женился на Иоганне Луизе Хойссер (Heusser;;1827–1901), известной швейцарской писательнице, авторе книг для детей.

164

Абт Франц Вильгельм (Abt; 1819–1885), немецкий композитор и дирижер. В 1838 г. поступил в гимназию Святого Фомы в Лейпциге, где изучал богословие и музыку. В 1841 г. получил должность капельмейстера в Придворном театре в Бернбурге (Bernburg Saale), но вскоре переехал в Цюрих на должность хормейстера. В 1852 г. получил назначение в Придворный театр в Брауншвейге, где служил капельмейстером и хормейстером в течение 30 лет. Основал Певческую академию; являлся дирижером Брауншвейгского мужского певческого общества (Braunschweiger Männergesangverein). В качестве композитора написал более 3000 сочинений, среди которых подавляющее большинство занимают песни, которые были широко популярны, в том числе и в России. Кроме того, перу Абта принадлежат три оперы: Des Königs Scharfschütz; Die Hauptprobe; и Reisebekanntschaften, но, в отличие от песен, они не получили известности. Абт много гастролировал, в частности во Франции, Англии и России. В 1872 г. совершил гастрольный тур по США, выступая со своим хором во многих крупных американских городах.

Одной из наиболее известных песен Абта являлась упоминаемая Вагнером Wenn die Schwalben heimwärts ziehn («Когда ласточки на родину вернутся»).

165

Паллеске Эмиль (Palleske; 1823–1880), немецкий писатель, актер и чтец. Получил образование в Берлинском и Боннском университетах, где изучал филологию и историю; кроме того, серьезно занимался сценическим мастерством, решив посвятить себя сцене. Освоив профессию актера, играл в театрах Познани, Щецина. В 1845–1851 гг. был занят на характерных ролях в Придворном театре Ольденбурга. В 1851 г. оставил сцену и отправился в Берлин. Еще в конце 1840-х гг. завоевал популярность в качестве чтеца-декламатора. Его репертуар включал произведения Софокла, Шекспира, немецких классиков. После Берлина жил в Арнштадте и Веймаре, а затем в курортном местечке Таль (Thal) недалеко от Айзенаха. В это время написал три драмы: Achilles (1847); König Monmouth (1853); Oliver Cromwell (1857). Кроме того, его перу принадлежит двухтомник Schillers Leben und Werke («Жизнь и произведения Шиллера»; 1858–1859), а также Die Kunst des Vortrags («Искусство исполнения»; 1880).

166

Зольгер Рейнгольд Карл Эрнст Фридрих (Solger; 1817–1866), немецкий государственный деятель, ученый и писатель. Изучал математику и философию в университетах Галле (1837–1840) и Грайфсвальда (Greifswald; 1840–1842). После революционных событий 1848–1849 гг. был вынужден бежать из Германии (принимал участие в Баденском восстании). В 1849–1852 гг. жил в Швейцарии. В 1852 г. уехал в Лондон; в 1853 г. переехал в Бостон. В 1859 г. вступил в Республиканскую партию; был профессором истории и математики в Американской Военной академии в Вест-Пойнте. В 1861 г. переехал в Нью-Йорк. В 1862 г. был амнистирован в Германии, но на родину не вернулся, а уехал в Вашингтон, где вступил в должность госсекретаря Департамента казначейства. Тогда же написал свое самое известное произведение Anton in Amerika. Novelle aus dem deutsch-amerikanischen Leben (Anton in America. A novel from German American life; «Антон в Америке. Роман из немецко-американской жизни»; 1862).

167

фон Дингельштедт Франц (von Dingelstedt; 1814–1881), немецкий писатель, драматург и театральный деятель. В 1831–1834 гг. изучал богословие в университете Марбурга. В 1835–1850 гг. сотрудничал в качестве журналиста в различных литературных журналах. В 1840 г. переехал в Кассель, где работал учителем и одновременно был первым редактором журнала Der Salon. Кроме того, активно занимался литературной деятельностью. В 1840 г. вышли в свет (правда, анонимно) «Песни международного ночного сторожа» (Lieder eines kosmopolltischen Nachtwachters), в которых он с едкой иронией критиковал современный ему общественный строй. В 1841 г. Дингельштедт уехал в Аугсбург и стал сотрудничать с Augsburger Allgemeine Zeitung, куда писал многочисленные статьи. В качестве корреспондента газеты ездил в Париж, Лондон, Вену, а также в Голландию и Бельгию. В Париже был тепло принят Г. Гейне. В 1843 г. переехал в Штутгарт, где стал придворным советником и королевским библиотекарем. С 1846 г. писал пьесы для Придворного театра в Штутгарте. В 1851 г. получил должность интенданта Придворного театра в Мюнхене. В 1857 г. переехал в Веймар при посредничестве Ф. Листа, где также являлся театральным интендантом. В 1867 г. уехал в Вену, где стал директором Венской Придворной оперы. С 1870 г. управлял венским Нофбургтеатром (Hofburgtheater). В 1876 г. император Франц Иосиф возвел его в баронское достоинство. Литературное наследие Дингельштедта включает поэтические сборники Gedichte (1845) и Zeitgedichte. Nacht und Morgen (1851), а также романы Unter der Erde (1840); Heptameron (1841); Sieben friedliche Erzahlungen (1844); Novellenbuch (1856); Die Amazone (1868). Драматические произведения Дингельштедта имели в свое время большой успех, особенно Das Haus der Barneveldt. Его Sämmtliche Werke были опубликованы в 1877 г.

168

Франц Роберт (Franz; настоящее имя Роберт Франц Юлиус Кнаут [Knauth]; 1815–1892), немецкий композитор, дирижёр и органист. В 1835–1837 гг. изучал композицию в Дессау у Ф. Шнайдера. В 1841 г. стал органистом в церкви Святого Ульриха в родном городе Галле. В 1842–1867 гг. также являлся дирижером Певческой академии Галле. В 1859 г. получил должность музикдиректора Университета Галле-Виттенберг. В 1868 г. вышел в отставку в связи с развившейся у него глухотой. Большую часть композиторского наследия Франца составляют песни (начал публиковать песенные тетради с 1843 г.; общее количество написанных им песен составляет более 350), высоко оцененные Р. Шуманом и Ф. Листом. Кроме того, написал около 30 хоровых сочинений.

169

Фон Цигезар Фердинанд (von Ziegesar; 1812–1854), немецкий государственный и театральный деятель. Был камергером при дворе Великого герцога Карла Александра Саксен-Веймар-Айзенахского. В 1847–1851 гг. являлся интендантом Придворного театра в Веймаре; получил эту должность по рекомендации Ф. Листа.

Эрнст II; полное имя Эрнст Август Карл Иоганн Леопольд Александр Эдуард (1818–1892), герцог Саксен-Кобург-Готский; старший брат Альберта Саксен-Кобург-Готского (1818–1861), супруга королевы Виктории, родоначальника ныне царствующей в Великобритании Виндзорской династии. Получил образование в Боннском университете. Вступил на престол в 1844 г. Благодаря его в целом либеральной политике, в 1848 г. герцогство не было затронуто революционным движением. В 1867 г. вступил в Северогерманский союз. Получил известность не только как политик, но и как композитор, автор опер Zaïre; Casilda; Santa Chiara; Diana von Solanges и др. музыкальных произведений. В 1862 г. в Кобурге герцог основал Немецкое певческое общество (Deutsche Sängerbund). Эрнст был другом и покровителем «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Кроме того, при содействии герцога развивался спорт: в июле 1860 г. в Кобурге был проведен Первый фестиваль молодых гимнастов; в 1862 г. организовано Немецкое общество стрелков (Deutsche Schützenbund). Эрнст был близко знаком с зоологом Альфредом Бремом. С февраля по май 1862 г. вместе с ним предпринял поездку в Африку – в Египет и Абиссинию, – которую описал в своей книге Reise des Herzogs Ernst von Sachsen-Coburg-Gotha nach Aegypten und den Ländern der Habab, Mensa und Bogos (1864). Коллекция произведений искусства, хранящаяся в замке Фриденсштайн (Friedenstein) в Кобурге, благодаря стараниям Эрнста была значительно обогащена. В 1887–1889 гг. в Берлине были опубликованы чрезвычайно интересные мемуары герцога Эрнста II под названием Aus meinem Leben und meiner Zeit.

171

Бирх-Пфайфер Шарлотта Иоганна (Birch-Pfeiffer; 1799–1868), немецкая писательница и актриса. При поддержке баварского короля Максимилиана I Иосифа в 1818–1826 гг. имела ангажемент в Мюнхенском Придворном театре. В 1827–1830 гг. играла на сцене театра «Ан дер Вин». В 1837–1842 гг. являлась директором Городского театра в Цюрихе. С 1844 г. до конца жизни была связана с Придворным театром в Берлине. Тем не менее получила известность не как актриса, а как автор драматических произведений (более 74). Литературную деятельность начала в 1828 г. с драмы Herma (по мотивам романа Ф. ван дер Вельде). Затем перерабатывала для сцены романы Виктора Гюго, Жорж Санд, Александра Дюма и др. Ее перу принадлежат такие произведения, как Weitere W Das Pfefferrösel (1828); Hinko (1829); Der Glöckner v. Notre Dame (1847); Dorf u. Stadt (1847); Die Waise von Lowood (1855); Die Grille (1856). В 1863–1865 гг. вышли в свет 3 тома Novellen und Erzählungen, а в 1863–1880 гг. опубликованы 23 тома драматических сочинений Бирх-Пфайфер.

Брендель Карл Франц (Brendel; 1811–1868), немецкий музыковед и музыкальный критик. В 1844 г. стал преемником Р. Шумана в качестве главного редактора и издателя Neue Zeitschrift für Musik («Нового музыкального журнала») в Лейпциге. С его приходом журнал стал главным рупором музыкального направления, олицетворяемого именами Ф. Листа и Р. Вагнера. Именно Бренделю принадлежит термин «новонемецкая школа» (более известная в русском музыковедении как «нововеймарская школа»). С тех пор сам Брендель и Neue Zeitschrift für Musik стали основным объектом агрессивных нападок консервативно настроенной музыкальной общественности (в частности, критика Э. Ганслика (см. ниже)). Кроме того, Брендель опубликовал статью Вагнера «Еврейство в музыке» (Das Judenthum in der Musik), получившую впоследствии скандальную известность. В 1856–1861 гг. совместно с Р. Полем (см. ниже) Брендель издавал в Лейпциге ежемесячный журнал Anregungen für Kunst, Leben und Wissenschaft («Рекомендации для искусства, жизни и науки»). В 1861 г. совместно с Ф. Листом основал Allgemeiner Deutscher Musikverein (Всеобщий немецкий музыкальный союз). Кроме издательской и общественной деятельности, Брендель занимался преподаванием: читал лекции по истории музыки в Лейпцигской консерватории. Автор следующих книг: Geschichte der Musik in Deutschland, Italien und Frankreich (1852; перевод на русский язык осуществлен в 1877 г. под названием «Основания истории западноевропейской музыки»); Die Musik der Gegenwart (1854); Grundzüge der Geschichte der Musik (1861), Die Organisation des Musikwesens durch den Staat (1866); Geist und Technik im Klavierunterricht (1867) и др.

173

Статья «Еврейство (иудейство) в музыке» (Das Judenthum in der Musik) была написана Вагнером в 1850 г. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что Вагнер не был *источником* антисемитизма, не был «основателем» и «первопроходцем». Если во всем остальном Вагнер – лидер, страстный реформатор и оригинальный мыслитель, то в данном случае он – *жалкий эпигон, если не сказать плагиатор*. Во времена Вагнера была своеобразная мода публично выступать с подобными «лекциями» в среде творческой интеллигенции, причем далеко не только в Германии. Мало найдется философов-современников Вагнера, которые обходили бы молчанием эту болезненную тему. Одним из ярких и показательных примеров служит в данном вопросе статья социального философа и экономиста, создателя доктрины «научного» социализма Карла Маркса (1818–1883), тем более что сам он принадлежал как раз к кругам еврейской интеллигенции и выражал, скажем так, «взгляд изнутри». Эта статья, так и названная «К еврейскому вопросу», была написана Максом еще в 1843 г. и напечатана в журнале «Deutch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»). Можно предположить с почти стопроцентной уверенностью, что со статьей Маркса Вагнер к моменту написания собственной статьи уже был давно знаком. Читая обе статьи, невозможно не заметить, что Вагнер совершенно не оригинален и во многом лишь приспосабливает статью Маркса к своим интересам. Причем в данном «диалоге» Маркс выступает, пожалуй, еще более непримиримым антисемитом, нежели Вагнер, у которого довольно большой объем статьи вообще занимает субъективный анализ композиторского творчества Мендельсона и Мейербера. Ни одной цельной работы на тему еврейского вопроса у Вагнера больше нет. Есть отдельные, и многочисленные, разрозненные ксенофобские высказывания (кстати, не только по отношению к евреям, а, например, и по отношению к французам – ничуть не менее, а местами и более, злобные и несправедливые), выставляющие композитора далеко не в лучшем свете. Что же касается самого творчества Вагнера, то видеть в нем проявление какой-либо человеконенавистнической идеи, по меньшей мере, абсурдно.

174

Бишоф Людвиг Фридрих Кристиан (Bischoff; 1794–1867), немецкий педагог, музыкальный критик и издатель. Изучал филологию в Берлинском университете. В 1823–1849 гг. был директором гимназии в Везеле (Wesel). Одновременно с занятиями наукой серьезно занимался музыкой. В 1850 г. в Кёльне основал Rheinische Musikzeitung («Рейнскую музыкальную газету»), в 1853 г. получившую название Niederrheinische Musikzeitung («Нижнерейнская музыкальная газета»), редактором которой оставался до конца жизни. Это издание было весьма влиятельным в музыкальной жизни своего времени.

175

«Сера, мой друг, всякая теория» *(нем.)*. Известный отрывок из I части гётевского «Фауста» (сцена IV):

> Grau, teurer Freund, ist alle Theorie
> Und grim des Lebens goldner Baum.

Наиболее близок к оригиналу перевод Валерия Брюсова:

> Сера, мой друг, теория везде,
> Златое древо жизни зеленеет.

«Красна, *мой* друг, *моя* теория» *(нем.)*.

177

Сэнтис (Säntis), горная группа в Гларнских Альпах на границе кантонов Сен-Галлен и Аппенцелль. Вершина – Hochsäntis – 2540 м; с нее открывается живописный вид на Аппенцелль, Тоггенбургскую и Рейнскую долины, Боденское озеро и Альпы.

178

Музыкальный термин, означающий «громко» *(итал.)*.

179

Постоянно громко *(итал.)*.

180

Тихо *(итал.)*.

181

Постепенно усиливая звук *(итал.)*.

Не очень громко; средняя громкость *(итал.)*.

183

Присниц Винценц Франц (Prießnitz; 1799–1851), немецкий целитель-натуропат, адепт водолечения. Не получил никакого систематического образования. Считал, что кожные заболевания могут быть излечены с помощью чистой родниковой воды. В своей практике достигал неплохих результатов, так как холодная вода действительно замедляет размножение бактерий, а также вызывает локальную гиперемию, которые способствуют заживлению. В качестве теста для определения, подходит ли пациенту водолечение, рассматривал такую реакцию кожных покровов на холодную воду, как покраснение. Те пациенты, у кого кожа не краснела после погружения, считались невосприимчивы к методу Присница, в основе которого лежала стимуляция естественного исцеления организма через очищение с помощью ванн и обливаний с различной регулируемой температурой воды. Затем Присниц разработал метод т. н. воздушных ванн; предпочитал ходить босиком, носить крестьянские одежды и питаться обильно, но просто. Методы Присница подверглись резкой критике со стороны официальной медицины; он был обвинен в шарлатанстве, за что в 1829 г. ему пришлось отвечать в суде. Тем не менее в 1831 г. он получил лицензию на открытие санатория холодного водолечения (Kaltwasser-Heilanstalt). В 1847 г. продиктовал своей дочери Хедвиг книгу Vinzenz Prießnitz'sche Familien Wasserbuch, которая так и не была опубликована.

184

Surenen-Eck (правильнее Surenenpass), высокий горный перевал (2291 м) в Центральной Швейцарии в кантоне Обвальден и в кантоне Ури.

185

Карус Густав Альберт (Carus; 1817–1891), немецкий врач, доктор медицины. Был королевским придворным советником и личным врачом принца Георга, герцога Саксонского (1832–1904), будущего короля Саксонии (с 1902 г.). Изучал медицину в Лейпцигском университете; имел практику в Дрездене. Зимой 1853–1854 гг. совершил вместе с принцем Георгом путешествие в Сицилию и Неаполь, которое было описано им в дневнике, впоследствии опубликованном.

186

Оливье (Ollivier) Бландина Рашель, урожденная Лист (1835–1862), старшая дочь Листа и графини Мари д'Агу. 22 октября 1857 г. вышла замуж за Эмиля Оливье (см. ниже), французского адвоката и политического деятеля, министра юстиции при Наполеоне III. 3 июля 1862 г. у них родился сын Даниэль Эмиль; 11 сентября Бландина скоропостижно умерла, что стало страшным ударом для Листа.

Слухи о якобы имевшей место любовной связи между Вагнером и Бландиной Оливье являются абсолютно необоснованными.

187

В ночь на 2 декабря 1851 г. отряды войск президента республики Луи Наполеона Бонапарта (1808–1873) заняли здания Законодательного собрания и других правительственных учреждений. Его декретом Собрание было распущено, большинство депутатов арестовано. Восстания, поднятые в Париже и в некоторых других местностях сторонниками республики, были подавлены. Республика пала, и во Франции была установлена т. н. Вторая империя. Плебисцит (всенародное голосование), утвердил новую конституцию, которая давала почти неограниченную власть Луи Наполеону Бонапарту. 2 декабря 1852 г. он был провозглашен императором под именем Наполеона III.

188

Везендонк Отто Фридрих Людвиг (Wesendonck; также Wesendonk; 1815–1896), немецкий предприниматель и меценат; представитель торгового дома Loeschigk, Wesendonk & Co. Брат политического деятеля Хуго Максимилиана Везендонка (1817–1900). 19 мая 1848 г. состоялась свадьба Отто Везендонка с Агнесс Матильдой Люкемайер (см. ниже), его второй женой. В 1851 г. переехал в Цюрих. Весной 1855 г. построил на «Зеленом холме» (Grünen Hügel) в пригороде города Энге виллу, в которой жил с семьей с 1857 г., собрав большую коллекцию произведений искусства. В 1872 г. продал виллу – ныне в ней находится музей Rietberg – и переехал в Дрезден. С осени 1882 г. поселился в Берлине, где оставался до конца жизни. После знакомства с Р. Вагнером оказывал ему финансовую поддержку. В 1857 г. предоставил в распоряжение Вагнера маленький домик недалеко от своей виллы, куда 27 апреля 1857 г. Вагнер и Минна переселились, взяв обязательство выплачивать семейству Везендонк 800 франков в год – ровно столько, сколько стоила им их квартира в Цюрихе. Некоторые биографы Вагнера упускают из виду «малозначительный» факт оплаты Вагнером «домика на холме», представляя ситуацию таким образом, словно Отто Везендонк подарил его композитору. Сказанное нисколько не умаляет значение благодеяния благородного финансиста, но в то же время делать из него святого бессребреника тоже не следует. В 1858 г. Отто Везендонк купил права на «Кольцо нибелунга», но позднее аннулировал контракт в пользу баварского короля Людвига II. Несмотря на роман между Вагнером и его женой, оставался в числе друзей композитора. (См.: Richard Wagner an Mathilde und an Otto Wesendonk. Tagebuchblätter und Briefe. Betlin, 1900.)

189

Везендонк Агнес Матильда, урожденная Люкемайер (Wesendonck; Luckemeyer; 1828–1902), немецкая писательница и поэтесса. Муза Р. Вагнера, вдохновившая его на написание пронзительных «Пяти песен на стихи Матильды Везендонк» (Wesendonck-Lieder) и музыкальной драмы «Тристан и Изольда». Родилась в Эльберфельде (Elberfeld; ныне Вуппераль [Wuppertal]). В 1831 г. семья переехала в Дюссельдорф. В 20 лет вышла замуж за предпринимателя Отто Везендонка, с которым познакомилась в 1847 г. В браке родила пятерых детей: Пауль (1849–1850); Мирра (в замужестве фон Биссинг [von Bissing]; 1851–1888); Гвидо (1855–1858); Карл Фердинанд (1857–1934), ставший впоследствии известным физиком; Ганс (1862–1882). В 1850 г., после смерти первого сына, переехала с мужем в Нью-Йорк. В апреле 1851 г. поселилась в Цюрихе. В 1852 г. познакомилась с Р. Вагнером. В 1857 г. Матильда, будучи одаренной поэтическим и музыкальным талантом, стала брать у Вагнера уроки музыки. Вскоре взаимоотношения между учителем и ученицей перестали носить исключительно деловой характер и переросли в чувство глубокой восторженной взаимной любви. Однако они не хотели строить свое счастье на горе близких им людей и самоотверженно решили, что их отношения не выйдут за рамки возвышенного преклонения друг перед другом. Обоим в 1857–1858 гг. пришлось пережить тяжелый духовный кризис. В 1872 г. Матильда с семьей переехала в Дрезден, а в 1882 г. – в Берлин, где проживала до конца жизни. Из литературного наследия Матильды Везендонк необходимо упомянуть следующие произведения: Naturmythen (1865); Genoveva (1866); Gudrun (1868); Deutsches Kinderbuch in Wort und Bild (1869); Friedrich der Große. Dramatische Bilder (1871); Edith oder die Schlacht bei Hastings (1872); Gedichte, Volksweisen, Legenden und Sagen (1874); Alte und neue Kinderlieder (1890).

В своих мемуарах Вагнер уделяет Матильде Везендонк слишком мало внимания. И это не удивительно. Ведь «Мою жизнь» Вагнер диктовал непосредственно Козиме и, безусловно, щадит ее чувства, что делает ему честь. Истинный характер его отношений к госпоже Везендонк раскрывается лишь в дневнике Вагнера, в котором ему не было нужды притворяться перед самим собой, и в частично сохранившейся переписке с Матильдой; правда, сохранились лишь письма самого Вагнера к Матильде (см.: Richard Wagner an Mathilde und an Otto Wesendonk. Tagebuchblätter und Briefe. Berlin, 1900).

190

Шёнек Рудольф (Schöneck; 1829–1904), швейцарский дирижер; корреспондент Р. Вагнера, с которым он вел активную переписку, касающуюся постановок его музыкальных драм «Лоэнгрина» и «Тангейзера» под управлением Шёнека в 1852–1853 гг. См.: Wagner R. Sämtliche Briefe: September 1852 – Januar 1854 // Sämtliche Briefe. Hrsg. Im Auftrage des Richard-Wagner-Familien-Archivs Bayreuth. Leipzig, 1967.

191

Ран-Эшер Ганс Конрад (Rahn-Escher; 1802–1881), швейцарский врач; доктор медицинских наук. В 1830–1833 гг. являлся профессором медицины Цюрихского университета. Имел обширную частную практику. В 1839–1866 гг. являлся членом Законодательного совета; одновременно в 1839–1844 гг. входил в Совет по образованию. Был инициатором постройки в Цюрихе новой больницы для женщин.

192

Еще в феврале 1851 г. Лист подал наследному принцу Карлу Александру, будущему Великому герцогу Саксен-Веймар-Айзенахскому (с 8 июля 1853 г.), доклад о создании Общества имени Гёте в Веймаре; в сопроводительной записке к докладу он высказывал свои соображения по поводу средств превращения Веймара в центр искусств единой Германии.

193

Письмо к Бренделю было напечатано в Neue Zeitschrift für Musik (Leipzig) 6 февраля 1852 г.; письмо к Листу – там же 5 марта 1852 г. Оба эти письма были затем напечатаны отдельной брошюрой: Zwei Briefe von Richard Wagner. i. Brief an den Redacteur d. Neuen Zeitschr. f. Musik [Franz Brendel]. ii. Brief an Franz Liszt (Über die Goethe-Stiftung). (Leipzig: Bruno Hinze, 1852).

194

Валлис (*нем.* Wallis; *франц.* Le Valais), один из самых гористых кантонов Швейцарии, граничащий на севере с Берном и Ватландом, на востоке – с Ури и Тессином, на юге и западе – с Италией и Францией.

195

Фаульхорн (Faulhorn), гора Бернских Альп, расположенных между Бриенцским озером и Гриндельвальдом. Высота 2681 м.

196

Гримзельский горный приют (в немецком оригинале Grimsel-Hospital), бывшее благотворительное учреждение, расположенное на берегу небольшого озера (на высоте 1874 м). Впоследствии превращен в гостиницу, служащую исходным пунктом для туристов при экскурсиях в Бернские и Урийские Альпы.

197

Зидельхорн (Siedelhorn), гора, расположена к западу от перевала Гримзель (Grimselpass). Высота 2768 м.

198

Сноудон (Snowdon), самая высокая гора Уэльса и всей Великобритании, расположенная южнее Шотландского высокогорья, в национальном парке Сноудония в Гвинеде. Вершина Сноудона Yr Wyddfa находится на высоте 1085 м.

199

В самой северной части долины Формацца река Точе (итал. Tocе) образует один из самых больших водопадов Европы, низвергающийся с высоты 143 м. Вагнер называет реку Тоза (Tosa).

200

Домодоссола (*итал.* Domodossola; *нем.* Domo d'Ossola), город на севере Италии, расположенный у слияния рек Бонья (Bogna) и Точе, в долине Оссола у подножия Итальянских Альп.

201

Древнегреческий комедиограф Аристофан (444 до н. э. – между 387 и 380 гг. до н. э.) написал свою комедию «Облака» в 423 г. до н. э. Сатира Аристофана направлена против софистов, которые высмеиваются в лице Сократа (хотя на самом деле в комедии пародируется учение Антифонта). В противовес прежним моральным устоям софисты проповедовали учение об относительности нравственных понятий и субъективности привычного человеческого познания.

Ирония Вагнера основана на одной из сцен «Облаков», когда Сократ в помещении своей «мыслильни» качается в гамаке. Ученик его объясняет, что мудрец «паря в пространствах, мыслит о судьбе светил», ибо «нельзя проникнуть в тайны воздуха, стоя на земле».

202

Вилле Франсуа (Wille; 1811–1896), швейцарский журналист и политик. Учился в Гёттингенском университете. Продолжил образование в Кильском университете, где получил докторскую степень. Затем переехал в Гамбург; отличался радикальными политическими взглядами; писал статьи на политические темы в Hamburger Neue Zeitung («Гамбургской новой газете»). В 1845 г. женился на писательнице Элизе Слоумен (см. ниже). В 1848 г. являлся членом Франкфуртского Предпарламента (Vorparlament), предшествовавшего Франкфуртскому национальному собранию. После поражения революционного движения переехал с женой в Швейцарию. До 1868 г. входил в Конституционный совет Цюриха. Автор книги Die Gründung der wahren Demokratie durch ein gerechtes Wahlsystem («Установление истинной демократиии через справедливую избирательную систему»; 1868).

203

Вилле Элиза (Wille; урожденная Слоумен [Sloman]; 1809–1893), немецкая писательница и поэтесса; друг и корреспондент Р. Вагнера. Была дочерью гамбургского судовладельца английского происхождения Роберта Майлза Слоумена (1783–1867). С юности отличалась литературным талантом. Ее первый цикл стихов Der Sang des fremden Sängers. Eine Phantasie был опубликован анонимно в 1835 г. и в том же году запрещен цензурой Пруссии, усмотревшей в нем поддержку Польского восстания 1830–1831 гг. В 1836 г. вышел в свет второй том стихов Dichtungen; на этот раз за подписью «Элиза Слоумен». В 1845 г. Элиза вышла замуж за швейцарского журналиста Франсуа Вилле, с которым в 1851 г. оставила Гамбург и переехала в Швейцарию. Семья Вилле приобрела имение в Мариафельде (Mariafeld), недалеко от Майлена, на Цюрихском озере, которое стало местом встреч художников, музыкантов, писателей и ученых. В частности, с 1852 г. постоянным гостем семьи Вилле стал Р. Вагнер. В 1850 г. был публикован двухтомный роман Элизы Вилле Felicitas. В 1871 г. она написала новый трехтомный роман Johannes Olaf, а в 1878 г. вышел в свет трехтомный сборник новелл Stillleben in bewegter Zeit. Все сочинения Элизы Вилле были очень высоко оценены критикой.

Об отношениях с Вагнером, в частности, см.: Richard Wagner an Eliza Wille; fünfzehn Briefe des Meisters nebst Erinnerungen und Erläuterungen von Eliza Wille. Berlin, 1908.

204

фон Гайнау Юлиус Якоб (von Haynau; 1786–1853), австрийский фельдцейхмейстер (1849), участник подавления Венгерского восстания 1848–1849 гг. Участвовал в кампании 1805 г. против Наполеона; в войне 1809 г.; в походах 1813–1815 гг.; в австро-итальянской войне 1848 г. 29 апреля 1849 г. удостоился от российского императора Николая I ордена Св. Георгия 4-й степени. В июне 1849 г. принял командование над армией, действовавшей против венгерских повстанцев. По окончании кампании получил Большой крест ордена Марии Терезии (26 марта 1850 г.). Удар по карьере Гайнау нанес расстрел по его приказу 13 пленных венгерских генералов и первого венгерского премьер-министра Лайоша Баттьяни, возбудив к нему всеобщую ненависть. В 1850 г. он был вынужден уйти в отставку. Однако его репутации это не помогло. В частности, во время его путешествия по Европе в Лондоне и Брюсселе оскорбления в его адрес приводили к дипломатическим скандалам.

«Ледяное море» (*франц.* Mer de Glace; *нем.* Eismeer), ледник в долине Шамони.

206

Флежер (La Flégère), одна из вершин горного массива Монблана; высота 2385 м. Ныне популярный горнолыжный курорт.

207

Шиндельмайссер Луис (Schindelmeißer; 1811–1864), немецкий композитор и дирижер. Родился в Кёнигсберге, где его мать преподавала игру на фортепьяно. В 1823 г. переехал в Берлин, где закончил гимназию, одновременно беря уроки игры на кларнете. С 1830 г. начал выступать в концертах как кларнетист. В 1832 г. получил должность капельмейстера в Зальцбурге; позже переехал в Инсбрук, Грац, и, наконец, в 1837 г. стал капельмейстером в Кёнигсштэдтер-театре в Берлине. В 1838 г. был приглашен в Немецкий театр в Пешт, где оставался до 1847 г. В 1847 г. переехал в Гамбург; в 1848 г. – во Франкфурт. В 1851 г. стал музикдиректором театра в Висбадене. В 1853 г. получил должность придворного капельмейстера в Дармштадте, где оставался до конца жизни. Его композиторское наследие включает ораторию Bonifacius, Apostel der Deutschen (1844); оперы Mathilde; Die 10 glücklichen Tage; Peter von Szapary (все 1839); Malvina (1841); Die Rächer (1844); балет Diavolina, а также концерт для кларнета и фортепьяно; 4 концерта для кларнета с оркестром; фортепьянные сонаты и песни.

208

Фон Хюльзен Бото (von Hülsen; 1815–1886), немецкий театральный деятель. Начинал карьеру военного; получил образование в Кадетском корпусе в Потсдаме. В 1841–1843 гг. находился на военной службе в Кёнигсберге, где познакомился с актрисой Софией Шрёдер, матерью Вильгельмины Шрёдер-Девриент. Это знакомство решило его судьбу. С 1844 г. начал организовывать театральные представления в казармах своего полка. Во время революционных событий 1848–1849 гг. участвовал в подавлении Мартовского и Дрезденского восстаний. И вместе с тем в 1848 г. получил должность генерал-интенданта придворной музыки. Но фактически его театральная карьера началась в 1851 г., после назначения на пост главы королевских театров в Берлине. В 1852 г. был назначен камергером и генерал-интендантом также театров в Касселе, Ганновере и Висбадене. На этой должности находился до 1866 г. В 1883 г. был назначен президентом Ассоциации немецких театров (Deutschen Bühnenvereins).

209

Статью «О постановке «Тангейзера» (Über die Aufführung des «Tannhäuser») см.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. V, S. 123–159.

Значительные отрывки из этой статьи были также напечатаны в Neue Zeitschrift за 3 и 24 декабря 1852 г. и 1 января, 7 и 14 января 1853 г., снабженные сноской о том, что «эту брошюру нельзя купить у книготорговцев, и она не предназначалась для широкой публикации. Но мы имеем авторское разрешение использовать ее частично в этом журнале». Под «частичным» использованием имеется в виду то обстоятельство, что слишком откровенные вагнеровские сведения личных счетов были опущены в журнальной публикации.

210

Фон Биссинг Генриетта (урожденная Хариетт [Harriet] Слоумен;?—?). Родная сестра Э. Вилле; дочь гамбургского судовладельца Роберта Майлза Слоумена (1783–1867). Вышла замуж за барона Эрвина фон Биссинга (1803–1852).

Не путать с Генриеттой (Доротеей) фон Биссинг (урожденная Крон [Krohn]; 1798–1879), немецкой писательницей.

Также не путать с Миррой фон Биссинг (урожденной Везендонк; 1851–1888), дочерью Отто и Матильды Везендонков, 22 августа 1872 г. вышедшей замуж за Морица Фердинанда фон Биссинга (1844–1917), племянника Эрвина фон Биссинга.

211

Отель ведет свою историю с 1844 г. и существует по сей день. Ныне это пятизвездочный отель, имеющий 120 номеров. Находится по адресу Zürich, Talstrasse 1.

212

Статью «Театр в Цюрихе» (Ein Theater in Zürich) Вагнер написал еще в 1851 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. V. S. 20–52.

213

Гейм (Хайм) Игнац (Heim; 1818–1880), швейцарский композитор, хормейстер и фольклорист. По желанию родителей должен был стать фармацевтом, но после смерти отца переехал во Фрайбург, где организовал Фрайбургское мужское хоровое общество (Freiburger Liedertafel). Во время революционных событий 1848–1849 гг. принимал участие в Баденском восстании, после поражения которого, имея швейцарское гражданство, без проблем переехал в 1850 г. в Швейцарию. В 1852 г. в Цюрихе организовал Хоровое общество (Gesangvereine) и стал хормейстером церковных хоров. Он собрал и подготовил к изданию большое количество народных песен. Составлял из них сборники для мужских и смешанных хоров, многократно переиздававшиеся; кстати, многие хоры из этих сборников написаны им самим. Следует отметить такие издания, как: Sammlung v. Volksges ängen für den Männerchor (1862); Sammlung für gemischten Chor (1863); Für Töchter – u. Frauenchöre (1867); Sammlung von Volksgesängen für den gemischten Chor (1869); Sammlung von Volksgesängen für den Männerchor herausgegeben von der Musik-Kommission der Zürch (1872); Neue Volksgsänge für den Männerchor. Liederbuch für Schulen und Vereine (1875) и др.

214

Отт-Устери Ганс Конрад (Ott-Usteri; 1788–1872), швейцарский предприниматель и общественный деятель. Был членом первого Совета директоров театров Цюриха. В 1834–1867 гг. являлся президентом Всеобщего Музыкального общества. Его речи на заседаниях Общества имеют историческое значение; они были опубликованы и ныне хранятся в Государственной библиотеке Цюриха. Его общественная деятельность была неотъемлемой и одной из главных составляющих культурной жизни Швейцарии в XIX в.

215

Полностью первая редакция «Фауст-симфонии» была закончена Листом 19 октября 1854 г. Ее полное название: «Фауст-симфония» в трёх характеристических картинах по Гёте (Eine Faust-Symphonie in drei Charakterbildern; 1. Фауст. 2. Гретхен. 3. Мефистофель). В 1857 г. был добавлен заключительный хор Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis.

Интересна параллель этого произведения с вагнеровской «Фауст-увертюрой» 1840 г. Пожалуй, это самое значительное и зрелое произведение молодого Вагнера. Интересно мнение П. И. Чайковского об этой увертюре как об одном «из превосходнейших творений германской симфонической литературы. Я не знаю ни одного лирического произведения искусства, где бы с таким неотразимым пафосом были выражены муки человеческой души, усомнившейся в своих целях, надеждах и верованиях. И превосходные темы (в особенности страстная тема аллегро), и отличное их проведение в средней части, и строго выдержанная сжатая классическая форма, и колоритная, блестящая оркестровка, все эти качества делают из увертюры Вагнера чудесное, глубоко врезывающееся в душу музыкальное произведение, могущее стать наряду с лучшими симфоническими творениями Бетховена и Шумана» (*Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1953. Т. 2. С. 91–92). Кстати, через 15 лет, в 1855 году, увертюра «Фауст» была переработана Вагнером по совету Ф. Листа. При этом интересно отметить, что характерное романтическое развитие побочной партии в экспозиции и репризе вагнеровского «Фауста» будет почти «дословно» воспроизведено не только в его «Тристане и Изольде» в качестве одной из любовных тем, но и в «Фаусте» самого Листа, написанном спустя 14 лет после произведения Вагнера. Так что говорить об исключительно листовском влиянии на Вагнера, о чем часто можно услышать, по меньшей мере не корректно – оба мастера вполне благотворно влияли друг на друга.

216

Цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст Мария Паулина Антуанетта (zu Hohenlohe–Schillingsfürst; урожденная светлейшая княжна Мария Николаевна Витгенштейн; 1837–1920), княгиня; австрийская меценатка. Дочь светлейшего князя Н. П. Витгенштейна (1812–1864) и Каролины Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн). Ее детство прошло в имении под Киевом Воронинцы. В 1847 г. ее мать Каролина Витгенштейн встретила и полюбила Ф. Листа. Еще в Украине Ф. Лист написал фортепьянный цикл «Колосья, собранные после жатвы в Воронинцах» (Glanes de Woronince), посвященный маленькой Марии. В 1848 г. она уехала вместе с матерью в Германию; жила в Веймаре, где дом Каролины и Листа являлся местом встреч ведущих музыкантов того времени. В частности, Мария была знакома с Р. Вагнером и Г. Берлиозом. В 1859 г. вышла замуж за князя Константина цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста (1828–1896) и переехала в Вену. С назначением мужа обергофмейстером императора Франца Иосифа I заняла видное положение при дворе. Активно содействовала процветанию искусств; оказывала финансовую помощь Г. Земперу, Ф. фон Дингельштедту и др. Являлась одной из основательниц Дома-музея Ф. Листа в Веймаре и профинансировала издание первого собрания произведений композитора. Переводила на немецкий произведения А. де Ламартина и книгу Листа «Шопен» (изначально написанную на французском). Ее благотворительная деятельность включала также организацию в 1873 г. в венском районе Леопольдштадт «народных кухонь» (т. н. Leopoldstädter Volksküche), а также нескольких летних лагерей для детей.

217

Грютли (Grütli), устаревшее название горного луга Рютли (Rütli) в окрестностях Фирвальдштетского озера, где, по легенде, представители трех коммун Ури (Uri), Швиц (Schwyz) и Унтервальден (Unterwalden) – первоначальных кантонов Швейцарии – дали клятву о взаимопомощи и поддержке: т. н. Клятву Рютли (Rütlischwur), что считается моментом основания Швейцарского союза. Рютли является национальным памятником, «Колыбелью Швейцарии». В частности, на лугу есть «Фонтан трех земель» (Dreiländerbrunnen), символизирующий священный союз Рютли.

218

Энгадин (Engadin), горно-курортный регион в швейцарском кантоне Граубюнден. Расположен в долине реки Инн. Долина разделена на две части: Верхний Энгадин (Oberengadin; на высотах 1600–1800 м) и Нижний Энгадин (Unterengadin; на высотах 1610–1019 м). В регионе находятся горные курорты Зильс, Сильваплана, Сен-Мориц (Санкт-Мориц) с минеральными источниками и др.

219

Даумер Георг Фридрих (Daumer; 1800–1875), немецкий поэт и философ. Получил образование в университете Эрлангена, где изучал философию. Выступал как непримиримый борец с христианством. Написал такие антихристианские труды, как: Philosophie, Religion, und Altertum (1833); Züge zu einer neuen Philosophie der Religion und Religionsgeschichte (1835); Der Feuer– und Molochdienst der Hebräer (1842); Die Geheimnisse des christlichen Altertums (1847); Religion des neuen Weltalters (1850). В начале 1850-х гг. переехал во Франкфурт, где радикально пересмотрел свое мировоззрение, принял католицизм (между 1858 и 1859 гг.) и стал одним из его самых активных проповедников, что нашло отражение в таких работах, как: Meine Konversion (1859); Aus der Mansarde (1860–1862); Das Christentum und sein Urheber (1864); Das Wunder, seine Bedeutung, Wahrheit und Notwendigkeit (1874). Среди его поэтического наследия особенной известностью и популярностью пользовались его переводы и подражания Хафизу, опубликованные в 1846 г. и в 1853 г.

220

Гафиз (правильнее Хафиз; Шемс-Эддин-Мухаммед; 1300–1389), персидский поэт. Родился, жил и умер в Ширазе. Его лирические стихотворения быстро снискали ему известность и сделали любимцем и другом царствовавшей султанской династии Моссаферидов. Его поэмы носили эротический характер; большинство его наследия составляют т. н. газели – излюбленный персидскими поэтами род поэтической литературы, в котором воспеваются красота, любовь, вино, цветы и т. д. Кроме того, Гафиз писал о непостоянстве человеческой судьбы, изменчивости счастья и т. п., а также прославлял благородство и благодеяния своих царственных покровителей.

221

«Избирательное сродство» (Die Wahlverwandtschaften), роман И. В. Гёте. Опубликован в 1809 г. В основе названия лежит химический термин, относящийся к свойству химических веществ сочетаться лишь с определенными веществами или их соединениями и не вступать в реакции с другими, т. н. «химическое сродство». Гёте метафорически рассматривает мир человеческих чувств сквозь призму химии, пытаясь понять, способны ли подобные законы науки влиять на социальные отношения людей.

222

В основу вступления к «Золоту Рейна» положен лейтмотив Рейна, один из главных лейтмотивов всей тетралогии. Вступление написано в тональности Es-dur. Среди особенностей гармонического языка Вагнера следует отметить, что в данном вступлении на протяжении 136 тактов звучит одна гармония – ми-бемоль-мажорная тоника. При этом происходит постепенное усиление динамики и расширение диапазона – иллюзия могучих, текучих, искрящихся под солнцем вод великой реки.

223

Баден (Baden am Stein), небольшой уютный городок к западу от Цюриха. В нем сохранились остатки древнего замка Штейн (Stein), принадлежавшего Габсбургам.

224

Имеется в виду Фридрих I (Friedrich Wilhelm Ludwig von Baden; 1826–1907), Великий герцог Баденский с 1856 по 1907 г. Во время описываемых Вагнером событий еще не принял официально титул Великого герцога Баденского: с 1852 по 1856 г. состоял регентом при своем старшем брате Людвиге II (1824–1858), который не правил по причине психического заболевания. В 1856 г. Фридрих I принял титул и женился на принцессе Луизе Прусской (1838–1923), дочери будущего императора Германии Вильгельма I и императрицы Августы. Поддерживал принципы конституционной монархии. В Австро-прусской войне 1866 г. встал на сторону Пруссии против Австрии; участвовал во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. против Франции. Присутствовал при провозглашении Германской империи 18 января 1870 г. в Версале. Являлся известным покровителем наук и искусств. В его честь 12 апреля 1902 г. университет Карлсруэ был назван именем Fridericiana.

225

Корнелиус Карл Август Петер (Cornelius; 1824–1874), немецкий композитор и музыкальный критик. Племянник художника Петера Йозефа фон Корнелиуса. Учился композиции у Г. Й. Эссера (см. ниже). В 1844–1852 гг. жил в Берлине у своего дяди и сотрудничал в качестве музыкального критика в ряде берлинских изданий. В 1852 г. переехал в Веймар, где написал комическую оперу «Багдадский цирюльник» (Der Barbier von Bagdad; 1858), впервые поставленную в Веймаре под управлением Ф. Листа. В 1853 г. лично познакомился с Р. Вагнером и с тех пор стал его близким другом. В 1859–1864 гг. жил в Вене, где написал вторую оперу, «Сид» (1863). По приглашению Вагнера в 1864 г. переехал в Мюнхен, но вскоре оставил композиторское творчество. Кроме опер, Корнелиус является автором нескольких струнных квартетов, сонат, хоровых сочинений и песен. В одном из его писем к матери есть такие строки: «Сознание, что такие люди (Лист и Вагнер) от души любят меня, внушает мне больше гордости, чем если бы меня возвели в княжеское достоинство».

226

Поль Рихард (Pohl; 1826–1896), немецкий музыкальный критик и музыкальный писатель. Учился в политехнической школе в Кемнице, а затем в Карлсруэ изучал математику и механику. В университетах Гёттингена и Лейпцига изучал философию и одновременно брал уроки музыки. Являлся редактором музыкального отдела в лейпцигском Neue Zeitschrift für Musik; сотрудничал с другими печатными изданиями. В 1852 г. переехал в Дрезден, а два года спустя по приглашению Ф. Листа переселился в Веймар, где жил и работал до 1863 г. В частности, в 1856–1860 гг. сотрудничал с Anregungen für Kunst, Leben und Wissenschaft Ф. Бренделя. Затем переехал в Баден-Баден. Являлся одним из наиболее активных сторонников т. н. новонемецкой (нововеймарской) школы. Пропагандировал в первую очередь произведения Листа и Вагнера. Среди основных сочинений Поля: Akustische Briefe für Musiker und Musikfreunde (1853); Musikalische Leiden (1856); Autobiographisches (1881); Richard Wagner (1883); Richard Wagner, Studien und Kritiken (1883); Franz Liszt (1883); Hektor Berlioz. Studien und Erinnerungen (1884); Die Höhenzüge der musikalischen Entwickelung (1888).

227

Прукнер Дионис (Pruckner; 1834–1896), немецкий пианист и музыкальный педагог. Его способности к музыке проявились очень рано. С 8-летнего возраста начал выступать в публичных концертах; с 17 лет регулярно принимал участие в концертах Гевандхауза в Лейпциге. В 1852–1855 гг. являлся учеником Ф. Листа, с которым совершал гастрольные поездки по Европе. С 1859 г. был профессором консерватории в Штутгарте. Его просветительская деятельность и заслуги в области музыки были отмечены многочисленными наградами.

228

Гоплит, тяжёловооруженный пеший воин в Древней Греции. Впервые гоплиты появились в спартанской армии. По своей сути являлись солдатами-гражданами; фактически каждый греческий гражданин являлся гоплитом.

229

Эти строки были написаны в 1869 г.

230

Квартет Морен – Шевийяр (Morin – Chevillard), французский музыкальный коллектив, созданный в 1852 г. виолончелистом Пьером Франсуа Александром Шевийяром (Chevillard; 1811–1877) и скрипачом Жан-Пьером Мореном (Maurin; 1822–1894). Шевийяр в 1827 г. окончил Парижскую консерваторию; в 1830–1869 гг. играл в оркестре Концертного общества Парижской консерватории; с 1859 г. преподавал в Парижской консерватории. Морен окончил Парижскую консерваторию в 1843 г.; в 1848–1867 гг. играл в оркестре Концертного общества Парижской консерватории; преподавал в Парижской консерватории с 1875 г. Квартет Морен – Шевийяр был создан специально для исполнения с целью популяризации квартетов Л. ван Бетховена.

231

Струнный квартет № 12 Es-dur, op. 127. Написан Бетховеном в 1825 г.

232

Струнный квартет № 14 cis-moll, op. 131. Написан Бетховеном в 1826 г.

233

Лист Даниэль (1839–1858), сын Листа и графини д'Агу. Серьезно изучал юриспруденцию, но не успел защитить диплом в Венском университете. Скоропостижно скончался 13 декабря 1858 г. Лист очень тяжело переживал его смерть. Когда 12 октября 1860 г. Козима родила дочь, в память о Даниэле внучку Листа окрестили Даниэлой-Зентой.

234

Жанен Жюль Габриель (Janin; 1804–1874), французский писатель и журналист. Литературный талант Жанена проявился в первую очередь в остроумных политических и литературно-критических статьях. Он являлся основателем Revue de Paris и Journal des Enfants. В 1829 г. стал постоянным сотрудником Journal des Débats, в котором с 1836 г. возглавлял отдел театральной критики. Среди литературного наследия Жанена наибольший интерес представляют драматические фельетоны, изданные в сборнике Histoire de la littérature dramatique в 1858 г. Получили также известность L'Ane mort et la femme guillotinée («Мертвый осел и гильотинированная женщина»; 1829; перевод на русский язык 1831 г.); Barnave (1831); Contes fantastiques. Histoire du théâtre à quatre sous («Дебюро. История двадцатикопеечного театра»; 1832; перевод на русский язык 1835 г.); La Religieuse de Toulouse (1850); La fin d’un monde et un Neveu de Rameau (1861).

235

Кавеньяк Эжен (Cavaignac; 1802–1857), французский государственный деятель. В 1824 г. поступил на службу военным инженером. Во время Июльской революции сочувствовал революционерам, за что был удален с военной службы, а затем отправлен в Алжир. В декабре 1847 г. был назначен губернатором провинции Оран. 2 марта 1848 г. Временное правительство назначило Кавеньяка дивизионным генералом и алжирским губернатором, а через несколько дней ему был предложен портфель военного министра. Однако после того, как правительство отказалось вернуть в Париж регулярные войска, Кавеньяк отклонил назначение и остался в Алжире. С образованием Учредительного собрания был избран депутатом от двух департаментов и 17 мая прибыл в Париж. На этот раз принял портфель военного министра. Когда 23 июня началось восстание, Учредительное собрание вверило Кавеньяку диктаторские полномочия, которые он сложил с себя 29 июня, после подавления восстания. Кавеньяк был избран президентом Совета министров и главой исполнительной власти. Однако на выборах президента Французской республики 10 декабря победил не Кавеньяк, а Луи-Наполеон, к политике которого генерал оставался в непримиримой оппозиции. В марте 1852 г. он был избран членом законодательного корпуса от Парижа, но отказался дать присягу новому режиму. После этого отошел от дел. На выборах 1857 г. был снова избран депутатом от Парижа, но опять отказался дать присягу. Вскоре внезапно скончался.

236

Фон Витгенштейн (цу Сайн-Витгенштейн) Эжен (Евгений Александрович) (zu Sayn-Wittgenstein; 1825–18886), светлейший князь; русский художник; сын светлейшего князя Александра Петровича Витгенштейна (1803–1858); внук светлейшего князя Петра Христиановича Витгенштейна (1769–1843). Корреспондент Ф. Листа.

237

Лауданум (*лат.* laudanum), настойка опиума (опия).

238

Концерт состоялся 7 марта 1854 г. в Цюрихе.

239

Рукопись статьи «Увертюра Глюка к “Ифигении в Авлиде”» (Gluck‘s Ouvertüre zu «Iphigenie in Aulis») подписана «17 июня 1854». Напечатана статья в Neue Zeitschrift für Musik 1 июля 1854.

Текст см.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VII. S. 160–176.

240

Фон Горнштейн цу Гогенштоффельн унд Биннинген (фон Хорнштайнцу Хоенштоффельн унд Биннинген) Роберт (von Hornstein zu Hohenstoffeln und Binningen; 1833–1890), барон, немецкий композитор и педагог. Его музыкальный талант был замечен очень рано, и, вопреки традициям своей старинной аристократической семьи, Роберт решил посвятить себя музыке. Учился в Штутгарте, Дрездене, Франкфурте и Мюнхене. В музыкальном мире быстро завоевал авторитет в качестве композитора. Является автором многочисленных песен; балета Der Blumen Rache; двух опер: Adam und Eva и Der Dorfadvokat; музыки к пьесе У. Шекспира «Как вам это понравится» (Wie es Euch gefällt); сочинений для фортепьяно и др. Преподавал в Королевской музыкальной школе в Мюнхене. Его дом был центром культурной жизни столицы Баварии, где собирались музыканты, художники и литераторы.

241

Метфессель Адольф (Methfessel; 1807–1878), немецкий композитор и дирижер; племянник композитора и дирижера Альберта Готлиба Метфесселя (1785–1869). В юности переехал в Швейцарию. С 1830 г. играл на виолончели и флейте в Бернском Городском оркестре (Berner Stadtorchesters), который возглавил в качестве дирижера в 1841 г. Кроме того, в 1849–1867 гг. возглавлял Бернское мужское хоровое общество (Berner Liedertafel). С 1869 г. преподавал игру на виолончели в Городской музыкальной школе Берна. Его композиторское наследие включает многочисленные пьесы для флейты и виолончели.

Не путать с его братом Эрнстом Метфесселем (1811–1886), композитором и гобоистом, руководителем и дирижером Певческого общества в Винтертуре в 1839–1872 гг.

242

Древнегреческий афинский государственный деятель, оратор и полководец Алкивиад (450 до н. э. – 404 до н. э.) в юности много общался с софистами. Но наибольшее значение для развития его личности имели его отношения с Сократом. В 432 году до н. э. Алкивиад и Сократ участвовали в осаде Потидеи, и Сократ спас Алкивиада от смерти. Спустя восемь лет, в битве при Делии, Алкивиад в свою очередь спас Сократа, отступавшего в рядах гоплитов.

243

Шопенгауэр Артур (Schopenhauer, 1788–1860), немецкий философ, иррационалист. В 1809 г. поступил в Гёттингенский университет на медицинский факультет, а затем перешел на философский. В 1811 г. переехал в Берлин. В 1812 г. Йенский университет заочно удостоил его звания доктора философии. С 1820 г. преподавал в Берлинском университете. В 1831 г. переехал во Франкфурт-на-Майне. Основным трудом Шопенгауэра является «Мир как воля и представление» (Die Welt als Wille und Vorstellung; 1819; в 1843 г. Шопенгауэр написал второй том). Кроме того, необходимо отметить следующие труды: «О четверояком корне закона достаточного основания» (Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde; 1813); «О зрении и цветах» (Über das Sehn und die Farben; 1816); «О воле в природе» (Über den Willen in der Natur; 1836); «О свободе воли» (Über die Freiheit des menschlichen Willens; 1839); «Об основе морали» (Über die Grundlage der Moral; 1840); «Две основные проблемы этики» (нем. Die beiden Grundprobleme der Ethik; 1841); Parerga und Paralipomena (1841; 1851 – два тома), Neue Paralipomena (1860).

Если говорить о влиянии на Вагнера, безусловно, философия Шопенгауэра оказала на него наибольшее влияние (характерно, что именно ему композитор посвятил «Кольцо нибелунга»). Но это утверждение далеко не однозначно. Шопенгауэр считал необходимым синтезировать рациональное и интуитивное начала разума, причем интуитивное начало имеет основополагающее значение. Человеческому разуму противостоит «мировая Воля», во многом делающая человеческую жизнь «цепью беспрерывных страданий». При этом цель истинного искусства (а музыка является высшим из искусств) – освободить человека от них, создавая иллюзию красоты. А целью истинной философии является объяснение причин трагичности бытия. При этом путь самопожертвования и отказа от соблазнов этого мира есть высшее проявление свободы от «мировой Воли», к чему способны лишь немногие избранные. Интересно отметить, что в рабочем кабинете Шопенгауэра мирно соседствовали бюст Канта, портреты Гёте, Декарта и Шекспира, тибетская статуя Будды и гравюры с изображением собак, что многое поясняет в личности философа. Подлинным основанием морали является чувство сострадания, благодаря которому обманчивая видимость индивидуальности растворяется в сознании единства всего сущего. Кстати, в 1840-х гг. Шопенгауэр стал одним из первых

идеологов и практиков зоозащитных организаций.

Если в пору создания «Тангейзера» и «Лоэнгрина» Вагнер интуитивно подошел к идее искупительной жертвы и отрешения от мира во имя Любви, то теперь он принимает эту идею сознательно. Можно ли говорить, что в его мировоззрении под влиянием идей Шопенгауэра произошел качественный кардинальный переворот? В частности, от оптимистического атеизма, проповедуемого им в 1848–1849 гг. в учении о «духе Революции» и в увлечении Фейербахом, к христианству, причем пессимистическому христианству Шопенгауэра. Если в своих идеалах Вагнер действительно повернулся на сто восемьдесят градусов, то тогда придется признать, что те же «Тангейзер» и «Лоэнгрин» – произведения оптимистические и атеистические. Но это было бы грубейшей ошибкой. А, следовательно, нельзя говорить и о коренном изменении мировоззрения. Менялась лишь внешняя оболочка, но никак не глубинная суть вагнеровской философии, остающаяся прежней – Любовь, побеждающая смерть, – провозглашенная еще в «Летучем Голландце». Теперь идея Любви углубилась понятием всеобщего сострадания. Чтобы понять истинное глубоко гуманистическое мировоззрение Вагнера, нужно анализировать его музыкальные драмы. И тогда становится видно, что никакого противоречия между его ранними и поздними произведениями нет. На самом деле Вагнер лишь углубляет собственное понятие любви. Фейербаховская «этика любви» подводит его к понятию сострадания и самопожертвования у Шопенгауэра, что доказывает не противоречивость, а преемственность его мировоззрения. В отношении увлечения Шопенгауэром можно лишь отметить: гений сам выбрал для себя влияние.

Фрауенштэдт Кристиан Мартин Юлиус (Frauenstädt; 1813–1878), немецкий философ. Изучал теологию и философию в Берлинском университете. Зимой 1846–1847 гг. переехал во Франкфурт-на-Майне, где стал ревностным почитателем, популяризатором, редактором, комментатором и издателем трудов А. Шопенгауэра. Основные сочинения Фрауенштэдта: Die Freiheit des Menschen und die Persönlichkeit Gottes (1838); Die Menschwerdung Gottes nach ihrer Möglichkeit, Wirklichkeit und Notwendigkeit mit Rücksicht auf Strauss, Schaller und Göschel (1839); Studien und Kritiken zur Theologie und Philosophie (1840); Über das wahre Verhältniss der Vernunft zur Offenbarung (1848); Aesthetische Fragen (1853); Briefe über die Schopenhauerische Philosophie (1854); Der Materialismus (1856); Arthur Schopenhauer, von ihm, über ihn (1868); Schopenhauer-Lexicon (1872); Neue Briefe über die Schopenhauerische Philosophie (1876), Briefe über die natürliche Religion (1858); Das Sittliche Leben, ethische Studien (1866); Blicke in die intellectuelle, physische und moralische Welt (1869); Die Naturwissenschaft in ihrem Einfl uss auf Poesie, Religion, Moral und Philosophie (1855). Под редакцией Фрауенштэдта вышло собрание сочинений Шопенгауэра: Arth. Schopenhauer. Lichtstrashlen aus seinen Werken (перевод на русский язык в 1887 г.).

Напомним, что вплоть до 1877 г. Вагнер вслед за Вольфрамом фон Эшенбахом называл своего будущего героя Парцифалем, и лишь во время работы над собственным произведением ввел фонетическое обоснование его «переименования» в Парсифаля.

П. Ф. К. Сэнтоном (см. ниже).

247

Прэгер Фердинанд Кристиан Вильгельм (Praeger; Präger; 1815–1891), немецкий композитор, пианист, педагог и музыкальный критик. Сын Генриха Алоиза Прэгера (1783–1854), композитора, скрипача и дирижера, автора многочисленных камерных произведений, а также нескольких опер. Начинал музыкальную карьеру с уроков игры на виолончели. По совету И. Н. Гуммеля сменил инструмент на фортепьяно. В 1834 г. переехал в Лондон. Являлся активным корреспондентом Neue Zeitschrift für Musik с момента его основания Р. Шуманом. В течение нескольких лет был другом Г. Берлиоза, правда, сохранилось только три его письма к Берлиозу. Являлся горячим поклонником творчества Р. Вагнера и его корреспондентом. Наибольшую известность получила его книга Wagner as I Knew Him («Вагнер, как я его знал»; 1892). Но она подверглась жесткой критике со стороны музыкальной общественности и была признана недостоверной. Из композиторского наследия Прэгера достойны внимания концертная увертюра Abellino; симфоническое вступление к «Манфреду»; симфоническая поэма Live and love, battle and victory (1885); сборник фортепьянных пьес Präger-Album.

Об отношениях с Вагнером см. также: Richard Wagner an Ferdinand Praeger. 2., neu durchgesehene Aufl., hrsg. mit kritischem Anhang. von Houston Stewart Chamberlain (1908).

248

Риджентс-парк (Regent‘s Park; *букв.* «Парк регента»), один из главных королевских парков Лондона. Расположен на площади в 188 га к югу от Вестминстера. В черте города с 1810-х гг. Являлся местом увеселений принца-регента, будущего короля Георга IV. С 1838 г. был открыт для населения. Ныне – одно из излюбленных мест отдыха в Лондоне; знаменит своими прудами с множеством водоплавающих птиц, а также великолепным розарием.

249

Коста Майкл Эндрю Эгнас (Микеле Андреа Аньелло) (Costa; 1808–1884), английский композитор и дирижер итальянского происхождения. Родился и вырос в Неаполе. В 1830 г. (по другим источникам, в 1831 г.) переехал в Лондон. В 1833 г. стал руководителем и главным дирижером Итальянской оперы. Был первым, кто начал дирижировать с помощью дирижерской палочки. Являлся также главным дирижером Ковент-Гардена и Филармонического общества (Philharmonic Society) с 1846 по 1854 г.; Общества духовной музыки (Sacred Harmonic Society) с 1848 г.; руководителем Бирмингемского музыкального фестиваля с 1849 по 1882 г. и Генделевского фестиваля с 1857 по 1880 г. В 1869 г. за достижения в области музыкального искусства был возведен королевой Викторией в рыцарское достоинство. Композиторское наследие Косты включает четыре балета: «Кенильворт» (Kenilworth; 1831); «Час в Неаполе» (Une Heure à Naples; 1832); «Сэр Гюон» (Sir Huon; 1833; написан специально для Тальони) и «Альма» (Alma; 1844). Кроме того, в 1829 г. Коста написал оперу «Мальвина», поставленную в Париже (1837) и Лондоне (1844) под названием «Малек-Адель» (Malek Adhel). Известность получили также оратории «Илия» (Eli; 1855) и «Нааман» (Naaman; 1864).

250

Сэнтон Проспер Филипп Катрин (Sainton; 1813–1890), французский скрипач. Получил музыкальное образование в Парижской консерватории у Франсуа Хабенека (закончил в 1831 г.). Преподавал в Тулузской консерватории. В 1844 г. с оркестром под управлением Ф. Мендельсона впервые выступил в Англии. С 1845 г. постоянно жил в Англии, был профессором Королевской академии музыки (Royal Academy of Music) и первой скрипкой в оркестре Итальянской оперы под руководством Майкла Косты.

251

«Гром и молния!» – аналог «Чёрт побери!» *(нем.),* старинное немецкое ругательство.

Казначей, заведующий кассой *(англ.)*.

253

Дэвисон Джеймс Уильям (Davison; 1813–1885), английский журналист и музыкальный критик. Обучался игре на фортепьяно в Королевской академии музыки. Написал несколько оркестровых композиций, не получивших признание. Оставил занятия композицией в угоду музыкальной критике; сотрудничал с рядом ведущих английских газет. В частности, в 1846–1879 гг. являлся музыкальным корреспондентом газеты «Таймс» (Times). Также писал в Musical Magazine and Dramatic and Musical Review; в Musical Examiner; в Musical World; в Saturday Review (до 1884 г.). Друг Ф. Мендельсона-Бартольди и противник Р. Вагнера.

Букв. «Приветствуем радость» *(англ.)*.

255

Клиндворт Карл (Klindworth; 1830–1916), пианист-виртуоз, дирижер, педагог. В 1852–1854 гг. был учеником Ф. Листа. В 1854–1868 гг. жил в Лондоне. Приемный отец Винифред Вагнер (1897–1980), жены сына Вагнера Зигфрида (поженились в 1915 г.). В 1868–1884 гг. был профессором Московской консерватории (1868–1881). В 1883 г. основал в Берлине музыкальную школу, которая в 1893 г. слилась с Берлинской консерваторией. Автор многочисленных фортепьянных переложений опер Вагнера.

Не путать с Иоганном Георгом Генрихом Клиндвортом (см. ниже).

256

Крымская война 1853–1856 гг., война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Итогом Крымской войны стали победа коалиции и подписание Парижского мирного договора (1856).

Карл Великий *(франц.)*.

258

Фон Линдпайнтнер Петер Йозеф (von Lindpaintner; 1791–1856), немецкий композитор и дирижер. В 1812–1819 гг. являлся музикдиректором только открывшегося Изартор-театра (Isartortheater) в Мюнхене. Также до конца жизни служил придворным капельмейстером в Штутгарте. Под его управлением оркестр Штутгартской оперы стал одним из ведущих музыкальных коллективов Германии. В качестве композитора завоевал всеобщее признание; наибольшую известность получили оперы Der Bergkönig (1825); Die Genueserin (1839) и Lichtenstein (1846). Кроме того, им написаны несколько месс, ораторий, симфоний, концертных увертюр, камерных сочинений и песен.

259

Ужин накануне вечером *(франц.)*.

Мы называем это: переварить [пищу] *(франц.)*.

261

Эллертон Джон Лодж (Ellerton; 1801–1873), английский композитор и поэт. В 1828 г. окончил Брейсноуз-колледж (Brasenose College) Оксфордского университета. В 1829–1831 гг. обучался композиции в Риме; тогда же написал 7 опер на итальянском языке. Вернувшись в Англию, написал первую английскую оперу Domenica, поставленную в Друрилейн (Drury Lane) в 1838 г. Всего Эллертоном написано 11 опер. Кроме того, необходимо отметить ораторию Paradise Lost («Потерянный рай»; ор. 125; 1857). Эллертон – автор 6 симфоний, среди которых наибольшую известность получила Третья симфония (Wald-Symphonie; ор. 120; 1857). Кроме того, его обширное композиторское наследие включает Stabat Mater; 3 мессы; 4 концертные увертюры, 44 струнных квартета, 3 квинтета, 11 трио, 13 сонат, 17 мотетов, 83 вокальных дуэта и др. Как поэт, Эллертон издал две книги стихов The Bridal of Salerno (1845) и The Elixir of Youth (1864).

262

Вагнер ошибается. Эллертон не был зятем лорда Брума. 24 августа 1837 г. он женился на Генриетте Барбаре Ламли-Сейвайль (Lumley-Savile; 1796–1864; для нее этот брак был вторым), дочери 7-го графа Скарбро (Scarbrough) Джона Ламли-Сейвайля (1761–1835), которая являлась сестрой 8-го графа Скарбро Джона Ламли-Сейвайля (1788–1856). Таким образом, Эллертон был зятем графов Скарбро.

263

Поттер Филип Чиприани Хэмбли (Potter; 1792–1871), английский композитор, пианист и педагог. Начинал обучаться музыке в Лондоне, но разочаровавшись в английском музыкальном образовании, в 1817 г. переехал в Вену, где обратил на себя внимание Л. ван Бетховена. В 1819 г. вернулся в Англию сложившимся музыкантом; стал много выступать в качестве дирижера и пианиста. В 1822 г. начал преподавать игру на фортепьяно в Королевской академии музыки. В 1832 г. стал ее ректором; вышел в отставку в 1859 г. После этого сосредоточился на подготовке издания фортепьянных произведений Моцарта и Бетховена. В 1871 г. под его управлением прошло первое исполнение в Англии «Немецкого реквиема» И. Брамса. Среди обширного композиторского наследия Поттера 9 сохранившихся симфоний, хотя в каталоге, составленном самим композитором, значится 10 симфоний. Во избежание путаницы даем полный список дошедших до нас симфоний в сравнении с каталогом Поттера: Первая симфония g-moll (1819; вторая редакция 1824–1826; у Поттера без обозначения номера); Вторая симфония B-dur (1821; вторая редакция 1839; у Поттера без обозначения номера); Третья симфония c-moll (1826; у Поттера значится как Шестая симфония); Четвертая симфония F-dur (1826; у Поттера значится как Седьмая симфония); Пятая симфония Es-dur (1828; вторая редакция 1846; у Поттера значится как Восьмая симфония); Шестая симфония g-moll (1832; у Поттера значится как Десятая симфония); Седьмая симфония D-dur (1833; у Поттера значится как Вторая симфония); Восьмая симфония c-moll (1834; у Поттера без обозначения номера); Девятая симфония D-dur (1834; у Поттера значится как Четвертая симфония). Кроме того, следует отметить 4 концертные увертюры: Увертюра e-moll (1815; вторая редакция 1848); Antony and Cleopatra (1835); Cymbeline (1836); The Tempest (1837). А также 3 концерта для фортепьяно с оркестром; 2 фортепьянные сонаты; 9 рондо; 2 токкаты; многочисленные романсы, танцы и др.

Вагнер дирижировал Шестой симфонией g-moll, написанной Поттером в 1832 г. В каталоге самого композитора она значится как Десятая симфония, что вносит некоторую путаницу при работе с полным каталогом произведений Поттера.

Макфаррен Джордж Александр (Macfarren; 1813–1887), английский композитор, музыкальный теоретик и педагог. С детства отличался слабым зрением и из-за этого в 1823 г. ему пришлось оставить школу (в 1860 г. полностью ослеп, что не помешало продолжать композиторскую и педагогическую деятельность). Начал заниматься музыкой с 1827 г.; поступил в Королевскую академию музыки, где изучал композицию под руководством Ф. Ч. Х. Поттера. В 1828 г. написал Первую симфонию (всего в 1828–1874 гг. им написано 9 симфоний). В 1834–1836 гг. начал преподавать в Академии; в 1837 г. был назначен профессором. В 1847 г. ушел в отставку, но в 1851 г. вновь вернулся на свою должность и преподавал до 1875 г., когда перешел в Кембриджский университет на должность профессора музыки. Был основателем Генделевского общества; в 1843–1858 гг. Общество предприняло издание полного собрания сочинений Г. Ф. Генделя. В 1854 г. опубликовал свою работу, посвященную анализу «Торжественной мессы» Л. ван Бетховена (Beethoven's Missa Solemnis). В 1867 г. написал учебник «Шесть уроков гармонии» (Six lectures on harmony), а в 1881 г. опубликовал учебник по контрапункту (Counterpoint). Богатое композиторское наследие Макфаррена включает оперы: The Prince of Modena (1833); Caractacus (1834); El Malhechor (1838); The Devil's Opera (1838); An Adventure of Don Quixote (1841); King Charles II (1848); Allan of Aberfeldy (1850); Robin Hood (1860); Jessie Lea (1863); She Stoops to Conquer (1864); The Soldier's Legacy (1864); Helvellyn (1864). Кроме опер, получили известность его оратории St John the Baptist (1873); The Resurrection (1876); Joseph (1877); King David (1883). Среди многочисленных ораторий и кантат Макфаррена особенную известность получила кантата The lady of the lake (1876). Кроме того, Макфаррен собирал и гармонизировал шотландские и ирландские песни.

«Стиппль-чез», скачка по пересеченной местности. Название произошло *от англ.* steeple – «колокольня», так как изначально предполагалось строить маршрут до заранее условленного пункта, например видной издалека колокольни.

Однако в данном случае Вагнер неточен в названии. Упоминаемая им увертюра Макфаррена называется Chevy Chase («Охота на Чевиоттских холмах»). Она была написана в 1836 г. и впервые исполнена в 1838 г. В ее основе лежит сюжет старинной английской баллады неизвестного автора (имеется три варианта этой баллады). По одной из версий, баллада аллегорично повествует о сэре Генри Перси по прозванию Гарри Горячая Шпора (*англ.* Harry the Hotspur) и битве при Оттерберне (*англ.* Battle of Otterburn), произошедшей между шотландцами и англичанами 15 августа 1388 г.

26 октября 1843 г. увертюра была исполнена на концерте в Гевандхаузе под управлением Ф. Мендельсона-Бартольди, очень высоко оценившего это произведение.

267

Комическая опера «Северная звезда» (L'étoile du nord) написана Мейербером в 1854 г. В 1855 г. французское либретто (Э. Скриба) было переведено на итальянский язык, и Мейербер сделал вторую («итальянскую») редакцию оперы, которая была поставлена в Ковент-Гардене в этом же году. Сюжет повествует о приключениях молодого русского царя Петра I, находящегося инкогнито за границей. Хоть опера и имела свое время известную популярность, но благодаря абсолютно нелепому (даже для комических оперных текстов) либретто была справедливо предана забвению.

Фетис Франсуа-Жозеф (Fétis; 1784–1871), франко-бельгийский дирижер, музыковед, музыкальный критик, педагог и композитор. Получил музыкальное образование в Парижской консерватории. В 1806 г. начал работу над Всеобщим биографическим словарем музыкантов (Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique), первое издание которого было опубликовано в 1834 г. В 1821–1832 гг. преподавал в Парижской консерватории. В это же время серьезно занялся музыкальной критикой и сотрудничал с целым рядом парижских изданий; в 1827 г. основал собственную газету «Музыкальное обозрение» (Revue musicale). В 1833 г. по приглашению короля Бельгии Леопольда I Фетис переехал в Брюссель и возглавил Брюссельскую консерваторию, которой руководил на протяжении 37 лет. Кроме преподавания, он также дирижировал консерваторскими концертами, имевшими неизменный успех. Среди теоретических трудов Фетиса в первую очередь следует отметить пятитомную «Общую историю музыки» (Histoire générale de la musique depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours; 1869–1876), а также «Очерк истории гармонии, рассматриваемой как искусство и как систематическая наука» (Esquisse de l'histoire de l'harmonie considérée comme art et comme science systématique; 1840). Кроме того, в соавторстве с Игнацем Мошелесом им написан учебник игры на фортепьяно «Метод методов для фортепьяно, или Трактат об искусстве игры на этом инструменте, основанный на анализе лучших трудов, прежде написанных на эту тему» (Méthode des méthodes de piano, ou Traité de l'art de jouer de cet instrument basé sur l'analyse des meilleurs ouvrages qui ont été faits à ce sujet; 1840). Необходимо также упомянуть «Полный трактат по теории и практике гармонии» (Traité complet de la théorie et de la pratique de l'harmonie. Paris, 1844), который в 1844–1867 гг. выдержал девять изданий.

269

Театр Адельфи (Adelphi Theatre), театр, находящийся в Вест-Энде, на улице Стрэнд в Вестминстере, в западной исторической части Лондона. Репертуар строился преимущественно из комических и музыкальных спектаклей.

«Золотой гусь» (Die goldene Gans), сказка братьев Гримм.

271

«Три пожелания» (Die drei Wünsche), сказка братьев Гримм.

272

Театр «Олимпик» (Olympic Theatre), более известен как Королевский Олимпик-театр (Royal Olympic Theatre), лондонский театр в Вестминстере. Основу репертуара составляли комедии и оперетты. Был построен в 1806 г. на месте Drury House (или Craven House), более известного как Olympic Pavilion (Олимпийский Павильон). Отсюда и название.

273

Имеется в виду английский актер, драматург и директор театра Друри-Лейн Дэвид Гаррик (Garrick, 1717–1779). Дебютировал на сцене в 1741 г. в роли Ричарда III в «Ричарде III» Шекспира. С 1747 г. возглавлял театр Друри-Лейн в течение 30 лет. Прославился прежде всего ролями в трагедиях Шекспира, перед которым преклонялся. По воспоминаниям очевидцев, особенно ему удавались роли Гамлета и Макбета. Его игра отличалась реалистичностью и проникновенностью.

27 4

Имеется в виду Королевский театр Мэрилебон (Theatre Royal Marylebone), расположенный на Чёрч-стрит (Church Street). Был открыт в 1832 г. под названием «Западный королевский павильон» (Royal Pavilion West); впоследствии несколько раз менял владельцев и названия. Под упоминаемым названием открылся в 1840 г. Репертуар театра включал в основном произведения У. Шекспира и Ч. Диккенса. Ныне на месте театра в доме № 67 находится библиотека.

275

Королевский Хеймаркет-театр (The Theatre Royal Haymarket; также Haymarket Theatre), лондонский театр, расположенный на улице Хеймаркет в Вест-Энде в Вестминстере. Был открыт в 1720 г. и ныне является третьим из самых старых театров Лондона. В 1730–1737 гг. был известен под названием «Маленький театр на Хеймаркете» (The Little Haymarket Theatre). Во времена Вагнера специализировался на постановках различных комедий.

Кашмен Шарлотта (Cushman; 1816–1876), американская актриса. Сценическую карьеру начала в 1835 г. в Бостоне в «Тремонт-театре» (Tremont Theatre) как оперная певица, но вскоре потеряла голос. В 1836 г. успешно дебютировала на драматической сцене в «Боувери-театре» (The Bowery Theatre) в Нью-Йорке. В первую очередь следует отметить ее шекспировский репертуар: леди Макбет, Ромео; Гонерилья («Король Лир»), Порция («Венецианский купец»).

277

Принцесс-театр (The Princess's Theatre или Princess Theatre), лондонский театр, расположенный на Оксфорд-стрит (Oxford Street). Был открыт в 1828 г.

278

Эксетер-холл (Exeter Hall), зал, расположенный на северной стороне Стрэнда, почти напротив отеля «Савой» (Savoy Hotel). Здание построено в 1829–1831 гг. частично на месте лондонской резиденции графов Эксетерских. Официальная дата открытия – 29 марта 1831 г.

279

«Мессия» (Messiah), оратория для солистов, хора и оркестра Георга Фридриха Генделя, написанная им в 1741 г.; одно из его самых известных и чаще всего исполняемых произведений.

280

«Вечера с оркестром» (Les soirées de l'orchestre), сборник новелл Г. Берлиоза, бывший бестселлером в 1853 г. (Общее собрание литературных сочинений композитора занимает десять томов.)

281

Полное название «Введение в историю индийского буддизма» (Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien; 1844). Труд Эжена Бюрнуфа (Burnouf; 1801–1852), французского востоковеда, крупнейшего исследователя буддизма XIX в. С 1832 г. Бюрнуф преподавал на кафедре санскрита в Коллеж де Франс (le Collège de France). Кроме того, опубликовал оригинал на санскрите и перевод на французский язык «Бхагаваты-пураны» (Bhagavata Purana ou histoire poétique de Krichna) в трёх томах (1840–1847).

Замысел музыкальной драмы так и остался незавершенным. Однако значение написания Вагнером поэмы «Победители» нельзя недооценивать. От увлечения философией Шопенгауэра через «Победителей» лежит прямая дорога к «Парсифалю», что наглядно показывает прочную взаимосвязь вагнеровского искусства в целом. Христианство и буддизм Вагнера настолько тесно сплетены в угоду его внутренней философии, что один сюжет может свободно проникать в другой. Не внешние догматы определенной одной религии важны для Вагнера, но единая глубинная высшая суть всех мировых религий. «Героя Ананду страстно любит одна юная девушка, принадлежащая к презренной касте чандала, прекрасная Пракрити, которая и изнывает от пламенной любви к нему; но с помощью Будды он не поддается чувственной любви и произносит обет целомудрия. И Пракрити, в свою очередь, обращается к Будде; будучи дочерью брамина в прошлой жизни, она из кастовой гордости отвергла любовь сына одного царя чандала; чтобы искупить этот грех, она должна была снова родиться в образе юной чандалской девушки и осуждена была узнать пытки безнадежной любви после того, как она наложила их на другого: но, в конце концов, ее несчастная страсть к Ананде приводит ее к спасению: она также произносит обет целомудрия и вступает в общину Будды, где Ананда приветствует ее как свою сестру. – Легко узнать в этом эскизе тот же сюжет “Парсифаля” – только в индусском наряде. Поставьте на место буддийского догмата нирваны христианский догмат отречения, на место общины Будды – братство рыцарей Грааля, на место аскета Ананды – “чистого сердцем простеца” Парсифаля, на место страстно влюбленной Пракрити – Кундри, и вы получите почти во всех существенных чертах драму “Парсифаль”» (цит. по: *Лиштанберже А.* Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 426–427). «Парсифаля» называют «самой христианской вагнеровской мистерией», и пока до нее еще далеко. Но то, что она одновременно может иметь буддийские корни, уже говорит о том, что Вагнер замахнулся не только на наднациональное искусство, но на надрелигиозное.

283

Напомним, что «Зелёный Генрих» (Der grüne Heinrich) является наиболее известным произведением Г. Келлера. Роман был написан в 1855 г. (вторая редакция, полностью изменившая концепцию романа и почти в два раза его увеличившая, была осуществлена в 1879–1880) в традициях т. н. романа воспитания. Переведен на русский язык в 1958 г.

284

Метемпсихоз (*букв.* с *греч.* «переодушевление»), философский термин, обозначающий переселение душ. Впервые встречается у Диодора Сицилийского (I в. до н. э.); особенно характерен для неоплатоников. Фактический синоним *лат.* reincarnatio – «реинкарнация», «перевоплощение».

285

Полное название этого двухтомного произведения Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten oder praktische Ästhetik: ein Handbuch für Techniker, Künstler und Kunstfreunde. Первый том был опубликован в Мюнхене в 1860 г.; второй – в 1863 г.

286

«Как тошно мне от моих описаний, когда я их перечитываю!» (Перевод А. Габричевского). Цит. по: *Гёте И. В.* Письма из Швейцарии // Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 6. Романы и повести / Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М., 1978.

287

Кирхнер Теодор (Kirchner; 1823–1903), немецкий композитор и органист. Получил музыкальное образование в Лейпцигской консерватории. В 1843 г. по рекомендации Мендельсона получил место органиста в Винтертуре в Швейцарии. В 1862–1870 гг. работал в Цюрихе; в 1873–1876 гг. возглавлял консерваторию в Вюрцбурге; затем переехал в Лейпциг. Последние годы жизни провел в Гамбурге. Композиторское наследие Кирхнера включает произведения для органа, струнные квартеты, фортепьянные миниатюры (свыше 1000), а также многочисленные романсы.

288

Струнный квартет № 8, ор. 59. Написан Бетховеном в 1808 г.

289

Мон-Салев (Mont Salève), невысокий горный хребет на юго-востоке от города Женевы, во французском департаменте Верхняя Савойя, известный своими живописными видами на Монблан, озеро Анси (Lac d'Annecy) и весь кантон Женева.

«Месье, вы так нервозны» (*франц.*).

291

Зигфрид натравливает на Миме дикого медведя, потешаясь над страхом карлика.

292

«Данте-симфония» (Dante-Symphonie) посвящена Р. Вагнеру. «Подобно тому, как Вергилий вел Данте, так и ты ввел меня в таинственные области мира пронизанных жизнью звуков. Из глубины души я взываю к тебе: Tu sei 'l mio maestro, e'L mio autore! [«Ты мой учитель, мой пример любимый». *Данте.* Божественная комедия. Песнь первая, строка 85-я. Перевод М. Лозинского.] И тебе посвящаю я это произведение! Прими этот знак преклонения от друга, дружба которого никогда тебе не изменит» (цит. по: *Надор Тамаш.* Если бы Лист вел дневник… Будапешт, 1977. С. 216).

293

«Данте-симфония» изначально была задумана Листом трехчастной: «Ад», «Чистилище» и «Рай». Но по совету Вагнера мысль сочинить «Рай» в качестве полноценной части была Листом оставлена, и симфония получилась двухчастной. Однако к финалу второй части был добавлен заключительный хор, что Вагнер и имеет в виду под «сохранившимся финалом».

То же касается и финала «Фауст-симфонии», к которой в 1857 г. был добавлен заключительный хор Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis. Правда, исполнение этого хора сам Лист не считал обязательным.

Безоговорочная любовь Ф. Листа к Франции, которую он считал своей второй родиной, а также конфессиональные различия (впоследствии убежденного католика Листа не мог болезненно не задеть переход его дочери Козимы под влиянием Вагнера в протестантизм) на протяжении всего общения между этими «друзьями-родственниками» являлись камнем преткновения. Слишком глубока была антипатия Вагнера ко всему французскому в пользу «истинно немецкого».

295

Винтербергер Александр (Winterberger; 1834–1914), немецкий композитор и органист. Начинал музыкальное образование в Веймаре; в 1853 г. стал учеником Ф. Листа. Был первым исполнителем органного произведения Листа «Фантазия и фуга на тему хорала Ad nos, ad salutarem undam». В 1855 г. в связи с установкой нового органа в кафедральном соборе Мерзебурга Лист написал для органа «Фантазию и фугу на тему B-A-C-H». Это сочинение было также впервые исполнено Винтербергером 13 мая 1856 г. 31 августа 1856 г. Винтербергер исполнял партию органа во время первого исполнения «Гранской мессы» («Эстергомской мессы») Листа во время освящения собора в Гране (Эстергоме) в присутствии императора Франца Иосифа I. В дальнейшем Винтербергер жил в Вене, Санкт-Петербурге и в Лейпциге, где занимался преподавательской деятельностью, а также был музыкальным обозревателем газеты Leipziger Neuesten Nachrichten («Лейпцигские последние известия»). Среди композиторского наследия Винтербергера следует отметить Lieder für Singstimme und Klavier, op. 58; Dreissig Lieder und Gesänge, op. 91; Neun leichte Sonatinen für Pianoforte, op. 104; Fünf Geistliche Gesänge für Singstimme und Klavier, op. 119.

В массе (*франц.*).

В частности (*франц.*).

Молешотт Якоб (Moleschott; 1822–1893), голландско-немецкий физиолог и философ. Окончил Гейдельбергский университет. С 1845 г. был врачом в Утрехте; издавал Holländische Beiträge zu den anatomischen und physiologischen Wissenschaften. В 1847 г. вновь вернулся в Гейдельберг. В 1850 г. опубликовал один из своих основных научных трудов Physiologie der Nahrungsmittel («Учение о пищи»; перевод на русский язык 1863 г.). Кстати, именно Молешотту принадлежит известный афоризм «Человек есть то, что он ест». В 1851 г. был написан новый труд, Physiologie des Stoffwechsels in Pflanzen und Tieren; в 1852 – Der Kreislauf des Lebens («Круговорот жизни. Физиологические ответы на письма о химии Ю. Либиха»; перевод на русский язык 1866 г.). До 1854 г. являлся приват-доцентом, но вследствие своих материалистических убеждений был вынужден оставить преподавательскую деятельность. В 1855 г. начал работу над периодическим изданием Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Tiere, в котором публиковал результаты своих научных исследований и работы своих учеников. В 1856 г. переехал в Цюрих, став ординарным профессором. В 1861 г. уехал в Турин. В этом же году опубликовал Physiol. Skizzenbuch («Физиологические эскизы»; перевод на русский язык 1865 г.). В 1876 г. был избран сенатором Королевства Италии. С 1879 г. был профессором физиологии и практикующим врачом в Риме. На итальянском языке написал следующие труды: Dell' influenz a della luce mista e cromatica nell' esalazione di acido carbonico per l'organismo animale (1879); La fi siologia e le scienze sorelle (1879); L'Uso dell' Jododormio (1882); C. R. Darwin (1882). Своими сочинениями Молешотт пропагандировал материалистическое мировоззрение.

Фон Фаллерслебен Август Генрих Гофман (von Fallersleben; настоящее имя Август Генрих Гофман [Hoffmann]; 1798–1874), немецкий поэт и германист. Родился в городке Фаллерслебен (ныне Вольфсбург [Wolfsburg]). Впоследствии, чтобы его не путали с другими литераторами, носившими распространенную немецкую фамилию Гофман, взял себе творческий псевдоним по названию родного города с приставкой «фон». В 1816 г. поступил в Гёттингенский университет, где изучал теологию. После ознакомления с трудами Я. Гримма решил посвятить себя изучению немецкой литературы и филологии. В декабре 1821 г. отправился в Берлин, чтобы помочь своему брату-библиотекарю. В 1823 г. был назначен куратором библиотеки университета Бреслау. В 1830 г. получил место экстраординарного профессора немецкого языка и литературы; в 1835 г. был повышен до ординарного профессора. В 1836 г. им был написан научный труд Die deutsche Philologie im Grundriss. Одновременно занимался поэтическим творчеством. В эти годы вышли такие сборники, как: Lieder und Romanzen (1821); Immergrün (1826); Jägerlieder (1828); Das Buch der Liebe (1836), а также три сборника Gedichte (1827, 1834 и 1837). Увлекшись идеями «Молодой Германии», Фаллерслебен написал в 1840 г. Unpolitische Lieder, а в 1841 г. в ответ на Рейнский кризис, объединивший немецкий народ, написал одно из самых известных своих сочинений – национальный гимн «Германия превыше всего» (Deutschland, Deutschland über alles). За свои политические взгляды был лишен профессорской кафедры и выслан из Пруссии (национальное признание гимн получил лишь в эпоху Бисмарка). Продолжал поэтическую деятельность, издав: Hoffmannsche Tropfen (1844); Deutsche Lieder aus der Schweiz (1843 и 1845); Deutsche Gassenlieder (1845); Diavolini (1847). Революционные события 1848 г. позволили ему вернуться в Пруссию, а затем переехать в Веймар, где он начал издавать Weimarische Jahrbücher für deutsche Sprache etc. В эти годы вышли: Deutsches Volksgesangbuch (1848); Heimatklänge (1850); Liebeslieder (1851); Rheinleben (1851); Kinderwelt in Liedern (1853); Lieder aus Weimar (1857) и др. В 1854 г. познакомился с Ф. Листом. С 1858 г. издавал сборник забытых литературных памятников Findlinge. В 1860 г. благодаря посредничеству Листа Фаллерслебен получил должность библиотекаря герцога Виктора I Ратиборского в замке Корвей (Corvey). В эти годы вновь обратился к изучению древненемецкой литературы, а также народной песни. Издал целый ряд трудов:

Die deutschen Gesellschaftslieder des XVI und XVII Jahrhunderts (1860); Ruda. Polnische Volkslieder der Oberschlesier (1865); Lieder der Landsknechte (1868), а также Fünfzig Kinderlieder (1866) и Streiflichter (1871). Написал автобиографию Mein Leben (1868–1870).

Шадровский Генрих (Sczadrowsky; 1828–1878), швейцарский дирижер и театральный деятель. Музикдиректор театра в Сен-Галлене. Неоднократно дирижировал произведениями Р. Вагнера.

301

«Орфей» (Orpheus), четвертая симфоническая поэма Ф. Листа (Лист считается родоначальником жанра симфонической поэмы), написанная им в 1854 г. Изначально предполагалась в качестве увертюры к «Орфею» К. В. Глюка. Впервые была исполнена под управлением самого Листа 16 ноября 1854 г. Посвящена княгине Каролине фон Сайн-Витгенштейн.

302

«Прелюды» (Les Préludes; по Ж. Отрану и А. Ламартину), третья симфоническая поэма Ф. Листа. Была написана в 1848–1854 гг. В 1848 г. Лист написал вступление к мужскому хору на стихотворение французского поэта Жозефа Отрана «Четыре стихии» (Les quatre Eléments). В 1850–1854 гг. перерабатывал произведение (четыре редакции), обратив внимание на стихотворение Альфонса де Ламартина «Прелюды», которое в итоге и стало названием и программой симфонической поэмы. Впервые исполнена под управлением самого Листа 23 февраля 1854 г. Посвящена княгине Каролине фон Сайн-Витгенштейн.

303

Лафатер Иоганн Каспар (Lavater; 1741–1801), швейцарский писатель, богослов, поэт и френолог; писал на немецком языке. Изучал теологию в Цюрихе. В 1764 г. издал сборник стихотворений Schweizerlieder. В 1768 г. и до конца жизни являлся пастором в Цюрихе. С 1769 г. он стал увлекаться френологией и собирать материалы для своей «Физиогномики» (Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe), которая вышла в 1772–1778 гг. в Лейпциге и в Винтертуре. Продолжая при этом заниматься богословскими трудами и проповедями, опубликовал несколько библейских эпопей и сборников религиозной лирики, таких как: Jesus Messias; Joseph von Arimathia; Psalmen Davids; 200 christliche Lieder. Собрания сочинений Лафатера дважды издавались при его жизни: Vermischte Schriften (1774–1881) и Sämmtliche kleinere prosaische Schriften (1784–1885).

Лерхенфельд ((Lerchenfeld), часть 8-го района Вены; бывшая деревня, вошедшая в 1810 г. в состав города.

305

Де Мирабо Оноре Габриэль Рикетти (Riqueti de Mirabeau; 1749–1791), граф, французский политический деятель. С ранней юности находился в непримиримом конфликте с отцом Виктором Рикети маркизом де Мирабо (1715–1789); из-за своего крайне беспорядочного образа жизни и долгов неоднократно подвергался тюремному заключению и даже был приговорен в 1776 г. к смертной казни. Бежал за границу; в 1785 г. вернулся в Париж; был амнистирован. Издал брошюру Dé nonciation de l'agiotage au roi et aux notables («Изобличение махинаций перед королем и собранием нотаблей»; 1787), из-за которой не был избран в собрание нотаблей, и вновь удалился из Парижа. В 1789 г. избран от третьего сословия Марселя и Экса в Генеральные штаты. В пламенных речах, получивших широкий общественный резонанс, выступал против абсолютизма и дворянских привилегий. Однако оставался убежденным монархистом; его политический идеал – конституционная английская монархия. Поэтому, изначально поддерживая революционное движение, Мирабо в конце концов отошел на консервативные позиции и в 1790 г. вступил в тайное соглашение с королевским двором за крупное вознаграждение и обязательство погасить его огромные долги. Внезапная смерть Мирабо избавила его от разоблачения; он был похоронен с величайшими почестями в Пантеоне. Когда же в 1792 г. его измена была раскрыта, его прах был перенесен на кладбище для казненных в предместье Сен-Марсо.

306

Нотабли (*франц.* notables; от *лат.* notabilis – «значительный, выдающийся»), члены собрания нотаблей (Assemblée des notables), созывавшегося королем для обсуждения государственных, финансовых и административных вопросов. Собрание нотаблей существовало во Франции в XIV–XVIII вв.

307

Продавец сукна (*франц.*).

В Провансе Мирабо принял участие в первом собрании дворян своего округа; но собрание решило допустить к участию только дворян, обладающих поместьями, и устранило Мирабо. Тогда он был вынужден обратиться к третьему сословию, от которого и избирался в Генеральные штаты.

308

Статья Вагнера под названием Offener Brief. An Marie Sayn-Wittgenstein. Ein Brief von Richard Wagner über Franz Liszt (подписана 15 февраля 1857 г.) была напечатана в Neue Zeitschrift für Musik (Leipzig) 10 апреля 1857 г.

Текст см.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. V. S. 182–198.

309

Луиза Прусская (1838–1923), супруга Великого герцога Баденского Фридриха I.

310

Августа Мария Луиза Катерина Саксен-Веймар-Айзенахская (1811–1890), королева Пруссии, германская императрица, супруга Вильгельма I.

«Парсифаль».

Интересно отметить, что в немецком языке оба «приюта» имеют совершенно различное значение. В первоначальном варианте – «Приюте Фафнера» – Вагнер употребляет слово *Ruh*, производное от глагола «ruhen», что означает собственно «отдыхать»; стало быть, «приют для отдохновения». Окончательный вариант *Asyl* имеет значение «убежище, приют для бездомных». Значит ли это, что Вагнер уже тогда с горечью воспринимал «бездомным» самого себя? Во всяком случае, в русском языке слово «убежище» более точно отражает смысл вагнеровского названия, поэтому и мы в дальнейшем остановимся именно на нем. Кстати, впоследствии Вагнер всегда будет давать другим своим «убежищам» такие же «говорящие» названия.

313

Феррейра-Франка Эрнесто (Ferreira França; 1804–1872), бразильский политик. Получил образование в университете Коимбры. Был министром иностранных дел Бразилии в 1844–1845 гг. Командор Императорского ордена Христа. Бразильский консул в Лейпциге.

Не путать с его сыном, Эрнесто Феррейра-Франка (1828–1888), доктором гражданского и канонического права Лейпцигского университета, с 1860 г. членом-корреспондентом бразильского историко-географического института (Instituto Histórico e Geográfi co Brasileiro), членом Королевской академии наук Лиссабона (Academia Real das Ciências de Lisboa), автором нескольких литературных и научных работ на португальском и немецком языках, в частности, изданной в Лейпциге в 1859 г. книги Chrestomathia da lingua brazilica.

314

Педру II (1825–1891), император Бразилии в 1831–1889 гг. Был коронован в шестилетнем возрасте и до 1840 г. находился под регентством; в 1840 г. официально стал императором. Правление Педру II осложнялось чередой ожесточенных войн. Парагвайская война, начавшая в 1865 г., положила начало политическому кризису в стране. В первую очередь вставал вопрос об отмене рабства. Педру, придерживаясь либеральных взглядов, все же не решался восстановить против себя бразильских рабовладельцев, что в итоге привело к заговору. В 1888 г., в отсутствие императора, который находился на лечении в Европе, его дочь-регент подписала закон об отмене рабства. Но это уже не спасло монархию. 15 ноября 1889 г. республиканцы начали восстание в Рио-де-Жанейро и объявили о низложении Педру. 16 ноября Педру II отрекся от престола, а на другой день отплыл в Португалию. Скончался в Париже.

Педру II действительно являлся поклонником музыки Р. Вагнера. В 1876 г. он лично присутствовал на Первом Байройтском фестивале.

315

Шнорр фон Карольсфельд Людвиг (Schnorr von Karolsfeld; 1836–1865), немецкий оперный певец (героический «вагнеровский» тенор); первый исполнитель партии Тристана. Брат известного художника Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда. Учился в дрезденской гимназии Святого Креста (Kreuzschule), где пел в хоре (знаменитый и ныне Dresdner Kreuzchor). Продолжил занятия вокалом в Лейпцигской консерватории. Дебютировал в Карлсруэ в 1858 г. С 1860 г. пел ведущие теноровые партии на сцене Дрезденской Придворной оперы. Начал выступать в вагнеровском репертуаре с партии Лоэнгрина. В 1860 г. женился на Мальвине Гарригуэс (Garrigues; 1825–1904), датской певице (сопрано) португальского происхождения. В 1862 г. супруги лично познакомились с Р. Вагнером и стали настоящими друзьями. 10 июня 1865 г. они пели на премьере «Тристана и Изольды» в Мюнхене. Через шесть недель Людвиг внезапно скончался, что породило нелепые слухи о проклятии, преследующем исполнителей партии Тристана. Вагнер очень тяжело переживал утрату. По воспоминаниям очевидцев, при упоминании имени Людвига Шнорра у композитора неизменно наворачивались на глаза слезы. Бюст великого певца стоял у Вагнера и в Трибшене, и затем в Ванфриде.

316

Второе действие; сцена вторая, включающая знаменитый «Шелест леса», обработанный Вагнером в 1862 г. как самостоятельный концертный номер, и разговор Зигфрида с Лесной Птичкой.

317

Рейнский водопад (Rheinfall), водопад на реке Рейн в швейцарском кантоне Шаффхаузен, рядом с городком Нойхаузен-ам-Райнфалль (Neuhausen am Rheinfall). Считается одним из самых больших в Европе.

Напомним, что Вагнер, щадя чувства Козимы, не распространяется в своих мемуарах об истинной роли в его жизни Матильды Везендонк.

319

Кальдерон де ла Барка Педро (Calderón de la Barca; 1600–1681), испанский драматург и поэт. Получил образование в мадридской иезуитской коллегии, также учился в университетах Саламанки и Алькала-де-Энарес. В 1620 г. оставил учебу ради военной службы, одновременно увлекшись драматургией. Его первая пьеса «Любовь, честь и власть» (Amor, honor y poder) была написана в 1623 г. К 1635 г. считался первым драматургом Испании; Филипп IV посвятил Кальдерона в рыцари ордена Св. Иакова (Сантьяго). В 1642 г. по состоянию здоровья оставил военную службу; стал терциарием ордена Св. Франциска, а в 1651 г. рукоположен в сан. После принятия сана отказался от сочинения светских пьес и обратился к т. н. autos sacramentales – аллегорическим пьесам на библейские сюжеты. В 1663 г. был назначен личным духовником Филиппа IV, а после его смерти стал личным духовником Карла II. Перу Кальдерона принадлежит около 120 комедий и драм, 80 autos sacramentales, 20 интермедий и многочисленные поэмы и стихотворения. Его драматические произведения подразделяются на драмы чести, связанные с проблемами конфликта любви и долга; философские драмы, затрагивающие вопросы бытия, свободы воли, причин человеческого страдания; комедии интриги, включающие комедии, выстроенные по канонам театра Лопе де Вега. Со времен Екатерины II, лично переводившей произведения Кальдерона, его пьесы постоянно ставились на сценах России. Из них следует отметить следующие: «Стойкий принц» (El príncipe constante; 1628); «Дама привидение» (La dama duende; 1629); «Поклонение кресту» (La devoción de la Cruz; 1634); «Жизнь есть сон» (La vida es sueño; 1635); «Врач своей чести» (El médico de su honra; 1635); «Волшебный маг» (El mágico prodigioso; 1635); «Чистилище святого Патрика» (El purgatorio de San Patricio; 1643); «Саламейский алькальд» (El alcalde de Zalamea; 1645); «Великий театр мира» (El gran teatro del mundo; 1649); «В тихом омуте…» (Guárdate del agua mansa; 1649) и др.

320

Кризис 1857–1858 гг. стал одним из наиболее тяжелых в XIX в. мировых финансовых и экономических кризисов. Начался в США, сильнее всего поразил экономику Великобритании, являвшуюся тогда главной промышленной и торговой державой, но ощутимо ударил также по Франции и Германии. Причиной послужили массовые банкротства железнодорожных компаний и обвал рынка акций. Коллапс на фондовом рынке спровоцировал кризис американской банковской системы. С середины октября 1857 г. менее чем за полтора месяца закрылось более 200 банков. Вслед за этим происходит обвал курсов акций на Нью-Йоркской фондовой бирже. Затем обанкротилось несколько крупных банков Англии. Особенно пострадали текстильная и машиностроительная промышленность. К декабрю 1857 г. под ударом кризиса оказалась и Германия. Но к концу 1858 г. кризис в целом был преодолен, и мировая экономика стала восстанавливаться.

321

Фон Шак Адольф Фридрих (von Schack; 1815–1894), граф (с 1876 г.), немецкий поэт, писатель и историк литературы и искусства. В 1834–1838 гг. учился в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина. После окончания образования получил место в берлинской Судебной палате, но быстро вышел в отставку и уехал в долгосрочное путешествие в Италию, Египет и Испанию. Вернувшись в Германию, в 1849 г. получил должность посланника в Берлине Великого герцога Ольденбургского. В 1852 г. Шак ушел в отставку и уехал в Мекленбург, а оттуда в Испанию. В 1855 г. вернулся в Германию и поселился в Мюнхене. В 1856 г. избран почетным членом Баварской академии наук. В Мюнхене создал картинную галерею (Die Sammlung Schack; с 2009 г. Schack-Galerie; галерея Шака), содержащую ценные произведения искусства. Как поэт, получил известность следующими произведениями: Gedichte (1867); Durch alle Wetter (1870); Die Pisaner (1872); Cancan (1873); Ebenbürtig (1876); Helidor (1878); Lotosblätter, Neue Gedichte (1883); Walpurga und der Johanniter (1887). Но наибольшую ценность представляют его научные труды: трехтомная «История драматической литературы и искусства в Испании» (Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien; 1845–1846) и «Поэзия и искусство арабов в Испании и на Сицилии» (Poesie and Kunst der Araber in Spanien und Sicilien; 1865). В 1887 г. издал автобиографию «Полстолетия, воспоминания и заметки» (Ein halbes Jahrhundert, Erinnerungen and Aufzeichnungen). Кроме того, известны его переводы: Spanisches Theater (1845); Heldensagen des Firdusi (1851) и Stimmen vom Ganges (1857).

322

Карвальо Леон (Carvalho; также Carvaille; 1825–1897), французский оперный певец (баритон) и театральный деятель. Учился в Парижской консерватории. В 1850–1855 гг. пел на сцене Опера-Комик (Opéra-Comique). В 1856 г. возглавил Лирический театр (Théâtre Lyrique). В 1872–1874 гг. возглавлял театр «Водевиль» (Théâtre du Vaudeville). В 1876 г. вновь вернулся в Лирический театр на должность директора. 25 мая 1885 г. в театре произошел пожар, приведший к человеческим жертвам. Вина за пожар была возложена на директора, но позже Карвальо был оправдан. В конце 1890 г. вновь возглавил Опера-Комик. За заслуги в области театрального искусства был удостоен звания рыцаря ордена Почетного легиона.

323

Оливье Эмиль (Ollivier; 1825–1913), французский государственный деятель. После 1848 г. был адвокатом и журналистом. В 1857 г. избран депутатом Законодательного корпуса (был переизбран еще в 1863-м и 1869 гг.). С 27 декабря 1869 г. по 9 августа 1870 г., будучи премьер-министром Франции, возглавлял кабинет министров, занимая одновременно должность министра юстиции и культов в правительстве Наполеона III. После поражения французских войск во Франко-прусской войне был вынужден уйти в отставку (август 1870 г.). Член Французской академии (1870).

Имеется в виду Матильда Везендонк.

325

Кель (Kehl), город в Германии, районный центр, расположенный в земле Баден-Вюртемберг.

326

Орсини Феличе (Orsini; 1819–1858), итальянский революционер. Готовился к духовной карьере, но быстро бросил учебу и стал убежденным радикалом. Примкнул к движению «Молодая Италия»; в 1844 г. впервые арестован за революционную деятельность и приговорен к пожизненному заключению. Помилован папой Пием IX. Принял активное участие в Австро-итальянской войне 1848 г., т. н. Первой итальянской освободительной войне, целью которой было освобождение Италии от Австрийского гнета. После римской революции 1849 г. и провозглашения Римской Республики Орсини был избран членом Римского Учредительного Собрания. После падения республики стал вновь активно бороться против папской власти. Инкогнито был отправлен в Венгрию, но по пути задержан и заключен в тюрьму, откуда ему удалось бежать. В 1856 г. совершил поездку в Англию. К тому времени был твердо убежден, что для объединения и освобождения Италии главным препятствием является французский император Наполеон III. С целью покушения на императора он прибыл в Париж в 1857 г. Вместе с тремя единомышленниками подготовил акцию. Вечером 14 января 1858 г. Орсини и его товарищи бросили три бомбы в императорскую карету, в которой ехали Наполеон III и его супруга. В итоге покушения погибли восемь случайных людей и 142 человека получили ранения. Императорская чета не пострадала. На следующее утро Орсини был арестован. 11 февраля из заключения он написал письмо к Наполеону, где призывал императора ускорить процесс освобождения Италии. Орсини был приговорен к смертной казни и 13 марта гильотинирован.

327

Ныне роскошный пятизвездочный отель, расположенный по адресу Place André Malraux, 1. Четыре фасада и терраса отеля открывают вид на Лувр, Оперу Гарнье и театр Комеди-Франсез.

328

«Зал потерянных шагов» (Salle des Pas-Perdus), один из самых больших залов парижского Дворца Правосудия, остроумное название которого намекает на то, что участники судебных процессов бесцельно бродят по нему, дожидаясь вызова.

329

Оратория «Времена года» (Die Jahreszeiten) была написана Й. Гайдном в 1801 г. Премьера состоялась в Вене 24 апреля того же года.

330

Скюдо (Скудо) Поль (Пьетро) (Scudo; 1806–1864), французский музыкальный критик итальянского происхождения. С юности жил в Париже, где получил музыкальное образование – широкое, но поверхностное: играл на кларнете в военном оркестре, брал уроки вокала, занимался композицией. Наконец остановился на музыкальной критике. Сотрудничал в основном с Revue des Deux Mondes. Резко отрицательно отзывался о творчестве Дж. Верди, Г. Берлиоза, Р. Шумана, Ф. Листа, Р. Вагнера. В качестве образца рассматривал музыку В. А. Моцарта, Дж. Россини, а главное, Дж. Мейербера. Опубликовал несколько сборников своих статей. Кроме того, в 1857 г. написал роман из жизни итальянских музыкантов XVIII в. «Кавалер Сарти» (Le Chévalier Sarti), который посвятил Мейерберу.

331

«Троянцы» (Les Troyens), оперная дилогия Г. Берлиоза, написанная по мотивам «Энеиды» Вергилия. Первая часть носит название «Падение Трои» (La Prise de Troie); вторая часть – «Троянцы в Карфагене» (Les Troyens à Carthage). Дилогия была написана в 1856–1858 гг. Первая постановка «Троянцев в Карфагене» состоялась 4 ноября 1863 г. в парижском Лирическом театре. «Падение Трои» впервые было поставлено уже после смерти композитора 7 декабря 1879 г. в парижском театре «Шатле» (Théâtre du Châtelet).

332

16 марта.

333

23 декабря.

Мирра Везендонк (1851–1888); в замужестве фон Биссинг (von Bissing).

Хальвильзее (*нем*. Hallwilersee; *франц*. Lac de Hallwil), озеро в Швейцарии, расположенное на территории кантонов Аргау и Люцерн.

336

Принцесса Вильгельмина Мария Луиза София Нидерландская (1824–1897), Великая герцогиня Саксен-Веймар-Айзенахская; единственная дочь короля Нидерландов Виллема II и его супруги Великой княгини Анны Павловны, внучка императора Павла I.

Вагнер необъективен в своей оценке Карла Александра. То, что тот не смог в достаточной степени, насколько хотел сам Вагнер, оказать ему помощь, никак не умаляет заслуг Великого герцога. Вагнер, а впоследствии и Лист не учитывали, что Карл Александр во многом был заложником своего положения, являясь в первую очередь государственным деятелем, а лишь затем меценатом. Между тем сделано было им для культуры Веймара (и для обоих композиторов в частности) очень много.

338

Таузиг Карл (Tausig; 1841–1871), пианист-виртуоз и педагог польского происхождения. В 1855–1859 гг. был учеником Ф. Листа. В 1859 г. дебютировал в качестве исполнителя в Берлине в сопровождении оркестра под руководством Г. Бюлова. В 1865 г. открыл в Вене Школу высшего пианистического мастерства (закрылась в 1870 г.). Композиторское наследие Таузига включает концерт для фортепиано с оркестром, 2 фортепианных этюда, несколько симфонических поэм. Кроме того, до сего дня не утратили значения инструктивные работы композитора, такие как Tägliche Studien («Ежедневные упражнения»). Таузиг являлся одним из величайших пианистов мира; лишь ранняя смерть не позволила ему встать в один ряд с Листом, фон Бюловом и Рубинштейном. Кроме виртуозной фортепьянной техники, Таузиг прославился своими транскрипциями, в частности произведений Р. Вагнера, с которым его связывала искренняя дружба. Много концертировал по миру, бывал в России (в 1870 г.), где имел триумфальный успех; способствовал пропаганде сочинений композиторов листовского круга.

339

Экерт (Эккерт) Карл Антон Флориан (Eckert; 1820–1879), немецкий композитор, дирижер, пианист и скрипач. За свой очень рано проявившийся музыкальный талант в 1825 г. был объявлен вундеркиндом. Учился играть на фортепьяно, скрипке и английском рожке. В 1830 г. написал свой первый зингшпиль Das Fischermädchen. В 1832 г. закончил музыкальное образование у Ф. Мендельсона-Бартольди в Лейпцигской консерватории. В этом же году дебютировал в качестве пианиста. В 1833 г. написал ораторию Ruth, премьерой которой сам дирижировал. Два года спустя дебютировал в качестве скрипача. В середине 1840-х гг. получил назначение на место капельмейстера Придворной оперы в Берлине. Во время Мартовской революции эмигрировал сначала в Амстердам, а затем в Брюссель. В 1850 г. вместе с Генриеттой Зонтаг совершил гастрольную поездку в США. В 1853 г. вернулся в Европу и получил место капельмейстера Кэрнтнертор-театра в Вене. В 1858 г. стал его директором. Эту должность занимал до 1860 г. Под его руководством прошли постановки «Лоэнгрина» (1858) и «Тангейзера» (1859). В 1860 г. получил место придворного капельмейстера в Штутгарте; в это время был аккомпаниатором П. Виардо-Гарсиа и принимал активное участие в организации ее баденских музыкальных вечеров в 1867–1868 гг. В 1868 г. вновь вернулся в Берлин, где до 1879 г. также являлся придворным капельмейстером. Также в 1875–1879 гг. был членом Прусской академии искусств в Берлине. Кроме упомянутых произведений, его композиторское наследие включает еще 3 оперы, 2 оратории, духовные сочинения, камерные произведения и песни.

Эссер Генрих Йозеф (Esser; 1818–1872), немецкий композитор, дирижер и скрипач. Учился композиции у Ф. Лахнера; в 1836 г. последовал за ним в Мюнхен. В 1839–1840 гг. завершил музыкальное образование в Вене. В 1840 г. получил место капельмейстера в Национальном театре в Мангейме (Mannheimer Nationaltheater), но в 1841 г. переехал в Майнц, возглавив местное Мужское хоровое общество. В 1845 г. стал директором театра в Майнце. В это время его учеником по композиции был П. Корнелиус. В 1847 г. получил должность капельмейстера Кэрнтнертор-театра в Вене, а в 1857 г. – Венской придворной оперы; был директором этого театра в 1860–1861 гг.; также руководил филармоническими концертами. В 1859 г. был избран почетным членом Венского мужского певческого общества (Wiener Männergesangsverein); был пожалован рыцарем ордена Франца Иосифа. В 1869 г. отошел от дел и переселился в Зальцбург. Композиторское наследие Эссера включает такие оперы, как: Silas (1840); Thomas Riquiqui oder Die politische Heirath (1843); Die zwei Prinzen (1845). Кроме того, им написаны 5 симфоний; 2 оркестровых сюиты; квартеты для мужских голосов, пользовавшиеся большой популярностью, а также многочисленные баллады и песни.

341

Ниман Альберт Вильгельм Карл (Niemann; 1831–1917), немецкий оперный певец (тенор); исполнитель партии Зигмунда во время Первого Байройтского фестиваля в 1876 г. Изначально обучался машиностроению, но оставил учебу, чтобы полностью посвятить себя музыке. В 1849 г. дебютировал на оперной сцене в Дессау. В 1853 г. получил место первого тенора в театре в Галле. Кроме того, неоднократно бывал приглашен в Штутгарт, Кёнигсберг, Штеттин (ныне Щецин в Польше), Ганновер, где в 1854 г. пел в «Тангейзере», в 1855 г. – в «Лоэнгрине», в 1859 г. – в «Риенци». Являлся одним из лучших интерпретаторов вагнеровского репертуара. В 1861 г. получил партию Тангейзера в печально знаменитой постановке в Париже. В 1863 г. совершенствовал вокальное мастерство с П. Виардо-Гарсиа. В 1864–1866 гг. пел на сцене Королевской Придворной оперы в Берлине (Königlichen Hofoper in Berlin). В 1876 г. был приглашен Вагнером в Байройт для участия в первой полной постановке «Кольца нибелунга» (пел партию Зигмунда). В 1888 г. вернулся на сцену Королевской Придворной оперы в Берлине. Последний раз выступал перед публикой в зале Берлинской филармонии в 1892 г. Корреспондент Вагнера. См.: Briefwechsel von Niemann mit Wagner. Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1924.

Зеебах Мария (Seebach; 1829–1897), немецкая актриса и оперная певица (сопрано). С детства выступала на сцене. В 1850 г. стала одной из первых студенток Консерватории в Кёльне (Musikkonservatorium zu Köln), обучаясь на оперную певицу. Однако, закончив обучение, вновь вернулась на драматическую сцену и играла в театрах Любека, Данцига и Касселя (амплуа субреток). Выступала в Thalia Theater в Гамбурге, где прославилась исполнением Гретхен в «Фаусте» И. В. Гёте, своей будущей лучшей роли. В 1854 г. была приглашена в Вену, в Венский Бургтеатр (Wiener Burgtheater), где ее увидел Ф. Дингельштедт и пригласил в Мюнхен. Здесь Зеебах прославилась как трагическая актриса. В 1859 г. она была приглашена в Городской театр в Ганновере (Stadttheater in Hannover) и вышла замуж за оперного певца А. Нимана. В 1866 г. переехала в Берлин, где в 1868 г. развелась с мужем. В этом же году совершила гастрольную поездку в Санкт-Петербург; в 1869 г. – в Амстердам. В 1870–1871 гг. посетила с гастрольным туром США. После дальнейших выступлений за рубежом, в 1886 г. была принята в труппу Королевского драматического театра в Берлине (königlichen Schauspielhauses in Berlin). Оставила сцену в 1897 г., незадолго до смерти.

343

Мари Катрин Софи д`Агу (D`Agoult; урожденная де Флавиньи [Flavigny]; 1805–1876), графиня, французская писательница (псевдоним Даниэль Стерн); спутница первой половины жизни Ф. Листа. Родилась во Франкфурте-на-Майне в семье французского эмигранта виконта Александра Виктора Франсуа де Флавиньи (1770–1819) и Марии Элизабет Буссман, урожденной Бетман (Bethman; 1772–1847). Ранее детство провела в Германии. В 1809 г. семья переехала во Францию. Вскоре у девочки проявилась явная склонность к литературе и к музыке. Ее учителем был И. Н. Гуммель. Мари еще не исполнилось четырнадцати лет, когда умер ее отец. С матерью они вновь переехали во Франкфурт. Возвратившись в Париж в 1820 г., она поступила в школу при монастыре Святого Сердца (Sacré Cœur) для завершения своего образования. Там играла в часовне на органе и даже руководила детским хором. Окончила школу в 1822 г. Имея явную способность к языкам, самостоятельно выучила английский. В 1826 г. познакомилась с графом Шарлем Луи Констаном д`Агу (d`Agoult; 1790–1875). 16 мая 1827 г. состоялось их бракосочетание. Через год родилась дочь Луиза (1828–1834); еще через два года – Клер (1830–1912). Однако вскоре между супругами начался разлад. В конце весны 1833 г. в одном из парижских салонов познакомилась с Ф. Листом и вскоре ради него ушла от мужа. Родила Листу троих детей: Бландину (1835–1862), Даниэля (1839–1858) и Козиму (1837–1930), будущую жену Р. Вагнера. Фактически рассталась с Листом в 1846 г., но продолжала изредка с ним общаться, в первую очередь чтобы иметь возможность видеть детей. Её первые повести Hervé; Julien; Valentia и Nélida (в последней нелицеприятно и необъективно описываются ее отношения с Листом) были написаны в 1841–1846 гг. В 1848 г. написала Lettres républicaines («Республиканские письма»). В 1861 г. вышла в свет двухтомная Histoire de la révolution de 1848 («История революции 1848 года»). Кроме того, ее перу принадлежат: Trois journées de la vie de Marie Stuart (1856); Florence et Turin (1862); Dante et Goethe (1866); Histoire des commencements de la république aux Pays-Bas (1872) и мемуары Mes souvenirs (1877).

344

Название пансиона, возможно, имеет отношение к Жайме (Джеймсу) Фази (1796–1878), швейцарскому политическому деятелю, президенту Совета кантонов Швейцарии, основателю швейцарской Радикальной партии. Но вообще фамилия Фази была распространена в Женеве. В частности, при записи в метрическую книгу сведений о рождении первой дочери Ф. Листа Бландины присутствовал и подписал метрику в качестве свидетеля некий Жан Жайме Фази, «предприниматель, в возрасте тридцати шести лет, проживающий в Женеве».

345

Ка д'Оро (Ca d`Oro), «Золотой дом», дворец XV в. в Венеции на Большом канале. Название происходит от того, что при первоначальной отделке было использовано сусальное золото. Считается самым элегантным из дворцов, построенных в венецианском стиле.

346

Эльслер Фанни (Франциска) (Elßler; 1810–1884), австрийская балерина; одна из самых знаменитых балерин XIX в. Балетному искусству обучалась при Венском Бургтеатре. Дебютировала в Неаполе в театре Сан-Карло в 1824 г. Ее громкая слава началась в 1830 г. в Берлине. После успеха в Германии последовало приглашение в Париж. В 1840–1841 гг. Эльслер совершила концертное турне по Европе, США и Кубе. В 1848–1850 гг. гастролировала в России. Кроме балетных партий, с успехом исполняла концертные программы, составленные из народных танцев разных стран; особенно знаменитой в ее исполнении стала испанская качуча. В 1851 г. в зените славы Эльслер оставила сцену. До 1854 г. она жила в Гамбурге, затем окончательно переехала в родную Вену.

Вагнер ошибается. Ка д'Оро не принадлежал Фанни Эльслер. В 1846 г. князь Александр Васильевич Трубецкой (1813–1889) подарил «Золотой дом» другой танцовщице, балерине Марии Тальони, с которой у него был роман.

347

Вагнер очень тяжело переживал разлуку с Матильдой Везендонк.

348

Ныне роскошный пятизвездочный отель Danieli a Luxury Collection Resort с видом на Венецианскую лагуну; расположен на Riva degli Schiavoni, в 200 м от площади Сан-Марко.

349

Аль фреско (*итал.* fresco – *букв.* «свежий»), техника настенной живописи красками (на чистой или известковой воде) по свежей, сырой штукатурке.

350

Для характеристики истинного душевного настроения Вагнера приведем отрывок из его дневника за 3 сентября 1858 г.: «Да, я надеюсь возродиться – во имя твое! (Имеется в виду Матильда Везендонк. – *М. З.*) Сохранить тебя – это значит сохранить себя для искусства. Жить искусством во имя твоей радости – вот задача, гармонирующая с моей натурой, с моим назначением, со всей моей волей – с моей любовью. Я – твой! Вот каким образом возродишься к жизни через меня и ты. Наперекор всем бурям обстоятельств, здесь будет закончен “Тристан”. Тогда вернусь, непременно вернусь: увижу тебя, утешу, дам счастье. Вот что предстоит мне сделать, вот моя воля, прекрасная, святая! Итак, вперед! Тристан! Изольда! Мой герой! Моя героиня! Помогите мне! Помогите моему ангелу! Здесь должны залечиться и закрыться все раны. Вот откуда мир узнает о возвышенной, благородной потребности высокой любви. Отсюда он услышит вопль страстных томлений» (цит. по: *Вагнер Р.* Избранные письма и дневники. Обращение к друзьям. Т. I–IV. СПб., 1911. Т. IV. С. 234).

351

Нарочито останавливаясь на различных бытовых мелочах, Вагнер ни словом далее не упоминает, что как раз в это время им был завершен поистине шедевр – памятник его любви к Матильде Везендонк, начатый им еще в 1857 г. Он положил на музыку пять стихотворений, принадлежащих перу Матильды Везендонк, и теперь собрал их в стройный цикл (при этом хронологический порядок создания песен не соблюдается). В своем дневнике Вагнер писал 9 октября 1858 г.: «Итак, я приступил к работе. С чего же я начал? От наших песен у меня имеются лишь беглые карандашные наброски, почти совсем не разработанные, до такой степени не отчетливые, что боюсь совершенно забыть их когда-нибудь. Прежде всего я занялся воспроизведением их на рояле и по памяти, со всеми подробностями. Затем я тщательно записал их… Такова была моя первая работа. Я расправил крылья. Сам я не написал ничего, что было бы лучше этих песен, и только немногие из моих произведений могут стоять с ними рядом. “И разрешена твоя загадка, о, святая природа…” (Последняя строка стихотворения М. Везендонк «Стой!», второй песни вагнеровского цикла. – *М. З.*) Эту *святую природу я* с большим удовольствием окрестил бы другим именем. Мысль тут верна, но не выражение: *святою* природа не бывает никогда, кроме одного случая, когда она отрекается от себя, когда она отрицает себя. Но из любви к тебе я оставил все по-прежнему» (цит. по: *Вагнер Р.* Избранные письма и дневники. Обращение к друзьям. Т. I–IV. СПб., 1911. Т. IV. С. 256–257).

Полное название цикла «Пять песен для женского голоса на стихи М. Везендонк» («Wesendonck-Lieder»). Первая песня «Ангел» («Der Angel»; написана в ноябре 1857 г.); вторая песня – «Стой!» («Stehe still!»; написана в феврале 1858 г.); третья – «В теплице» («Im Treibhaus»; написана в мае 1858 г.); четвертая – «Скорбь» («Schmerzen»; написана в декабре 1857 г.); пятая – «Грёзы» («Träume»; написана в декабре 1857 г.).

Здесь в значении «набережная».

353

Зичи Эдмунд (Эден [Ödön]) (Zichi és vásonkeői Zichy; 1811–1894), венгерский граф, камергер, действительный тайный советник и меценат. Автор многочисленных статей по искусству и страноведению. С юности находился на военной службе. Но вскоре оставил ее и занялся собиранием предметов искусства и памятников истории. В 1840–1843 гг. совершил поездки по Италии, Франции и Испании, а затем дважды отправлялся в путешествие на Восток. В 1866 г. написал труд «В каких дорогах нуждается Трансильвания?»(Welche Bahnen braucht Siebenbürgen?). Собрал значительную коллекцию предметов культуры Востока.

354

Возможно, имеется в виду Долгоруков Петр Владимирович (1816–1868), князь, русский историк и публицист, специалист по русской генеалогии, составитель «Российской родословной книги». Так иденцифицирует его М. Грегор-Деллин, глубокий исследователь жизни и творчества Вагнера.

Однако возникает ряд сомнений. Во-первых, Петр Владимирович выехал за границу в 1859 г. Вряд ли при этом, в 1858-м, он также намеревался провести в Венеции «всю зиму». Во-вторых, слова Вагнера о «древнем кавказском роде» определенно дают понять, что знакомый Вагнера – представитель рода Аргутинских-Долгоруковых. В таком случае идентифицировать его не удалось.

355

Ныне Albergo San-Marco – трехзвездочная гостиница, расположенная в квартале Сан-Марко, во дворце XIX в. Лозунг отеля: «Гостиница, которая находится ближе всех к площади Сан-Марко».

Тессарин Франческо (Tessarin; 1820–1889), итальянский композитор, пианист и педагог. Музыкальное образование получил в родной Венеции. Из произведений имели известность опера L'ultimo Abencerragio (1858), поставленная в этом же году в театре Ла Фениче (Teatro La Fenice; *букв.* «Феникс»); кантата Inno saluto (1875), а также многочисленные фортепьянные пьесы и сочинения духовного характера.

357

Главная набережная Венеции.

Раль Карл (Rahl; 1812–1865), австрийский художник и педагог. Учился в Венской академии художеств. В 1831 г. был удостоен Римской премии. Затем отправился в Мюнхен, Штутгарт и Венгрию; в 1836 г. уехал в Италию, где оставался до 1843 г., совершенствуя свое мастерство. Кроме того, в 1839–1842 гг. выполнил заказ Афинского университета, расписав фресками внутреннее помещение. В это время написаны самые известные полотна Раля, такие как: Die Auffindung von Manfreds Leiche («Обнаружение тела Манфреда, павшего в битве при Беневенте»;1836); Christenverfolgung in den Katakomben («Христиане, преследуемые в римских катакомбах»; 1844); Manfreds Einzug in Luceria («Вступление Манфреда в Луцерию»; 1846). В 1850 г. стал профессором Венской академии художеств, но по политическим причинам вскоре потерял место и открыл собственную частную школу. Выпускником ее, в частности, стал знаменитый венгерский живописец Михай Мункачи. С особенным блеском талант Раля проявился и в его монументальных работах, таких как настенная роспись парадной залы в Ольденбургском дворце (1860).

359

Театр Камплой (Teatro Camploy); изначально носил название театр Сан-Самуэле (Teatro San Samuele), венецианский театр, который располагался на Рио-дель-Дука (Rio del Duca), между Кампо-Сан-Самуэле (Campo San Samuele) и Кампо-Санто-Стефано (Campo Santo Stefano). Был открыт в 1656 г. В 1747 г. пожар уничтожил здание театра, но он был отстроен заново и открыт в 1748 г. В 1770 г. закрылся из-за финансовых трудностей. Вновь открыт в 1815 г. В 1819 г. театр приобрел импресарио Джузеппе Камплой (Camploy; 1794–1890). В 1853 г. театр был переименован в его честь в Театр Camploy. В 1889 г. Камплой завещал свой театр Вероне, где он и находится в настоящее время по адресу Via Cantarane, 32. Здание венецианского театра было снесено в 1894 г.

360

Гольдони Карло (Goldoni; 1707–1793), итальянский драматург и либреттист. Родился в Венеции; начинал карьеру в качестве адвоката. Одновременно пробовал свои силы в драматургии, сочиняя трагедии и либретто для опер. Настоящий успех пришел к Гольдони только тогда, когда он начал писать комедии, такие как «Светский человек» (L'Uomo di Mondo); «Мот» (Il Prodigo); «Банкротство» (Il Fallimento); «Обманщик» (L'Impostore) и др. В 1761 г. Гольдони навсегда уехал из Италии и поселился в Париже, где писал пьесы для итальянского театра. За два года он написал 24 пьесы; особенным успехом пользовалась у парижской публики комедия «Благодетельный Брюзга» (Le Bourru bienfaisant), написанная на французском языке. В 1787 г. Гольдони опубликовал свои мемуары Mémoires de M. Goldoni, pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son théâtre. Гольдони – автор более 200 пьес, среди которых в России наиболее известны «Трактирщица» (La locandiera); «Слуга двух господ» (Il servitore di due padroni; в 1976 г. экранизирована под названием «Труффальдино из Бергамо»); «Хитрая вдова» (La vedova scaltra; в 1991 г. экранизирована под названием «Осада Венеции»).

361

Театр Малибран (Teatro Malibran); изначально носил название Театр Сан Джованни Гризостомо (Teatro San Giovanni Grisostomo), один из старейших театров Венеции. Был открыт в 1678 г. До середины XVIII в. оставался ведущим театром в Венеции. В 1737 г. его возглавил К. Гольдони. В 1834 г. в театре были проведены серьезные реставрационные работы, а в 1837 г. он был переименован в Театр Малибран в честь знаменитой оперной певицы Марии Малибран. В 1992 г. здание театра было приобретено муниципалитетом Венеции и тщательно отреставрировано и расширено. В 2001 г. Театр Малибран вновь стал одним из действующих театров города. Находится по адресу Cannaregio 5873.

362

Комедия К. Гольдони «Кьоджинские перепалки».

363

Дарю Пьер Антуан Ноэль Матье Брюно (Daru; 1767–1829), французский военный и государственный деятель. На военной службе находился с 1783 г. Принимал участие в Великой французской революции на стороне восставших, однако во время террора был арестован. После освобождения вновь вернулся на военную службу и был секретарем военного министра. Во время войны 1799–1800 гг. в Италии состоял при Наполеоне. В 1806 г. был назначен генерал-квартирмейстером французской армии в Пруссии, а в 1809 г. занимал ту же должность в покоренной Австрии. 23 мая 1809 г. получил графский титул и 30 июня 1811 г. награжден большим офицерским крестом ордена Почетного легиона. Кроме того, с 1804 г. имел чин государственного канцлера; с 1805 г. был членом Государственного совета Франции и с 1806 г. являлся членом Французской академии наук. В кампании 1812 г. в России Дарю занимал должность генерал-квартирмейстера Великой армии. В 1813 г. был назначен министром военного снабжения. При первом отречении Наполеона остался на военной службе и при Людовике XVIII был генерал-квартирмейстером французской армии. После прибытия Наполеона во Францию Дарю поддержал его возвращение к власти, был назначен премьер-министром и состоял при Наполеоне на всем протяжении кампании Ста дней. В 1819 г. назначен пэром Франции. Серьезно занимался историей и литературой. Его перу принадлежат: La Cléopédie, ou La théorie des réputations en littérature, suivie du Poème des Alpes; et de l'Épître à mon sans-culotte (1799); упоминаемая Вагнером трехтомная «История Венецианской республики» (Histoire de la république de Venise; 1819–1822) и трехтомная Histoire de Bretagne (1826).

364

Совет Десяти (Consiglio dei Dieci), государственный орган Венецианской республики, основанный в июне 1310 г. В состав Совета входило десять советников, дож и члены его Малого совета (6 человек). Таким образом, несмотря на название, численность Совета Десяти составляла 17 человек. Главной обязанностью Совета Десяти было обеспечение безопасности Венеции. Фактически этот орган был аналогом спецслужб современных государств. Совет Десяти отличался неподкупностью; взятки и подкуп карались смертной казнью. В 1334 г. Совет Десяти получил полномочия на проведение допросов, после чего Совет заслужил славу неумолимого судьи над всеми жителями Венеции. В XVII в. власть Совета Десяти была ограничена.

365

Фукидид (ок. 460 до н. э. – ок. 400 до н. э.), древнегреческий историк. Биографических данный практически не сохранилось. Автор «Истории Пелопоннесской войны», состоящей из 8 книг. По мнению Фукидида, пока не изменится человеческая природа, будут происходить и явления, подобные тем, которые он описывает. Лучшей формой правления считал т. н. умеренную демократию, наступившую после низвержения олигархии, так как она является разумным соединением олигархии и демократии.

Вагнер никак не отражает в своих мемуарах, что начало 1859 г. было омрачено охлаждением в его отношениях с Листом. Деньги таяли, а надежд на получение гонораров в ближайшем будущем не было. Лист тогда находился в очень тяжелом душевном состоянии – 13 декабря 1858 г. его сын Даниэль скоропостижно скончался. Но Вагнер не привык брать во внимание чужое горе и все равно обратился к Листу с очередной просьбой: поставить в Веймаре «хотя бы “Риенци”». Выполнить желание Вагнера Листу не удалось, хотя он наверняка приложил к достижению цели максимум усилий. Однако Вагнер, получив отказ, не нашел ничего лучше, как обвинить Листа «в равнодушии». И это после всего, что тот уже для него сделал! Естественно, Лист посчитал себя глубоко оскорбленным. Но его благородное сердце смогло со временем позабыть боль обиды и простить своего эгоцентричного друга.

367

Макиавелли Никколо (di Bernardo dei Machiavelli; 1469–1527), итальянский философ, историк и писатель. «Флорентийские хроники» (Le Historiae Fiorentinae) были написаны им в 1520–1525 гг. и изданы в 1532 г. В этом труде излагается история Флоренции, начиная с эпохи Древнего Рима и заканчивая установлением синьории Медичи 1434 г. Самый известный труд Макиавелли – трактат «Государь» (Il Principe), написанный в 1513 г. и изданный в 1532 г.

368

В 1815 г. Венеция стала частью Ломбардо-Венецианского королевства, принадлежавшего Австрии, которая навязывала Венеции австрийские законы и цензуру. Несмотря на неоднократные восстания, Венеция оставалась под владычеством Австрии вплоть до 1866 г., когда после поражения Австрии при Кёнигграце в Австро-прусской войне Австрия передала весь регион Венето (столицей которого является Венеция) Франции, присоединившей его к новому Итальянскому королевству.

369

Максимилиан I, Фердинанд Максимилиан Иосиф фон Габсбург (1832–1867), эрцгерцог Австрийский, император Мексики (с 10 апреля 1864 г. по 15 мая 1867 г.) под именем Максимилиана I (Maximiliano I de México); младший брат австрийского императора Франца Иосифа. В 1854 г. стал главнокомандующим австрийским флотом. В 1857 г. стал вице-королём Ломбардии-Венеции. В качестве австрийского наместника поселился в Милане. В 1859 г. был смещен императором Францем Иосифом, недовольным его политикой. В 1863 г. был коронован императором Мексики. После прибытия в Мексику в 1864 году столкнулся с противодействием со стороны республиканцев, поднявших восстание. Республиканцы одержали победу, Максимилиан попал в плен, предан военному суду и 19 июня 1867 г. расстрелян.

370

Венсенские егеря, или венсенские стрелки – род французской легкой пехоты, вооруженной винтовками и изначально предназначенной для колониальной войны в Алжире. Свое название ведет от первой роты этих стрелков, которая была сформирована герцогом Фердинандом Орлеанским в 1833 г. в Венсене под Парижем.

371

Зуавы (Zouave), элитные части легкой пехоты французских колониальных войск, отличавшиеся безукоризненной строевой подготовкой и необычным разноцветным обмундированием.

372

Имеются в виду два сражения Австро-итало-французской войны 1859 г., известной в Италии как Вторая война за независимость Италии; в Австрии – как Сардинская война; во Франции – как Итальянская кампания. Военный конфликт происходил между Францией и Сардинским королевством с одной стороны и Австрийской империей – с другой. Для Италии эта война являлась национально-освободительной. Франция стремилась расширить свое влияние в Италии и вытеснить с Апеннинского полуострова австрийцев.

Битва при Мадженте произошла 4 июня 1859 г. около села Маджента (Magenta) в Северной Италии. Победителями в этой битве вышли французы.

Битва при Сольферино – крупнейшее сражение Австро-итало-французской войны – произошла 24 июня 1859 г. в окрестности ломбардской деревушки Сольферино (Solferino). Сражение закончилось победой франко-итальянской коалиции.

373

Имеется в виду Пинакотека Брера (Pinacoteca di Brera), одна из крупнейших галерей Милана. Пинакотека находится в одноименном квартале, в барочном палаццо рубежа XVI–XVII вв. Ныне здесь также размещается Миланская академия художеств.

374

«Тайная вечеря» (Il Cenacolo или L'Ultima Cena), фреска работы Леонардо да Винчи, созданная в 1495–1498 гг. в трапезной доминиканского монастыря Санта-Мария-делле-Грацие в Милане. Уже в 1517 г. краска росписи начала отслаиваться из-за влаги. В 1556 г. биограф Леонардо Вазари описал роспись как сильно разрушенную и настолько испортившуюся, что фигуры почти невозможно было узнать. В 1652 г. через роспись был проделан дверной проем, позднее заложенный кирпичом. В 1668 г. над росписью с целью защиты повесили занавесь; вместо этого она перекрывала испарение влаги с поверхности, и, когда занавесь откидывали, она царапала отшелушивающуюся краску. Первая реставрация была предпринята в 1726 г.; вторая была предпринята в 1770 г. В 1796 г. французские войска использовали помещение как оружейный склад; затем оно использовалось как тюрьма. В 1821 г. была предпринята попытка перенести роспись в более безопасное место, но была серьезно повреждена центральная секция. В 1901–1908 гг. было впервые проведено тщательное исследование структуры росписи, после чего можно было приступать к ее расчистке. В 1924 г. расчистка была продолжена. 15 августа 1943 г. трапезная подверглась бомбежке. В 1951–1954 гг. была проведена еще одна реставрация с расчисткой и стабилизацией. В 1978–1999 гг. велась очередная крупномасштабная реставрация. 28 мая 1999 г. роспись была открыта для просмотра.

375

Театр Ре (Teatro Re), частный миланский театр, построенный для импресарио Карло Ре. Был открыт 18 декабря 1813 г. постановкой «Танкреда» Дж. Россини. Находился в Contrada dei Due Muri, недалеко от современной Via Silvio Pellico. Снесен в 1872 г.

Ныне пятизвездочный отель, расположенный по адресу Schweizerhofquai, 3 на берегу Люцернского озера, в нескольких минутах ходьбы от ж/д вокзала. Славится своими знаменитыми постояльцами, среди которых были также Марк Твен и Л. Н. Толстой.

Австро-итало-французская война 1859 г.

Дрезеке Феликс Август Бернхард (Draeseke; 1835–1913), немецкий композитор. В 1852–1855 гг. учился в Лейпцигской консерватории. В 1852 г. в Веймаре слушал «Лоэнгрина» Р. Вагнера под управлением Ф. Листа. Под впечатлением от спектакля написал свою первую оперу «Король Сигурд» (König Sigurd). В 1853 г. в Берлине познакомился с Гансом фон Бюловом, с которым впоследствии дружил. В 1855 г., по окончании консерватории, был приглашён Ф. Бренделем в Neue Zeitschrift für Musik в качестве музыкального критика (в числе прочих статей опубликовал эссе о Вагнере, а также о симфонических поэмах Листа). В феврале 1857 г. лично познакомился с Листом, а в 1859 г. – с Вагнером. В это время написал балладу Helges Treue (официальный ор. 1) и кантату «Германия своим детям» (Germania an ihre Kinder). В 1863–1874 гг. преподавал фортепьяно в консерватории в Лозанне; с 1875 г. – в Женеве. В 1865 г. ездил в Мюнхен на премьеру «Тристана и Изольды». В 1869 г. предпринял путешествие по Франции, Испании, Северной Африке и Италии. Написал фортепьянную сонату (ор. 6), симфоническую поэму «Фритьоф» (Frithiof), кантату «Клятва в Рютли» (Der Schwur im Rütli) и др. В 1872 г. написал Первую симфонию G-dur (ор. 12). В 1876 г. вернулся в Германию; закончил Вторую симфонию F-dur (ор. 25); присутствовал на Первом Байройтском фестивале (но с самим Вагнером не встречался). С августа 1876 г. поселился в Дрездене, где давал частные уроки. Написал оперы «Дитрих Бернский» (Dietrich von Bern; 1879; впоследствии переработана и переименована в Herrat) и «Гудрун» (Gudrun; 1883), а также Реквием h-moll (ор. 22; 1880). В сентябре 1884 г. получил должность профессора в Дрезденской консерватории. В 1886 г. закончил Третью симфонию «Трагическую» C-dur (ор. 40; Symphonia Tragica). Большую популярность завоевало его симфоническое вступления к пьесе Кальдерона «Жизнь есть сон» (ор. 45; Das Leben ein Traum), а также Большая месса fi s-moll (ор. 60; Große Messe fi s-moll; 1891), опера «Мерлин» (Merlin; 1905) и многочисленные камерные произведения, среди которых Третий струнный квартет cis-moll (ор. 66; 1895) и струнный квинтет F-dur (ор. 77; 1900). В 1898 г. пожалован в надворные советники, в 1906 г. – в тайные надворные советники. В 1912 г. философский факультет университета Берлина избрал его почетным доктором. Кроме упомянутых произведений следует отметить еще Большую мессу a-moll (ор. 85; Große Messe a-moll; 1909); Реквием e-moll (1910) и «Комическую симфонию» (Symphonia Comica; 1912).

379

Серов Александр Николаевич (1820–1871), русский композитор и музыкально-общественный деятель. Автор опер «Юдифь» (1863), «Рогнеда» (1865), «Вражья сила» (1871; завершена после смерти композитора его женой В. С. Серовой и композитором Н. Ф. Соловьёвым). В своем творчестве являлся приверженцем вагнеровских принципов музыкальной драмы, которые отстаивал и в своих критических работах. Один из основоположников русской музыкальной критики. Стойкий защитник идеалов вагнеровского искусства в России.

380

Пилатус (Pilatus), горный массив в швейцарских Альпах; находится на границе кантонов Обвальден, Нидвальден и Люцерн. Вершина 2128,5 м. Встречается альтернативное название – Томлисхорн (Tomlishorn).

381

Дочь Мари д'Агу и графа Шарля Луи Констана д`Агу Клер (1830–1912). 8 мая 1849 г. она вышла замуж за Ги де Жерара графа де Шарнака (de Girard, comte de Charnacé; 1825–1909), писателя, журналиста, агронома и музыковеда; почитателя творчества Р. Вагнера.

28 июля 1884 г. граф де Шарнак получил титул маркиза де Шарнака.

382

Одна из таможенных застав Парижа, спроектированных французским архитектором Клодом-Николя Леду (Ledoux; 1736–1806). В 1784–1789 гг. он возвел вокруг Парижа пояс таможенных застав, т. н. «пропилеи Парижа». Леду спроектировал и построил 17 больших застав, 30 малых и, кроме того, 33 наблюдательных поста, разбросанных по наружной линии города. Сам архитектор рассматривал парижские заставы отнюдь не как сугубо утилитарные таможенные барьеры: он создавал монументальный ансамбль, не имеющий аналогов в архитектуре прошлого. Все заставы вместе со сплошной цепью вала, с широким бульваром внутри и широкой дорогой снаружи, должны были образовать единый пояс, кругом охватывающий столицу. Сами заставы представляли собой постройки павильонного типа с элементами классической архитектуры. Ныне из всех застав сохранились только четыре (застава Звезды снесена).

383

Вагнер жил в Париже на Рю-Ньютон, 16. Дом не сохранился.

384

Фёйе Октав (Feuillet, 1821–1890), французский писатель и драматург. Настоящая слава пришла к нему в 1858 г., после опубликования романа «Le roman d'un jeune homme pauvre» («Роман бедного юноши»). В 1860-х – 1870-х гг. находился на пике своей карьеры. В 1862 г. был избран во Французскую академию на место Э. Скриба. Из обширного наследия Фёйе (собрание его сочинений составляет 19 томов) следует отметить романы Histoire de Sibylle (1862); Monsieur de Camors (1867); Julia de Trécoeur (1872); Journal d'une femme (1878) и Histoire d'une Parisienne (1881). Из пьес (некоторые свои романы Фёйе также перерабатывал в пьесы) большим успехом пользовались: Crise (1854); Dalila (1857); Julie (1869); Le Sphinx (1872). Драматургические сочинения Фёйе были изданы в ряде сборников Scènes et proverbes (1851), Théâtre complet (1892–1893; 5 томов). Сочинения Октава Фёйе неоднократно переводились на русский язык, начиная с конца 1850-х гг.

Ныне последним домом по Рю-Ньютон является дом № 12.

386

Де Шарналь Станислас (de Charnal; 1830–1880), французский драматург, журналист, театральный деятель и художник. В 1854–1855 гг. являлся директором театра в Ла-Шо-де-Фон (La Chaux-de-Fonds) в Швейцарии. В 1856 г. приехал в Париж и занялся театральной критикой. К 1859 г. относится его сотрудничество с Р. Вагнером. В 1860 г. написал собственные пьесы: Puisque des rois épousaient des bergères; A bas les hommes!; A bas Rigolboche. В 1863 г. являлся корреспондентом Жорж Санд. В 1864 г. за свою комедию Le cousin du pays de Caux был приговорен к 6 месяцам лишения свободы. В 1865 г. переехал в Лион. В 1870–1872 гг. являлся главным редактором журнала Gnafron, имевшего радикально-революционную направленность. За свою деятельность неоднократно подвергался судебным преследованиям.

387

Имеется в виду пьеса по повести «Шиндерханнес» (Schinderhannes) французских писателей Луи-Шарля-Александра Шатриана (Chatrian; 1826–1890) и Эмиля Эркмана (Erckmann; 1822–1899), пишущих под псевдонимом Эркман-Шатриан (Erckmann-Chatrian). Повесть была написана в 1852 г. и посвящена знаменитому немецкому преступнику Йоханнесу Бюклеру (Bückler; 1778–1803) по прозвищу Шиндерханнес, что означает Ханнес-живодер. В 16 лет он впервые был пойман на краже. Вскоре собрал целую банду головорезов и начал заниматься разбоем и грабежами по обе стороны Рейна – и на французской, и на немецкой стороне. В итоге был схвачен и казнен с несколькими своими сообщниками у городских ворот Майнца. Несмотря на свою неблаговидную деятельность, снискал славу «нового Робин Гуда», и уже в 1804 г. появилась первая анонимная книга о нем: «Жизнь, деяния и конец пресловутого Йоханнеса Бюклера по прозвищу Шиндерханнес» (Leben, Thaten und Ende des berüchtigten Räubers Johannes Bückler gen. Schinderhannes). Как ни странно, но с тех пор интерес писателей, а затем и кинематографистов (в 2012 г. был поставлен даже мюзикл о Шиндерханнесе) к этой фигуре не ослабевает.

388

Де Гасперини Огюст (de Gaspérini; 1823–1868), французский журналист. Опубликовал книгу La nouvelle Allemagne musicale. Richard Wagner, par A. de Gasperini (Paris, Heugel etcie, 1865).

389

Леруа Адольф (Leroy; 1827–1880), профессор Парижской консерватории в 1868–1876 гг. Его брат Леон Леруа был влиятельным в Париже музыкальным критиком.

390

Роже Гюстав Ипполит (Roger; 1815–1879), французский оперный певец (тенор). В 1837 г. окончил Парижскую консерваторию; в 1838 г. дебютировал в Опера-Комик. В 1846 г. стал первым исполнителем партии Фауста в «Осуждении Фауста» Г. Берлиоза. В 1848 г. перешел из Опера-Комик в Парижскую оперу, где стал первым исполнителем партии Иоанна Лейденского в опере Дж. Мейербера «Пророк». С успехом гастролировал в Англии и Германии. В 1859 г. в результате несчастного случая на охоте у Роже была ампутирована правая рука, но он по-прежнему продолжал выступать на сцене, пользуясь протезом. В течение нескольких лет совершил новые гастрольные туры по Франции, Англии и Бельгии. С 1868 г. являлся профессором вокала в Парижской консерватории, оставаясь на этой должности до конца жизни. Оставил мемуары «Записная книжка одного тенора» (Le carnet d'un ténor), опубликованные в 1880 г., уже после его смерти.

Роже перевел на французский либретто оратории Гайдна «Времена года», что и подвигло Р. Вагнера обратиться именно к нему с переводом «Тангейзера». Работа не пошла дальше первой сцены первого акта.

391

Сотрудничество супругов Шнорр с Р. Вагнером начнется в 1862 г.

392

Дустман-Майер Мария Луиза (Dustmann-Meyer; урожденная Майер; 1831–1899), немецкая оперная певица (сопрано). В возрасте 17 лет переехала в Вену, где дебютировала в Театре в Йозефштадте в сезоне 1848–1849 гг. Затем получила ангажемент в Бреслау; в 1850–1851 гг. пела в Касселе, где ее талант высоко оценил Л. Шпор. В 1852–1854 гг. выступала в Дрезденской придворной опере, а в 1854–1856 гг. – в Немецком театре в Праге. В конце 1856 г. получила приглашение в Венскую придворную оперу, в труппу которой была зачислена 1 января 1857 г. Пела на этой сцене до 1875 г.; последней ее партией стала Эльза в опере Р. Вагнера «Лоэнгрин». В 1877–1818 гг. выступала только как приглашенный гость. Также в 1875–1880 гг. преподавала вокал, а в 1880 г. переехала в Берлин. Является одной из лучших интерпретаторов вагнеровских опер. Сам Вагнер называл ее «моя певица».

Ее сестра Мария Вильгельмина Адельхайд Майер (1840–1908) была актрисой Придворного театра Людвига II Баварского, а также гастролировала в Берлине, Гамбурге, Праге и Санкт-Петербурге. Она была матерью знаменитого австрийского писателя и драматурга Густава Майринка (1868–1932).

Вторая сестра, Фридерика Майер (? —?), дебютировала 8 июля 1854 г. на сцене Сословного театра в Праге (Prager Ständetheater); затем переехала во Франкфурт-на-Майне. Между ней и Луизой был разлад.

Доброе сердце (*франц.*).

394

Джакомелли Адольфо (Giacomelli; 1825–1893), французский музыкальный критик и театрально-концертный агент итальянского происхождения. В 1854–1892 гг. был главным редактором музыкальной прессы газеты La Presse Musicale. Его музыкальное агентство в Париже было расположено по адресу Rue Richer, 45.

395

Фульд Ахилл (Fould; 1800–1867), французский политический деятель (1800–1867). В 1842 г. был избран в палату депутатов; в 1846 г. переизбран снова. После революции 1848 г. написал две брошюры: Observations sur la question fi nancière, adressées à l'Assemblée Constituante и Pas d'assignats; в них критиковал финансовую политику республиканского правительства. В сентябре 1848 г. избран в Учредительное собрание; в 1849 г. – в Законодательное собрание, а в октябре 1849 г. получил пост министра финансов, который сохранил (с перерывом в январе – апреле 1851 г.) до января 1852 г. В 1851 г. был одним из участников государственного переворота; затем был назначен сенатором, через несколько месяцев государственным министром, а в декабре 1852 г. – министром императорского двора. В 1860 г. вышел в отставку. Вновь назначен министром финансов в ноябре 1861 г. Окончательно отошел от дел в январе 1867 г.

396

Моккар Жан Франсуа Констан (Mocquard; 1791–1864), французский дипломат, кабинет-секретарь Наполеона III (1848–1864) и сенатор (1863–1864). Изучал право в Парижском университете, после окончания которого поступил на дипломатическую службу. В 1812 г. был назначен секретарем дипломатической миссии в Вюрцбурге, затем поверенным в делах (1813). После Реставрации присоединился к либеральной оппозиции и начал карьеру адвоката. Вследствие заболевания гортани был вынужден отказаться от юридической деятельности и выйти на пенсию. С 1817 г. находился в дружбе с Луи-Наполеоном. В 1848 г. стал его личным секретарем; участвовал в подготовке переворота 2 декабря 1851 г.; в разработке указа о роспуске Национального собрания. В 1863 г. стал кавалером ордена Почетного легиона и сенатором Второй империи.

397

Кальцадо Торибио (Calzado; 1805–1863), импресарио испанского происхождения. В 1855–1863 гг. являлся директором Итальянской оперы в Париже (Théâtre italien de Paris).

Для сравнения обратим внимание на то, что ровно такую же сумму Вагнер должен был платить в год за свое жилье. Дороговизна театральных предприятий во многом объясняет (и оправдывает!) те пресловутые непомерные долги, которыми был обременен композитор. Не отрицая его любви к комфорту, все же необходимо учитывать, что он был вынужден тратить огромные средства, чтобы осуществлять постановки своих музыкальных драм и давать концерты с исполнением своей музыки.

399

Как я полагаю, это вы дали совет насчет концертов месье Вагнеру? (*франц.*)

Фиорентино Пьер Анджело (Fiorentino; 1811–1864), французский драматург, поэт, писатель, журналист и переводчик итальянского происхождения. Родился в Неаполе. Получил образование в университете Неаполя, который окончил в 1831 г. В 1833 г. опубликовал сборник Le Cento Novelle; поэму Sergianni Caracciolo и исторический роман Il Corradino. В 1834 г. вышел в свет поэтический сборник Le sere d'autunno; в 1835 г. – Le Scene e costumi и историческая драма La Fornarina. Вскоре уехал во Францию; с конца 1830-х гг. фактически жил между Францией и Италией. В Париже давал уроки итальянского языка; основал газету Il Bravo, которая, правда, просуществовала недолго. Сотрудничал в ряде крупных газет (в частности, в Le Corsaire) в качестве театрального и музыкального критика. Стал заниматься переводами; его перевод на французский язык «Божественной комедии» Данте (1840) был признан лучшим (в частности, по мнению Ш. Бодлера и В. Гюго). Был другом Т. Готье. Сотрудничал и дружил с А. Дюма, с которым познакомился еще в Неаполе в 1835 г.; даже являлся соавтором ряда его произведений. С 1842 г. начал выступать в печати в качестве автора юмористических рассказов, первым из которых стал рассказ под названием la Fisiologia. С конца 1848 г. Фиорентино сотрудничал с такими изданиями, как Presse и музыкальный журнал Constitutionell (с 1849 г. в качестве редактора). С 1852 г. под псевдонимом A. de Rovray писал в ведущую газету того времени – Moniteur. За свои заслуги в области литературы Фиорентино был награжден орденом Почетного легиона.

401

Дусе Шарль Камиль (Doucet; 1812–1895), французский драматург и театральный деятель. В 1841 г. написал первый водевиль Léonce; успех его подвиг Дусе в этом же году написать комедию – Un Jeune Homme. Автор целого ряда комедий, имевших успех, таких как: L'avocat de sa cause (1842); Le Baron de Lafleur, ou les Derniers valets (1842); La Chasse aux fripons (1846); Le Dernier banquet de 1847 (1847); Les Ennemis de la maison (1850); Le Fruit défendu (1857); La Considération (1860) и др. Полное собрание сочинений Дусе издано в 1874 г. В 1864 г. избран в члены Французской академии; в 1865–1876 гг. был ее постоянным секретарем.

Ферри Жюль (Ferry; 1832–1893), французский политический деятель. Изучал право в Парижском университете; с 1854 г. сотрудничал в качестве политического журналиста с рядом парижских газет, главным образом с Temps. В 1863 г. издал брошюру La lutte électorale de 1863, критикующую существующее избирательное право. Затем последовал целый ряд статей по вопросам финансовой политики государства, которые были собраны и изданы под названием Comptes fantastiques d'Haussmann в Париже в 1865 г. В 1869 г. избран депутатом Законодательного корпуса от Республиканской партии. После образовании министерства Э. Оливье Ферри вел с ним ожесточенную борьбу, попрекая Оливье изменой республиканским убеждениям. 6 сентября 1870 г. стал префектом департамента Сена, а 15 ноября – мэром Парижа. Во время Парижской коммуны в Париже не находился. После её падения Тьер снова назначил Ферри префектом департамента Сены (24 мая 1871 г.), но через 10 дней он отказался от этой должности. В мае 1872 г. был отправлен французским послом в Афины и оставался там до падения Тьера (24 мая 1873 г.), после которого подал в отставку и вернулся в Париж, где вновь занял место в Национальном собрании. В 1876 г. избран в палату депутатов (переизбирался в 1877 г., в 1881 г. и в 1885 г.). 4 февраля 1879 г. Ферри был приглашен на должность министра народного просвещения и изящных искусств, которую занимал до 1885 г. (23 сентября 1880 г. сформировал свой собственный кабинет министров, сохранив за собой портфель министра просвещения; кабинет Ферри просуществовал до 14 ноября 1881 г.). В 1887 г. баллотировался на пост президента республики, но потерпел поражение. В 1890 г. написал политический труд Le Tonkin et la mè repatrie. В 1891 г. был избран в сенат и вновь принял горячее участие в политической деятельности. В феврале 1893 г. стал президентом сената, но через три недели скоропостижно умер. В 1893–1897 гг. вышло в свет шеститомное собрание речей Ферри Discours et opinions de Jules F., являющееся ценным документом эпохи Третьей республики.

Школа медицины (*франц.*).

404

Мария Анна Лист, урожденная Лагер (Lager; 1788–1866.). Мать всегда была для Листа, пожалуй, самым близким и родным человеком, о чем он сам неоднократно заявлял. Неудивительно, что именно матери Лист доверил воспитывать своих детей, детство и ранняя юность которых протекала в Париже.

405

Герц Анри (Herz; 1803–1888), французский композитор и пианист австрийского происхождения. В 1816–1817 гг. завершил свое музыкальное образование в Парижской консерватории, затем совершенствовался у И. Мошелеса. В начале карьеры выступал в качестве пианиста-виртуоза; гастролировал по Европе, в том числе в Варшаве, Санкт-Петербурге, Москве, а также в США и Мексике (в 1866 г. опубликовал книгу воспоминаний Mes voyages en Amérique). В 1842–1874 гг. преподавал в Парижской консерватории. Основал фабрику по производству фортепьяно. Инструменты его фабрики были удостоены первой премии Всемирной выставки 1855 г. и 1889 г. (уже после смерти Герца). В качестве композитора является автором 218 пронумерованных опусов, среди которых 8 концертов для фортепьяно с оркестром; 14 рондо; многочисленные фортепьянные миниатюры: фантазии, вариации, ноктюрны, вальсы, этюды.

В 1838 г. открыл в Париже собственный концертный зал.

406

Обозначение тактового размера 2/2, реже 4/2. Другими словами, такт разбивается не на 4 четверти при счете, а на 2 половинных. Кроме того, устаревшее обозначение ускорения темпа вдвое, когда в такте на 4/4 счетной долей становится не четвертная, а половинная (размер 2/2).

407

Франк-Мари (Franck-Marie) – творческий псевдоним Франко Марии Пердолини (Perdolini), музыкального критика парижской газеты La Patrie, брата оперного певца (баса) Жуана Пердолини.

408

Статья Г. Берлиоза Théâtre-Italien: Concerts de Richard Wagner: La Musique de l'avenir была напечатана в Journal des Débats за 9 февраля 1860 г.

409

Ответное письмо Вагнера, подписанное «20 февраля 1860», Offener Brief. An Hector Berlioz, было напечатано в Journal des Débats за 22 февраля 1860 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VII. S. 82–86.

410

Перрен Эмиль Сезар Виктор (Perrin; 1814–1885), французский театральный деятель и художник. Учился живописи у П. Делароша; одновременно занимался театральным искусством. В мае 1848 г. занял должность директора Опера-Комик, которую занимал до ноября 1857 г. Одновременно в 1854–1855 гг. был директором Лирического театра (Théâtre Lyrique). В декабре 1862 г. получил место директора Парижской оперы, но в мае 1870 г. уволен «за недостаток патриотизма». В 1871 г. стал главным администратором Комеди-Франсез и оставался на этой должности до конца жизни. В 1876 г. был избран в члены Французской академии изящных искусств.

411

Фуше де Карей Луи Александр (Foucher de Careil; 1826–1891), французский писатель, политический деятель. С юности проявлял интерес к искусствам и философии; много путешествовал, в частности по Германии. Написал следующие труды: Réfutation inédite de Spinoza par Leibniz (1854); Nouvelles lettres et opuscules inédits de Leibniz, précédés d'une introduction (1857); двухтомник Oeuvres inédites de Descartes, précedées d'une introduction sur la méthode (1859–1860); Leibniz, la Philosophie juive et la cabale (1861); Descartes et la princesse Palatine, ou De l'influence du cartésianisme sur les femmes au XVIIe siècle (1862); Hegel et Schopenhauer: études sur la philosophie allemande moderne depuis Kant jusqu'à nos jours (1862). На политическом поприще ему не везло: после неудачи на выборах в Законодательное собрание в 1863-м, а затем в 1869 г. уехал в США. В это время были опубликованы труды: Dante (1864); La liberté des haras et la crise chevaline (1864); Goethe et son oeuvre (1865); Le Luxembourg à la Belgique, avec pièces justificatives (1867); Les habitations ouvrières (1868); Aux viticulteurs (1870). Вернулся во Францию во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Правительство Тьера 23 марта 1871 г. назначило его префектом Котдю-Норда (Côtes-du-Nord; ныне Кот-д'Армор [Côtes-d'Armor]) в Бретани. 8 мая 1872 г. получил назначение на пост префекта Сены и Марны (Seine-et-Marne). 7 сентября 1871 стал офицером ордена Почетного легиона. 24 мая 1873 г. уволен, однако 30 января 1876 г. переизбран и получил место сенатора от департамента Сены и Марны. В это время написал Descartes, la princesse Élisabeth et la reine Christine d'après des lettres inédites (1879). 4 августа 1883 г. Фуше де Карей был назначен послом Франции в Австро-Венгрии. Ушел из Сената в 1886 г., однако переизбран 4 января 1891 г. Был командором ордена Почетного легиона; имел также ордена Святого Маврикия и Лазаря; шведский орден Полярной звезды; венгерский Большой крест Святого Стефана и др.

412

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), русский писатель, поэт и драматург. Автор таких произведений, как: поэма «Иоанн Дамаскин» (1859); исторический роман «Князь Серебряный», опубликованный в 1863 г.; драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868; в 1898 г. постановкой этой драмы открылся Московский Художественный театр) и «Царь Борис» (1870) и, кроме того, многочисленных произведений проникновенной поэтической лирики.

А. К. Толстой состоял в переписке с Ф. Листом и К. Сайн-Витгенштейн (частично опубликована в «Вестнике Европы»; т. 12, 1895). Общеизвестно его преклонение перед творчеством Р. Вагнера. «Я вчера пошёл слушать “Лоэнгрина” и нашёл его великолепным; мне кажется, что Вагнер для меня открылся так же, как Бетховен». (Письмо к жене С. А. Толстой [1827–1892] от 31 июля [12 августа] 1867 г.) «Я Вам скажу, что я очень счастлив, и могу Вам сказать, что я вагнеризируюсь всё более и более (конечно музыкально) и что мой мозг, или мои уши, или моё сердце, отверзлись для многих красот, которые до сих пор не были мне доступны». (Письмо к Каролине Сайн-Витгенштейн от 13 [25 марта] 1872 г.) В этом же письме Толстой далее говорит о том, что способен «слушать “Лоэнгрина” или “Тангейзера” два раза сряду, в один присест… если бы было возможно, то после последнего удара смычка… начал снова слушать оперу».

413

Шанфлери (Champfleury), творческий псевдоним; настоящее имя Жюль Франсуа Феликс Флери-Юссон (Fleury-Husson; 1820–1889), французский писатель и искусствовед. В 1843 г. приехал в Париж, где, познакомившись с Ш. Бодлером (см. ниже), со следующего года стал писать под псевдонимом Шанфлери для журнала L'Artiste. В 1847 г. опубликовал роман Chien-Caillou, вызвавший высокую оценку В. Гюго. В 1850 г., когда испанская школа живописи фактически игнорировалась во Франции, выступил апологетом творчества Эль Греко. Большой успех имели его дальнейшие художественные произведения: Les excentriques (1852); Les aventures de Manette (1856); Les bourgeois de Molinchart (1855); Les amis de la nature (1859); Les demoiselles Tourangeau (1864); La petite rose (1877); La pasquette (1876); Madame Eugenio (1874); Fanny Minoret (1882). В 1865–1880 гг. был опубликован монументальный пятитомный труд Histoire générale de la cancature. В 1869 г. выпустил книгу Les Chats с циклом рассказов о кошках, иллюстрированную изображениями кошек работы видных художников того времени. С 1872 г. и до конца жизни являлся директором-хранителем коллекций фарфора на фарфоровом заводе в Севре. В качестве искусствоведа был приверженцем натурализма; из искусствоведческих работ следует отметить: Souvenirs et Portraits de jeunesse (1871); Amis de la Nature (1860); Réalistes et Fantaisistes (1863); Nos gens de lettres (1864).

Брошюра Шанфлери, упоминаемая Вагнером и изданная в Париже в 1860 г., носит название Richard Wagner.

Бодлер Шарль Пьер (Baudelaire; 1821–1867), французский поэт и критик. Родился в Париже; в 1832 г. переехал в Лион, где посещал Лионский Королевский коллеж (Collège royal de Lyon). В 1836 г. вернулся в Париж и поступил в коллеж Людовика Святого (Collège Louis-le-Grand), откуда был исключен за год до окончания (1839). Первые стихи Бодлера были напечатаны в 1843–1844 гг. в журнале L'Artiste. В 1844–1848 гг. Бодлер вел довольно беспорядочный образ жизни, в частности, посещал «Клуб гашишистов» (Club des Haschischins), основанный Жаком-Жозефом Моро (Moreau; 1804–1884). Однако, по свидетельству Т. Готье, принимал гашиш не более двух раз; так же как и опиум. К началу 1850-х гг. Бодлер полностью преодолел «тягу к наркотическим экспериментам», впоследствии описанным в трех статьях, составивших сборник «Искусственный рай» (Les Paradis artificiels; 1860). В 1857 г. вышел самый известный поэтический сборник Бодлера «Цветы зла» (Les Fleurs du mal; неоднократно переводился на русский язык; в 1861 г. вышло второе издание, расширенное и переработанное), признанный современниками непристойным. В 1858 г. была опубликована «Поэма гашиша» (Le Poème du haschisch). Одновременно серьезно занимался критикой, добившись авторитета и признания. Сочинения Бодлера в жанре поэмы в прозе вошли в сборник «Маленькие поэмы в прозе» (известен еще под названием «Парижский сплин») (Petits poèmes en prose; Le Spleen de Paris), опубликованном уже после смерти автора в 1869 г. В 1865 г. Бодлер уехал в Бельгию, где в 1866 г. серьезно заболел. Его перевезли в Париж и поместили в клинику, в которой он скончался 31 августа 1867 г.

Выступая в защиту музыки Р. Вагнера после скандального провала парижской постановки «Тангейзера», 8 апреля 1861 г. Бодлер в журнале La Revue Européene опубликовал эссе «Рихард Вагнер и “Тангейзер” в Париже», в котором показал тонкое и глубокое понимание вагнеровских идей. Сравнивая это эссе Бодлера со статьей Г. Берлиоза Théâtre-Italien: Concerts de Richard Wagner: La Musique de l'avenir, приходится признать, что литератор превзошел музыканта в понимании вагнеровского искусства. См.: *Baudelaire Ch.* Richard Wagner et Tannhäuser à Paris // *Baudelaire Ch.* Oeuvres completes. Paris, 1975–1976. T. 2. 1976.

415

«Сударь, мне всегда казалось, что великий художник, как бы ни был он привычен к славе, не откажется от искреннего поздравления, когда это поздравление – слово благодарности, в котором ценность *особого* рода, оттого, что исходит от француза, то есть человека, мало склонного к восторженности и рожденного в стране, где больше не понимают ни поэзии, ни живописи, ни музыки. Прежде всего хочу сказать, что признателен Вам *за самое большое музыкальное наслаждение, когда-либо мной испытанное*. Я уже в таком возрасте, когда больше не развлекаются писанием знаменитым людям, и я долго колебался, засвидетельствовать ли Вам в письме свое восхищение, если бы я не видел ежедневно недостойные, нелепые статьи, в которых всеми силами пытаются очернить ваш гений […] Когда я в первый раз пошел на концерт в Итальянский театр слушать Ваши произведения, я был настроен не лучшим образом и даже, признаюсь, был полон дурных предубеждений […] Но я был покорен Вами тотчас же. То, что я испытал, неописуемо, и если Вы соблаговолите прочесть без смеха, попытаюсь выразить словами. Прежде всего мне показалось, будто я знаю эту музыку, что это музыка моя, и я узнавал ее, как узнает всякий человек все то, что ему назначено любить […] Ее свойством, более всего меня потрясшим, было величие. Она воссоздает возвышенное и побуждает к возвышенному. В Ваших произведениях я повсюду находил торжественность великих созвучий, грандиозные картины Природы и победу великих страстей человека […] С того дня как я услышал Вашу музыку, я беспрестанно говорю себе, особенно в тяжелые минуты: *“Если бы сегодня вечером я мог по крайней мере немного послушать Вагнера!”* Еще раз благодарю Вас, сударь; *в тяжелые минуты* Вы влили в меня душевные силы и призвали к возвышенному […]

P. S. Я не прилагаю своего адреса, чтобы вы не подумали, что я хочу о чем-то вас просить» (См.: *Baudelaire Ch.* L'art romantique. Paris, 1979. C. 263–265).

416

Фон Мейзенбуг Мальвида (von Meysenbug; 1816–1903), немецкая писательница; номинант первой Нобелевской премии по литературе 1901 г. Родилась в Касселе; в 1832 г. с матерью и младшей сестрой переехала в Детмольд. В 1840 г. познакомилась с философией Г. В. Ф. Гегеля и младогегельянцев; поддерживала революционное движение 1848–1849 гг. Из-за своих политических убеждений прекратила всяческое общение с семьей. В 1850 г. училась в Высшей школе Гамбурга. В 1852 г. за политические выступления Мальвиде грозил арест; чтобы избежать его она уехала в Лондон, где зарабатывала частными уроками и переводами. Познакомилась с А. И. Герценым, Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди. Воспитывала дочерей Герцена Ольгу (1844–1912) и Наталию (1844–1936), к которым испытывала материнскую привязанность. В 1860–1861 гг. жила в Париже вместе с Ольгой. Там встречалась с Р. Вагнером, Ш. Бодлером, Г. Берлиозом. Под влиянием Вагнера серьезно увлеклась философией А. Шопенгауэра. В 1862 г. Мальвида фон Мейзенбуг отправилась вместе с Ольгой в Италию и некоторое время проживала там. В 1869 г. был опубликован первый том Memoiren einer Idealistin; в 1875-м и 1876 г. вышли второй и третий тома. В 1870 г. Мальвида, будучи другом дома, была свидетелем на свадьбе Вагнера и Козимы. В 1872 г. она присутствовала на закладке первого камня Фестшпильхауса в Байройте, где познакомилась с Ф. Ницше и стала его близким другом и покровительницей. С 1874 г. по состоянию здоровья жила в Италии. Написала следующие произведения: Stimmungsbilder aus dem Vermächtniss einer alten Frau (1879); Phädra (1885); Gesammelte Erzählungen (1885); Erzählungen aus Legende u. Geschichte (1890). В 1890 г. познакомилась с Р. Ролланом, ее последним корреспондентом (их переписка насчитывает 1500 писем) и другом. В 1898 г. опубликовала Der Lebensabend einer Idealistin; в 1901 г. – Individualitäten. Умерла в Риме.

417

Салис-Швабе Юлия (Salis-Schwabe; урожденная Рике Розетта Швабе [Ricke Rosetta Schwabe]; 1818–1896), английская предпринимательница. Происходила из семьи немецких евреев. Родилась в Бремене; получила образование в Гамбурге. 14 октября 1837 г. вышла замуж за Салиса Швабе (1800–1853), своего двоюродного брата, и к тому времени успешного фабриканта в Миддлтоне (в графстве Большой Манчестер [Greater Manchester] на западе Англии). Супруги отличались благотворительностью: вскоре после брака построили на собственные средства школу и библиотеку для детей рабочих их фабрики. Были знакомы со многими известными людьми своего времени, в частности Ф. Шопеном и Ж. Линд. Овдовев, Юлия продолжала вести светский образ жизни и путешествовала по Европе.

418

Парижские газеты того времени наперебой печатали различные анекдоты, порочащие Вагнера, и, по словам друга Дж. Россини Эдмонда Мишотта (Michotte; 1831–1914), «чтобы придать своим выдумкам хоть какое-нибудь правдоподобие, они, не стесняясь, приписывали их разным видным личностям. Россини как бы был создан для того, чтобы их больше всего приписывали именно ему: он был известен как первоклассный поставщик всевозможных рассказов, и за ним числилось немало острот столь же сомнительного вкуса, сколь и апокрифичных». Именно к этим выдумкам парижской журналистской братии относятся и ныне кочующие из книги в книгу высказывания якобы Россини о музыке Вагнера как «о соусе без рыбы», т. е. лишенной мелодии; о партитуре «Тангейзера», которую маэстро «начал понимать, лишь перевернув вверх ногами»; об оброненном горничной подносе с посудой, грохот от падения которого Россини назвал «полифонией из “Грота Венеры”». Опровержения и открытые письма Россини в газеты ничего не давали; они оставались незамеченными широкой публикой, в отличие от самих анекдотов (а вот некоторым музыковедам, повторяющим в своих трудах все эти нелепости, такая невнимательность совершенно непростительна!).

419

Карафа ди Колобрано Микеле Энрико (Carafa di Colobrano; 1787–1872), итальянско-французский композитор и педагог. Написал свою первую оперу Il Fantasma в 1805 г. В 1806 г. уехал в Париж, где брал уроки композиции у Л. Керубини. По требованию отца был вынужден вступить лейтенантом в гусарский полк; воевал в Италии, затем в России. После увольнения из армии продолжил музыкальное образование в Неаполе. В 1821 г. вернулся в Париж, где ему принесли успех оперы «Спящая красавица» (La belle au bois dormant; 1825) и «Мазаньелло» (Masaniello ou Le pêcheur napolitain; 1827). Всего им написано 38 опер; 2 балета; Requiem; Stabat Mater. Однако в дальнейшем стал большее внимание уделять педагогической деятельности. В 1834 г. получил французское гражданство и был избран в Академию изящных искусств, директором которой стал в 1837 г. В 1838 г. возглавил гимназию военных музыкантов (Gymnase de musique militaire); в этом же году была поставлена его последняя опера «Тереза»(Thérèse). В 1840–1858 гг. был профессором композиции в Парижской консерватории. Его последней работой стала адаптация для французской сцены оперы Дж. Россини «Семирамида», авторские права на которую Россини подарил Карафе в знак дружбы.

Здесь в значении «красное словцо» (*франц.*).

421

Досадная ошибка (*франц.*).

Подробный отчет об этом визите оставил Э. Мишотт. Его «Визит Рихарда Вагнера к Россини» (La Visite de R. Wagner à Rossini) был впервые опубликован в Париже лишь в 1906 г. Затем был издан в качестве приложения к книге о Россини итальянского музыковеда Луиджи Роньоли в 1956 г. С этого издания был сделан русский перевод, приводимый в книгах: Дж. Россини. Избранные письма, высказывания, воспоминания (Л., 1968) и *Фраккароли А.* «Россини» (М., 1990).

423

Статья Р. Вагнера «Воспоминание о Россини» (Eine Erinnerung an Rossini) была напечатана в Allgemeine Zeitung (Augsburg) за 17 декабря 1868 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VIII. S. 220–225.

424

Маньян Бернар Пьер (Magnan; 1791–1865), маршал Франции. Начинал военную карьеру в армии Наполеона I. В 1830 г. отличился в Алжирской экспедиции. В 1831 г. уволен в запас за слишком жесткие методы подавления бунта, вспыхнувшего в Лионе. Перешел в бельгийскую армию, но через несколько лет был вновь принят на французскую службу. Летом 1851 г. назначен главнокомандующим парижской армией, с которой подавил восстание, вспыхнувшее после государственного переворота 2 декабря. В этом же году стал сенатором.

425

Фон Пурталес Альберт (von Pourtalès; 1812–1861), граф; прусский дипломат. Работал во внутренней службе Министерства иностранных дел и частично в зарубежных миссиях. До 1844 г. был дипломатом в Лондоне, Неаполе и Константинополе. С 1844 г. служил советником дипломатической миссии в Министерстве в Берлине. В начале мартовской революции 1848 г. принимал участие в подготовке планов эвакуации Фридриха Вильгельма IV, которые, однако, так и не были выполнены. В 1850–1851 гг. был послом в Константинополе. В начале Крымской войны, в 1853 г., был отправлен с дипломатической миссией в Лондон, пытаясь представлять прусскую политику «активного нейтралитета». Его миссия в Лондоне провалилась. С 1854 г. был послом в Париже; в частности, организовывал визит Вильгельма I к Наполеону III. Выступал активным критиком политики О. фон Бисмарка.

426

Августа Мария Луиза Катерина Саксен-Веймар-Айзенахская, супруга Вильгельма I, являвшегося регентом Прусского королевства при Фридрихе Вильгельме IV с 7 октября 1858 г. до 2 января 1861 г., когда после смерти брата он стал королем.

427

Исторический парижский кафе-ресторан, название которого можно перевести как «Коровка», в котором любили собираться многие деятели литературы и искусства, такие как К. Мандес, С. Малларме и др. Находится по адресу бульвар Сен-Мишель (boulevard Saint-Michel), 27.

428

Фон Гацфельд (Хацвельдт) цу Вильденбург Мельхиор Губерт Пауль Густав (von Hatzfeldt zu Wildenburg; 1831–1901), граф, немецкий дипломат. В 1851–1857 гг. изучал в Берлине право и политологию. Благодаря содействию принцессы Прусской Августы, супруги будущего императора Вильгельма I, получил место атташе в Королевской прусской миссии в Париже. В мае 1865 г. стал секретарем дипломатической миссии в Дании; через три года О. фон Бисмарк предоставил ему место в Министерстве иностранных дел. Благодаря своей многолетней работе в Париже и владению в совершенстве французским языком, во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. стал незаменимым сотрудником канцлера; в качестве его дипломатического помощника принял участие в подготовке проектов переговоров о капитуляции и подписал мирный договор 10 мая 1871 г. В 1874 г. был немецким послом в Мадриде. В 1878 г. Вильгельм I назначил его первым послом в немецком посольстве в Константинополе. В 1882 году он был назначен статс-секретарем Министерства иностранных дел, а с 1885 г. состоял германским послом в Лондоне.

429

Бачиокки Феликс Мариус Жозеф Франсуа (Baciocchi; 1803–1866), французский политический деятель. Полковник Национальной гвардии. С 1852 г. служил во французской дипломатической миссии. В 1855 г. стал генерал-интендантом императорских театров. С 5 марта 1866 г. – сенатор. Был генеральным консулом в Аяччо.

Руайе (Ройе) Альфонс (Royer; 1803–1875), французский писатель и театральный деятель. Начинал карьеру как автор исторических романов. Особенный успех ему принес роман «Плохие парни» (Les Mauvais garçons; 1830). Вскоре были опубликованы романы Venezia la bella (1834); Connétable de Bourbon (1838); Robert Macaire (1840); Les jauissaires (1844) и др. Кроме того, Руайе был известным либреттистом, в частности написал французские либретто к операм Г. Доницетти «Фаворитка», «Лючия ди Ламмермур», «Дон Паскуале». В 1853–1856 гг. руководил парижским театром «Одеон» (Théâtre de l'Odéon). В 1856–1862 гг. занимал пост директора Парижской оперы. В 1869–1871 гг. опубликовал фундаментальную «Всеобщую историю театра» (Histoire universelle du théâtre). В 1875 г. была опубликована написанная им «История Парижской оперы» (Histoire de l'Opera).

Фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн (Бейльштейн) Паулина Клементина (von Metternich-Winneburg zu Beilstein; урожденная Шандор [Sándor de Slawnitza]; 1836–1921), княгиня; внучка (ее матерью была Леонтина фон Меттерних, в замужестве Шандор де Славница; дочь канцлера Клеменса фон Меттерниха) и невестка канцлера Меттерниха. В 1856 г. состоялась свадьба Паулины с единокровным братом ее матери Рихардом фон Меттернихом (1829–1895). В 1859 г. он был назначен австрийским послом в Париже. В своем парижском доме княгиня открыла салон, быстро ставший весьма популярным среди литераторов, музыкантов и художников. Она лично была знакома и переписывалась со многими композиторами и писателями, в том числе с Р. Вагнером, Ф. Листом, Ш. Гуно, К. Сен-Сансом, П. Мериме и А. Дюма. Являлась покровительницей Вагнера в Париже, а затем Б. Сметаны в Вене. Во многом благодаря ее усилиям удалось осуществить три печально знаменитые постановки «Тангейзера». Впоследствии в своем салоне сокращенные версии вагнеровских музыкальных драм, в том числе и «Кольца нибелунга», ставились непосредственно в ее салоне. После капитуляции Парижа в 1870 г. князь Меттерних был отозван в Австрию. В венском дворце Меттернихов княгиня продолжала свою просветительскую деятельность, однако уже без парижского успеха.

«Ах! Папа не ходит по сцене? Это хорошо! Нам сказали, будто у Вас фигурирует Святой Отец, и Вы должны понимать, что такое не могло пройти. Кроме того, месье, мы теперь знаем, что Вы великий гений; император приказал поставить Вашу оперу» (*франц.*).

433

Театр Ла Моннэ (Théâtre de la Monnaie), театр в Брюсселе, находящийся на одноименной площади (ближайшая станция метро De Brouckere). Был открыт в 1700 г. Построен на месте монетного двора, отсюда и название (от *франц.* la Monnaie – «монета»).

Клиндворт Иоганн Георг Генрих (Klindworth; 1798–1882), немецкий дипломат. Получил образование в Гёттингенском университете; изучал филологию. В 1817 г. получил докторскую степень. С 1819 г. работал в Берлине наставником и личным секретарем посла Португалии графа Ориоло (Oriolo). В 1827 г. поступил на службу к герцогу Карлу II Брауншвейгскому в качестве личного секретаря. В 1828 г. получил должность советника по иностранным делам; вел переговоры от имени герцога с Ганноверским королевством. В сентябре 1830 г. Карл II был свергнут и бежал в Англию. В 1832 г. Клиндворт оставил Брауншвейг и уехал в Париж, где несколько лет являлся членом тайного кабинета Луи-Филиппа. В 1840-х гг. вел несколько дипломатических миссий австрийского государственного деятеля князя Меттерниха, министра иностранных дел Великобритании лорда Пальмерстона и других европейских политиков, временами выполняя роль двойного агента. С 1848 г. был политическим ссыльным; два года работал театральным агентом, но вскоре вернулся на государственную службу. В 1852 г. уехал в Веймар и в последующие годы выполнял различные тайные миссии для императора Николая I, а затем для Александра II. Был одним из наиболее влиятельных тайных дипломатов своего времени.

Незаконнорожденная дочь Клиндворта и датской актрисы Бригиты Бартельс (Bartels; 1786–1864) Агнес Стрит-Клиндворт (Street-Klindworth; 1825–1906) была одной из любимых учениц Ф. Листа (с 1853 г.), вызвав в нем даже романтические чувства (ее переписка с Листом в период 1855–1861 гг. сохранилась).

Еще раз обращаем внимание на то, что это не соответствует истине. Агнес была незаконнорожденной дочерью Клиндворта.

436

Куденхове Франц Карл (Coudenhove; 1825–1893) в 1857 г. женился на Марии Калерджи (Калержи) (Kalergi; 1840–1877), дочери Ивана Эммануиловича Калержи (1814–1863) и Марии Калерджи (1822–1874), приятельницы Вагнера и Листа. Впоследствии род стал именоваться Куденхове-Калерджи.

Напомним, что действие «Лоэнгрина» происходит в Брабанте. Средневековое герцогство Брабант покрывало территорию, включавшую до 1795 г. примерно нынешнюю нидерландскую провинцию Северный Брабант, бельгийские провинции Антверпен, Валлонский Брабант и Фламандский Брабант, а также Брюссельский столичный регион.

Бронзарт фон Шеллендорф Ингеборг Мария Вильгельмина (Bronsart von Schellendorf; урожденная Штарк [Starck]; 1840–1915), немецкая пианистка и композитор. Родилась и училась в Санкт-Петербурге. В 1858 г. уехала в Веймар, где стала ученицей Ф. Листа. В 1861 г. вышла замуж за Ганса Бронзарта фон Шеллендорфа (см. ниже), также ученика Листа. Гастролировала по Европе и России в качестве пианистки. После 1867 г., когда ее муж был назначен директором Королевского театра в Ганновере (Königlichen Theater in Hannover), сосредоточилась не на концертной, а на композиторской деятельности. Среди ее произведений следует отметить концерт для фортепьяно с оркестром (1863); оперы: «Саисская богиня, или Линас и Лиана» (Die Göttin von Sais oder Linas und Liane; 1867); «Йери и Бэтели» (Jery und Bätely; 1873); «Хьярне» (Hiarne; 1890). Кроме того, она автор знаменитого «Марша Кайзера Вильгельма» (Kaiser-Wilhelm-Marsch), а также многочисленных вокальных циклов (один из них написан на стихи М. Ю. Лермонтова и был опубликован в Санкт-Петербурге в 1869 г.).

439

Бронзарт фон Шеллендорф Ганс (Bronsart von Schellendorff; 1830–1913), немецкий пианист и композитор. Окончил Берлинский университет; одновременно брал уроки фортепьянной игры и композиции. В 1853–1857 гг. учился в Веймаре у Ф. Листа; был одним из его любимых учеников и первым исполнителем (1857) его Второго концерта для фортепьяно с оркестром (Лист посвятил этот концерт Бронзарту). В 1861 г. женился на ученице Листа Ингеборг Штарк. Гастролировал по Европе и России в качестве пианиста. В 1860–1862 гг. являлся дирижером концертов музыкального общества «Эвтерпа» в Лейпциге. В 1865–1867 гг. возглавлял Берлинское общество друзей музыки (Berliner Gesellschaft der Musikfreunde). В 1867–1887 гг. был директором Королевского театра в Ганновере (Königlichen Theater in Hannover). В 1887–1895 гг. занимал пост генерал-интенданта придворных театров в Веймаре. Композиторское наследие Бронзарта включает фортепьянное трио g-moll (op. 1; 1856); оркестровую «Весеннюю фантазию» (Frühlings-Fantasie); Концерт для фортепьяно с оркестром fi s-moll (op. 10; 1873), а также две симфонии, многочисленные фортепьянные миниатюры и опера «Корсар» (Der Corsar).

Сен-Санс Шарль Камиль (Saint-Saëns; 1835–1921), французский композитор, дирижер, органист, музыкальный критик и писатель. Начал обучаться игре на фортепьяно с трех лет; в 1845 г. дал свой первый концерт в зале Плейель. Кроме того, изучал историю, литературу, философию, теологию, древние языки, математику, астрономию и археологию. В 1848 г. поступил в Парижскую консерваторию в класс органа; в 1851 г. окончил ее с первой премией. В том же году начал заниматься композицией и оркестровкой у Ф. Галеви. В 1857–1877 гг. был органистом парижской церкви Мадлен (l'église de la Madeleine). Был одним из первых французских музыкантов, поддерживавших творчество Р. Вагнера. Пропагандировал также и творчество Ф. Листа, в частности его симфонические поэмы. В 1861–1865 гг. преподавал в Школе Нидермейера (l'École Niedermeyer). В 1871 г. был одним из основателей Национального музыкального общества (Société nationale de musique). В это же время стал выступать в печати в качестве авторитетного музыкального критика. В 1876 г. посетил Первый Байройтский фестиваль и написал семь обширных статей, посвященных творчеству Вагнера. В ноябре 1875 г. посетил с концертами Санкт-Петербург, где выступил как дирижер и как пианист. В 1881 г. избран в Академию изящных искусств. В 1884 г. стал офицером ордена Почетного легиона. В 1893 г. получил степень почетного доктора Кембриджского университета. В 1900–1910-х гг. с большим успехом гастролировал в США. Стал одним из первых композиторов, пишущих для кино: в 1908 г. написал музыку к фильму «Убийство герцога Гиза». Среди обширного композиторского наследия Сен-Санса следует особо отметить оперы: «Жёлтая принцесса» (La Princesse jaune; 1872); «Серебряный колокольчик» (Le Timbre d'Argent; 1877; вторая редакция 1913); «Самсон и Далила» (Samson et Dalila; 1877); «Этьен Марсель» (Étienne Marcel; 1879); «Генрих VIII» (Henry VIII; 1883); «Прозерпина» (Proserpine; 1887); «Асканио» (Ascanio; 1890); «Фринея» (Phryné; 1893); «Фредегонда» (Frédégonde; 1895; окончил и оркестровал оперу Э. Гиро [Guiraud]); «Варвары» (Les Barbares 1901); «Елена» (Hélène 1904); «Предок» (L'Ancêtre; 1906); «Деянира» (Déjanire; 1911). Кроме того, им написаны: Месса для четырёх солистов, хора, органа и оркестра, op. 4; Реквием, op. 54; сюита («Зоологическая фантазия») для камерного ансамбля «Карнавал животных» (Le carnaval des animaux; 1886); симфонические поэмы: «Прялка Омфалы» (Le Rouet d Omphale;

1871); «Фаэтон» (Phaéton; 1873); «Пляска смерти» (Danse macabre; для облигатной скрипки с оркестром; 1874); «Юность Геракла» (La jeunesse d Hercule; 1875), а также 3 симфонии; 5 концертов для фортепьяно с оркестром; 3 концерта для скрипки с оркестром; 2 концерта для виолончели с оркестром; многочисленные камерные и вокальные произведения.

441

Вийо Мари Жозеф Фредерик (Villot; 1809–1875), французский художник и гравер. Друг Э. Делакруа (познакомились в 1830 г.), которого обучал технике офорта. В 1848–1861 гг. возглавлял отделение живописи Лувра. Начал работу над составлением каталога картин в Лувре; каждая картина в каталоге снабжалась не только справкой по истории создания и технике исполнения, но и подробной библиографией всех изданий, где она упоминалась или воспроизводилась, опубликованных с 1793 г. Каталог также включал хронологическую таблицу и алфавитный список всех упомянутых в нем художников. Являлся инициатором реставрации картин, в частности обновления старого лака. В связи с разногласиями в способах реставрации (в первую очередь картины П. Веронезе «Брак в Кане Галилейской») у Вийо возник конфликт, и он был вынужден уйти в отставку. С 1861 г. занимал место генерального секретаря Лувра (должность чисто административная). Кавалер ордена Почетного легиона (1861).

442

Куратор живописи в Лувре (*франц.*).

443

Offener Brief. An Frédéric Villot. Было опубликовано в парижском издании в Quatre Poèmes d opéras traduits en prose française, précédés d'une Lettre sur la musique: Le Vaisseau Fantôme – Tannhäuser – Lohengrin – Tristan et Iseult (1861) и в лейпцигском издании Zukunftsmusik: Brief an einen französischen Freund als Vorwort zu einer Prosa-Uebersetzsung seiner Operndichtunge (1861).

Написано, согласно автографу Вагнера, 15 сентября 1860 г.

В данном случае Вагнер явно не объективен. Просто талант Сен-Санса-композитора наиболее ярко раскрылся позднее, во второй половине 1870-х гг.

445

Вагнер ошибается. К нему явился Линдау Рихард (Lindau; 1831–1900), немецкий поэт и переводчик. С середины 1850-х гг. жил в Париже. Здесь он пробовал свои силы в качестве оперного певца, автора песен, поэта и переводчика. Последнее предприятие привело в 1861 г. к судебной тяжбе с Р. Вагнером по поводу признания его авторских прав на французский перевод либретто «Тангейзера». К началу 1864 г. Линдау переехал к своему старшему брату Рудольфу, прусскому консулу в Японии, и стал работать в Нагасаки для американской фирмы Walsh & Co., в которой в итоге стал партнером в октябре 1867 г. С августа 1865 г. Линдау являлся прусским консулом в Нагасаки. Партнером Walsh & Co. Линдау оставался до марта 1868 г. 1 апреля он перешел партнером в британскую фирму Alt & Co. 1 января 1869 г. стал главой Alt & Co. в Японии. 31 декабря 1870 г. контракт был разорван, и Линдау покинул Японию. В 1874 г. стал консулом Германии в Марселе. В 1876 г. переехал в Барселону в качестве консула Германии. В Барселоне открыл в своей резиденции популярный японский художественный музей. Оставался в Барселоне до конца 1890-х гг. Вернувшись в Германию, вскоре умер в Гейдельберге.

Не путать с Паулем Линдау (Lindau; 1839–1919), немецким писателем, журналистом и театральным деятелем. Путаница могла возникнуть оттого, что Пауль Линдау является автором памфлетов: Nüchterne Briefe von Bayreuth (1877) и Bayreuther Briefe vom reinea Thoren Parsifal von Wagne (1882), а также книги Richard Wagner (1885).

«Вечерняя звезда» (*франц.*). Имеется в виду ария Вольфрама из «Тангейзера»: O du mein holder Abendstern.

«О, я хорошо Вас знаю, месье Рихард Вагнер; Ваш портрет висит у меня над фортепьяно» (*франц.*).

Гемар Паулина (Guéymard; урожденная Лотер [Lauter]; более известна под двойной фамилией Гемар-Лотер [Guéymard-Lauter]; 1834–1876), французская оперная певица (сопрано) бельгийского происхождения. Дебютировала в 1854 г. на сцене Лирического театра (Théâtre Lyrique) в Париже. С 1856 г. (по некоторым сведениям, с 1861 г.) была солисткой Парижской опера вплоть до 1876 г. Обладала столь сильным голосом широкого диапазона, что могла петь как сопрановые, так и меццо-сопрановые партии. В 1858 г. вышла замуж за оперного певца (тенора) Луи Гемара (1822–1880), солиста Парижской оперы в 1848–1868 гг. В 1868 г. их брак распался.

449

Тедеско Фортуната (Tedesco; 1826–1875), итальянская оперная певица (контральто). Родилась в Мантуе; окончила Миланскую консерваторию и в 1844 г. дебютировала на сцене миланского Ла Скала. Затем пела в Вене, Париже (солистка Парижской оперы в 1851–1857 гг. и в 1860–1862 гг.), Венеции, Мадриде, а также в США. В 1859 г. выступала в Санкт-Петербурге. Отличалась великолепным голосом и яркой внешностью. В 1866 г. завершила певческую карьеру.

Была исполнительницей партии Венеры в парижской постановке музыкальной драмы Р. Вагнера «Тангейзер» 13 марта 1861 г.

450

Трагическая актриса (*франц.*).

451

Закс (Зассе) Мария Констанс (Sax; также Sasse; Saxe; Sass; 1834–1907), бельгийская оперная певица (сопрано). Окончила консерваторию в Генте; дебютировала в Венеции в 1852 г. в партии Джильды в опере Дж. Верди «Риголетто». 27 сентября 1859 г. впервые вышла на сцену Лирического театра (Théâtre Lyrique) в Париже в партии Розины в опере В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». С 3 августа 1860 г. являлась солисткой Парижской оперы. В сезоне 1869/70 гг. пела на сцене миланского Ла Скала; в сезоне 1870/71 гг. – выступала в Санкт-Петербурге. В 1877 г. покинула сцену, после чего занималась преподаванием вокала. в 1902 г. опубликовала мемуары под названием Souvenirs d'une artiste.

13 марта 1861 г. исполняла партию Елизаветы в парижской постановке музыкальной драмы Р. Вагнера «Тангейзер».

Страстность (*франц.*).

453

Фон Зеебах Альбин Лео (von Seebach; 1811–1884), граф, немецкий дипломат. С января 1853 г. саксонский посол в Париже. 13 октября 1839 г. женился на дочери канцлера К. В. Нессельроде Марии Карловне (1820–1888).

Иоганн Саксонский (Johann Nepomuk Maria Joseph Anton Xaver Vincenz Aloys Franz de Paula Stanislaus Bernhard Paul Felix Damasus; 1801–1873), король Саксонии (из династии Веттинов) в 1854–1873 гг. В 1831 г. стал членом Первой палаты саксонского лантага. В 1854 г., после смерти брата, Фридриха Августа II, вступил на престол. До 1866 г. был на стороне Германского союза. В Австро-прусской войне 1866 г. выступал на стороне Австрии. После поражения в войне Саксония присоединилась к Северогерманскому союзу, а в 1871 г. вошла в состав Германской империи.

Отличился не только на политической арене, но и показал себя знатоком литературы и профессиональным переводчиком. В 1828 г. под псевдонимом Philalethes (от *греч.* «Любитель истины») опубликовал стихотворный перевод первых десяти песен «Ада» Данте Алигьери; в 1849 г. закончил полный перевод «Божественной комедии», неоднократно переиздававшийся.

455

Чермак Ярослав (Čermák; 1830–1878), чешский живописец. В 1847 г. поступил в Пражскую академию художеств; написал первую картину «Марий на развалинах Карфагена». Затем совершенствовал свое мастерство в Мюнхене, Антверпене и Брюсселе. В 1858 г. совершил путешествие через Моравию и Венгрию в Герцеговину, Далмацию и Черногорию; привез оттуда этюды с изображениями южнославянских народных типов, костюмов и деталей быта, благодаря которым написал целый ряд жанровых картин, ценных не только в художественном, но и в этнографическом отношении: «Черногорка с ребенком на руках»; «Герцеговинская девушка, похищаемая баши-бузуками»; «Возвращение черногорцев в их деревню, опустошенную турками» и др. С 1858 г. до конца жизни жил в Париже. Основу творчества составляют исторические картины («Гуситские делегаты, во главе с Прокопом, являются на базельский собор», получившая премию городского управления Праги; «Гуситы, защищающие горный перевал»; «Придворный поэт Рудольфа II Комницкий, просящий милостыню на мосту, в Праге»; «Объявление смертного приговора Конрадину Гогенштауфену и Фридриху Баденскому»; «Битва при Белой Горе»; «Гуситы под Наумбургом» и др.), а также многочисленные пейзажи. Кроме того, являлся крупным портретистом.

Фон Хаке Аделаида (von Hacke; 1812–1891), графиня, придворная дама Августы Прусской, супруги Вильгельма I.

фон Эрлангер (д`Эрланже; d Erlanger) Фредерик Эмиль (von Erlanger; 1832–1911), барон; немецкий банкир и консул. Был старшим сыном от первого брака Рафаэля барона фон Эрлангера (1806–1878), с 1848 г. владельца франкфуртского банкирского дома Erlanger & Söhne. С 19 лет был помощником отца. В 1853 г. тяжело заболел и отошел от дел. Для восстановления здоровья совершил путешествие в Грецию и Египет. Вернувшись, стал полноправным партнером в Erlanger & Söhne. 30 июня 1858 г. женился на француженке Одетте Луизе Флоренс Лаффитт (Laffitte;1840–1931), дед которой Жак Лаффитт был управляющим Банка Франции, министром финансов и премьер-министром Франции. В 1859 г. Эрлангер перенес свой бизнес в Париж и изменил фамилию на французский манер – на, д`Эрланже. Правда, его брак вскоре распался, и 3 октября 1864 г. он женился вторично на американке Маргерите Матильде Стайдель (Slidell; 1842–1927), дочери влиятельного американского адвоката, бизнесмена и политика Джона Стайделя (1793–1871). Перед началом Франко-прусской войны в 1870 г. семья переехала в Лондон, основав банкирский дом Erlanger Ltd., который финансировал многие важнейшие экономические и культурные мероприятия, в частности прокладку первого трансатлантического телефонного кабеля, инвестирования в развитие американских железных дорог, строительство медицинского центра, спасение фресок Ф. Гойи и т. д.

Трюине Шарль-Луи-Этьен (Truine; творческий псевдоним Нюитте [Nuitter], являющийся анаграммой настоящей фамилии; 1828–1899), французский либреттист, переводчик и архивист. Будучи юристом, с 1861 г. полностью посвятил себя систематизации архива Парижской оперы; в 1875 г., при переезде в новое здание (ныне Опера Гарнье), архив и библиотека театра были, во многом благодаря его усилиям, также благополучно перевезены. В качестве либреттиста написал около 60 либретто для таких композиторов, как Ж. Оффенбах, Л. Делиб, Э. Лало, Ш. Лекок и др. В качестве переводчика переводил на французский язык либретто опер Р. Вагнера, Дж. Верди, К. М. фон Вебера, В. Беллини и В. А. Моцарта.

459

Театр «Буфф-Паризьен» (Théâtre des Bouffes-Parisiens), парижский театр, открытый 2 июня 1855 г. Ж. Оффенбахом и ставший «колыбелью оперетты». Существует по сей день и находится в Париже по адресу Rue Monsigny, 4.

460

Существуют две редакции «Тангейзера» – дрезденская 1845 г. и парижская 1860 г. Причем есть существенные причины не отказываться ни от одной из них. При всех положительных качествах парижской редакции композиторский почерк Вагнера претерпел по сравнению с 1845 г. значительные изменения. Композитор уже не мог вернуться к своему прежнему стилю и писал вставки к «Тангейзеру» по-новому. Отсюда, по словам исследователя творчества Вагнера Б. Левика, «между новой и старой музыкой в “Тангейзере” не образуется стилистического единства, напротив, они вступают друг с другом в противоречие… Это противоречие очень заметно, когда вслед за утонченной, изысканной музыкой Венеры звучит простая маршеобразная мелодия рыцарского гимна Тангейзера. У Венеры господствует хроматика, у Тангейзера – диатоника» (Цит. по: *Левик Б*. Рихард Вагнер. М., 1978. С. 240). Именно поэтому в различных театрах можно услышать то дрезденскую, то парижскую редакцию вагнеровской музыкальной драмы, а иногда их вообще «смешивают». Кстати, в России издавались переведенные на русский язык клавиры первой, дрезденской редакции «Тангейзера»; она же использовалась у нас при постановках этой музыкальной драмы вплоть до середины XX в.

461

Педагог по вокалу (*франц.*).

462

Вотро Эжен Франсуа (Vauthrot; 1825–1871), педагог по вокалу при Парижской опере.

463

Понятовский князь де Монтеротондо Юзеф Михаил (Poniatowski książę de Monterotondo; 1816–1873), польский дипломат, композитор и певец (тенор). Младший сын князя Станислава Понятовского (1754–1833). Учился во Флоренции, где увлекся музыкой. В 1847 г. получил титул князя Монтеротондо, став подданным Великого герцога Тосканского Леопольда II. Являлся послом Тосканы в Брюсселе с конца 1849 г. В 1850–1853 гг. был послом Тосканы в Лондоне. В 1854 г. получил от французского императора Наполеона III должность сенатора и переехал в Париж. В 1871–1873 гг. сопровождал Наполеона III в Англию, куда тот эмигрировал после поражения Франции во Франко-прусской войне, своего пленения и низложения. В качестве композитора сочинял преимущественно оперы, которые ставились в Италии и Франции: Giovanni da Procida (1840); Don Desiderio (1840); Ruy-Blas (1843); Bonifazio de' Geremei (1843); La sposa d'Abido (1846); Malek Adhel (1846); Esmeralda (1847); Pierre de Medicis (1860); Au travers du mur (1861); L'Aventurier (1865); La Contessina (1868); Gelmina (1872).

Пикар Эдмон (Picard; 1836–1924), бельгийский писатель и юрист (адвокат). Получил образование в университете Брюсселя. Кроме серьезного изучения права (являлся блестящим адвокатом), вскоре увлекся написанием романов, повестей и драм, признавая за литературой роль социального фактора (в противовес символистам и декадентам). В качестве литературного критика возглавлял журнал L'art modern. Среди художественных произведений Пикара следует отметить: La forge Roussel (1881); L'amiral (1883); Pro arte (1886); Vie simple (1893); Scènes de la vie judicaire (1893); Imogène (1895); Discours sur le renouveau au théâtre (1897); Comment on devient socialiste (1895); Iericho (1902) и др. Кроме того, им написан ряд драм, в свое время поставленных в различных театрах: Désespérance de Faust (1904), Fatigue de vivre (1903) и др. Основными научными трудами в области права являются: Traité des brevets d'invention (1865); Code de l'expropriation (1875); Code forestier belge (1884); Le droit maritime (1885); Synthèse de l'antisémitisme (1892); Comment on devient socialiste (1895).

465

Шальмель-Лакур Поль Арман (Challemel-Lacour; 1827–1896), французский политический деятель. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. был арестован и выслан из Франции как республиканец. Путешествовал по Германии, Италии и Англии. В 1856 г. получил место в Политехникуме Цюриха. В 1859 г. амнистирован и вернулся во Францию. В 1860-х гг. был постоянным сотрудником Temps. В сентябре 1870 г. был назначен префектом департамента Роны, но в марте 1871 г. отказался от должности. В 1872 г. избран в Национальное собрание. С 1876 г. был сенатором. В 1879 г. назначен послом в Берлине; в 1880 г. – в Лондоне. В 1883 г. получил портфель министра иностранных дел, однако в этом же году вышел в отставку. В 1893 г. избран председателем Сената и членом Французской академии. Являлся глубоким знатоком немецкой философии; во многом был последователем А. Шопенгауэра. Написал книги: Philosophie individualiste, étude sur W. Humboldt (1864) и Etudes et réfl exions d'un pessimiste (опубликована уже после его смерти, в 1901 г.)

466

Отель-де-Виль (Hôtel de Ville; *букв.* «городской особняк»), парижская ратуша, где с 1357 г. размещаются муниципальные органы власти. После Великой французской революции переименована в мэрию Парижа. Кстати, также называются городские мэрии и во франкофонных регионах Бельгии и Канады. Находится на бывшей Гревской площади (Place de Grève), ныне площади Отель-де-Виль (Place de Hôtel de Ville), в 4-м округе Парижа, на правом берегу Сены.

467

Колонна-Валевский Александр Флориан Жозеф (Colonna Walewski; 1810–1868), граф, французский политический деятель; побочный сын императора Наполеона I Бонапарта; его матерью была Мария Валевская (урожденная Лончиньская [Łączyńska]; 1786–1817). В 1820–1824 гг. учился в Женеве; после окончания учебы вернулся в Польшу. Но вскоре переехал во Францию и получил французское подданство. Принимал участие в Польском восстании 1830–1831 гг. После поражения восстания вернулся в Париж. С 2 февраля 1848 г. являлся полномочным министром в Копенгагене. С 21 января 1849 г. был чрезвычайным и полномочным послом Франции во Флоренции; в 1850 г. – в Неаполе; в 1851 г. – в Мадриде, а затем в Лондоне, где обеспечил сотрудничество Великобритании и Франции в Крымской войне. 26 апреля 1855 г. стал сенатором. С 7 мая 1855 г. по 4 января 1860 г. являлся министром иностранных дел Франции. В 1856 г. стал кавалером Большого креста ордена Почетного легиона. В 1856 г. избран председателем Совета Парижа. В 1858 г. стал членом Тайного совета. 23 ноября 1860 г. получил должность государственного министра. В 1860–1863 гг. был министром изящных искусств Франции. 21 июля 1862 года заложил первый камень в основание будущего здания Оперы Гарнье. В 1865–1867 гг. являлся президентом Законодательного корпуса Франции. В 1868 г. избран членом Академии изящных искусств.

Завсегдатаи, постоянные посетители (*франц.*).

469

Петипа Мариус Иванович (Petipa; 1818–1910), французский и российский солист балета, балетмейстер, театральный деятель и педагог. Родился в Марселе. Учился балетному искусству у своего отца; рано начал выступать на сцене в качестве солиста. Карьеру балетмейстера начал в Нанте, одновременно гастролируя во Франции, Испании и США. В 1847 г. приехал в Санкт-Петербург, где дебютировал как солист балета на сцене Петербургского Большого (Каменного) театра (на месте здания этого театра ныне находится Петербургская консерватория). В том же году дебютировал в качестве балетмейстера. Остался в России, сначала выступая на сцене, а с 1862 г. в качестве балетмейстера. В 1869–1903 гг. являлся главным балетмейстером. В 1894 г. получил российское подданство.

В 1878 г. на сцене Петербургского Большого театра им была осуществлена постановка балетных сцен в «Тангейзере», которые исполняла итальянская оперная труппа.

470

Театр «Порт-Сен-Мартен» (Théâtre de la Porte Saint-Martin), один из т. н. парижских «театров Больших бульваров». Был открыт в 1814 г. Ныне находится на бульваре Сен-Мартен (boulevard Saint-Martin) в доме № 16, недалеко от Ворот Сен-Мартен (отсюда и название), построенных в 1674 г.

471

Шадо Жан (Chandon; 1819–1873), французский производитель шампанского. Сын Пьера-Габриэля Шадо (1798–1850), который в 1832 г. стал совладельцем компании Моёт & Chandon – одного из крупнейших мировых производителей шампанского. Компания была основана в 1743 г. Клодом Моэтом; его внук Жан-Реми Моэт передал в 1832 г. половину своей компании своему зятю Пьеру-Габриэлю Шадо де Бриаллье, а вторую половину своему сыну Виктору Моэту. Самые известные марки компании (понятие марочного шампанского введено в 1840 г.) – Брют Империал (Brut Imperial) и Дом Периньон (Dom Pérignon). Центральный офис компании находится в Эперне; в настоящее время владеет более чем 1000 га виноградников и производит примерно 26 миллионов бутылок шампанского в год.

Сакс Адольф (Антуан Жозеф) (Sax; 1814–1894), бельгийский мастер музыкальных инструментов, в первую очередь знаменит изобретением саксофона, получившего название в его честь. Был сыном придворного мастера духовых музыкальных инструментов Шарля Жозефа Сакса. Первые уроки мастерства получил от отца. В 1836 г. эмигрировал во Францию и в 1842 г. открыл в Париже фабрику по производству духовых инструментов. 23 июня 1846 г. запатентовал изобретение саксофона, созданного на основе кларнета, гобоя и флейты. В 1857 г. ввел класс саксофона в Парижскую консерваторию. Однако вскоре Сакс стал жертвой недобросовестной конкуренции. Его обвиняли в плагиате, не признавали саксофон за новый музыкальный инструмент, неоднократно подавали на него в суд. В итоге судебные расходы разорили Сакса, и его фабрика обанкротилась.

473

От *франц.* arrogant – «притязательный, надменный, напыщенный».

«Это Жокеи – мы проиграли» (*франц.*).

475

Одноактная пьеса, сыгранная перед началом спектакля (*франц.; устар.*).

«Я сто раз выдержу такое, как сегодня. Ах, негодяи!» (*франц.*).

«О! Он снова берет свою арфу» (*франц.*).

«Это один из тех негодяев, мой кузен» (*франц.*).

Семере Берталан (Szemere; 1812–1869), венгерский государственный деятель. В 1832 г. получил диплом юриста и начал практику сначала в Пресбурге (ныне Братислава), а затем в Боршоде (Borsod), где был избран почетным нотариусом. В 1835 г. совершил большое путешествие, посетив Берлин, Амстердам, Дублин, Лозанну, Париж и Лондон. В 1840 г. опубликовал свой дневник Utazás külföldön («Путешествия за рубеж»). В период Венгерской революции 1848–1849 гг., в апреле – сентябре 1848 г., был министром внутренних дел в первом венгерском правительстве (17 марта – 15 сентября 1848) Л. Баттяни. С августа 1848 г. являлся членом Комитета защиты родины. В мае – сентябре 1849 г. был премьер-министром, выступал против левого крыла венгерского Государственного собрания и Л. Кошута. После поражения революции эмигрировал в Турцию (в 1851 г. Австрийская империя заочно приговорила его к смертной казни), затем во Францию и Великобританию. С 1865 г. жил в Венгрии.

Здесь в значении «авторский гонорар» (*франц.*).

481

Полное название Cercle de l'Union Artistique (*букв.* Круг объединенных художников), объединение, в которое входили видные композиторы, художники и литераторы того времени, созданное в 1861 г. князем Э. де Полиньяком (см. ниже).

482

Гуно Шарль Франсуа (Gounod; 1818–1893), французский композитор и музыкальный критик. Рано проявил талант к музыке; брал уроки гармонии у А. Рейха. В 1838 г. поступил в Парижскую консерваторию, где учился у Ф. Галеви, Ф. Лесюэра и Ф. Паэра. В 1839 г. получил Римскую премию за кантату «Фернан» (Fernand). Два следующих года провел в Италии, посетив также Австрию и Германию. Вернувшись в Париж, в 1843–1848 гг. был органистом и регентом в церкви Иностранных миссий (l'église des Missions étrangères) и писал духовные произведения. В 1847–1848 гг. изучал теологию в семинарии Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice). Однако до принятия сана дело не дошло. В 1851 г. написал свою первую оперу «Сафо» (Sapho); в 1852 г. – вторую оперу «Улисс» (Ulysse). В 1854 г. в Парижской опере состоялась премьера его третьей оперы «Окровавленная монахиня» (La Nonne sanglante). В 1852 г. Гуно встал во главе объединения хоровых любительских обществ «Орфеон» (Orphéon). В 1858 г. написана новая опера на сюжет Мольера «Лекарь поневоле» (Le Médecin malgré lui). Но настоящий успех принесла композитору опера «Фауст» (Faust; 1859); в 1894 г. праздновалось его тысячное исполнение. Среди других опер Гуно: «Голубка» (La Colombe; 1860); «Филемон и Бавкида» (Philémon et Baucis; 1861); «Царица Савская» (La Reine de Saba; 1862); «Мириэль» (Mireille; 1864); «Ромео и Джульетта» (Roméo et Juliette; 1867); «Полиевкт» (Polyeucte; 1878). Среди последних крупных сочинений две оратории: «Искупление» (La Rédemption; 1882) и «Смерть и жизнь» (Mors et Vita; 1885). Кроме того, им написаны 13 месс и 2 реквиема.

483

Де Полиньяк Эдмон Мельхиор Жан Мари (de Polignac; 1834–1901), князь, французский композитор и меценат. Сын государственного министра Карла X Огюста Жюля Армана князя де Полиньяка (1780–1847). Его детство прошло в Баварии. Получил прекрасное классическое образование; особенный интерес проявлял к теории музыки и игре на фортепьяно. В 1845 г. семья вернулась во Францию, где Эдмон продолжил музыкальное образование. В 1860 г. написал свою первую оперу для Опера-Комик под названием Un baiser de duchesse. В 1861 г. совместно с братом Альфонсом де Полиньяком основал Круг объединенных художников (Cercle de l'Union Artistique), куда входили видные деятели культуры того времени: Ш. Гуно, Г. Берлиоз, К. Мандес и др. Полиньяк поддерживал Р. Вагнера после провала парижской постановки «Тангейзера». В это же время начал писать произведения для объединения хоровых любительских обществ «Орфеон» (Orphéon). В 1865-м и в 1867 гг. ему была присуждена первая премия Парижской консерватории. В 1879 г. написал в октатоническом стиле Passion oratorio и Échos de l'Orient judaïque, весьма неоднозначно воспринятые критикой. В 1892 г. заключил фиктивный брак с Винареттой Зингер (Singer), дочерью Исаака Зингера, фабриканта швейных машин. В 1894 г. познакомился с М. Прустом, восхищавшимся музыкой Полиньяка; с тех пор тот стал постоянным посетителем его салона. В течение всей жизни занимался благотворительностью и поддерживал многих деятелей искусств. Одним из последних стало сотрудничество Полиньяка с А. Дункан.

«Дай мне, Боже, такой провал» (*франц.*).

485

Поющая симфония (*франц.*).

Мюзар Альфред (Musard; 1828–1881), французский композитор и дирижер. Сын знаменитого в свое время Филиппа Мюзара (1792–1859), основу творчества которого составляла танцевальная музыка. Он имел прозвище «парижский Штраус». Был организатором публичных балов в Париже (La musique festive de danses de Paris), для которых писал танцы. Эти балы пользовались в свое время огромной популярностью. Также являлся бессменным капельмейстером Большого парижского бального оркестра, состав которого имел более ста исполнителей, собранных из оркестрантов Парижской оперы и других театров. Альфред Мюзар стал преемником отца на всех его постах; давал многочисленные концерты с его оркестром и продолжил сочинять танцевальную музыку для публичных балов.

487

Паделу (Падлу) Жюль Этьен (Pasdeloup; 1819–1887), французский дирижер и театральный деятель. В 1829 г. поступил в Парижскую консерваторию. Получил первую премию по сольфеджио (1832) и фортепьяно (1834). В 1851 г. организовал и возглавил в Париже Общество молодых артистов консерватории (Société de jeunes artistes du Conservatoire), которое имело свой оркестр и хор (выступления проходили под управлением Паделу в зале Герца). Первый концерт Общества состоялся 20 февраля 1853 г. С 1861 г. в Цирке Наполеона (Cirque Napoleon; с 1870 г. Cirque d'hiver [Зимний цирк]) дал серию т. н. народных концертов (Concerts populaires), проходивших по воскресеньям, с низкой входной платой. Первый концерт состоялся 27 октября 1861 г.; вскоре концерты получили название «концерты Паделу» (Concerts Pasdeloup). Основу репертуара составляла музыка Р. Вагнера, а также французских композиторов-современников, таких как Ж. Бизе, Ж. Массне и К. Сен-Санс. В 1868 г. Паделу создал «Общество ораторий» (La Société des oratorios). В этом же году возглавил Лирический театр (Théâtre lyrique); оставался в должности до 1870 г. В 1884 г. «концерты Паделу» перестали проводиться и возобновлены в 1886–1887 гг.

488

Вакри Огюст (Vacquerie; 1819–1895), французский поэт, драматург и журналист. Учился в Руане, а затем в колледже Шарлемань (collège Charlemagne) в Париже. Познакомился с В. Гюго и стал его ближайшим другом (весной 1843 г. его брат Шарль Вакри женился на дочери Гюго Леопольдине; оба трагически погибли 4 сентября 1843 г.; общее горе еще больше сблизило Огюста Вакри и Виктора Гюго). С 1848 г. сотрудничал с газетой l'Événement, но вскоре она была запрещена и закрыта. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. Гюго, выступавший против Луи-Наполеона, уехал из Парижа сначала в Брюссель, а затем на остров Джерси, куда его сопровождал Вакри. Поэт-романтик, Вакри является автором нескольких стихотворных сборников: L'Enfer de l'esprit (1840); Demiteintes (1845) и др. Кроме того, он написал ряд драматических произведений: Tragaldabas (1848); Souvent homme varie (1859); Jean Baudry (1863); Le Fils (1866); Formosa (1883) и др.

Упоминаемая Вагнером 7-актная драма Les Funérailles de l'honneur («Похороны чести») была впервые поставлена в театре «Порт-Сен-Мартен» в марте 1861 г.

489

Бомон Альфред (Beaumont) являлся директором Опера-Комик с 19 июня 1860 г. по 27 января 1862 г.

490

Де Каброль Шарль (Cabrol), французский журналист, пишущий под псевдонимом Шарль де Лорбак (Charles de Lorbac; анаграмма от фамилии Cabrol) опубликовал книгу: *Ch. de Lorbac.* Richard Wagner: avec portrait et autographe. Paris: Gustave Havard, 1861.

491

Так называемое кафе-концерт были распространены в Париже во второй половине XIX в. Представляли собой концертный зал с ресторанными столиками, где давали концерты преимущественно легкой музыки или отрывки из популярных опер. Во многом явились прообразом мюзик-холла.

492

Полное название L’Alcazar d’hiver. Кафе-концерт, открытое в 1858 г. Находилось по адресу rue du Faubourg-Poissonnière, 10. Здание было разрушено в 1902 г.

493

Le Bazar Bonne-Nouvelle, один из старейших парижских магазинов. Был открыт в 1836 г. Находился по адресу Boulevard de Bonne-Nouvelle, 18.

Ганслик (Ханслик) Эдуард (Hanslic; 1825–1904), австрийский музыкальный критик и музыковед. Родился в Праге. Учился на юридическом факультете Пражского университета, затем перешел в Венский университет. С 1846 г. выступал в печати в качестве музыкального критика. С 1848 г. сотрудничал с Wiener Zeitung; затем, с 1853 г. – с Die Presse. В 1856 г. стал приват-доцентом Венского университета по истории и эстетике музыки; в 1861 г. – профессором. В 1854 г. опубликовал в Лейпциге трактат «О музыкально-прекрасном» (Vom Musikalisch-Schönen; перевод на русский язык 1885 г. и 1910 г.). В 1864–1901 гг. был музыкальным обозревателем газеты Neue Freie Presse, став одним из наиболее авторитетных критиков Австрии и Европы. В своих статьях (собрание сочинений Ганслика насчитывает 13 томов) выступал против Р. Вагнера, Ф. Листа, А. Брукнера, Г. Вольфа; недооценивал творчество Ф. Шопена, Г. Берлиоза, Дж. Верди и др.; нападал на многие крупнейшие явления русской музыки, в частности на творчество П. И. Чайковского. Вместе с тем пропагандировал творчество И. С. Баха, Г. Ф. Генделя и Л. ван Бетховена, а также И. Брамса.

495

Андер Алоиз (Ander; 1821–1864), австрийский оперный певец (тенор). Рано проявил талант к музыке. В 1845 г. принят в труппу Венской придворной оперы, в составе которой оставался до 1864 г. В 1863 г. репетировал партию Тристана в музыкальной драме Р. Вагнера «Тристан и Изольда», но премьера не состоялась. Последний раз выходил на сцену 4 февраля 1864 г. в партии Франца в романтической опере Ж. Оффенбаха «Рейнская ундина» (Die Rheinnixen). Погиб на курорте Вартенберг (ныне Седмигорки [Sedmihorky]; Чехия).

Лянцкоронский-Бржеже Карл (Lanckoronski-Brzezie; 1799–1863), граф, тайный советник, верховный камергер императора Франца Иосифа, генерал-интендант придворных театров и покровитель искусств.

497

Штандгартнер (Штандхартнер) Йозеф Иоганн Непомук Винсенц (Standthartner; 1818–1892), австрийский врач. В 1851–1857 гг. являлся врачом больницы Allgemeines Krankenhaus der Stadt Wien (ныне находится по адресу Währinger Gürtel, 18–20). В 1858 г. стал ее главным врачом. Вскоре стал лейб-медиком императрицы Елизаветы, супруги Франца Иосифа. Друг Р. Вагнера.

Бёзендорфер (L. Bösendorfer Klavierfabrik GmbH), австрийская фирма, производящая фортепьяно. Основана в 1828 г. Игнатием Бёзендорфером. С 1830 г. являлась официальным поставщиком музыкальных инструментов австрийского императорского двора.

499

Имеется в виду Фантазия и фуга на тему B-A-C-H.

Обремененный долгами (*франц.*).

501

Агнес Стрит-Клиндворт, дочь Иоганна Георга Генриха Клиндворта.

502

17 августа 1861 г. Ф. Лист покинул Веймар.

503

Букв. нем. «Листки из альбома». Два фортепьянных сочинения Р. Вагнера: Albumblatt in C-dur и «Прибытие на черных лебедях» (Ankunft bei den schwarzen Schwänen), Albumblatt in As-dur.

504

Фон Бетман-Хольвег Феликс (von Bethmann Hollweg; 1824–1900), прусский политический деятель. В 1874 г. стал ландратом. В 1877 г. выбран членом Рейхстага. В 1889 г. назначен Вильгельмом II членом Прусской Палаты господ (1889). Отец Софи де Пурталес (1807–1882).

505

Генрих LXVII (1789–1867), представитель младшей линии рода князей Ройс (Reuß). Титул князя получил 19 июня 1854 г.

506

Фон Дёнхоф Карл Август (von Dönhoff; 1833–1906), граф, прусский дипломат. Супруг княгини М. А. Р. ди Кампореале (см. ниже).

507

Мария Анна Зоя Розалия (1848–1929; урожденная Беккаделли ди Болонья [Beccadelli di Bologna], маркиза ди Альтавилла [di Altavilla], княгиня ди Кампореале [di Camporeale]; в первом браке графиня фон Дёнхоф [von Dönhoff]; во втором браке княгиня фон Бюлов [von Bülow]), владелица светских салонов в Вене, а затем в Берлине; покровительница искусств. 15 мая 1867 г. вышла замуж за графа фон Дёнхофа Карла Августа (1833–1906). Этот брак был расторгнут с согласия Ватикана в 1884 г. 9 января 1886 г. официально вышла замуж за канцлера и прусского министра-президента князя фон Бюлова Бернхарда (von Bülow; 1849–1929), с которым ее связывала давняя любовь.

508

«Все-таки перед смертью я хотел бы увидеть нечто другое» (*франц.*).

509

Доре Поль Гюстав (Doré; 1832–1883), французский гравер, иллюстратор и живописец. С самого раннего детства проявил талант художника, но специального образования не получил. В 1847 г. приехал в Париж, где поступил в лицей Шарлемань (lycée Charlemagne). В этом же году предложил в «Журналь пур рир» (Journal pour rire) серию рисунков подвигов Геракла и был зачислен сотрудником; альбом литографий «Подвиги Геркулеса» (Les Travaux d'Hercule) был опубликован в 1847 г. В 1852 г. уволился из журнала. В 1854 г. была опубликована книга-альбом «Живописная, драматическая и карикатурная история Святой Руси на основании текстов хроникеров и историков Нестора, Сильвестра, Карамзина, Сегура и т. д. в 500 рисунках с комментариями» (Histoire pittoresque dramatique et caricaturale de la Sainte Russie, d'après les chroniqueurs et historiens Nestor Nikan Sylvestre Karamsin Ségur etc.). В этом же году Доре иллюстрировал «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Но всемирную славу принесли Доре иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, выполненные им в 1860-е гг., и к Библии (1866). Книга London: A Pilgrimage, включающая 180 иллюстраций, увидела свет в 1872 г. Доре имеет славу величайшего иллюстратора XIX в.

510

Имеется в виду Мария Паулина Антуанетта цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (zu Hohenlohe-Schillingsfürst; урожденная светлейшая княжна Мария Николаевна Витгенштейн; 1837–1920), дочь княгини Каролины Витгенштейн.

511

Лист Эдуард (Liszt; 1817–1879), единокровный брат Адама Листа, отца композитора. Дед Ф. Листа, Георг (Дьёрдь) Адам (1755–1844), был женат трижды. Матерью Адама Листа была Барбара Шлезак (Schlesak; 1753–1798), первая жена Георга Адама. Матерью Эдуарда – третья жена Магдалена Рихтер (Richter; 1780–1856). Таким образом, дядя (Эдуард) был младше своего племянника (Ференца) на 6 лет. С Листом у Эдуарда были очень теплые отношения; они состояли в переписке. 30 октября 1859 г. император Франц Иосиф I возвел композитора в рыцарское достоинство и тот стал именоваться «Ritter von Liszt» («рыцарь фон Лист»). Этот титул Лист хотел сразу передать своему сыну Даниэлю, но всего два месяца спустя тот умер. Тогда Лист передал титул своему дяде Эдуарду. В итоге титул наследовал его сын от второго брака, двоюродный брат Листа, которого также звали Эдуард. Со смертью последнего в 1961 г. ветвь «рыцарей фон Лист» пресеклась.

Вайсхаймер (Вейсгеймер) Венделин (Weißheimer; 1838–1910), немецкий композитор, дирижер, педагог и музыкальный писатель. На его желание посвятить себя музыке решающим образом повлияло знакомство с творчеством Р. Вагнера. Родился в Остхофене (Osthofen); учился в Дармштадте, где впервые услышал «Тангейзера» и «Лоэнгрина». В 1856 г. переехал в Лейпциг и поступил в Лейпцигскую консерваторию. Но он явно тяготел к новонемецкой школе и решил бросить консерваторию и поехать в Веймар к Ф. Листу. К этому времени уже получил приглашение на место второго капельмейстера в Майнце. Но по пути в Майнц решил непременно заехать к своему кумиру Р. Вагнеру в Цюрих. Их встреча состоялась 17 июля 1858 г. и стала незабываемой для Вайсхаймера. 17 августа вступил в должность в Майце. После окончания концертного сезона отправился в Веймар и стал учеником Листа. Осенью 1861 г. вернулся в Майнц. Вскоре Вагнер снял дом в соседнем Бибрихе (Biebrich), и Вайсхаймер стал с ним видеться практически ежедневно. В 1864 г. переехал в Аугсбург, где получил место музикдиректора. В этом же году завершил свою первую оперу Theodor Körner (другое название Leyer und Schwert), высоко оцененную Листом и Вагнером. В 1866–1868 гг. жил в Вюрцбурге, где пытался добиться постановки своей оперы; также навещал Вагнера в Мюнхене. Однако их дружба закончилась в июне 1868 г.: Вайсхаймер не признал отношений Вагнера с Козимой и встал на сторону Ганса фон Бюлова. Последняя его встреча с Вагнером состоялась в Мюнхене 21 июня 1868 на премьере «Нюрнбергских мейстерзингеров». В 1873–1878 гг. работал в Страсбурге, где в 1878 г. написал вторую оперу Meister Martin und seine Gesellen (по новелле Э. Т. А. Гофмана «Мартин-бочар и его подмастерья», на которую, кстати, обратил внимание и Вагнер, создавая «Мейстерзингеров»). В 1893 г. переехал во Фрайбург, где в 1898 г. написал книгу Erlebnisse mit Richard Wagner, Franz Liszt und vielen anderen Zeitgenossen («Пережитое с Рихардом Вагнером, Францем Листом и многими другими современниками»; была издана в Лейпциге). В 1900 уехал в Нюрнберг. Композиторское наследие Вайсхаймера составляет 106 произведений, в числе которых оркестровые и хоровые сочинения; песни, баллады, вокальные циклы (Fünf Geistliche Sonnette (1866); Deutsche Minnesänger (1869) и др.); Deutsche Kaiserhymne (1876) и др.

513

Генаст Клементина Элеонора Эмилия (Genast: 1833–1905), немецкая певица (меццо-сопрано), младшая дочь Э. Ф. Генаста и его жены, певицы, актрисы и пианистки Каролины Кристины, урожденной Бёлер (Böhler; 1800–1860). Сестра Доротеи (Дорис) Генаст, в замужестве Рафф (см. ниже). Эмилия унаследовала от матери и отца артистический талант и прекрасный голос, который современники характеризовали как «проникновенный, обладающий индивидуальным магнетизмом». Практически всю жизнь проведя в Веймаре, была в дружеских отношениях с Ф. Листом. В конце 1850-х гг. их взаимная симпатия даже вызывала ревность к Мици (Mitzi; ласковое прозвище Эмилии Генаст, данное ей Листом) со стороны княгини Каролины Сайн-Витгенштейн. Но отношения с Листом носили чисто платонический, творческий характер. Эмилия была первой исполнительницей многих песен Листа, которые были ей посвящены. Кроме того, она исполняла партию Елизаветы в оратории Листа «Легенда о Святой Елизавете». Эмилия была одной из немногих, кто принимал участие в похоронах Листа в 1886 г. с разрешения его дочери Козимы Вагнер. Кстати, в 1862 г. именно Эмилия исполнила «Пять песен на стихи Матильды Везендонк» под аккомпанемент Г. фон Бюлова перед издателем Шоттом, склоняя его к публикации.

Дамрош Леопольд (Damrosch; 1832–1885), немецко-американский композитор, дирижер и скрипач. Окончил медицинский факультет Берлинского университета и получил докторскую степень, но впоследствии всецело посвятил себя музыке. С 9 лет обучаясь игре на скрипке, Дамрош с 1856 г. начал концертировать в качестве скрипача-виртуоза. В Веймаре был принят Ф. Листом, который предоставил ему место скрипача в оркестре Великого герцога Веймарского. Дамрошу посвящена симфоническая поэма Листа «Тассо». В качестве дирижера Дамрош впервые выступил в 1859 г. в Бреслау, где руководил филармоническим оркестром до 1862 г. Тогда же организовал симфоническое общество (зимой 1867 г. оркестром общества дирижировал Р. Вагнер). Горячий приверженец творчества Вагнера и Листа, Дамрош выступал в защиту новонемецкой школы в газете Neue Zeitschrift für Musik (в Лейпциге). В 1871 г. получил приглашение в Нью-Йорк на место дирижера хорового общества «Arion». В 1873 г. основал в Нью-Йорке хоровое общество (Oratoria Society of New York), а в 1878 г. – Симфоническое общество (Symphony Society). В 1880 г. получил докторскую степень в области музыки Колумбийского университета. С 1883 г. Дамрош гастролировал по стране; на протяжении всей жизни пропагандировал творчество Вагнера. Его композиторское наследие включает ряд скрипичных концертов; концертные увертюры; хоровые сочинения и песни.

515

Пятая симфоническая поэма Ф. Листа «Прометей» (Prometheus) была написана композитором в 1850 г.; вторую редакцию Лист сделал в 1855 г.

516

Вокальный цикл Die Entsagende («Отречения») на стихи К. Бека для меццо-сопрано в сопровождении фортепьяно, op. 8. Состоит из шести песен:

1. Verbleibst ihm dennoch hold gewogen;
2. Ach Lust und Leid! Was ist die Lust;
3. Ich glaubte, die Schwalbe träumte;
4. Wenn Gott mir auch vergönnte;
5. Gott hilf! Im Wasser wächst das Schilf;
6. Wiegst traurig dein Gezweig.

517

Баллада для баса-соло, мужского хора и оркестра. Написана в 1856 г. на стихи Карла Августа Георга Максимилиана графа фон Платен-Халлермюнде (von Platen-Hallermünde; 1796–1835). Это стихотворение известно в переводе на русский язык М. Волошина под названием «Похороны Алариха».

518

Династический орден Великого герцогства Саксен-Веймар-Айзенахского. Его полное название: Der Hausorden vom Weißen Falken (также известен как Hausorden der Wachsamkeit).

«Что он говорит?» (*франц.*).

Здесь «тонизирующий напиток» (*франц.*).

521

Сырокопченая ветчина (*франц.*).

522

Германский Национальный музей (Germanisches Nationalmuseum), самый большой в Германии музей искусств, культуры и истории всех немецкоговорящих стран, основанный в 1852 г. в Нюрнберге. Находится по адресу Kartäusergasse, 1.

Во многом именно Людвигу I Мюнхен обязан своим нынешним обликом. Король закончил строительство великолепной Резиденции, «долгострой» которой тянулся с XVI века. Построил проспект Людвигштрассе (Ludwigstrasse), протянувшийся от Зала полководцев (Feldherrnhalle), получившего свое название от установленных при входе в 1841–1844 гг. по заказу короля памятников баварским полководцам Иоганну Церкласу фон Тилли и Карлу Филиппу Вреде, до Триумфальной арки или Ворот Победы, созданных по образцу арки императора Константина в Риме. Ворота венчает аллегорическая бронзовая фигура Баварии, правящей четверкой львов.

При Людвиге I были также построены знаменитые Старая Пинакотека – картинная галерея с богатейшей коллекцией европейской живописи XIV–XVIII вв. – и Новая Пинакотека, экспонирующая произведения художников XIX в. (позднее и XX в.), а также Глиптотека, в которой представлено одно из лучших в Европе собрание античных скульптур.

Боязливость в дикой природе (*франц.*).

525

Здесь в значении «следы преступления» (*лат.*).

526

Нако Кальман (Nákó; 1822–1902), граф, венгерский политический деятель. Был женат на Берте, урожденной Гьертьянфи де Бобдо (Gyertyánffy de Bobda; 1819–1892), известной венгерской художнице. Кроме того, графиня Берта была наделена и музыкальным талантом; играла на фортепьяно и выступала с цыганским ансамблем. Ее талант высоко ценили Ф. Лист и Дж. Мейербер. Р. Вагнер свою первую встречу с графиней Бертой подробно описал в письме к М. Везендонк от 13 сентября 1861 г.

527

Фон унд цу Лихтенштейн Рудольф (von und zu Liechtenstein; 1838–1908), принц из княжеского дома Лихтенштейн. С 1862 г. – камергер; с 1892 г. – тайный советник и обер-шталмейстер. 16 января 1899 г. возведен в княжеское достоинство; в этом же году стал членом Палаты господ Рейхстага. В 1904 г. – генерал кавалерии. С 30 июня 1896 г. являлся первым обергофмейстером и полковником личной гвардии императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I. Пользовался особым доверием со стороны императора и императрицы Елизаветы. Являлся покровителем театрального искусства. Писал музыку на стихи Вальтера фон дер Фогельвейде и Г. Гейне.

528

Банфи Йозефа (Bánffy; урожденная Шиллинг фон Канштадт [Schilling von Canstadt]; 1790 [1819?] – после 1856), венгерская графиня; вдова графа Диониса Банфи фон Лозонци (Banffy von Losonczi;?–1854).

529

Хеббель (Геббель) Фридрих Кристиан (Hebbel; 1813–1863), немецкий поэт и драматург. Учился в Гейдельбергском университете. Одно время примкнул к «Молодой Германии», но вскоре отошел от ее идеалов, познакомившись и проникшись философией Гегеля. В 1840 г. написал свою первую трагедию «Юдифь» (Judith); в 1841-м – трагедию «Женевьева» (Genoveva или Genoveva von Brabant). В 1843 г. предпринял поездку в Париж, где познакомился с Г. Гейне, А. Руге и др. представителями радикальной немецкой эмиграции. В этом же году написал «Мое слово о драме» (Mein Wort über das Drama), а в 1844 г. была опубликована социальная трагедия «Мария Магдалина» (Maria Magdalena). Из Париже Хеббель уехал в Италию; после поселился в Вене. Здесь в 1847 г. написал трагедию «Юлия и король Петер» (Julia und König Peter). Революционные события 1848 г. встретил со смешанным чувством: его политическим идеалом была конституционная монархия и объединение Германии. В это время он написал такие произведения, как: трагедия «Ирод и Марианна» (Herodes und Mariamne; 1848) и «Молох» (Der Moloch; 1849–1850). 1851 г. ознаменован окончанием трагедии «Агнеса Бернауэр» (Agnes Bernauer); другим важным произведением стала трагедия «Гиг и его кольцо» (Gyges und sein Ring; 1854). Но самым главным произведением Хеббеля стала масштабная трилогия «Нибелунги» (Die Nibelungen; 1861), в которой показано столкновение двух враждебных миров: язычества и христианства. Кроме того, Хеббель опубликовал поэтический сборник «Стихи и эпиграммы» (Gedichte und Epigramme; 1845) и эпическую поэму «Мать и ребенок» (Mutter und Kind; 1857).

«Хеббель, кавалер нескольких орденов» (*франц.*).

531

Фон Раймонд Йозеф (von Raymond;?—?), придворный советник; представитель управления верховного камергера императорского двора в Венской Придворной опере.

532

Сальви Маттео (Salvi; 1816–1887), итальянский композитор, дирижер и театральный деятель. В возрасте восьми лет был принят в престижный Музыкальный лицей (Liceo musicale) в Бергамо, где обучался пению и композиции. С 18 лет начал преподавать в Бергамо, а с 1839 г. был капельмейстером в обоих театрах города. В 1842 г. переехал в Вену. Здесь, в Кэрнтнертор-театре, с успехом прошли премьеры его опер «Примадонна» (La Primadonna; 1842) и «Катерина Говард» (Caterina Howard; 1847). Написал еще оперы «Лара» (Lara; 1843) и «Бургграф» (Burgravio; 1845). Вскоре Сальви возглавил Итальянскую оперу в Вене. Революция 1848 г. прервала его карьеру; он начал давать частные уроки вокала и выступать время от времени в качестве дирижера и хормейстера. Наконец, в 1860 г. он был назначен предварительным директором Венской Придворной оперы; полноправным главой театра был в 1864–1867 гг. В это время основал оперную школу (Opernschule). В 1875 г. вернулся в Бергамо, где возглавил Консерваторию (занимал должность до 1878 г.). В 1879 г. завершил оперу Г. Доницетти «Герцог Альба» (Duca D'Alba), премьера которой состоялась в Риме в 1882 г.

533

София Фридерика Доротея Вильгельмина (1805–1872), принцесса Баварская, эрцгерцогиня Австрийская, мать императора Франца Иосифа I.

534

Ныне четырехзвездочный отель в центре Вены, расположенный по адресу Weihburggasse, 3.

Как у ребенка (*франц.*).

536

Вагензайль Иоганн Кристоф (Wagenseil; 1633–1708), нюрнбергский профессор истории и библиотекарь. Упомянутая хроника носит название «De sacri Rom. Imp. Libera civitate Norimbergensi commentatio. Accedit de Germaniae phonascorum origine etc.». Она была написана в 1697 г.; в нее входит подробная статья о мейстерзингерах с приложением мелодических примеров из творчества Генриха фон Мейсена Фрауенлоба и др.

537

Фон Мюнх-Беллингхаузен Элигий Франц Йозеф (von Münch-Bellinghausen; 1806–1871), барон, австрийский драматург. Творческий псевдоним Фридрих Гальм (Halm). Изучал философию и право в Венской университете. В 1835 г. написал драму Griseldis; с тех пор пользовался псевдонимом. В 1842 г. им написана драма Der Sohn der Wildniss, но наибольший успех выпал на долю трагедии «Der Fechter von Ravenna» (1854; в русском переводе «Равеннский боец»). В 1845 г. принял титул тайного советника и стал хранителем Императорской придворной библиотеки (Hofbibliothek). В 1865–1869 гг. являлся председателем Немецкого фонда Шиллера (Deutschen Schillerstiftung). В 1869–1871 гг. занимал пост генерал-интенданта Венской Придворной оперы. Ему также принадлежат произведения: Eine Königin (1857); Iphigenie in Delphi (1857); Begum Somru (1860); Wildfeuer (1864) и др.

538

Имеется в виду Кролль-опера (Kroll Opera House; Krolloper), оперный театр в Берлине; располагался в центре округа Тиргартен (Tiergarten), на западной стороне площади Platz der Republik, лицом к зданию рейхстага. Построена предпринимателем Йозефом Кроллем (Joseph Kroll), который первоначально, в 1837 г., открыл в Бреслау заведение под названием «Зимний Сад Кролля» (Kroll Winter Garden) на подобие парижских кафе-концертов. 15 февраля 1844 г. подобное развлекательное заведение было открыто им и в Берлине. В феврале 1851 г. в театре произошел пожар, но в 1852 г. здание было восстановлено. В 1914 г. театр был снесен.

539

Второе действие; окончание третьей сцены «Нюрнбергских мейстерзингеров». Слова Ганса Сакса:

«Dem Vogel, der heut' sang,
dem war der Schnabel hold gewachsen:
macht' er den Meistern bang,
gar wohl gefi el' er doch Hans Sachsen».

В переводе Виктора Коломийцова:

«Да, крылья птички той растут
чудесно и широко!
То, что других страшит,
запало в сердце мне глубоко…»

Ныне трехзвездочный отель под названием Hôtel du Quai Voltaire, расположенный по адресу Quai Voltaire, 19.

«Не принимать» (*франц.*).

542

Театр «Гимназия» (Théatre du Gymnase); полное название на сегодняшний день театр «Гимназия Мари Белл» (Théâtre du Gymnase Marie-Bell). Был открыт 23 декабря 1820 г. Изначально служил в качестве учебной сцены студентов Парижской консерватории. В 1830 г. был закрыт на реконструкцию. После Июльской революции открылся под названием Gymnase Dramatique. В 1844 г. перепрофилирован из учебного театра в развлекательное заведение, репертуар которого в основном составляли сентиментальные драмы. В 1962 г. директором театра стала трагическая актриса Мари Белл, и театр был назван ее именем. Находится по адресу Boulevard de Bonne Nouvelle, 38 в 10 округе Парижа.

543

«Я ужинаю с моей матерью», одноактная комедия французского драматурга Адриана Декурселя ((Decourcelle; 1821–1892). В 1914 г. на ее сюжет написал оперу «Мадлена» (Madeleine) немецко-американский композитор ирландского происхождения Виктор Герберт (Херберт) (Herbert; 1859–1924).

544

Театр Пале-Рояль (Théâtre du Palais-Royal), парижский музыкальный театр; здание было построено в конце 1786–1790 гг. В 1812 г. театр был преобразован в кафе-концерт. Затем был вновь открыт с лицензией, дающей право представлять комедии, водевили и комические оперы. В 1864 г. жанровые ограничения были отменены, и в Пале-Рояле начали ставить в том числе оперетты. Находится по адресу rue Montpensier, 38.

545

Театр «Дежазе» (Théâtre Déjazet), парижский драматический театр. Был основан в 1770 г., но позже закрыт. Вновь открылся в 1851 г. В 1859 г. был назван в честь французской актрисы Полин-Виржини Дежазе (Déjazet; 1798–1875). Находится по адресу Boulevard du Temple, 41.

«Какая живость ума, дорогой мэтр!» (*франц.*)

547

Частная вилла, изначально носящая название «Вилла на Рейне» (Villa am Rhein), была построена в 1860 г. Затем В. Фрикхёфер продал виллу турецкому послу в Берлине Аристархи Бею (Aristarchi Bey) и его жене Анне. В честь нее вилла получила новое название Villa Annika. В 1889 г. виллу приобрел Рудольф Дикерхоф (Dyckerhoff), соучредитель компании Portland-Cement-Fabrik Dyckerhoff & Söhne. Вилла подвергалась реконструкции в 1889-м и в 1960 гг. Ныне носит название Richard-Wagner-Haus; имеет мемориальную доску, указывающую на пребывание здесь композитора и его работу над «Мейстерзингерами». Находится по адресу в Бибрихе: Rheingaustraße, 137.

548

Фон Дальвиг цу Лихтенфельс Рейнгард Карл Фридрих (von Dalwigk zu Lichtenfels; 1802–1880), барон, немецкий государственный деятель. В 1828 г. получил степень доктора права. В 1850–1871 гг. являлся министром-президентом и министром иностранных дел Великого герцогства Гессен-Дармштадт. В связи с несогласием с политикой О. фон Бисмарка в апреле 1871 г. был вынужден уйти в отставку.

549

Рафф Доротея (Дорис) (Raff; урожденная Генаст [Genast]; 1826–1912), немецкая актриса; дочь Эдуарда и Кристины Генаст; сестра Эмилии Генаст. В начале 1850-х гг. познакомилась с Иоахимом Раффом. В 1853 г. они были помолвлены. В этом же году переехала в Висбаден, где поступила в труппу Королевского театра. В 1856 г. к ней присоединился Рафф. 15 февраля 1859 г. состоялась церемония их бракосочетания; брак оказался очень счастливым. В труппе Королевского театра Висбадена состояла до 1877 г., когда семья переехала во Франкфурт, где Рафф стал первым директором Франкфуртской консерватории. Его смерть в 1882 г. стала тяжелым ударом для Дорис. Она оставила дом во Франкфурте и переехала в Мюнхен, где прожила последние 30 лет своей жизни.

Рафф Йозеф Иоахим (Raff; 1822–1882), немецкий композитор и педагог швейцарского происхождения. Музыкального образования не получил, но первые опыты композиции (являлся самоучкой) оказались удачны: в 1844 г. несколько фортепьянных пьес, посланных Ф. Мендельсону-Бартольди в Лейпциг, были изданы по его рекомендации музыкальным издательством Breitkopf & Härtel и получили положительную рецензию Р. Шумана в Neue Zeitschrift für Musik. В 1845 г. Рафф познакомился в Базеле с Ф. Листом, который также поддержал начинающего музыканта. В 1850–1853 гг. жил в Веймаре, где являлся помощником Листа. В 1854 г. опубликовал книгу Die Wagnerfrage («Вагнеровская проблема»). В 1856–1877 гг. жил в Висбадене. В 1877 г. переехал во Франкфурт-на-Майне, где в 1878 г. стал первым директором только что открывшейся консерватории Хоха (Dr. Hoch's Konservatorium – Musikakademie). Обширное композиторское наследие Раффа включает оперы: König Alfred (1848–1850); Samson (1851–1852); Die Parole (1867); Dame Kobold (1869); Benedetto Marcello (1877–1878); Die Eifersüchtigen (1880); оратория для меццо-сопрано, баритона, хора и оркестра «Конец Мира – Страшный Суд – Новый Мир» (Welt-Ende – Gericht – Neue Welt; либретто собственного сочинения на текст из Библии; 1879–1881); а также 11 симфоний и Большая симфония e-moll в пяти частях; 13 концертных увертюр; фортепьянный концерт c-moll; 2 скрипичных концерта; 2 виолончельных концерта; сочинения для хора и оркестра; многочисленные камерные сочинения и фортепьянные миниатюры.

551

Оффенбах Жак (Offenbach; настоящее имя Якоб Эбершт [Eberst]; 1819–1880), французский композитор; основоположник и наиболее яркий представитель французской оперетты. Происходил из семьи немецких евреев. В 1833 г. приехал в Париж, где поступил в Парижскую консерваторию в класс виолончели Л. Керубини. Интересно отметить, что устав парижской консерватории запрещал обучение в ней иностранцев (именно по этой причине Керубини отказал в приеме юному Ф. Листу, нанеся тем самым юноше глубокую душевную рану), но для Якоба (по-французски Жакоба) Керубини сделал исключение. В 1839 г. в театре «Пале-Рояль» был впервые поставлен водевиль с музыкой Оффенбаха. В 1847 г. получил место дирижера в Театре-Франсез (Théâtre-Français). В 1850 г. стал штатным композитором Комеди-Франсез (Comédie-Française). В 1855 г. открыл собственный театр «Буфф-Паризьен» (Bouffes-Parisiens) для постановки оперетт. В 1858 г. Оффенбах поставил «Орфея в аду» (Orphée aux Enfers; вторая редакция 1874 г.), одну из своих самых известных оперетт. Всего им было написано более 100 оперетт, среди которых наибольший успех выпал на следующие: «Женевьева Брабантская» (Geneviève de Brabant; 1859); «Дафнис и Хлоя» (Daphnis et Chloé; 1860); романтическая опера «Рейнская ундина» (Die Rheinnixen; франц. Les Fées du Rhin; 1864) и особенно «Прекрасная Елена» (La Belle Hélène; 1854). В 1870 г. из-за начавшейся Франко-прусской войны театр был закрыт. После годичного путешествия по Европе Оффенбах не смог восстановить вновь свое предприятие. В 1875 г. он вынужден был объявить о своем банкротстве. Последним его произведением стала лирико-романтическая опера «Сказки Гофмана» (Les Contes d'Hoffmann), завершенная Эрнестом Гиро (Guiraud; 1837–1892) и поставленная посмертно в 1881 г.

552

Майер Матильда (Maier; 1833–1910), подруга Р. Вагнера. Вагнер был одно время явно увлечен ею, даже заговаривал о браке. Но говорить о серьезном романе не приходится, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что, уже будучи глубоко и искренно влюбленным в Козиму, являющуюся действительно настоящей большой любовью Вагнера, он продолжал поддерживать самые теплые отношения и со «своей второй Матильдой». Скорее, истинный их характер сродни общению Вагнера с Джесси Лоссо или, впоследствии, с Юдит Готье (см. Послесловие настоящего издания).

Переписку (127 писем) между Вагнером и Матильдой Майер см.: Richard Wagner an Mathilde Maier (1862–1878). Leipzig, 1930.

553

Замок Бибрих (Schloss Biebrich), барочный рейнский замок; в 1841–1866 гг. летняя резиденция герцогов Нассау (Nassau). Строительство здания было окончательно завершено к 1824 г. Здание окружает прекрасный парк, примыкающий непосредственно к берегу Рейна. Ныне в здании замка располагается Гессенское ведомство охраны исторических памятников и зал бракосочетаний висбаденского загса. В цокольном этаже ротонды открыт ресторан Schloss Biebrich.

554

Адольф Вильгельм Карл Август Фридрих фон Нассау-Вайльбург (von Nassau-Weilburg; 1817–1905), последний герцог Нассауский (1839–1866), четвертый Великий герцог Люксембургский (с 23 ноября 1890 г.). Принял титул герцога Нассауского 30 августа 1839 г. Поддерживал Австрию в Австро-прусской войне 1866 г., и после поражения Австрии герцогство Нассау было аннексировано Пруссией. В 1890 г., после смерти короля Нидерландов и Великого герцога Люксембургского Виллема III, наследовал титул Великого герцога Люксембургского.

555

Генрих IV (1050–1106), германский король, император Священной Римской империи. Был отстранен от власти своим собственным сыном Генрихом V (1081 или 1086–1125), который уговорил отца примириться с папой (Генрих IV выступал против папской власти и неоднократно отлучался от Церкви) на рейхстаге в Майнце. По пути был обманом захвачен в плен, заключен под стражу в крепость Бёкельхайм (Burg Schloßböckelheim) на юго-западе от Майнца, где принужден 31 декабря 1105 г. отречься от престола.

556

Фон Гуаита Франц Георг Карл (von Guaita; 1810–1868), совладелец и директор Франкфуртского театра (Frankfurter Theater).

557

Бюрде-Ней Женни (Bürde-Ney; 1824–1886), немецкая оперная певица (сопрано). Выступала на сцене с 15 лет. Дебютировала в Ольмюце, откуда отправилась в турне в Брюнн, Прагу и Лемберг. В 1850 г. была приглашена в Кэрнтнертор-театр в Вене. В 1853 г. переехала в Дрезден, где стала преемницей В. Шрёдер-Девриент в Дрезденской Придворной опере. В Дрездене вышла замуж на актера Эмиля Бюрде. С 1867 г. выступала только в церковных концертах, а также преподавала вокал.

Вместе с А. Ниманом в 1861 г. была приглашена в Париж, где первоначально предполагалось поставить не только «Тангейзера», но и «Лоэнгрина» и «Тристана и Изольду». Женни должна была петь партию Изольды. Однако проект не состоялся, в том числе и потому, что ее не освободили от действующего контракта в Лейпциге.

558

Третья сцена первого действия: ария Погнера «Отрадный день – Иванов день – мы все справляем завтра» (перевод В. Коломийцова).

559

Риц Август Вильгельм Юлиус (Rietz; 1812–1877), немецкий композитор, дирижер и педагог. Обучался игре на виолончели, а также брал уроки композиции у К. Ф. Цельтера. В 1834 г. стал помощником капельмейстера (Ф. Мендельсона-Бартольди) Дюссельдорфской оперы. В 1835 г. получил место капельмейстера, а через год – музикдиректора. В это время начал пробовать себя как композитор, сочинив симфонию g-moll, а также несколько концертных увертюр. Особенный успех выпал на долю увертюры Hero und Leander, которая 22 апреля 1841 г. была исполнена оркестром Гевандхауза под управлением Мендельсона. Впоследствии не меньшей популярностью пользовались увертюры: Schlachtgesang; Dithyrambe Schiller's; Lied vom Wein. В 1847 г. Риц переехал в Лейпциг. Первый концерт Гевандхауза под его управлением состоялся 1 октября 1848 г. В 1852–1853 гг. также являлся капельмейстером Лейпцигского театра и возглавлял Певческую академию. Кроме того, Риц начал преподавать композицию в Лейпцигской консерватории. В 1859 г. получил докторскую степень в Лейпцигском университете. В феврале 1860 г. стал королевским придворным капельмейстером в Дрездене. В 1874 г. король Иоганн Саксонский назначил Рица генеральмузикдиректором Королевства Саксонии. Риц сотрудничал с музыкальным издательством Breitkopf & Härtel в Лейпциге, редактируя собрание сочинений Бетховена и Моцарта; начал подготовку к изданию собрания сочинений Г. Ф. Генделя.

Под управлением Рица в Лейпциге был поставлен «Лоэнгрин», а в Дрездене – «Тангейзер», «Летучий Голландец» и «Нюрнбергские мейстерзингеры» Р. Вагнера.

560

Калливода Вильгельм (Kalliwoda; 1827–1893), немецкий композитор чешского происхождения; сын композитора и скрипача Яна Вацлава (Иоганна Венцеля) Каливоды (чеш. Kalivoda; нем. Kalliwoda; 1801–1866). Начинал обучаться музыке у своего отца; в 1845 г. окончил Лейпцигскую консерваторию, где учился у Ф. Мендельсона-Бартольди. В 1851 г. переехал в Карлсруэ, где сначала был органистом и композитором в церкви Святого Стефана, а в 1866–1875 гг. – музикдиректором оперного театра, где работал под началом Эдуарда Девриента. Автор ряда оркестровых, фортепьянных и вокальных сочинений.

561

«Мои воспоминания о Людвиге Шнорре фон Карольсфельде» (Meine Erinnerungen an Ludwig Schnorr von Carolsfeld) были опубликованы в Лейпциге в Neue Zeitschrift für Musik с 5 по 12 июня 1868 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VIII. S. 177–194.

562

Давид Фердинанд (David; 1810–1873), немецкий композитор, скрипач и педагог еврейского происхождения. В 1823–1824 гг. являлся учеником Л. Шпора. С 1826 г. выступал в Берлине в качестве скрипача. В 1829 г. переехал в Дерпт (ныне Тарту). Гастролировал в Риге, Санкт-Петербурге и Москве. В 1836 г. приглашен Ф. Мендельсоном-Бартольди в Лейпциг на пост концертмейстера оркестра Гевандхауза. В 1843 г. получил место профессора Лейпцигской консерватории. Композиторское наследие Давида включает комическую оперу «Ганс Вахт» (Hans Wacht; 1852), две симфонии, пять скрипичных концертов, струнный секстет, многочисленные пьесы для скрипки, а также песни. В 1867–1872 гг. Давидом была подготовлена «Высшая школа скрипичной игры» (Die Hohe Schule des Violinspiels) – методическое пособие, включающее избранные произведения композиторов XVII–XVIII вв.

563

Вильгельми Август (Wilhelmj; 1845–1908), немецкий скрипач. Обучался игре на скрипке в Лейпцигской консерватории у Ф. Давида. В 1864 г. продолжил музыкальное образование у И. Раффа во Франкфурте-на-Майне. В 1865 г. совершил свое первое концертное турне по Швейцарии и Нидерландам. В 1866 г. гастролировал в Лондоне. В последующее десятилетие давал концерты во всех крупных европейских городах. В 1878–1882 гг. успешно гастролировал в США, Южной Америке, Азии и Австралии. С 1894-го – профессор лондонской Гилдхоллской школы музыки и театра (Guildhall School of Music and Drama).

564

Шмитт Георг Алоис (Schmitt; 1827–1902), немецкий композитор, пианист и музыковед. Сын Алоиса Шмитта, брат Карла Густава Шмитта; с 1857 г. придворный капельмейстер в Шверине. Музыкальное образование получил под руководством своего отца Алоиса Шмитта (1788–1866), композитора, пианиста и педагога (в частности, у него учился Ф. Хиллер). В течение жизни работал в качестве пианиста и дирижера в различных городах Германии. В 1892 г. поселился в Дрездене, где в 1896 г. основал Моцартовское общество (Mozartgesellschaft). Его композиторское наследие включает несколько опер, в том числе двухактную комическую оперу «Трильби» (Trilbi; 1845; по либретто Эжена Скриба), а также оркестровые и камерные сочинения и песни. Много сил и времени отдал работе над произведениями Моцарта: в частности, закончил незавершенную Мессу c-moll KV 427 и переложил Фантазию f-moll KV 608 для органа и струнных.

565

Виллих Цезарь (Willich; 1825–1886), немецкий художник. В 1843 г. обучался в Берлинской академии художеств; в 1846 г. переехал в Мюнхен, где продолжил образование. В 1848 г., вследствие революционных потрясений, был вынужден бежать в Швейцарию. В 1849 г. поселился в Антверпене, где написал свою первую самостоятельную картину «Церковный суд во времена процессов над ведьмами» (Ein geistliches Gericht zur Zeit der Hexenprocesse). В середине 1850-х гг. уехал в Париж, а в 1858 г. совершил путешествие по Италии, где изучал технику портретной живописи. По рекомендации своего друга О. Везендонка решил написать портрет Р. Вагнера. Для этой цели отправился в Бибрих; портрет был им написан в 1862 г. С 1861 г. постоянно жил в Мюнхене.

Драхенфельс (Drachenfels; *букв*. Скала дракона), гора на правом берегу Рейна в горном районе Зибенгебирге (Siebengebirge), между городами Кёнигсвинтер (Königswinter) и Бад-Хоннеф (Bad Honnef). Высота 320 м. На вершине находятся руины замка Драхенфельс XII в. Ниже, на склоне горы, находится замок Драхенбург (Drachenburg; *букв*. Замок Дракона). Он был построен по заказу Стефана фон Зартера (Sarter; 1833–1902), разбогатевшего биржевого маклера из Бонна, получившего дворянский титул. Возводился замок в 1882–1884 гг., являясь «ровесником» замков Людвига II и, можно сказать, «братом» Нойшванштайна, с которым его роднит и архитектура (неоготика), и внутренняя атмосфера. Так, например, в Драхенбурге есть так называемая «Комната Нибелунгов», стены которой украшают фрески с изображением сцен из древних германских легенд. И это не случайно. Согласно народным преданиям, в давние времена в пещере горы Драхенфельс обитал дракон (отсюда и название). Зигфрид во время пути к городу Вормс именно здесь сразился с драконом Фафниром и убил его.

К 100-летию Р. Вагнера, в 1913 г., на горе Драхенфельс был построен павильон Нибелунгенхалле (Nibelungenhalle) с картинами художника Германа Хендриха (Hendrich; 1854–1931) и каменной статуей дракона в пещере за павильоном.

567

Фон Шмерлинг Антон (von Schmerling; 1805–1893), австрийский политический деятель. Получил юридическое образование в Венском университете. В 1829 г. поступил на службу. Являлся противником Меттерниха и в марте 1848 г. был послан представителем Австрии во Франкфуртский парламент, где с 19 мая и вплоть до закрытия председательствовал в нем. Был избран также во Франкфуртское национальное собрание, где выступал как сторонник Великой Германии с Австрией во главе и непримиримый противник Пруссии. В сентябре 1848 г. вышел в отставку. В апреле 1849 г. вернулся в Вену, где в июле получил портфель юстиции. В январе 1851 г. вышел в отставку, после чего был назначен членом, а затем президентом Верховного кассационного суда в Вене. 13 декабря 1860 г. Шмерлинг был поставлен во главе министерства. Во время его правления в Австрии была значительно расширена свобода печати, судоустройство было реформировано, проведен новый либеральный закон о самоуправления общин. В июле 1865 г. сложил полномочия и вновь был назначен президентом Верховного суда. В 1867 г. император назначил его пожизненным членом австрийской Палаты господ. В 1891 г. фактически отошел от дел.

568

Единственное упоминание в мемуарах знаменитого вокального цикла «Пять песен на стихи Матильды Везендонк» (Wesendonck-Lieder), законченного Вагнером в Венеции в 1858 г.

569

Фон Швинд Мориц Людвиг (von Schwind; 1804–1871), австрийский художник и график. Получил образование в Шотландской гимназии в Вене, затем поступил в Венский университет. В 1821 г. стал студентом Венской академии художеств, где учился в том числе у Людвига Фердинанда Шнорра фон Карольсфельда. В 1828 г. по совету Петера фон Корнелиуса переехал в Мюнхен. В 1835 г. совершил путешествие в Италию; по возвращении получил заказ от баварской королевской семьи на роспись внутренних помещений замка Хоэншвангау, где впоследствии провел свое детство Людвиг II. В 1840–1844 гг. жил в Карлсруэ, где написал восемь медальонов для зала заседаний Дома сословий Карлсруэ и расписал фресками лестницы и залы первого этажа государственного выставочного зала Карлсруэ – Кунстхалле. В 1847 г. стал профессором Мюнхенской академии художеств. От Великого герцога Веймарского получил заказ на роспись реставрировавшегося замка Вартбург. Созданные в 1854–1855 гг. фрески Вартбурга, такие как «Состязание певцов», считаются самыми известными творениями художника. В 1855 г. Швинд был возведен в рыцарское достоинство. В 1866–1867 гг. работал над росписью здания Венской государственной оперы. Фойе оперы стало впоследствии носить его имя.

Имеется в виду ария Давида, ученика Ганса Сакса, из второй картины первого действия «Нюрнбергских мейстерзингеров»:

Ja, hätt`ich`s nur selbst schon zum «Singer» gebracht!
Wer glaubt wohl, was das für Mühe macht?
Der Meister Tön und Weisen,
gar viel an Nam und Zahl,
die starken und die leisen,
wer die wüsste allzumal!
Der «kurze», «lang» und «überlang» Ton,
die «Schreibpapier», «Schwarz-Tinten» – Weis‘ <…>
die «abgeschiedene Vielfrass» – Weis‘…

Да! О, если б сам я достиг уж «певца»!
Бог знает, как это не легко!
Тонам в искусстве нашем,
поверьте, – счёт большой!
Как громких, так и тихих
очень много, рыцарь мой!
Тон «краткий», «долгий» и «сверхдолгий» тон;
«бумаги» тон, «чернил» напев <…>
«усопшей россомахи» тон…

(Перевод В. Коломийцова).

571

Приветствую! Доброго здоровья! (*лат.* и *итал.*)

Куммер Карл Готтхельф (Kummer; 1799–1865), немецкий музыкант; гобоист оркестра Дрезденской Придворной оперы.

Кроков фон Викероде Мэри Элизабет (Krockow von Wickerode; урожденная Этчерли [Atcherley]; 1820–1882), графиня. Родилась с графстве Сомерсет (Англия). В 1840-м (или в 1841 г.) впервые посетила Дрезден. В 1852 г. вышла замуж за прусского графа Карла Рейнгольда Иоганна Кроков фон Викероде. Состояла в переписке со многими выдающимися современниками, в том числе с Марией Мухановой-Калержи.

Хельмесбергер Йозеф (Hellmesberger; 1828–1893), немецкий дирижер и скрипач. Музыкальное образование получил в Венской консерватории. В 1845 г. стал солистом оркестра Венской Придворной оперы. В 1849 г. создал струнный квартет, которым руководил до 1891 г. Квартет Хельмесбергера имел в своем репертуаре квартеты Л. ван Бетховена, Ф. Шуберта и др. В 1851–1877 гг. был профессором по классу скрипки Венской консерватории; в 1859 г. стал ее директором. Кроме того, в 1851–1859 гг. руководил концертами Общества друзей музыки (Gesellschaft der Musikfreunde). С 1860 г. был концертмейстером оркестра Венской Придворной оперы. В 1877–1893 гг. – дирижером Придворной капеллы.

Фон Штокгаузен (Штокхаузен) Клотильда Анетта (von Stockhausen; урожденная графиня фон Бодиссан [von Baudissin]; 1818–?), баронесса. Супруга барона Бодо Альбрехта фон Штокхаузена (1810–1885), который в 1841–1851 гг. был резидентом в Париже; в 1852–1865 гг. – ганноверским посланником в Вене; в 1865–1866 гг. – в Берлине. Их дочь Элизабет фон Штокхаузен (1847–1892) была известной пианисткой, певицей и композитором; в 1853 г. переехав в Вену, стала ученицей И. Брамса. Впоследствии руководила хором Баховского общества в Лейпциге (Bach-Verein in Leipzig). Ее дом в Лейпциге и Берлине являлся местом встреч музыкальной элиты того времени; там бывали И. Брамс, Клара Шуман, Й. Иоахим, Э. Григ, А. Дворжак и др.

Леди Блумфильд Джорджиана (Bloomfield; урожденная Лидделл [Liddell]; 1822–1905). Была фрейлиной королевы Виктории до своего замужества. 4 сентября 1845 г. вышла замуж за дипломата Джона Артура Дугласа Блумфильда, 2-го барона Блумфильда (1802–1879), который до 1846 г. был послом в Санкт-Петербурге; в 1851–1861 гг. – в Берлине и в 1860–1871 гг. – в Вене. В 1871 г. стал членом Палаты лордов. Их брак оказался бездетным.

Бульвер-Литтон, 1-й граф Литтон Эдвард Роберт (Bulwer-Lytton; 1st Earl of Lytton; 1831–1891), английский дипломат и поэт; писал под псевдонимом Оуэн Мередит (Owen Meredith). Получил образование в Боннском университете. В 1874 г. был назначен посланником в Лиссабон. В 1876 г. призван на пост вице-короля Индии. В 1880 г. подал в отставку и в 1888 г. назначен послом в Париж. Его литературное наследие включает поэтические сборники: Clytemnestra, the Earl's return, the Artist, and other poems (1855); The Wanderer, a collection of poems in many lands (1859); Serbski pesne (1861); The poetical works of Owen Meredith (1867); Chronicles and characters (1868); King Pappy (1877); Glenaveril, metamorphoses (1885); After paradise (1887), а также роман The ring of Amasis (1863).

Приглашение от Петербургского Филармонического общества было получено Вагнером еще в ноябре 1862 г. 12 декабря 1862 г. он не преминул написать в Филармоническое общество письмо, в котором сообщал о своем согласии на приезд в Россию. Условия концертов (а Вагнер загорелся идеей получить еще и третий бенефисный концерт) обговаривались вплоть до самого конца января.

579

М. А. Сапонов в своей работе «Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвига Шпора, Роберта Шумана» (М., 2004) приводит для сравнения следующие цифры: годовая пенсия генерал-майора в России тогда составляла 860 рублей; 10 рублей стоила корова; за 1000 рублей можно было построить добротный дом. Таким образом, обещанный Вагнеру гонорар был по российским меркам просто фантастическим.

580

31 января 1863 г. в 11.20 утра Вагнер выслал в Санкт-Петербург телеграмму следующего содержания: «Прибываю 22 февраля (в итоге эта дата не приезда в Петербург, а отъезда из Берлина. – *М. З.*). Завершатся ли оба концерта к середине марта? Это меня бы устроило. Рихард Вагнер» (Цит. по: *Сапонов М. А.* Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвига Шпора, Роберта Шумана. М., 2004. С. 64–65).

581

Поргес Генрих (Porges; 1837–1900), австро-немецкий хормейстер и музыкальный критик чешского происхождения. Изучал право и философию в Пражском университете, но увлекся музыкой, начал брать уроки гармонии и контрапункта, а также игры на фортепьяно с целью стать пианистом. С 1863 г. редактировал в Лейпциге совместно с Ф. Бренделем Neue Zeitschrift für Musik. В 1866 г. был приглашен Людвигом II в Мюнхен, где написал предисловия к «Тристану и Изольде», «Нюрнбергским мейстерзингерам» и «Лоэнгрину» Р. Вагнера. Во время подготовки к премьере «Кольца нибелунга» в Байройте в 1876 г. был одним из помощников Вагнера. Также подготавливал клавираусцуг «Парсифаля». Являлся активным сторонником творчества Вагнера и Листа и посвящал этой теме большинство из своих статей.

582

Букв. «Остров Софии» (*нем*.). Остров на Влтаве, соединенный небольшим мостом с набережной у Национального театра. Назван в честь матери Франца Иосифа эрцгерцогини Софии; по-чешски звучит как «остров Жофин». На острове был построен дворец Жофин (Palác Žofín), в котором находились ресторан, концертный зал и зал для проведения концертов, балов (первый бал состоялся в 1837 г.). Ныне остров носит название Славянский (Slovanský ostrov) в честь Славянского конгресса 1848 г.

583

Музиоль Роберт Пауль Иоганн (Musiol; 1846–1903), немецкий музыкальный писатель и композитор. С 1873 г. являлся учителем и кантором в Рёрсдорфе (Röhrsdorf). Сотрудничал в качестве журналиста с рядом музыкальных периодических изданий. В 1891 г. переехал во Фрауштадт (Fraustadt; ныне польский город Всхова [Wschowa]). Автор таких трудов, как: Musikalisches Fremdwörterbuch; Katechismus der Musikgeschichte; Konversationslexikon der Tonkunst (1888); Musikerlexikon (1890); а также биографические работы Wilhelm Fritze; Hugo Brückler; Theodor Körner und seine Beziehung zur Musik (1893). В качестве композитора писал сочинения для органа, фортепьяно, а также хоровые произведения и песни.

Лёв Мария Терезия (Löw; 1809–1885), немецкая оперная певица (сопрано) и арфистка. С 13 лет выступала как арфистка; в 14 лет была принята в театральный оркестр во Франкфурте-на-Майне. В 1829 г. дебютировала в качестве певицы в партии Агаты во «Фрейшютце» К. М. фон Вебера. Пела в театрах Магдебурга (1835–1836), Лейпцига (1836–1837) и Касселя (1837–1845). Также гастролировала в Кёнигсберге, Брауншвейге, Бремене, Дрездене, Майнце, Дармштадте и Аахене. В качестве арфистки выступала в Лейпциге (1829; 1830) и Касселе (1843; 1844). В 1836 г. познакомилась и подружилась с Р. Вагнером; пела под его управлением в Магдебурге, Кёнигсберге и Дрездене. В 1848 г. оставила сцену (однако, продолжая выступать как арфистка), выйдя замуж за тенора Карла Августа Лемана (Lehmann; 1805–1867). В этом браке родились две дочери Лили Леман (1848–1929) и Мария Леман (1851–1931), которые также стали певицами. В 1853 г. Мария развелась с мужем и переехала в Прагу. В 1863 г. выступала вместе с Вагнером на концерте в Лейпциге.

585

Вагнер, восхищенный деятельностью императора Александра II, писал о нем в 1863 г. Марии Калерджи, как раз собиравшейся тогда выйти замуж за С. С. Муханова: «Какой трагической фигурой представляется этот Царь! То, что я о нем узнал, дало мне основание считать его посланником Божьим для России. Да, именно его, этого благородного, глубоко проникнутого лучшими побуждениями Императора. Но сколько же горьких переживаний выпадет на его долю, знать бы!» (Цит. по: *Сапонов М. А.* Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвига Шпора, Роберта Шумана. М., 2004. С. 69–70).

Этим человеком был Альбрехт Евгений Карлович (Eugen Maria Albrecht; 1844–1894), скрипач и музыкальный педагог немецкого происхождения. Сын Карла Францевича Альбрехта (1807–1863), переехавшего в начале 1840-х гг. в Российскую империю, и брат К. К. Альбрехта (см. ниже). В 1858 г. поступил в Лейпцигскую консерваторию, после окончания которой вернулся в Россию и был принят в оркестр в Санкт-Петербургскую итальянскую оперу. В 1860 г. перешел в оркестр Русской оперы. В 1872 г. стал главным учредителем Санкт-Петербургского общества камерной музыки. В 1872–1880 гг. был преподавателем игры на скрипке Их Императорских Высочеств Великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича. В 1877 г. Альбрехт был назначен инспектором музыки Императорских Санкт-Петербургских театров. В 1881–1886 гг. занимал должность председателя Петербургского филармонического общества.

Вагнер поселился на Невском проспекте в немецком пансионе в доме № 38 (именно такой адрес фигурирует в его петербургских письмах).

588

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский композитор, пианист, дирижёр, педагог. Брат Николая Рубинштейна. Является основоположником профессионального музыкального образования в России. Благодаря его усилиям были созданы Певческая академия (1858), Русское музыкальное общество (1859), а в 1862 г. в Петербурге открыта первая русская консерватория. Стал первым директором консерватории, дирижёром оркестра и хора, профессором по классам фортепиано и инструментовки. Среди его учеников П. И. Чайковский. Автор опер «Куликовская битва» («Дмитрий Донской»; 1852), «Фомка-дурачок» (1853), «Сибирские охотники» (1854), «Демон» (1871) и др.

589

Первый концерт Вагнера в Санкт-Петербурге состоялся 3 марта, во вторник. Всего ему пришлось выступить перед русской публикой девять раз: шесть концертов в Санкт-Петербурге – 3 марта, 10 марта, 18 марта (бенефис), 2 апреля, 14 апреля (бенефис) и 17 апреля (по старому стилю соответственно – 19 февраля, 26 февраля, 6 марта, 21 марта, 2 апреля и 5 апреля); и три концерта в Москве – 25 марта, 27 марта и 29 марта (13 марта, 15 марта и 17 марта). Помимо собственных произведений, Вагнер дирижировал Третьей, Пятой, Шестой, Седьмой и Восьмой симфониями Бетховена, а также «Молитвой русского народа» («Боже, царя храни», гимн Российской империи), встреченной публикой стоя. Интересно отметить, что свой последний петербургский концерт 17 апреля Вагнер дал «с Высочайшего разрешения… в пользу бедных семейств лиц, содержащихся за долги», т. е. это был благотворительный концерт в пользу семей заключенных долгового отделения.

Полную хронологию русских вагнеровских концертов см.: *Сапонов М. А.* Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвига Шпора, Роберта Шумана. М., 2004. С. 70–74.

590

Елена Павловна, принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская (1806–1873), Великая княгиня, благотворительница, выдающаяся общественная деятельница, жена великого князя Михаила Павловича, четвертого сына императора Павла I. После перехода в православие приняла имя Елены Павловны. После смерти Михаила Павловича в 1849 г. стала давать приемы, так называемые «морганатические вечера», во время которых члены императорской фамилии общались с лицами, официально ко двору не представленными, в большинстве своем представителями творческой интеллигенции. Именно о таком приеме говорит Вагнер. Вообще Елена Павловна сделала очень многое для развития культурной жизни в России. В частности, финансировала из личных средств учреждение Русского музыкального общества и консерватории, начальные классы которой открылись в ее дворце в 1858 г.

591

Раден Эдита Федоровна (1825–1885), баронесса, фрейлина Великой княгини Елены Павловны; затем Марии Федоровны, супруги Александра III. Была одной из самых образованных женщин своего времени. Состояла в переписке с И. С. Аксаковым, Н. И. Пироговым, И. С. Тургеневым и др. В частности, именно она пригласила Пирогова к Елене Павловне, тем самым фактически вернув великого хирурга в медицину. Во время Крымской войны 1854–1856 гг. была ближайшей сподвижницей Елены Павловны в организации медико-санитарной службы, положив начало движению сестер милосердия. В 1875 г., уже после кончины Елены Павловны, была назначена членом совета учреждений Великой княгини Елены Павловны; принимала участие в создании и развитии Елизаветинской детской больницы, Еленинского женского училища, Еленинского клинического института. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. продолжала свою благородную миссию.

592

Стааль Елена Егоровна (1834–?), фрейлина Великой княгини Елены Павловны; дочь генерала Егора Федоровича Стааля (1777–1862) и Амалии Юлианы, урожденной фон Лилиенфельд (1801–1861). Сестра Егора Егоровича Стааля (1822–1907), действительного тайного советника с 28 мая 1886 г.; барона с 1901 г.; с 27 марта 1884 г. по 30 августа 1902 г. – чрезвычайного и полномочного посла в Великобритании. Он представлял Россию на 1-й Гаагской мирной конференции (18 (6) мая – 29 (17) июля 1899 г.) и был президентом конференции.

В немецком оригинале фамилия Елены Егоровны написана *von Stahl*.

593

Имеется в виду граф Бреверн де Лагарди Александр Иванович (1814–1890), российский государственный и военный деятель. В марте 1852 г. получил чин генерал-майора. В 1855 г. был зачислен в императорскую Свиту. В августе 1856 г. произведен в генерал-адъютанты, а 3 апреля 1861 г. – генерал-лейтенанты Свиты Его Императорского Величества. В 1869 г. стал генералом от кавалерии. В 1888 г. по состоянию здоровья уволен и определен членом Государственного совета.

Вагнер ошибочно пишет фамилию *Brebern*.

594

Мария Николаевна (1819–1876), Великая княгиня, дочь российского императора Николая I и сестра российского императора Александра II. В первом браке – герцогиня Лейхтенбергская. В 1837 г. познакомилась с Максимилианом Иосифом Евгением Августом Наполеоном де Богарне, 3-м герцогом Лейхтенбергским (Napoléon de Beauharnais; Herzog von Leuchtenberg; 1817–1852). Свадьба состоялась по православному и католическому обрядам 2 июля 1839 г. Указом от 6 (18) декабря 1852 г. император даровал потомкам Максимилиана и Марии Николаевны титул и фамилию князей Романовских. В 1843 г. Максимилиан стал президентом Императорской академии художеств; в 1844 г. – главноуправляющим Горного института. Сама Мария Николаевна в 1852–1876 гг. являлась президентом Императорской академии художеств, сменив на этом посту супруга после его смерти. В 1853 г. она вторично вышла замуж за графа Григория Александровича Строганова (1823–1878). Этот морганатический брак был заключен в тайне от Николая I.

595

Намек на морганатический брак Великой княгини Марии, который после смерти Николая I хоть и был признан законным особым Актом, подписанным Александром II и императрицей Александрой Феодоровной 12 (24) сентября 1856 г., но все равно не предавался огласке в высшем обществе.

596

Виельгорский Матвей Юрьевич (1794–1866), граф, виолончелист, видный музыкальный деятель. Один из учредителей Симфонического общества (1840) и Русского музыкального общества (1859). Вместе с братом Михаилом Юрьевичем (1788–1856) организовывал симфонические и камерные вечера. Дом братьев Виельгорских был одним из центров музыкальной жизни Санкт-Петербурга.

597

«Экая скотина ваш граф! Эта женщина понимает, что такое любовная страсть!» (*франц.*)

598

Абаза Юлия Федоровна (урожд. Штуббе; 1830–1915), певица (меццо-сопрано). В ее репертуаре были арии И. С. Баха, В. А. Моцарта, романсы Л. Бетховена, Р. Шумана, Ф. Мендельсона. Приняла деятельное участие в создании Русского музыкального общества (1859) и Петербургской консерватории (1862); была избрана ее почетным членом. В 1870–1880 гг. устраивала в своем салоне музыкальные вечера. В частности, здесь 6 марта 1879 г. был впервые исполнен «Евгений Онегин» П. И. Чайковского.

599

Юлия Федоровна была замужем за Александром Агеевичем Абазой (1821–1895), российским государственным деятелем; государственным контролером и министром финансов Российской империи; гофмейстером и почетным членом Петербургской академии наук (1876).

600

Фитингоф-Шель Борис Александрович (1829–1901), барон; русский композитор и музыкальный критик. Начинал карьеру военного; ушел из армии в чине штабс-капитана и решил посвятить себя музыке. Обучался игре на фортепьяно и композиции, беря частные уроки. В 1859 г. написал свою первую оперу «Мазепа» (по сюжету «Полтавы» А. С. Пушкина), поставленную в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, но не имевшую успеха. В 1871 г. окончил оперу «Демон», которая была поставлена лишь в 1886 г. под названием «Тамара». В 1883 г. написал оперу «Олоферн», которая так и не была поставлена. В 1888 г. написал оперу «Жуан ди Тенорио, или Статуя Командора» (по драматической поэме А. К. Толстого «Дон Жуан»). В целом оперы Фитингофа успеха не имели и подвергались резкой критике, в том числе и со стороны А. Серова. Большим успехом пользовались балеты Фитингофа: «Гарлемский тюльпан» (1887) и «Золушка» (1893). Кроме того, им написаны музыкальные картины «Дон Кихот» и «Джинны» (по сюжету В. Гюго); Stabat Mater (1876); русская, итальянская и немецкая фантастические сюиты; музыкальная поэма в 8 частях «Бахчисарайский фонтан»; более 70 романсов, а также духовные песнопения. В 1899 г. были изданы воспоминания Фитингофа «Мировые знаменитости (1848–1898 гг.)». В качестве музыкального критика сотрудничал с «Московскими Ведомостями» и рядом других изданий.

601

Бианки (Бьянки) Валентина Львовна (Bianchi; настоящее отчество Валентиновна; 1833 или 1839–1884), оперная певица (сопрано) итальянского происхождения. Училась в Парижской консерватории. Дебютировала в 1855 г. на сцене парижского Итальянского театра (Théâtre Italien) в партиях Амины («Сомнамбула» В. Беллини) и Адины («Любовный напиток» Г. Доницетти). В 1862–1865 гг. являлась солисткой Императорского петербургского Мариинского театра. Была первой исполнительницей партии Юдифи (написана специально для нее) в опере А. Н. Серова «Юдифь» 16 мая 1863 г. В 1865–1867 гг. являлась солисткой Императорского московского Большого театра. В 1867–1869 гг. – солистка Киевской оперы. В 1881 г. пела в спектаклях петербургской Императорской труппы Итальянской оперы.

602

Сетов Иосиф Яковлевич (настоящая фамилия Сетгофер-Сетгоф; 1826–26.12.1893 [7.1.1894]), оперный певец (тенор), режиссер и антрепренер; происходил из семьи выходцев из Венгрии. Закончил юридический факультет Московского университета. Переехал в Санкт-Петербург, где стал брать первые уроки музыки. В 1846 г. изучал архитектуру в Париже. Затем переехал в Неаполь, где серьезно занялся вокалом. В 1854 г. дебютировал на оперной сцене в итальянском городе Ареццо. Вернувшись в Россию, продолжил вокальную карьеру. 20 сентября 1855 г. дебютировал на сцене Мариинского театра в партии сэра Эдгара Равенсвуда в опере Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур»; оставался в труппе театра до 1864 г. В 1859 г. стал первым исполнителем партии Мазепы в опере Фитингофа-Шеля «Мазепа». В 1863 г. стал первым исполнителем партии Ахиора в опере Серова «Юдифь». В 1864–1868 гг. был солистом московского Императорского Большого театра, где с 1865 г. также начал режиссерскую карьеру. В 1866–1868 гг. являлся профессором пения и декламации Московской консерватории. В 1868–1872 гг. был режиссером Мариинского театра и преподавал в Петербургском театральном училище. В 1874 г. открыл собственную антрепризу в Киеве, которая просуществовала до 1883 г. В 1886 г. арендовал Киевский городской театр (ныне Национальный театр русской драмы имени Леси Украинки), став антрепренером и режиссером этого театра.

603

Шуберт Карл Богданович (1811–1863), композитор, дирижер и виолончелист немецкого происхождения. С 8 лет выступал на сцене как виолончелист. В 1828 г. совершил первую гастрольную поездку в Людвигслуст и Гамбург, после которой поступил в оркестр Магдебургской оперы. В 1833 г. вновь предпринял длительную гастрольную поездку в Гамбург, Бремен, Ольденбург, Дюссельдорф, Кёльн, Ахен, Брюссель, Антверпен и Париж. В 1834 г. уехал выступать в Нидерланды; в 1835 г. гастролировал в Лондоне, Кёнигсберге, Риге, Дерпте и Санкт-Петербурге, где после первого же концерта Шуберт был назначен солистом Его Величества и остался в России на 27 лет. Являлся директором Императорской Придворной капеллы. В 1842 г. основал Симфонический оркестр господ профессоров и студентов Императорского университета, которым руководил более 20 лет. Кроме того, исполнял обязанности инспектора по музыкальной части при Театральном училище. Одновременно продолжал концертировать как виолончелист. Из композиций Шуберта следует отметить виолончельный концерт си-бемоль минор; струнные квартеты, квинтеты и октет.

604

Карл Шуберт скончался 22 июня 1863 г.

605

Вагнер прибыл в Москву 20 марта, в пятницу, и разместился в гостинице «Билло» по адресу Большая Лубянка, 9.

606

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881), русский пианист, дирижер, педагог. Брат А. Г. Рубинштейна. Один из создателей Московского отделения Русского музыкального общества (1860), организатор музыкальных классов при Русском музыкальном обществе, преобразованных в 1866 г. в Московскую консерваторию. До конца жизни оставался ее профессором и директором. Под руководством Рубинштейна состоялась первая постановка оперы «Евгений Онегин» силами учеников консерватории. Чайковский посвятил Рубинштейну Первую симфонию, Второй концерт для фортепьяно с оркестром, «Русское скерцо» для фортепьяно и фортепьянное трио «Памяти великого артиста», написанное на смерть Рубинштейна.

607

Альбрехт Карл (Константин) Карлович (Carl Friedrich August Albrecht; 1836–1893), композитор, виолончелист, хоровой дирижер и педагог немецкого происхождения. Брат Е. К. Альбрехта. Родился в семье композитора, дирижера и музыкального педагога Карла Францевича Альбрехта (1807–1863), переехавшего в начале 1840-х гг. в Российскую империю. С 1854 г. играл в оркестре Большого театра. Вскоре познакомился с П. И. Чайковским (его Серенада для струнного оркестра C-dur посвящена К. К. Альбрехту) и Н. Г. Рубинштейном, вместе с которым принимал участие в организации Русского музыкального общества и Московской консерватории. В 1866 г. был принят на должность инспектора Московской консерватории, где также до 1889 г. преподавал вокал и теорию музыки. В 1878 г. стал одним из основателей Московского хорового общества. В 1883–1885 гг. исполнял обязанности директора Московской консерватории. Кроме того, под редакцией Альбрехта были изданы камерные сочинения Бетховена, Гайдна, Моцарта, Мендельсона, Шуберта, а также полный тематический каталог вокальных произведений М. И. Глинки. Его композиторское наследие включает целый ряд романсов.

Вагнер ошибается: Константин Альбрехт был не скрипачом, как его брат Евгений, а виолончелистом.

608

Первое действие, начало финального дуэта Зигмунда и Зиглинды (сцена третья); слова Зигмунда:

Keiner ging – doch einer kam:
siehe, der Lenz lacht in den Saal!

Нет никого, – но Гость вошёл:
вот он, взгляни, – ласковый Май!

(Перевод В. Коломийцова).

609

Одоевский Владимир Федорович (1803–1869), князь, русский писатель, философ, педагог, музыковед; один из основоположников русского классического музыковедения. В 1834 г. была написана наиболее известная сказка Одоевского «Городок в табакерке». В 1835 г. вышел сборник «Детская книжка для воскресных дней» с произведениями «Червячок», «Анекдоты о муравьях» и др. В 1841 г. опубликован сборник «Сказки и повести для детей дедушки Иринея», куда вошли произведения «Столяр», «Шарманщик», «Разбитый кувшин», «Отрывки из журнала Маши», «Мороз Иванович», «Житель Афонской горы», «Бедный Гнедко». В 1844 г. издал сборник философских эссе и рассказов под общим названием «Русские ночи». В 1846 г. Одоевский был назначен помощником директора Императорской публичной библиотеки и директором Румянцевского музея. Серьезно занимался собиранием и сохранением русского музыкального наследия, прежде всего православной церковной музыки. Автор следующих трудов по музыке: «Русская и так называемая общая музыка», «Об исконной великорусской песне», «Музыкальная грамота или основания музыки для немузыкантов», «Музыка с точки зрения акустики», «Опыт о музыкальном языке», «Об истинной русской музыке», «О пении в приходских церквах», «К вопросу о древнерусском пении», «Русская и так называемая общая музыка». В 1866 г. на открытии Московской консерватории произнес знаменитую речь «Об изучении русской музыки не только как искусства, но и как науки». Его поддержкой пользовались композиторы А. А. Алябьев, М. А. Балакирев, А. Н. Верстовский, А. С. Даргомыжский, Н. Г. Рубинштейн, А. Н. Серов, Н. А. Римский-Корсаков и П. И. Чайковский.

О Вагнере им написаны следующие статьи: Вагнер в Москве // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям», 1863, № 8 и Рихард Вагнер и его музыка // Там же, 1863, № 11.

610

В конце 1840-х гг. Одоевский заказал петербургскому органостроителю Г. Мельцелю кабинетный орган, названный им в честь И. С. Баха «Себастианон». Этот инструмент не сохранился. По сохранившимся сведениям, громкость звука «Себастианона», в отличие от обычного органа, зависела от силы нажатия на клавишу, что достигалось включением и отключением дополнительных регистров. Подробности настройки механизма ныне неизвестны.

611

Есть сведения, что на «Себастионе» играл, будучи в гостях у Одоевского, М. И. Глинка.

612

«У меня есть то, что Вам нужно; поговорите с Вольфзоном!» (*франц.*)

613

Вольфзон Вильгельм (Wolfsohn; 1820–1865), российско-немецкий драматург и журналист еврейского происхождения. Родился в Одессе. Получил образование в Лейпцигском университете, где в 1838–1845 гг. изучал философию и филологию. В 1843 г. читал в России лекции по немецкой литературе. Вернувшись в Германию, стал помощником редактора Blätter für literar. Unterhaltung. Свое сочинение Die schönwissenschaftliche Litteratur der Russen (1843) посвятил русскому министру народного просвещения С. С. Уварову (1786–1855). Наибольшей известностью пользовался трехтомный труд Вольфзона Russlands Novellendicher (1848–1851). В 1850 г. переехал в Дрезден, где издавал Deutsches Museum. В 1862 г. основал Russische Revue (с 1864 г. под названием Nordische Revue). В 1857–1859 гг. были изданы три тома его сочинений Dramatische Werke.

614

Суворов-Рымникский Александр Аркадьевич (1804–1882), светлейший князь; генерал от инфантерии; генерал-адъютант; член Государственного совета. Военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга с 16 ноября 1861 г. по 16 мая 1866 г.

615

Вержболово – русское название до 1917 г. города Вирбалис (*лит.* Virbalis; *польск.* Wierzbołów; *нем.* Wirballen), расположенного в Вилкавишкском районе Мариямпольского уезда Литвы. Центр Вирбалисского староства.

616

Philipp Haas & Söhne – венская компания, основанная Филиппом Хаасом (Haas; 1791–1870) в 1810 г. Взяв на себя семейный бизнес, существующий с 1790 г., он постоянно расширял его. После окончания художественной школы открыл в 1825 г. завод со специальной мастерской по производству тканей для одежды, затем с 1831 г. обивочных тканей и, наконец, с 1845 г. – ковров. После того как в дело вошли его сыновья Эдуард Хаас (1827–1880) и Роберт Хаас (1825–1876), в 1851 г. фирма получила название «Филипп Хаас и сыновья». Во второй половине XIX в. семейство Хаасов было крупнейшим поставщиком ковров в Вене. Ныне на месте разрушенного во время Второй мировой войны здания торгового дома Филиппа Хааса находится т. н. Дом Хааса (Haas-Haus) – современный торговый комплекс с дорогими магазинами и кафе на крыше, с террасы которого можно насладиться красотой храма Святого Штефана и площади Штефансплац (Stephansplatz).

Ременьи (Ремени) Эде (Эдуард) (Reményi; настоящая фамилия Гофман [Hoffmann]; 1828–1898), венгерский скрипач и композитор. В 1842–1845 гг. обучался в Венской консерватории у Й. Бёма. Принимал участие в Венгерской революции 1848 г.; был вынужден эмигрировать в США. В 1852 г. вернулся в Европу; сблизился с И. Брамсом и Й. Иоахимом. В 1853 г. жил в Веймаре, пользуясь покровительством Ф. Листа. В 1854 г. был придворным скрипачом в Лондоне. В 1860 г. получил амнистию и вернулся в Венгрию, поселился в Будапеште, где также стал придворным солистом. В 1865 г. выступал с концертами в России. С 1875 г. жил в Париже, позднее в Нью-Йорке. Его гастрольные поездки проходили не только в США и Европе, но и в Японии, Китае, Австралии, Южной Африке. Умер на сцене во время концерта в Сан-Франциско. В своих концертах исполнял не только классические композиции, но преимущественно произведения в народном венгерском духе, которым проникнуты и его собственные сочинения. В 1859 г. Лист посвятил Ременьи главу в своей книге «Цыгане и их музыка в Венгрии» (Des Bohémiens et de leur en Hongri).

618

Рости Пал (Rosti; 1830–1874), венгерский натуралист, этнограф и один из первых венгерских фотографов. После поражения Венгерской революции 1848–1849 гг. эмигрировал в Париж, где изучал искусство фотографии, затем в Мюнхен, где продолжил изучение естественных наук, в первую очередь химии. В августе 1856 г. отправился в США. Он посетил Техас и Мексику, Центральноамериканский архипелаг и Гавану. После двух с половиной лет путешествий 26 февраля 1859 г. вернулся на родину. В 1861 г. стал членом-корреспондентом Академии наук Венгрии. Его фотографии широко публиковались, в том числе в 1861 г. в Лондоне.

619

Марш венгерских патриотов. Свое название получил в честь Ференца II Ракоци (Rákóczi; 1676–1735), князя Трансильвании, национального героя Венгрии, руководителя антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа 1703–1711 гг.

Да здравствует! (*венгр.*)

621

В традиции венгерского языка в обязательном порядке фамилия ставится перед именем.

622

Коронини-Кронберг Иоганн Батист (Coronini-Cronberg; 1794–1880), граф, австрийский военный деятель, фельдцейхмейстер. В 1851–1859 гг. являлся вице-воеводой Воеводства Сербия и Темешварский банат (*нем.* Woiwodschaft Serbien und Temescher Banat, или Die serbische Wojwodschaft und das temeser Banat; *серб.* Војводство Србија и Тамишки Банат, или Српска Војводовина и Тамишки Банат). С 28 июля 1859 г. по 19 июня 1860 г. являлся баном Хорватии.

623

Плотени Нандор (Фердинанд) (Plotényi; 1844–1933), граф, композитор и скрипач. Родился селе Великие Лазы (Ужгородский район Закарпатской Украины). Под влиянием друга Эде Ременьи научился играть на скрипке. Его талант был оценен очень высоко, и вскоре он стал первым скрипачом Венгерского национального оперного театра, а также выступал с концертами на самых престижных сценах мира. Был другом Ф. Листа и И. Брамса. Впоследствии открыл частную музыкальную школу в Ужгороде. В 1870 г. получил графский титул. В 1896 г. вернулся в родное село, построил дворец (Дворец Плотени) и учредил винодельческое предприятие и открыл спиртзавод (впоследствии коньячный завод).

624

Польское восстание 1863–1864 гг., или Январское восстание – восстание на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Волыни с целью восстановления Речи Посполитой в границах на востоке 1772 г. Началось 22 января 1863 г. и продолжалось до осени 1864 г., окончившись поражением.

625

Дункер Миксимилиан Вольфганг (Duncker; 1811–1886), немецкий историк и политический деятель. Сын издателя и книготорговца Карла Фридриха Вильгельма Дункера (1781–1869), основателя издательства Duncker & Humblot. Максимилиан изучал историю, философию и филологию в Берлине и Бонне. В 1834 г. получил степень доктора философии и начал работать в Королевской библиотеке в Берлине. В 1842–1857 гг. преподавал историю в Галле. В 1857 г. был приглашен в Тюбингенский университет, где стал профессором политической истории, международного права и теории статистики. В 1859 г. переехал в Берлин. Был назначен в Министерство иностранных дел в качестве советника президента государственного министерства. В 1861 г. стал советником по вопросам политики наследного принца Фридриха Вильгельма (будущего Фридриха III). В 1867–1874 гг. был директором Прусского государственного архива в Берлине. Его основные работы: Zur Geschichte der deutschen Reichsversammlung in Frankfurt (1849); Vier Monate auswärtiger Politik. Mit Urkunden (1851); четырехтомная Geschichte des Alterthums (1852–1857); Aus der Zeit Friedrichs des Großen und Friedrich Wilhelms III. Abhandlungen zur preußischen Geschichte (1876); Abhandlungen aus der Neueren Geschichte (1887).

626

Фон Гогенцоллерн-Хехинген Фридрих Вильгельм Константин Герман Тассило (von Hohenzollern-Hechingen; 1801–1869), последний (девятый) князь княжества Гогенцоллерн–Хехинген. В 1849 г. уступил свои владения прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. 12 марта 1850 г. княжества Гогенцоллерн-Хехинген и Гогенцоллерн-Зигмаринген официально стали частью Пруссии, образовав единую провинцию Гогенцоллерн.

627

Статья Вагнера «Венская Придворная опера» (Das Wiener Hof-Operntheater) была написана в октябре 1863 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VII. S. 272–295.

Фон Шлейниц-Волькенштейн Мария (урожденная фон Бух [von Buch]; 1842–1912), графиня, покровительница Р. Вагнера. Имела домашнее имя Мими (Mimi). Играла ведущую роль в придворной и культурной жизни Берлина; ее салон являлся местом встреч и проведения концертов для всей музыкальной элиты ее времени. Как друг Вагнера и, особенно, его жены Козимы, она всячески способствовала осуществлению «байройтской идеи»; была одним из самых активных «патронов Байройта». Будучи талантливой пианисткой, являлась ученицей К. Таузига. Мария была дочерью прусского дипломата Людвига Августа барона фон Бух (1801–1845). Ее мать Мария, урожденная фон Нимпч (von Nimptsch; 1820–1897), в 1847 г. вторично вышла замуж за князя Антона фон Хацфельда цу Трахенберга (von Hatzfeldt zu Trachenberg; 1808–1874). Сама Мария фон Бух в 1860-х гг. жила в Париже; в 1865 г. вернулась в Берлин. 1 января 1865 г. вышла замуж за прусского министра королевского двора барона Александра фон Шлейница (von Schleinitz; 1807–1885), в 1879 г. возведенного в графское достоинство. 16 июня 1886 г. вторично вышла замуж за австрийского дипломата графа Антона фон Волькенштейна-Тростбурга (von Wolkenstein-Trostburg; 1832–1913), с которым была знакома с 1879 г. После брака стала именоваться графиней фон Шлейниц-Волькенштейн. Вместе с мужем уехала в Санкт-Петербург, а в 1894 г. снова в Париж. В 1903 г. вернулась в Берлин.

Ее бабушка по материнской линии Леокадия фон Нимпч, урожденная фон Гильгенхаймб (von Gilgenheimb; 1802–1867), также являлась в свое время известной меценаткой и покровительницей искусств.

629

Листок из альбома (*нем.*).

630

Шёнайх Густав (Schönaich; 1840–1906), немецкий журналист и чиновник. После изучения права, одновременно с юридической карьерой, начал литературную деятельность. Писал для Neue Wiener Tagblatt, для Neue Musikalische Presse, а также для Wiener Allgemeine Zeitung. Современники ценили его прекрасный литературный стиль, а также образованность и интеллект. Благодаря своему отчиму Й. Штандгальтнеру рано начал интересоваться музыкальной жизнью Вены; был одним из первых пропагандистов творчества Г. Вольфа. Состоял в дружеских отношениях с А. Брукнером и И. Брамсом.

631

Устаревшее название гастрита.

632

Слоумен Роберт Майлз (Sloman; 1783–1867), гамбургский судовладелец английского происхождения; отец Э. Вилле и Генриетты фон Биссинг.

633

Бах Отто (Bach; 1833–1893), австрийский композитор и дирижер. Учился в Вене, Берлине и Лейпциге. В 1868–1879 гг. являлся директором зальцбургского Моцартеума и музыкальным руководителем его оркестра. С 1880 г. был капельмейстером венской Вотивкирхе (Votivkirche). Автор опер «Сарданапал» (Sardanapal; 1862) и «Аргонавты и Медея» (Die Argonauten und Medea; 1876); духовных произведений: Te Deum (1856); Missa Solemnis in D-dur (1869); Requiem (1879), а также камерных и хоровых сочинений.

Лорансен д'Армон Фердинанд Петер (Laurencin d'Armond; 1819–1890), граф, австрийский музыкальный писатель. Музыкальное образование получил в Пражском университете. Вернувшись в Вену, зарекомендовал себя как сторонник новонемецкой школы. Его перу принадлежат следующие работы: Zur Geschichte der Kirchenmusik (1856); Das Paradies und die Peri von R. Schumann (1859); Dr. Hanslicks Lehre vom Musikalisch-Schönen (1859); Die Harmonik der Neuzeit (1861). Активно сотрудничал с Neue Zeitschrift für Musik.

Последнее сочинение Шатобриана «Жизнь Рансе» (Vie de Rancé, 1844), представляющее собой биографию известного французского аристократа XVII в. Армана де Рансе, основателя монашеского ордена траппистов.

636

Ныне это роскошный пятизвездочный отель, расположенный в самом центре Мюнхена, недалеко от Marienplatz, по адресу Promenadeplatz 2–6. Построенный в 1841 г., в 1997-м отель был признан лучшим отелем Европы.

637

Баварский король Максимилиан II (1811–1864), отец Людвига II, скончался 10 марта.

638

«Зибенкэз» (Siebenkäs; 1796–1797), роман немецкого писателя Жана Поля (Jean Paul; настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер [Richter]; 1763–1825) на тему о губительном влиянии нищеты на натуру человека. В 1899 г. был переведен на русский язык.

639

Таулер Иоганнес (Tauler; 1300–1361), немецкий христианский проповедник. Его учение основано на утверждении: «Царствие Божие внутри нас» (Лк. 17: 21). При этом выше монашеского отречения от мира ставил преодоление мирского в душе, что требует от человека огромных усилий и самоограничения. Призывал оставить все привязанности и ценности, все собственные желания, земные или духовные, и всякое знание. Утверждал, что неизмеримое блаженство заключено не в деятельности, а в предоставлении себя воле Божьей.

640

Фон Галль Фердинанд Вильгельм Адам (von Gall; 1807–1872), барон, немецкий театральный деятель. Изучал право в Гейдельбергском университете. В 1842 г. получил должность интенданта Придворного театра в Ольденбурге. В 1853 г. стал председателем Немецкого театрального общества (Deutschen Bühnenverein). В 1846–1869 гг. являлся интендантом Придворных театров Королевства Вюртемберг и королевским цереможниймейстером.

641

Фон Пфистермайстер Франц Сераф (Pfistermeister; 1820–1912), кабинет-секретарь Людвига II. Был главным распорядителем королевских финансов. В свое время он возражал против финансирования разорительных, на его взгляд, проектов короля в отношении Рихарда Вагнера, за что в 1866 году был отстранен от должности.

Наиболее полное и скрупулезное исследование взаимоотношений между королем и композитором представлено в четырехтомном труде доктора философии и архивариуса Отто Штробеля (1895–1953), многие годы работавшего в вагнеровском архиве в вилле «Ванфрид» в Байройте: *Strobel O. (Hrsg.)*. Konig Ludwig II und Richard Wagner. Bd. I–IV. Karlsruhe, 1936. В него максимально включены все доступные исследователям данной темы материалы: переписка, которую удалось извлечь из закрытых частных архивов Виттельсбахов и Вагнеров, телеграммы, газетные материалы, отрывки из воспоминаний современников. Все это в комплексе позволяет понять подоплеку и самого развития отношений между Вагнером и Людвигом II, и причины конфликта на государственном уровне, а также проследить последствия этого конфликта.

Кроме того, довольно полно представлена переписка Людвига II и Козимы в книге: Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz. Bergisch Gladbach, 1996.

Александрова В. Людовик II, король Баварский. К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера. М., 1911. С. 15.

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 18.

Вагнер Р. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. СПб., 1911. Т. IV. С. 470.

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 19.

647

Статья Вагнера «О государстве и религии» (Über Staat und Religion) была написана исключительно для Людвига II и не предполагалась для печати. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. VIII. S. 3–29.

Цит. по: *Вагнер Р.* Указ. соч. С. 472–473.

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 21.

650

Букв. «Дом торжественных театральных представлений» (*нем.*).

651

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 24–25.

Цит. по: *Вагнер Р.* Указ. соч. С. 482.

653

Согласно биографии Вагнера: *Hansen W.* Richard Wagner. Biographie. München, 2006. S. 320. Автор в свою очередь ссылается на «официального» биографа Вагнера Карла Фридриха Глазенаппа: *Glasenapp C. F.* R. Wagners Leben und Wirken. Bd. 1–6. Leipzig, 1910–1923.

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 30.

Шюрэ Э. Рихард Вагнер и его музыкальная драма. М., 2007. С. 183.

Шюрэ Э. Рихард Вагнер и его музыкальная драма. М., 2007. С. 40.

657

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Одинокий. Король Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914. С. 40.

Цит. по: *Александрова В.* Указ. соч. С. 28.

659

Цит. по: *Вагнер Р.* Обращение к друзьям // Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. СПб., 1911. Т. IV. С. 488–490.

660

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. С. 498–499. Это письмо П. Корнелиусу было написано 8 сентября 1869 г.

661

Фогль Генрих (Vogl; 1845–1900), немецкий оперный певец (тенор) и композитор. С 15 лет готовился к карьере учителя. Но в 1865 г. по содействию Ф. Лахнера был зачислен в хор Мюнхенского Придворного театра. Уже 5 ноября 1865 г. дебютировал как солист на сцене Мюнхенской Придворной оперы, где прослужил 35 лет. Был одним из лучших интерпретаторов вагнеровского репертуара: пел партии Лоэнгрина (1867); Тристана (1869); Логе (1869); Зигмунда (1870). Также принимал участие в Первом Байройтском фестивале 1876 г. Гастролировал по многим городам Германии, а также в Лондоне, Санкт-Петербурге, Голландии и США; в частности, пел Лоэнгрина на сцене Метрополитен-оперы в 1890 г. В качестве композитора писал песни, пробовал себя на оперном поприще, но успеха так и не добился.

Вагнер Р. Избранные дневники и письма. С. 492.

663

Там же. С. 495.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. Frankfurt/Main, 2001. S. 56.

Напомним, что свою автобиографию Вагнер начал писать по просьбе Людвига II, и судьба этого произведения очень интересовала короля.

665

Письмо Эрвину Роде (Rohde; 1845–1898), филологу, другу Ф. Ницше. Цит. по: Письма Фридриха Ницше / Сост. и перевод И. А. Эбаноидзе. М., 2007. С. 58.

666

Письмо Паулю Дойзену (Deussen; 1845–1919), историку философии, индологу, другу Ф. Ницше. Цит. по: Письма Фридриха Ницше. С. 58.

667

Цит. по: Письма Фридриха Ницше. С. 64.

668

Вагнер Зигфрид (Siegfried Helferich Richard Wagner; 1869–1930), немецкий композитор и дирижер. Сын Рихарда Вагнера. Автор 17 опер на сказочные сюжеты (либретто собственного сочинения), среди которых «Бездельник» (Der Bärenhäuter; 1898), «Кобольд» (Der Kobold; 1903), «Царство чёрных лебедей» (Schwarzschwanenreich; 1910), «Король язычников» (Der Heidenkönig; 1913), «Ангел мира» (Der Friedensengel; 1914), «Кузнец из Мариенбурга» (Der Schmied von Marienburg; 1920), «Священная липа» (Die heilige Linde; 1927) и др. Наибольшей известностью пользуется «Кобольд», которого даже ставили несколько раз в России. Дирижёрский дебют Зигфрида Вагнера состоялся уже после смерти отца – в 1893 г. В 1906 г. Козима передала сыну руководство Байройтским фестивалем в качестве «исполняющего обязанности». В 1908 г. Зигфрид занял пост руководителя официально и возглавлял «Байройтское дело» до своей смерти в 1930 г. При этом он проявил себя как талантливый администратор, дирижер и режиссер. Его сыновья Виланд (1917–1966) и Вольфганг (1919–2010) приняли бразды правления после отца.

669

Серова Валентина Семеновна (урождённая Бергман; 1846–1924), первая в России профессиональная женщина-композитор, музыкальный критик, общественный деятель. В 1863 г. вышла замуж за А. Н. Серова. В 1865 г. у них родился сын Валентин, будущий художник. В 1867 г. Валентина Семеновна издавала вместе с мужем журнал «Музыка и театр». Была знакома с И. С. Тургеневым, П. Виардо, Л. Н. Толстым, Р. Вагнером, Ф. Листом, И. Е. Репиным, который во многом помог в учебе ее сыну Валентину. После смерти А. Н. Серова в 1871 г. завершила его оперу «Вражья сила», издала 4 тома его статей о музыке.

Цит. по: *Поль Р.* Рихард Вагнер и Александр Николаевич Серов // Сборник «Рихард Вагнер и Россия». СПб., 2001.

Ее перу принадлежат мемуарное эссе «Рихард Вагнер и его поэтическое творчество от “Риенци” до “Парсифаля”» (*Gautier J.* Richard Wagner et son oeuvre poétique depuis Rienzi jusqu à Parcifal. Paris, 1882), а также статья «Крупные и мелкие ссоры с Рихардом Вагнером» (Les grandes et petites querelles de Richard Wagner // Le Temps. 23 février 1914), посвященная ее работе над переводом на французский язык «Парсифаля». Кроме того, Юдит Готье оставила три тома мемуаров: Le collier des jours (1902); Le second rang du collier (1903); Le troisième rang du collier (1909). В третьем томе отношениям с Вагнером уделено центральное место.

672

Сохранились и опубликованы 35 писем Р. Вагнера к Юдит Готье. См.: *Richard et Cosima Wagner*. Lettres à Judith Gautier présentées et annotées par Léon Guichard. Paris, 1964. Писем самой Юдит к Вагнеру не сохранилось.

673

Письмо Густаву Кругу (Krug; 1844–1902), другу детства Ф. Ницше. Цит. по: Письма Фридриха Ницше. С. 68.

Письмо Эрвину Роде. Там же. С. 71.

675

Рихтер Ганс (Янош) (Richter; 1843–1916), австро-венгерский дирижер. Родился в Венгрии. С 1852 г. пел в хоре в Венской Придворной капелле. В 1860 г. поступил в Венскую консерваторию, где изучал композицию и дирижирование у Ф. Лахнера. Кроме того, овладел игрой на фортепьяно, скрипке, валторне и трубе. В 1865 г. окончил консерваторию и получил место хормейстера Венской Придворной оперы. В 1868 г. переехал в Мюнхен, став хормейстером Мюнхенской оперы; в 1869 г. являлся придворным капельмейстером. В 1871–1875 гг. был капельмейстером Национального театра в Пеште; 1875–1900 гг. – капельмейстером Венской Придворной оперы (с 1893 г. первым придворным капельмейстером). Одновременно в 1875–1898 гг. руководил филармоническими концертами в Вене. Кроме того, в 1904–1911 гг. являлся главным дирижером Лондонского симфонического оркестра. В 1911 г. вернулся из Англии в Байройт; в 1913 г. избран почетным гражданином Байройта.

Во второй половине 1860-х гг. познакомился и сблизился с Р. Вагнером. Работал у него ассистентом; переписывал набело партитуры «Нюрнбергских мейстерзингеров» и «Зигфрида». Став другом Вагнера, являлся свидетелем на его свадьбе с Козимой 25 августа 1870 г. В 1876 г. на Первом Байройтском фестивале дирижировал премьерой «Кольца нибелунга».

Бетц (правильнее Бец) Франц (Betz; 1835–1900), немецкий оперный певец (бас). Дебютировал в 1856 г. на сцене Придворного театра Ганновера в опере Р. Вагнера «Лоэнгрин». В 1859–1897 был солистом Берлинской Придворной оперы. Первый исполнитель партии Ганса Сакса в опере Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (выступал в этой партии более 100 раз). В 1876 г. исполнил партию Вотана на премьере «Кольца нибелунга» во время Первого Байройтского фестиваля. В конце своей певческой карьеры в 1897 г. был избран почетным членом Берлинской Придворной оперы.

677

Вюльнер Франц (Wüllner; 1832–1902), немецкий композитор и дирижер. Обучался игре на скрипке и фортепиано в Дюссельдорфе. В 1850–1854 гг. концертировал по Европе в качестве исполнителя. Брал частные уроки у Й. Иоахима, И. Мошелеса, а также И. Брамса, который стал его другом. В 1858–1865 гг. был музикдиректором в Ахене; затем переехал в Мюнхен. Дирижировал первыми представлениями опер Р. Вагнера «Золото Рейна» (22 сентября 1869 г.) и «Валькирия» (26 июня 1870 г.). В 1874–1892 гг. являлся инспектором Королевской баварской музыкальной школы (Königlich bayerischen Musikschule), где основал хоровые и оркестровые классы. В 1877 г. стал профессором Дрезденской консерватории и придворным капельмейстером. В 1884 г. переехал в Кёльн, где возглавил Кёльнскую консерваторию, а также руководил Гюрцених-оркестром (Gürzenich-Orchester). Композиторское наследие Вюльнера включает многочисленные хоровые произведения (в том числе Miserere, op. 26 и Stabat Mater, op. 45), а также ряд камерных произведений.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 59.

Подробности о подготовке к премьере и сложных взаимоотношениях между Вагнером и театральной дирекцией см.: *Готье Ю.* Встречи с Вагнером. СПб., 2007.

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. С. 499–500.

681

В цитированном издании употреблен вариант «Гибель богов», но это вопрос лишь переводческой компетенции; о причинах, по которым мы настаиваем на употребленном нами варианте, мы уже говорили.

682

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. С. 501.

683

Вагнер работал над своей книгой «Бетховен» (Beethoven) с 20 июля по 11 сентября 1870 г.; она была опубликована в Лейпциге в этом же году. Вторая редакция с несколько измененным финалом написана в 1871 г. для предполагавшегося нового издания, которое было осуществлено лишь в 1906 г. Гансом Паулем фон Вольцогеном в Musikalisches Wochenblatt. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. IX. S. 61–126.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 60.

685

См.: *Wagner R.* Eine Kapitulation. Lustspiel in antiker Manier // Gesammelte Schriften mit Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. IX. S. 3–41.

Лиштанбержe А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 396–398.

Лиштанберже А. Указ. соч. С. 375–377.

Цит. по: *Левик Б.* Рихард Вагнер. М., 1978. С. 301.

689

Вагнер Р. О сущности немецкой музыки // Избранные работы. М., 1978. С. 51–52.

690

Цит. по: *Поль Р.* Рихард Вагнер и Александр Николаевич Серов // Сборник «Рихард Вагнер и Россия». СПб., 2001.

691

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. Frankfurt/Main, 2001. S. 62.

Левик Б. Рихард Вагнер. М., 1978. С. 391.

693

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. С. 502.

Там же. С. 503.

695

Фестшпильхаус (Festshpielhaus; *букв*. «Дом торжественных представлений»), оперный театр в Байройте, построенный исключительно для постановок музыкальных драм Рихарда Вагнера.

696

Цит. по: *Корнющенко Д. И.* Метафизика ленты Мебиуса. М., 2006.

697

Письмо Карлу фон Герсдорфу (Gersdorff; 1844–1904), другу Ф. Ницше. Цит. по: Письма Фридриха Ницше. С. 98.

Цит. по: *Вагнер Р.* Указ. соч. С. 511–512.

Bermbach U. Richard Wagner. Stationen eines unruhigen Lebens. Hamburg, 2006. S. 185.

700

Рубинштейн Иосиф Львович (1847–1884), русский пианист и композитор. Друг Р. Вагнера и популяризатор его творчества. Автор ряда статей в Bayreuther Blätter. Основное место в его композиторском творчестве занимают произведения для фортепьяно.

701

Матерна Амалия (Materna; 1844–1918), австрийская оперная певица (сопрано). Начинала карьеру в оперном театре в Граце; дебютировала в 1865 г. В 1869 г. была приглашена в Венскую Придворную оперу в качестве солистки. Наибольший успех сопутствовал певице в вагнеровском репертуаре, в первую очередь в партии Брюнгильды, исполненной ею во время Первого Байройтского фестиваля 1876 г. Была первой исполнительницей партии Кундри в «Парсифале» в 1882 г., во время Второго Байройтского фестиваля. Кроме певческой карьеры, занималась преподавательской деятельностью. В 1897 г. покинула сцену.

Цит. по: *Hansen W.* Richard Wagner. Biographie. München, 2006. S. 295.

703

Полное название: Großer Festmarsch zur 100 jährigen Gedenkfeier der Unabhängigkeitserklärung der Vereinigten Staaten, G-dur.

Левик Б. Указ соч. С. 311–321.

В частности, Робертом Гутманом в издании *Gutmann R. W.* Richard Wagner. Der Mensch, sein Werk, seine Zeit. München, 1970.

Цит. по: *Hansen W.* Richard Wagner. Biographie. S. 309.

Ibid.

Цит. по: *Рубис М.* Предисловие переводчика // Готье Ю. Встречи с Вагнером. М., 2007. С. 27.

709

Цит. по: *Рубис М.* Предисловие переводчика // Готье Ю. Встречи с Вагнером. М., 2007. С. 27.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 78.

711

Цит. по: *Hansen W.* Richard Wagner. Biographie. S. 308.

Hansen W. Richard Wagner. Biographie. S. 313.

713

Gedrucktes Rundschreiben. Patronatverein, Mitglieder. Plan zur Errichtung einer «dramatischen Hochschule» in Bayreuth. Статья была написана 15 сентября 1877 г. и напечатана в Allgemeine Musik-Zeitung. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 16–18.

714

Фон Вольцоген Ганс Пауль (1848–1938), барон, немецкий писатель, либреттист, редактор и издатель. Еще в школе начал увлекаться поэзией, музыкой и театром. В 1872 г. впервые приехал в Байройт, где 22 мая был заложен первый камень в фундамент строящегося Фестшпильхауса. В 1877 г., лично познакомившись с Р. Вагнером, переехал в Байройт. С 1878 года бессменно являлся редактором и издателем «Байройтских листков» (Bayreuther Blätter). Жил недалеко от виллы Ванфрид на Шиллер-штрассе (Schillerstraße). После смерти Вагнера возглавлял Всеобщее Вагнеровское общество (Allgemeinen Richard Wagner Vereins). Автор биографии Р. Вагнера (Richard Wagner und die Tierwelt. Auch eine Biographie. Leipzig, 1890). Среди других его трудов следует отметить Buch Deutscher Jesusglaube (1938), а также два переложения «Беовульфа» (Beovulf [Bärwelf]. Das älteste deutsche Heldengedicht; 1872 и Beowulf – Gudrun. Mit Federzeichnungen von Franz Stassen; 1920.) и «Эдды» (Die Edda, Germanische Götter– und Heldensagen. Erster Band: Göttersagen. Mit 48 Federzeichnungen von Franz Stassen; 1919 и Die Edda. Götterlieder und Heldenlieder. Aus dem Altnordischen; вышла в Лейпциге без указания года издания).

715

Статья «Публика и популярность» (Publikum und Popularität) была опубликована в «Байройтских листках» в июне – августе 1878 г См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 61–90.

716

Статья «О применении музыки к драме» (Über die Anwendung der Musik auf das Drama) была опубликована в «Байройтских листках» в ноябре 1879 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 176–193.

717

Статья «Религия и искусство» (Religion und Kunst) была опубликована в «Байройтских листках» в октябре 1880 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 211–252.

718

Статья «В чем польза интеллектуального познания. Дополнение к статье “Религия и искусство”» (Was nütz diese Erkenntnis? Ein Nachtrag zu «Religion und Kunst») была напечатана «Байройтских листках» в декабре 1880 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 253–263.

719

Овербек Франц (Overbeck; 1837–1905), теолог, историк церкви, профессор Базельского университета. Преданный друг Ницше, принимавший в нем живейшее участие в печальный период его болезни.

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. С. 514.

721

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. С. 515.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. Frankfurt/Main, 2001. S. 70.

723

Ibid.

724

Статья «Хотим ли мы надеяться?» (Wollen wir hoffen?) была опубликована в «Байройтских листках» в мае 1879 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. X. S. 118–136.

725

Хумпердинк Энгельберт (Humperdinck; 1854–1921), немецкий композитор. Получил музыкальное образование в Кёльнской консерватории; в композиторском творчестве отдавал предпочтение опере. 23 декабря 1893 г. в Веймаре под управлением Рихарда Штрауса с успехом прошла его опера «Гензель и Гретель» (Hänsel und Gretel), которая вскоре была поставлена и в России под названием «Ваня и Маша». В 1895 г. в Берлине состоялась премьера оперы «Семеро козлят» (Die sieben Geislein). Не меньшей известностью пользовалась опера «Королевские дети» (Königskinder; 1897) и др. Кроме опер, Хумпердинк писал музыку к пьесам Шекспира; в течение 20 лет (с 1900 по 1920 г.) являлся профессором берлинской Высшей музыкальной школы.

726

Леви Герман (Levi; 1839–1900), немецкий дирижер. В 1855–1858 гг. обучался в Лейпцигской консерватории. В 1859–1861 гг. получил место капельмейстера в Саарбрюккене. В 1861–1864 гг. был дирижером Немецкой оперы в Роттердаме; в 1864–1872 гг. являлся придворным капельмейстером в Карлсруэ. В 1872 г. был приглашен в Мюнхен в качестве генеральмузикдиректора и придворного капельмейстера. В 1896 г. ушел в отставку по состоянию здоровья.

Здесь уместно вспомнить рассказ Вагнера о детстве Б. Ауэрбаха.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 74.

Ibid.

См.: *Залесская М.* Вагнер. М., 2011; *Залесская М.* Рихард Вагнер. Запрещенный композитор. М., 2014.

731

Цит. по: *Надор Тамаш*. Если бы Лист вел дневник… Будапешт, 1977. С. 331.

Цит. по: *Вагнер Р.* Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. С. 516–517.

733

Малер Густав (Mahler; 1860–1911), австрийский композитор и дирижер, один из крупнейших представителей музыкального искусства Европы. Автор девяти симфоний (10-я не закончена) и таких вершин вокальной лирики, как вокальные циклы «Песни странствующего подмастерья» (1883–1885) и «Песни об умерших детях» (1904), потрясающие своей глубиной и трагизмом.

Цит. по: *Bauer J. H.* Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 76.

Дворец XVI века (строительство завершено в 1509 г.), шедевр венецианского Ренессанса. Вагнер снял в нем 15 помещений на первом этаже, его рабочий кабинет выходил окнами на Гранд-канал. С 1946 г. дворец стал собственностью города. Ныне здесь находится Городское казино, работающее только в зимние месяцы. Но апартаменты Вагнера сохранены и являются музеем.

Над статьей «О женственном в человеческом. В заключение “Религии и искусства”» (Über das Weibliche im Menschlichen: Als Abschluß von «Religion und Kunst») Вагнер работал 11–13 февраля 1883 г. Оставшись незавершенной, она, тем не менее, была опубликована в «Байройтских листках» в 1885 г. См.: *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. XII. S. 343–345.

Bauer J. H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 77.